

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Издаются с 1939 года

Выпуск
240

Главный редактор
Н. А. МАКАРОВ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2015

УДК 902/904
ББК 63.4
К 78

Краткие сообщения Института археологии
Вып. 240 2015

Главный редактор:
Академик РАН Н. А. Макаров

Издание основано в 1939 г.
Выходит 4 раза в год

Редакционный совет:

д-р П. Бан, проф. А. Блюене, проф. М. Вагнер, проф. М. Волошин, д. и. н. М. С. Гаджиев,
проф. О. Далли, проф. К. фон Карнап Борнхайм, чл.-корр. РАН Н. Н. Крадин, д. и. н. А. К. Левыкин,
чл.-корр. РАН Н. В. Полосьмак, д-р Т. Хайм, д-р Б. Хорд, д-р Чжан Со Хо

Редакционная коллегия:

д. и. н. Л. И. Авилова (зам. гл. ред.), к. и. н. К. Н. Гаврилов, д. и. н. М. В. Добровольская,
д. и. н. А. А. Завойкин, д. и. н. В. И. Завьялов, проф. М. Казанский, д. и. н. А. Р. Канторович,
к. и. н. В. Ю. Коваль, к. и. н. Н. В. Лопатин, к. и. н. Ю. В. Лунькова (отв. секретарь редакции),
чл.-корр. Болгарской АН В. Николов, Ю. Ю. Пиотровский, к. и. н. Н. М. Чаиркина,
д. и. н. В. Е. Щелинский

К 78 Краткие сообщения Института археологии. Вып. 240 / Ин-т археологии РАН; Гл. ред. Н. А. Макаров. — М.: Языки славянской культуры, 2015. — 360 с., ил., вклейка.

ISSN 0130-2620

ISBN 978-5-94457-257-8

УДК 902/904
ББК 63.4

BRIEF COMMUNICATIONS OF THE INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
Editor-in-chief Academician N. A. MAKAROV

*На задней стороне обложки изображена сопка в с. Сарагожское Тверской области
(фото И. В. Ислановой, к ее статье)*

Подписка на журнал оформляется по Объединенному каталогу
«Пресса России», т. 1, индекс 11907.
Электронный адрес редакции: ksia@iaran.ru.

Адрес: 117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19;
Телефон +7 (499) 126-47-98, Факс +7 (499) 126-06-30
E-mail: ksia@iaran.ru

ISBN 978-5-94457-257-8

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт археологии Российской академии наук, 2015
© Авторы, 2015
© Языки славянской культуры, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

КОНФЕРЕНЦИЯ ПАМЯТИ В. В. СЕДОВА (МОСКВА, 2014 г.)

<i>Лопатин Н. В., Родинкова В. Е.</i> Введение. О В. В. Седове и его научном наследии	7
<i>Бужилова А. П.</i> Антропологические исследования В. В. Седова. К проблеме этногенеза славян	12
<i>Михайлова Е. Р.</i> Культура псковских длинных курганов: современное состояние исследований и роль В. В. Седова в ее изучении	20
<i>Исланова И. В.</i> Словене между Лугой и Мологой (эволюция взглядов В. В. Седова на новгородские сопки)	35
<i>Лопатин Н. В., Харлашов Б. Н.</i> Новые данные об округе Изборска в X–XII вв.	44
<i>Закурина Т. Ю., Гофман Г. С., Степанов С. В.</i> Захабы Изборской крепости (к вопросу о начальных этапах строительства)	57
<i>Шнеевайсс Й.</i> Славянская археология в Германии после Второй мировой войны: научная направленность вчера и сегодня	71
<i>Родинкова В. Е.</i> К проблеме выделения балтских элементов в женском уборе «мартыновского» типа	91
<i>Леонтьев А. Е.</i> О «мерянской гипотезе» В. В. Седова	112
<i>Никитина Т. Б.</i> Население верхнего Поветлужья в начале II тыс. н. э.: новые материалы.	124
<i>Кренке Н. А., Еришов И. Н., Аникин И. С., Войцик А. А., Муленцева Т. Ю., Раева В. А., Лавриков М. В., Столярова Т. В.</i> Новые данные об археологии Соборной горы в Смоленске	141

ИССЛЕДОВАНИЯ КЕРАМИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА

<i>Цетлин Ю. Б.</i> О необходимости упорядочения понятий и терминов в связи с изучением древней керамики	150
<i>Волкова Е. В.</i> Опыт разработки новой относительной хронологии фатьяновских могильников	155
<i>Лопатина О. А.</i> О происхождении одного вида отпечатков на поверхности «текстильной» керамики.	163
<i>Суханов Е. В.</i> Об объемах средневековых «причерноморских» амфор.	172
<i>Клевис Х.</i> Введение в Deventer systeem.	190
<i>Глазунова О. Н.</i> Изразцовые штампы XVII в. из Ново-Иерусалимских гончарных мастерских	196

ПРЕДМЕТЫ И ТЕКСТЫ

<i>Завойкин А. А.</i> Ανάθημα 18.9 в святилище Деметры и Коры (Береговой 4)	201
<i>Медынцева А. А.</i> Автографы писцов посадника Остромира из Новгородской Софии	215
<i>Беляев Л. А.</i> Новые плиты иноземцев XVII века в Московии: предварительная публикация.	223
<i>Буров В. А.</i> Кирпичи с клеймами и надписями XVII–XIX вв. из Соловецкого монастыря (по материалам археологических раскопок).	234

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ И ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО

<i>Кузьминых С. В., Виноградов Н. Б.</i> «Парадная» секира из-под Юрюзани	243
<i>Король Г. Г.</i> Орнитоморфные мотивы в средневековом искусстве Саяно-Алтая: семантика и традиции	254
<i>Стрикалов И. Ю., Кузина И. Н.</i> Новая находка импортного стеклянного сосуда из Переяславля Рязанского	263

БИОАРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Казарницкий А. А., Волошинов А. А.</i> Первые результаты исследования антропологических материалов из «коллективных захоронений» у с. Брянское в Юго-Западном Крыму	271
<i>Антипина Е. Е., Усачук А. Н., Цимиданов В. В.</i> Новая информация о костях животных из погребальных комплексов днепро-донской бабинской культуры (могильник Мариенфельд)	285
<i>Спиридонова Е. А., Алешинская А. С., Кочанова М. Д.</i> Результаты палинологических исследований на городище Старая Рязань	292

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

«УЧЕНЫЕ И ИДЕИ: СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ»
(МОСКВА, 2014 г.)

<i>Тихонов И. Л.</i> Много историй одной науки (о различных жанрах в истории археологии)	302
<i>Смирнов А. С.</i> В. А. Городцов как представитель московской археологической школы дореволюционного времени	318
<i>Сорокина И. А.</i> Московская секция Академии истории материальной культуры	329
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	342
ОТ РЕДАКЦИИ. Краткие правила оформления рукописей	344
ЦВЕТНАЯ ВКЛЕЙКА	345

CONTENTS

TRANSACTIONS OF THE CONFERENCE IN MEMORY OF V. V. SEDOV (MOSCOW, NOVEMBER 2014)

<i>Lopatin N. V., Rodinkova V. E.</i> Introduction. V. V. Sedov and his scientific heritage	7
<i>Buzhilova A. P. V. V. Sedov's</i> anthropological studies. On the problem of the Slavs' ethnogenesis	12
<i>Mikhailova E. R.</i> Long kurgan culture of the Pskov type: Contemporary studies and the role of V. V. Sedov in the study of this culture	20
<i>Islanova I. V.</i> The Slovene population between the Luga and the Mologa Rivers (evolution of V. V. Sedov's views on Novgorod sopka-type burial mounds)	35
<i>Lopatin N. V., Kharlashov B. N.</i> New data on the Izborsk vicinity in the 10 th –12 th centuries	44
<i>Zakurina T. Yu., Gofman G. S., Stepanov S. V.</i> Zakhhab-type double-wall fortified gates of the Izborsk fortress (Revisiting the initial stages of construction)	57
<i>Schneeweiß J.</i> Die Archäologie der Slawen in Deutschland nach dem Zweiten Weltkrieg: Wissenschaftliche Ausrichtung gestern und heute	71
<i>Rodinkova V. E.</i> On the problem of identification of the Balts elements in the female jewelry set of the Martynovka type	91
<i>Leontyev A. E.</i> Slav roots of the Merya (on V. V. Sedov's hypothesis)	112
<i>Nikitina T. B.</i> Population of the Upper Vetluga region in the early 2 nd mill. AD: New materials	124
<i>Krenke N. A., Yershov I. N., Anikin I. S., Voytsik A. A., Murentsova T. Yu., Rayeva V. A., Lavrikov M. V., Stolyarova T. V.</i> New data on archaeology of Sobornaya Hill in Smolensk	141

RESEARCHES OF CERAMIC PRODUCTION

<i>Tsetlin Yu. B.</i> A need of terms and concepts harmonization for studies of ancient ceramics	150
<i>Volkova E. V.</i> Experience in developing new relative chronology for Fatyanovo cemeteries	155
<i>Lopatina O. A.</i> Origin of one type of imprints on "textile" ceramics surface	163
<i>Sukhanov E. V.</i> The capacity of medieval "North Pontic" amphorae	172
<i>Clevis H.</i> Introduction to Deventer system	190
<i>Glazunova O. N.</i> Tile-stamps of the 17 th century from New Jerusalem ceramic workshops	196

ARTEFACTS AND TEXTS

<i>Zavoykin A. A.</i> Ἀνάθημα 18.9 at the sanctuary of Demeter and Kore (Beregovoy 4)	201
<i>Medyntseva A. A.</i> Autographs left by the scribes of Posadnik Ostromir in the Cathedral of St. Sophia in Novgorod	215
<i>Belyaev L. A.</i> New gravestones of deceased foreigners in the 17 th century in Muscovy: preliminary publication	223
<i>Burov V. A.</i> Bricks with maker's marks and inscriptions of the 17 th –19 th centuries from the Solovki Monastery (based on materials of archaeological excavations).	234

ARCHAEOLOGICAL FINDS AND APPLIED ART

<i>Kuzminykh S. V., Vinogradov N. B.</i> Ceremonial battle-axe from the Yuryuzan River region	243
<i>Korol G. G.</i> Ornitomorphic motifs in the medieval art of the Sayan and Altai Mountains: Semantics and traditions	254
<i>Strikalov I. Yu., Kuzina I. N.</i> A new find of imported glass vessel from the Pereyaslavl Ryazansky	263

BIOARCHAEOLOGICAL INVESTIGATIONS

<i>Kazarnitsky A. A., Voloshinov A. A.</i> First results of the study of anthropological materials from multiple burials near village Bryanskoye in the South-Western Crimea	271
<i>Antipina E. E., Usachuk A. N., Tsimidanov V. V.</i> New information on animal bones from burial assemblages of the Dnieper-Don Babino Culture (Marienfeld cemetery)	285
<i>Spiridonova E. A., Aleshinskaya A. S., Kochanova M. D.</i> Results of pollen studies at the Staraya Ryazan fortified settlement	292

TRANSACTIONS OF THE CONFERENCE

«RESEARCHERS AND IDEAS: HISTORY OF ARCHAEOLOGICAL KNOWLEDGE»
(MOSCOW, 2014)

<i>Tikhonov I. L.</i> Many stories of one science (on different genres in the history of archaeology)	302
<u>Smirnov A. S.</u> V. A. Gorodtsov as a representative of the Moscow archaeological school of the pre-revolutionary period	318
<i>Sorokina I. A.</i> The Moscow unit of the Academy for History of Material Culture.	329

ABBREVIATIONS.	342
SUBMISSION GUIDE.	344
COLOUR PLATES.	345

КОНФЕРЕНЦИЯ ПАМЯТИ В. В. СЕДОВА (МОСКВА, 2014 г.)

Н. В. Лопатин, В. Е. Родинкова

ВВЕДЕНИЕ. О В. В. СЕДОВЕ И ЕГО НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ

21 ноября 2014 г. исполнилось 90 лет со дня рождения выдающегося российского археолога академика Валентина Васильевича Седова (1924–2004). К этой дате была приурочена конференция «Восточная Европа в раннем Средневековье», состоявшаяся 18–19 ноября 2014 г. в Институте археологии РАН, с которой связана вся трудовая биография В. В. Седова, ученого-энциклопедиста, свободно оперировавшего крупными массивами не только археологических, но и исторических, лингвистических, антропологических данных, обладавшего взвешенным исследовательским подходом и умением создавать синтетические обобщающие концепции.

Спектр проблем, к изучению которых обращался В. В. Седов, чрезвычайно широк: этногенез и ранняя история славян, этническая история балтов и финно-угров, славяно-балто-финские взаимодействия, археология городов и сельских поселений, становление государственности, язычество и распространение христианства в Восточной Европе. Талантливый археолог-практик, В. В. Седов уделял большое внимание развитию методики полевых работ; много времени и сил он отдавал и научно-организационной деятельности. Разноплановость его интересов обусловила широту тематического охвата конференции, доклады на которой представили ученики и коллеги Валентина Васильевича. Всего в мероприятии приняли участие более 70 человек из различных организаций Москвы, Санкт-Петербурга, Пскова, Ижевска, Йошкар-Олы, Минска и Гёттингена.

Открывая конференцию, директор Института археологии РАН академик *Н. А. Макаров* сказал, что В. В. Седов – это целая эпоха в отечественной археологической и, шире, гуманитарной науке. Его роль в создании современной концепции исторического развития Восточной Европы очевидна. Не подлежит сомнению также его вклад в дело сохранения культурного наследия нашей страны и разработку нормативно-правовой базы археологических исследований. Невозможно переоценить значение деятельности В. В. Седова, направленной на консолидацию науки, в 1990-е гг.: во многом благодаря его усилиям российская археология в эпоху всеобщей децентрализации сохранила свои позиции, в том числе единую систему контроля над полевыми работами, что чрезвычайно важно с точки зрения сохранения и защиты памятников.

Серия докладов была посвящена различным аспектам научной биографии В. В. Седова. Ее основные вехи были освещены *В. Е. Родинковой* (ИА РАН, Москва). На photographиях из архивов семьи Седовых, друзей, коллег, учеников, участников экспедиций разных лет перед собравшимися предстал не только выдающийся ученый, одна из ключевых фигур советской, российской и европейской средневековой археологии, но и жизнелюбивый, обаятельный и очень харизматичный человек. В. Е. Родинкова осветила этапы становления В. В. Седова как исследователя, кратко охарактеризовала основные направления его научной и научно-организационной деятельности, в том числе на международном уровне.

В. В. Седов
на полевом семинаре
в Старой Рязани.
2002 г.

Н. В. Лопатин подробно рассказал об изборском периоде биографии В. В. Седова. Обращение исследователя к раскопкам Изборского городища в период расцвета научной деятельности можно считать закономерным, поскольку интерес к древностям Северо-Запада Русской равнины проявился уже в его самых первых научных работах.

Всего за 21 сезон раскопок на Городище была изучена площадь более 6 000 м², в том числе почти полностью раскопана площадка, отдельными траншеями и раскопами исследованы оборонительные сооружения и склоны. Было выяснено, что ранний горизонт культурного слоя, хотя и сильно поврежден последующей строительной деятельностью, соответствует значительному периоду истории памятника в догородской период. Началось осмысление глубоких корней культуры раннего Изборска, их связей с культурами ранних славян. В 1974 г. были открыты остатки каменной крепостной стены, что явилось принципиально новой информацией об укреплениях Изборска. Одновременно

с каменными укреплениями изучались следы деревянной стены, которые постепенно сложились в плане в замкнутый контур отдельного укрепления, выделявшего мысовую часть города. Автор раскопок датировал это сооружение X в., определял его как детинец и сформулировал концепцию о превращении Изборска в это время в полноценный город с трехчастной структурой (детинец, околный город, неукрепленный посад).

Важным аспектом изучения памятника было его место в этнокультурной истории Северо-Запада Руси. На основании изучения лепной керамики, следов домостроительства, металлических женских украшений В. В. Седов пришел к выводу о славянской (кривичской) этнической основе населения и большой роли финно-угорского и балтского элементов уже на ранней стадии истории поселения. В то же время он указал на незначительность следов присутствия скандинавов, что не подтвердило летописную версию о княжении в Изборске Трувора.

Всестороннее изучение остатков материальной культуры привело В. В. Седова к выводам о непрерывном развитии поселения на Труворовом городище. Полиэтнический характер населения, следы ремесел, торговли и престижной воинской культуры, наличие оборонительных сооружений – укрепленного каменной кладкой вала и рва, уличной застройки и «вечевой» площади – говорят о том, что в VIII–X вв. поселение являлось протогородом – административно-ремесленным центром округа.

Исследование Изборска стало важным звеном в обосновании В. В. Седовым концепции формирования древнейших русских городов на основе племенных центров догосударственной поры.

Список публикаций В. В. Седова об Изборске можно разделить на две части, разделенные временным ослаблением внимания автора к этой теме в 1994–1998 гг. Перерыв был обусловлен, с одной стороны, завершением раскопок Городища и полевой деятельности В. В. Седова в целом, с другой – напряженной научной и научно-организационной работой тех лет. Главными ее направлениями были: подготовка и издание пяти монографий о ранних славянах и древнерусской народности; руководство (с 1988 г.) Отделом полевых исследований ИА; организация VI международного конгресса славянской археологии (Новгород, 1996) и издание его трудов в пяти томах.

Тем не менее Валентин Васильевич никогда не оставлял плана монографического обобщения материалов Изборского городища. С 2000 г. он вплотную приступил к этой работе при поддержке гранта РГНФ. Параллельно с новым обращением к коллекциям велся поиск наиболее правильных интерпретаций ряда спорных проблем истории Изборска. Смерть прервала работу автора над книгой «Изборск в раннем Средневековье» на заключительной стадии, и она была издана в 2007 г. Исследование изборской проблематики продолжается учениками В. В. Седова, и две работы этого направления представлены в нижеследующей подборке.

П. Г. Гайдуков (ИА РАН, Москва) в докладе «В. В. Седов и Новгородская археологическая экспедиция» специально остановился на самых первых шагах Седова в науке. Именно в Новгороде в рамках студенческой практики летом 1947 г. археолог Седов провел первый из почти сорока своих полевых сезонов. На «новгородский» этап приходится и начало его самостоятельных раскопок – в Перины. Большой интерес слушателей вызвали архивные документы, в частности,

характеристика, полученная В. В. Седовым по окончании МГУ, в которой ярко отражены основные черты его личности. Параллельно с анализом ранних этапов творческой биографии В. В. Седова П. Г. Гайдуков на примере работ в Новгороде нарисовал масштабную картину послевоенной советской археологии.

В историографическом ключе был выдержан и доклад *А. А. Егорейченко* (БГУ, Минск) «Вклад В. В. Седова в изучение археологии железного века Беларуси». Внимание, которое уделял В. В. Седов этим древностям, общеизвестно. Докладчик охарактеризовал основные положения и выводы его исследований, касающиеся белорусских материалов, подчеркнув, что многие из них актуальны по сей день. Особо было отмечено активное личное участие В. В. Седова в развитии белорусской археологической науки.

В докладе *И. К. Лабутинной* и *Е. А. Яковлевой* (Государственный комитет Псковской области по охране объектов культурного наследия, Псков) «Псковские страницы жизни и научного творчества В. В. Седова» его деятельность на Псковской земле была рассмотрена в рамках нескольких этапов и направлений: раскопки и разведки в Себежском Поозерье; исследования в Изборске и его округе; организация и руководство объединенной Псковской археологической экспедицией; создание и руководство семинаром «Археология и история Пскова и Псковской земли». Высоко были оценены просветительская деятельность Валентина Васильевича и его педагогический талант. По мнению авторов доклада, успешная работа органов охраны памятников Пскова и Псковской области сегодня в значительной степени обусловлена тем, что многие их руководители и сотрудники прошли школу экспедиций В. В. Седова.

В первый же день работы конференции прозвучали доклады *А. П. Бужиловой*, *Й. Шнеевайсса*, *Т. Ю. Закуриной*, *Н. В. Лопатина* и *Б. Н. Харлашова*, публикуемые ниже.

Второй день был посвящен анализу конкретных проблем и материалов, входивших в сферу научных интересов В. В. Седова. Он начался с докладов *Е. Р. Михайловой* и *И. В. Ислановой*, осветивших две важнейшие для В. В. Седова темы – длинных курганов и сопок. Их тексты также публикуются.

О. М. Олейников (ИА РАН, Москва) в докладе «Смоленск – главный город кривичей» рассмотрел историко-географические предпосылки возникновения Смоленска и Гнёздова. По его мнению, Смоленск в VIII–IX вв. был крупным кривичским центром, состоявшим из нескольких поселений с усадебной застройкой, которые контролировали переправу через Днепр. Функционирование Гнёздовского комплекса началось позднее, при формировании пути «из варяг в греки». Этот памятник интерпретируется как полиэтничное военизированное аграрно-торгово-ремесленное поселение, где присутствовали представители княжеской администрации, распространявшие власть киевских князей на кривичские территории.

Новые данные к изучению этнической истории славян и их соседей представил *А. М. Обломский* (ИА РАН, Москва) в докладе «Этнокультурная ситуация в Верхнем Подонье в VI–VII вв.». Он ознакомил аудиторию с результатами недавних исследований, в том числе собственных разведок и раскопок в верхнем и среднем течении р. Воронеж. По его мнению, поречье р. Воронеж в третьей четверти I тыс. н. э. представляло собой зону колонизации. Сюда были направлены минимум три

потока заселения: два славянских и один финский (отражены, соответственно, материалами колочинский, пеньковской и рязано-окской культур).

В докладе «Новые исследования Тимерёва» были представлены результаты работ, проводившихся *С. Д. Захаровым* (ИА РАН, Москва) и *С. С. Зозулей* (ГИМ, Москва) в 2012–2014 гг. Скрупулезный анализ архивных и литературных материалов, включая данные аэрофотосъемки 1942 г., и возобновление полевых изысканий позволили уточнить границы и топографические особенности, характер слоя Тимерёвского археологического комплекса, дополнить представления о материальной культуре местного населения. Большой интерес вызвали предложенные авторами доклада приемы полевых исследований, в частности, попытка формализовать признаки, определяющие наличие культурного слоя, путем использования статистических данных или введения шкалы визуальной оценки его цвета.

Н. И. Шутова (УИИЯЛ УрО РАН, Ижевск) в докладе «Состояние изучения священных мест в Приуралье и Среднем Поволжье» затронула такую неоднозначную тему, как культовые объекты, проблемы их выявления и изучения. Она рассказала о святилищах, жертвенных местах, писаницах и других культовых памятниках VI–XIV вв. Камско-Вятского региона, Среднего и Северного Урала, поречья р. Чусовой и о. Вайгач. По данным *Н. И. Шутовой*, на некоторых капищах совершение обрядов продолжается по сей день, но, по ее мнению, речь здесь идет не о религиозной практике, а о возвращении к традициям предков.

В носившем преимущественно методический характер докладе *Н. А. Кренке* и *И. Н. Ершова* (ИА РАН, Москва) «Древнерусские селища в бассейне Москвы-реки» поселения были рассмотрены как археологический источник. Авторы доклада изложили свой взгляд на особенности формирования культурного слоя и факторы, влияющие на процесс археологизации объектов, и сделали вывод и существовании на территории Москворечья гораздо более сложной, чем предполагалось ранее, системы освоения пространства.

В нижеследующей подборке публикуется другая статья коллектива авторов под руководством *Н. А. Кренке*. Она также связана с кругом проблем ранней истории древнерусских городов, разрабатывавшихся *В. В. Седовым*. Тексты докладов *В. Е. Родинковой*, *А. Е. Леонтьева*, *Т. Б. Никитиной* в полном виде также помещены в данном выпуске журнала.

Завершила конференцию продолжительная дискуссия, основными темами которой стали проблема этносов и этничности в археологии, различные методические аспекты полевых исследований. Выступавшие отмечали, что многие положения и тезисы, высказанные *В. В. Седовым*, в том числе и дискуссионные, сохраняют актуальность даже на фоне заметного увеличения количества материала и развития, которое получили соответствующие направления археологической науки в последние десятилетия. Насущной необходимостью сегодня, по мнению ряда участников обсуждения, является оформление современной концепции происхождения и ранней истории славян, в которой следовало бы отразить как наследие классиков науки, в том числе *В. В. Седова*, так и новейшие достижения археологической славистики.

А. П. Бужилова

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В. В. СЕДОВА. К ПРОБЛЕМЕ ЭТНОГЕНЕЗА СЛАВЯН

Резюме. Основополагающий вклад в изучение славянского этногенеза был сделан академиком В. В. Седовым. На протяжении нескольких десятилетий его научная карьера была подчинена междисциплинарному исследованию, связанному с анализом формирования древнеславянской этнической общности на территории Европы. Он был одним из немногих, кто по праву мог называться энциклопедистом в этом вопросе. Примером такого многопланового исследования может быть картографический анализ распределения антропологических признаков черепа средневековых славян, в котором В. В. Седов опирался не только на разработанные им антропологические и лингвистические материалы, но и, как профессиональный археолог, привлекал данные по материальной культуре в хронологическом и географическом контекстах.

Ключевые слова: В. В. Седов, этногенез славян, антропология, Средневековье.

Без преувеличения можно сказать, что основополагающий вклад в изучение славянского этногенеза был сделан академиком В. В. Седовым. На протяжении нескольких десятилетий его научная карьера была подчинена междисциплинарному исследованию, связанному с анализом формирования древнеславянской этнической общности на территории Европы. Будучи студентом-археологом МГУ, он впервые обратился к антропологическому источнику как одному из важных из числа смежных с археологией для решения этого вопроса (Седов, 1952). Позднее, уже в развитии своих научных идей, число методов (радиоуглеродный анализ, дендрохронология, палинологические, флористические и фаунистические анализы, металлография и др.), так же как и число источников смежных наук, были им охвачены в полной мере. В. В. Седов был одним из немногих, кто по праву мог называться энциклопедистом. Сам Валентин Васильевич объяснял такое стремление постоянного пополнения фонда источников и методов необходимостью сделать «...выводы археологии исторически достаточно конкретными и все более и более точными» (Седов, 2003. С. 594).

Примером такого многопланового исследования может быть картографический анализ распределения антропологических признаков черепа средневековых славян (Седов, 1979). В этом анализе В. В. Седов опирался не только на разработанные им антропологические материалы, но и, как профессиональный

археолог, привлекал данные по материальной культуре в хронологическом и географическом контекстах. Он первым при рассмотрении этого вопроса представил детальный картографический анализ распределения антропологических вариантов славян на западе и востоке Европы с учетом комбинации двух краниологических признаков – черепного указателя и скулового диаметра. Всего было рассмотрено 9 антропологических вариантов, которые делились на три условных кластера: долихо-, мезо- и суббрахикранные типы; для каждого кластера соответственно рассматривались по три подварианта – с узким, средним и широким лицом (рис. 1).

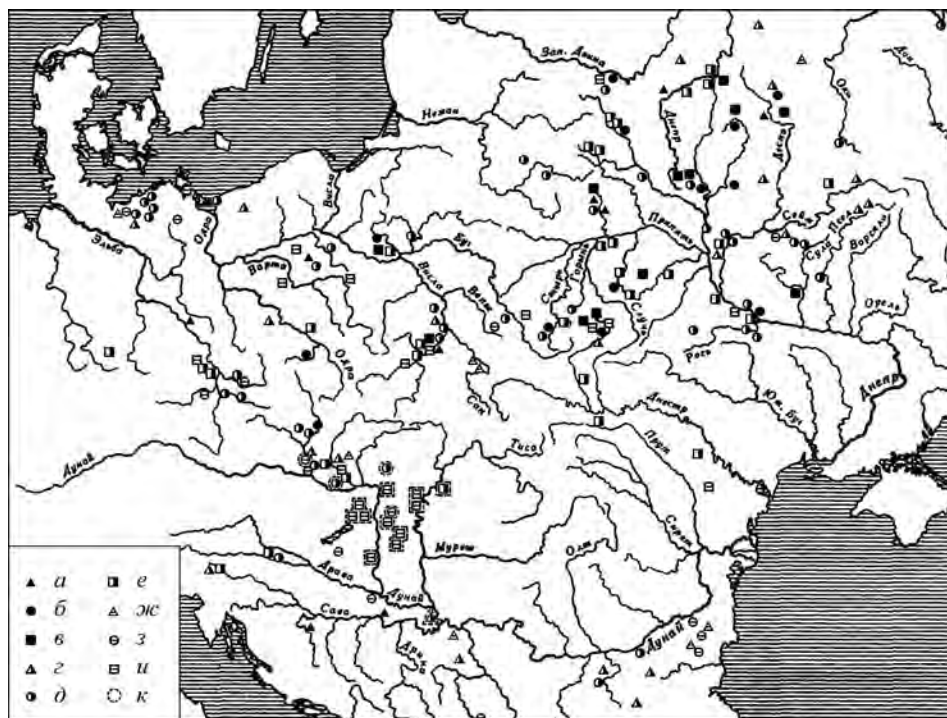

Рис. 1. Карта краниологических типов славян в эпоху Средневековья (по: Седов, 1979)

Условные обозначения: *a* – долихокранный узколиций тип; *б* – долихокранный среднелиций тип; *в* – долихокранный относительно широколицый тип; *г* – мезокранный узколиций тип; *д* – мезокранный среднелиций тип; *е* – мезокранный относительно широколицый тип; *жс* – суббрахикранный узколиций тип; *з* – суббрахикранный среднелиций тип; *и* – суббрахикранный относительно широколицый тип; *к* – славяно-аварские и аварские могильники

Отметим еще одну особенность этого анализа: исследователь применил не сборные краниологические серии, как это традиционно практикуют антропологи, стремясь к увеличению численности материала. Серии черепов были составлены по отдельным археологическим памятникам (могильникам), исследованным в городах или близ крупных поселений. В целом краниологические материалы датируются временем от X до XIV в. Исключение представляют

серии черепов из славяно-аварских могильников Подунавья, относящихся к более раннему периоду – VI–VIII вв. Всего в этот анализ вошло 117 групп (Седов, 2003. С. 594).

В результате проведенного картографического анализа со всей очевидностью выявилась пестрота антропологического типа средневековых славян Европы. Во-вторых, при детализации аналогий краниологических типов вычленился очевидный процесс взаимодействия (метисации) славян с соседними группами европейского населения. И, наконец, не менее важным выводом этого исследования следует считать выявление разновекторных миграций самих славянских племен. Как отмечает исследователь, столь сложная картина восприятия географического распределения антропологических признаков отчетливо показала, что, опираясь исключительно на антропологические материалы, разобраться и объективно интерпретировать исторические события освоения славянами соседних территорий не представляется возможным (Там же). Безусловно, изучать эту проблему необходимо комплексно, опираясь на данные различных наук и, прежде всего, археологии.

Важно отметить, что В. В. Седов (2003) всегда обращал внимание коллег, что нет прямолинейного соотношения археологических культур с этносами, поэтому применение археологического источника в решении этой проблемы должно быть обоснованным.

Анализируя карты археологических находок из Средней и Южной Европы, В. В. Седов (1999а) достаточно аргументированно приходит к заключению, что в VII–X вв. имели место многократные оттоки славянского населения из дунайского региона. Продвигаясь в восточных направлениях, эти группы оседали в различных областях Восточно-Европейской равнины, ранее освоенных славянами. Разнотипность находок (украшения, культовые языческие и христианские предметы, гончарная керамика, предметы конского снаряжения) и их рассеянность на обширной территории указывают на неоднократность миграций из разных регионов Подунавья. По мнению исследователя, такие процессы имели место на протяжении двух-трех столетий.

Обращаясь к проблеме освоения лесной полосы на севере равнины, В. В. Седов (1999а. С 84) опровергает представление о сравнительно позднем появлении славян на этой территории. По мнению исследователя, в конце IV – V в. в северо-русских землях отмечаются коренные культурные трансформации, которые для археолога реконструируются по серии предметов провинциально-римского происхождения. В ходе анализа он выделяет более 100 археологических памятников с находками конского снаряжения, оружия, украшений, которые имели широкое хождение в ареале Средней Европы, прежде всего пшеворской и вельбарской археологических культур. В. В. Седов приводит доказательства проникновения этих вещей в регионы восточной Европы не в результате торговых операций, а вследствие миграционных процессов в период IV – начала V в. Более того, он одним из первых, детально обсуждая причины этой миграции, связывает передвижения населения с глобальными климатическими изменениями в Европе того периода.

Подчеркнем еще раз: обсуждая последствия такого миграционного исхода, В. В. Седов обращает внимание, что предметы провинциально-римского

происхождения не могут быть этническими маркерами. Безусловно, среди мигрантов при доминировании славянского этнического компонента были и балты, как западные, так и предки летто-литовцев, а также германцы, проживавшие в регионах Средней Европы.

Обсуждая важность миграционных процессов для генезиса древнерусской общности, В. В. Седов во многих своих публикациях приводит аргументацию существования аборигенного населения на заселяемых мигрантами территориях, однако подчеркивает, что детали взаимодействия пришлого населения с местными племенами трудно поддаются изучению.

Полученная В. В. Седовым на основании комплексного археологического и антропологического анализа картина выявила сложную и неоднозначную карту распределения антропологических вариантов и рассеянность разнотипных, серийных археологических находок как следствие очевидной многоплановой и долговременной истории освоения равнины племенами средневековых славян. Она отражает последствия как взаимодействия славян с различными группами населения, проживавшими по соседству, так и разнообразные миграционные процессы самих славянских племен на территории Европы. Если говорить о миграциях, то намечаются всевозможные по комбинации вариантов тенденции в заселении равнины. Но очень важно для характеристики этих передвижений то, что по большей части перемещения были множественными, кратковременными и на сравнительно небольшие дистанции. Вычлениются два важных географических вектора исхода славянских племен с запада Европы: более ранний – северный (среднеевропейский) вектор и более поздний – южный. Подчеркнем, что миграционные перемещения продолжались на территории Восточно-Европейской равнины на протяжении нескольких столетий, и в каждый из периодов, которые улавливаются в той или иной мере по археологическим данным, они происходили с разной интенсивностью и разновекторностью.

Будет уместным обратить внимание еще на одну принципиальную позицию Валентина Васильевича. Как он подчеркивал, в междисциплинарном «...исследовании выводы каждой из наук должны полностью обосновываться собственными материалами, но никак не навеянными данными смежных наук» (Седов, 2003. С. 594). Однако каждый источник в отдельности не давал исчерпывающей аргументации, все начинало «работать» только при перекрестном сравнительном анализе. Так, данные языкознания и географического анализа топонимики, к которым неоднократно обращался В. В. Седов, не дали большей детализации, чем намечается им по данным археологии (Седов, 1979). Наиболее простая и в то же время исчерпывающая периодизация эволюции языка праславян, предложенная Ф. П. Филиным, согласуется более или менее с учетом данных археологии, по В. В. Седову, с ранним периодом миграций с Запада. Средний этап развития праславянского языка, по Ф. П. Филину, датируется временем от конца I тыс. до н. э. до III–V вв. н. э., когда происходят серьезные изменения в фонетике языка славян, эволюционирует его грамматический строй, получает развитие диалектная дифференциация, что, возможно, было обусловлено взаимодействием славян с другими этноязыковыми группами в Европе; а поздний этап эволюции праславянского языка (V–VII вв. н. э.) как раз совпадает с началом широкого расселения славян.

И тут проявляется еще одна важная научная позиция В. В. Седова: этногенез славян может быть рассмотрен только во взаимосвязи с изучением этнической истории соседних популяций (Седов, 2003). Логично предположить, что в таком ключе могут работать только антропологические источники. Однако В. В. Седов (1979) показывает очевидные ограничения антропологии в решении этого вопроса. Полное отсутствие краниологических материалов по ранней истории славян из-за господствующего обряда кремации делает антропологию в исследовании славянского этногенетического процесса вспомогательной наукой. Более того, сопоставление более ранних антропологических материалов, разорванных трехтысячелетним периодом господства обряда трупосожжения, носит гипотетический характер и не может быть использовано, в частности, для решения конкретных вопросов этнической истории славянства. Очевидно, что данные этнографии (социальной антропологии) и фольклористики применительно к отдаленным периодам истории также имеют ограниченное значение.

Антропологи пытались предложить другие подходы в решении столь очевидных ограничений антропологического источника. Так, расширяя свод материалов для оценки краниологического разнообразия средневековых славян, Т. И. Алексеева (1973) обратилась к результатам антропологического изучения современного русского и соседнего населения Восточной Европы и главным образом к материалам т. н. Русской экспедиции (Происхождение..., 1965). В результате было представлено графическое отражение влияния смежных антропологических комплексов на восточноевропейский антропологический тип, по В. В. Бунаку (Там же), исконный для территории расселения русского народа, тогда как в зонах контакта с другими народами отмечается более или менее заметное влияние соседних антропологических комплексов. Такой подход сегодня используют и популяционные генетики, изучая генофонд современного населения для реконструкции этнической истории этого народа (Балановская, Балановский, 2007).

Разработка антропологических материалов в едином обобщенном анализе с применением методов многомерной статистики была продолжена В. Е. Дерябиным (2000). В ходе канонического анализа оценивалась биологическая близость различных популяций русских и близлежащих соседей Восточно-Европейской равнины.

Первый и наиболее важный вывод заключается в признании значительного биологического единства русских по всей европейской России. Справедливости ради отметим, что полученная картина не обнаруживает абсолютного единства. Изученные популяции, несомненно, демонстрируют межгрупповую изменчивость. Однако те группы русских, которые географически близки друг к другу, чаще всего близки и биологически. Иными словами, для европейских русских вычленяется некоторая структура, которая носит очевидный географический характер.

В этой связи необходимо вспомнить о работе В. П. Алексеева (1969), исследовавшего поздние краниологические материалы Восточной Европы. Он приводит исчерпывающую краниологическую характеристику: русские серии в целом характеризуются среднелинной и среднеширокой невысокой черепной коробкой, среднешироким и средненаклонным лбом, довольно узким и средневысоким лицом. Орбиты по ширине и высоте средние, средними же величинами характеризуются размеры носа. Носовые кости по отношению к профилю

лица выступают в целом значительно, как и переносье. По вертикальному профилю лица русские занимают промежуточное положение между ортогнатным и мезогнатным вариантами, в горизонтальной плоскости профилировка резкая, величины ее минимальны даже в пределах вариаций европеоидных серий (Алексеев, 1969).

В. П. Алексеев подчеркнул как особо важное обстоятельство, исключительное морфологическое сходство всех краниологических серий современного русского народа. Все локальные варианты, отклоняющиеся от основного антропологического типа очень незначительно, проявляются в пределах единого гомогенного типа. Единственное более или менее заметное отличие от этого типа – уменьшение выступающего носа в архангельской, олонецкой, вологодской, витебской и смоленской сериях. При этом горизонтальная профилировка остается такой же, как и в остальных краниологических сериях русского народа.

Таким образом, тот восточноевропейский элемент, который был выделен В. В. Бунаком в ходе сбора материалов Русской экспедиции как основная антропологическая характеристика современного русского народа, отчетливо проявился и на краниологических материалах населения XVII–XVIII вв. И, в отличие от материалов более ранних периодов, демонстрирует относительную монолитность антропологических признаков.

Что же явилось стартовым механизмом формирования единства русского народа в IX–XIII вв.? Многие антропологи и археологи пытались ответить на этот вопрос. Как справедливо отметил В. В. Седов (1999б), огромная роль в становлении древнерусской народности принадлежит многочисленным городам и их обитателям, т. е. городскому сословию. Начало процесса градообразования на Восточно-Европейской равнине определяется IX–X вв. Торгово-ремесленные поселения – будущие города – были заселены местными жителями из сельских общин, однако в силу специфики занятий нередко на поселениях проживали представители других племен равнины. Как указывает в своих исследованиях В. В. Седов (Там же), почти с момента основания такие поселения оказывались пестрыми в этническом отношении. Подобное население, не связанное с местными племенными традициями или слабо связанное с ними, могло стать мощной движущей силой в создании и распространении единой материальной и духовной культуры на всей территории Руси. Именно в таком формате разноэтничного заселения срабатывает механизм нивелировки племенного разнообразия, формируется механизм интеграции восточнославянской этноязыковой общности. По мнению В. В. Седова (1999а), несомненным катализатором единства восточного славянства была торговля, объединившая крупные протогородские и городские центры в разных географических областях Руси. Большое значение имело распространение среди славянского и неславянского населения Восточной Европы единой христианской религии. И это, прежде всего, происходило в городских центрах. Кроме того, города стали центрами просвещения и грамотности, и религиозные институты играли тут важнейшую роль. Определяющим в становлении древнерусской народности было также создание и упрочение единого государства. Государственная власть, несомненно, стала мощной консолидирующей силой в единении разноплеменного славянства. Таким образом, единство территории, материальной и духовной культуры

и единство языка все это как наиболее существенные характеристики этноса – могло сформироваться благодаря градообразованию и распространению городского сословия на равнине.

На примере подробного сопоставления городских и сельских групп Т. И. Алексеевой (1973) удалось показать закономерное отличие в антропологической характеристике городского населения от синхронного сельского, относящегося к той же локальной группе, что и городское. Более того, независимо от месторасположения, все городские жители, по сравнению с разными сельскими группами, демонстрировали увеличение черепного указателя и скуловой ширины. Поскольку в сравнительном анализе использовались только синхронные группы, был устранен эффект неизбежных эпохальных изменений, к тому же эпохальная изменчивость приводит к увеличению черепного указателя при уменьшении скуловой ширины. Таким образом, Т. И. Алексеевой была зафиксирована изменчивость краниологических признаков с учетом принадлежности к сельскому или городскому сословию.

Подводя итоги анализа вклада В. В. Седова в проблему этногенеза славян, подчеркнем, что позиционируемая исследователем необходимость междисциплинарного подхода в решении этого вопроса в контексте археологических данных стала очевидной и необходимой в современном поле изучения этногенетических процессов древних народов Европы методами различных смежных наук.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев В. П.*, 1969. Происхождение народов Восточной Европы (краниологическое исследование). М.: Наука. 324 с.
- Алексеева Т. И.*, 1973. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М.: Изд-во МГУ. 332 с.
- Балановская Е. В., Балановский О. П.*, 2007. Русский генофонд на Русской равнине. М.: Луч. 424 с.
- Дерябин В. Е.*, 2000. Современные восточнославянские народы // Восточные славяне. Антропология и этническая история / Под ред. Т. И. Алексеевой. 2-е изд., доп. М.: Научный мир. 342 с.
- Происхождение...*, 1965. Происхождение и этническая история русского народа / Под ред. В. В. Бунака. М.: Наука. 414 с. (Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Новая серия; т. 88.)
- Седов В. В.*, 1952. Антропологические типы населения северо-западных земель Великого Новгорода // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. № 15. С. 72–85.
- Седов В. В.*, 1979. Происхождение и ранняя история славян. М.: Наука. 158 с.
- Седов В. В.*, 1999а. Древнерусская народность: историко-археологическое исследование. М.: Языки славянской культуры. 312 с.
- Седов В. В.*, 1999б. У истоков восточнославянской государственности. М.: УРСС. 144 с.
- Седов В. В.*, 2003. Этногенез ранних славян // Вестник Российской академии наук. Т. 73. № 7. С. 594–605.

Сведения об авторе

Бужилова Александра Петровна,
НИИ и Музей антропологии МГУ имени М. В. Ломоносова, ул. Моховая, 11, Москва, 125009,

Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия,
e-mail: albu_pa@mail.ru

A. P. Buzhilova

V. V. Sedov's Anthropological Studies. On the Problem of the Slavs' Ethnogenesis

Abstract. Essential contribution to the studies of the Slavic ethnogenesis was made by academician V. V. Sedov. Several decades of his scientific carrier were dedicated to the cross-disciplinary study related to the analysis of ancient Slavic ethnicity development within Europe. He was one of the few who could be justifiably called a polymath in this area. One of the examples of such multidimensional study is the cartographic and distributional analysis of the anthropological features of the Medieval Slavs' skulls. In this analysis V. V. Sedov relied not only on anthropological and linguistic materials he had developed but also used data on artifacts in the chronological and geographical contexts as a professional archaeologist.

Keywords: V. V. Sedov, Slavic ethnogenesis, Middle Ages.

REFERENCES

- Alekseev V. P., 1969. Proiskhozhdenie narodov Vostochnoy Evropy (kraniologicheskoe issledovanie) [Origin of East European peoples (craniological research)]. Moscow: Nauka. 324 p.
- Alekseeva T. I., 1973. Etnogenez vostochnykh slavyan po dannym antropologii [Ethnic genesis of East Slavs based on anthropological data]. Moscow: Izdatel'stvo MGU. 332 p.
- Balanovskaya E. V., Balanovskiy O. P., 2007. Russkiy genofond na Russkoy ravnine [Russian gene pool in Russian plain]. Moscow: Luch. 424 p.
- Deryabin V. E., 2000. Sovremennye vostochnoslavjanskie narody [Modern East-Slavic peoples]. *Vostochnye slavyane. Antropologiya i etnicheskaya istoriya* [East Slavs. Anthropology and ethnic history]. T. I. Alekseeva, ed. 2nd edition, revised. Moscow: Nauchnyy mir. 342 p.
- Proiskhozhdenie..., 1965 – Proiskhozhdenie i etnicheskaya istoriya russkogo naroda [Origin and ethnic history of Russian people]. V. V. Bunak, ed. Moscow: Nauka. 414 p. (Trudy Instituta etnografii AN SSSR. Novaya seriya, 88).
- Sedov V. V., 1952. Antropologicheskie tipy naseleniya severo-zapadnykh zemel' Velikogo Novgoroda [Anthropological types of population of North-West lands of Novgorod the Great]. *Kratkie soobshcheniya Instituta etnografii AN SSSR* [Brief communications of Institute of ethnography AN SSSR], 15, pp. 72–85.
- Sedov V. V., 1979. Proiskhozhdenie i rannaya istoriya slavyan [Origin and early history of Slavs]. Moscow: Nauka. 158 p.
- Sedov V. V., 1999a. Drevnerusskaya narodnost': istoriko-arkheologicheskoe issledovanie [Ancient Russian nation: Historical-archaeological research]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. 312 p.
- Sedov V. V., 1999b. U istokov vostochnoslavjanskoy gosudarstvennosti [At the origins of East-Slavic statehood]. Moscow: URSS. 144 p.
- Sedov V. V., 2003. Etnogenez rannikh slavyan [Ethnic origin of early Slavs]. *Vestnik rossiyskoy akademii nauk* [Bulletin of Russian Academy of Sciences], vol. 73, no. 7, pp. 594–605.

About the author

Buzhilova Alexandra P.,
Research Institute and Museum of Anthropology at Mikhail Lomonosov Moscow State University, ul. Mokhovaya, 11, Moscow, 125009, Russian Federation,
Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation,
e-mail: albu_pa@mail.ru

Е. Р. Михайлова

КУЛЬТУРА ПСКОВСКИХ ДЛИННЫХ КУРГАНОВ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ И РОЛЬ В. В. СЕДОВА В ЕЕ ИЗУЧЕНИИ

Резюме. В статье рассматривается эволюция взглядов В. В. Седова на происхождение, развитие и принадлежность культуры псковских длинных курганов. В этом процессе выделяются два этапа. В 1950–1980-х гг. В. В. Седов рассматривал две культуры со сходными погребальными памятниками (культуры псковских и смоленских длинных курганов) как единую археологическую культуру летописных кривичей, которая постепенно развивалась на значительной территории. С конца 1980-х гг. в центре его внимания оказываются проблемы происхождения псковских длинных курганов, выделения в древностях лесной полосы Восточной Европы ранних центральноевропейских импортов и реконструкции миграционных процессов, повлекших сложение новых археологических культур, в том числе культуры псковских длинных курганов. Некоторые построения В. В. Седова в области этнических характеристик следует в настоящее время пересмотреть. Наиболее актуальными в изучении псковских длинных курганов представляется ряд проблем: изучение характера взаимодействия населения лесной полосы Восточной Европы с населением Прибалтики и Средней Европы; изучение курганного обряда захоронения; исследование поселений культуры псковских длинных курганов; выявление конкретных культурно-этнографических регионов в пределах этой культурной общности.

Ключевые слова: историография, культура псковских длинных курганов, раннее Средневековье.

Тема северных восточнославянских племен – одна из основных в научном творчестве В. В. Седова, он занимался ею на протяжении всей жизни. Одна из важных проблем, связанных с этой обширной темой, – изучение культуры псковских длинных курганов.

В археологии, как и в любой науке, сменяются периоды интенсивного накопления данных и углубленного анализа. Сейчас, спустя шестьдесят лет после защиты В. В. Седовым его диссертации «Кривичи и словене», можно подвести некоторые, совсем не окончательные, итоги.

Взгляды 1950–1980-х гг.

Длинные курганы как отдельная группа древностей обсуждались в археологической литературе с середины XIX в. (подробнее см.: Михайлова, 2000). Наибольшее значение имели несколько обобщающих работ.

Первое обобщение сведений о длинных курганах принадлежит А. А. Спицыну (1903), который предложил считать длинные и удлиненные курганы памятниками летописных кривичей, «так как вне области кривичей длинных курганов не найдено». Позднее исследователь колебался в этнокультурном определении длинных курганов, но возобладала в историографии именно эта точка зрения.

Н. Н. Чернягин, собравший и обобщивший данные о длинных курганах и сопках, накопленные к концу 1930-х гг., также не сомневался в принадлежности длинных курганов кривичам, так как «район распространения длинных курганов – старая кривичская земля». Он расширил принятую ранее дату длинных курганов до VI–IX вв. и указал на принципиальное единство насыпей разной формы в рамках одной культуры (Чернягин, 1941).

С. А. Тараканова (1954) предложила кардинально передатировать длинные курганы, отнеся их появление ко II–III вв., а прекращение погребений в длинных курганах – к V–VI вв. Она также охарактеризовала способы сооружения длинных насыпей и отметила наличие зольной прослойки в курганах вокруг Псковско-Чудского озера и в течениях рек Великой, Плюссы и Пола. По мнению исследовательницы, эта прослойка образовалась в результате ритуального выжигания площадки под курган. В той же монографической статье С. А. Тараканова выстроила типологическую цепочку развития погребальной обрядности от валообразных насыпей (коллективных усыпальниц, сравнимых, с ее точки зрения, с полями погребальных урн) через удлиненные насыпи с одним-двумя захоронениями к позднейшим круглым курганам с одиночными кремациями, а затем ингумациями.

В. В. Седов, начиная работу, первоначально двинулся уже проторенным путем ретроспективного поиска славянских древностей на территории, очерченной письменными источниками. Выводы, к которым он пришел, наиболее подробно изложены в его большой статье 1960 г. (Седов, 1960) и были, в общем-то, традиционны, хотя по отдельным вопросам он и дискутировал с предшественниками.

Он полагал, что длинные курганы являются памятниками летописных кривичей и в целом подразделяются на две большие группы – псковскую и полоцко-смоленскую, соответствующие двум средневековым этнографическим группировкам. Древнейшая группа длинных курганов – псковская (памятники бассейна реки Великой, побережья Псковского озера и верховьев Западной Двины), они характеризуются значительной долей длинных насыпей в составе могильников, большей длиной насыпей, наличием зольно-угольной прослойки в основании насыпи, появившейся в результате ритуальных действий.

Полемизируя с С. А. Таракановой, В. В. Седов вновь обосновал датировку длинных курганов второй половиной I тыс. н. э., в основном по аналогиям в древностях Восточной Прибалтики. Длинные курганы псковской группы, по его мнению, появляются в середине I тыс. и к IX в. сменяются круглыми.

Принципиально важный момент в его построениях – поиск той территории, откуда кривичи пришли на северо-запад Восточной Европы. Отметив отрезанность «псковских кривичей» от более южных восточнославянских племен, В. В. Седов, в противовес широко распространенному тогда мнению, предположил, что «кривичи» могли прийти на псковские земли с запада, с земель в бассейнах Буга и Немана, где также имеются длинные насыпи (к тому времени описанные Ф. Д. Гуревич (1958), но еще не изученные). Этот тезис он подкрепил ссылкой на наблюдения лингвистов над особенностями позднейших псковских диалектов.

Основные выводы своей работы Валентин Васильевич повторил в монографии 1974 г., посвященной длинным насыпям как отдельному типу погребальных памятников. Эта книга стала в российской археологии главным сводом сведений о длинных курганах (Седов, 1974). Автор вновь проанализировал сведения о топографии длинных насыпей, их топографическом распределении и соотношении с круглыми, предложил типологию погребений и еще раз остановился на обосновании кривичской принадлежности длинных курганов.

В. В. Седов рассматривал длинные насыпи как хронологический этап в развитии погребальной обрядности, рисуя единую линию типологического развития: наиболее ранними он признавал валообразные насыпи. Со временем, как он полагал, длина курганов все более уменьшалась, из длинных они постепенно становились удлинненными и четырехугольными, а в конце этой эволюционной линии располагаются круглые курганы с индивидуальными захоронениями.

Некоторые ранее высказанные предположения исследователь, после собственных полевых исследований или подробного знакомства с материалом, скорректировал.

Так, в 1960-х гг. В. В. Седов обследовал предполагаемые «длинные курганы» в Белорусском Понеманье и убедился, что это всхолмления естественного происхождения (Там же. С. 10). Вновь возникла проблема поиска исходной территории расселения носителей культуры длинных курганов и истоков их погребальной обрядности.

Однако существенных изменений в те годы точка зрения В. В. Седова не претерпела. Те же тезисы он развивал позднее в нескольких обобщающих работах по славянской археологии и отдельных статьях (см., напр.: Седов, 1981; 1982).

Развитие концепции В. В. Седова

Вплоть до 1980-х гг. количество фактического материала по раннему Средневековью лесной зоны Восточной Европы было невелико. Практически каждый исследователь в своей работе опирался в первую очередь на материалы собственного небольшого исследовательского полигона, цельная картина складывалась с трудом, что и стало одной из причин тогдашней разногласности мнений (Лаул, 1971; 1975; Лебедев, 1977; 1982; Носов, 1981; 1984; Башенькин, 1988; и др.).

В. В. Седову, однако, всегда была присуща тяга к широкому охвату материала и комплексному подходу. Он работает над проблемами происхождения

славян, сводами по славянской и древнерусской археологии, пристально следит за результатами ведущихся полевых работ. В 1970–1980-х гг. количество материала возрастает, вновь полученные сведения постепенно вводятся в научный оборот и требуют осмысления. С конца 1980-х и особенно в 1990-х гг. В. В. Седов вносит существенные коррективы в свои прежние построения.

В 1989 г. из печати выходит статья «Формирование восточнославянской народности», в которой исследователь рассматривает формирование восточного славянства как сложный и многомерный процесс, а окончательную интеграцию восточных славян связывает со сложением древнерусского государства и развитием городской жизни. Русская равнина, по его мнению, была освоена несколькими различными и неодновременными потоками славян, древний славянский мир не являлся монолитным и, следовательно, поиск единой «русской прародины» не имеет смысла (Седов, 1989).

Основным регионом изначальной славянской миграции на северо-запад Русской равнины В. В. Седов полагал Среднее Повисленье, а причиной массовой миграции – климатические изменения. Двинувшиеся на восток центральноевропейские переселенцы были разноэтничны, «славянский компонент» лишь со временем возобладал в этом смешанном населении.

Окончательно свои взгляды на возникновение и развитие культуры псковских длинных курганов В. В. Седов изложил в нескольких работах, вышедших одна за другой (1995; 1999; 2000; 2005).

В перечисленных работах В. В. Седов окончательно отказывается от объединения псковских и смоленских длинных курганов в единую группу древностей и рассматривает их как различные, хотя и отдаленно связанные, археологические культуры, не совсем одновременные.

Он подробно реконструирует процесс перемещения населения из Центральной Европы на Восточно-Европейскую равнину, отмечая запустение территорий в бассейне Вислы вследствие климатических изменений. Археологическим выражением этого процесса, по мысли В. В. Седова, являются центральноевропейские импорты IV–V вв. на памятниках лесной зоны Восточной Европы: шпоры, удила, пинцеты с резко расширенными лопастями, бритвы, рифленые В-образные пряжки и др.

Культуры третьей четверти I тыс. в лесной зоне Восточной Европы (в том числе и культура псковских длинных курганов) – это новообразования, возникшие в результате взаимодействия гетерогенного пришлого населения с прежними обитателями этих мест. Таким же новообразованием стал и курганный обряд, который развился из захоронений в грунтовых ямках через стадию погребальных площадок, которые со временем стали перекрываться насыпью. Внимательно изучая результаты полевых работ, В. В. Седов отказался от эволюционной цепочки «длинные насыпи – удлинённые – круглые» и рассматривал длинные и круглые курганы в составе тех же могильников как синхронные варианты погребальных сооружений.

Судьбы носителей культуры псковских длинных курганов на различных территориях сложились по-разному. По мнению В. В. Седова, в восточной части ареала этой культуры с конца VII – начала VIII в. начинают распространяться сопки, и население культуры длинных курганов постепенно сливается с сопочным.

В бассейнах реки Великой и на Псковском озере культура псковских длинных курганов развивается вплоть до конца I тыс., когда на смену кремациям приходят ингумации.

Основные тезисы В. В. Седова и нынешнее состояние исследований

В настоящее время объем археологического материала вновь возрос, появились новые методы и подходы. Что же в построениях Седова продолжает быть актуальным, а с чем следует поспорить?

В любой масштабной концепции быстрее и чаще всего подвергаются пересмотру ее частные детали. Верно это и в данном случае.

Так, можно считать достоянием историографии предположение о зольно-угольных прослойках как важной черте погребальной обрядности. Результаты многих раскопок и работы почвоведов показали, что серовато-белая прослойка в основании курганов – это погребенная подзолистая почва, которая в лесной зоне отмечается под насыпями самой разной культурной и хронологической принадлежности (Рыук, 1979).

По-прежнему остается нерешенной проблема «пустых» курганов. В. В. Седов предполагал, что значительная часть пустых насыпей содержала погребения, рассыпанные на вершине насыпи и впоследствии оказавшиеся развеянными или размытыми. Однако современные раскопки фиксируют довольно значительный процент действительно пустых насыпей – возведенных, но почему-то не использовавшихся для совершения захоронений. Из раскопанных по современной методике неповрежденных насыпей можно назвать, например, курганы 9 и 21 в могильнике Березно I (Михайлова, 2010а. С. 10, 23–24), курган 5 в группе Варшавский шлюз I (Башенькин, 2002. С. 81), курганы 6 и 8 в группе Дорохи I, курганы 1 и 4 в группе Дорохи III, курганы 3 и 4 в группе Дорохи IV (Штыхаў, 1992. С. 128–130), курганы 8, 9 и 10 в группе Засобье II (Михайлова, 2010б. С. 93, 98), курган 13 в группе Кяэпа I, курганы 1 и 10 в группе Лаоссина II, курган 12 в группе Линдора I (Аун, 1992. С. 92, 96, 107), курган 5 в группе Лятохи (Штыхаў, 1992. С. 113), курганы 22 и 23 группы Нестеровичи (Конецкий, 1991. С. 91–92), курган 4 в могильнике Рысна-Сааре I (Аун, 1992. С. 99) и мн. др. Значение этих сооружений в погребальной обрядности культуры длинных курганов еще предстоит выяснить.

Постепенно выясняется, что погребения коней в культуре длинных курганов не единичны, как считал В. В. Седов, а довольно многочисленны. Можно назвать отдельные погребения коней в Гринино 1 (курган 3, погр. 2 и погр. 3), Залахтове (курган 154, погр. 10), Заозерье, Ладыгинском Бору (курган 3), Куреванихе III (курган 15, погр. 2 и яма 2), Млевском Бору (курган 5, погр. 3), Потерпелицах I (курган 8, погр. 4), Сторожинце (курган 11, погр. 3), Шихино (курган 6, погр. 2; курган 25, погр. 1) (Черных и др., 2013. С. 454, 457; Хвоцинская, 2004. С. 183; Конецкий, 1987. С. 15; Данилов, 1880. С. 39–40; Башенькин, Васенина, 2007. С. 49; Исланова, 2006. Рис. 102; Мильков, 1989. Л. 8; Попов, 1991. Л. 4), а также многие захоронения, где кости лошадей встречены вместе с человеческими.

Вообще, с накоплением палеоантропологических и палеозоологических определений становится ясно, что многие захоронения в курганах культуры длинных – коллективные, часто содержат останки нескольких индивидов или людей и животных, причем захоронения коней (вместе с людьми или отдельно) можно, видимо, выделить в особую группу. Большинство захоронений коней (как и те довольно многочисленные погребения, где определены вместе кости людей и животных) совершены по обычному для псковских длинных курганов обряду трупосожжения на стороне. Там, где это прослежено, кости лошади чаще всего лежат ниже костей человека. Интересно, однако, что среди конских погребений в псковских длинных курганах есть захоронения и несожженных останков.

Уточнились даты многих типов вещей из длинных курганов, в том числе и привлекавшихся В. В. Седовым для хронологических построений. По мнению В. В. Седова, наиболее ранними находками в культуре длинных курганов являются бляшки-скорлупки, умбовидные бляшки, пинцеты с расширенными орнаментированными лопастями, кварцитовые огнива, позднее он включил в этот перечень также В-образные пряжки с рифлением, двушипный дротик, железные шпоры с коническим шипом и крючками на концах, пластинчатые кресала с петлей на конце и некоторые другие предметы (Седов, 1974. С. 34; 2000. С. 26–27; и др. работы) (рис. 1А, Б).

Однако к настоящему времени даты бытования всех этих вещей в лесной зоне Восточной Европы представляются гораздо более широкими. В частности, бляшки-скорлупки и умбовидные бляшки употребляются на всем протяжении существования культуры длинных курганов, будучи распространенными типами металлических деталей костюма (чаще всего поясов). Шпоры с крючками на концах, двушипный дротик с профилированным пером, овальные кварцитовые огнива, пинцеты с резко расширенными лопастями употреблялись вплоть до VIII в. (подробнее см.: Михайлова, 2014. С. 47–52, 127–129, 140–143, 149–152, 154–155). Менее ясна верхняя дата бытования в лесной полосе Восточной Европы пряжек с рифленой В-образной рамкой: наиболее поздние известные здесь экземпляры можно отнести к первой половине VII в. (Там же. С. 33–34). По всей вероятности, рифленые В-образные пряжки (как и пластинчатые кресала с петлей на конце, и ряд других изначально принесенных извне типов вещей) на территории лесной зоны получают собственное типологическое развитие – этот процесс еще предстоит изучить.

К наиболее ранним предметам в псковских длинных курганах следует относить костяные гребни с горбатой спинкой, браслеты типа Володи, округлые бронзовые пряжки с хоботковидными язычками с поперечным рифлением, поясной наконечник с коническим завершением, некоторые типы стеклянных бус. Происхождение большей части этих предметов связано с центрально- или североевропейскими древностями позднеримского времени (Там же. С. 203–208) (рис. 1В).

Все отмеченные выше более или менее частные вопросы будут еще долгое время рассматриваться и уточняться. Обратимся теперь к тем положениям В. В. Седова, которые составляют основу его взглядов на возникновение и последующую историю культуры длинных курганов.

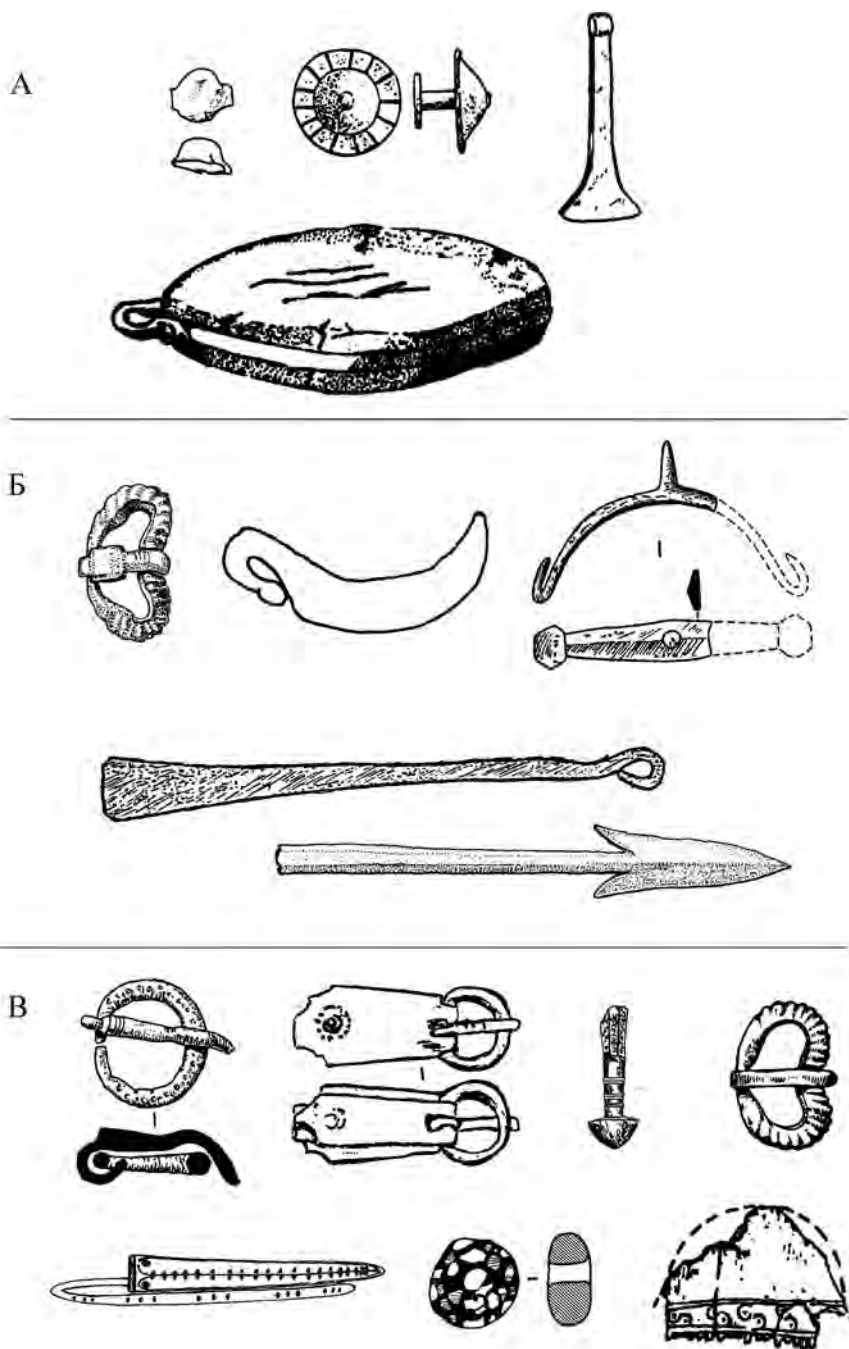

Рис. 1. Находки, предлагавшиеся в разных работах для определения нижней даты культуры псковских длинных курганов

А – по: Седов, 1974; Б – по: Седов, 2000; В – по: Михайлова, 2014

Первый из них – это последовательное отождествление носителей культур длинных курганов (псковских и смоленских) с кривичами. Это отождествление покоится, в сущности, всего на двух тезисах: на нескольких летописных сообщениях о территории расселения кривичей (в том числе косвенных, вроде упоминания Изборска в легенде о призвании варягов) и на мнении о безусловной принадлежности курганов с кремациями и скудным инвентарем именно славянам.

Одним из главных доводов в пользу кривичской принадлежности длинных курганов В. В. Седов считал географическое совпадение территории длинных курганов и тех древнерусских земель, которые можно считать кривичскими на основании летописных свидетельств. «...По летописным данным, кривичи занимали те области, где впоследствии образовались Смоленская, Полоцкая и Псковская земли. Территория распространения длинных курганов полностью совпадает с летописным ареалом кривичей» (Седов, 1974. С. 36). Однако к настоящему времени многочисленные памятники культуры длинных курганов выявлены на Мсте и Мологе почти до Белозерья, и о совпадении ареалов говорить уже не приходится (Исланова, 2007; Башенькин, 1995. С. 24–28; Башенькин, 2002).

Постепенное расширение ареала культуры псковских длинных курганов на восток и северо-восток хорошо иллюстрируется и сопоставлением карт из работ самого В. В. Седова разных лет (ср.: Седов, 1974. Карта на обороте обложки, табл. 3; 1982. Карта 8; 1995. Рис. 60; 1999. Рис. 24). При таком территориальном подходе неслучайно, что многие круглые курганы культуры длинных, расположенные восточнее Ильменя, В. В. Седов поначалу отнес к погребальным памятникам словен новгородских. Это, например, такие могильники, как Хозюпино, Подсосонье и Обрынь на Поле, Крюково озеро, Шихино, Пуйга, Млевский бор, Левоча на Мсте и в Молого-Мстинском междуречье. К словенским он причислил и могильники длинных курганов – Славенка, Рапти, Мерево, Поддубье на Луге, Курея и Палицы на Плюссе (см.: Седов, 1982. Карта 27).

Исследователь, правда, пытался снять географическое противоречие, предположив участие кривичей в славянской колонизации Верхневолжья и Волго-Клязьминского междуречья (главным аргументом при этом послужили браслетообразные височные кольца, а также сведения о наличии на берегах Волги единичных длинных насыпей), но это объяснение вряд ли можно признать удачным.

Другое возражение против «кривичской гипотезы» непосредственно проистекает из обоснованной самим В. В. Седовым начальной даты культуры длинных курганов – V в. н. э. Тезис о существовании уже в это время общности под названием «кривичи», которая через несколько сот лет под тем же именем, на тех же территориях и без особых изменений будет известна авторам Повести временных лет, нуждается в дополнительных доказательствах. В. В. Седов подробно останавливается на предполагаемой метисации пришлого славянского населения с местными обитателями – прибалтийскими финнами в окрестностях Псковского озера и балтами Поднепровья. Такая постановка вопроса сама по себе предполагает важные изменения в культуре и, возможно, социальной организации. Как все это население соотносится с летописным термином «кривичи», когда и где

возникает этот этноним и является ли он самоназванием какой-то из этих групп, археология установить не может.

Изучая Средневековье, В. В. Седов уделял особенное внимание этнической истории, поиску этнокультурных индикаторов и изучению в первую очередь этнических контактов. Но под «этнотами» он подразумевал, по большому счету, более или менее крупные языковые либо диалектные общности. Между тем современные исследования феномена этничности показывают, что в его основе лежат в первую очередь субъективные представления (общее самосознание, представления о культурных различиях, групповая солидарность и др.) – все то, что отражается в материальных остатках лишь косвенно. Сама возможность применения понятия «этнос» к древним обществам ныне активно дискутируется. (Из недавних работ на эту тему можно указать, например: *Brather, 2008; Pohl, 2008; Этничность..., 2013* – с подробным обзором существующих точек зрения и литературы.)

Распространенное в российской археологии понятие «этнокультурных индикаторов» вообще нуждается в серьезной коррекции: общие черты, по которым археологи группируют древности в типы, культуры или горизонты, могут объясняться различными причинами, не обязательно этническими. Так, например, В. В. Седов прекрасно продемонстрировал формирование единой древнерусской культуры из мозаики предшествующих древностей как результат сложения государственности (1989).

Трудно согласиться с тезисом о переселении значительных масс среднеевропейского населения. По В. В. Седову, именно многочисленностью переселенцев из Центральной Европы объясняется обширность территории обсуждаемой культуры. На мой взгляд, это свидетельствует как раз об обратном. Малочисленность центральноевропейских вещей, которые стремительно распространяются на большой территории в течение короткого хронологического отрезка, объясняется скорее мобильностью и хорошей организованностью немногочисленных переселенцев.

Важно и то, что принесенных ими вещей не так уж много и, видимо, они использовались на протяжении жизни одного-двух поколений, далее непосредственные контакты с регионом производства принесенных предметов обрываются. Ряд типов приживается в лесной полосе и развивается здесь самостоятельно, но это уже другой сюжет, который необходимо иметь в виду при использовании для нашего материала хронологических схем иных регионов.

Значение работ В. В. Седова

Работы В. В. Седова составили целую эпоху в советской / российской археологии. Их отличает целостность и последовательность рассуждений исследователя, каждую проблему рассматривавшего на широком фоне, с привлечением всего доступного сравнительного материала и данных смежных дисциплин.

На современном этапе исследования культура псковских длинных курганов представляется крупной раннесредневековой общностью, которая формируется в конце V – начале VI в. на северо-западе Восточной Европы под заметным влиянием с юго-западного направления, с территории Южной Прибалтики

и Центральной Европы. Результатом и археологическим отражением этого влияния стало распространение на значительном пространстве северо-запада Восточной Европы курганного обряда захоронения, который имеет много общих черт с погребальной обрядностью западных балтских культур, а также распространение в лесной полосе Восточной Европы вещей центральноевропейского происхождения, многие из которых были приняты местным населением и получили дальнейшее развитие уже на новой территории (Лопатин, Фурасьев, 2007. С. 281–285; Михайлова, 2012; Михайлова, 2014. С. 221–225).

Культура псковских длинных курганов (скорее, культурно-историческая общность с отчетливыми различиями между отдельными регионами) оказалась чрезвычайно устойчивым явлением. Наиболее поздние памятники этой культуры датируются уже началом – первой половиной XI в. и являются одним из слагаемых ранней древнерусской культуры на Северо-Западе.

Если отвлечься от жесткой этнолингвистической привязки и «кривичской гипотезы», археологические построения В. В. Седова выдержали испытание временем, хотя и нуждаются в некоторой корректировке. Есть несколько намеченных им перспектив исследования культуры длинных курганов, которые еще предстоит разработать.

Это в первую очередь изучение взаимодействия и характера контактов населения лесной полосы Восточной Европы с западными соседями – населением Восточной и Южной Прибалтики, Средней Европы.

Актуальной проблемой остается изучение курганного обряда захоронения: его возникновение, распространение, соотношение обрядности псковских длинных курганов с синхронными и предшествующими курганными культурами Европы.

И наконец, требуют дальнейшего изучения, в том числе новых полевых исследований, те вопросы, которые В. В. Седов отмечал как недостаточно обеспеченные материалом (и до сих пор остающиеся таковыми): исследование поселений культуры длинных курганов и выявление конкретных культурно-этнографических регионов в пределах этой обширной исторической общности.

ЛИТЕРАТУРА

- Аун М., 1992. Археологические памятники второй половины I-го тысячелетия н. э. в Юго-Восточной Эстонии. Таллин: ОЛИОН. 200 с.
- Башенькин А. Н., 1988. Северо-восточный ареал культуры длинных курганов // Археология и история Пскова и Псковской земли: тезисы докладов / Отв. ред. В. В. Седов. Псков: б. и. С. 83–84.
- Башенькин А. Н., 1995. Культурно-исторические процессы в Молого-Шекснинском междуречье в конце I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. // Проблемы истории Северо-Запада Руси / Под ред. И. В. Дубова, И. Я. Фроянова. СПб.: Изд-во СПбГУ. С. 3–29. (Славяно-русские древности; вып. 3.)
- Башенькин А. Н., 2002. Исследование памятников I тысячелетия н. э. в бассейне Мологи // У истоков Новгородской земли. Любытинский археологический сборник / Ред. В. Я. Конецкий, А. Ю. Иванов. Вып. 1. Любытино: б. и. С. 73–76.
- Башенькин А. Н., Васенина М. Г., 2007. Исследования комплекса памятников у д. Куреваниха на реке Мологе в 2004–2005 гг. // Археология Севера / Ред. А. В. Кудряшов. Вып. 2: Мат-лы археологических чтений пам. С. Т. Еремеева 26–27 февраля 2006 г. в г. Череповце. Череповец: Череповецкое музейное объединение. С. 42–73.
- Гуревич Ф. Д., 1958. О длинных и удлинённых курганах в Западной Белоруссии // КСИИМК. Вып. 72. С. 54–65.

- Данилов И. Г.*, 1880. Раскопки слушателями Института курганов в Гдовском и Лугском уездах С.-Петербургской губ. и в Валдайском уезде Новгородской губ. (Из летних экскурсий слушателей в 1878/9 академическом году) // Сборник Археологического Института. Кн. 3. Отд. I. СПб.: Тип. Правительствующего Сената. С. 20–40.
- Исланова И. В.*, 2006. Верхнее Помостье в раннем Средневековье. М.: б. и. 288 с.
- Исланова И. В.*, 2007. Верхневолжье и Валдай // Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. / Отв. ред. И. О. Гавритухин, А. М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 301–332. (Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей; вып. 9.)
- Конецкий В. Я.*, 1987. Исследования в бассейне р. Мсты // Археологические открытия 1985 г. / Отв. ред. В. П. Шилов. М.: Наука. С. 15–16.
- Конецкий В. Я.*, 1991. Комплекс памятников у д. Нестеровичи (К вопросу о сложении локальных центров конца I – начала II тыс. н. э. в бассейне Мсты) // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990 г. / Под ред. В. Л. Янина, Е. Н. Носова, П. Г. Гайдукова. М.: Новгородский гос. объединенный музей-заповедник. С. 89–116.
- Лаул С.*, 1971. Об этнической принадлежности курганов юго-восточной Эстонии // Известия АН ЭССР. Т. 20. № 3. Общ. науки. С. 319–329.
- Лаул С.*, 1975. Погребальные памятники прибалтийских финнов в I тыс. н. э. // Вопросы финно-угроведения. Вып. VI. Саранск. С. 378–383.
- Лебедев Г. С.*, 1977. Новые данные о длинных курганах и сопках // Проблемы археологии и этнографии: Межвуз. сб. / Ред. М. И. Артамонов. Вып. 1. Л.: Изд-во ЛГУ. С. 37–46.
- Лебедев Г. С.*, 1982. О времени появления славян на Северо-Западе // Северная Русь и ее соседи: Межвуз. сб. / Отв. ред. А. Д. Столяр. Л.: Изд-во ЛГУ. С. 29–39.
- Лопатин Н. В., Фурсов А. Г.*, 2007. Северо-Запад России и Север Белоруссии // Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. / Отв. ред. И. О. Гавритухин, А. М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 276–300. (Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей; вып. 9.)
- Мильков В. В.*, 1989. Отчет к Открытому листу № 66 о проведении раскопок археологического комплекса у дд. Плесо–Потерпелицы Боровического р-на, жальника у д. Каплино в Мошенском районе, курганно-жальничного комплекса Бор–Заручевье в Окуловском районе, а также археологических разведок в Любытинском, Мошенском и Хвойнинском р-нах Новгородской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 13742.
- Михайлова Е. Р.*, 2000. История изучения псковско-новгородских длинных курганов // Stratum plus. № 5: Великая Скуфь. Кишинев: Высшая Антропологическая Школа. С. 32–49.
- Михайлова Е. Р.*, 2010а. Полностью исследованный могильник культуры псковских длинных курганов Берёзно I // Исследования погребальных памятников на западе средневековой Новгородской земли: Сб. науч. ст. / Отв. ред. Е. Р. Михайлова. СПб.: Нестор-История. С. 7–54.
- Михайлова Е. Р.*, 2010б. Комплекс памятников в урочище Колода близ дер. Засобье (Лужский р-н Ленинградской области) // Исследования погребальных памятников на западе средневековой Новгородской земли: Сб. науч. ст. / Отв. ред. Е. Р. Михайлова. СПб.: Нестор-История. С. 81–108.
- Михайлова Е. Р.*, 2012. Формирование культуры длинных курганов: процесс на фоне эпохи // Истоки славянства и Руси: Сб. ст. по мат-лам X Чтений пам. Анны Мачинской (Старая Ладога, 24–25 дек. 2005 г.) / Науч. ред. Д. А. Мачинский. СПб.: Нестор-История. С. 201–210.
- Михайлова Е. Р.*, 2014. Вещевой комплекс культуры псковских длинных курганов: типология и хронология. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing. 427 с.
- Носов Е. Н.*, 1981. Некоторые общие вопросы изучения погребальных памятников второй половины I тысячелетия н. э. в Приильменьи // СА. № 1. С. 42–56.
- Носов Е. Н.*, 1984. К вопросу о сложении погребального обряда длинных курганов // КСИА. Вып. 179. С. 11–17.
- Попов С. Г.*, 1991. Отчет о работах Гдовского отряда ИИМК РАН в 1991 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1.
- Рыук А.-М.*, 1979. Некоторые вопросы сооружения и морфологии курганов Юго-Восточной Эстонии // Известия АН ЭССР. Общ. науки. Т. 28. № 3. С. 249–265.
- Седов В. В.*, 1960. Кривичи // СА. № 1. С. 47–62.
- Седов В. В.*, 1974. Длинные курганы кривичей. М.: Наука. 68 с. (САИ; вып. ЕИ-8.)
- Седов В. В.*, 1981. Об этнической принадлежности псковских длинных курганов // КСИА. Вып. 166. С. 5–11.

- Седов В. В.*, 1982. Восточные славяне в VI–XIII вв. М.: Наука. 328 с. (Археология СССР.)
- Седов В. В.*, 1989. Формирование восточнославянской народности // КСИА. Вып. 198. С. 10–15.
- Седов В. В.*, 1995. Славяне в раннем Средневековье. М.: Фонд археологии. 416 с.
- Седов В. В.*, 1999. Древнерусская народность: Историко-археологическое исследование. М.: Языки русской культуры. 320 с.
- Седов В. В.*, 2000. Становление культуры псковских длинных курганов // Великая Скуфь. Кишинев: Высшая Антропологическая Школа. С. 26–31. (Stratum plus; № 5/2000.)
- Седов В. В.*, 2005. Север Восточноевропейской равнины в период переселения народов и в раннем Средневековье (Предыстория северновеликорусов) // КСИА. Вып. 218. С. 12–24.
- Спицын А. А.*, 1903. Удлиненные и длинные русские курганы // ЗОРСА. Т. V. Вып. 1. С. 196–202.
- Тараканова С. А.*, 1954. Длинные и удлиненные курганы // СА. Т. XIX. С. 77–110.
- Хвоцинская Н. В.*, 2004. Финны на западе Новгородской земли (По мат-лам могильника Залахто-вье). СПб.: Дмитрий Буланин. 290 с. (Труды ИИМК РАН; т. VI.)
- Черных И. Н., Олейников О. М., Исланова И. В.*, 2013. Курганный могильник Гринино 1 (по мат-лам исследований 1989–1990 гг.) // Тверской археологический сборник / Под ред. И. Н. Черных. Вып. 9. Тверь: Триада. С. 445–481.
- Чернягин Н. Н.*, 1941. Длинные курганы и сопки (археологическая карта) // Этногенез восточных славян / Под ред. М. И. Артамонова. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 93–148. (МИА; № 6.)
- Штыхаў Г. В.*, 1992. Крыўічы: Па матэрыялах раскопак курганоў у Паўночнай Беларусі. Мн.: Навука і тэхніка. 190 с.
- Этничность..., 2013. Этничность в археологии или археология этничности?: материалы Круглого стола / Отв. ред. В. С. Мосин, Л. Т. Яблонский. Челябинск: ЦИКР «Рифей». 136 с.
- Brather S.*, 2008. Archaeology and identity Central and East Central Europe in the earlier Middle Ages. Bukureşti: Editura Academiei Române. 490 p.
- Pohl W.*, 2008. Central Europe in the Earlier Middle Ages: conflicts, migrations and ethnic processes. Bukureşti: Editura Academiei Române; Brăila: Editura Istros Muzeului Brăilei. 414 p.

Сведения об авторе

Михайлова Елена Робертовна,
Санкт-Петербургский гос. университет, ул. Смольного, д. 1/3, 9-й подъезд, Санкт-Петербург, 191124, Россия,
e-mail: e.mikhaylova@spbu.ru

E. R. Mikhailova

Long Kurgan Culture of the Pskov Type:
Contemporary Studies and the Role of V. V. Sedov in the Study of this Culture

Abstract. The paper reviews the evolution of V. V. Sedov's views on the origin, development and cultural attribution of Pskov long kurgans. Two stages are singled out in this process. In 1950–1980s V. V. Sedov looked upon the two cultures that had similar burial sites (the Pskov long kurgan culture and the Smolensk long kurgan culture) as a single archaeological culture of the Krivichi mentioned in the chronicles. Starting from the late 1980s, he focused mostly on the issues of the origin of the Pskov long kurgans, identification of early Central European imports in the artifacts of Eastern Europe and reconstruction of migratory processes that led to evolvment of new archaeological cultures, including the Pskov long kurgan culture. Today some ideas and definitions offered by V. V. Sedov regarding ethnic characteristics should be revised. The most relevant issues in the Pskov long kurgan studies include the nature of interaction between the population

that inhabited the East European forest zone and the populations in the Baltics and Middle Europe; the kurgan burial rite; settlements of the Pskov long kurgan culture; identification of specific cultural and ethnographic regions within this cultural community.

Keywords: historiography, Pskov long kurgan culture, early Middle Ages.

REFERENCES

- Aun M., 1992. Arkheologicheskie pamyatniki vtoroy poloviny 1-go tysyacheletiya n. e. v Yugo-Vostochnoy Estonii [Archaeological sites of second half of 1st millennium AD in South-Eastern Estonia]. Tallin: OLION. 200 p.
- Bashen'kin A. N., 1988. Severo-vostochnyy areal kul'tury dlinnykh kurganov [North-eastern zone of long kurgans culture]. *Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoy zemli: tezisy dokladov [Archaeology and history of Pskov and Pskov land: abstracts]*. V. V. Sedov, ed. Pskov, pp. 83–84.
- Bashen'kin A. N., 1995. Kul'turno-istoricheskie protsessy v Mologo-Sheksninskom mezhdurech'e v kontse I tys. do n. e. – I tys. n. e. [Cultural-historical processes in Mologa-Sheksna interfluvium in the end of I mill. BC – I mill. AD]. *Problemy istorii Severo-Zapada Rusi [Problems of history of Rus' North-West]*. I. V. Dubov, I. Ya. Froyanov, eds. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 3–29. (Slavyano-russkie drevnosti, 3).
- Bashen'kin A. N., 2002. Issledovanie pamyatnikov I tysyacheletiya n.e. v bassejne Mologi [Investigation of sites of I millennium AD in Mologa basin]. *U istokov Novgorodskoy zemli. Lyubytinskiy arkheologicheskii sbornik [At the origins of Novgorod land. Lyubytino archaeological transaction]*, I. V. Ya. Konetskiy, A. Yu. Ivanov, eds. Lyubytino, pp. 73–76.
- Bashen'kin A. N., Vasenina M. G., 2007. Issledovaniya kompleksa pamyatnikov u d. Kurevanikha na reke Mologe v 2004–2005 gg. [Investigations of sites cluster near village Kurevanikha on Mologa River in 2004–2005]. *Arkheologiya Severa [Archaeology of the North]*, 2. *Materialy arkheologicheskikh chteniy pamyati S. T. Eremeeva 26–27 fevralya 2006 g. v g. Cherepovtse [Transactions of archaeological readings in memory of S. T. Eremeev, February 26–27, 2006, Cherepovets]*. A. V. Kudryashov. Cherepovets: Cherepovetskoe muzeynoe ob'edinenie, pp. 42–73.
- Brather S., 2008. Archaeology and identity Central and East Central Europe in the earlier Middle Ages. Bukureşti: Editura Academiei Române. 490 p.
- Chernyagin N. N., 1941. Dlinnye kurgany i sopki (arkheologicheskaya karta) [Long kurgans and sopka mounds (archaeological map)]. *Etnogenez vostochnykh slavyan [Ethnogenesis of East Slavs]*, 1. M. I. Artamonov, ed. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 93–148. (MIA, 6).
- Chernykh I. N., Oleynikov O. M., Islanova I. V., 2013. Kurgannyi mogil'nik Grinino 1 (po materialam issledovaniy 1989–1990 gg.) [Kurgan cemetery Grinino 1 (based on materials of investigations of 1989–1990)]. *TAS*, 9. I. N. Chernykh, ed. Tver': Triada, pp. 445–481.
- Danilov I. G., 1880. Raskopki slushatelyami Instituta kurganov v Gdovskom i Lugskom uездakh S.-Peterburgskoy gub. i v Valdayskom uезде Novgorodskoy gub. (Iz letnikh ekskursiy slushatelye v 1878/9 akademicheskoy godu) [Excavations of kurgans by students of the Institute in Gdov and Luga districts, St. Petersburg province and in Valday district, Novgorod province (From summer excursions of students in 1878/9 academic year)]. *Sbornik Arkheologicheskogo Instituta [Transactions of Archaeological Institute]*, book 3, section I. St. Petersburg: Tipografiya Pravitel'stvuyushchego Senata, pp. 20–40.
- Etnichnost'..., 2013 – Etnichnost' v arkheologii ili arkheologiya etnichnosti?: materialy Kruglogo stola [Ethnicity in archaeology or archaeology of ethnicity?: proceedings of Round table]. V. S. Mosin, L. T. Yablonskiy, eds. Chelyabinsk: Rifye. 136 p.
- Gurevich F. D., 1958. O dlinnykh i udlinennykh kurganakh v Zapadnoy Belorussii [On long and elongated kurgans in West Byelorussia]. *KSIMK*, 72, pp. 54–65.
- Islanova I. V., 2006. Verkhnee Pomost'e v rannem srednevekov'e [Upper Pomost'e in early Middle Ages]. Moscow. 288 p.
- Islanova I. V., 2007. Verkhnevolszh'e i Valday [Upper Volga region and Valday]. *Vostochnaya Evropa v seredine I tysyacheletiya n. e. [Eastern Europe in mid I millennium AD]*. I. O. Gavritukhin, A. M. Oblomskiy, eds. Moscow: IA RAN, pp. 301–332. (RSM. Arkheologiya slavyan i ikh sosedy, 9).

- Khvoshchinskaya N. V., 2004. Finny na zapade Novgorodskoy zemli (Po materialam mogil'nika Zalakhtov'e) [Finns in the west of Novgorod land (Based on materials from cemetery Zalakhtov'e)]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. 290 p. (Trudy IIMK RAN, VI).
- Konetskiy V. Ya., 1987. Issledovaniya v bassejne r. Msty [Investigations in Msta River basin]. *AO 1985*. V. P. Shilov, ed. Moscow: Nauka, pp. 15–16.
- Konetskiy V. Ya., 1991. Kompleks pamyatnikov u d. Nesterovichy (K voprosu o slozhenii lokal'nykh tsentrov kontsa I – nachala II tys. n. e. v bassejne Msty) [Cluster of sites near village Netsrovichi (On problem of formation of local centres in late I – early II mill. AD in Msta basin)]. *Materialy po arkheologii Novgorodskoy zemli. 1990 g.* [Materials for archaeology of Novgorod land. 1990]. V. L. Yanin, E. N. Nosov, P. G. Gaydukov, eds. Moscow: Novgorodskiy gosudarstvennyy ob"edinennyy muzey-zapovednik, pp. 89–116.
- Laul S., 1971. Ob etnicheskoy prinadlezhnosti kurganov yugo-vostochnoy Estonii [Concerning ethnic attribution of kurgans of South-Eastern Estonia]. *Izvestiya Akademii nauk Estonskoy SSR. Obshchestvennye nauki* [Bulletin of Academy of Sciences of Estonian SSR. Social sciences], vol. 20, no. 3, pp. 319–329.
- Laul S., 1975. Pogrebal'nye pamyatniki pribaltiyskikh finnov v I tys. n. e. [Burial sites of Baltic Finns in I mill. AD]. *Voprosy finno-ugrovedeniya* [Problems of Finno-Ugrian studies], VI. Saransk, pp. 378–383.
- Lebedev G. S., 1977. Novye dannye o dlinnykh kurganakh i sopkakh [New data concerning long kurgans and sopka mounds]. *Problemy arkheologii i etnografii: mezhvuzovskiy sbornik* [Problems of archaeology and ethnography: inter-institute transactions], 1. M. I. Artamonov, ed. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 37–46.
- Lebedev G. S., 1982. O vremeni poyavleniya slavyan na Severo-Zapade [On the time Slavs appeared in the North-West]. *Severnaya Rus' i ee sosedi: mezhvuzovskiy sbornik* [Northern Rus and its neighbours: inter-institute transactions]. A. D. Stolyar, ed. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 29–39.
- Lopatin N. V., Furas'ev A. G., 2007. Severo-Zapad Rossii i Sever Belorussii [North-West of Russia and North of Byelorussia]. *Vostochnaya Evropa v seredine I tysyacheletiya n. e.* [Eastern Europe in mid I millennium AD]. I. O. Gavritukhin, A. M. Oblomskiy, eds. Moscow: IARAN, pp. 276–300. (RSM. Arkheologiya slavyan i ikh sosedy, 9).
- Mikhaylova E. R., 2000. Istoriya izucheniya pskovsko-novgorodskikh dlinnykh kurganov [History of research of Pskov-Novgorod long kurgans]. *Velikaya Skuf'* [Scythia the Great]. Kishinev: Vysshaya Antropologicheskaya Shkola, pp. 32–49. (Stratum plus, 5/2000).
- Mikhaylova E. R., 2010a. Kompleks pamyatnikov v urochishche Koloda bliz der. Zasob'e (Luzhskiy r-n Leningradskoy oblasti) [Cluster of sites in locality Zasob'e (Luga district, Leningrad region)]. *Issledovaniya pogrebal'nykh pamyatnikov na zapade srednevekovoy Novgorodskoy zemli: sbornik nauchnykh statey* [Investigations of burial sites in the west of medieval Novgorod land: collection of articles]. E. R. Mikhaylova, ed. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 81–108.
- Mikhaylova E. R., 2010b. Polnost'yu issledovannyi mogil'nik kul'tury pskovskikh dlinnykh kurganov Beryozno I [Entirely investigated cemetery of culture of long kurgans of Pskov type Beryozno I]. *Issledovaniya pogrebal'nykh pamyatnikov na zapade srednevekovoy Novgorodskoy zemli: sbornik nauchnykh statey* [Investigations of burial sites in the west of medieval Novgorod land: collection of articles]. E. R. Mikhaylova, ed. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 7–54.
- Mikhaylova E. R., 2012. Formirovanie kul'tury dlinnykh kurganov: protsess na fone epokhi [Formation of long kurgans culture: process against background of the epoch]. *Istoki slavyanstva i Rusi: sbornik statey po materialam X Chteniy pamyati Anny Machinskoy (Staraya Ladoga, 24–25 dekabrya 2005 g.)* [Origins of Slavic peoples and Rus: collections of articles based on X readings in memory of Anna Machinskaya (Staraya Ladoga, December 24–25, 2005.)]. D. A. Machinskiy, ed. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 201–210.
- Mikhaylova E. R., 2014. Veshchevoy kompleks kul'tury pskovskikh dlinnykh kurganov: tipologiya i khronologiya [Complex of artefacts of culture of long kurgans of Pskov type: typology and chronology]. Saarbrücken: Lap Lambert Academic Publishing. 427 p.
- Mil'kov V. V., 1989. Otchet k Otkrytomu listu № 66 o provedenii raskopok arkheologicheskogo kompleksa u dd. Pleso–Poterpelitsy Borovicheskogo r-na, zhal'nika u d. Kaplino v Moshenskom rayone, kurganno-zhal'nichnogo kompleksa Bor–Zaruchev'e v Okulovskom rayone, a takzhe

- arkheologicheskikh razvedok v Lyubytinskom, Moshenskom i Khvoyninskom r-nakh Novgorodskoy oblasti [Report to Licence No. 66 for excavations of archaeological complex near villages Pleso-Poterpelitsy, Borovichi district, ritual complex near village Kaplino, Moshensky district, kurgan and ritual complex Bor-Zaruchev'e, Okulovo district, and archaeological surveys in Lyubytino, Moshensky and Khvoyninsky districts of Novgorod region]. *Archive of IA RAN. (In Russian, unpublished)*.
- Nosov E. N., 1981. Nekotorye obshchie voprosy izucheniya pogrebal'nykh pamyatnikov vtoroy poloviny I tysyacheletiya n. e. v Priil'men'e [Some general problems of investigation of burial sites of second half of I millennium AD in Ilmen' Lake region]. *SA*, 1, pp. 42–56.
- Nosov E. N., 1984. K voprosu o slozhenii pogrebal'nogo obryada dlinnykh kurganov [On problem of formation of burial rite of long kurgans]. *KSIA*, 179, pp. 11–17.
- Pohl W., 2008. Central Europe in the Earlier Middle Ages: conflicts, migrations and ethnic processes. Bukureşti: Editura Academiei Române; Brăila: Editura Istros Muzeului Brăilei. 414 p.
- Popov S. G., 1991. Otchet o rabotakh Gdovskogo otryada IIMK RAN v 1991 g. [Report on activity of Gdov part of IIMKRAN in 1991]. *Archive of IA RAN. (In Russian, unpublished)*.
- Ryuk A.-M., 1979. Nekotorye voprosy sooruzheniya i morfologii kurganov Yugo-Vostochnoy Estonii [Some problems of construction and morphology of kurgans of South-Eastern Estonia]. *Izvestiya Akademii nauk Estonskoy SSR. Obshchestvennyye nauki [Bulletin of Academy of Sciences of Estonian SSR. Social sciences]*, vol. 28, no. 3, pp. 249–265.
- Sedov V. V., 1960. Krivichi [Krivichians]. *SA*, 1, pp. 47–62.
- Sedov V. V., 1974. Dlinnye kurgany krivichey [Krivichians' long kurgans]. Moscow: Nauka. 68 p. (Arkheologiya SSSR. SAI, EI-8).
- Sedov V. V., 1981. Ob etnicheskoy prinadlezhnosti pskovskikh dlinnykh kurganov [On ethnic attribution of long kurgans of Pskov type]. *KSIA*, 166, pp. 5–11.
- Sedov V. V., 1982. Vostochnye slavyane v VI–XIII vv. [East Slavs in VI–XIII cc.]. Moscow: Nauka. 328 p. (Arkheologiya SSSR).
- Sedov V. V., 1989. Formirovanie vostochnoslavianskoy narodnosti [Formation of East-Slavic nation]. *KSIA*, 198, pp. 10–15.
- Sedov V. V., 1995. Slavyane v rannem srednevekov'e [Slavs in early Middle Ages]. Moscow: Fond arkheologii. 416 p.
- Sedov V. V., 1999. Drevnerusskaya narodnost': Istoriko-arkheologicheskoe issledovanie [Ancient Russian nation: Historical-archaeological research]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. 320 p.
- Sedov V. V., 2000. Stanovlenie kul'tury pskovskikh dlinnykh kurganov [Formation of culture of Pskov-type long kurgans]. *Velikaya Skuf' [Scythia the Great]*. Kishinev: Vysshaya Antropologicheskaya Shkola, pp. 26–31. (Stratum plus, 5/2000).
- Sedov V. V., 2005. Sever Vostochnoevropeyskoy ravniny v period pereseleniya narodov i v rannem srednevekov'e (Predystoriya severnovelikorusov) [North of East European plain in Migration period and early Middle Ages (Prehistory of north central Russians)]. *KSIA*, 218, pp. 12–24.
- Shtykhaŭ G. V., 1992. Kryvichy: Pa materyyalakh raskopak kurganoŭ u Paŭnochnay Belarusi [Krivichians: Based on materials of excavations of kurgans in North Byelorussia]. Minsk: Navuka i tekhnika. 190 p.
- Spitsyn A. A., 1903. Udlinennyye i dlinnye russkie kurgany [Elongated and long Russian kurgans]. *Zapiski Otdeleniya russkoy i slavyanskoy arkheologii Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva [Proceedings of Department of Russian and Slavic archaeology, Imperial Russian Archaeological Society]*, vol. V, issue 1, pp. 196–202.
- Taranova S. A., 1954. Dlinnye i udlinennyye kurgany [Long and elongated kurgans]. *SA*, XIX, pp. 77–110.

About the author

Mikhailova Elena R.,
 Saint Petersburg State University, ul. Smolnogo, 1/3, entrance 9, St. Petersburg, 191124,
 Russian Federation,
 e-mail: e.mikhaylova@spbu.ru

И. В. Исланова

СЛОВЕНЕ МЕЖДУ ЛУГОЙ И МОЛОГОЙ (ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ В. В. СЕДОВА НА НОВГОРОДСКИЕ СОПКИ)

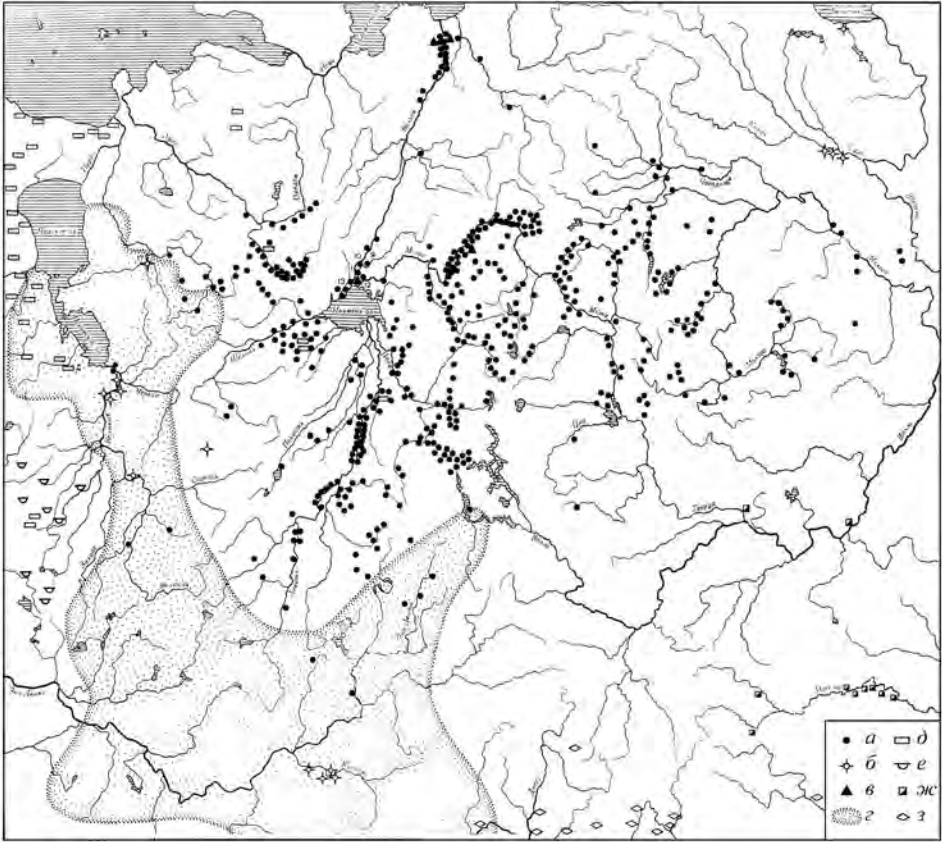
Резюме. Древностям культуры сопки уделялось внимание почти во всех крупных монографиях В. В. Седова. По мере появления новых материалов и новых концепций некоторые взгляды исследователя, а иногда и основные положения корректируются. Дополняются и уточняются терминология и территория размещения памятников, соотношение их с другими древностями, намечается периодизация сопок. В. В. Седов отказывается от первоначально предложенного им деления сопок на три типа. Существенно трансформируется вопрос о времени появления в Приильменье предков носителей культуры сопок: от «второй волны», пришедшей в VI–VII вв. из междуречья Нижней Вислы и Одера, к участию их в «большом потоке средне-европейского населения» в середине I тыс. н. э.

Ключевые слова: этнос, словене, сопка, погребальный обряд, миграция, В. В. Седов.

Первая крупная работа В. В. Седова – кандидатская диссертация «Кривичи и словене», защищенная в 1954 г., – была посвящена изучению раннесредневековых древностей лесной Восточной Европы (Седов, 1954а; 1954б). Со словенами автор, как и большинство исследователей, связывал величественные насыпи – новгородские сопки (рис. 1).

В 50–60-е гг. XX в. В. В. Седову пришлось анализировать материалы, опираясь на неполноценные источники, полученные при раскопках сопок колодцами и траншеями. Вышедший в 1970 г. свод с детальными характеристиками и анализом сопок значительно активизировал изучение этих памятников (Седов, 1970). Последующие раскопки сопок «на снос», наиболее масштабные из которых были только в одном регионе – Старой Ладогe (Петренко, 1994), позволили уточнить конструкцию некоторых насыпей и хронологию, но лишь приоткрыли завесу над их назначением. Из-за трудоемкости полевых работ источниковая база и сейчас пополняется весьма медленно.

В дальнейшем древностям культуры сопок уделялось внимание почти во всех крупных монографиях В. В. Седова. Естественно, что по мере появления новых материалов и новых концепций других исследователей некоторые его взгляды, а иногда и основные положения корректировались.

Рис. 1. Распространение сопок (Седов, 1982. Карта 9)

а – могильники, имеющие в своем составе сопки; *б* – могильники с насыпями, отнесенные к сопкам условно; *в* – поселения, синхронные сопкам; *г* – территория плотного распространения длинных курганов; *д* – каменные могильники эсто-ливского типа; *е* – грунтовые могильники латгалов; *ж* – позднедьяковские городища; *з* – памятники мощинской культуры

Терминология

Данное в диссертации 1954 г. определение термина почти без изменений приводится в своде 1970 г. (Седов, 1970. С. 9): «Сопки – высокие крутобокие насыпи с уплощенной или горизонтальной вершиной и обычно с кольцом из камней в основании – образуют компактный ареал, составляющий древнее ядро Новгородской земли». В 1982 г. В. В. Седов дополняет определение: «Следует отметить, что среди сопок встречаются и насыпи с полусферическими и с коническими верхами. У некоторых высоких и крутобоких насыпей не заметно и валунной обкладки. Она могла не сохраниться, но иногда находится внутри насыпи» (Седов, 1982. С. 58). По всей видимости, дополнения появляются после

критических замечаний Е. Н. Носова, активно обследовавшего во второй половине 70-х гг. XX в. памятники новгородских словен и иллюстрировавшего в докладах наличие у сопок иной формы вершины.

В последующих работах формулировки оттачиваются, дополнения подтверждаются (Седов, 1995. С. 238; 1999. С. 158; 2002. С. 365). В разделах, посвященных культуре сопок, дефиниции почти идентичны: «Сопки – высокие крутобокие насыпи с несколько уплощенной вершиной, обнесенные в основаниях кольцеобразно выложенными валунами. Среди них, правда, есть и насыпи с полусферическими и коническими вершинами, и насыпи без видимой каменной обкладки» (Седов, 1999. С. 158).

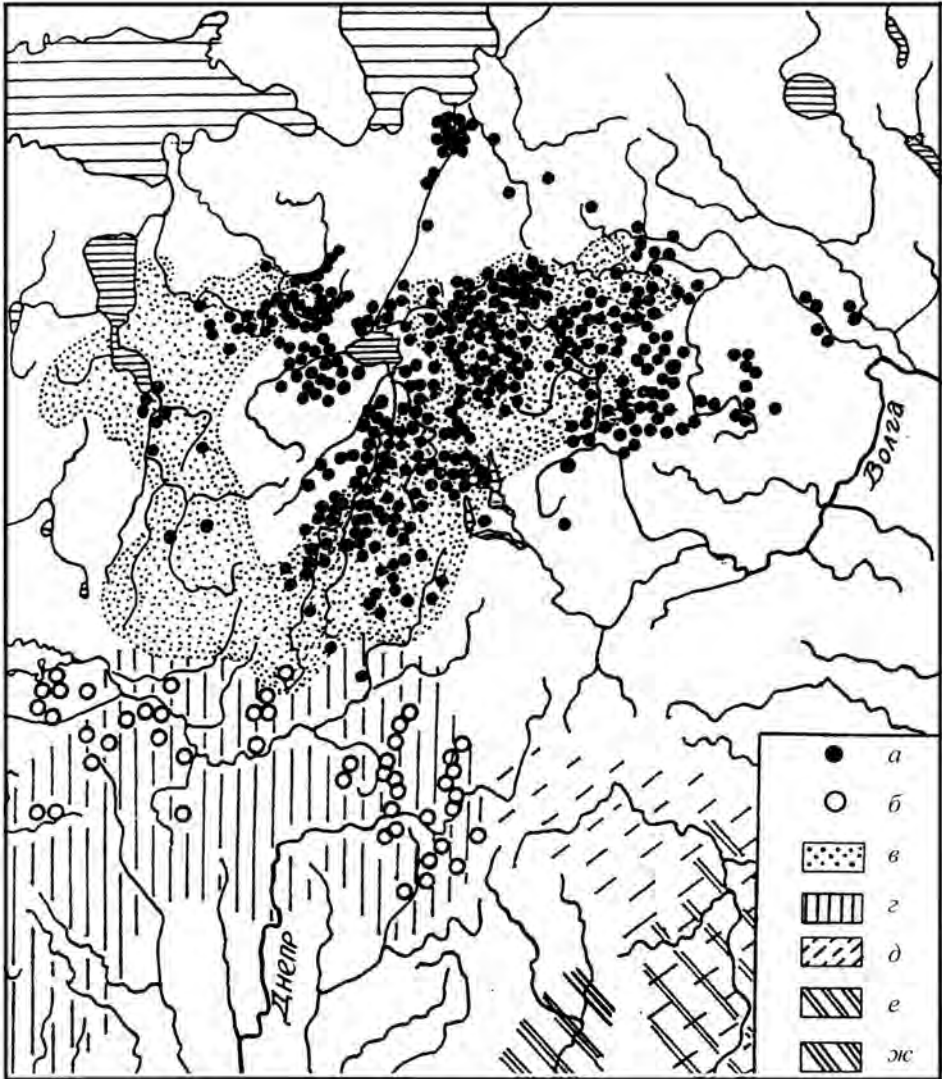
Ареал сопок на картах

Первоначально В. В. Седов делил сопки на три типа: ильменские, ладожские и псковские (Седов, 1954а. С. 6, 7). Карты в работе 1954 г. нет, но приводится описание территорий размещения объектов. Ильменский тип представляет основная масса сопок, распространенных в Приильменье: на средней и нижней Ловати, на Поле, Мсте, Шелони, Волхове и в верхнем течении Луги. Они имеют кольцо из валунов в основании и ярусные захоронения по обряду сожжения на стороне. Сопки ладожского типа сосредоточены только в нижнем течении Волхова, там же, где и ильменские. Они отличаются наличием многочисленных сооружений из камней (площадок, стенок, кладок), связанных с погребениями. На основании аналогов каменных сооружений у эстов и води В. В. Седов предположительно связывает ладожские сопки с западными финнами. Немногочисленные сопки псковского типа находятся на территории псковских длинных курганов, иногда в одном с ними могильнике. В отличие от насыпей других типов, они сооружались в один прием, а захоронения находятся в ящике из каменных плит или в бревенчатой домовине вблизи вершины.

В дальнейшем исследователь отказывается от такой группировки сопок. Но следует отметить, что особый статус сопок псковского типа подтвердился после исследований подобных насыпей (и не только в Псковском регионе). Эти объекты в настоящее время отнесены к погребальным объектам культуры псковских длинных курганов и именуются в литературе как «сопки в борах», «сопковидные курганы», «высокие насыпи культуры длинных курганов» (Кузьмин, 1990. С. 55).

В свод 1970 г. помещено наибольшее число карт, иллюстрирующих основные положения работы: общая территория памятников, область их плотного распространения, размещение исследованных к тому времени сопок в зависимости от их числа в могильниках, почвенная ситуация, способы сооружения сопок, наличие и форма каменных кладок (Седов, 1970. Табл. I–IV, XI, XII, XVIII, XIX). Следует указать, что в основной район распространения сопок были включены также р. Плюсса и «система верхнего и среднего течения Мологи» (Там же. С. 9).

На карте монографии 1982 г., помимо памятников культуры сопок (обозначены не только могильники, но и некоторые поселения), очерчен ареал плотного

Рис. 2. Распространение сопок и длинных курганов (Седов, 1999. Рис. 27)

а – могильники с сопками; б – могильники со смоленско-полоцкими длинными курганами; в – ареал культуры псковских длинных курганов; г – тушемлинской культуры; д – мощинской культуры; е – вятичей; ж – роменской культуры

распространения длинных курганов для иллюстрации разного территориально-го размещения этих памятников (рис. 1) (Седов, 1982. Карта 9).

Исследования конца 70-х – начала 90-х гг. XX в. позволили значительно увеличить число памятников культуры псковских длинных курганов и расширить ее территорию. Вышла серия работ, где анализировалось чересполосное

размещение сопок и длинных курганов и их разная ландшафтная приуроченность (*Конецкий*, 1977. С. 83–85; *Носов*, 1981. С. 46–49; 1982. С. 57, 58). На карте, которая приводится В. В. Седовым в работе 1995 г. и в последующих монографиях, обозначено наложение ареалов сопок и памятников культуры псковских длинных курганов (рис. 2). В текстовом разделе исследователь ссылается на безымянные «результаты археологических наблюдений, выполненных в отдельных регионах», позволившие говорить о том, «что какое-то время население, оставившее длинные курганы, и население культуры сопок проживало на одной и той же территории чересполосно» (*Седов*, 1995. С. 243. Рис. 65; 1999. Рис. 27; 2002. Рис. 77).

Хронология сопок

В 1954 г. В. В. Седов считал, что сопки сооружались от середины I тыс. н. э. до IX–X вв. (*Седов*, 1954а. С. 7). Анализ вещевых материалов позволил к 1970 г. сузить «общие хронологические границы» погребений в сопках до VII–IX вв. (*Седов*, 1970. С. 27). В монографии 1982 г. «общие хронологические границы» определены как VI–IX вв. Однако особо указывается, что нижняя дата опирается только на материалы из сопки у д. Репьи (раскопки Г. С. Лебедева), а основная масса этих памятников относится к VIII–IX вв. (*Седов*, 1982. С. 64). Детальный разбор этапов возведения кургана в Репьях, возникновения здесь вымостки из валунов и плит вполне обоснованно позволил Е. Н. Носову отнести этот объект не к сопкам, а к высоким насыпям культуры длинных курганов (*Носов*, 1981. С. 50–52). Тем самым был ликвидирован аргумент в пользу ранней датировки сопок.

В работах 90-х гг. XX в. остается датировка VIII–IX вв., но с оговоркой, что отдельные захоронения совершались и в X в. В монографии 2002 г. на основании не только хронологии инвентаря, но и после широкого привлечения материалов из исследованных поселений В. В. Седов намечает периодизацию для культуры сопок: VIII в. – сложение новой погребальной обрядности; IX–X вв. – постепенная трансформация в древнерусскую культуру (*Седов*, 2002. С. 371–372).

Функциональное назначение

Во всех работах приводится общепринятое мнение, что сопки – это погребальные памятники новгородских (ильменских) словен, «коллективные усыпальницы» (*Седов*, 1954а. С. 6; 1970. С. 18–21; 1982. С. 62, 64). По мнению В. В. Седова, малочисленность погребений обусловлена только тем, что «какая-то часть их, кажется, довольно значительная, не сохранилась до нашего времени» (*Седов*, 1995. С. 240); высказывания о сакральном характере сопок «принадлежат гипотезам, не подтверждаемым фактологическими данными» (*Седов*, 1999. С. 160). Здесь В. В. Седов, видимо, имел в виду вышедшие публикации, где указывалось на сакральные и сакрально-погребальные функции сопок (*Петров*, 1992. С. 110–113; *Конецкий*, 1987. С. 72, 73; 1992. С. 128). А раскопанную сопку

у бывшей деревни Мерлугино (*Исланова*, 1997. С. 100–110) исследователь считал исключением из правил и отнес к насыпи, где были выявлены «индивидуальные особенности» (*Седов*, 2002. С. 365).

Однако полностью культовый характер сопок в последних работах не отрицается. Так, при характеристике «существенного элемента» сопок – кольца из валунов в основании – В. В. Седов отмечает его «какой-то ритуальный смысл», а также пишет, что «сопки могли зародиться в Приильменье... как кульгово-погребальные сооружения» (*Седов*, 1995. С. 239, 246) и что «...обычай сооружать сопки... связан с какими-то языческими представлениями» (*Седов*, 2002. С. 371).

Исходная территория и пути расселения носителей сопок

В работах 50–80-х гг. XX в. В. В. Седов, отвергая гипотезу о переселении славян в Приильменье из Верхнего Поднепровья, склоняется к их «западному» происхождению и расселению через балтские земли из междуречья Нижней Вислы и Одера (*Седов*, 1954а. С. 13–14; 1970. С. 33; 1982. С. 66). Привлекаются данные палеоантропологии и лингвистики, но указывается, что вопрос происхождения новгородских словен является сложным и материалов для его решения недостаточно. В 1982 г., после установления разной датировки сопок и длинных курганов, появляется описание двух этапов (волн) славянского расселения в лесную зону Восточной Европы: первой появилась группировка, соорудившая длинные курганы, второй миграционный поток – славяне, воздвигавшие сопки. Местное прибалтийско-финское население при этом не покидает мест своего обитания (*Седов*, 1982. С. 64, 66).

В середине 90-х гг. XX в. в связи с появлением новых материалов и, прежде всего, исследований памятников третьей четверти I тыс. н. э. и культуры сопок в Удомельском Поозерье (*Исланова*, 1997. С. 22–88, 126–129) В. В. Седов существенно корректирует предыдущие построения и выдвигает новую концепцию. Он отказывается от «второй миграционной волны», указывая на отсутствие каких-либо археологических свидетельств. Предлагается иное решение проблемы: предки словен ильменских продвинулись «в большом миграционном потоке средневропейского населения» в Поильменье в середине I тыс. н. э. и какое-то время «проживали островками в восточном районе ареала культуры псковских длинных курганов», сохраняя свой культурный облик. В IX–X вв. «культура сопок постепенно трансформируется в древнерусскую культуру». При этом в «общем этногенетическом процессе» приняли участие и носители культуры псковских длинных курганов, и аборигенное прибалтийско-финское население (*Седов*, 1995. С. 245, 246; 1999 С. 161–165; 2002. С. 368–372).

Опираясь для построений только одним поселением и могильником в Удомельском регионе, В. В. Седов предвидел, что подобные объекты будут выявлены «и в некоторых других местах Ильменского бассейна» (*Седов*, 1995. С. 246). В настоящее время (т. е. спустя 20 лет после выхода монографии «Славяне в раннем средневековье») можно говорить о наличии памятников, близких удомельским,

еще не менее чем в трех регионах – Полужье, Приильменье, Верхнее Помостье (Исланова, 2015).

В заключение следует отметить, что В. В. Седов – исследователь, который последовательно отстаивал свои научные позиции, – при появлении новых источников и разработок других ученых мог отказаться от гипотез, «не выдержавших проверку временем», оперативно дополнял и корректировал собственные построения и предвидел будущие открытия.

ЛИТЕРАТУРА

- Исланова И. В., 1997. Удомельское Поозерье в эпоху железа и раннего Средневековья. М.: Эдиториал УРПС. 302 с.
- Исланова И. В., 2015. Культурная ситуация в ареале культуры псковских длинных курганов // КСИА. Вып. 235. С. 327–341.
- Конецкий В. Я., 1977. К вопросу о сопках и длинных курганах в бассейне р. Мсты // Проблемы истории и культуры РСФСР / Отв. ред. В. В. Мавродин. Л.: Ленинградский ун-т. С. 83–85.
- Конецкий В. Я., 1987. Некоторые проблемы общества и культуры населения Приильменя накануне образования Древнерусского государства // История и археология Новгородской земли: тезисы научно-практической конференции / Отв. ред. В. Л. Янин. Новгород: Новгородская правда. С. 18–21.
- Конецкий В. Я., 1992. К изучению социальных структур славянского населения Приильменя в конце I тыс. н. э. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород / Отв. ред. В. Л. Янин. Новгород: Упринформпечать. С. 124–132.
- Кузьмин С. Л., 1990. Высокие погребальные сооружения Северо-Запада Новгородской земли 2-й пол. I тыс. н. э. // Новгород и Новгородская земля. История и археология: Тез. науч. конф. / Отв. ред. В. Л. Янин. Вып. 3. Новгород. С. 53–56.
- Носов Е. Н., 1981. Некоторые общие вопросы изучения погребальных памятников второй половины I тысячелетия н. э. в Приильменьи // СА. № 1. С. 42–56.
- Носов Е. Н., 1982. Проблемы изучения погребальных памятников Новгородской земли (к вопросу о славянском расселении) // Новгородский исторический сборник / Отв. ред. В. Л. Янин. 1 (11). Л.: Наука. С. 43–78.
- Петренко В. П., 1994. Погребальный обряд населения Северной Руси VIII–X вв.: Сопки Северного Поволжья. СПб.: Наука. 138 с.
- Петров Н. И., 1992. О двух традициях сооружения сопок на Северо-Западе // Новгород и Новгородская земля. История и археология / Отв. ред. В. Л. Янин. Новгород: Упринформпечать. С. 108–113.
- Седов В. В., 1954а. Кривичи и словене: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М. 18с.
- Седов В. В., 1954б. Кривичи и словене: Дисс. ... канд. ист. наук // Архив ИА РАН. Р-2. № 1223.
- Седов В. В., 1970. Новгородские сопки. М.: Наука. 57 с. (САИ; вып. Е1-8.)
- Седов В. В., 1982. Восточные славяне в VI–XIII вв. М.: Наука. 327 с. (Археология СССР.)
- Седов В. В., 1995. Славяне в раннем Средневековье. М.: Фонд археологии. 416 с.
- Седов В. В., 1999. Древнерусская народность: Историко-археологическое исследование. М.: Языки русской культуры. 320 с.
- Седов В. В., 2002. Славяне. Историко-археологическое исследование. М.: Языки славянской культуры. 622 с.

Сведения об авторе

Исланова Инна Васильевна,
Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия,
e-mail: ivisl@mail.ru

I. V. Islanova

The Slovene Population Between the Luga and the Mologa Rivers
(Evolution of V. V. Sedov's Views on Novgorod Sopka-type Burial Mounds)

Abstract. All important monographs of V. V. Sedov devoted some attention to the antiquities of the sopka-type burial mound culture. As new artifacts and new concepts appeared some of the scholar's views and sometimes his main statements were revisited. Terminology and the location area of the sites, their correlation with other antiquities were expanded and specified, the periodization of the sopka-type burial mounds was currently under way. V. V. Sedov decided not to use the classification of the sopka-type burial mounds into three types that he had originally suggested. The time when the ancestors of the sopka-type burial mound population arrived in the Lake Ilmen region has been substantially modified and is presently viewed as the period starting from the second wave coming from the Lower Vistula and the Oder valleys in the 6th–7th centuries to participation in a large stream of the Middle Europe population in the middle of the 1st mill. AD.

Keywords: ethnos, Slovene, sopka-type burial mound, burial rite, migration, V. V. Sedov.

REFERENCES

- Islanova I. V., 1997. Udomel'skoe Poozer'e v epokhu zheleza i rannego srednevekov'ya [Udomlya Lake region in Iron and early Middle Ages]. Moscow: Editorial URSS. 302 p.
- Islanova I. V., 2015. Kul'turnaya situatsiya v areale kul'tury pskovskikh dlinnykh kurganov [Cultural situation within zone of Pskov-type long kurgans culture]. *KSIA*, 235, pp. 327–341.
- Konetskiy V. Ya., 1977. K voprosu o sopkakh i dlinnykh kurganakh v bassejne r. Msty [On problems of sopka mounds and long kurgans in Ruver Msta basin]. *Problemy istorii i kul'tury RSFSR [Problems of history and culture of RSFSR]*. V. V. Mavrodin, ed. Leningrad: Leningradskiy universitet, pp. 83–85.
- Konetskiy V. Ya., 1987. Nekotorye problemy obshchestva i kul'tury naseleniya Priil'men'ya nakanune obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva [Some problems of society and culture of population of Ilmen' Lake region before formation of Medieval Russian state]. *Istoriya i arkhologiya Novgorodskoy zemli: tezisy nauchno-prakticheskoy konferentsii [History and archaeology of Novgorod land: abstracts of scientific-practical conference]*. V. L. Yanin, ed. Novgorod: Novgorodskaya pravda, pp. 18–21.
- Konetskiy V. Ya., 1992. K izucheniyu sotsial'nykh struktur slavyanskogo naseleniya Priil'men'ya v kontse 1 tys. n. e. [On research of social structures of Slavic population in Ilmen' Lake region in late 1 mill. AD]. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkhologiya. [Novgorod and Novgorod land. History and archaeology]*. V. L. Yanin, ed. Novgorod: Uprinformpechat', pp. 124–132.
- Kuz'min S. L., 1990. Vysokie pogrebal'nye sooruzheniya Severo-Zapada Novgorodskoy zemli 2-y pol. I tys. n. e. [High burial constructions of North-West of Novgorod land in 2nd half of I mill. AD]. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkhologiya: tezisy nauchnoy konferentsii [Novgorod and Novgorod land. History and archaeology: abstracts of scientific conference]*, 3. V. L. Yanin, ed. Novgorod, pp. 53–56.
- Nosov E. N., 1981. Nekotorye obshchie voprosy izucheniya pogrebal'nykh pamyatnikov vtoroy poloviny I tysyacheletiya n. e. v Priil'men'e [Some general problems of investigation of burial sites of second half of I millennium AD in Ilmen' Lake region]. *SA*, 1, pp. 42–56.
- Nosov E. N., 1982. Problemy izucheniya pogrebal'nykh pamyatnikov Novgorodskoy zemli (k voprosu o slavyanskom rasselenii) [Problems of burial sites research in Novgorod land (on problem of Slavic settling)]. *Novgorodskiy istoricheskiy sbornik [Novgorod historical transactions]*, 1 (11). V. L. Yanin, ed. Leningrad: Nauka, pp. 43–78.
- Petrenko V. P., 1994. Pogrebal'nyy obryad naseleniya Severnoy Rusi VIII–X vv.: Sopki Severnogo Povolkhov'ya [Burial rite of North Rus population in VIII–X cc.: Sopka mounds of northern Volkhov region]. St. Petersburg: Nauka. 138 p.

- Petrov N. I., 1992. O dvukh traditsiyakh sooruzheniya sopok na Severo-Zapade [On two traditions of sopka mounds construction in the North-West]. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya* [Novgorod and Novgorod land. History and archaeology]. V. L. Yanin, ed. Novgorod: Uprinformpechat', pp. 108–113.
- Sedov V. V., 1999. Drevnerusskaya narodnost': Istoriko-arkheologicheskoe issledovanie [Ancient Russian nation: Historical-archaeological research]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. 320 p.
- Sedov V. V., 1954a. Krivichi i slovene: avtoreferat kand. diss. [Krivichians and Slovens: Ph. D. thesis]. Moscow. 18 p.
- Sedov V. V., 1954b. Krivichi i slovene: dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk [Krivichians and Slovens: Manuscript presented for Ph. D. degree]. *Archive of IA RAN. (In Russian, unpublished)*.
- Sedov V. V., 1995. Slavyane v rannem srednevekov'e [Slavs in early Middle Ages]. Moscow: Fond arkheologii. 416 p.
- Sedov V. V., 2002. Slavyane. Istoriko-arkheologicheskoe issledovanie [Slavs. Historical-archaeological research]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. 622 p.
- Sedov V. V., 1970. Novgorodskie sopki [Novgorod sopka mounds]. Moscow: Nauka. 57 p. (Arkheologiya SSSR. SAI, E1-8).
- Sedov V. V., 1982. Vostochnye slavyane v VI–XIII vv. [East Slavs in VI–XIII cc.]. Moscow: Nauka. 327 p. (Arkheologiya SSSR).

About the author

Islanova, Inna V.,
Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova 19, Moscow,
117036, Russia,
e-mail: ivisl@mail.ru

Н. В. Лопатин, Б. Н. Харлашов

НОВЫЕ ДАННЫЕ ОБ ОКРУГЕ ИЗБОРСКА В X–XII вв.

Резюме. В статье вводятся в научный оборот материалы новых полевых исследований памятников округа раннего Изборска – времени функционирования города на Труворовом городище. Два погребения изучено на могильнике Усть-Смолка. Одно из них, женское труположение XI в., примечательно относительно богатым инвентарем, в составе которого присутствуют элементы древностей лаггалов. На селище у д. Брод собрана небольшая, но представительная коллекция керамики X–XII вв. Приводится карта памятников округа Изборска, выдвинуты гипотезы о динамике жизни города и округа как единого поселенческого организма.

Ключевые слова: археология Древней Руси, Изборск, Труворово городище, округа, труположение, керамика.

В составе Изборской экспедиции Валентина Васильевича Седова в 1970–1980-е гг. работали отряды по изучению округа Изборска. Проводились как исследование погребальных памятников, так и разведочные работы (Седов, 1976; 1988; Александров, Белецкий, 1978; Сергеева, 1979а; Грушина, 2009; Харлашов, 1986). И все же, несмотря на то, что В. В. Седов является одним из пионеров археологического изучения древнерусских сельских поселений (Седов, 1960), этот аспект изучения региона Изборска не получил объемного воплощения в рамках работы Изборской экспедиции. В те годы основной акцент научных интересов Валентина Васильевича был перенесен на исследование городов: Изборска, Пскова и общих закономерностей развития древнерусского города.

Изучение памятников ближайшей округи Изборска (рис. 1: с. 345), системы расселения и ее динамики остается в настоящее время одной из актуальных задач изборской археологии. Мы уверены, что это направление исследований способно пролить дополнительный свет и на историю собственно города. В данной статье представлены результаты небольших новых полевых работ на двух памятниках, выполненных в данном направлении.

Курганный могильник Усть-Смолка расположен в 350 м к востоку от Городищенского оз. на одном из возвышенных плато, формирующих края Изборско-Мальской долины (рис. 1, II). Курганный могильник – одна из составляющих археологического комплекса: кроме него, здесь известно селище на берегу

озера, датирующееся от середины I тыс. н. э. до XII–XIII вв., жальничный могильник, каменные кресты.

Курганная группа Усть-Смолка изучалась впервые Ф. Крузе в 1840 г., отрывочные данные о результатах тех раскопок анализировались В. В. Седовым (Седов, 1988. С. 98). В 1979 г. Л. Е. Сергеевой (Грушиной) был составлен план расположения археологических памятников на восточном берегу Городищенского озера (Сергеева, 1979б), уточненный в 1998 г. А. Е. Королевым и Б. Н. Харлашовым (Королев и др., 2000). В 1999 г. Н. В. Лопатиным исследовался курган 3, насыпь которого в значительной степени состояла из известняковых камней, и прилегающая к нему территория. Были изучены 4 труположения, датирующиеся XI в., и два более ранних трупосожжения (Лопатин, 2004. С. 200–204).

В 2008, 2014 и 2015 гг. раскопки могильника продолжены Б. Н. Харлашовым. В 2008 г. проведены раскопки каменной насыпи, расположенной неподалеку от кургана 3. Выяснено, что эта насыпь является результатом ремесленной деятельности – обработки известняка (Харлашов, 2008).

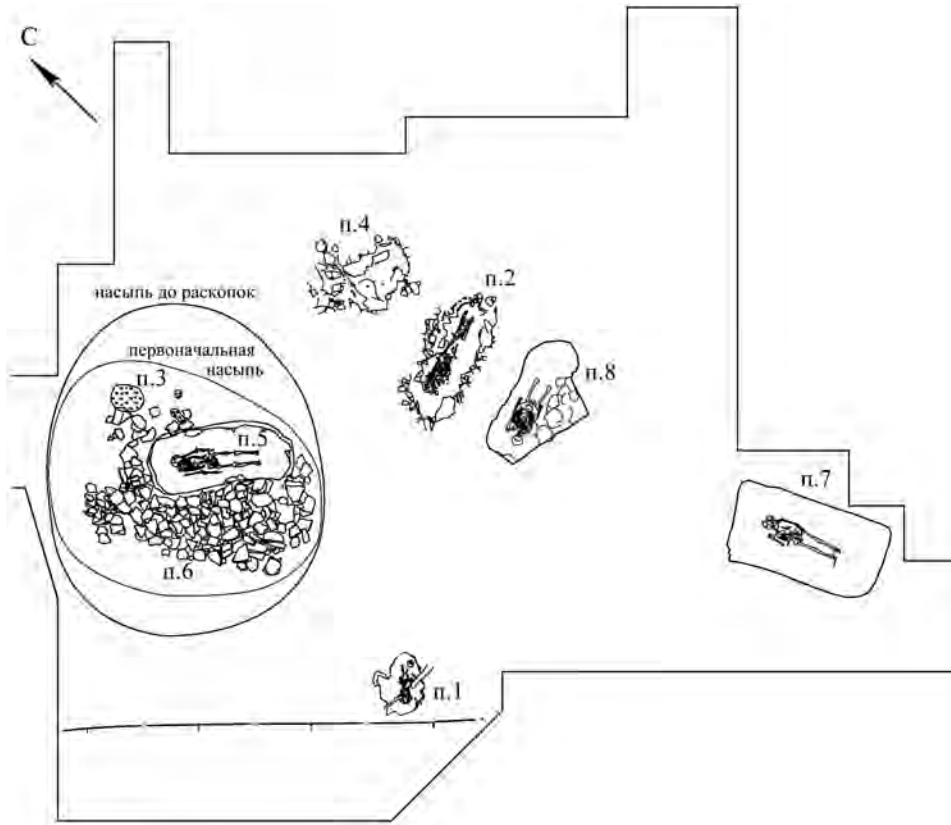
Раскопы 2014 и 2015 гг. общей площадью 90 м² располагались между курганами 3 и 4 и примыкали с юго-востока к раскопу 1999 г. Площадка была хорошо задернована и имела небольшой наклон в юго-восточном направлении. Перепад высот на уровне дневной поверхности составлял 78 см. Еще до начала археологических раскопок на поверхности прослеживались следы распашки 1960–1970-х гг.

Под дерном находился темно-серый слой толщиной от 0,2 м до 0,75 м, сформировавшийся за время функционирования могильника и последующего хозяйственного освоения территории. Наиболее ранние находки из слоя могильника – височное проволочное серебряное спиралеконечное кольцо, синяя стеклянная бусина и фрагменты лепной керамики. К периоду Средневековья относятся серебряная монета (денарий?), железный наконечник арбалетного болта и железное разделительное кольцо с двумя обоймицами. В слое найдены также 22 фрагмента гончарной керамики, часть которых, судя по форме венчиков, может быть датирована XV–XVIII вв.

Исследовано два труположения – № 7 и 8 по общей нумерации погребений могильника. При совмещении планов раскопов 1999, 2014 и 2015 гг. оказалось, что четыре погребения расположены в один ряд, хотя одно из них (№ 7) ориентировано перпендикулярно остальным (рис. 2).

Наиболее интересно погребение 7. Погребальная камера, заполненная в верхней части плитняком, имела размеры 2,8 × 1,4 м, размеры камней в заполнении от 8 × 10 см до 25 × 36 см. Камни, находившиеся вдоль краев ямы, располагались почти вертикально, а в центральной части заполнения лежали либо горизонтально, либо под небольшим углом наклона (рис. 3, а). Пространство между ними было заполнено щебнем и глиной. Глубина камеры относительно уровня материка составляла 22–36 см. Дно камеры, на уровне которого было обнаружено погребение, – ровная известняковая скала.

Особенности расположения камней в заполнении камеры позволяют реконструировать следующую последовательность сооружения погребальной конструкции. Вначале в скале была вырублена яма. Затем камера по периметру

Рис. 2. Могильник Усть-Смолка. Сводный план погребений, изученных на могильнике Усть-Смолка в 1999, 2014 и 2015 гг.

была обложена плитняком на высоту 3–4 рядов (около 30 см), возможно, с применением связующего материала (глины). После совершения захоронения верх камеры был перекрыт, предположительно, деревянным настилом, на который сверху уложили плитняк. После этого над камерой, вероятно, была возведена насыпь, следы которой в раскопе проследить не удалось.

Использование дерево-каменного перекрытия могильной ямы было установлено и для впускного захоронения 5 в кургане 3 изучаемого могильника (Лопатин, 2009. С. 85).

Точные аналогии конструкции камеры погребения 7 нам неизвестны. Можно обнаружить некоторое сходство с каменным ящиком, исследованным в кургане 3 Мальского курганно-жальничного могильника. Однако в том случае мужское труположение XI в. располагалось не в яме, а на горизонте (на дне ящика). Сам же ящик, имея небольшую ширину, был перекрыт крупными известняковыми плитами. В. В. Седов, исследовавший курган, связал использование подобных сооружений в округе Изборска с погребальной обрядностью эстов в начале II тыс. н. э. (Седов, 1976. С. 92–95).

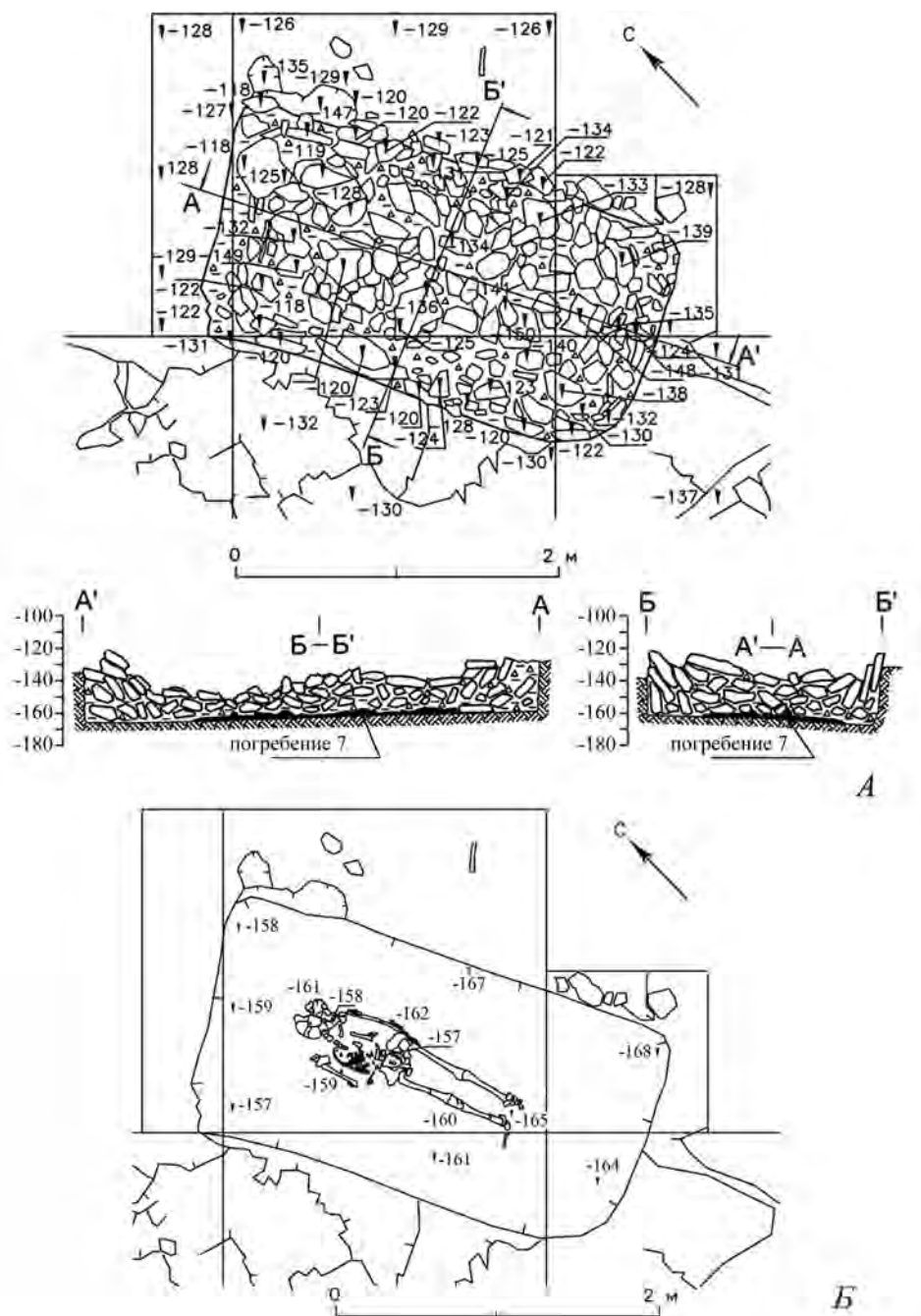

Рис. 3. Могильник Усть-Смолка. Погребение 7

А – верхняя часть заполнения погребальной камеры и разрезы; Б – расположение костяка

Согласно антропологическому определению, в камере была погребена женщина в возрасте около 50 лет¹. Погребенная была помещена в центре сооружения на спине и ориентирована вдоль его длинной оси головой на север с небольшим отклонением к западу (рис. 3, б).

Несмотря на то, что погребение не было нарушено позднейшими вторжениями, сохранность костяка неудовлетворительна. Череп оказался расплюснутым в результате обрушившегося со временем перекрытия из плитняка. Перед тем как череп был раздавлен, он уже находился повернутым лицевой частью влево. Кости грудной клетки сохранились плохо и лежали не в анатомическом порядке. Кости левой руки, плечевая кость правой руки расположены вдоль костяка. Кости таза, так же как и череп, раздавлены. Ноги вытянуты. Частично сохранились кости стоп.

Сохранность костяка говорит о том, что разложение связующих тканей скелета произошло еще до того, как обрушилось перекрытие камеры. Расположение черепа на костях плечевого пояса, скорее всего, говорит о том, что голова погребенной была приподнята над полом камеры и опиралась на достаточно прочную подкладку. После разрушения шейных позвонков череп естественным путем переместился в область верхней части грудной клетки. О том, что верхняя часть туловища была слегка приподнята над дном камеры, может свидетельствовать изогнутая линия позвоночника.

Из погребения происходит многочисленный инвентарь. Сверху, справа и под черепом были найдены фрагменты головного венца («вайнаги») из бронзовых спиралек в 5 рядов, нанизанных на лыковые жгуты и скрепленных пластинами-обоймицами из белого металла (серебро?). Одна из обоймиц оказалась украшена напаянной пластинкой с геометрическим орнаментом (рис. 4, 1, 2: с. 346).

Вероятно, к головному венцу крепилось серебряное (?) проволочное височное кольцо с загнутым в спираль концом (рис. 4, 3). Еще одно спиралеконечное височное кольцо найдено в юго-западном углу камеры (рис. 4, 4). Такие украшения встречаются в разных регионах в славянских памятниках VIII–X вв. Кроме них, в области черепа обнаружены 2 сомкнутоконечных бронзовых (?) проволочных кольца, один конец которых обрублен (рис. 4, 6, 7), а другой заострен, и одно кольцо с заостренными концами (рис. 4, 5). Такие кольца известны как в культуре длинных курганов, так и в курганах X – начала XI в. в Юго-Восточном Приладожье и Ярославском Поволжье. Кольца перечисленных типов найдены и при раскопках Труворова городища в Изборске (Седов, 2007. С. 93).

Таким образом, убранство головы погребенной имело гибридную этническую окраску, сочетая латгальские и славянские элементы. Подобное сочетание известно, например, в курганных могильниках Тверского Поволжья (Степанова, 2010. С. 287). Венчики-вайнаги найдены в целом ряде могильников на территории смоленско-полоцких кривичей (Седов, 1982. С. 164).

В области правого плеча найдена серебряная подвеска-дирхем с частично сохранившимся бронзовым ушком (рис. 4, 8)². В правой стороне плечевого отдела

¹ Определение с. н. с. НИИ и Музея антропологии МГУ к. б. н. Д. В. Пежемского.

² Саманиды, Мансур б. Нух, аш-Шаш, 356 (966/967 г.) или 357 (967/968 г.) г. х. Определение А. Гомзина.

обнаружена фрагментированная бронзовая пластина с отверстием (рис. 4, 12). На костях правой стороны грудной клетки – бронзовая цепочка из двояных колец длиной 16 см (рис. 4, 13). Подобные цепочки различной длины являлись непременной составной частью сложных нагрудных женских украшений балтских и финно-угорских племен.

Справа от правого колена лежал серебряный (?), орнаментированный «волчьим зубом» пластинчатый широкосрединный перстень с длинными заходящими концами, обернутыми вокруг щитка (рис. 4, 9). Перстни такого типа получили название «усатые». Наиболее ранние их экземпляры в латгальских и финских древностях датируются IX–X вв., затем распространяются по другим регионам. На Труворовом городище аналогичный перстень найден в нижнем слое (Седов, 2007. С. 97). В Новгороде широкосрединный «усатый» перстень обнаружен в слое 20–50-х гг. XI в. (Седова, 1981. С. 130).

Рядом с перстнем найден большой бронзовый грушевидный крестопорезной бубенчик (рис. 4, 10). В месте наибольшего расширения бубенчик украшен двумя горизонтальными линиями, нижняя его часть орнаментирована параллельными косыми линиями. Этот тип бубенчиков датируется, по новгородской хронологии, от середины X до середины XII в. (Там же. С. 156). Есть такая находка и на Труворовом городище. В. В. Седов рассматривал такие бубенчики как довольно ранние (IX–X вв.) и не исключал их поступление в Изборск из стран северной Европы (Седов, 2007. С. 96).

С правой стороны от костей таза обнаружен бронзовый двухпроволочный браслет с завязанными концами (рис. 4, 14). Аналогичные браслеты известны в курганах могильников восточного Причудья Ольгин Крест и Калихновщина, где такие предметы входят в комплексы находок XI–XII вв. (Стицын, 1903. С. 60, 97. Табл. XII: 1, 2). Есть они и среди находок Люцинского могильника (Ciglis, Radīņš, 2002. 89. lpp., 30. att.), а также на других памятниках X–XII вв.

С левой стороны левой ноги у колена находился развал гончарного сосуда (рис. 5А: с. 347) диаметром по венчику 11–12 см, орнаментированного многорядной волной в сочетании с линейным орнаментом. Сосуд приземистый, плохо сформованный и слабообожженный. По-видимому, он был сделан специально для погребения, т. к. качество изготовления не позволило бы пользоваться им в быту сколь-нибудь продолжительное время. На Труворовом городище такая керамика характерна для нижнего горизонта древнерусского слоя (Седов, 2007. С. 301, 303). Сосуд сходной профилировки с линейным орнаментом по плечу происходит из погребения 2 могильника Усть-Смолка (Лопатин, 2009. С. 85).

Вблизи от горшка найдено крупное биконическое пряслице из розового шифера (рис. 4, 11).

Под тазовыми костями погребенной на пол камеры был положен железный гвоздь (рис. 4, 15), назначение которого непонятно. Еще одна находка из железа – небольшой нож с широкой спинкой (рис. 4, 16), который лежал в юго-восточном углу камеры рядом с височным кольцом. Кроме того, рядом с браслетом обнаружен железный предмет размерами 7 × 0,7 см клиновидного сечения (рис. 4, 17).

Наибольшее количество находок – это бусы (69 шт.) и бисер (119 шт.), а также бронзовые проволочные колечки (112 шт.) диаметром 4–5 мм. Почти все эти предметы были найдены в области грудной клетки и живота.

Самую большую группу составляют синие и желтые бусы. Синие двух- и многочастные экземпляры, сделанные навивкой, делятся на две группы. Первая представлена крупными бусами зонной формы, иногда сдвоенными и строенными (рис. 4, 24, 28). Такие бусы часто встречаются во второй половине X – XI в. Вторая группа – бусы-пронизки иных пропорций, с небрежно выделенными, часто асимметричными сегментами (некоторые бусы на рис. 4, 18). Они датируются более узко – концом X – XI в.

В достаточном количестве присутствуют желтые «лимонки» одно-, двух- и трехчастные из тянутых трубочек (рис. 4, 30). Одночастность считается сравнительно поздним признаком этого типа, многочастность (больше двух сегментов) – ранним. Среди желтых «лимонок» встречаются крупные двуслойные экземпляры с сердцевинной прозрачного бесцветного или желтоватого стекла. Такие бусы встречаются с конца X в., преимущественно обнаруживаясь в XI в.

Среди скопления желтых бус встречены два экземпляра желтого рубленого бисера. Такой бисер датируется широко, но его верхняя дата укладывается в те же хронологические рамки. Желтый рубленый бисер относится к наиболее ранним бусам в этом погребении.

Найдены три бусины с концентрическими глазками (рис. 4, 25–27) и две – с глазками в петлях (рис. 4, 20, 21). Последние бытуют во второй половине X – XI в. Наиболее ранней узкодатируемой из всего комплекса бус можно считать шарообразную черную бусину с желтой полосой (рис. 4, 22), нижняя дата которой определяется концом X в., а верхняя не очень отчетливо локализуется в первой половине XI в. Основная часть бисера выполнена навивкой и относится к XI в. (рис. 4, 19, 29). Предварительно, до завершения полного анализа всего ансамбля бус, он может быть датирован первой третью или первой половиной XI в. Единственным экземпляром представлена цилиндрическая бусина из известняка (рис. 4, 23)³.

Бусы и бисер распространены по погребению неравномерно. Зафиксировано компактное скопление синих многочастных пронизок, темного и зеленого бисера с левой стороны от тазовых костей (рис. 4, 18, 19). Скопление темного бисера обнаружено между правой плечевой костью и костями грудной клетки, а также в области живота (рис. 4, 29).

Бронзовые проволочные колечки (рис. 4, 31, 32) также образуют несколько скоплений: в области верхней части грудной клетки, с правой и с левой сторон грудной клетки. Несомненно, колечки украшали верхнюю часть костюма погребенной, предположительно, наплечное покрывало «виллайне» (Седов, 1987. С. 361).

По результатам раскопок трудно сказать, какие из бус (вместе с дирхемом) входили в состав шейного ожерелья, а какие были использованы для украшения погребального костюма. Совершенно определенно можно говорить о том, что скопления бисера и бус у левой ноги рядом с горшком, а также с правой стороны грудной клетки не случайны и отражают целенаправленные обрядовые действия. Скорее всего, бисер был помещен в какие-то емкости.

³ Определение бус выполнено И. Н. Кузиной (ИА РАН) и Я. В. Френкелем (Гос. Эрмитаж).

В южной части погребальной камеры найдены два фрагмента костей животных. Один из них неопределим, а другой является фрагментом левой плечевой кости молочного поросенка⁴.

В северной части камеры на уровне дна обнаружен фрагмент истлевшей древесины размерами 22 × 5 см, ориентированный перпендикулярно длинной оси камеры. Возможно, это остатки обрушившегося перекрытия либо деревянного изделия, находившегося в камере.

Из зоны погребения для специальных исследований были взяты несколько образцов органики. Выяснилось, что в образце из области черепа содержатся в большом количестве чашечки, лепестки, семена, мелкие веточки душицы; семена тимьяна ползучего, семя мари белой, лист злака мятлика лугового, несколько венчиков синяка, несколько семян песчанки, щепочки сосны. В образце, взятом из-под браслета, обнаружены семя березы бородавчатой и стружка сосны⁵. Надо полагать, что травы и стружка использовались при обустройстве погребения.

Конструкция камеры и обилие погребального инвентаря показывают, что это одно из самых богатых захоронений, известных по раскопкам в округе Изборска рассматриваемого периода. Характерные элементы костюма погребенной (головной венец «вайнаги», признаки присутствия на погребенной наплечного покрывала «виллайне») находят прямые аналогии среди древностей латгалов и других балтских племен. Важно отметить, что северная ориентировка погребенной сближает это захоронение с обрядом, распространенным на территории земгалов (Седов, 1987. С. 372).

Возможно, этническую окраску имеет использование луговых трав в погребальном обряде. Например, в могильниках латгалов существовал обычай помещать под голову букет из папоротника (могильник Рикополе) (Радиньш, 1987. С. 80–82).

Именно в женских захоронениях курганных могильников латгалов, расположенных в восточном ареале расселения этого племени, из орудий труда известны только железные ножи. Также в латгальских женских погребениях часты находки пряслиц для веретена из различных материалов (Радиньш, 2001. С. 94).

В. В. Седов на материалах Труворова городища и могильников округа Изборска и Пскова приходил к выводу о присутствии здесь балтского, в том числе латгальского, населения (Седов, 2007. С. 395–396). В литературе высказано мнение о том, что латгальское культурное влияние в регионе Изборска обязано посредничеству особой этнически смешанной группы прибалтийско-финского населения, оставившего могильник Сиксяля и подобные памятники к юго-западу от Изборска (Valk, 2009. P. 171). Нам представляется, что комплекс погребения 7 могильника Усть-Смолка, имеющий явные балтские черты, но в то же время не находящий прямых аналогий в материалах могильника Сиксяля (Laul, Valk, 2007; Valk et al., 2014), свидетельствует о наличии и других,

⁴ Определение выполнено с. н. с. Зоологического института РАН к. б. н. М. В. Саблиным.

⁵ Анализ образцов выполнен доцентом Псковского государственного университета к. б. н. И. Г. Соколовой.

непосредственных, вариантов славяно-балтского взаимодействия в округе Изборска.

Селище Брод расположено в 1,2 км к северу от Труворова городища, на низкой надпойменной террасе правого берега р. Сходницы, соединяющей Городищенское и Мальское оз., на территории современной деревни (рис. 1, 8). В 2014 г. была проведена разборка культурного слоя из заполнения котлована погребя, вырытого на территории одного из земельных участков в центральной части селища. Эти небольшие работы дали весьма интересный и показательный набор керамического материала, хорошо датированный на основе керамической шкалы Пскова и Изборска (Белецкий, 1980. С. 6, 7; Кильдюшевский, 2002; Королева и др., 2003; Лопатин, 2007).

На рис. 5Б показаны наиболее крупные фрагменты. Количественная представленность отдельных типов пропорционально соответствует всей коллекции. Присутствуют все основные группы керамики X–XIII вв.: 1) лепная (рис. 5Б, 1, 2); 2) раннекруговая (рис. 5Б, 3, 4); 3) разные типы круговой «эсвидной» XI – начала XII в. (рис. 5Б, 5–8); 4) с цилиндрическим горлом – XI в. (рис. 5Б, 9); 5) с раструбовидным горлом – XII в. (рис. 5Б, 10, 11); 6) с коротким раструбовидным горлом и горизонтальным срезом края – XII в. (рис. 5Б, 12); 7) с резко отогнутым наружу краем, снабженным бортиком, – XIII в. (рис. 5Б, 13).

Обращает на себя внимание состав этой коллекции в сравнении с материалами Труворова городища, с учетом данных по селищу Усть-Смолка (рис. 1, 12), с которого происходит аналогичный подъемный материал (Лопатин, 2002. Рис. 3, 4). Во-первых, на городище крайне малочисленна керамика с раструбовидным горлом (типа рис. 5Б, 10, 11). Возможно, это свидетельствует о снижении интенсивности городской жизни и переходе основной части населения в близлежащие деревни. Во-вторых, наоборот, керамика XIII в., единично представленная в материалах селища Брод, на Труворовом городище составляет более половины всей керамической коллекции. Вероятно, в это беспокойное время основная часть населения округа концентрировалась под защитой городских стен и на посаде города. Однако для проверки последнего предположения необходимо изучение других селищ в округе, в том числе расположенных на более высоких террасах долины, чем селища Брод и Усть-Смолка.

ЛИТЕРАТУРА

- Александров А. А., Белецкий С. В., 1978. Исследование памятников у дер. Лезги // АО 1977 г. М.: Наука. С. 5.
- Белецкий С. В., 1980. Культурная стратиграфия Пскова (археологические данные к проблеме происхождения города) // КСИА. Вып. 160. С. 3–18.
- Грушина Л. Е., 2009. Курганно-жальничный могильник близ дер. Верепково; Курганный могильник у дер. Лопатово (Турок) Печорского района Псковской области; Жальнично-грунтовый могильник у дер. Новая Печорского района Псковской области // Сетумаа – 2. Археология и ранняя история (до 1920 года). CD-диск ко 2-му тому. Тарту: Эстонский национальный музей. С. 53–64. (На рус. яз.) (Печатная версия: Setomaa – 2. Vanem ajalugu muinasajast kuni 1920. aastani. Tartu, 2009.)
- Кильдюшевский В. И., 2002. Керамика Пскова XII–XVII вв. // Ладога и ее соседи в эпоху Средневековья / Отв. ред. А. Н. Кирпичников. СПб.: ИИМК РАН. С. 5–33.

- Королев А. Е., Харлашов Б. Н., Воронкова Е. В., 2000. Работы в Печорском районе Псковской области // АО 1998 года. М.: Эдиториал УРСС. С. 32–33.
- Королева Э. В., Кулакова М. И., Степанов С. В., 2003. Керамика средневекового Пскова X–XVII вв. // АИППЗ: Мат-лы науч. семинаров за 2001–2002 гг. Псков: Изд-во Псковского областного центра народного творчества. С. 73–79.
- Лопатин Н. В., 2002. Итоги изучения археологического комплекса Усть-Смолка в 1999–2001 гг. // Изборск и его округа: Мат-лы науч.-практич. конф., посвящ. 30-летию Изборской археологической экспедиции, 6–7 сентября 2001 г. / Отв. ред. В. В. Седов. Псков. С. 48–52.
- Лопатин Н. В., 2004. Новые данные о предыстории Изборска // Восточная Европа в Средневековье: К 80-летию В. В. Седова. М.: Наука. С. 200–206.
- Лопатин Н. В., 2007. Проблемы изучения керамики Изборска // АИППЗ: Семинар им. акад. В. В. Седова: Мат-лы ЛП заседания, посвящ. пам. проф. А. Р. Артемьева. Псков. С. 217–231.
- Лопатин Н. В., 2009. Могильник Усть-Смолка 3 // Setomaa 2. Vanem ajalugu muinasajast kuni 1920. aastani. Eesti Rahva Museum 100. Tartu. (DVD приложение). С. 84–86.
- Радиньш А. А., 1987. Новые данные о курганном обряде на территории латгалов в первой половине II тысячелетия н. э. (по материалам Резекненского р-на) // КСИА. Вып. 190. С. 80–83.
- Радиньш А. А., 2001. Погребальный обряд и инвентарь латгальских захоронений 10–13 веков // Archaeologia Lituana. № 2. Vilnius. С. 65–118.
- Седов В. В., 1960. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли. М.: Изд-во АН СССР. 159 с. (МИА; № 92.)
- Седов В. В., 1976. Мальской курганно-жальничный могильник близ Изборска // КСИА. Вып. 146. С. 87–95.
- Седов В. В., 1982. Восточные славяне в VI–XIII вв. М.: Наука. 328 с. (Археология СССР)
- Седов В. В., 1987. Земгалы // Финно-угры и балты в эпоху Средневековья / Отв. ред. В. В. Седов. М.: Наука. С. 37–375. (Археология СССР)
- Седов В. В., 1988. Погребальные памятники Изборска // Археологические памятники Европейской части РСФСР: Погребальные памятники. М. С. 91–106.
- Седов В. В., 2007. Изборск в раннем Средневековье. М.: Наука. 413 с.
- Седова М. В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука. 195 с.
- Сергеева Л. Е., 1979а. Разведки в Печорском районе Псковской обл. // АО 1978 г. М.: Наука. С. 38–39.
- Сергеева Л. Е., 1979б. Отчет о разведке в Печорском и Палкинском р-нах Псковской области в 1979 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 7906.
- Спицын А. А., 1903. Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова. СПб.: Тип. Гл. Управления Уделов. 124 с. (Материалы по археологии России, издаваемые Археологической комиссией; № 29.)
- Степанова Ю. В., 2010. Хронология древнерусских погребальных памятников Верхневолжья // КСИА. Вып. 224. С. 285–296.
- Харлашов Б. Н., 1986. Археологическое изучение селищ Изборской округи // КСИА. Вып. 183. С. 70–76.
- Харлашов Б. Н., 2008. Отчет об археологических раскопках на территории курганного могильника Усть-Смолка близ пос. Изборск Печорского р-на Псковской области в 2008 году // Архив ИА РАН.
- Ciglis J., Rādiņš A., 2002. Ludzas Odūkalna kapulauka katalogs. Rīga: Latvijas vēstures muzejs. 250 lpp.
- Laul S., Valk H., 2007. Siksälä. A community at the frontiers. Iron age and medieval. Tallinn; Tartu: University of Tartu, Institute of History and Archaeology. 237 p.
- Valk H., 2009. Hilisrauaaeg (1000/1050–1225) // Setomaa – 2. Vanem ajalugu muinasajast kuni 1920. aastani. Tartu. S. 126–166. (На эст. яз.) (Резюме: Поздний железный век (1000/1050–1225). С. 170–172.)
- Valk H., Ratas J., Laul S., 2014. Siksälä kalme. II: Matuste ja leidudekataloog. Tartu: Tartu Ülikooli Ajaloo ja arheoloogia instituut. 335 p. (На эст. яз.)

Сведения об авторах

Лопатин Николай Владимирович,
Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия,
e-mail: n.lopatin@gmail.com;

Харлашов Борис Николаевич,
Псковский археологический центр, ул. Герцена, 1, Псков, 180019, Россия,
e-mail: kharlashb@mail.ru

N. V. Lopatin, B. N. Kharlashov

New Data on the Izborsk Vicinity in the 10th–12th Centuries

Abstract. The paper introduces materials from new field research of the sites near Izborsk at the time when the town was functional in the Truvorovo hillfort. Two graves were excavated at the Ust-Smolka Burial Ground. One grave containing a female inhumated burial is noted for its relatively rich funeral offerings that include elements of artifacts belonging to the Latgalians. A small but rather representative assemblage of ceramics from the 10th–12th centuries has been collected at an unfortified settlement near village Brod. The paper contains a map of the sites near Izborsk and advances hypotheses about the dynamics of the life in the town and its vicinity as a single settlement block.

Keywords: archaeology of Medieval Rus', Izborsk, Truvorovo hillfort, vicinity, inhumation, ceramics.

REFERENCES

- Aleksandrov A. A., Beletskiy S. V., 1978. Issledovanie pamyatnikov u der. Lezgi [Investigations of sites near village Lezgi]. *AO 1977*. Moscow: Nauka, p. 5.
- Beletskiy S. V., 1980. Kul'turnaya stratigrafiya Pskova (arkheologicheskie dannye k probleme proiskhozhdeniya goroda) [Cultural stratigraphy of Pskov (archaeological data for problem of the city's origin)]. *KSIA*, 160, pp. 3–18.
- Ciglis J., Rādiņš A., 2002. Ludzas Odukalna kapulauka katalogs. Rīga: Latvijas vēstures muzejs. 250 p.
- Grushina L. E., 2009. Kurganno-zhal'nichnyy mogil'nik bliz der. Verepkovo; Kurgannyy mogil'nik u der. Lopatovo (Turok) Pechorskogo rayona Pskovskoy oblasti; Zhal'nichno-gruntovyy mogil'nik u der. Novaya Pechorskogo rayona Pskovskoy oblasti [Kurgan-ritual cemetery near village Verepkovo; Kurgan cemetery near village Lopatovo (Turok) Pechery district, Pskov region; Ritual-ground cemetery near village Novaya Pechery district, Pskov region]. *Setomaa – 2. Arkheologiya i rannaya istoriya (do 1920 goda). CD-disk ko 2-mu tomu [Setomaa – 2. Archaeology and early history (before 1920). CD-disc, appendix for vol. 2]*. Tartu: Estonskiy natsional'nyy muzey, pp. 53–64. (In Russian). (Printed version: *Setomaa – 2. Vanem ajalugu muinasajast kuni 1920. Aastani*. Tartu, 2009).
- Kharlashov B. N., 1986. Arkheologicheskoe izuchenie selishch Izborskoy okrug [Archaeological investigation of open settlements in Pskov vicinity]. *KSIA*, 183, pp. 70–76.
- Kharlashov B. N., 2008. Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh na territorii kurgannogo mogil'nika Ust'-Smolka bliz pos. Izborsk Pechorskogo r-na Pskovskoy oblasti v 2008 godu [Report on archaeological excavations in territory of kurgan cemetery Ust'-Smolka near settlement Izborsk, Pechery district, Pskov region in 2008]. *Archive of IA RAN. (In Russian, unpublished)*.

- Kil'dyushevskiy V. I., 2002. Keramika Pskova XII–XVII vv. [Ceramics of Pskov in XII–XVII cc.]. *Ladoga i ee sosedi v epokhu srednevekov'ya [Ladoga and its neighbours in medieval epoch]*. A. N. Kirpichnikov, ed. St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 5–33.
- Korolev A. E., Kharlashov B. N., Voronkova E. V., 2000. Raboty v Pechorskoy oblasti [Activities in Pechory district, Pskov region]. *AO 1998*. Moscow: Editorial URSS, pp. 32–33.
- Koroleva E. V., Kulakova M. I., Stepanov S. V., 2003. Keramika srednevekovogo Pskova X–XVII vv. [Ceramics of medieval Pskov of X–XVII cc.]. *AIPPZ: materialy nauchnykh seminarov za 2001–2002 gg. [AIPPZ: proceedings of scientific seminars of 2001–2002]*. Pskov: Izdatel'stvo Pskovskogo oblastnogo tsentra narodnogo tvorchestva, pp. 73–79.
- Laul S., Valk H., 2007. Siksälä. A community at the frontiers. Iron Age and medieval. Tallinn; Tartu: University of Tartu, Institute of History and Archaeology. 237 p.
- Lopatin N. V., 2002. Itogi izucheniya arkheologicheskogo kompleksa Ust'-Smolka v 1999–2001 gg. [Results of investigations of archaeological complex Ust'-Smolka in 1999–2001]. *Izborsk i ego okrug: materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 30-letiyu Izborskoy arkheologicheskoy ekspeditsii [Izborsk and its vicinity: transactions of scientific-practical conference in commemoration of 30th anniversary of Izborsk archaeological expedition]*. V. V. Sedov, ed. Pskov, pp. 48–52.
- Lopatin N. V., 2004. Novye dannye o predystorii Izborska [New data on prehistory of Izborsk]. *Vostochnaya Evropa v srednevekov'e. K 80-letiyu Valentina Vasil'evicha Sedova [Eastern Europe in Middle Ages. Towards 80th anniversary of Valentin Vasil'evich Sedov]*. Moscow: Nauka, pp. 200–206.
- Lopatin N. V., 2007. Problemy izucheniya keramiki Izborska [Problems of research of Izborsk ceramics]. *AIPPZ: Seminar imeni akademika V. V. Sedova. Materialy LII zasedaniya, posvyashchennogo pamyati professora A. R. Artem'eva [AIPPZ: Academician V. V. Sedov seminar. Materials of session LII in memory of Prof. A. R. Artem'ev]*. Pskov, pp. 217–231.
- Lopatin N. V., 2009. Mogil'nik Ust'-Smolka 3 [Cemetery Ust'-Smolka 3]. *Setomaa – 2. Vanem ajalugu muinasajast kuni 1920. aastani. Eesti Rahva Museum 100*. Tartu, pp. 84–86. (DVD).
- Radin'sh A. A., 1987. Novye dannye o kurgannom obryade na territorii latgalov v pervoy polovine II tysyacheletiya n.e. (po materialam Rezeknenskogo r-na) [New data on kurgan rite in the Latgalian's territory in first half of II millennium AD (based on materials from Rezekne district)]. *KSLA*, 190, pp. 80–83.
- Radin'sh A. A., 2001. Pogrebal'nyy obryad i inventar' latgal'skikh zakhroneniy 10–13 vekov [Burial rite and grave goods of Latgalian burials of 10th–13th centuries]. *Archaeologia Lituana*, 2. Vilnius, pp. 65–118.
- Sedov V. V., 1960. Sel'skie poseleniya tsentral'nykh rayonov Smolenskoj zemli [Rural settlements of central areas of Smolensk land]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 159 p. (MIA, 92).
- Sedov V. V., 1976. Mal'skoy kurganno-zhal'nichnyy mogil'nik bliz Izborska [Maly kurgan-ritual cemetery near Izborsk]. *KSLA*, 146, pp. 87–95.
- Sedov V. V., 1982. Vostochnye slavyane v VI–XIII vv. [East Slavs in VI–XIII cc.]. Moscow: Nauka. 328 p. (Arkheologiya SSSR).
- Sedov V. V., 1987. Zemgaly [The Semigallians]. *Finno-ugry i balty v epokhu srednevekov'ya [Finno-Ugrians and Balts in medieval epoch]*. V. V. Sedov, ed. Moscow: Nauka, pp. 37–375. (Arkheologiya SSSR).
- Sedov V. V., 1988. Pogrebal'nye pamyatniki Izborska [Burial sites of Izborsk]. *Arkheologicheskie pamyatniki Evropeyskoj chasti RSFSR: Pogrebal'nye pamyatniki [Archaeological sites of European part of RSFSR: Burial sites]*. Moscow, pp. 91–106.
- Sedov V. V., 2007. Izborsk v rannem srednevekov'e [Izborsk in early Middle Ages]. Moscow: Nauka. 413 p.
- Sedova M. V., 1981. Yuvelirnye izdeliya drevnego Novgoroda (X–XV vv.) [Jewelry products of Ancient Novgorod (X–XV cc.)]. Moscow: Nauka. 195 p.
- Sergeeva L. E., 1979a. Razvedki v Pechorskoy oblasti [Surveys in Pechory district, Pskov region]. *AO 1978*. Moscow: Nauka, pp. 38–39.
- Sergeeva L. E., 1979b. Otchet o razvedke v Pechorskoy i Palkinskoy r-nakh Pskovskoy oblasti v 1979 godu [Report on surveys in Pechery and Palkino districts of Pskov region in 1979]. *Archive of IA RAN. (In Russian, unpublished)*.

- Spitsyn A. A., 1903. Gdovskie kurgany v raskopkakh V. N. Glazova [Gdov kurgans in excavations of V. N. Glazov]. St. Petersburg: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Udelov. 124 s. (Materialy po arkheologii Rossii, izdavaemye Arkheologicheskoy komissii, 29).
- Stepanova Yu. V., 2010. Khronologiya drevnerusskikh pogrebal'nykh pamyatnikov Verkhnevolzh'ya [Chronology of Medieval Russian burial associations of the Upper Volga region]. *KSIA*, 224, pp. 285–296.
- Valk H., 2009. Hilisrauaaeg (1000/1050–1225). *Setomaa – 2. Vanem ajalugu muinasajast kuni 1920. aastani*. Tartu, pp. 126–166. (In Estonian). (Rezyme: Pozdnyy zheleznyy vek [Summary: Late Iron Age] (1000/1050–1225), pp. 170–172).
- Valk H., Ratas J., Laul S., 2014. Siksälä kalme. II: Matuste ja leidudekataloog. Tartu: Tartu Ülikooli Ajaloo ja arheologia instituut. 335 p. (In Estonian).

About the authors

Lopatin Nikolaj V.,
Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow,
117036, Russian Federation,
e-mail: n.lopatin@gmail.com;

Kharylshov Boris N.,
Pskov Archaeological centre, ul. Gertsena, 1, Pskov, 180019, Russian Federation,
e-mail: kharylshb@mail.ru

Т. Ю. Закурина, Г. С. Гофман, С. В. Степанов

ЗАХАБЫ ИЗБОРСКОЙ КРЕПОСТИ (К ВОПРОСУ О НАЧАЛЬНЫХ ЭТАПАХ СТРОИТЕЛЬСТВА)

Резюме. В статье представлены новые данные для датировки начальных этапов строительства Талавского и Никольского захабов Изборской крепости. Материалы получены в ходе архитектурно-археологических исследований, проведенных авторами публикации в 2000-е гг. Исследования показали, что Талавский захаб сохранил древнюю планировку и элементы первоначального въездного устройства первой трети XIV в. Археологические материалы свидетельствуют о том, что в конце XIV – первые десятилетия XV в. в ходе реконструкции крепости перестраиваются оба захаба. В результате строительства башни Талавский захаб становится непроездным. Никольский захаб полностью перестраивается и приобретает функцию главного въезда в крепость.

Ключевые слова: Изборск, фортификационные сооружения, захаб, городская планировка.

Изборская крепость – одна из немногих каменных русских крепостей, сохранивших древнюю планировку и значительный объем средневековой кладки.

Среди сооружений крепости особое место занимают въездные устройства – захабы. Оба изборских захаба – Талавский и Никольский – дошли до настоящего времени с существенными утратами, но все же сохранили основные свои элементы.

Первоначально захабы Изборской крепости имели вид длинных узких коридоров – «рукавов», зажатых между двумя параллельными стенами. В систему захабов также входили башни.

Южный въезд в крепость – Никольский захаб – до настоящего времени сохранил внутреннюю стену с проломом в средней части, а также внешнюю стену, нижние конструкции которой были скрыты под землей. Возвышалась только ее отреставрированная в 60-е гг. XX в. западная часть и нижние конструкции реставрированных наружных ворот, примыкавших к башне Темной. Внутренние ворота захаба (ныне именуемые Никольскими) были полностью реконструированы в XIX в., а затем отреставрированы в 2003 г. Еще во второй половине XIX в. в средней части захаба были видны руины башни Плоской, позднее полностью оказавшиеся под землей.

Талавский захаб примыкает к западной части северного прясла крепости и Талавским воротам, откосы которых сохранились в нижней своей части. Он сохранил значительную часть внутренней стены, участки кладки наружной стены, поднятой над уровнем дневной поверхности во время реставрации 1962 г., а также Талавскую башню, конструктивно и функционально связанную с ним.

Впервые изборские захавы упоминаются в писцовой книге 1584–1585 гг. «А на городе 6 стрелен: 5 стрелен круглых, шестая четверугольная, а в городе двои ворота: **одны ворота Никольские, а другие Талавские**» «А у города за стеною с полденной **приделок от Больших ворот по наугольной стрельню по круглую**, в длину 5 (?) сажен с полусаженью...»; «А з другую сторону города с Лукины стороны другой **застенок** новой же, возле старую стену **придел каменной новой**, в длину того застенка от наугольной стрелни по изгиб городовые стены по **Талавские ворота** новаго приделка в длину 18 сажен с полусаженью...» (Писцовая книга..., 1914. С. 411).

Основная информация по данной тематике содержится в документах XVII–XIX вв. – сметных росписях, сметных книгах, городских сметах, на планах Изборской крепости, на видах крепостных сооружений и т. п. Эти документы дают представление о захавах в период, когда крепость потеряла свое оборонное значение. Тем не менее они содержат определенную информацию для изучения их строительной истории в более раннее время.

Истории изборских захавов уделяли внимание практически все исследователи крепости. Основной вопрос, который обсуждался в научной литературе наряду с другими, – это вопрос о времени их строительства.

Особый вклад в изучение истории изборских захавов в первой половине XX в. внесли ведущие специалисты в области крепостного зодчества – П. А. Раппопорт и В. В. Косточкин.

Сооружение дошедших до нас захавов Изборской крепости П. А. Раппопорт относил к середине XVI в. Свое мнение он основывал на анализе свидетельств писцовых книг 1584–1585 гг. В них упоминались «застенки новые» и «приделы каменные новые». По мнению исследователя, «новыми» в конце XVI в. могли называться только стены, построенные не ранее середины этого же столетия (*Раппопорт*, 1952. С. 183).

В. В. Косточкин, напротив, был сторонником ранней датировки изборских захавов. Он считал, что «рукавчатые» захавы, т. е. въезды из двух параллельных стен, характерны только для военной архитектуры XIV–XV вв., и позднее в русском оборонном зодчестве они не применялись. Строительной периодизации Изборской крепости исследователь посвятил отдельную статью, в которой обращался и к истории захавов (*Косточкин*, 1959). Талавский захаб, по мнению В. В. Косточкина, был создан в конце XIV в. вместе с Талавской башней. Захав был, вероятно, запасным, предназначался для пешего прохода и использовался лишь в военных условиях. Строительство же Никольского захава В. В. Косточкин относил к третьей четверти XV в., отмечая, что на месте построенного в этот период захава должно было существовать какое-то не дошедшее до настоящего времени устройство. Этот захав, по-видимому, был главным, повседневным (*Косточкин*, 1962. С. 262).

Позднее к истории захабов Изборска обращались также исследователи крепости В. В. Седов и А. Р. Артемьев.

В. В. Седов отмечал, что вопрос о времени оформления захабов остается открытым, поскольку они не изучены археологически. Он признавал весьма вероятной датировку захабов, предложенную В. В. Косточкиным, и отмечал, что существуют все основания допускать одновременность строительства захабов и связанных с ними башен в период реконструкции крепости последней четверти XIV – начала XV в. (Седов, 1993. С. 35).

Соглашаясь с мнением П. А. Раппопорта, к последнему этапу строительства крепости (т. е. первой половине – середине XVI в.) относил сооружение захабов А. Р. Артемьев. В то же время он не исключал возможности более ранней их датировки (Артемьев, 1990. С. 31; 1998. С. 36).

Первые археологические раскопки захабов были проведены еще в начале XX в. членами Русского военно-исторического общества. В ходе них были обследованы въездные ворота, а также небольшие участки примыкающих к ним стен. В 60–70-е гг. XX в. в связи с проведением ремонта крепости на территории захабов закладывались небольшие по площади раскопы, которые носили чисто прикладной характер.

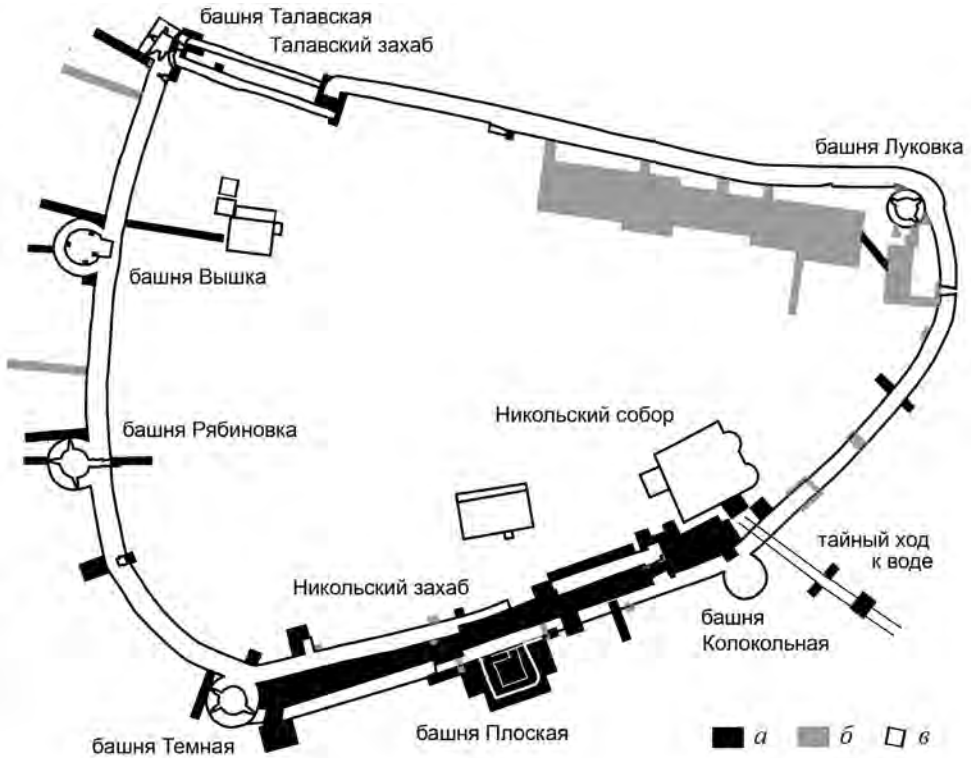
В 2001, 2007–2013 гг. в ходе подготовки научно-проектной документации для консервации и частичной реставрации крепости Псковским филиалом ФГУП «Институт по реставрации памятников истории и культуры «Спецпроектреставрация»» наряду с другими исследованиями были проведены и археологические раскопки (рис. 1). Особое внимание уделялось изучению захабов, поскольку для проведения их консервации и реставрации было недостаточно данных, а история этих сооружений имела много белых пятен.

Раскопки захабов позволили получить значительную информацию для рассмотрения вопросов хронологии и периодизации их строительства. Здесь мы обратимся только к данным, характеризующим первоначальные этапы строительства изборских захабов, т. е. времени их появления.

Первым объектом археологического исследования стал Талавский захаб (рис. 2). Археологические раскопы закладывались в проемах внутренних и внешних ворот, в местах примыкания стен к Талавской башне, на участках поворота стен и примыкания их друг к другу. Раскопки показали, что отложения в коридоре захаба были существенно нарушены в результате неоднократных ремонтов, особенно в 60–70-е гг. Мощность культурного слоя здесь составляла от 0,8 до 1,4 м. Причем около половины отложений составляли насыпные слои периода ремонта захаба в XX в.

В ходе исследований северо-западного угла крепости решался вопрос о местонахождении наружных ворот Талавского захаба. По мнению некоторых исследователей, эти ворота должны были располагаться в наружной стене захаба в месте примыкания к Талавской башне. Раскоп, заложенный нами в данном месте, не принес ожидаемых результатов. Никаких следов воротных конструкций не было обнаружено. Сохранилось только основание наружной стены захаба, построенной позднее Талавской башни.

На восточном фасаде Талавской башни хорошо видны две арочные перемиčky над входом. Кладка большого, частично заложенного проема составляет

Рис. 1. Схема расположения архитектурных объектов и археологических раскопов в Изборской крепости

а – раскопы 2001–2002, 2007–2013 гг.; *б* – раскопы до 2001 г.; *в* – архитектурные объекты

единое целое с примыкающим с севера обрезом внешней, несохранившейся захабной стены. На это обращали внимание многие исследователи и относили конструкции башни и внешнюю захабную стену к единому строительному этапу.

Натурные исследования Талавской башни показали, что частично заложенный воротный проем в восточной стене имеет слишком большие, несоизмеримые с башней, параметры: ширина 2,9 м снаружи и 2,4 м внутри. Устройство четвертой этого проема свидетельствует о том, что ворота открывались не внутрь башни, как это должно было быть, а наружу – в сторону захаба. При расчистке от реставрационной обмазки углов внутри башни были выявлены швы между восточной и другими стенами башни, т. е. отсутствует перевязка в кладке стен, при этом северный откос воротного проема заходит за грань северной стены башни. Восточная стена существенно (почти на 1 м) тоньше, чем остальные стены башни.

Таким образом, стало очевидно, что широкий воротный проем имеет отношение не к самой башне, а только к нижнему фрагменту восточной стены (в уровне первого яруса башни). Этот фрагмент является западной стеной захаба, а проем в ней – первоначальными наружными (наличными) воротами Талавского захаба (рис. 2).

**Рис. 2. Фрагмент восточного фасада Талавской башни.
Картограмма строительной периодизации**

1 – северная стена крепости – первый строительный период; 2 – западная стена захаба с воротами и фрагмент северной стены – первый строительный период; 3 – восточная стена башни – второй строительный период; 4 – закладка ворот захаба и устройство ворот башни – второй строительный период; 5 – ремонтно-консервационная кладка 1847 г.; 6 – цементный раствор и скобы крепления стоек ворот 1941–1944 гг.; 7 – ремонтно-консервационная кладка 1962 г.

Изучение внутреннего воротного проема также позволило выявить остатки конструкций и определить параметры первоначальных внутренних ворот. Оказалось, что их ширина соответствовала ширине воротного проема, вычлененного в составе кладки Талавской башни (она составила около 3 м). Кроме того, была установлена связь воротной конструкции с сохранившейся в данном месте первоначальной кладкой северной крепостной стены. Стена и воротные конструкции имели общую строительную линзу, залегающую на поверхности материка.

Таким образом, первоначальный захаб представлял собой коридор, образованный основной стеной крепости и параллельной ей, пристроенной снаружи более тонкой стеной – «приделком». Коридор ограничивался наружными воротами с запада и внутренними с востока (рис. 3). Исследование показало, что все конструкции имеют сходный характер кладки из местного известняка на плотном розоватом растворе.

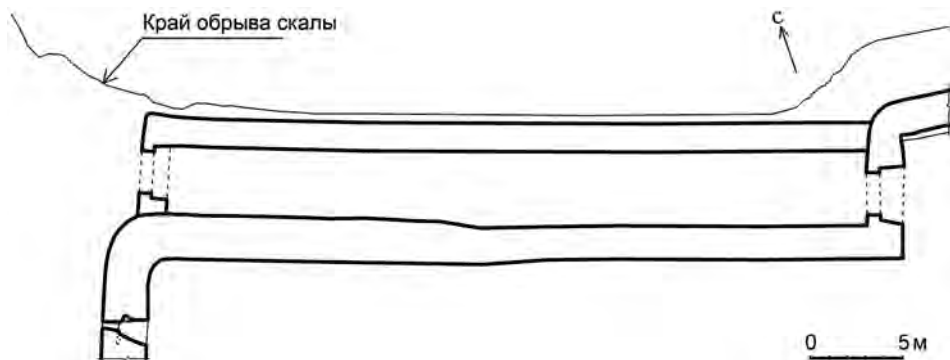

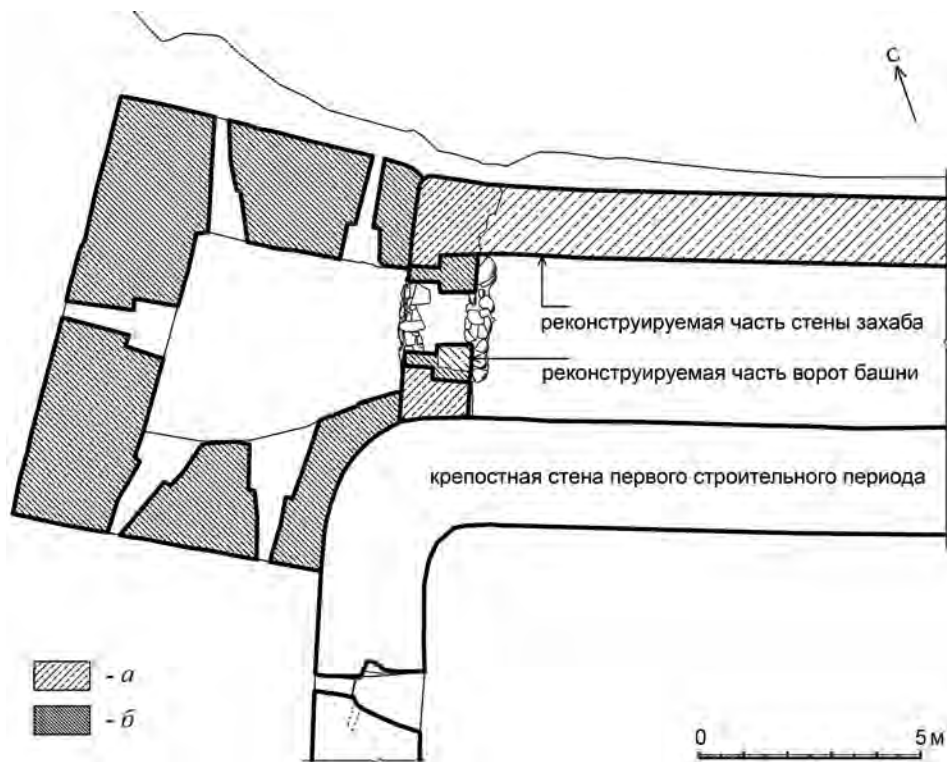
Рис. 3. Талавский захаб. Первый строительный период. Реконструкция

Датировка захаба определяется соотношением с северной крепостной стеной, которая является первоначальной на данном месте и может быть связана с первой каменной крепостью, упомянутой в летописях под 1303 и 1330 гг.

Можно заключить, что захаб как въездное устройство был задуман и сооружен в первый период строительства крепости. В этот период он полностью отвечал своему предназначению: выполнял функции въездного устройства и нес на грузку дополнительного усиления этого достаточно слабого участка крепости.

Следующий строительный период захаба связан с сооружением Талавской башни. Башня имеет пятигранную форму, отличающую ее от всех остальных башен крепости. Восточной гранью она установлена на остатках наружной воротной стены захаба. При установке башенной стены над воротами была выложена разгрузочная арка. Северная грань башни располагается практически на краю ступенчатого скального обрыва (на расстоянии 0,4–0,6 м от его края), что было выявлено в ходе раскопок. Об этом свидетельствовало распространение строительной линзы, которая примыкает к основанию стены башни и распространяется в сторону от нее по поверхности скалы. Данное обстоятельство показывает, что в момент строительства башни между ее основанием и обрывом было очень небольшое расстояние, что вряд ли давало возможность организации здесь какого-либо проезда и даже прохода. Таким образом, появление Талавской башни перекрыло проезд через Талавский захаб. Он перестал функционировать как въездное устройство в крепость с северо-западной стороны. Датировка этого строительного периода связана с общей строительной периодизацией крепости (рис. 4).

Практически все исследователи признают, что изборские башни, кроме Луковки, были построены одновременно на этапе приспособления крепости к огнестрельному оружию. В датировке данного периода существуют расхождения. Однако наиболее обоснованной является версия В. В. Косточкина, который относил его к концу XIV в. (*Косточкин*, 1959. С. 141–142). Она была поддержана В. В. Седовым и А. Р. Артемьевым, датировавшими этот строительный период последней четвертью XIV – началом XV в. (*Седов*, 1993. С. 35; *Артемьев*, 1990. С. 31; 1998. С. 36).

Рис. 4. Талавская башня и захаб. Второй строительный период. Реконструкция

a – конструкции стен и ворот захаба – первый строительный период; *b* – конструкции стен и ворот башни – второй строительный период

В отличие от Талавского, Никольский захаб является значительно более сложным и мощным сооружением (его длина более 90 м). В состав захаба на разных этапах его существования входили трое ворот и три башни. В свое время В. В. Косточкин высказывал мнение о том, что ныне существующему захабу должно было предшествовать какое-то более раннее устройство.

Разведочные раскопы в восточной части захаба показывали, что в его коридоре имеются хорошо стратифицированные отложения. Поэтому было решено по возможности исследовать его сплошной площадью.

Раскопками были изучены большая часть отложений в коридоре захаба (кроме его восточной части между Никольскими воротами и башней Плоской), участок перед наружными воротами, а также башня Плоская.

Мощность культурных отложений в коридоре захаба составила от 1 до 2 м. В составе этих отложений хорошо выделялись два основных горизонта: насыпной слой строительного мусора, связанный с ремонтами и реставрацией захаба, и стратифицированный слой времени его бытования, мощностью до 1 м. Наличие стратифицированного слоя позволило выделить в его составе строительные горизонты и комплексы вещевого материала, связанные с ними.

Центральным объектом исследований, дающим основную информацию об истории захаба, стала его наружная стена и связанные с нею сооружения. Полное исследование стены было проведено на участке длиной около 80 м между башнями Темной и Плоской.

В составе кладки стены на всем ее протяжении были выявлены следы двух хорошо вычлняемых строительных периодов. Они резко отличались по своим морфологическим характеристикам. Нижняя часть кладки по всей высоте была выполнена из колотых разноразмерных известняковых плит, преимущественно тонких и длинных. Граница более позднего строительного периода была четко обозначена слоем валунов. С уровня этого слоя прослеживалась кладка из подтесанных плит правильной формы, уложенных с соблюдением порядовки (рис. 5: с. 348).

Нижняя часть кладки имела в основании строительную линзу, которая опиралась на поверхность материка или погребенной почвы. Таким образом, участок наружной стены Никольского захаба (а следовательно, и сам захаб) от наружных ворот у башни Темной до башни Плоской был первоначальным на данном месте.

Анализ вещевого материала из отложений, соотносимых с первым горизонтом строительства захаба, показал следующую картину.

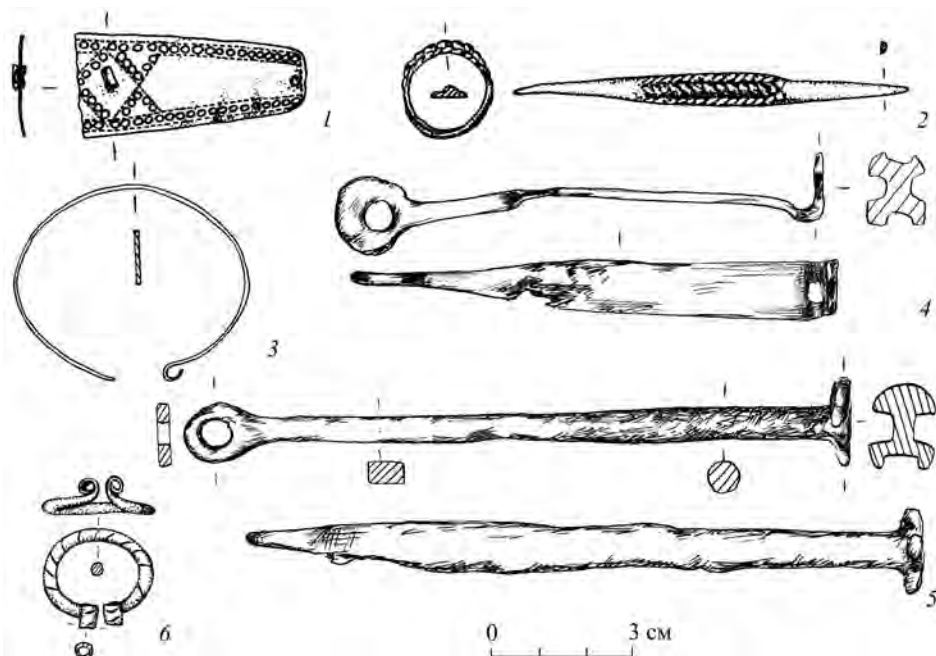
Из зачинок слоя раствора и камней, связанных с линзой первоначальной стены в западной части коридора захаба, происходят: бронзовая накладка, изготовленная из орнаментированного пластинчатого браслета, бронзовый узкопластинчатый перстень с заходящими концами и ложновитым орнаментом и два железных ключа типа «В I», по Б. А. Колчину (рис. 6, 1, 2, 4, 5). Период бытования этих предметов укладывается в рамки X–XII – начала XV в. (Седова, 1981. С. 125; Древняя Русь..., 1997. С. 252. Табл. 6; Valk H., 2001. P. 52. Plate XX).

Для датировки первого строительного горизонта интересен также материал погребения, обнаруженного в коридоре захаба. Оставляя за скобками вопрос о причинах появления столь неожиданного эпизода в истории крепости, обратимся к полученным данным.

Парное захоронение детей 7–8-летнего возраста было открыто в предметных отложениях западной части коридора захаба. Стратиграфические наблюдения показывают, что погребение было совершено или в момент строительства первоначальной стены, или же в короткий срок после его окончания (до начала образования культурных отложений). На одном из погребенных был обнаружен неорнаментированный пластинчатый браслет с загнутым концом (рис. 6, 3). По материалам раскопок Новгорода, пластинчатые загнутоконечные браслеты бытуют с XI до 60-х гг. XIV в. (Седова, 1981. С. 113). Вместе с тем, учитывая индивидуальную форму браслета, отсутствие на нем орнаментации, можно предполагать и более позднюю его датировку.

Таким образом, датированный вещевой материал из слоя, связанного с горизонтом строительства первоначальной стены, немногочислен. Абсолютное большинство вещевых находок имеет широкий хронологический диапазон бытования. Поэтому для обоснования датировки первого строительного периода Никольского захаба мы привлекли более представительный и важный

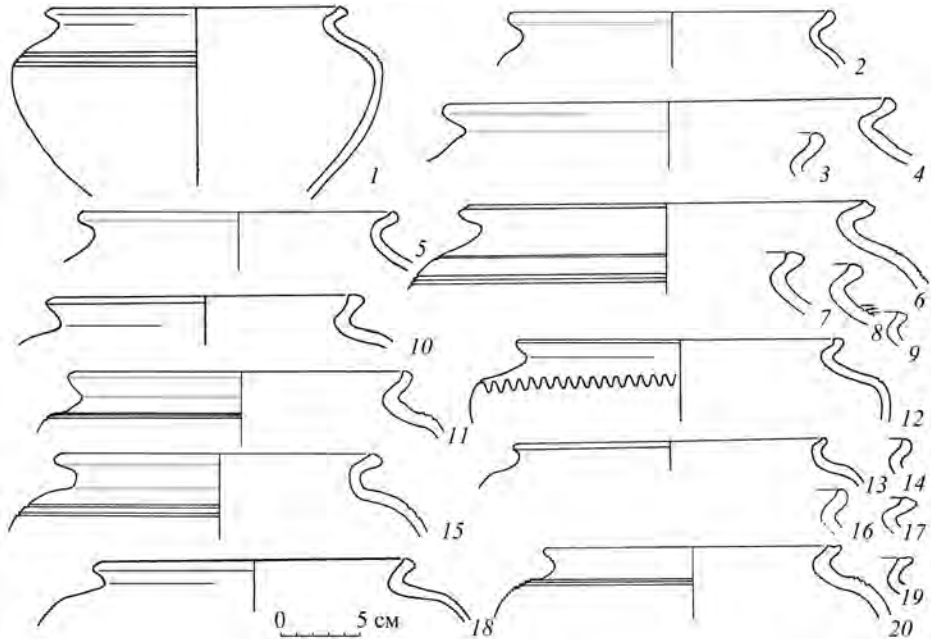
Рис. 6. Индивидуальные находки, связанные со строительством наружной стены Никольского захаба

1 – накладка орнаментированная бронзовая (Р-37, 52–11–7–132)¹ – расчистка камней в составе линзы строительства стены; 2 – перстень пластинчатый с заходящими концами и ложновитым орнаментом бронзовый (Р-37, 32–11–14–141) – расчистка камней в составе линзы строительства стены; 3 – браслет пластинчатый с загнутым концом бронзовый (Р-26, 4–13–1–5) – погребение 1; 4, 5 – ключи железные (Р-37, 72–13–1–147; Р-37, 51–13–3–149) – перемешенный слой в составе линзы строительства стены; 6 – фибула подковообразная спиралеконечная бронзовая (Р-63, 24–20–3–61) – углистый слой на линзе строительства стены захаба

для псковской хронологии керамический материал. В основу предложенных нами датировок был положен анализ набора керамики, основанный на соответствии датированных форм глиняной посуды Пскова керамике Изборска.

Керамический материал, обнаруженный в слоях, стратиграфически связанных с горизонтом первоначального строительства наружной стены захаба, представлен несколькими типовыми формами горшков, которые объединяет оформление внутреннего края венчика, образующего валик или уступ. Венчик средней высоты или короткий, отогнут наружу. Его внешний край в ряде случаев скруглен, но чаще косо (иногда горизонтально) срезан. Шейка не выражена. Предплечье пологое, переходящее в широкое, чаще всего округлое плечо с максимальным расширением в верхней трети горшка. Орнаментация или отсутствует, или нанесена в виде пояска из 2–4-х линий, реже – волны (рис. 7).

¹ Р – № раскопа, 52 – квадрат, 11 – пласт, 7 – № полевой, 132 – № по описи.

Рис. 7. Керамический комплекс, связанный со строительством наружной стены Никольского захаба

3, 9, 17 – погребенный дерн под линзой строительства стены; 4, 6, 7, 16 – в составе строительной линзы; 1, 2, 5, 8, 10–15, 18–20 – слой, перекрывающий строительную линзу

Подобные формы хорошо известны в материалах раскопок Пскова, где традиционно датируются концом XIV – началом XV в., что подтверждено материалами Васильевского раскопа 1991 г. Здесь аналогичный изборскому керамический набор происходил из содержащих железный шлак крупных материковых ям начала освоения территории в конце XIV в. Одну из ям перекрыл последующий ярус застройки, имеющий серию порубочных дат, расположенных в интервале 20–30-х годов XV в. (*Королева, Харлашов, 1994. С. 83–86. Рис. 10, 11; Степанов, 2011. С. 112, 113*). Керамика, связанная с заполнением построек этого яруса, характеризуется содержанием в своем составе других форм горшков, отсутствующих в составе комплексов материковых ям, а также отложений, связанных со строительством Никольского захаба Изборской крепости.

Обращаясь к изборскому комплексу, считаем принципиально важным отметить, что весь керамический набор, обнаруженный как под линзой строительства захаба и в самой линзе, так и в слое, залегающем на ней, объединен единообразием форм, характеризующих достаточно узкий хронологический период, позволяющий определить время строительства наружной стены Никольского захаба в рамках конца XIV – первой четверти XV в. Этому не противоречат и датировки вещевых находок более позднего этапа бытования.

В контуре западной торцевой части захаба, в месте примыкания его стен к башне Темной напротив внешних ворот раскопки показали почти полное

разрушение отложений в результате одновременных перекопов. Данное обстоятельство не позволило определить соотношение первоначальной стены и башни Темной.

Основная информация для решения этого вопроса была получена при раскопках с наружной стороны ворот у башни Темной. Здесь были открыты хорошо стратифицированные отложения, примыкающие к основанию башни и наружной стене захаба. Эти отложения были представлены черным углистым слоем мощностью от 0,03 до 0,4 м. В его составе были найдены многочисленные фрагменты керамики конца XIV – начала XV в., сходной по типу с керамикой из слоя горизонта строительства внутри коридора захаба. Из углистого слоя происходит и подковообразная фибула круглого сечения со спиральными концами (рис. 6, б). Бытование подобных находок в Новгороде не выходит за рамки XIII в. (Седова, 1981. С. 86).

Отложения углистого слоя перекрывали строительную линзу башни и стены захаба, которая примыкала к основаниям стен и распространялась на расстояние около 4 м. Она залегала на поверхности коричневого плотного предматерикового суглинка и документировала самый ранний строительный период на данном месте (рис. 8: с. 348). Таким образом, приведенные выше данные свидетельствуют о том, что строительство башни Темной и наружной стены захаба велось одновременно. Очевидно, в этот период Никольский захаб приобрел тот вид, который он имел в течение всего остального времени своего существования. Исходя из общей строительной периодизации Изборской крепости, захаб как длинный коридор, начинающийся у башни Темной, появляется вместе с остальными башнями в период реконструкции. К сожалению, остается нерешенным вопрос об устройстве захаба на первоначальном этапе строительства каменной крепости.

Хронология первоначального строительства изборских захабов представляется нам в следующем виде. Ныне существующий Талавский захаб сохранил древнюю планировку и элементы первоначального въездного устройства, задуманного и построенного первостроителями крепости в первой трети XIV в. В этот период он имел вид узкого коридора между двумя стенами и двумя воротами. Вполне вероятно, что аналогично был оформлен и южный въезд в крепость. Сама планировка крепости и необходимость обороны этого участка предполагает его наличие.

В период реконструкции крепости перестраиваются и ее захабы. В северо-западной части – в Талавском захабе – строится башня, перекрывающая наружные ворота, и захаб становится непроездным. С южной стороны сооружается сложное въездное устройство с башнями и воротами. С этого момента Никольский захаб становится основным (и, очевидно, единственным) въездом в крепость. Археологические материалы свидетельствуют о том, что происходит это в конце XIV – в первые десятилетия XV в.

ЛИТЕРАТУРА

Артемьев А. Р., 1998. Города Псковской земли в XIII–XV вв. Владивосток. 420 с.

Артемьев А. Р., 1990. Этапы строительства Изборской крепости XIV–XVI вв. // ЗПДС: Тез. докл. науч.-практич. конф. Псков: Псковский гос. объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. С. 30–31.

- Древняя Русь..., 1997. Древняя Русь. Быт и культура / Отв. ред. Б. А. Колчин, Т. И. Макарова. М.: Наука. 368 с. (Археология.)
- Королёва Э. В., Харлашов Б. Н., 1994. К вопросу о дворах в средневековом Пскове (по материалам Васильевского раскопа) // Археологическое изучение Пскова. Вып. 2. Псков: Псковский гос. науч.-иссл. археологический центр. С. 77–97.
- Косточкин В. В., 1959. Строительная биография крепости Изборска // СА. № 1. С. 124–143.
- Косточкин В. В., 1962. Русское оборонное зодчество конца XIII – начала XVI веков. М.: Изд-во АН СССР. 286 с.
- Писцовая..., 1914. Писцовая книга № 827 (1584–1585 гг.) // Сб. МАМЮ. Т. 6. М. С. 411–412.
- Раппопорт П. А., 1952. Из истории военно-инженерного искусства Древней Руси (Старая Ладога, Порхов, Изборск, Остров) // Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. 2: Крепостные сооружения Древней Руси. М.: Наука. С. 133–201. (МИА; № 31.)
- Седов В. В., 1993. Изборск в эпоху Древней Руси // Изборск и его окрестности – заповедный край России. Псков: Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. С. 9–40.
- Седова М. В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука. 193 с.
- Степанов С. В., 2011. Керамика Пскова XV–XVIII вв. // Древности Пскова. Археология, история, архитектура. Вып. 2. Псков: Псковский гос. объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. С. 111–141.
- Valk H., 2001. Rural cemeteries of Southern Estonia 1225–1800 AD. Doktoritöö. Visby: Gotland University College, Centre for Baltic Studies; Tartu: Tartu University Press. 115 p. 20 pl.

Сведения об авторах

- Закурина Татьяна Юрьевна,
ГБУК «Археологический центр Псковской области», 180000, г. Псков, ул. Герцена, 1/1,
e-mail: tanyazak@list.ru;
- Гофман Галина Сергеевна,
Псковский филиал ФГУП «Институт по реставрации памятников истории и культуры “Спецпроектреставрация”», 180000, г. Псков, ул. Некрасова, 9,
e-mail: gof.galina@yandex.ru;
- Степанов Сергей Владимирович,
АНО «Псковский археологический центр», 180000, г. Псков, ул. Герцена, 1/1,
e-mail: pskovarheolog@yandex.ru

T. Yu. Zakurina, G. S. Gofman, S. V. Stepanov

Zakhab-type Double-wall Fortified Gates of the Izborsk Fortress
(Revisiting the Initial Stages of Construction)

Abstract. The paper presents new data for dating the initial stages of the Talava and St. Nikolas zakhab-type double-wall fortified gates of the Izborsk fortress. The data were obtained during architectural and archaeological examinations conducted by the authors of the publication in the 2000s. The examinations demonstrate that the Talava zakhab has retained its ancient layout and the elements of the original entry design, which date to the first three decades of the 14th century. Archaeological materials have shown that both zakhabs were rebuilt during the reconstruction of the fortress at the end of 14th century –

first decades of the 15th century. Because of the construction of the tower the walkway through the Talava zakhob was closed. The St. Nikolas zakhob was fully rebuilt and became the main entry gate to the fortress.

Keywords: Izborsk, fortifications, zakhob, town planning.

REFERENCES

- Artem'ev A. R., 1990. Etapy stroitel'stva Izborskoy kreposti XIV–XVI vv. [Stages of construction of Izborsk fortress of XIV–XVI cc.]. *Zemlya Pskovskaya, drevnyaya i sovremennaya: tezisy dokladov nauchno-prakticheskoy konferentsii [Land of Pskov, ancient and modern: abstracts of scientific-practical conference]*. Pskov: PGOIAKhMZ, pp. 30–31.
- Artem'ev A. R., 1998. Goroda Pskovskoy zemli v XIII–XV vv. [Cities of Pskov land in XIII–XV cc.]. Vladivostok. 420 p.
- Drevnyaya Rus', 1997 – Drevnyaya Rus'. Byt i kul'tura [Ancient Rus. Everyday life and culture]. B. A. Kolchin, T. I. Makarova, eds. Moscow: Nauka. 368 p. (Arkheologiya SSSR).
- Koroleva E. V., Kharlashov B. N., 1994. K voprosu o dvorakh v srednevekovom Pskove (po materialam Vasil'evskogo raskopa) [On problem of town-plots in medieval Pskov (based on materials of Vasil'evsky excavation trench)]. *Arkheologicheskoe izuchenie Pskova [Archaeological investigation of Pskov]*, 2. Pskov: Pskovskoy gosudarstvennyy nauchno-issledovatel'skiy arkheologicheskii tsentr, pp. 77–97.
- Kostochkin V. V., 1959. Stroitel'naya biografiya kreposti Izborska [Construction biography of Izborsk fortress]. *SA*, 1, pp. 124–143.
- Kostochkin V. V., 1962. Russkoe oboronnoe zodchestvo kontsa XIII – nachala XVI vekov [Russian fortification architecture of late XIII – early XVI centuries]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk. 286 p.
- Pistsovaya..., 1914 – Pistsovaya kniga № 827 (1584–1585 gg.) [Scriber book No. 827 (1584–1585)]. *Sbornik Moskovskogo arkhiva Ministerstva yustitsii [Transactions of Moscow archive of Ministry of justice]*, 6. Moscow, pp. 411–412.
- Rappoport P. A. 1952. Iz istorii voenno-inzhenernogo iskusstva Drevney Rusi (Staraya Ladoga, Porkhov, Izborsk, Ostrov) [From the history of military-engineering art or medieval Rus (Staraya Ladoga, Porkhov, Izborsk, Ostrov)]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii drevnerusskikh gorodov [Materials and investigations in archaeology of medieval Russian cities]*, 2. *Krepostnye sooruzheniya Drevney Rusi [Fortification constructions of Medieval Rus]*. Moscow: Nauka, pp. 133–201. (MIA, 31).
- Sedov V. V., 1993. Izborsk v epokhu Drevney Rusi [Izborsk in epoch of Medieval Rus]. *Izborsk i ego okrestnosti – zapovednyy kray Rossii [Izborsk and its vicinities – Russia's resort land]*. Pskov: PGOIAKhMZ, pp. 9–40.
- Sedova M. V., 1981. Yuvelirnye izdeliya drevnego Novgoroda (X–XV vv.) [Jewelry products of Ancient Novgorod (X–XV cc.)]. Moscow: Nauka. 193 p.
- Stepanov S. V., 2011. Keramika Pskova XV–XVIII vv. [Ceramics of Pskov in XV–XVIII cc.]. *Drevnosti Pskova. Arkheologiya, istoriya, arkhitektura [Antiquities of Pskov. Archaeology, history, architecture]*, 2. Pskov: PGOIAKhMZ, pp. 111–141.
- Valk H., 2001. Rural cemeteries of Southern Estonia 1225–1800 AD. Doktoritöö. Visby: Gotland University College, Centre for Baltic Studies; Tartu: Tartu University Press. 115 p., 20 pl.

About the authors

Zakurina Tatyana Yu.,

Pskov Regional Archaeological centre, ul. Gertsena, 1/1, Pskov, 180000, Russian Federation,

e-mail: tanyazak@list.ru;

Gofman Galina S.,
Pskov Branch of Institute for Restoration of Monuments of History and Culture
«Spetsproektrestavratsiya», ul. Nekrasova, 9, Pskov, 180000, Russian Federation,
e-mail: gof.galina@yandex.ru;

Stepanov Sergej V.,
Pskov Archaeological centre, ul. Gertsena, 1/1, Pskov, 180000, Russian Federation,
e-mail: pskovarheolog@yandex.ru

Й. Шнеевайсс

СЛАВЯНСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ В ГЕРМАНИИ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: НАУЧНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Резюме. В статье рассматривается вопрос о влиянии советской славянской археологии, в частности работ В. В. Седова, на археологическое изучение славян в Германии. Представлен краткий обзор послевоенной историографии до объединения Германии. Автор приходит к заключению, что влияние советской археологической науки на исследование немецких ученых оказалось незначительным. Концепция исторического материализма как модель интерпретации была политически обязательной в зоне советского влияния (ГДР), причем марксистские формулировки и терминология давали право на существование научного направления, не оказывая существенного влияния на практический или методический аспект исследовательского процесса в ГДР и ФРГ. Наибольшее воздействие на развитие славянской археологии в послевоенной Германии оказали три исследователя: Герберт Янкун, Вильгельм Унферцагт и Йоахим Херрманн. Их вклад в послевоенную славянскую археологию Германии рассмотрен более подробно. Выработка взглядов на историю археологии началась в 1990-х гг. в объединенной Германии в ходе дискуссии о целях и методах археологических исследований. Отмечается, что современные научные исследования и предлагаемые реконструкции приобрели более комплексный, многообразный и динамичный характер. Значительные изменения произошли в организации археологической науки. Политическое давление на археологию в принципе существует всегда, оно особенно заметно в области протоистории. Противодействие такому давлению является одной из наиболее актуальных задач археологического сообщества.

Ключевые слова: научные традиции, историография, западные славяне, городища, политически обусловленное исследование, Герберт Янкун, Вильгельм Унферцагт, Йоахим Херрманн.

Введение

Поводом для данной статьи стал мой доклад, прочитанный на конференции памяти Валентина Васильевича Седова (ноябрь 2014 г., Москва). В докладе я отвечал на вопрос, какой вклад в изучение славян на территории Германии внесли работы В. В. Седова. Анализ историографии дал достаточно ясную картину,

которую подтвердили еще живые немецкие ученые¹ его поколения: вклад работ Валентина Васильевича в изучение археологии западных славян, если говорить о влиянии на труды немецких специалистов, невелик. Важно отметить, что дело здесь не в работах именно В. В. Седова, а в том, что основные направления исследований и конкретные проблемы, важные для советской славянской археологии в целом, не сильно влияли на направленность и проблематику изучения западных славян в Германии². Славянская археология в Германии развивалась в значительной степени независимо от советской славянской археологии и от советских археологов. Этот результат на первый взгляд кажется неожиданным и противоречащим тому факту, что у немецких и советских ученых были хорошие контакты. Поэтому встает вопрос, по каким причинам исторически именно так сложилось.

Причины этого, конечно, разнообразны, но можно назвать два, наверное, главных момента. С одной стороны, археология в Германии имеет давние достойные научные традиции. Поэтому археологические исследования в послевоенной Германии могли развиваться на основе традиций довоенного времени, которые стали базой для работы в новых условиях. С другой стороны, из-за злоупотребления археологией, когда у власти в Германии были нацисты, после войны имелась определенная осторожность в отношении вопросов этногенеза и схожих проблем протоистории, а также территориальное ограничение исследований ареалом западных славян. Поэтому с основными областями разработок и теорий В. В. Седова, касающимися в первую очередь восточных славян и славянского этногенеза, тематических или пространственных пересечений почти не было. В сводной книге 1985 г. «Die Slawen in Deutschland» есть всего лишь две ссылки на советские работы, одна из них – на книгу В. В. Седова (*Седов*, 1979) при обсуждении миграций славян на территорию современной Германии (*Die Slawen...*, 1985. S. 24, примеч. 48). Однако, когда речь идет о восточных славянах, немецкие специалисты и сегодня продолжают ссылаться на работы Валентина Васильевича (например, *Brather*, 2008. S. 390). Использовались тексты В. В. Седова и при рассмотрении общих вопросов археологии. Например, Й. Херрманн ссылался на них и даже критиковал при обсуждении отождествления археологических культур с народами, известными по письменным источникам (*Herrmann*, 1979. S. 53). Результаты немецких исследований по археологии славян воспринимались и использовались В. В. Седовым «симметрично»: в своих работах он ссылается на них там, где касается западных славян, например, когда пишет о «венедской» или «словенской» группах (*Седов*, 2002. С. 295–348).

Для дальнейшего рассмотрения двух вышеназванных моментов необходим краткий обзор развития славянской археологии в Германии после Второй мировой войны³.

¹ Личные сообщения Ахима Лёйбе (Achim Leube) и Бруно Крюгера (Bruno Krüger).

² Надо отметить, что немецкие слависты-историки и языковеды, особенно те, кто занимались поиском прародины славян, более широко использовали работы советских исследователей, в т. ч. археологов. См., например, (*Birnbaum*, 1986) или (*Udolph*, 1983).

³ В данной статье особое внимание уделяется конкретной археологической работе в поле и публикации материалов. Другого подхода придерживается Кристор Кильгер (*Kilger*, 1998), который делает упор на теоретические основы и идеологические споры.

В науке многое зависит от личностей. Наиболее значительными археологами в Германии непосредственно после Второй мировой войны были Херберт Янкун (Herbert Jankuhn) и Вильгельм Унферцагт (Wilhelm Unverzagt). Они оба продолжительное время влияли на направленность науки в послевоенной Германии, в частности, славянской археологии⁴.

Западная Германия

Х. Янкун (рис. 1), после войны работавший в Западной Германии, в современной историографии оценивается неоднозначно (Mahsarski, 2011). Он родился 8 августа 1905 г. в Ангербурге в Восточной Пруссии; умер 30 апреля 1990 г. в Гёттингене; учился у Макса Эберта (Max Ebert) в Берлине, а после смерти М. Эберта в 1929 г. руководителем его диссертации, защищенной в 1931 г., был Карл Шухгардт (Carl Schuchhardt). Современной археологической методике он обучался на раскопках славянских и других городищ, проводившихся В. Унферцагтом (Leube, 2010. S. 59). Полевая и научная деятельность Х. Янкуна тесно связаны с Хедебю (нем. Haithabu), где он вел раскопки с 1930-х гг. Первая его монография о Хедебю вышла в 1937 г. (Jankuhn, 1937) и была переиздана несколько раз после войны, 8-е (последнее) издание вышло в 1986 г. (Jankuhn, 1986). В нацистское время Х. Янкун был ведущим членом входившего в SS общества Аненербе (Ahnenerbe)⁵, и раскопки в Хедебю велись под покровительством рейхсфюрера SS Генриха Гиммлера. Во время войны Х. Янкун также копал на оккупированной Украине (см., например, Ейкхоф, 2010; Mahsarski, Schöbel, 2013), где искал германские древности. С 1942 г. он был профессором в Ростокском университете. После войны, с 1945 по 1948 г., Х. Янкун был арестован. Однако уже в 1949 г. он, по поручению правительства земли Гольштейн, сумел продолжить исследования в Хедебю. В 1952 г. он стал «гостевым» профессором в Кильском университете, в 1956 г. – директором отделения предыстории и ранней истории

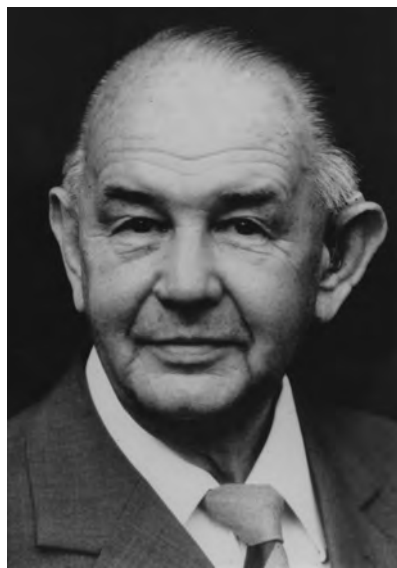

Рис. 1. Херберт Янкун

---

⁴ Конечно, в немецкой археологии были и другие яркие и значимые фигуры, например, Пауль Гримм (Paul Grimm; 1907–1993 гг.), Хайнц Кнопп (Heinz A. Knorr; 1909–1996 гг.), Ханс Юрген Эггерс (Hans Jürgen Eggers; 1906–1975). Однако, на мой взгляд, два вышеупомянутых ученых больше всех влияли в Германии на послевоенное развитие археологической науки, особенно на изучение славян.

⁵ «Наследие предков».

и профессором в Гёттингенском университете, где заведовал кафедрой до пенсии в 1973 г. Но и потом он влиял на раннеисторические исследования в ФРГ до 1980-х гг. (*Jankuhn*, 1980).

С Х. Янкуном в значительной степени связано формирование в Германии методов современной поселенческой археологии, которая не имеет ничего общего с «поселенческой археологией» Густава Коссинны (1858–1931 гг.). Теории Г. Коссинны (*Kossinna*, 1896; 1911; 1912; 1927; 1932) широко использовали в нацистское время (см. *Reinert*, 1938. S. 362)⁶, но Х. Янкун уже тогда дистанцировался от них. Стоит отметить и то, что Г. Коссинна был кабинетным археологом (*Leube*, 2010. S. 16), а Х. Янкун много работал в поле. Современная поселенческая археология, основы которой заложил Х. Янкун, отличается комплексным подходом, изучением не только поселений, но и их окрестностей (*Jankuhn*, 1977). Она интердисциплинарна и близка поселенческой географии. Все это нашло отражение в основательной монографии Х. Янкуна 1977 г. и в нескольких масштабных исследовательских проектах (см. ниже). Как мы видим, его вклад в развитие методологии и методик археологии весьма значителен.

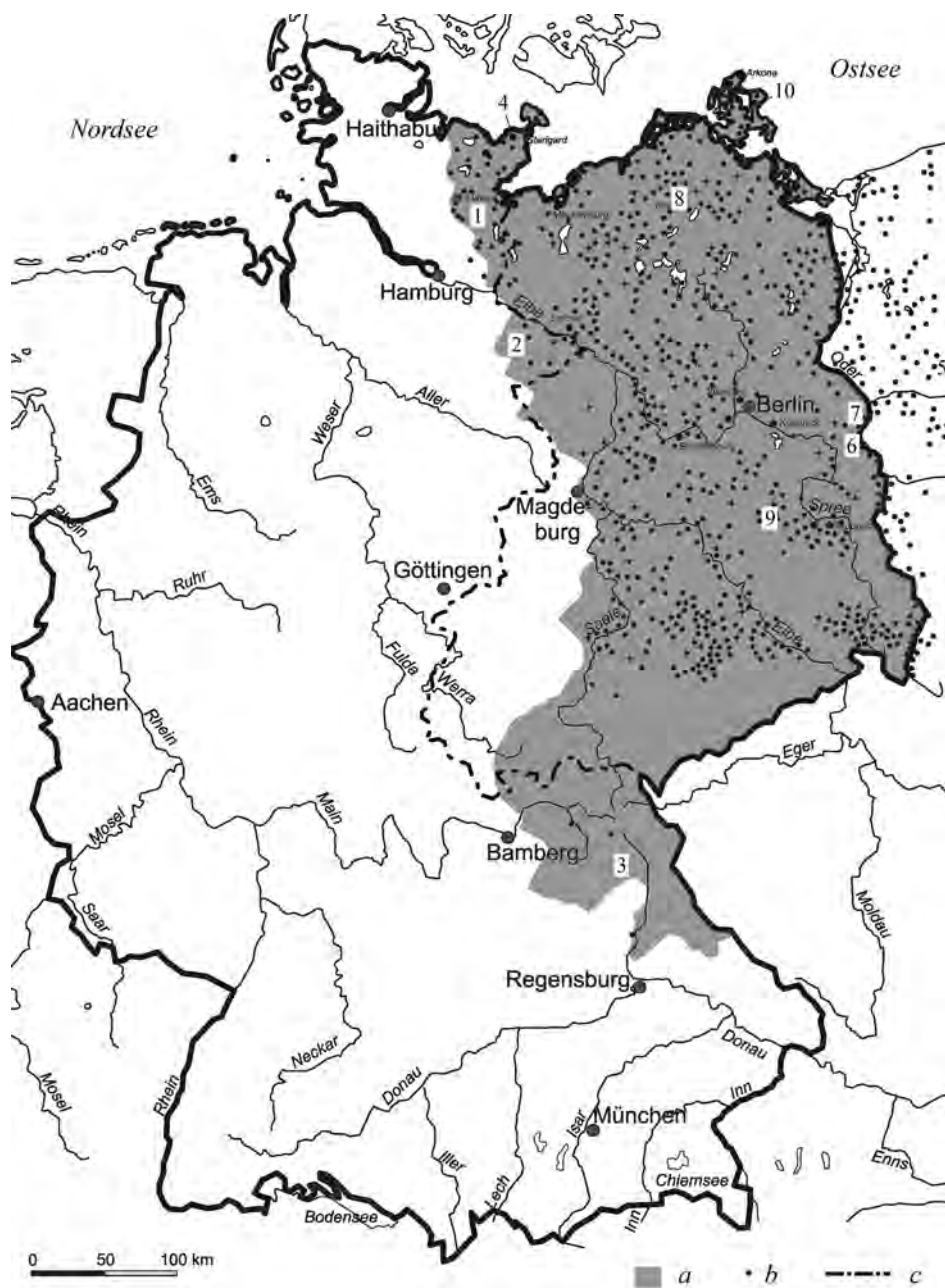
Исходя из своих многолетних исследований в Хедебю, Х. Янкун интересовался соотношением древностей и взаимными контактами славян с древними германцами, викингами, немцами (*Jankuhn*, 1970; 1980). В 1980 г. он стал почетным членом Международной унии славянской археологии.

В Западной Германии есть только три региона, где можно изучать археологические памятники славян – в Шлезвиг-Гольштейне, Нижнесаксонском Приэльбье (Вендланд) и Северо-Восточной Баварии (рис. 2). В Баварии долгое время практически не проводились исследования археологических памятников славян; специалисты занимались главным образом письменными источниками (*Schwarz*, 1960), а в поле работали краеведы-любители (*Losert*, 2009. S. 219–221). Систематические археологические исследования начались только в 1970-е гг. (*Schwarz*, 1975; 1977; 1984); большим шагом вперед в этом направлении стало основание кафедры археологии Средневековья и Нового времени в Бамберге в 1981 г. (*Häusler*, 2004; *Losert*, 1993; 2009). В то время как в Баварии исследование славян было до определенной степени отдельной тематикой, которая никогда не связывалась с советской археологией и главным образом базировалась на небольших раскопках и письменных источниках, в двух других упомянутых регионах планировались и проводились масштабные археологические проекты.

В Шлезвиг-Гольштейне особенно важными были комплексные исследования славянских памятников близ современной деревни Бозау (*Bosau*)⁷, а также многолетние исследования городища Старигард / Ольденбург и его окрестностей (*Starigard / Oldenburg...*, 1991). Раскопки на городище Ольденбург (славянское название Старигард) проводились Карлом Вильгельмом Штруве (*Karl Wilhelm Struve*; 1917–1988 гг.) до 1986 г. Он был профессором

⁶ Это отражается хотя бы в том, что работы Г. Коссинны после его смерти многократно переиздавались в 1930-х и 1940-х гг.

⁷ См. *Gebers*, 1981; 1986; *Hinz*, 1977; 1980; 1983; 1996; *Kieffmann*, 1978. К сожалению, до сих пор не все материалы этого проекта полностью опубликованы.

Рис. 2. Ареал со славянскими памятниками в Германии (a) и славянские городища (b); c – граница между ФРГ и ГДР

1–3 – регионы; 4–10 – памятники

1 – Шлезвиг-Гольштейн; 2 – Вендланд; 3 – Бавария; 4 – Старигард-Ольденбург; 5 – Цантох; 6 – Лоссов; 7 – Лебус; 8 – Тетеров; 9 – Торнов; 10 – Ральсвик

в Кильском университете и начинал исследование в Ольденбурге и на других городищах уже в 1950-е гг. (*Struve*, 1981). Особенно интенсивными работы стали с 1970-х гг., когда вместе с Бозау они вошли в общий проект. Из результатов раскопок в Старигарде особенно большое значение имеют стратиграфические наблюдения и в связи с ними – обработка находок и славянской керамики (*Gabriel*, 1984; *Kempke*, 1984; 1991). Торстен Кемпке (Torsten Kempke) на базе системы Э. Шульдта (см. ниже) разработал новую типологическую схему керамики для самого запада славянской территории, которая, как и система Э. Шульдта, используется до сегодняшнего дня. В 1980-х гг. личные научные контакты с археологами из СССР вышли на новый уровень: К. В. Штруве приглашал коллег из Института археологии АН Украинской ССР (Киев) для участия в раскопках в Старигарде, где они работали последние четыре сезона. На V конгрессе славянской археологии в Киеве (1985 г.) К. В. Штруве сделал доклад о работах на городище (*Штруве*, 1987).

Планировавшийся еще Х. Янкуном проект о взаимоотношении германцев – славян – немцев в Вендландском Приэльбье остановился на этапе предварительных исследований в начале 1970-х гг. (*Jankuhn*, 1970; *Steuer*, 1973; 1974; *Bernatzky-Goetze*, 1991; *Wachter*, 1998; *Willroth*, 2011. S. 3, 4). Их продолжением в рамках нового проекта стали работы, проводившиеся недавно, уже в рамках единой Германии (*Schneeweiß*, 2011; *Slawen...*, 2013).

Восточная Германия

Рис. 3. Вильгельм Унферцатт
(по: *Grimm*, 1964)

Как было сказано выше, кроме Х. Янкуна, важнейшей фигурой в археологии послевоенной Германии был В. Унферцатт (рис. 3). Он родился 21 мая 1892 г. в Висбадене; умер 17 марта 1971 г. в Берлине. Его профессиональная карьера тесно связана с Карлом Шухгардтом (Carl Schuchhardt; 1859–1943 гг.) и с Музеем предыстории и ранней истории в Берлине, который был в это время крупнейшим среди музеев этого профиля в Германии. К. Шухгардт – «первооткрыватель столбовой ямы» – принадлежал универалистской традиции Рудольфа Вирхова (Rudolf Virchow; 1821–1902 гг.), придерживался идей интернационализма и скептически относился к школе Г. Коссинны (*Herrmann*, 2002. S. 86, 87). Уже в возрасте 34 лет в 1926 г. В. Унферцатт унаследовал от К. Шухгардта пост директора музея. В 1927 г. они заложили основы программы исследования городищ – «Arbeitsgemeinschaft zur Erforschung der vor- und frühgeschichtlichen

Wall- und Wehranlagen Mittel- und Ostdeutschlands»⁸. После ухода Г. Коссинны на пенсию В. Унферцагт стал преподавать в Берлинском университете, а после смерти Г. Коссинны получил там в 1932 г. должность внештатного профессора. В 1937 г. В. Унферцагт вступил в нацистскую партию (Национал-социалистическая рабочая партия Германии, National-Sozialistische Deutsche Arbeiterpartei; см. *Brather*, 2001), но, несмотря на это, в 1930-е гг. его исследовательская программа городищ прекратилась. Лишь на некоторых городищах он все же смог провести раскопки, например, Цантох (Zantoch), Лоссов (Lossow), Лебус (Lebus) (*Brackmann, Unverzagt*, 1936; *Unverzagt*, 1958). В. Унферцагт всегда уделял большое внимание и возглавляемому им музею. Ближе к концу Второй мировой войны он заботился об эвакуации и спасении коллекций; ценные находки из раскопок Г. Шлиманна в Трое он охранял лично и после окончания войны передал Советской военной администрации в Германии (СВАГ) в Берлине⁹.

В восстановленном после войны Берлинском университете предмета «предыстория» не было. В. Унферцагта нельзя было приглашать на должность профессора из-за того, что он был членом нацистской партии. В итоге было принято решение, что лучше пока этого предмета не будет, тем более, что нацисты им злоупотребляли, и теперь он расценивался как «не жизненно важный» (*Leube*, 2010. S. 126). Зато в 1946 г. В. Унферцагту поставили задачу подготовить создание Института изучения материальной культуры древних славян¹⁰, очевидно, по образцу учреждений такого профиля в Советском Союзе (*Brather*, 2008. S. 23). В СВАГ планировали его тесное сотрудничество с АН СССР. Почти одновременно с согласия СВАГ историк Фриц Рёриг (Fritz Rörig; 1882–1952 гг.) уже в следующем 1947 г. основал и возглавил «Комиссию предыстории и ранней истории» при Германской АН в Берлине, успев до своей смерти преобразовать ее в Секцию, что было предпосылкой для основания Института. В 1949 г. В. Унферцагт стал членом Германской академии наук (с 1972 г. – АН ГДР) и с 1953 г. директором академического «Института предыстории и ранней истории»¹¹, который был основан в этом году. В. Унферцагт планировал Институт как общегерманский, сформулировав главные темы и направления археологического исследования исходя из того, чем он раньше занимался, в том числе проблем археологии славян. Направляя археологическую науку ГДР в следующее десятилетие, он возобновил программу исследования городищ, особенно активно выступая за изучение славянских городищ. Он был инициатором и редактором первых двух томов издания по древним городищам и укреплениям¹² (*Grimm*,

---

⁸ Сообщество для изучения древних городищ и укреплений Средней и Восточной Германии.

⁹ Потом эти и ряд других находок увезли в Москву. Ныне они находятся в Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина и Государственном историческом музее в Москве, Государственном Эрмитаже в Санкт-Петербурге.

¹⁰ Institut zur Erforschung der materiellen Kultur der Altslawen.

¹¹ Предполагавшееся название «Институт изучения материальной культуры древних славян» уже не употребляли.

¹² «Handbuch vor- und frühgeschichtlicher Wall- und Wehranlagen».

1958; *Herrmann*, 1960). Первым городищем, которое масштабно исследовалось, стало Тетеров (Teterow) в Мекленбурге, где шли раскопки с 1950 по 1953 г. (*Unverzagt, Schuldt*, 1963). В связи с этим необходимо отметить Эвальда Шульдта (Ewald Schuldt; 1914–1987 гг.), директора Шверинского археологического музея. Он внес существенный вклад в развитие славянской археологии в Мекленбурге, раскопал несколько ключевых городищ¹³ и особенно известен благодаря исследованию и типологии славянской керамики (*Schuldt*, 1956; 1964; 1981). Эта типологическая схема употребляется не только для Северной Германии, но и для всей северо-западной части славянского мира.

Важно отметить, что исследования в то время всегда предусматривались в общенемецких рамках. Конечно, были и тесные личные связи между исследователями из Восточной и Западной Германии. Несмотря на должность, занимаемую в Восточном Берлине, В. Унферцагт жил в Западном Берлине. Ему представлялось развитие немецкой науки как единой, которая равно не была бы наукой ни ФРГ, ни ГДР (*Herrmann*, 2002. S. 98).

В 1960-е гг. политический климат похолодал, была закрыта граница между ГДР и ФРГ, построена Берлинская стена. В 1964 г. В. Унферцагт ушел на пенсию, его преемником в Институте стал Карл-Хайнц Отто (Karl-Heinz Otto; 1915–1989 гг.), который был в то же время профессором в Берлинском университете. Но уже в 1969 г. в ГДР в ходе реформы Академии наук научные структуры изменились по советскому образцу: произошла их централизация. В рамках Академии был создан Центральный институт древней истории и археологии¹⁴ с четырьмя подразделениями: предыстории и ранней истории; востоковедения; древней истории; истории греко-римской культуры¹⁵, где были сосредоточены все исследовательские проекты. Директором этого Института (с учетом ходатайства В. Унферцагта) стал молодой Йоахим Херрманн (Joachim Herrmann; 1932–2010 гг.) (рис. 4). До ликвидации АН ГДР в 1990 г. он был фактически «главным археологом» ГДР, определявшим направление археологических исследований в стране, и, таким образом, его можно считать третьей (после двух вышеупомянутых) выдающейся личностью послевоенной археологии в Германии.

Рис. 4. Йоахим Херрманн
(по: *Donat et al.*, 2012)

¹³ Кроме Тетерова, Берен-Любхин (Behren-Lübchin; *Schuldt*, 1965), Ной Никёр, Валькендорф (Neu-Nieköhr, Walkendorf; *Schuldt*, 1967), Гросс-Раден (Groß-Raden; *Schuldt*, 1985).

¹⁴ Zentralinstitut für Alte Geschichte und Archäologie (ZIAGA).

¹⁵ Ur- und Frühgeschichte, Orientforschung, Alte Geschichte, griechisch-römische Kulturgeschichte.

Научные цели славянской археологии в ГДР были сформулированы Й. Херрманном вскоре после ухода В. Унферцагта на пенсию (*Herrmann, 1966b*), очевидно, что они были согласованы с ним. Сразу после того, как Й. Херрманн стал директором Института, он изложил конкретные задачи и первые результаты славянской археологии в ГДР на втором конгрессе славянской археологии в Берлине (*Herrmann, 1970*).

Й. Херрманн продолжил программу исследования славянских городищ, возглавил масштабные публикационные проекты, в т. ч. «Корпус археологических источников по ранней истории на территории ГДР»¹⁶, фактически посвященный памятникам, связанным со славянами, фундаментальный справочник «Славяне в Германии»¹⁷, который издавался неоднократно (*Die Slawen...*, 1970; 1985). Эта книга является обобщением всех исследований западных славян в Германии, не только археологических, но и основанных на письменных источниках, данных языкознания, антропологии, естественных наук. Показательно, что территориальные рамки обобщающей работы охватывали ГДР и ФРГ, но не западославянские земли Польши и Чехословакии. Среди продвигавшихся Й. Херрманном проектов масштабных полевых исследований следует назвать, прежде всего, изучение (с широким привлечением естественнонаучных методов) городища (раскопано полностью) Торнов (Tornow) и близлежащих селищ (*Herrmann, 1966a; 1973*)¹⁸ и раскопки торговых поселений викингов и славян на южном берегу Балтийского моря, например, Ральсвик (Ralswiek) на острове Рюген, публикации которых вышли только недавно в нескольких томах (*Herrmann, 1997; 1998; 2005; 2006; Herrmann, Warnke, 2008*).

В тематическом плане славянская археология в ГДР ограничивалась изучением западных славян, особенно на территории Германии. Вопросами, требующими выхода на материалы за пределами ГДР, мало кто занимался. Более, чем другим, уделялось внимание результатам исследований в Польше и Чехословакии; с коллегами из этих стран было и наиболее тесное сотрудничество (*Die Slawen...*, 1970. S. 134).

В целом можно констатировать, что основная проблематика славянской археологии в Восточной и Западной Германии существенно не отличалась (*Jan-kuhn, 1980; Die Slawen...*, 1985; *Donat, 2001*). Там и там были характерны междисциплинарный подход, внимание к этнокультурным вопросам. Среди главных тем можно назвать:

– Соотношение культур германцев и славян, прежде всего, вопрос о контактах славян, появившихся к западу от Одера, с возможными остатками германского населения. Особенно важным являлась датировка наиболее ранних славянских памятников между реками Эльба, Заале и Одер. Археологи ГДР пришли к выводу о наличии германо-славянского контакта и датировке первых волн миграции славян в регион VI в.;

¹⁶ *Corpus archäologischer...*, включавший данные и о городищах, при этом сменивший издание серии «Handbuch vor- und frühgeschichtlicher Wall- und Wehranlagen».

¹⁷ *Die Slawen in Deutschland. Ein Handbuch*.

¹⁸ После объединения Германии интерпретация результатов раскопок в Торнове подверглась критике и переоценке (см., например, *Henning, 1991; Henning, Heußner, 1992*).

– Конструкции и функции славянских городищ, что связано с их датировкой и пониманием исторического контекста. Рассмотрение этих проблем нередко испытывало влияние политики. В ГДР славянские городища рассматривались сквозь призму самостоятельного развития раннефеодальных общественных структур с момента появления славян в регионе;

– Взаимодействие с природной средой и экономикой, для исследования которых все больше привлекались данные естественных наук. Не позднее 1970-х гг. во взаимосвязи с археологией стали активно развиваться палеоботаника, палеозоология, радиоуглеродное датирование, дендрохронология¹⁹. В ГДР была основана естественнонаучная лаборатория при академическом Институте (после объединения Германии перешла в Германский археологический институт). В ФРГ естественнонаучные лаборатории были созданы в разных исследовательских учреждениях и университетах, например в Киле, так как наука в ФРГ не была централизована. Постепенно данные естественных наук стали неперенной частью поселенческой археологии в Германии.

Изучение взаимоотношения славян и немцев во время так называемой Немецкой экспансии на Восток не было среди тем, которым в ГДР уделялось большое внимание. Показательно, что в упомянутом обобщающем справочнике о славянах в Германии изложение заканчивается предшествующим временем, то есть XII–XIII вв. Этой теме стали уделять больше внимания после объединения Германии (см. ниже).

Как мы видели, славянская археология развивалась в ГДР самостоятельно, но это не значит, что она была изолирована или что не было контактов с советскими археологами. Й. Херрманн был членом многих международных научных объединений, в 1990 г. стал иностранным членом Академии наук Украинской ССР. Он (как и немногие другие археологи ГДР) участвовал в многочисленных конференциях за рубежом, выступая представителем археологии ГДР не только в социалистических, но и в капиталистических странах. У него было много зарубежных друзей, в том числе и Валентин Васильевич Седов, у кого он несколько раз был дома в гостях²⁰. С советскими коллегами Й. Херрманн разделял, конечно, мировоззрение марксистско-ленинской исторической науки, но это ему никогда не мешало продуктивно работать и с «западными» коллегами. Стоит отметить различие между конкретно-археологическими работами и теоретико-методологическими текстами Й. Херрманна. В последних речь идет о темах, базовых для марксистско-ленинской исторической науки, часты ссылки на труды К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, советские работы (см., например, *Herrmann*, 1975; 1977)²¹. Очевидно, что Й. Херрманн был в курсе развития археологии в Советском Союзе, официально хвалил (*Herrmann*, 1977. S. 9), но особо не комментировал. Заметно, что немецкая археологическая, историческая

¹⁹ Развитие естественнонаучных методов и их использования в археологии связано, видимо, и с общим проявлением «духа времени» – возрастающей ролью естественных наук.

²⁰ Личное сообщение Владимира Валентиновича Седова.

²¹ При этом в его текстах нередко ссылки и на работы «буржуазных» философов и методологов.

(как и политическая, и философская) школы были ему ближе и, видимо, более полезны для работы. Теоретическая основа и терминология у Й. Херрманна в общем не отличалась от использовавшихся коллегами из других социалистических стран²², но собственно археологический материал был представлен так, что с ним можно работать и без идеологической интерпретации. Поэтому многие публикации Й. Херрманна до сих пор не потеряли свою научную ценность.

Важную роль в контактах археологов ГДР с коллегами из других социалистических стран играли Международные конгрессы славянской археологии (или археологов-славистов), основы которых были заложены на симпозиуме по славянским древностям, прошедшем в Кракове в 1957 г.²³ Первый прошел в 1965 г. в Варшаве²⁴, второй – в 1970 г. в Восточном Берлине, где среди ведущих специалистов на пленарном заседании доклады сделали В. В. Седов (Седов, 1970), Х. Янкун (*Jankuhn*, 1970), Й. Херрманн (*Herrmann*, 1970). Третий конгресс прошел в 1975 г. в Братиславе, четвертый – в 1980 г. в Софии, пятый – в 1985 г. в Киеве, шестой – и пока последний – в 1996 г. в Новгороде. Эти конгрессы и подготовка к ним, несомненно, были важны для научных контактов, но надо отметить, что для большинства немецких исследователей участие в них было лишь одной из редких возможностей встретиться с советскими коллегами. Для систематической работы были, видимо, более актуальны контакты с поляками, чехами, словаками, немцами из ФРГ главным образом вне упомянутых конгрессов.

Объединенная Германия

Падение ГДР в 1990 г. имело существенные последствия для всех областей жизни, включая археологию. Академию наук, в том числе Центральный археологический институт, закрыли; связанный с ними Й. Херрманн утратил лидирующие позиции в археологии Восточной Германии. Централизованный государственно-научный механизм был уничтожен, вместо него созданы новые структуры, включая новые исследовательские учреждения и законы по охране памятников. Многие задачи по охране памятников и организации научных исследований были переданы в ведение регионов (земель). На уровне ведущих кадров также фактически не было преемственности: за редкими исключениями, места археологов в бывшей ГДР заняли специалисты из Западной Германии.

В 1990-х гг. появилось новое поколение археологов, старые теории и модели перепроверялись, многое можно и нужно было рассматривать заново (ср. *Donat*, 2001). Особенно важны были новые датировки, полученные благодаря развитию дендрохронологии, которые ставили старые интерпретации и теории под сомнение. В рамках новой программы датирования славянских городищ, в частности, оказалось, что кольцевые городища типа Торнов были построены

---

²² Понимание истории как прогресса на основе развития производительных сил и производственных отношений, при важной роли классовой борьбы и т. д.

²³ В этом симпозиуме с немецкой стороны участвовали В. Унферцагт и К.-Х. Отго.

²⁴ В рамках конгресса 1965 г. была основана Международная уния славянской археологии. В. Унферцагт участвовал в этом и был выбран ее вице-президентом.

не раньше конца IX или начала X в., то есть не связаны с эпохой славянского расселения, как думали раньше (*Herrmann, Heußner, 1991; Henning, 1991; Henning, Heußner, 1992; Frühmittelalterlicher...*, 1998), а принадлежат совершенно другому историческому контексту. Также в связи с дендрохронологическими данными были пересмотрены датировки основных типов славянской керамики (Зуков, Фельдберг, Менкендорф и др.) и время появления славян на северо-западе раннеславянского мира (*Leube, 1995a; 1995b; Henning, 1998; Biermann, 1999; Biermann et al., 1999; Brather, 2004a; Dulinicz, 2006; Schneeweiß, 2007*). Освоение славянами территории Северо-Восточной Германии, видимо, происходило только на рубеже VII и VIII вв., а не раньше. Впрочем, этот вопрос далеко еще не решен (см., например, *Dulinicz, 2006*), в целом же процесс расселения славян представляется как имеющий несколько волн, связанных с двумя направлениями: юго-восточным (например, от Карпат и Дуная, затем по реке Эльбе)²⁵ и восточным, то есть из бассейна Вислы. Однако и это ставится под сомнение, исходя из того, что процессы миграции (если допустить, что происходила именно смена населения) пока сложно понять археологическими методами (см., например, *Brather, 2008. S. 52–62*).

Для славянской археологии в бывшей ФРГ исследования в Старигарде / Ольденбурге имели очень большое значение (см. выше) и стали поводом для хороших отношений между специалистами ФРГ и восточноевропейских стран. Уже в конце 1980-х гг. планировалось масштабное сотрудничество советских, польских и западногерманских коллег в совместном археологическом проекте, который состоялся в 1990-х гг. как международный исследовательский проект, охватывающий южнобалтийское пространство и сознательно связывающий западно- и восточнославянские ареалы, что отражает и его название «Starigard / Oldenburg – Wolin – Novgorod» (*Müller-Wille, 1998; 2011*). Михаэль Мюллер-Вилле (*Michael Müller-Wille*), тогда профессор в Киле, был инициатором и во многом «мотором» этого проекта, который смог состояться также благодаря хорошему политическому климату эпохи перестройки в СССР и последующих лет. Проект окончился в 2006 г.; по нему опубликованы серия статей и несколько монографий, но обобщающего издания пока еще нет (*Novgorod...*, 2001; *Wehner, 2007; Müller-Wille, 2011*).

Некоторые перспективы

В объединенной Германии с новым поколением археологов связан не только пересмотр ряда представлений и концепций по истории региона, но и переориентация в поиске научных тем и вопросов, включая дискуссию по теоретическим и методологическим проблемам. И в ГДР, и в ФРГ теоретической археологией занимались мало, но в течение двух последних десятилетий «ландшафт» науки Германии в значительной мере изменился. Ряд современных научных направлений, вопросов и перспектив в развитии археологии сформулировал Себастьян

²⁵ Древнейшие славянские памятники на юге Восточной Германии считаются более ранними, чем на севере, и датируются VII в.

Братер (*Brather*, 2008. S. 365–380 и др.), автор значительных работ по археологии западных славян. Прошлая проблематика часто направлялась историей и связана с изучением исторических событий, нередко использовалась как иллюстрация политической истории. Но следует исходить из того, что археология является самостоятельной наукой, которая имеет свои источники и методы, отличающиеся от источников и методов других наук, как гуманитарных (например, история), так и естественных (например, химия). Специфика археологических источников позволяет, прежде всего, делать выводы структурального характера, освещая вопросы социальной, экономической и культурной истории, то есть может прояснить главным образом бытовые условия в прошлом.

Хорошим примером современных направлений в археологии являются «археология окружающей среды»²⁶, или «ландшафтная археология»²⁷. В отличие от «обычной» поселенческой археологии, эти направления занимаются комплексным изучением развития культурного ландшафта в целом, включая не только поселения, но и пространство вне памятника, хозяйственные структуры, дорожную сеть и т. д., а также реконструкцию восприятия ландшафта древним населением и весь спектр взаимоотношения человека и природы.

Новые импульсы для поселенческой археологии дают крупномасштабные раскопки на трассах строящихся дорог и трубопроводов, когда вскрываются такие большие площади, как никогда ранее. Благодаря систематическому использованию металлоискателей постепенно закрывается «хронологический хиатус» между памятниками, относимыми к эпохе Великого переселения народов, и раннесредневековыми. С изменением картины распространения находок значительно меняется и интерпретация памятников.

С многими строительными проектами, особенно в восточногерманских городах после объединения Германии, связан существенный прогресс городской археологии и археологии средневековых деревень. Это дало новый импульс в изучении т. н. Немецкой экспансии на восток, поскольку большинство восточногерманских городов было основано в это время. Картина этой «экспансии» сегодня выглядит не столь простой, как представлялось ранее. Исследователи пришли к выводу, что название «славяне» в то время в немецком языке обозначало не обязательно этническую принадлежность, а, прежде всего, низкий социальный статус в основном сельского населения (*Gläser*, 1982). Исключительно этническое содержание за этим словом закрепилось гораздо позже.

Вопросы этнической интерпретации особенно значимы при рассмотрении пограничных зон между разными культурами. Некоторые исследователи ставят вопросы, ответы на которые должны быть за пределами понятия «этнос», так как оно оказывается не всегда адекватным для археологических исследований. Обращается внимание, что, например, в VII–VIII вв. на территории Северной Германии раннеславянская материальная культура имеет много общего с соседней позднесаксонской культурой. Речь идет не только о лепной керамике, но и о характере вещевых комплексов в целом. Возможно, что среда обитания и хозяйство в те времена были важнее для носителей культуры, чем

---

²⁶ Umweltarchäologie, environmental archaeology.

²⁷ Landschaftsarchäologie, landscape archaeology.

принадлежность к определенному этносу. Не исключено, что этнос стал действующей общественной категорией довольно поздно – не раньше, чем в раннем Средневековье (см. *Brather*, 2004b; 2008. S. 49–50). В среднеславянское (и частично в позднеславянское) время материальная культура западных славян на огромном пространстве весьма единообразна, хотя сами славяне никогда не были едиными, например, политически. «Славянами» как общностью они были только из чужой перспективы, в глазах авторов дошедших до нас письменных источников. Фактически же славяне были разделены на более или менее самостоятельные «племена» или союзы, которые действовали нередко друг против друга. На сегодняшний день имеются доказательства военных действий внутри «славянского лагеря», возможно, связанных и с работоторговлей (см., например, *Biermann, Henning*, 2012).

Есть целый ряд других открытых вопросов славянской археологии, которые перечислить невозможно: от внутренней структуры поселений и особенностей хозяйства, механизмов производства и распределения товаров до реконструкции социальных групп и религиозных представлений славян. Большинство этих тем и вопросов не новы, но важны перспективы и современные методики, которые соответствуют источникам, так же как и открытый диалог с другими науками.

Нынешние условия для научной археологической работы не самые лучшие ни в Германии, ни в России: раскопки проводятся в основном в виде новострочечных работ, оплаченных деньгами частновладельческого или государственного хозяйства; бюджеты для чисто научных исследований становятся меньше и меньше, конкурс на гранты больше и больше. Наука сегодня управляется деньгами. Как показывает опыт, славянская археология находится под особой угрозой злоупотребления в политических целях. Перед нами стоит задача, требующая особых усилий: в данных условиях работать в строго научных рамках и поддерживать связи, чтобы научная общность была единой и расхождения касались только научных проблем. Будем надеяться, что наука сильнее намерений некоторых политиков.

ЛИТЕРАТУРА

- Ейкхоф М.*, 2010. «Романтика 1001 ночи» за восточным фронтом? Микроисторическое исследование раскопок СС-Аненербе в Соленом (Украина, 1943 г.) // *Археология*. № 2. С. 107–117.
- Седов В. В.*, 1970. Славяне и племена юго-восточного региона Балтийского моря // *Berichte über den II. Internationalen Kongreß für Slawische Archäologie*. Berlin, 24.–28. August 1970. Bd. 1. Berlin: Akademie-Verlag, 1970. С. 11–23.
- Седов В. В.*, 1979. Происхождение и ранняя история славян. М.: Наука. 153 с.
- Седов В. В.*, 2002. Славяне. Историко-археологическое исследование. М.: Языки славянской культуры. 622 с.
- Штруве К. В.*, 1987. Раскопки княжеской крепости славян-вагров в Ольденбурге (Гольштейн) // Труды пятого Международного конгресса славянской археологии, Киев, 1985 г. Т. I. Вып. 26, секция II. М.: Наука. С. 139–147.
- Bernatzky-Goetze M.*, 1991. Die slawisch-deutsche Burganlage von Meetschow und die slawische Siedlung von Brünkendorf, Landkreis Lüchow-Dannenberg. *Neue Ausgrabungen und Forschungen in Niedersachsen*, 19, S. 229–367.
- Biermann F.*, 1999. Dendrochronologie und Keramik des 8.–12. Jahrhunderts zwischen Elbe und Oder/Neiße. *Probleme der mitteleuropäischen Dendrochronologie und naturwissenschaftlichen Beiträge*

- zur Talaue der March. *Internationale Tagungen in Mikulčice 5*. L. Polaček, J. Dvórska, eds. Brno: Archäologisches Institut der Akademie der Wissenschaften der Tschechischen Republik, S. 97–123.
- Biermann F., Dalitz S., Heußner K.-U., 1999. Der Brunnen von Schmerzke, Stadt Brandenburg an der Havel, und die absolute Chronologie der frühslawischen Besiedlung im nordostdeutschen Raum. *Prähistorische Zeitschrift*, vol. 74, no. 2, S. 219–243.
- Biermann F., Henning J., 2012. Burgwall, Silber, Sklavenhandel. Ausgrabungen an der slawischen Burg von Potzlow, Lkr. Uckermark. *Archäologie in Berlin und Brandenburg*, 2011, S. 92–93.
- Birnbaum H., 1986. Weitere Überlegungen zur Frage nach der Urheimat der Slaven. *Zeitschrift für slavische Philologie*, vol. 46, no. 1, S. 19–45.
- Brackmann A., Unverzagt W., 1936. Zantoch. Eine Burg im deutschen Osten, 1. Zantoch in der schriftlichen Überlieferung und die Ausgrabungen 1932/33. Leipzig: S. Hirzel. 140 S. (Deutschland und der Osten, 1).
- Brather S., 2001. Wilhelm Unverzagt und das Bild der Slawen. *Eine hervorragend nationale Wissenschaft. Deutsche Prähistoriker zwischen 1900 und 1995*. H. Steuer, ed. Berlin; New York: Walter de Gruyter, S. 475–504. (RGA. Ergänzungsband, 29).
- Brather S., 2004a. The beginnings of Slavic settlement east of the river Elbe. *Antiquity*, vol. 78, no. 300, pp. 314–329.
- Brather S., 2004b. Ethnische Interpretationen in der frühgeschichtlichen Archäologie. *Geschichte, Grundlagen und Alternativen*. Berlin; New York: Walter de Gruyter. 807 S. (RGA. Ergänzungsband, 42).
- Brather S., 2008. Archäologie der westlichen Slawen. Siedlung, Wirtschaft und Gesellschaft im früh- und hochmittelalterlichen Ostmitteleuropa. Berlin; New York: Walter de Gruyter. 449 S. (RGA. Ergänzungsband, 61).
- Corpus archäologischer..., 1973–1985. Corpus archäologischer Quellen zur Frühgeschichte auf dem Gebiet der Deutschen Demokratischen Republik (7.–12. Jahrhundert). J. Herrmann, P. Donat, eds. Berlin: Akademie-Verlag. 8 vols. (2471 S.).
- Die Slawen..., 1970 – Die Slawen in Deutschland. Geschichte und Kultur der slawischen Stämme westlich von Oder und Neiße vom 6. bis 12. Jahrhundert. Ein Handbuch. J. Herrmann, ed. Berlin: Akademie-Verlag. 530 S.
- Die Slawen..., 1985 – Die Slawen in Deutschland. Geschichte und Kultur der slawischen Stämme westlich von Oder und Neiße vom 6. bis 12. Jahrhundert. Ein Handbuch. J. Herrmann, ed. Berlin: Akademie-Verlag. 630 S.
- Donat P., 2001. Aktuelle Fragen der archäologischen Forschungen zur Geschichte der Slawen im nördlichen Deutschland. *Bodendenkmalpflege in Mecklenburg-Vorpommern: Jahrbuch*, 48 (2000), S. 215–257.
- Donat P., Gramsch B., Klengel H., 2012. Joachim Herrmann (1932–2010). *Bericht der Römisch-Germanischen Kommission*. Band 91, 2010, S. 7–22.
- Dulinicz M., 2006. Frühe Slawen im Gebiet zwischen unterer Weichsel und Elbe. Eine archäologische Studie. Neumünster: Wachholtz Verlag. 423 S. (SSAO, 7).
- Frühmittelalterlicher..., 1998 – Frühmittelalterlicher Burgenbau in Mittel- und Osteuropa. J. Henning, A. T. Ruttka, eds. Bonn: Habelt-Verlag. 450 S.
- Gabriel I., 1984. Starigard / Oldenburg. Hauptburg der Slawen in Wagrien, 1. Stratigraphie und Chronologie (Archäologische Ausgrabungen 1973–1982). Neumünster: Karl Wachholtz Verlag. 216 S. (Offa-Bücher N. F., 52).
- Gebers W., 1981. Bosau. Untersuchung einer Siedlungskammer in Ostholstein, 5. Der slawische Burgwall auf dem Bischofswarder, 1. Katalog und Beilagen. Neumünster: Karl Wachholtz Verlag. 96 S. (Offa-Bücher N. F., 45).
- Gebers W., 1986. Bosau. Untersuchung einer Siedlungskammer in Ostholstein, 5. Der slawische Burgwall auf dem Bischofswarder, 2. Auswertung der Funde und Befunde. Neumünster: Karl Wachholtz Verlag. 128 S. (Offa-Bücher N. F., 57).
- Gläser M., 1982. Das Restslawentum im Kolonisationsgebiet. Dargestellt am Beispiel der Hansestadt Lübeck und ihrer Umgebung. *Lübecker Schriften zur Archäologie und Kulturgeschichte*, 6, S. 33–76.
- Grimm P., 1958. Die vor- und frühgeschichtlichen Burgwälle der Bezirke Halle und Magdeburg. Berlin: Akademie-Verlag. 500 S. (Handbuch vor- und frühgeschichtlicher Wall- und Wehranlagen, 1). (SSVF, 6).

- Grimm P., 1964. *Varia Archaeologica*. Wilhelm Unverzagt zum 70. Geburtstag dargebracht. *Schriften der Sektion für Vor- und Frühgeschichte Band 16*. Berlin: Akademie-Verlag.
- Häusler I., 2004. Der Beitrag des slavischen Siedlungsträgers zur Raumerschließung in der Oberpfalz – eine historisch-geographische Analyse. *Regensburger Beiträge zur Regionalgeographie und Raumplanung*, 9, S. 1–175.
- Henning J., 1991. Germanen – Slawen – Deutsche: Neue Untersuchungen zum frühgeschichtlichen Siedlungswesen östlich der Elbe. *Prähistorische Zeitschrift*, vol. 66, no. 1, S. 119–133.
- Henning J., 1998. Neues zum Tornower Typ: Keramische Formen und Formenspektren des Frühmittelalters im Licht dendrochronologischer Daten zum westslawischen Siedlungsraum. *Slavonic countries in the Middle Ages. Kraje Słowińskie w wiekach średnich. Profanum i sacrum. Collection of papers dedicated to Prof. Zofia Hilczer-Kurnatowska on 45th anniversary of her scientific work*. Poznan: Wydawn. Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk, S. 392–408.
- Henning J., Heußner K. U., 1992. Zur Burgengeschichte im 10. Jahrhundert. Neue archäologische und dendrochronologische Daten zu Anlagen vom Typ Tornow. *AF*, 37, S. 314–324.
- Herrmann J., 1960. Die vor- und frühgeschichtlichen Burgwälle Groß-Berlins und des Bezirkes Potsdam. Berlin: Akademie-Verlag. 230 S. (Handbuch vor- und frühgeschichtlicher Wall- und Wehranlagen, 2). (SSVF, 9).
- Herrmann J., 1966a. Tornow und Vorberg. Ein Beitrag zur Frühgeschichte der Lausitz. Berlin: Akademie-Verlag. 255 S. (SSVF, 21).
- Herrmann J., 1966b. Zu den nächsten Aufgaben und Zielen der slawischen Archäologie in der DDR. *AF*, 11, S. 173–175.
- Herrmann J., 1970. Hauptaufgaben, Probleme und Ergebnisse der archäologischen Frühgeschichtsforschung in der DDR in den Jahren 1965–1970. *Berichte über den II. Internationalen Kongreß für Slawische Archäologie*, 1. Berlin: Akademie-Verlag, S. 133–159.
- Herrmann J., 1973. Die germanischen und slawischen Siedlungen und das mittelalterliche Dorf von Tornow, Kr. Calau. Berlin: Akademie-Verlag. 540 S. (SUF, 26).
- Herrmann J., 1975. Die Rolle der Volksmassen für den historischen Fortschritt in den vorkapitalistischen Gesellschaftsformationen. Probleme der Forschung. *Die Rolle der Volksmassen in der Geschichte der vorkapitalistischen Gesellschaftsformationen*. J. Herrmann, I. Sellnow, eds. Berlin: Akademie-Verlag, S. 17–28.
- Herrmann J., 1977. Archäologie als Geschichtswissenschaft. *Archäologie als Geschichtswissenschaft. Studien und Untersuchungen*. J. Herrmann, ed. Berlin: Akademie-Verlag, S. 9–28. (SUF, 30).
- Herrmann J., 1979. Probleme der Herausbildung der archäologischen Kulturen slawischer Stämme des 6.–9. Jh. *Rapports du IIIe Congrès International d'Archéologie Slave, Bratislava 7–14 septembre 1975*, 1. B. Chropovský, ed. Bratislava: Vydavateľstvo slovenskej Akadémie vied, pp. 49–76.
- Herrmann J., 1997. Ralswiek auf Rügen. Die slawisch-wikingischen Siedlungen und deren Hinterland, I. Die Hauptsiedlung. Lübstorf: Archäologisches Landesmuseum Mecklenburg-Vorpommern. 224 S. (BUFMV, 32).
- Herrmann J., 1998. Ralswiek auf Rügen. Die slawisch-wikingischen Siedlungen und deren Hinterland, II. Kultplatz, Boot 4, Hof, Propstei, Mühlenberg, Schloßberg und Rugard. Lübstorf: Archäologisches Landesmuseum Mecklenburg-Vorpommern. 184 S. (BUFMV, 33).
- Herrmann J., 2002. Tradition und Neubeginn ur- und frühgeschichtlicher Forschungen an der Berliner Akademie der Wissenschaften 1946–1952. Zum 110. Geburtstag von Wilhelm Unverzagt. *Sitzungsberichte der Leibniz-Sozietät*, 54, S. 85–101.
- Herrmann J., 2005. Ralswiek auf Rügen. Die slawisch-wikingischen Siedlungen und deren Hinterland, III. Die Funde aus der Hauptsiedlung. Schwerin: Landesamt für Kultur und Denkmalpflege. 262 S. (BUFMV, 37).
- Herrmann J., 2006. Ralswiek auf Rügen. Die slawisch-wikingischen Siedlungen und deren Hinterland, IV. Der Silberschatz vor 850. Naturwissenschaftliche Untersuchungen. Versuch einer Bilanz. Schwerin: Landesamt für Kultur und Denkmalpflege. 193 S. (BUFMV, 45).
- Herrmann J., Heußner K.-U., 1991. Dendrochronologie, Archäologie und Frühgeschichte vom 6. bis 12. Jahrhundert in den Gebieten zwischen Saale, Elbe und Oder. *AF*, 36, S. 255–290.
- Herrmann J., Warnke D., 2008. Ralswiek auf Rügen. Die slawisch-wikingischen Siedlungen und deren Hinterland, V. Das Hügelgräberfeld in den «Schwarzen Bergen» bei Ralswiek. Schwerin: Landesamt für Kultur und Denkmalpflege. 222 S. (BUFMV, 46).

- Hinz H., 1977. Bosau. Untersuchung einer Siedlungskammer in Ostholstein, 2. Die Ausgrabungen und Untersuchungen im Dorf 1971–1975. Neumünster: Karl Wachholtz Verlag. 180 S. (Offa-Bücher N. F., 37).
- Hinz H., 1980. Bosau. Untersuchung einer Siedlungskammer in Ostholstein, 4. Naturwissenschaftliche Untersuchungen. Beiträge zur Zoologie, Palynologie, Dendrochronologie und Radiokohlenstoff-Datierung. Neumünster: Karl Wachholtz Verlag. 138 S. (Offa-Bücher N. F., 42).
- Hinz H., 1983. Bosau. Untersuchung einer Siedlungskammer in Ostholstein, 6. Die Grabungen auf dem Möhlenkamp von 1974–1979. Neumünster: Karl Wachholtz Verlag. 212 S. (Offa-Bücher N. F., 51)
- Hinz H., 1996. Bosau. Untersuchung einer Siedlungskammer in Ostholstein, 7. Die Ausgrabungen und Forschungen in der Siedlungskammer Bosau, Kreis Ostholstein, von 1970–1981. Neumünster: Wachholtz-Verlag. 106 S. (Offa-Bücher N. F., 79).
- Jankuhn H., 1937. Haithabu, eine germanische Stadt der Frühzeit. Neumünster: Karl Wachholtz Verlag. 207 S.
- Jankuhn H., 1970. Germanen und Slawen. *Berichte über den II. Internationalen Kongreß für Slawische Archäologie*, 1. Berlin: Akademie-Verlag, S. 55–74.
- Jankuhn H., 1977. Einführung in die Siedlungsarchäologie. Berlin; New York: Walter de Gruyter. 204 S.
- Jankuhn H., 1980. Die archäologische Slawenforschung in der Bundesrepublik Deutschland seit 1945. *Beiträge zur Archäologie Nordwestdeutschlands und Mitteleuropas. Klaus Raddatz zum 65. Geburtstag am 19. November 1979*. T. Krüger, ed. Hildesheim: Lax Verlag, S. 139–146. (Materialhefte zur Ur- und Frühgeschichte Niedersachsens, 16).
- Jankuhn H., 1986. Haithabu. Ein Handelsplatz der Wikingerzeit. Neumünster: Wachholtz Verlag. 311 S.
- Kempke T., 1984. Starigard / Oldenburg. Hauptburg der Slawen in Wagrien, 2. Die Keramik des 8.–12. Jahrhunderts. Neumünster: Karl Wachholtz Verlag. 140 S. (Offa-Bücher N. F., 53).
- Kempke T., 1991. Starigard / Oldenburg. Hauptburg der Slawen in Wagrien, 3. Die Waffen des 8.–13. Jahrhunderts. Neumünster: Karl Wachholtz Verlag. 103 S. (Offa-Bücher N. F., 73).
- Kiefmann H.-M., 1978. Bosau. Untersuchung einer Siedlungskammer in Ostholstein, 3. Historisch-geographische Untersuchungen zur älteren Kulturlandschaftsentwicklung. Neumünster: Karl Wachholtz Verlag. 128 S. (Offa-Bücher N. F., 38).
- Kilger C., 1998. The Slavs Yesterday and Today. Different Perspectives on Slavic Ethnicity in German Archaeology. *Current Swedish Archaeology*, 6, pp. 99–114.
- Kossinna G., 1896. Die vorgeschichtliche Ausbreitung der Germanen in Deutschland. *Zeitschrift des Vereins für Volkskunde*, 6, S. 1–14.
- Kossinna G., 1911. Die Herkunft der Germanen. Zur Methode der Siedlungs-Archäologie. Würzburg: Kabitzsch Verlag. 30 S.
- Kossinna G., 1912. Die deutsche Vorgeschichte: eine hervorragend nationale Wissenschaft. Würzburg: Kabitzsch Verlag. 100 S. (Mannus-Bibliothek, 9).
- Kossinna G., 1927. Altgermanische Kulturhöhe. Eine Einführung in die deutsche Vor- und Frühgeschichte. München: Verlag J. F. Lehmann. 80 S.
- Kossinna G., 1932. Germanische Kultur im 1. Jahrtausend nach Christi, I. Leipzig: Curt Kabitzsch Verlag. 367 S. (Mannus-Bibliothek, 50).
- Leube A., 1995a. Germanische Völkerwanderungen und ihr archäologischer Fundniederschlag. Das 5. und 6. Jahrhundert östlich der Elbe. Ein Forschungsbericht (I). *Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift*, vol. 36, no. 1, S. 3–84.
- Leube A., 1995b. Germanische Völkerwanderungen und ihr archäologischer Fundniederschlag. Slawisch-germanische Kontakte im nördlichen Elb-Oder-Gebiet. Ein Forschungsbericht (II). *Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift*, vol. 36, no. 2, S. 259–298.
- Leube A., 2010. Prähistorie zwischen Kaiserreich und wiedervereinigtem Deutschland. 100 Jahre Ur- und Frühgeschichte an der Berliner Universität unter den Linden. Bonn: Habelt Verlag. 258 S. (Studien zur Archäologie Europas, 10).
- Losert H., 1993. Die slawische Besiedlung Nordostbayerns aus archäologischer Sicht. *Vorträge des II. Niederbayerischen Archäologentags*, Deggendorf, 1992, S. 207–270.
- Losert H., 2009. Moinvinidi, Radanzvinidi und Nabavinidi. Geschichte und Archäologie der Slawen in Bayern. *Siedlungsstrukturen und Burgen im westslawischen Raum: Beiträge der Sektion zur slawischen Frühgeschichte der 17. Jahrestagung des Mittel- und Ostdeutschen Verbandes zur Altertums-*

- forschung in Halle an der Saale, 19. bis 21. März 2007.* F. Biermann, T. Kersting, A. Klammt, eds. Langenweissbach: Beier & Beran, S. 219–294. (Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte Mitteleuropas, 52).
- Mahsarski D., 2011. Herbert Jankuhn (1905–1990). Ein deutscher Prähistoriker zwischen nationalsozialistischer Ideologie und wissenschaftlicher Objektivität. Rahden (Westfalen): Verlag Marie Leidorf. 381 S.
- Mahsarski D., Schöbel G., 2013. Archäologen im besetzten Osteuropa. *Graben für Germanien. Archäologie unterm Hakenkreuz: Ausstellung im Focke-Museum, Bremer Landesmuseum für Kunst und Kulturgeschichte vom 10. März bis 8. September 2013.* Stuttgart: Theiss Verlag, S. 140–146.
- Müller-Wille M., 1998. Starigard / Oldenburg – Wolin – Novgorod. Besiedlung und Siedlungen im Umland slawischer Herrschaftszentren. Ein fachübergreifendes Forschungsprojekt. *Struktur und Wandel im Früh- und Hochmittelalter: Eine Bestandsaufnahme aktueller Forschungen zur Germania Slavica.* C. Lübke, ed. Stuttgart: Steiner Verlag, S. 187–198. (Forschungen zur Geschichte und Kultur des östlichen Mitteleuropa, 5).
- Müller-Wille M., 2011. Zwischen Starigard / Oldenburg und Novgorod: Beiträge zur Archäologie west- und ostslawischer Gebiete im frühen Mittelalter. Neumünster: Wachholtz Verlag. 312 S. (SSAO, 10).
- Novgorod..., 2001 – Novgorod. Das mittelalterliche Zentrum und sein Umland im Norden Rußlands. M. Müller-Wille, ed. Neumünster: Wachholtz Verlag. 399 S. (SSAO, 1).
- Reinerth H., 1938. Gustaf Kossinna als Vorkämpfer und Begründer der völkischen Vorgeschichtsforschung. *Germanen-Erbe*, 3, S. 354–362.
- Schneeweiß J., 2007. Die Rolle des Gewässersystems bei der slawischen Einwanderung am Beispiel des Werders bei Neubrandenburg. Ein Beitrag zur Kontinuitätsdiskussion. *Siedlung, Kommunikation und Wirtschaft im westslawischen Raum: Beiträge der Sektion zur slawischen Frühgeschichte des 5. Deutschen Archäologenkongresses in Frankfurt an der Oder, 4. bis 7. April 2005.* F. Biermann, T. Kersting, eds. Langenweissbach: Beier & Beran, S. 19–28.
- Schneeweiß J., 2011. Sachsen, Franken, Slawen – zur Geschichte einer Grenzregion an der Elbe. Ein Vorbericht zu den Ausgrabungen des Göttinger Seminars für Ur- und Frühgeschichte am Höhbeck. *Slawen an der Elbe.* K.-H. Willroth, J. Schneeweiß, eds. Göttingen: Wachholtz Verlag, S. 57–102. (Göttinger Forschungen zur Ur- und Frühgeschichte, 1).
- Schuld E., 1956. Die slawische Keramik in Mecklenburg. Berlin: Akademie-Verlag. 188 S. (SSVF, 5).
- Schuld E., 1964. Slawische Töpferei in Mecklenburg. Schwerin: Museum für Ur- und Frühgeschichte. 81 S. (Bildkataloge des Museums für Ur- Frühgeschichte Schwerin, 7).
- Schuld E., 1965. Behren-Lübchin. Eine spätslawische Burganlage in Mecklenburg. Berlin: Akademie-Verlag. 252 S. (SSVF, 19).
- Schuld E., 1967. Die slawischen Burgen von Neu-Nieköhr / Walkendorf, Kreis Teterow. Schwerin: Museum für Ur- und Frühgeschichte. 75 S. (Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte der Bezirke, Rostock, Schwerin und Neubrandenburg, 1).
- Schuld E., 1981. Gross Raden. Die Keramik einer slawischen Siedlung des 9./10. Jahrhunderts. Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaften. 176 S. (Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte der Bezirke Rostock, Schwerin und Neubrandenburg, 14).
- Schuld E., 1985. Groß-Raden. Ein slawischer Tempelort des 9./10. Jahrhunderts in Mecklenburg. Berlin: Akademie-Verlag. 268 S. (SUF, 39).
- Schwarz E., 1960. Sprache und Siedlung in Nordostbayern. Erlanger Beiträge zur Sprach- und Kunstwissenschaft, 4. Nürnberg: Carl. 465 S.
- Schwarz K., 1975. Der frühmittelalterliche Landesausbau in Nordost-Bayern – archäologisch gesehen. *Ausgrabungen in Deutschland. Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums*, 1, 2. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, S. 338–409.
- Schwarz K., 1977. Regensburg während des ersten Jahrtausends im Spiegel der Ausgrabungen im Niedermünster. *Jahresberichte der Bayerischen Bodendenkmalpflege*, 13/14 (1972/73), S. 7–98.
- Schwarz K., 1984. Frühmittelalterlicher Landesausbau im östlichen Franken zwischen Steigerwald, Frankenwald und Oberpfälzer Wald. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. 186 S. (Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 5).
- Slawen..., 2013 – Slawen an der unteren Mittelelbe. Untersuchungen zur ländlichen Besiedlung, zum Burgenbau, zu Besiedlungsstrukturen und zum Landschaftswandel: Beiträge zum Kolloquium vom

- 7.–9. April 2010 in Frankfurt a. M. K.-H. Willroth, ed. Wiesbaden: Reichert-Verlag. 306 S. (Frühmittelalterliche Archäologie zwischen Ostsee und Mittelmeer, 4).
- Starigard/Oldenburg..., 1991 – Starigard/Oldenburg. Ein slawischer Herrschersitz des frühen Mittelalters in Ostholstein. M. Müller-Wille, ed. Neumünster: Wachholtz Verlag. 328 S.
- Steuer H., 1973. Probegrabungen auf germanischen und slawischen Siedlungen im Hannoverschen Wendland. *Nachrichten aus Niedersachsens Urgeschichte*, 42, S. 293–300.
- Steuer H., 1974. Probegrabungen auf slawischen und deutschen Siedlungs- und Burgplätzen im Hannoverschen Wendland (2). *Nachrichten aus Niedersachsens Urgeschichte*, 43, S. 181–190.
- Struve K. W., 1981. Die Burgen in Schleswig-Holstein, 1. Die slawischen Burgen. Neumünster: Karl Wachholtz Verlag. 115 S. (Offa-Bücher N. F., 35).
- Udolph J., 1983. Gewässernamen der Ukraine und ihre Bedeutung für die Urheimat der Slaven. *Slavistische Studien zum IX. Internationalen Slavistenkongress in Kiev 1983*. R. Olesch, ed. Köln; Wien, S. 579–595.
- Unverzagt W., 1958. Ausgrabungen in der Burg von Lebus/Oder während der Jahre 1941–1944. *AF*, 3, S. 119–126.
- Unverzagt W., Schuldt E., 1963. Teterow. Ein slawischer Burgwall in Mecklenburg. Berlin: Akademie-Verlag. 246 S. (SSVF, 13).
- Wachter B., 1998. Die slawisch-deutsche Burg auf dem Weinberg in Hitzacker/Elbe: Bericht über die Grabungen von 1970–1975. Ein Beitrag zur Frühgeschichte des Hannoverschen Wendlands. Neumünster: Wachholtz Verlag. 300 S. (Göttinger Schriften zur Vor- und Frühgeschichte, 25).
- Wehner D., 2007. Der frühgeschichtliche Seehandelsplatz Wolin und sein Umland. Eine Studie zu Zentrum und Peripherie. Neumünster: Wachholtz Verlag. 258 S. (SSAO, 8).
- Willroth K.-H., 2011. «Germanen – Slawen – Deutsche...» – Eine unendliche Forschungsgeschichte. Interdisziplinäre Forschungen zum frühen und hohen Mittelalter im Hannoverschen Wendland. *Slawen an der Elbe*. K.-H. Willroth, J. Schneeweiß, eds. Göttingen: Wachholtz Verlag, S. 1–14. (Göttinger Forschungen zur Ur- und Frühgeschichte, 1).

J. Schneeweiß

Die Archäologie der Slawen in Deutschland nach dem Zweiten Weltkrieg: Wissenschaftliche Ausrichtung gestern und heute

Zusammenfassung. Ausgehend von der Frage nach dem Einfluss der sowjetischen archäologischen Slawenforschung, insbesondere der Thesen V. V. Sedovs, auf die slawische Archäologie in Deutschland wird ein kurzer Abriss der Wissenschaftsgeschichte der Nachkriegszeit bis zum vereinten Deutschland gegeben. Der Einfluss blieb überraschend gering. Der historische Materialismus war zwar im sowjetischen Einflussbereich (DDR) als Deutungsschema politisch vorgeschrieben; marxistische Terminologie und Konzeptformulierungen waren die Voraussetzung für die Existenzberechtigung des Faches. Doch mit dem Forschungsalltag hatte das wenig zu tun. Praktisch wurde an ältere Forschungstraditionen angeknüpft. Programmatische Unterschiede zwischen DDR und BRD blieben auf konzeptioneller Ebene und hatten kaum praktische oder methodische Relevanz. Die slawische Archäologie wurde im Nachkriegsdeutschland entscheidend von drei Forscherpersönlichkeiten geprägt, auf die daher ausführlicher eingegangen wird: Herbert Jankuhn, Wilhelm Unverzagt und Joachim Herrmann. Sie knüpften an Forschungstraditionen der Vorkriegszeit an und stellten die entscheidenden Weichen für die inhaltliche Ausrichtung des Faches nach dem Krieg. Eine Aufarbeitung der Vergangenheit des Faches sowie eine offene Diskussion über Forschungsziele und -methoden begannen erst im vereinigten Deutschland seit den 1990er Jahren. Insgesamt sind die Fragestellungen, aber auch die Rekonstruktionen komplexer, vielfältiger und dynamischer geworden. Auch die

Organisation der archäologischen Forschung hat sich grundlegend geändert und hat heute mit ganz anderen Schwierigkeiten zu kämpfen als noch vor 30 Jahren. Die Gefahr einer politischen Ausrichtung der Archäologie besteht grundsätzlich immer, besonders in der Frühgeschichte. Ihr entgegenzuwirken gehört zu unseren vornehmlichsten Aufgaben.

Schlüsselwörter: wissenschaftliche Traditionen, Forschungsgeschichte, Westslawen, Burgen, politisch ausgerichtete Forschung, Herbert Jankuhn, Wilhelm Unverzagt, Joachim Herrmann.

Сведения об авторе / Autor

Шнеевайсс Йенс,
Институт истории материальной
культуры РАН, Дворцовая наб., 18,
Санкт-Петербург, 191186, Россия,

e-mail: jschnee@gwdg.de

Schneeweiß, Jens,
Institut für die Geschichte der mate-
riellen Kultur der Russischen Akademie
der Wissenschaften, Dvortsovaja nab.
18, St. Petersburg 191186, Russland,

В. Е. Родинкова

К ПРОБЛЕМЕ ВЫДЕЛЕНИЯ БАЛТСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ В ЖЕНСКОМ УБОРЕ «МАРТЫНОВСКОГО» ТИПА

Резюме. На основе анализа материалов днепровских раннесредневековых кладов I группы в статье сделан вывод, что прямое влияние балтских традиций на женский убор раннеславянского населения Поднепровья было незначительным. Впечатление о большом количестве заимствований создают предметы одних и тех же массовых категорий (подвески, пронизки, цепочки и др.), составляющие основу костюмного комплекса и в Поднепровье, и в Прибалтике, и известные в обоих регионах не только в раннесредневековое, но и в предшествующее время. Таким образом, близость «мартыновского» женского убора балтскому как на уровне отдельных элементов, так и на уровне общей структуры обусловлена не прямыми контактами населения указанных регионов, синхронными формированию вещевого набора днепровских кладов, а наличием у рассматриваемых костюмных комплексов общей основы, развитие которой шло на разных территориях сходными путями.

Ключевые слова: раннее Средневековье, женский убор, днепровские раннесредневековые клады I группы (типа Мартыновского), славяне, балты, культурные связи.

Проблему балто-славянских связей можно без преувеличения считать одной из ключевых в отечественной исторической науке. Важное место она занимала в исследованиях В. В. Седова, который благодаря энциклопедичности своих знаний мог с равной степенью глубины и фундированности рассматривать различные ее аспекты – лингвистические, археологические, антропологические и др. В настоящее время в ряд концепций, выдвинутых В. В. Седовым, внесены коррективы, представления о многих явлениях и процессах, привлекавших его внимание, расширились, но интерес к славянскому этногенезу и роли в нем балтов по-прежнему велик. Наиболее продуктивным сегодня кажется изучение отдельных сторон «балто-славянской проблемы» на том или ином частном материале и синтез полученных результатов.

Такой частный случай – комплекс женских украшений и предметов убора круга «древностей антов» I группы, наиболее полно представленный в кладах типа Мартыновского. Он существовал в Среднем Поднепровье и на Днепровском

Левобережье с конца VI – начала VII в. до середины – третьей четверти VII в.¹ С одной стороны, несомненна его связь с восточнославянскими колочинской и пеньковской культурами на позднем этапе их существования (список находок на памятниках указанных культур см.: *Родинкова*, 1996). С другой стороны, неоднократно отмечалась гетерогенность «мартыновского» вещевого набора, в том числе присутствие в нем балтских элементов (*Приходнюк*, 1994. С. 72; *Щеглова*, 1999. С. 309; *Родинкова*, 2008. С. 281, 284). Рассмотрим основания, на которых базируется этот тезис.

Весьма многочисленная и разнообразная категория украшений, входящих в женский раннесредневековый убор Поднепровья, – браслеты. Среди них есть образцы с цельнометаллическими сильно расширенными гранеными концами, имеющими в сечении вид правильных шести- или восьмиугольников. Это орнаментированные окружностями, точками, насечками вдоль ребер серебряные образцы из Мартыновского² (1 экз.), Козиевского / Новоодесского (1 экз.), Блажковского (1 экз.) кладов и латунный – из Великобудковского (рис. 1, 1–4). Комплекс из Блажков в типологическом отношении является переходным между кладами I и II групп (*Гавриутухин, Щеглова*, 1996. С. 54, 55). Находки из Великих Будков, несомненно, следует учитывать при характеристике материальной культуры раннесредневекового населения Поднепровья, хотя сам клад к кругу «древностей антов» мы не относим (*Горюнова, Родинкова*, 1999. С. 188, 189).

Браслеты с расширенными гранеными концами, как неорнаментированные, так и украшенные насечками, точками, кружками, являются одним из характерных элементов балтского традиционного костюма. При этом вне Прибалтики они, в отличие от браслетов с расширенными круглыми в сечении концами, с которыми их в большинстве случаев не разделяют, встречаются редко, отражая, очевидно, локальную специфику убора местных племен. В массовом количестве такие изделия известны в Литве и Латвии, найдены также в Эстонии и Финляндии. Многие из них серебряные (рис. 1, 5–8) (*Vaitkunsienē*, 1981. 46 pav.; *Stankus*, 1984. 6 pav.; *Kazakevicius*, 1993. P. 181. 102 pav., 15, 16; 109, 13; *Urtāns*, 1977. 45 att., 7, 10–12; *Ciglis*, 2001. P. 50. Fig. 1; *Шмидехельм*, 1955. Рис. 30, 5; *Kivikoski*, 1973.

¹ Хронология комплекса, его ареал, характер, механизмы формирования широко обсуждались и обсуждаются специалистами. Подробное освещение этих проблем выходит за рамки настоящей работы.

² Днепровские материалы круга «древностей антов» учтены по следующим изданиям: предметы из кладов в Мартыновке, Малом Ржавце, Хацках, Мене, Козиевке / Новой Одессе, Судже (1947 г.), Колосково, Блажках, Зайцеве, Самгородке, а также случайные находки из Киева и Среднего Поднепровья – по: *Корзухина*, 1996; из клада в Трубчевске – по: *Приходнюк и др.*, 1996; из клада в Гапоново – по: *Обломский*, 1996; из клада в Куриловке – по: *Родинкова*, 2010; из клада в Судже-Замостье – по: *Кашкин, Родинкова*, 2010; из клада в Великих Будках – по: *Горюнова*, 1992; из клада в Харивке – по: *Приходнюк, Хардаев*, 1998; из клада в Уланке – по: *Щеглова*, 2012; из погребения в Мохначе – по: *Аксенов, Бабенко*, 1998; материалы кладов и случайные находки с Пастырского городища – по: *Корзухина*, 1996; *Приходнюк*, 2005. В дальнейшем изложении ссылки на публикации привлекаемых к анализу вещей из указанных комплексов опущены.

S. 69. Taf. 50, 459; и др.). По данным прибалтийских исследователей, подобные изделия широко бытуют в V–VI вв. (*Kazakevicius*, 1993. P. 118, 119, 181), возможно, доживая иногда до конца VII в. (*Ciglis*, 2001. P. 50). Очевидно, экземпляры из Мартыновского, Козиевского / Новоодесского, Великобудковского, Блажковского кладов имеют непосредственно балтийское происхождение, в Поднепровье они – импорты. Три из четырех находок сломаны, то есть на последнем этапе своего существования по прямому назначению (как украшения) они уже не использовались. Вероятно, этим объясняется и некоторое их запаздывание по сравнению с основной массой таких вещей в Балтии.

Еще одна разновидность днепровских браслетов – изделия с цельнометаллическими расширенными концами, на которых наличествуют слабо проработанные грани и сглаженные ребра. Все известные находки не орнаментированы. Таковы серебряные образцы из Мартыновского (3 экз.) (рис. 1, 9) и «медные» – из Колосковского (2 экз.) комплексов. Фрагмент браслета с подгранным концом имеется в кладе из Шевченко³. Возможно, попытки получить грани имели место при изготовлении сохранившегося фрагментарно серебряного экземпляра из Великобудковского клада⁴ и пары латунных – из Куриловского, которые имеют в сечении подчетыреугольную форму и сглаженные углы. Не исключено, однако, что в последних трех случаях таким образом визуальнo фиксируются следыковки. Рассматриваемые украшения появляются в составе «мартыновского» вещевого набора, но продолжают существовать и после того, как он выходит из употребления. Так, серия (9 экз.) массивных серебряных браслетов с нечеткими гранями на более или менее расширенных концах зафиксирована в Харивском кладе⁵ (рис. 1, 10). Еще один серебряный экземпляр и обломок одного «медного» (типа III-A по классификации О. М. Приходнюка) известны среди случайных находок с Пастырского городища. Раннесредневековый период жизни на данном памятнике в основном совпадает со временем бытования в Поднепровье «древностей антов» II группы.

Полные аналогии описанным украшениям мне неизвестны. О. М. Приходнюк и В. М. Хардаев включили харивские находки в группу вещей, «истоки которых прослеживаются в Прибалтике» (*Приходнюк, Хардаев*, 1998. С. 256). Возможно, такие браслеты, действительно, представляют собой попытку воспроизведения образцов с четкими гранями на концах, широко распространенных в балтской среде. Не исключено, что данную линию развития продолжают и серебряные изделия с полыми расширенными многогранными концами (рис. 1, 11), выделенные О. М. Приходнюком в тип I-Б пастырских браслетов

³ Комплекс не опубликован, хранится в Путивльском краеведческом музее (Сумская область, Украина). Благодарю директора музея С. В. Турика и научного сотрудника Е. Н. Плаксину за возможность работать с материалами.

⁴ В кладе из Великих Будков зафиксирован еще латунный язычок пряжки с расширением у основания, имеющий, по мнению В. М. Горюновой, прибалтийское происхождение.

⁵ По данным О. М. Приходнюка и В. М. Хардаева, у трех харивских браслетов концы четырехгранные, у остальных – шестигранные (*Приходнюк, Хардаев*, 1998. С. 256. Рис. 5).

(Приходнюк, 2005. С. 45). Они известны в кладах II группы из Харивки (1 экз.), Зайцева (2 экз.), Самгородка (1 экз.), Уланка (1 экз.), с Пастырского городища 1949 г. (2 экз.), а также как случайные находки из Киева (2 экз.), с Пастырского (15 экз.) и из Среднего Поднепровья (3 экз.). На Пастырском городище найдены и инструменты для изготовления подобных вещей (Приходнюк, 1994. С. 66, 67. Рис. 5, 4). Считается, что мода на полые украшения, в том числе браслеты, как и техника их изготовления, пришли в бассейн Днепра из дунайских провинций Византии (Там же. С. 70, 71, 75; Щеглова, 2012. С. 203; и др.), но в Подунавье полые браслеты имеют, как правило, круглые в сечении концы. Грани на днепровских находках могли появиться вследствие синтеза дунайских и прибалтийских ремесленных традиций.

Браслеты с расширенными цельнометаллическими гранеными концами из кладов типа Мартыновского традиционно сопоставляются с изготовленными преимущественно из серебра экземплярами с городища Зимно, на котором фиксируются следы их производства (Аулих, 1972. С. 67–69, 77. Табл. XIII, 1, 3, 4, 7, 11, 12), тремя серебряными изделиями из Крылосского клада (Кропоткин, 1971. С. 66. Табл. 1, 2, 4, 7) и бронзовым образцом с поселения Скибинцы (Хавлюк, 1963. С. 320, 321. Рис. 14, 9). Представляется, что форма и характер орнамента перечисленных находок позволяют их также связывать с балтской культурной средой. Материалы зимновского городища, кажется, свидетельствуют, что местное население могло заимствовать не только сами вещи, но и технику их изготовления. У браслета с о. Мытковский один конец многогранный, второй – подквадратный в сечении; вероятно, здесь имело место достаточно грубое подражание традиционной для прибалтийских украшений форме. Наконец, опосредованно балтское влияние в Поднепровье отражает, по-видимому, и один из бронзовых браслетов Менского клада. Он имеет утолщенные граненые концы, но орнамент, состоящий из параллельных и пересекающихся врезных линий, сильно отличает его от описанных выше образцов.

Судя по сохранившимся изображениям, в состав клада из Козиевки / Новой Одессы входил еще один артефакт, который можно рассматривать в контексте прямых балто-днепровских связей. Это петлеобразный фрагмент проволочного изделия с закрученным в спираль концом, с которым соединена цепочка из «рубчатых» пластинчатых звеньев (рис. 2, 3). Среди «древностей антов» данная вещь уникальна. По форме ей близки некоторые типы подвесок (рис. 2, 4, 5) и фигурных соединительных звеньев цепей (рис. 2, 13), а в функциональном отношении – ажурные проволочные распределители, посредством которых в основном крепились к нагрудным булавкам или шейным пластинам-держателям многочисленные цепочки, хотя они могли соединять и другие детали украшений (рис. 2, 7–12, 14, 15). Такие изделия весьма характерны для убора населения юго-восточной Прибалтики⁶, в частности, латгальского и земгальского (Люцинский

⁶ Некоторые параллели находке из Козиевки / Новой Одессы можно увидеть в так называемых очковидных подвесках, широко распространенных в восточной части лесной зоны Европы. В финно-угорской традиции эти изделия, однако, не соединяются с цепочками, а служат промежуточными держателями для различных мелких привесок,

могильник, 1893. Табл. I, 5, II; IV, 1, 5 и сл.; *Ciglis*, 2007. Kat. 712, 831, 873 и сл.; *Vaskeviciūtė*, 2004. 64 pav., 2, 3; 67, 3; *Griciuvienė et al.*, 2005. Kat. 238, 273, 478; *Bitner-Wróblewska et al.*, 2005. Tab. I, 1, 2; XIV, 57, 58, 62, 65, 78, 80; XXI, 4–6; *Bliujenė*, 1999. 73 pav.; 74, 1; 81, 1; 85; *Butrimas*, 2009. 35; 73; 84; 96; 100 pav.; и др.). Известны они и в других частях Балтийского региона (*Кулаков*, 1990. С. 188, 189, 193. Рис. 28, 41, 2; *Jakobson*, 2009. S. 40, 45, 57, 91. Taf. 13, i; 48, g; 70, l; 192, 32; 216, h; *Kivikoski*, 1973. S. 70. Abb. 469). Типологически развитые экземпляры существуют до середины II тыс., возникновение же их имеющиеся в распоряжении исследователей данные позволяют относить к VII–VIII вв. Интересно, что цепедержатель из Козиевки / Новой Одессы, как и три из четырех найденных в Поднепровье браслетов с гранеными концами, сломан.

Присутствие его в комплексе востока Днепровского Левобережья симптоматично, поскольку именно для этого региона характерен локальный вариант «мартыновского» женского убора, отличительная черта которого – цепочки, служившие частью сложных нагрудных украшений. Большинство их состоит из восьмерковидных звеньев, к которым прикреплены подвески, чаще всего трапещиевидные и колокольчики. На таком фоне выделяются образцы из Козиевского / Новоодесского клада (5 фр.), звенья которых изготовлены из скрученной в полтора-три оборота бронзовой проволоки, и экземпляр из погребения в Мохначе, составленный из свернутых в кольцо бронзовых пластинок с рифленной поверхностью, вероятно, имитирующей проволочную навивку (рис. 2, 1, 2). Кроме того, в кладе из Черкасской Конопельки⁷ представлены цепочки (4 фр.) с мелкими круглыми звеньями из толстой проволоки. Дополнительные подвески на всех перечисленных изделиях отсутствуют. Насколько можно судить, мохначский экземпляр идентичен тому, обрывок которого зафиксирован на вышеупомянутом обломке цепедержателя из Козиевки / Новой Одессы.

Эти вещи имеют прямые соответствия среди древностей балтов (рис. 2, 6, 8, 11–17), у которых устойчивая традиция использования цепочек, как и их проволочных распределителей (см. выше), существовала с римского времени до середины II тыс. н. э. Особенно показательны сложные многочастные композиции из цепочек для костюма латгалов и земгалов; в зоне расселения финских племен они встречаются реже (*Люцинский могильник*, 1893. Табл. IV; V; VIII, 15, 16; *Музуревич*, 1962. Рис. 1; *Ciglis*, 2007. Kat. 505, 712, 725 и сл.; *Griciuvienė et al.*, 2005. Kat. 72, 93, 101 и сл.; *Vaitkunskienė*, 1981. III; VI; XXXIX; XLIII; XLIV pav.; *Tautavicius*, 1984. 13 pav., 1, 2; 14, 1, 2; 23; *Volkaitė-Kulikauskienė*, 1997. 68; 71; 72 pav. и сл.; *Bliujenė*, 1999. 69 pav., 2; 72; 73; 74, 2 и сл.; *Butrimas*, 2009. 17–21 pav. и сл.; *Jakobson*, 2009. S. 52, 60. Taf. 56, e, f; 77, f; 216, a–d, g, h, l; *Jaaničs et al.*, 1982. Joon. 155, 3; 195, 3; 204, 11; 250, 4–6; *Kivikoski*, 1973. Abb. 469–471). В основе всего многообразия подобных украшений лежат достаточно стандартные изделия, состоящие из круглых звеньев, которые могут быть

кроме того, их завернутые в кольца (иногда несомкнутые) концы не имеют спиральных завершений (*Белоцерковская*, 2014. С. 94. Прим. 2. Рис. 1, 6).

⁷ Клад хранится в Суджанском краеведческом музее, в настоящее время готовится к публикации. Благодарю сотрудников музея и его директора Л. М. Придубкову за возможность работать с материалами.

литыми, изготовленными из пластин или свернутой в один или несколько оборотов проволоки. Для балтского убора традиционно использование цепочек как самостоятельного декоративного элемента, а не основы для крепления подвесок, которые на них сравнительно редки. Учитывая это, нельзя исключать, что фрагменты цепей из Козиевки / Новой Одессы были изготовлены прибалтийскими мастерами и в клад попали вместе с другими вещами того же происхождения – обломками браслета и цепедержателя. Экземпляр из мохначского погребения соединен с пальчатыми фибулами при помощи известных на других «антских» цепочках удлиненных восьмерковидных звеньев. Косвенно это свидетельствует, что данная находка представляет собой местное подражание характерной балтской форме украшений, но также возможно, что чужеродная вещь была искусно «встроена» в женский убор «мартыновского» типа.

В кладе из Козиевки / Новой Одессы встречены вещи еще одной редкой для «древностей антов» категории – подвески-лунницы⁸. Они представлены изделиями двух типов – литыми (3 экз.) (рис. 2, 18) и вырезанными из тонкой металлической пластины (6 экз.) (рис. 2, 19, 20). Как показало специальное исследование (Родинкова, 2003), одним из центров распространения литых лунниц в раннем Средневековье была юго-восточная Прибалтика, где они активно использовались со второй половины VII – VIII в. в основном как подвески-цепедержатели к булавкам (рис. 2, 17). Козиевские / Новоодесские экземпляры не находят среди прибалтийских полных соответствий, но особенности морфологии и способ изготовления позволяют, кажется, рассматривать их в связи именно с этим культурным кругом. Вероятно, здесь следует говорить не столько о прямом заимствовании, сколько о сходных направлениях эволюции восходящих к общим прототипам украшений (Родинкова, 2003. С. 10, 11). Вырезанным из пластины образцам, особенно фрагментированной луннице, выполненной качественнее других (рис. 2, 19), типологически и функционально наиболее близок экземпляр из культурного слоя третьей четверти I тыс. н. э. Банцеровского городища (рис. 2, 21) (Митрофанов, 1967. С. 261. Рис. 2, 9). Для решения вопроса о генетической связи этих представленных единичными находками украшений данных пока недостаточно, но какие-то контакты населения Среднего и Верхнего Поднепровья они, несомненно, фиксируют.

Специфическим элементом женского костюма круга «древностей антов» I группы являются височные кольца двух типов. Первый тип представлен круглыми изделиями из проволоки, один конец которой свернут в плоскую спираль и загнут внутрь кольца, другой может быть слегка утолщен. Крупные, диаметром 12–14 см, экземпляры (рис. 3, 1–3) встречены вкладах из Малого Ржавца (6 экз.), Мартыновки (8 экз.), Суджи 1947 г. (3 экз.), Трубчевска (4 экз.), Гапоново (2 экз.), Куриловки (2 экз.), Черкасской Конопельки (8 экз.), Шевченково (6 экз.). Изделия среднего размера, диаметром 6–9 см (рис. 3, 4), происходят из комплексов в Козиевке / Новой Одессе (14 экз.), Судже-Замостье (9 экз.) и Мохначе (6 экз.). И крупные, и средние односпиральные кольца известны в Поднепровье также в качестве единичных находок. Маленькие, диаметром 2–6 см, украшения

⁸ В сети Интернет имеются сведения о находках подвесок-лунниц и в других комплексах круга «древностей антов» I группы, но их достоверность весьма проблематична.

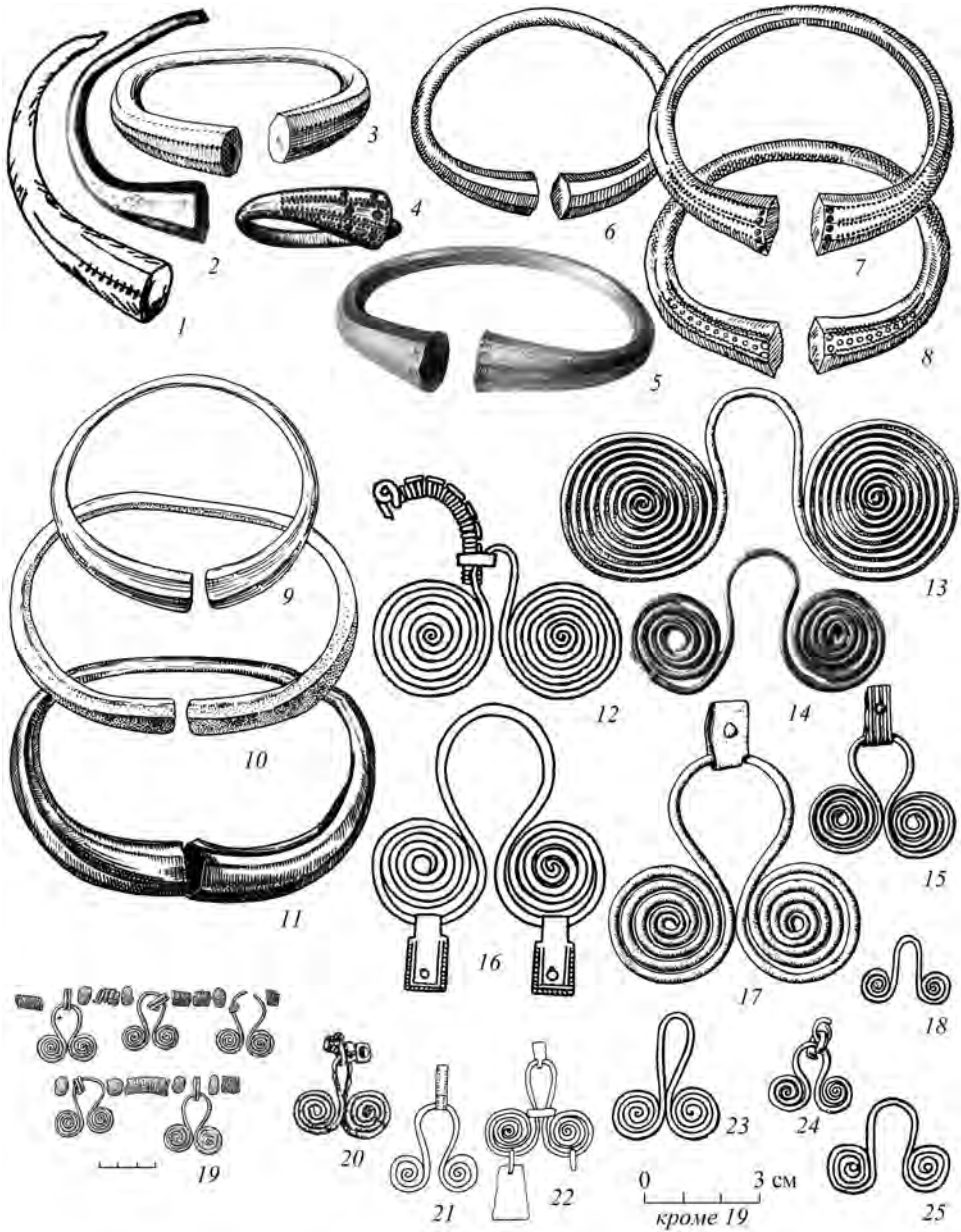
(рис. 3, 5, 6) зафиксированы в кладе из Козиевки / Новой Одессы (2 экз.), а кроме того, на памятниках Днепровского Надпорожья (Родинкова, 1996. С. 160–162. Кат. 48, 49, 51, 54, 63. Рис. 104, 4). Значительная часть изделий большого диаметра изготовлена из серебра, все средние и маленькие – из сплавов на основе меди.

Спираль – популярный орнаментальный элемент, широко распространенный в пространстве и времени. Однако, несмотря на это и на кажущуюся простоту формы, близкие аналоги односпиральным височным кольцам из кладов типа Мартыновского за пределами Поднепровья известны только в восточнолитовских курганных и грунтовых могильниках (рис. 3, 7, 9), на что уже обращали внимание исследователи (Таутавичус, 1959. С. 131. Рис. 1; Tautavicius, 1996. Psl. 161, 162, 361. 62 pav. 1, 3; Volkaite-Kulikauskiene, 1997. 11 pav., 1; Щеглова, 1999. С. 299). Впечатление об их типологическом родстве усиливает наличие у ряда днепровских и литовских образцов такого «нефункционального» элемента, как обмотка из тонкой металлической полосы возле спирали. При этом находки из Прибалтики, как правило, меньше «антских» (по размерам они соответствуют изделиям среднего диаметра из комплексов Днепровского Левобережья), характеризуются меньшим количеством оборотов спирали и утонченным свободным концом. Литовские исследователи датируют их концом IV – V в. (Tautavicius, 1996. Psl. 161, 162, 361; Volkaite-Kulikauskiene, 1997. Psl. 130). Принимая эту датировку, следует согласиться с наличием между рассматриваемыми группами украшений хронологической лакуны, по крайней мере, в столетие. Тем не менее выраженное морфологическое сходство свидетельствует в пользу существования между ними связи, характер которой пока неясен.

Височные кольца второго типа, как и первого, изготовлены из бронзовой или серебряной проволоки, имеют диаметр 13–15,5 см и обладают несомкнутыми слегка утолщенными концами (рис. 3, 17–19)⁹. Они встречены в кладах из Козиевки / Новой Одессы (2 экз.), Суджи 1947 г. (6 экз.), Трубчевска (4 экз.), Гапоново (не менее 10 экз.), Черкасской Конопельки (2 экз.). У некоторых гапоновских экземпляров концы орнаментированы прочеканенными зигзагообразными линиями. Во всех случаях круглые образцы зафиксированы в комплексах с односпиральными.

Рассматриваемые вещи вписываются в широкий круг кольцевидных височных украшений, распространенных в лесной зоне Восточной Европы и в балтской, и в финно-угорской среде (рис. 3, 8, 15, 16). Однако по наличию утолщенных концов они могут быть сопоставлены лишь с относительно небольшой группой изделий, происходящих с городища Демидовка и еще нескольких памятников тушемлинской культуры (рис. 3, 10–14), что уже отмечалось в литературе (Шмидт, 2003. С. 80, 81, 136, 137. Табл. 21, 22). Вероятно, к этому массиву относится и фрагментированная находка с позднедьяковского городища Луковня (Розенфельдт, 1982. С. 13. Рис. 1, 9). Височные кольца в Верхнем

⁹ Среди европейских древностей известны и гривны подобной формы. В пользу интерпретации днепровских находок как височных колец свидетельствуют их размеры, сопоставимые с размерами крупных односпиральных образцов, и тот факт, что в комплексах они обнаруживаются, как правило, в четном количестве.

Рис. 1. Предметы женского убора из днепровских кладов и аналоги

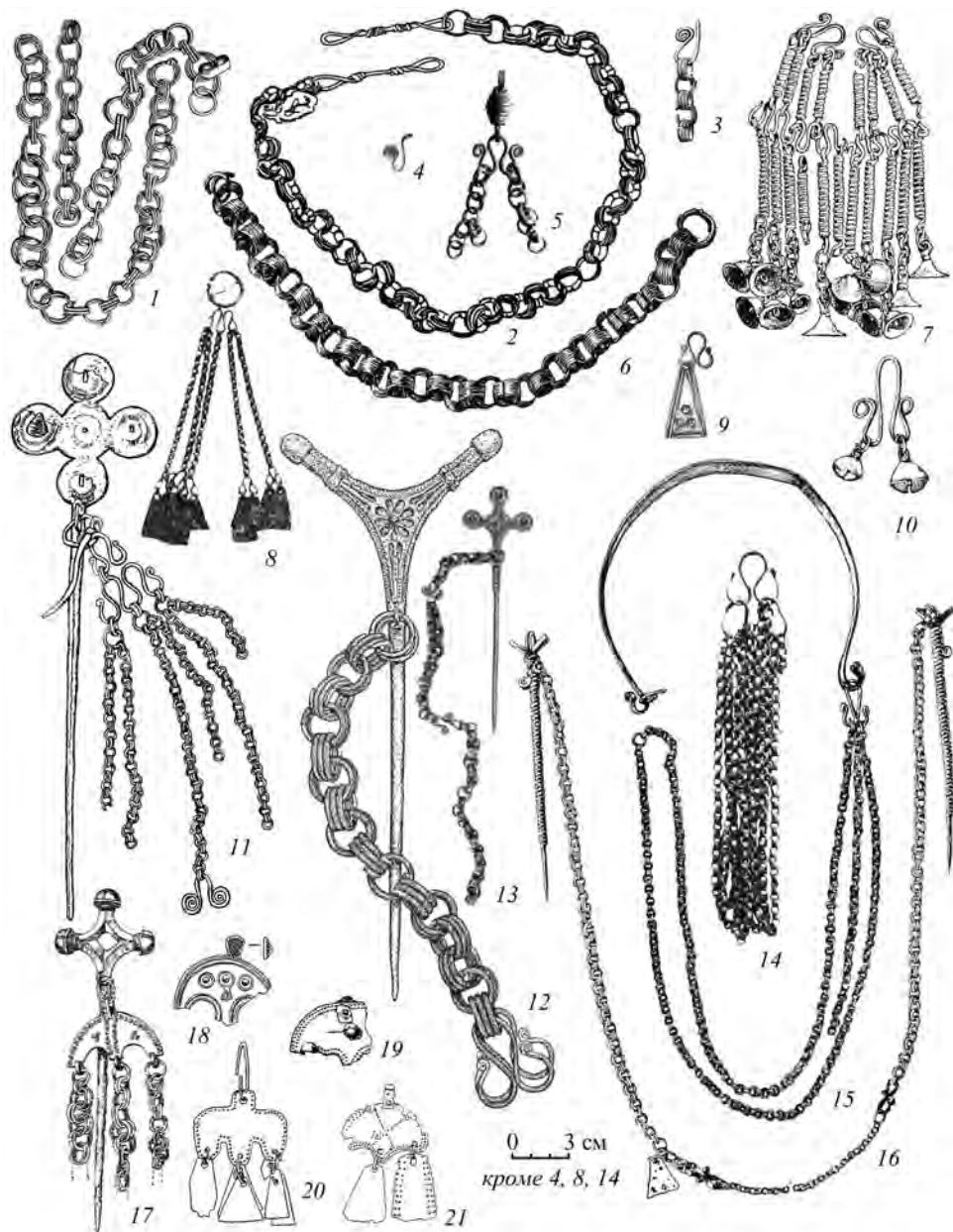
1 – Великие Будки; 2, 9, 13 – Мартыновка; 3 – Блажки; 4 – Козиевка / Новая Одесса; 5, 7, 8 – Пашушвис (Pašušvys); 6 – Кайренеляй (Kairėnėliai); 10 – Харивка; 11 – Зайцев; 12 – Цибилиум; 14 – Колосково; 15, 17 – Суджа; 16 – Гапоново; 18 – о. Кизлевый; 19 – Заречье; 20 – Байтай (Baitai); 21 – Тумяны (Tumiany, бывш. Daumen); 22 – Келяры (Kielary, бывш. Kellaren); 23 – Отмичи; 24 – Селище; 25 – Ходосовка

Поднепровье и Подвинье изготовлены из серебра и сплавов на основе меди, как и среднеднепровские, но размерами уступают последним. В Демидовке клады, состоящие из серебряных экземпляров, очевидно, отмечают гибель городища в огне; найдены такие украшения и в слое пожара в Близнаках (*Шмидт*, 2003. С. 80, 136). Локализация их на ограниченной территории, а не по всему ареалу культуры косвенно может указывать на то, что в тушемлинской среде они инородны. На карте памятники, где найдены круглопроволочные височные кольца с расширенными концами, располагаются вдоль условной линии, ориентированной в меридиональном направлении, возможно, маркируя водный путь от верхнего течения Западной Двины через Верхний Днепр, Подесенье и Посеймье к верховьям Ворсклы.

Изделия, происходящие с тушемлинских памятников и из кладов «древностей антов», достаточно схожи, чтобы рассматривать их в одном типологическом ряду, но вопрос о степени их близости, как и о том, в какую сторону был направлен вектор влияний, появилась ли новая форма украшений на памятниках Смоленского Поднепровья и Подвинья с юга или наоборот, остается открытым. Неясно и хронологическое соотношение этих вещей. Если допустить, что разрушение верхнеднепровских городищ происходит примерно в одно время, и гибель Демидовки, в частности, синхронна гибели Никодимово, можно предположить, что круглопроволочные височные кольца в ареале тушемлинской культуры бытуют чуть позже, чем в ареале кладов типа Мартыновского (о верхней дате Никодимовского городища см.: *Обломский, Родинкова*, 2014. С. 383, 385. Прим. 1). Более уверенно подойти к решению данной проблемы можно после разработки дробной хронологии тушемлинской, колочинской и пеньковской культуры.

Двухспиральные подвески, встречающиеся в комплексах типа Мартыновского, принадлежат к представительной категории украшений, существовавшей в весьма широких территориальных и хронологических рамках: в ряде регионов Европы такие изделия известны с эпохи бронзы. Подвески днепровских кладов, обладающие значительными размерами, относятся к двум типам. Образцы вытянутых пропорций, у которых высота центральной петли между сомкнутыми спиралями больше половины диаметра спирали (рис. 1, 15–17), встречены в Козиевке / Новой Одессе (2 экз.), Судже в 1947 г. (12 экз.), Гапоново (10 экз.), Шевченково (6 экз.). Экземпляры укороченных пропорций, у которых спирали не сомкнуты, а высота петли меньше или равна половине диаметра спирали (рис. 1, 13, 14), представлены в Мартыновке (4 экз.) и Колосково (5(?) экз.). Большая часть перечисленных вещей выполнена из серебряной проволоки. Кроме того, в Надпорожье известны маленькие бронзовые изделия (рис. 1, 18), которые составляют, вероятно, самостоятельный тип раннесредневековых двухспиральных подвесок Поднепровья (*Бодянский*, 1960. С. 276. Рис. 1, 3, 4, 10).

1 – по: *Горюнова, Родинкова*, 1999; 2–4, 9–11, 13–15, 17 – по: *Корзухина*, 1996; 5 – по: *Volkaitė-Kulikauskienė*, 1997; 6 – по: *Stankus*, 1984; 7, 8 – по: *Vaitkūniskienė*, 1981; 12 – по: *Воронов*, 1994; 18 – по: *Бодянский*, 1960; 19 – по: *Белоцерковская*, 2014; 20 – по: *Vanytė*, 1999; 21, 22 – по: *Jakobson*, 2009; 23 – по: *Розенфельдт*, 1982; 24 – по: *Савчук*, 1969; 25 – по: *Абашина*, 1999

Рис. 2. Предметы женского убора из днепровских кладов и аналоги

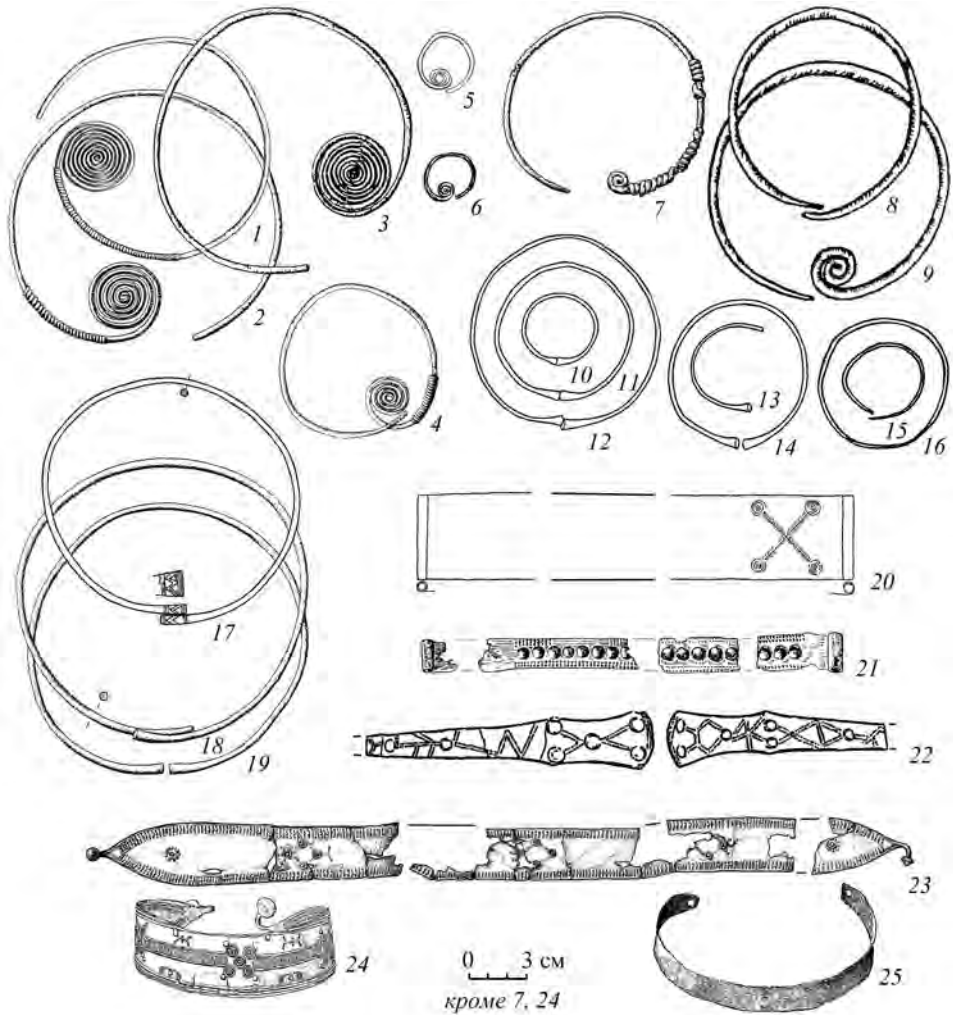
1, 3, 18–20 – Козиевка / Новая Одесса; 2 – Мохнач; 4, 5 – Тумяны (Tumiany, бывш. Daumen); 6, 16 – Звиргзденес Кивть (Zvirgzdenes Kivti); 7 – Наутрену Смиттайне (Nautrēnu Smiltaine); 8, 14 – Люцин (Ludza); 9 – Шпоги (Špogi); 10, 15 – Виляка (Viļaka, бывш. Marienhaus); 11 – Пришманчяй I (Prišmančiai I); 12 – Негарба (Negarba); 13 – Яунпбалгас Езербрици (Jaunpiebalgas Ezerbrīci); 17 – Пожере (Požerē); 21 – Банцеровщина

Посвятивший рассматриваемым украшениям отдельную работу А. А. Егорейченко считает прототипами днепровских находки из ряда абхазских могильников (рис. 1, 12) (*Егорейченко*, 1991. С. 178), датируемые концом III – серединой V в. (*Воронов*, 1994. С. 181). И. О. Гавритухин, не отрицая такую возможность, предлагает принять во внимание «лесное» направление связей и указывает образцам «мартыновского» круга аналогии в Мазурском Поозерье (рис. 1, 21, 22) (*Гавритухин*, *Щеглова*, 1996. С. 49, 50. Рис. 58, л, м), вероятно, синхронные периоду накопления днепровских кладов I группы. Развивая эту идею, отметим, что большинство мазурских, как и днепровских, изделий серебряные (*Кулаков*, 1990. Рис. 10, 2; 15, 1; 18, 2 и сл.; *Jakobson*, 2009. S. 54, 64, 70, 71, 78, 84, 86, 87. Taf. 62, e; 97, 124; 113, h; 116, a; 147, g; 167, d; 173, b; 178, e.1). О близости позиций, занимаемых ими в costume, свидетельствует, кроме прочего, наличие у некоторых экземпляров на спиральных дополнительных подвесок или предусмотренная возможность для их прикрепления (ср. рис. 1, 16 и 1, 22). Двуспиральные подвески, в том числе с вытянутой петлей, и их фрагменты найдены на нескольких позднеядьковских городищах (рис. 1, 23) (*Розенфельдт*, 1982. С. 31. Рис. 5, 23, 24). Среди литовских и, реже, латвийских древностей такие изделия в качестве элементов головных или нагрудных украшений известны в римское и раннесредневековое время (рис. 1, 20; 2, 11) (Люцинский могильник, 1893. Табл. I, 1; *Корзухина*, 1978. Табл. 30, 1; *Volkaitė-Kulikauskienė*, 1997. Psl. 130. 14; 15 pav.; *Bliujenė*, 1999. 85 pav., 1; *Banyte*, 1999. 2 pav., 2; *Vaskeviciūtė*, 2004. 65 pav., 8; *Urtāns*, 1977. 45 att., 13). Вообще же исследователи отмечают, что спираль – один из основных декоративных элементов, используемых в прикладном искусстве народов Прибалтики еще со второй половины I тыс. до н. э. (*Volkaitė-Kulikauskienė*, 1997. Psl. 130. 9 pav.).

Интересно, что подвески из кладов типа Мартыновского имеют типологические и технологические параллели в западной части лесной зоны Восточной Европы, в ареале балтских культур. Восточнее подобные украшения встречены только в погребении 195 рязано-окского могильника Заречье, датируемом серединой V в. (рис. 1, 19) (*Белоцерковская*, 2014. С. 96–98). При этом И. В. Белоцерковская подчеркивает их инородность в местной среде, считая зареченское ожерелье прототипом раннесредневековых днепровских; она склонна объяснять его появление в Поочье контактами рязано-окских финнов с носителями киевской культуры на поздних этапах ее существования, а через них, возможно, и с населением Балтийского региона (Там же. С. 100–102).

Двуспиральные подвески, известные на территории Поднепровья в римское время, связанные с памятниками зарубинецкой, позднезарубинецкой и киевской культур (рис. 1, 24, 25) (*Егорейченко*, 1991. С. 176, там литература; *Абашина*, 1999. С. 9, 10, 17. Рис. 2, 12), составляют еще один блок аналогий интересующим нас раннесредневековым украшениям. Считается, что они были заимствованы зарубинецкими племенами у населения Прибалтики (*Егорейченко*, 1991. С. 176).

1, 3, 18–21 – по: *Корзухина*, 1996; 2 – по: *Аксенов*, *Бабенко*, 1998; 4, 5 – по: *Jakobson*, 2009; 6 – по: *Мугуревич*, 1962; 7 – по: *Ciglis*, 2001; 8, 14 – по: Люцинский могильник, 1893; 9, 10, 15 – по: *Bitner-Wróblewska et al.*, 2005; 11, 12 – по: *Bliujenė*, 1999; 13 – по: *Ciglis*, 2007; 16 – по: *Butrimas*, 2009; 17 – по: *Tautavicius*, 1984

Рис. 3. Предметы женского убора из днепровских кладов и аналоги

1 – Мартыновка; 2, 18, 19 – Суджа; 3 – Малый Ржавец; 4, 5, 21 – Козиевка / Новая Одесса; 6 – о. Кизлевый; 7 – Дусетос (Dusetos); 8, 9 – Восточная Литва; 10–12, 14 – Демидовка; 13 – Близнаки; 15, 16 – Сарское городище; 17, 20 – Гапоново; 22 – Мохнач; 23 – Суджа-Замостье; 24 – Жукин; 25 – Мощино

1–5, 18, 19, 21 – по: Корзухина, 1996; 6 – по: Бодянский, 1960; 7 – по: Таутавичус, 1959; 8, 9 – по: Volkaitė-Kulikauskienė, 1997; 10–14 – по: Шмидт, 2003; 15, 16 – по: Леонтьев, 1996; 17, 20 – по: Обломский, 1996; 22 – по: Аксенов, Бабенко, 1998; 23 – рис. С. А. Смеричинской; 24, 25 – по: Родинкова, 2007

Имея небольшие размеры, они, действительно, сближаются по этому признаку не столько с образцами из «антских» кладов (среди которых известен лишь один относительно некрупный экземпляр в Судже и два маленьких – в Надпорожье), сколько с изделиями балтского круга. Однако удлиненные пропорции и высокая соединительная петля между спиралями характерны для вещей всех трех указанных групп.

Таким образом, морфологические особенности большинства предметов, кажется, позволяют связывать двуспиральные подвески круга «древностей антов» в целом с балтской культурной средой. При этом данных, свидетельствующих о прямом заимствовании, нет, скорее, речь может идти о близости прототипов. Не исключено, что раннесредневековые украшения сформировались в Поднепровье на основе местных образцов; они были отнесены к «субстратной» группе изделий «мартыновского» убора (Родинкова, 2008. С. 281), а отсутствие переходных звеньев между ними и экземплярами римского времени объясняется недостаточным количеством накопленного материала и характером поздней киевской и ранней колочинской и пеньковской культур, бедных металлическими находками (Гавритухин, Щеглова, 1996. С. 49, 50). В то же время такие черты, как несомкнутые спирали и низкая соединяющая их петля у подвесок из Мартыновского и Колосковского кладов, могли появиться в результате воспроизведения обладающих аналогичными признаками абхазских украшений, хотя временной разрыв между ними усиливает гипотетичность этого предположения.

В контексте «лесных» влияний на формирование вещевого набора «древностей антов» I группы рассматриваются также трапециевидные подвески и спиральные и трубчатые пронизки (Там же. С. 47, 48). В отличие от двуспиральных подвесок, они широко используются в costume носителей как балтских, так и финских традиций. Известны такие находки и среди материалов зарубинецкой, постзарубинецкой и киевской культур. Аналогична ситуация с гривнами: конструктивные и декоративные элементы изделий из комплексов «мартыновского» типа зафиксированы и на прибалтийских образцах, и на экземплярах из ареала финно-угорских культур (Родинкова, 2008. С. 281, 284. Рис. 1, 1–33, 51). По-видимому, отмеченные параллели свидетельствуют не столько о связях конкретных групп населения, сколько об общности процессов, происходивших в лесной и лесостепной зонах Восточной Европы, которые отразились в том числе в широком хронологическом и территориальном распространении одних и тех же или близких типов украшений.

Еще одна категория предметов, заслуживающих внимания, – головные венчики. Раннесредневековые венчики Поднепровья принадлежат к группе пластинчатых изделий, выполненных из тонких полос металла (рис. 3, 20–22). Они найдены в Мартыновском, Хацковском (?), Козиевском / Новоодесском, Колосковском, Гапоновском, Трубчевском, Шевченковском кладах и в погребении из Мохнача. Мохначский и часть колосковских экземпляров бронзовые, остальные – серебряные.

Традиция украшения головы разнообразными диадемами, очельями и т. п. – одна из наиболее универсальных, она фиксируется на археологическом материале Восточной Европы с эпохи бронзы. Венчикам из «антских» кладов стилистически наиболее близки так называемые диадемы (иногда интерпретируемые

как гривны), входящие в комплексы предметов с выемчатыми эмальями. Особенно показательны составляющие днепровскую разновидность таких изделий находки из Межигорья, Жукина, Суджи-Замостья и др., а также два экземпляра из Мощинского клада (*Корзухина*, 1978. С. 63, 71, 75. Кат. 1, 73, 90, там литература; *Кашкин, Родинкова*, 2010. С. 86. Рис. 5). Межигорские и подобные им образцы (рис. 3, 23, 24) отличаются от «мартыновских» характером оформления концов и манерой орнаментации, мощинские же (рис. 3, 25) являют собой наиболее полные их аналоги, известные на сегодняшний день вне культурно-хронологического массива «древностей антов»¹⁰. Судя по комплексу из Сухоносивки (Постав-Муки), рассматриваемые украшения могут доживать до гуннского времени, хотя основной период их бытования, как и восточноевропейских эмалей в целом, – вторая половина II – III в. (*Обломский, Терпиловский*, 2007. С. 120–124; *Левада*, 2010. С. 585, 587, 560. Рис. 3). Таким образом, хронологическая лакуна и здесь не позволяет говорить о прямой преемственности между вещами из днепровских раннесредневековых кладов и их возможными прототипами.

Кроме венчиков, среди предметов, сопутствующих украшениям с выемчатыми эмальями, находят параллели и другие изделия круга «древностей антов». Так, двуспиральные подвески известны в составе нагрудных цепей как на территории Поднепровья, так и в Балтии (*Ахмедов и др.*, 2015. С. 154. Рис. 5, 6; *Корзухина*, 1978. С. 81. Кат. 196, 1. Табл. 30, 1). Элементы этих же многочастных украшений – цепочки, состоящие из маленьких круглых литых звеньев, – аналогичны найденным в кладах из Черкасской Конопельки. Известны в сочетании с вещами «эмалевого» круга подвески-лунницы, хотя и другой, нежели раннесредневековые, разновидности, спиральные пронизи, трапезиевидные подвески. Специальное исследование показало, что и структура «мартыновского» женского костюмного комплекса во многом повторяет структуру убора, включавшего «варварские» эмали. В Поднепровье эта традиция прервалась с появлением черняховских племен, но в юго-восточной Прибалтике сохранилась и продолжила развиваться вплоть до позднего Средневековья (*Родинкова*, 2007. С. 370, 371).

Подведем итоги. Импортные предметы, имеющие непосредственно балтское происхождение (браслеты с гранеными концами, цепедержатель, вероятно, цепочки из круглых проволочных и пластинчатых звеньев) и указывающие на прямые контакты населения двух регионов, среди «древностей антов» I группы единичны. Возможно, браслеты породили местные подражания, развитие которых продолжилось и на следующем этапе истории Поднепровья. Ряд женских украшений «мартыновского» типа (односпиральные височные кольца, двуспиральные подвески и подвески-лунницы) находит определенные соответствия среди балтских древностей, однако они не являются полными аналогами; к тому же часть прибалтийских вещей датируется более ранним, чем их днепровские параллели, временем. Изделия, вызывающие общие ассоциации с балтской средой, встречены

¹⁰ По-видимому, самостоятельную линию развития такого рода украшений демонстрируют очелья в виде широких металлических полос, зафиксированные в ряде погребений раннегандинской культуры Удмуртского Прикамья. Благодарю А. А. Красноперова, обратившего мое внимание на эти находки и предоставившего информацию о неопубликованных комплексах.

по всему ареалу «древностей антов». Импорты, за исключением фрагмента браслета из Мартыновки, тяготеют к востоку Днепровского Левобережья; серия их представлена в кладе из Козиевки / Новой Одессы. Территории, с которых могут происходить выявленные в Поднепровье находки балтского облика, на основе имеющих данных точной локализации не поддаются; исключение составляют односпиральные височные кольца, связанные с восточнолитовскими памятниками.

Таким образом, впечатление о большом количестве «балтизов» в ранне-средневековом женском уборе Поднепровья возникает не из-за непосредственного присутствия в нем чужеродных предметов, а из-за сходства структур вещевых наборов и стилистической близости изделий ряда массовых типов. Это может быть обусловлено наличием у «мартыновского» и балтского костюмных комплексов общих прототипов; вероятно, оба они восходят к убору, включавшему украшения с выемчатыми эмальями, который широко распространен в западной части лесной и лесостепной зон Восточной Европы в римское время. Не исключено, что элементы «эмалевого» костюма частично (в том числе в не фиксируемых археологически формах) сохранялись у днепровского населения в период доминирования черняховского вещевого комплекса и на ранних этапах развития колочинской и пеньковской культур. Вместе с тем есть основания считать, что на формирование набора женских украшений круга «древностей антов» I группы оказали влияние и собственно балтские традиции. На это указывает, например, форма «мартыновских» односпиральных височных колец, повторяющих специфичные восточнолитовские украшения. Можно предположить, что в рамках конструирования внешних признаков собственной идентичности представители складывающегося в Поднепровье нового сообщества осуществили своеобразный «импорт идей», заимствовав в балтской среде не конкретные изделия, но общий принцип построения женского убора и стилистику некоторых категорий вещей. Будучи в значительной мере переработаны и наложены на местную основу, эти заимствования, так же как восточногерманские, провинциально-византийские и другие, внесли свой вклад в формирование своеобразного вещевого комплекса, являющегося одной из наиболее ярких черт материальной культуры населения Поднепровья до образования Киевской Руси.

ЛИТЕРАТУРА

- Абашина Н. С.*, 1999. Поселения середины I тис. н. е. поблизу с. Ходосівка на Київщині // Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в I тисячолітті н. е. Київ; Львів: РАС. С. 8–20.
- Аксенов В. С., Бабенко Л. И.*, 1998. Погребение VI–VII вв. н. э. у села Мохнач // РА. № 3. С. 111–122.
- Ауліх В. В.*, 1972. Зимнівське городище – слов'янська пам'ятка VI–VII ст. н. е. в Західній Волині. Київ: Наукова думка. 124 с.
- Ахмедов И. Р., Обломский А. М., Радюш О. А.*, 2015. Брянский клад вещей с выемчатыми эмальями (предварительная публикация) // РА. № 2. С. 146–166.
- Белоцерковская И. В.*, 2014. Уникальное ожерелье из рязано-окского могильника // Государственный исторический музей и отечественная археология: К 100-летию отдела археологических памятников / Ред. Д. В. Журавлев, Н. И. Шишлина. М.: ГИМ. С. 94–104. (Труды ГИМ; № 201.)
- Бодянский А. В.*, 1960. Археологические находки в Днепровском надпорожье // СА. № 1. С. 274–277.
- Воронов Ю. Н.*, 1994. Захоронения женщин с брошами в могильниках Аписии (Абхазия) // МАИЭТ. Вып. IV / Ред.-сост. А. И. Айбабин, С. А. Плетнева. Симферополь: Таврия. С. 173–200.

- Гавритухин И. О., Щеглова О. А.*, 1996. Комплектность клада и реконструкция гарнитур. Группы днепровских раннесредневековых кладов // *Гавритухин И. О., Обломский А. М. и др.* Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.: ИА РАН. С. 47–57. (Раннеславянский мир; вып. 3.)
- Горюнова В. М.*, 1992. Новый клад антского времени из Среднего Поднепровья // *Археологические вести*. Вып. I. СПб.: ИИМК РАН. С. 126–141.
- Горюнова В. М., Родинкова В. Е.*, 1999. Раннеславянское поселение Великие Будки (Хутор) // *Время «Че»: к 100-летию открытия черняховской культуры* / Ред. М. Б. Шукин. СПб.; Кишинев; Одесса: Высшая антропологическая школа. С. 167–219. (Stratum plus; № 4/1999.)
- Егорейченко А. А.*, 1991. Очковые подвески на территории СССР // *СА*. № 2. С. 171–181.
- Каишкин А. В., Родинкова В. Е.*, 2010. Памятники Суджанского региона эпохи Великого переселения народов // *Верхнедонской археологический сборник*. Вып. 5 / Отв. ред. А. Н. Бессуднов. Липецк: ЛГПУ. С. 80–92.
- Корзухина Г. Ф.*, 1978. Предметы убора с выемчатыми эмальями V – первой половины VI в. н. э. в Среднем Поднепровье. Л.: Наука. 124 с. (САИ; Е1-43.)
- Корзухина Г. Ф.*, 1996. Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье // *МАИЭТ*. Вып. V / Ред.-сост. А. И. Айбабин. Симферополь: Таврия. С. 352–435.
- Кропоткин В. В.*, 1971. Клад серебряных вещей VII в. из с. Крылос в Поднестровье // *Acta archaeologica Carpathica*. Т. XII. Fasc. 1–2. S. 65–71.
- Кулаков В. И.*, 1990. Могильники западной части Мазурского Поозерья конца V – начала VIII вв. (по материалам раскопок 1878–1938 гг.) // *Barbaricum*. 1989. Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego. С. 148–275.
- Левада М. Е.*, 2010. Сухоносивка // *Terra Barbarica. Monumenta Archaeologica Barbarica, Series Gemina*. Т. II. Łódź: Instytut Archeologii Uniwersytetu Łódzkiego; Warszawa: Fundacja Monumenta Archaeologica Barbarica. С. 557–594.
- Люцинский могильник, 1893. Люцинский могильник. СПб.: Типография Главного Управления Уделов. 49, 35 с., 15 л. ил. (МАР; № 14. Древности Северо-Западного края; т. I, вып. 2.)
- Митрофанов А. Г.*, 1967. Банцеровское городище // *Белорусские древности: доклады к конф. по археологии Белоруссии* (янв. – февр. 1968) / Ред. В. Д. Будько. Минск: Ин-т истории АН БССР. С. 243–261.
- Музуревич Е.*, 1962. Находки раковин каури на территории Латвии // *Latvijas PSR zinātņu Akadēmijas vēstis*. № 7 (180). С. 37–52.
- Обломский А. М.*, 1996. Каталог предметов Гапоновского клада. Женские украшения // *Гавритухин И. О., Обломский А. М. и др.* Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.: ИА РАН. С. 11–14. (Раннеславянский мир; вып. 3.)
- Обломский А. М., Родинкова В. Е.*, 2014. Этнокультурный перелом в Поднепровье в VII в. н. э. Хронология событий // *КСИА*. Вып. 235. С. 381–404.
- Обломский А. М., Терпиловский Р. В.*, 2007. Предметы убора с выемчатыми эмальями на территории лесостепной зоны Восточной Европы (дополнение сводов Г. Ф. Корзухиной, И. К. Фролова и Е. Л. Гороховского) // *Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России* (III – начало V в. н. э.). М.: ИА РАН. С. 113–141. (Раннеславянский мир; вып. 10.)
- Приходнюк О. М.*, 1994. Технология виробництва та витоки ювелірного стилю металевих прикрас Пастирського городища // *Археологія*. № 3. С. 61–77.
- Приходнюк О. М.*, 2005. Пастирське городище. Київ; Чернівці: Зелена Буковина. 244 с.
- Приходнюк О. М., Падин В. А., Тихонов Н. Г.*, 1996. Трубчевский клад антского времени // *Материалы I тыс. н. э. по археологии и истории Украины и Венгрии*. Киев: Наукова думка. С. 79–102.
- Приходнюк О. М., Хардаев В. М.*, 1998. Харивский клад // *Archaeoslavica*. № 3. Kraków. S. 243–278.
- Родинкова В. Е.*, 1996. Раннесредневековые памятники Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья с датированными находками // *Гавритухин И. О., Обломский А. М. и др.* Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.: ИА РАН. С. 155–162. (Раннеславянский мир; вып. 3.)
- Родинкова В. Е.*, 2003. Подвески-лунницы Козиевского клада (к постановке проблемы раннесредневековых лунниц) // *КСИА*. Вып. 215. С. 6–19.

- Родинкова В. Е., 2007. Система женского раннесредневекового убора Среднего Поднепровья (ретроспективный анализ) // Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. М.: ИА РАН. С. 358–388. (Раннеславянский мир; вып. 9.)
- Родинкова В. Е., 2008. Раннесредневековый женский убор Поднепровья: традиции и влияния // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале / Отв. ред. А. П. Деревянко, Н. А. Макаров. Т. II. М.: ИА РАН. С. 280–285.
- Родинкова В. Е., 2010. Куриловский клад раннесредневекового времени // РА. № 4. С. 78–87.
- Розенфельдт И. Г., 1982. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. М.: Наука. 177 с.
- Таутавичус А. З., 1959. Восточнолитовские курганы // Вопросы этнической истории народов Прибалтики: По данным археологии, этнографии и антропологии / Под ред. С. А. Таракановой, Л. Н. Терентьевой. М.: Изд-во АН СССР. С. 128–153. (Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции; т. 1.)
- Хавлюк П. И., 1963. Раннеславянские поселения Семенки и Самчинцы в среднем течении Южного Буга // Славяне накануне образования Киевской Руси. М.: Изд-во АН СССР. С. 320–350. (МИА; № 108.)
- Шмидехельм М. Х., 1955. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии. Таллин: Эстонское гос. изд-во. 271 с.
- Шмидт Е. А., 2003. Верхнее Поднепровье и Подвинье в III–VII вв. н. э. Тушемлинская культура. Смоленск: Смоленская обл. тип. 296 с.
- Щеглова О. А., 1999. Женский убор из кладов «древностей антов»: готское влияние или готское наследие? // Неславянское в славянском мире / Ред. Р. А. Рабинович. СПб.; Кишинев; Одесса: Высшая антропологическая школа. С. 287–312. (Stratum plus; № 5/1999.)
- Щеглова О. А., 2012. Маленький комплекс пастырского типа из окрестностей села Уланок (Суджанский район Курской области) // Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства: Мат-лы Междунар. конф., посвящ. 110-летию со дня рожд. И. И. Ляпушкина (1902–1968) / Сост., ред. О. А. Щеглова; науч. ред. В. М. Горюнова. СПб.: СОЛО. С. 201–205.
- Banytė R., 1999. Baitų kapinyno dviejų kapų chronologijos klausimu // Archaeologia Lituana. Vilnius: Vilniaus universiteto I-la. 1. Psl. 63–71.
- Bitner-Wróblewska A., Ciglis J., Radiņš A., 2005. Latvijas arheoloģiskās senlietas Polijas krātuvēs = Zabytki łotewskie w zbiorach Polskich. Rīga: Latvijas Nacionālais Vēstures Muzejs; Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne. 264 lpp. (Latvijas kultūrvēsturiskais mantojums ārzemju krātuvēs. Arheoloģija; № 2.) (На латыш. и пол. яз.)
- Bliujenė A., 1999. Vikingų epochos kuršių papuošalų ornamentika: (istorijos mokslo leidinys). Vilnius: Diemedis. 300 p.
- Butrimas A., 2009. Vienos papuošalų grupės istorija: smeigtukai // Baltų menas = Art of the Balts / Sudarytojas A. Butrimas. Vilnius: Vilniaus dailės akademijos I-la. Psl. 189–280. (На лит. и англ. яз.)
- Ciglis J., 2001. Some notes on the chronology of Latgalian and Selonian artefacts in the Middle Iron Age // Archaeologia Lituana. 2. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla. P. 48–64.
- Ciglis J., 2007. Katalog // Skarby starożytnej Łotwy = Treasures of Ancient Latvia / Pod red. A. Bitner-Wróblewskiej. Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne. S. 317–550. (На пол. и англ. яз.)
- Griciuvienė E., Grižas G., Buža Z., 2005. Žiemgaliai V–XIII a. // Žiemgaliai. Baltų archeologijos paroda: Katalogas. = The Semigallians. Baltic Archaeological Exhibition: catalogue. Vilnius: Išleido Lietuvos nacionalinis muziejus. Psl. 23–152. (На лит. и англ. яз.)
- Jaanits L., Laul S., Lõugas V., Tõnison E., 1982. Eesti esiajalugu. Tallinn: Eesti Raamat. 462 p.
- Jakobson F., 2009. Die Brandgräberfelder von Daumen und Kellaren im Kreise Allenstein, Ostpr. Daumen und Kellaren – Tumiany i Kielary. Bd. 1 / Bearbeitet und herausgegeben von A. Bitner-Wróblewska, C. von Carnap-Bornheim, J. Ciglis, V. Hilberg, W. Nowakowski. Neumünster: Wachholtz Verlag, 2009. 423 S.
- Kazakevičius V., 1993. Plinkaigalio kapinynas. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų I-la. 220 psl. (Lietuvos archeologija; 10.)
- Kivikoski E., 1973. Die Eisenzeit Finnlands. Bildwerk und Text. Helsinki: Weilin+Göös. 150 S.
- Stankus J., 1984. Kairėnėlių plokstinis kapinynas // Lietuvos archeologija. 3. Psl. 63–79.
- Tautavicius A., 1984. Pozerės plokstinis kapinynas // Lietuvos archeologija. 3. Psl. 93–118.

- Tautavicius A., 1996. Vidurinis gelezies amzius Lietuvoje (V–IX a.). Vilnius: Lietuvos Pilyys. 367 p.
- Urtāns V., 1977. Senākie depoziiti Latvijā (līds 1200. g.). Rīga: Zinātne. 282 lpp.
- Vaitkunskienė L., 1981. Sidabras senovės Lietuvoje. Vilnius: Mokslas. 126 p.
- Vaskeviciūtė I., 2004. Žiemgaliai V–XII amžiuje. Vilnius: VPU I-la. 152 p.
- Volkaitė-Kulikauskienė R., 1997. Senovės lietuvių drabužiai ir jų papuosalai (I–XVI a.). Vilnius; Lietuvos istorijos instituto I-la. 155 p.

Сведения об авторе

Родинкова Власта Евгеньевна,
Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия,
e-mail: vlasta2004@mail.ru

V. E. Rodinkova

On the Problem of Identification of the Balts Elements
in the Female Jewelry Set of the Martynovka Type

Abstract. Based on the analysis of the Dnieper early medieval hoards referred to Group 1, the author of the paper reaches the conclusion that the impact of Balts traditions on female jewelry of the Early Slavs in the Dnieper Region was insignificant. The impression that a lot of items were borrowed is created by the jewelry pieces of the same mass-produced types (pendants, tubular beads, chains, etc.), which formed the basis of the jewelry sets in the Dnieper Region and the Baltics Region and were known in both regions in the Early Middle Age and the preceding period. Hence, stylistic similarity of the Martynovka female jewelry set with the Balts set at the level of individual items and the level of jewelry sets is stipulated not by direct contacts between the populations of these regions, which were contemporary with the period when the Dnieper hoards were made and hidden, but by a common basis of the jewelry sets in question that developed in different regions in a similar fashion.

Keywords: Early Middle Ages, a female jewelry set, Dnieper early Middle Ages hoards referred to Group 1 (of the Martynovka type), Slavs, Balts, cultural contacts.

REFERENCES

- Abashina N. S., 1999. Poselennya seredini I tis. n. e. poblizu s. Khodosivka na Kii'vshchini [Settlements of mid I mill. AD near village Khodosivka, Kiev region]. *Etnokul'turni protsesi v Pivdenno-Skhidnykh Evropi v I tisyacholitti n. e. [Ethno-cultural processes in South-Eastern Europe in I millennium AD]*. Kiev; L'viv: RAS, pp. 8–20.
- Akhmedov I. R., Oblomskiy A. M., Radyush O. A., 2015. Bryanskiy klad veshchey s v'yemchatymi emalyami (predvaritel'naya publikatsiya) [Bryansk hoard of objects with *champlevé* enamels (preliminary publication)]. *RA*, 2, pp. 146–166.
- Aksenov V. S., Babenko L. I., 1998. Pogrebenie VI–VII vv. n. e. u sela Mokhnach [Burial of VI–VII cc. AD near village Mokhnach]. *RA*, 3, pp. 111–122.
- Aulikh V. V., 1972. Zimnivs'ke gorodishche – slov'yans'ka pam'yatka VI–VII st. n. e. v Zakhidnykh Volini [Zimno fortified settlement – Slavic site of VI–VII cc. AD in West Volyn']. Kiev: Naukova dumka. 124 p.
- Banytė R., 1999. Baitų kapinyno dviejų kapų chronologijos klausimu. *Archaeologia Lituana*, 1. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, pp. 63–71.

- Belotserkovskaya I. V., 2014. Unikal'noe ozherel'e iz ryazano-okskogo mogil'nika [Unique necklace from Ryazan-Oka type cemetery]. *Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey i otechestvennaya arkhologiya: k 100-letiyu otzela arkhologicheskikh pamyatnikov [State Historic museum and national archaeology: toward centenary of department of archaeological sites]*. D. V. Zhuravlev, N. I. Shishlina, ed. Moscow: GIM, pp. 94–104. (Trudy GIM, 201).
- Bitner-Wróblewska A., Ciglis J., Rādiņš A., 2005. Latvijas arheoloģiskās senlietas Polijas krātuvēs = Zabytki łotewskie w zbiorach Polskich. Rīga: Latvijas Nacionālais Vēstures Muzejs; Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne. 264 p. (Latvijas kultūrvēsturiskais mantojums ārzemju krātuvēs. Arheoloģija, 2). (In Latvian and Polish).
- Bluijenė A., 1999. Vikingų epochos kursorių papuošalų ornamentika: (istorijos mokslo leidinys). Vilnius: Diemedis. 300 p.
- Bodyanskiy A. V., 1960. Arkheologicheskie nakhodki v Dneprovskom nadporozh'e [Archaeological finds in region upstream Dnieper cataracts]. *SA*, 1, pp. 274–277.
- Butrimas A., 2009. Vienos papuošalų grupės istorija: smeigtukai. *Baltu menas = Art of the Balts*. A. Butrimas, comp. Vilnius: Vilniaus dailės akademijos leidykla, pp. 189–280. (In Lithuanian and English).
- Ciglis J., 2001. Some notes on the chronology of Latgalian and Selonian artefacts in the Middle Iron Age. *Archaeologia Lituana*, 2. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, pp. 48–64.
- Ciglis J., 2007. Katalog. *Skarby starożytnej Lotwy = Treasures of Ancient Latvia*. A. Bitner-Wróblewska, ed. Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne, pp. 317–550. (In Polish and English).
- Egoreychenko A. A., 1991. Ochkovidnye podveski na territorii SSSR [Bispiral pendants in territory of USSR]. *SA*, 2, pp. 171–181.
- Gavritukhin I. O., Shcheglova O. A., 1996. Komplektnost' klada i rekonstruktsiya garnitur. Gruppy dneprovskikh rannesrednevekovykh kladov [Complex character of hoard and reconstruction of jewelry sets. Groups of Dnieper early medieval hoards]. *Gavritukhin I. O., Oblomskiy A. M. et al. Gaponovskiy klad i ego kul'turno-istoricheskiy kontekst [Gaponovo hoard and its cultural-historical context]*. Moscow: IA RAN, pp. 47–57. (RSM, 3.)
- Goryunova V. M., 1992. Novyy klad antskogo vremeni iz Srednego Podneprov'ya [New hoard of Antes' time from Middle Dnieper region]. *AV*, 1. St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 126–141.
- Goryunova V. M., Rodinkova V. E., 1999. Rannelslavyanskoe poselenie Velikie Budki (Khutor) [Early Slavic settlement Velikie Budki (Khutor)]. *Vremya «Che»: k 100-letiyu otkrytiya chernyakhovskoy kul'tury [“Che” time: toward centenary of discovery of Chernyakhov culture]*. M. B. Shchukin, ed. St. Petersburg; Kishinev; Odessa: Vysshaya antropologicheskaya shkola, pp. 167–219. (Stratum plus; № 4/1999).
- Griciuvienė E., Grižas G., Buža Z., 2005. Žiemgaliai V–XIII a. Žiemgaliai. Baltų archeologijos paroda: Katalogas. = The Semigallians. Baltic Archaeological Exhibition: catalogue. Vilnius: Išleido Lietuvos nacionalinis muziejus, pp. 23–152. (In Lithuanian and English).
- Jaanis L., Laul S., Lõugas V., Tõnisson E., 1982. Eesti esiajalugu. Tallinn: Eesti Raamat. 462 p.
- Jakobson F., 2009. Die Brandgräberfelder von Daumen und Kellaren im Kreise Allenstein, Ostpr. Daumen und Kellaren – Tumiany i Kielary, 1. Von A. Bitner-Wróblewska, C. von Carnap-Bornheim, J. Ciglis, V. Hilberg, W. Nowakowski, eds. Neumünster: Wachholtz Verlag. 423 p.
- Kashkin A. V., Rodinkova V. E., 2010. Pamyatniki Sudzhanskogo regiona epokhi Velikogo pereseleniya narodov [Sudzha district sites of Migration period]. *Verkhnedonskoy arkhologicheskoy sbornik [Upper Don archaeological transactions]*, 5. A. N. Bessudnov, ed. Lipetsk: Lipetskiy gosudarstvennyy pedagogicheskoy universitet, pp. 80–92.
- Kazakevicius V., 1993. Plinkaigalio kapinynas. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla. 220 p. (Lietuvos archeologija, 10).
- Khavlyuk P. I., 1963. Rannelslavyanskije poseleniya Semenki i Samchintsy v srednem techenii Yuzhnogo Buga [Early Slavic settlements Semenki and Samchintsy in South Bug middle reaches]. *Slavyane nakanune obrazovaniya Kievskoy Rusi [Slavs before formation of Kiev Rus]*. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 320–350. (MIA, 108).
- Kivikoski E., 1973. Die Eisenzeit Finnlands. Bildwerk und Text. Helsinki: Weilin+Göös. 150 p.
- Korzukhina G. F., 1978. Predmety ubora s vyemchatymi emalyami V – pervoy poloviny VI v. n. e. v Srednem Podneprov'e [Details of attire with *champlevé enamels* of V – first half of VI c. AD in Middle Dnieper region]. Leningrad: Nauka. 124 p. (SAI, E1-43).

- Korzukhina G. F., 1996. Klady i sluchaynye nakhodki veshchey kruga «drevnostey antov» v Srednem Podneprov'e [Hoards and stray finds of "Antes' antiquities" circle in Middle Dnieper region]. *Materialy po arkhologii, istorii i etnografii Tavrii [Materials on archaeology, history and ethnography of Tauria]*, V. A. I. Aybabin, ed., comp. Simferopol': Tavriya, pp. 352–435.
- Kropotkin V. V., 1971. Klad serebryanykh veshchey VII v. iz s. Krylos v Podnestrov'e [Hoard of silver artefacts of VII c. from village Krylos in Dniester region]. *Acta archaeologica Carpathica*, XII/1–2, pp. 65–71.
- Kulakov V. I., 1990. Mogil'niki zapadnoy chasti Mazurskogo Poozer'ya kontsa V – nachala VIII vv. (po materialam raskopok 1878–1938 gg.) [Cemeteries of Western part of Mazury Lake region of late V – early VIII cc. (based on materials of excavations of 1878–1938)]. *Barbaricum*, 1989. Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego, pp. 148–275.
- Levada M. E., 2010. Sukhonosivka [Sukhonosivka]. *Terra Barbarica. Monumenta Archaeologica Barbarica, Series Gemina*, II. Łódź: Instytut Archeologii Uniwersytetu Łódzkiego; Warszawa: Fundacja Monumenta Archaeologica Barbarica, pp. 557–594.
- Lyutsinskiy..., 1893 – Lyutsinskiy mogil'nik [Lyutsinskiy cemetery]. St. Petersburg: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Udelov. 49, 35 p., 15 l. ill. (Materials for archaeology of Russia, 14. Antiquities of North-Western lands, vol. I, issue 2).
- Mitrofanov A. G., 1967. Bantserovskoe gorodishche [Bantserovshchina fortified settlement]. *Belorusskie drevnosti: doklady k konferentsii po arkhologii Belorussii (yanvar' – fevral' 1968) [Byelorussian antiquities: reports for conference in archaeology of Byelorussia (January – February 1968)]*. V. D. Bud'ko, ed. Minsk: Institut istorii Akademii nauk BSSR, pp. 243–261.
- Mugurevich E., 1962. Nakhodki rakovin kauri na territorii Latvii [Finds of cowrie shells in territory of Latvia]. *Latvijas PSR zinātņu Akadēmijas vēstis*, 7 (180), pp. 37–52.
- Oblomskiy A. M., 1996. Katalog predmetov Gaponovskogo klada. Zhenskie ukrasheniya [Catalogue of objects from Gaponovo hoard. Women decorations]. *Gavritukhin I. O., Oblomskiy A. M. et al. Gaponovskiy klad i ego kul'turno-istoricheskiy kontekst [Gaponovo hoard and its cultural-historical context]*. Moscow: IA RAN, pp. 11–145. (RSM, 3.)
- Oblomskiy A. M., Rodinkova V. E., 2014. Etnokul'turnyy perelom v Podneprov'e v VII v. n. e. Khronologiya sobytiy [Ethno-cultural watershed in the Dnieper region in VII c. AD. Sequence of events]. *KSIA*, 235, pp. 381–404.
- Oblomskiy A. M., Terpilovskiy R. V., 2007. Predmety ubora s vyemchatymi emalyami na territorii lesostepnoy zony Vostochnoy Evropy (dopolnenie svodov G. F. Korzukhinoy, I. K. Frolova i E. L. Gorokhovskogo) [Attire details with *champlevé* enamels in territory of forest-steppe zone of Eastern Europe (supplement to catalogues by G. F. Korzukhina, I. K. Frolov and E. L. Gorokhovskiy)]. *Pamyatniki kievskoy kul'tury v lesostepnoy zone Rossii (III – nachalo V v. n. e.) [Kiev culture sites in forest-steppe zone of Russia (III – early V c. AD)]*. Moscow: IA RAN, pp. 113–141. (RSM, 10.)
- Prikhodnyuk O. M., 1994. Tekhnologiya virobnitstva ta vitoki yuvelirnogo stilyu metalevikh prikras Pastirs'kogo gorodishcha [Production technology and origins of jewelry style of metal ornaments from Pastyrskoe fortified settlement]. *Arkheologiya [Archaeology]*. Kiev, 3, pp. 61–77.
- Prikhodnyuk O. M., 2005. Pastirs'ke gorodishche [Pastyrskoe fortified settlement]. Kiev; Chernivtsi: Zelena Bukovina. 244 p.
- Prikhodnyuk O. M., Khardaev V. M., 1998. Kharivskiy klad [Kharivka hoard]. *Archaeoslavica*, 3. Kraków, pp. 243–278.
- Prikhodnyuk O. M., Padin V. A., Tikhonov N. G., 1996. Trubchevskiy klad antskogo vremeni [Trubchevsk hoard of Antes' time]. *Materialy I tys. n. e. po arkhologii i istorii Ukrainy i Vengrii [Materials of I mill. AD for archaeology and history of Ukraine and Hungary]*. Kiev: Naukova dumka, pp. 79–102.
- Rodinkova V. E., 1996. Rannesrednevekovyye pamyatniki Srednego Podneprov'ya i Dneprovskogo Levoberezh'ya s datiruyushchimi nakhodkami [Early medieval sites of Middle Dnieper region and Dnieper left bank zone with chronologically reliable finds]. *Gavritukhin I. O., Oblomskiy A. M. et al. Gaponovskiy klad i ego kul'turno-istoricheskiy kontekst [Gaponovo hoard and its cultural-historical context]*. Moscow: IA RAN, pp. 155–162. (RSM, 3.)
- Rodinkova V. E., 2003. Podveski-lunnitsy Kozievskogo klada (k postanovke problemy rannesrednevekovykh lunnits) [Lunulae pendants of Kozievka hoard (raising problem of early medieval lunulae)]. *KSIA*, 215, pp. 6–19.

- Rodinkova V. E., 2007. Sistema zhenskogo rannesrednevekovogo ubora Srednego Podneprov'ya (retrospektivnyy analiz) [System of early medieval female attire in Middle Dnieper region (retrospective analysis)]. *Vostochnaya Evropa v seredine I tysyacheletiya n.e. [Eastern Europe in mid I millennium AD]*. Moscow: IA RAN, pp. 358–388. (RSM, 9.)
- Rodinkova V. E., 2008. Rannesrednevekovyy zhenskiy ubor Podneprov'ya: traditsii i vliyaniya [Early medieval female attire of Dnieper region: traditions and influences]. *Trudy II (XVIII) Vserossiyskogo arkhologicheskogo s'ezda v Suzdale [Transactions of II (XVIII) All-Russian archaeological congress in Suzdal]*, II. A. P. Derevyanko, N. A. Makarov, eds. Moscow: IA RAN, pp. 280–285.
- Rodinkova V. E., 2010. Kurilovskiy klad rannesrednevekovogo vremeni [Kurilovka hoard of early medieval time]. *RA*, 4, pp. 78–87.
- Rozenfel'dt I. G., 1982. Drevnosti zapadnoy chasti Volgo-Okskogo mezhdurech'ya v VI–IX vv. [Antiquities of Western part of Volga-Oka interfluvium in VI–IX cc.]. Moscow: Nauka. 177 p.
- Shcheglova O. A., 1999. Zhenskiy ubor iz kladov «drevnostey antov»: got'skoe vliyanie ili got'skoe nasledie? [Female attire from hoards of “Antes’ antiquities”: Goths’ influence or Goths’ heritage?]. *Neslavyanskoe v slavyanskom mire [The non-Slavic in Slavic world]*. R. A. Rabinovich, ed. St. Petersburg: Kishinev; Odessa: Vysshaya antropologicheskaya shkola, pp. 287–312. (Stratum plus; № 5/1999).
- Shcheglova O. A., 2012. Malen'kiy kompleks pastyrskogo tipa iz okrestnostey sela Ulanok (Sudzhanskiy rayon Kurskoy oblasti) [Small complex of Pastyrskoe type from vicinity of village Ulanok (Sudzha district, Kursk region)]. *Slavyane Vostochnoy Evropy nakanune obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva: materialy mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchennoy 110-letiyu so dnya rozhdeniya I. I. Lyapushkina (1902–1968) [Slavs of Eastern Europe before formation of Medieval Russian state: materials of international conference devoted to 110th anniversary of I. I. Lyapushkin (1902–1968)]*. O. A. Shcheglova, V. M. Goryunova, eds., comp. St. Petersburg: SOLO, pp. 201–205.
- Shmidekh'el'm M. Kh., 1955. Arkheologicheskie pamyatniki perioda razlozheniya rodovogo stroya na severo-vostoke Estonii [Archaeological sites of period of disintegration of tribal system in North-Eastern Estonia]. Tallin: Estonskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo. 271 p.
- Shmidt E. A., 2003. Verkhnee Podneprov'e i Podvin'e v III–VII vv. n. e. Tushemlinskaya kul'tura [Upper Dnieper and Upper Dvina regions in III–VII cc. AD. Tushemlya culture]. Smolensk: Smolenskaya oblastnaya tipografiya. 296 p.
- Stankus J., 1984. Kairėnėlių plokstinis kapinynas. *Lietuvos archeologija*, 3, pp. 63–79.
- Tautavicius A., 1984. Pocerės plokstinis kapinynas. *Lietuvos archeologija*, 3, pp. 93–118.
- Tautavicius A., 1996. Vidurinis gelezies amzius Lietuvoje (V–IX a.). Vilnius: Lietuvos Pilys. 367 p.
- Tautavichus A. Z., 1959. Vostochnolitovskie kurgany [East-Lithuanian kurgans]. *Voprosy etnicheskoy istorii narodov Pribaltiki: Po dannym arkhologii, etnografii i antropologii [Questions of ethnic history of Baltic zone peoples: based on data of archaeology, ethnography and anthropology]*. S. A. Tarakanova, L. N. Terent'eva, eds. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 128–153. (Trudy Pribaltiyskoy ob''edinennoy kompleksnoy ekspeditsii, 1).
- Urtāns V., 1977. Senākie depozīti Latvijā (līds 1200. g.). Rīga: Zinātne. 282 p.
- Vaskeviciūtė I., 2004. Žiemgaliai V–XII amžiuje. Vilnius: Vilniaus pedagoginio universiteto leidykla. 152 p.
- Vaitkunskienė L., 1981. Sidabras senovės Lietuvoje. Vilnius: Mokslas. 126 p.
- Volkaitė-Kulikauskienė R., 1997. Senovės lietuvių drabužiai ir jų papuošalai (I–XVI a.). Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla. 155 p.
- Voronov Yu. N., 1994. Zakhroneniya zhenshchin s broshami v mogil'nikakh Apsilii (Abkhaziya) [Burials of women with brooches in cemeteries of Apsilia (Abkhazia)]. *Materialy po arkhologii, istorii i etnografii Tavrii [Materials on archaeology, history and ethnography of Tauria]*, IV. A. I. Aybabin, S. A. Pletneva, ed., comp. Simferopol': Tavriya, pp. 173–200.

About the author

Rodinkova Vlasta E.,
 Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow,
 117036, Russian Federation,
 e-mail: vlasta2004@mail.ru

А. Е. Леонтьев

СЛАВЯНСКИЕ КОРНИ МЕРИ (О ГИПОТЕЗЕ В. В. СЕДОВА)

Резюме. В статье рассмотрен частный случай реконструированного В. В. Седовым процесса проникновения славян в третьей четверти I тыс. н. э. в лесную полосу Восточной Европы. Для локальной территории Волго-Клязьминского междуречья происходившие изменения привели к славянизации местного финноязычного населения, известного в летописи под именем «мери». Анализ аргументов убеждает в их недостаточности для такого вывода. Вместе с тем в статье рассмотрены некоторые не учтенные В. В. Седовым археологические находки. В частности, дана сводка находок лепной керамики с наклепным рельефным валиком.

Ключевые слова: раннее Средневековье, меря, славяне, миграция, височные кольца, предметы импорта, керамика с валиком.

Мнение о мере как финноязычном населении Верхнего Поволжья, корни происхождения и культуры которого связаны с другими финно-угорскими народами Поволжья, в науке настолько прочно утвердилось, что стало аксиомой. Новая точка зрения, согласно которой происхождение меря связано с появлением в Волго-Окском междуречье славян в середине I тыс. н. э., была выдвинута и обоснована В. В. Седовым в ряде работ (Седов, 1994. С. 67; 1995. С. 223, 224; 1999а. С. 97–100) и в окончательном виде изложена в разделах двух монографий (Седов, 1999б. 145–158; 2002. С. 388–397).

В этногенетических построениях В. В. Седова история меря – лишь локальный эпизод реконструируемой общей картины изменений, происходивших в лесной полосе Восточно-Европейской равнины вследствие Великого переселения народов и климатических перемен. Согласно выдвинутой гипотезе, в северо-восточном направлении с рубежа IV–V вв. началось движение (перемещение) земледельческого, преимущественно славянского населения, из Среднего Повисленья, области пшеворской, отчасти вельбарской культур (Седов, 1995. С. 210; 1999б. С. 113–115). В археологических материалах этот процесс отмечен появлением на территориях балтских и финно-угорских племен предметов провинциально-римского происхождения. В их число входят В-образные пряжки, пинцеты, пластинчатые кресала, душипные и пламевидные наконечники копий, некоторые типы украшений и орудий труда. Особо отмечено, что ремесленные центры пшеворской культуры к концу V в. перестали существовать, и, таким образом,

бытовавшие в лесной зоне провинциально-римские изделия не могут считаться объектами импорта. Путь славян на северо-восток В. В. Седов соотносит с появлением жерновов и новых типов серпов, а также распространением сельскохозяйственной культуры ржи.

Именно появление среднеевропейских переселенцев с запада объясняет, по мнению В. В. Седова, смену и трансформацию культур раннего железного века европейской лесной зоны на протяжении от Понеманья до Верхней Волги и Волго-Окского междуречья на протяжении третьей четверти I тыс. н. э. Отдельные группы славян добрались до Поочья (мурома, область рязано-окских могильников) и марийского Поволжья (Седов, 2002. С. 397–401). С процессами миграции было связано формирование в VI в. культуры восточнолитовских курганов, культуры псковских длинных курганов в V в. (Седов, 1999б. С. 119–121), становление начиная с конца IV в. (Там же. С. 132, 133) балто-славянской тушемлинской культуры, появление ильменских славян (культура сопок).

В VI–VII вв. славяне появляются и в Волго-Окском междуречье, с чем связан конец дяковской (позднедяковской) культуры. В восточной части этой географической области при участии местного финноязычного населения возникает новая, в своей основе славянская, этническая общность. «Этноним славянской группировки, колонизировавшей около середины I тыс. н. э. территории будущей Ростово-Суздальской земли, неизвестен. В период становления Древнерусского государства население этой земли называлось мерей. По-видимому, летописец, отмечая, что «первѣи насельници... в Ростове меря», имел в виду не финноязычное племя, а древнерусское население, проживавшее в землях мери, активно включенной в ассимиляционный процесс» (Там же. С. 158). Таков конечный вывод исследования.

Но В. В. Седов не упомянул продолжение приведенного летописного текста из вводной части Повести временных лет, говорящего о том, что меря относится к «иним языцам», перечень которых дан в противопоставлении славянскому («Се бо токмо словенск язык в Руси:...») ПВЛ, 1996. С. 10). В реконструкции исторического прошлого данные письменного, а для нас единственного в своем роде источника, имеют очевидный приоритет перед любыми иными аргументами. Отсюда появляются сомнения в правильности гипотезы и заставляют оценить аргументы, положенные в ее основу. В частности, наблюдения в области языкознания, на которые ссылается автор и согласно которым в говорах русского населения Волго-Окского междуречья имеются элементы архаичной акцентной системы, восходящей к праславянскому языку (Седов, 1999б. С. 158). Думается, что выявленные в языке реликты не обязательно должны свидетельствовать об их появлении во времена предполагаемого переселения, а не позже и в силу иных обстоятельств.

Основным археологическим признаком появления славянского населения В. В. Седов полагает распространение проволочных браслетообразных височных колец с сомкнутыми (или незамкнутыми) концами (Седов, 2002. С. 393, 394. Рис. 80, 83). В археологии височные кольца традиционно считаются этноопределяющим признаком. Но в данном случае речь идет о простейшем украшении, изготовление которого не требует образцов для подражания: достаточно согнуть

металлическую проволоку на деревянной оправке или сделать то же вручную. Поэтому не обязательно усматривать славянское влияние, тем более как следствие появления нового населения, в распространении браслетообразных колец в древностях финских народов Поволжья (мери, муромы, мордвы, мари) и далее в Прикамьи, где они также встречаются (например: *Голдина*, 1985. С. 35. Табл. III, 1–3, 29).

Другие упоминаемые В. В. Седовым предметы, иллюстрирующие появление славянского населения, получили распространение в третьей четверти I тыс. н. э. в разных областях Восточной Европы и сами по себе указанием на происхождение изготовителя или владельца не являются. Находки такого рода в большинстве случаев на отдельных памятниках единичны, а у мери известны только в коллекции Сарского городища (*Седов*, 1999б. С. 100–111. Рис. 19–21)¹. Таким образом, выдвинутую В. В. Седовым гипотезу о славянских корнях мери нельзя считать полностью обоснованной. Но это не значит, что сделанные им наблюдения не требуют внимательного к себе отношения и дальнейшего осмысления.

В добавление к карте западных импортов на территории мери нужно добавить железную В-образную пряжку, находка которой связана с догородским культурным слоем Ростова (*Леонтьев*, 2011. С. 64). Плохая сохранность не позволяет установить подробности оформления (наличие рифления и проч.), но форма рамки и язычка подтверждает типологическую принадлежность изделия (рис. 1, 4). По радиоуглеродным датировкам, с учетом данных калибровки, доярусный культурный слой Ростова начал формироваться с конца VII в. (*Александровский и др.*, 2014. С. 104).

Можно пополнить перечень предметов западного (относительно Волго-Клязьминского междуречья) происхождения среди находок Сарского городища. Помимо учтенных В. В. Седовым пластинчатых кресал и пинцета с расширенными концами, в коллекции памятника есть наконечники копий, определяемые как «пламевидных» очертаний, или «с профилированным пером» (рис. 1, 2, 3), датируемые V–VII вв. (*Казакиявичус*, 1988. С. 36–40. Рис. 13; *Казанский*, 2008. С. 306). К той же группе древностей относится ромбовидный наконечник (рис. 1, 1) типа I Г, по классификации А. Казакиявичуса, с акцентированным ребром по центральной оси пера (*Казакиявичус*, 1988. С. 29–32. Рис. 9). Близкая по форме и пропорциям, но более ранняя аналогия происходит из погребения 45 у погоста Доложское (Плюско-Лужское междуречье, Ленинградская обл.). Эта находка датируется в пределах последней четверти IV – первой четверти V в. (*Булкин и др.*, 2005. С. 145–147. Рис. 2, 2). К финно-угорским древностям не имеют отношения две трехрогих лунницы, найденные в одном из погребений Сарского могильника (рис. 1, 5). Точные аналогии им неизвестны. Такого рода украшения с долгой историей и широкой географией бытования в рассматриваемое время можно связывать с Прибалтикой, хотя известный экземпляр похожей формы с циркульным орнаментом, но массивный литой известен в могильнике постчерняховского времени Данчены в далеком Нижнем Подунавье (*Родинкова*,

¹ Отмеченное В. В. Седовым селище Попадьинское в ярославском течении Волги относится к памятникам позднедьяковской культуры (*Леонтьев*, 1996. С. 232–238).

Рис. 1. Наконечники копий (1–3) и трехрогая лунница (5) из коллекции Сарского городища; В-образная пряжка (4) из Ростова

2000. С. 6–19. Рис. 1, 7, 3, 4)². Сарские экземпляры были найдены в комплексе с муро-мордовской нагрудной бляхой «с дверцей» и на этом основании датированы концом VII – началом VIII в. (Леонтьев, 1996. С. 169, 170; Вихляев и др., 2008. С. 30, 31. Рис. 47, 1). Упомянутый ромбовидный наконечник копья в комплекс погребения входил вместе с топором-кельтом, обычным для финских древностей Поволжья, т. е. также никак не может указывать на этническую принадлежность погребенного.

² Признателен В. Е. Родинковой, обратившей мое внимание на эту аналогию.

В современных исследованиях предполагается, что проникновение оружия и других предметов европейского облика связано с локальными миграциями в V–VI вв. военизированных групп «дунайско-германского, балтского и славянского населения» (*Казанский*, 2008. С. 311), возможно, и без участия славян (*Лопатин, Фурасьев*, 2007. С. 284, 285). Эта гипотеза касается западной части лесной зоны: Поднепровья и бассейнов рек балтийского бассейна. Для данной территории предметы импорта могут рассматриваться лишь как показатель существования связей с более западными областями уже в третьей четверти I тыс. н. э. пока без определения сущности и форм контактов.

Некоторую информацию дает лепная керамика поселений мерянского времени. В Ростове в том же начальном горизонте культурного слоя, к которому относится находка В-образной пряжки, были найдены фрагменты 15 лепных сосудов с валиком под венчиком. Распределение находок на участке раскопа показывает, что они не относятся к какому-либо определенному комплексу или уровню культурного слоя (*Леонтьев*, 2014. С. 309). Вся керамика была изготовлена из глины с примесью дресвы, отличалась хорошим обжигом. Орнамент отсутствует. Валик, располагавшийся под верхним краем венчика, обычно имел подтреугольное сечение (рис. 2, 1, 2). Показательно, что в собственно городских отложениях конца X – XI в., характеризующихся преобладанием лепной посуды, такая керамика полностью отсутствует.

Отдельные фрагменты с наlepным валиком под венчиком обнаружены на 6 поселениях под Ростовом, Юрьевом и Суздаlem (рис. 2, 3, 4, 3, 2–7). В условиях недостаточной изученности памятников датировка находок с учетом оценки исследователей определяется в пределах VII–X вв. (*Леонтьев*, 2014. С. 309, 310. Рис. 3, 7–9, 11).

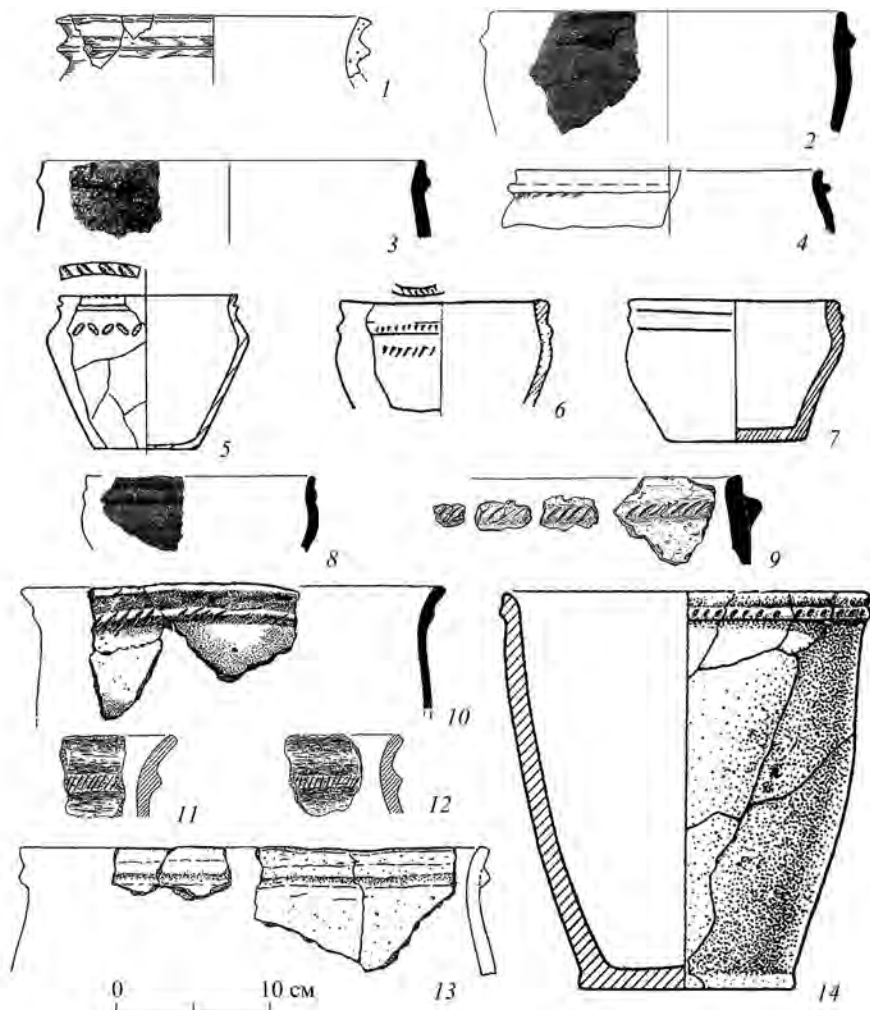
Еще одним районом Северо-Восточной Руси, где известна керамика с наlepным валиком, является Белозерье и бассейн Шексны (рис. 2, 5–7, 3, 8–13). В сравнении с находками районов Ростова и Суздальского ополья керамика северной области связана с более поздними памятниками древнерусского времени IX–X вв. (*Макаров*, 1985. С. 84; 1991. С. 149, 156. Рис. 4, 5, 6, 5, 7, 7, 17; 1997. С. 55, 231. Табл. 19, 7; *Кудряшов*, 2000. С. 50–52. Рис. 8).

Наиболее поздние датированные находки встречены восточнее бассейна Белого озера на побережье Кубенского озера (рис. 3, 14). Рельефный валик отмечен на двух фрагментах в коллекции лепной орнаментированной керамики селищ Минино I и II в слое X – начала XI в. (*Мокрушин*, 2008. С. 279. Табл. 104. Рис. 232, 17)³.

В двух случаях (рис. 3, 15, 16) встреченные в раскопках фрагменты керамики с валиком могли принадлежать округлодонным сосудам (*Кудряшов*, 2012. С. 54, 55). Это иной круг древностей, с иными гончарными традициями, собственными финно-угорским народам Приуралья.

За пределами Северо-Восточной Руси в ее ранних границах единичные фрагменты сосудов с валиками известны на селище близ Ржева в верхнем течении Волги (рис. 2, 1, 2, 3, 17), которое, по мнению исследователей, относится

³ Указанные автором публикации в таблице 0,2 % от общего числа орнаментированной керамики в общей выборке в 1010 образцов соответствуют двум фрагментам.

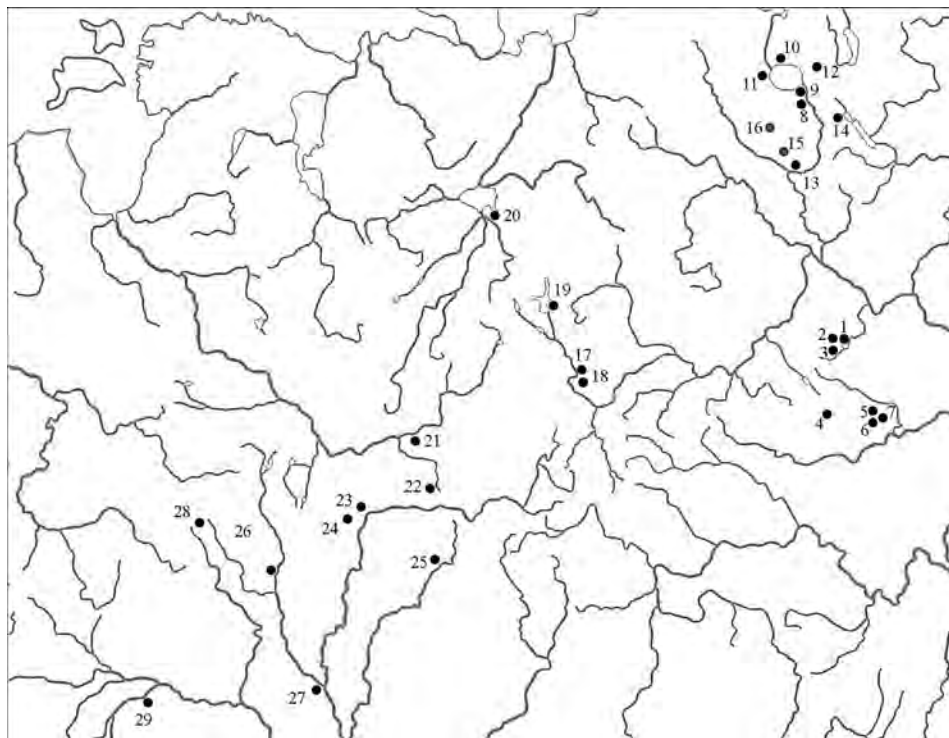

Рис. 2. Фрагменты сосудов с наlepным валиком под венчиком

1, 2 – Ростов; 3 – Деболовское; 2, 4 – Кистышь; 5 – Октябрьский Мост; 6, 7 – Крутик; 8 – Рогово; 9 – городок на Маяте; 10 – Кисели; 11, 12 – Никодимово; 13 – городище на Менке; 14 – Хотомель

к так называемым «памятникам с верхневолжским набором керамики», и датируются в рамках середины – третьей четверти I тыс. н. э. (Исланова, Черных, 2008. С. 171. Рис. 2, 6, 6, 1). Известные по публикациям находки на двух других памятниках Верхневолжья (рис. 3, 18, 19) сомнительны (Леонтьев, 2014. С. 311).

Северо-западнее, за пределами волжского бассейна, характерный фрагмент венчика с украшенным насечками валиком найден на Городке на Маяте у оз. Ильмень в слое середины – третьей четверти I тыс. н. э. (рис. 2, 9, 3, 20),

**Рис. 3. Памятники второй половины I тыс. н. э.
с находками плоскодонной керамики с налепным валиком под венчиком**

1 – Ростов; 2 – Максимицы 3; 3 – Деболовское 2; 4 – Выжегша; 5 – Весь 5; 6 – Кистыш 1; 7 – Суздаль (Михали); 8 – Крутик; 9 – Белоозеро; 10 – Монастырское; 11 – Васютино; 12 – Ухтомский волок «В»; 13 – Октябрьский мост; 14 – Минино; 15 – Черный ручей; 16 – Ступолохта; 17 – Рогово; 18 – Суходол; 19 – Пески; 20 – городок на Маете; 21 – Заболонье; 22 – Заозерье; 23 – Черкасово; 24 – Кисели; 25 – Никодимово; 26 – Красная Зорька; 27 – Колочин; 28 – городище на Менке; 29 – Хотомель

причем эта находка расценена как самая северная из известных (Еремеев, Дзюба, 2010. С. 115, 123. Рис. 108, 11).

Действительно, искомая керамика (рис. 2, 9–14) известна южнее на памятниках в бассейнах Ловати, Западной Двины, Днепра, Березины, Припяти (Лопатин, Фурасьев, 2007. С. 279. Рис. 13, 2, 3; Еремеев, Дзюба, 2010. С. 121. Рис. 110). В пределах рассматриваемой карты (рис. 3, 21–29) наиболее западным пунктом является городище на Менке, юго-западным – городище Хотомель. На последнем целый сосуд с валиком найден в верхнем горизонте культурного слоя VIII–IX вв. (Кухаренко, 1961. С. 9, 10, 23. Табл. 6, 17). Картографирование можно было бы продолжить, и тогда рассматриваемая территория значительно расширится к югу и западу. Но это означает обращение к древностям культур первой половины I тыс. н. э., в чем для решения поставленного вопроса нет необходимости.

Собранные данные показывают, что сосуды с налепным валиком под венчиком отмечены на памятниках второй половины I тыс. н. э. в полосе лесной зоны, близкой широтному направлению от бассейна Припяти до Суздальского ополя и Белозерья. В хронологическом отношении наиболее поздними оказываются памятники северной окраины: Белоозеро и Монино, где искома керамика отмечена в отложениях середины – второй половины X в.⁴

Недостаточное число наблюдений и слабая изученность многих памятников не дает возможности однозначно решить вопрос о причинах появления рассматриваемой керамики на Северо-Востоке Руси. Учитывая большую территорию, широкий хронологический диапазон бытования, разнообразие форм сосудов при том, что сосуды с налепным валиком везде встречены в немногочисленных экземплярах, можно предполагать, что во всех случаях мы имеем дело с локальными особенностями, индивидуальными изделиями местных мастеров.

Но на тех же основаниях нельзя исключать версию о существовании какой-то устойчивой, но не ясной нам бытовой традиции украшения валиком даже не форм, а отдельных экземпляров посуды, продержавшейся на древнерусской окраине вплоть до конца X в.⁵ В этой связи можно вспомнить, что керамику с валиком считал славянской П. Н. Третьяков (*Третьяков*, 1982. С. 71). Впоследствии этот вывод не комментировался. Современные исследователи этнических оценок не дают, но расширившийся перечень памятников при всех уточнениях сопряжен с ареалами тех же археологических культур (*Лопатин, Фурсьев*, 2007. С. 276–285).

В такой интерпретации находки керамики с валиком вполне могут рассматриваться как аргумент в пользу исторических построений В. В. Седова, с учетом того, что датировки находок в совокупности указывают на время более позднее, обнаружены они на не синхронных между собой памятниках и массовость вероятной колонизации не подтверждают.

ЛИТЕРАТУРА

- Александровский А. Л., Леонтьев А. Е., Кренке Н. А., Долгих А. В.*, 2014. Ранняя история ландшафтов древнерусских городов (становление культурного ландшафта) // Русь в IX–XII веках. Общество, государство, культура / Ред. Н. А. Макаров, А. Е. Леонтьев. М.; Вологда: Древности Севера. С. 99–107.
- Булкин В. А., Седых В. Н., Каргопольцев С. Ю.*, 2005. Реки Восточной части Балтийского бассейна в позднеантичных источниках и некоторые археологические находки на р. Луге // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2: История. Вып. 5. С. 142–152.

⁴ Современные данные позволяют датировать основание Белоозера временем не ранее второй четверти X в. (*Захаров*, 2012. С. 36–38). Селище Монино I возникло во второй половине X в. (*Захаров, Макаров*, 2008. С. 301).

⁵ В этом отношении можно вспомнить ножи с волотообразным навершием, также известные лишь в единичных экземплярах на памятниках VII–X вв. разных археологических культур Восточной Европы в ареале, включающем и территорию бытования сосудов с валиком. Распространение таких ножей связывается со славянским расселением в Восточной Европе (*Седов*, 1999б. С. 197–199. Рис. 34; *Носов и др.*, 2005. С. 130, 131).

- Вихляев В. И., Беговаткин А. А., Зеленцова О. В., Шитов В. Н.*, 2008. Хронология могильников населения I–XIV вв. западной части Среднего Поволжья. Саранск. 352 с.
- Голдина Р. Д.*, 1985. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та. 280 с.
- Еремеев И. И., Дзюба О. Ф.*, 2010. Очерки исторической географии лесной части Пути из варяг в греки. СПб.: Нестор-История. 670 с.
- Захаров С. Д.*, 2012. Белоозеро на начальных этапах становления Древнерусского государства // Северная Русь и проблемы формирования Древнерусского государства: сборник материалов международной научной конференции / Отв. ред. С. Д. Захаров. Вологда: Древности Севера. С. 32–47.
- Захаров С. Д., Макаров Н. А.*, 2008. Мининский археологический комплекс: хронология и динамика развития // Археология севернорусской деревни X–XIII вв. Т. 2: Материальная культура и хронология. М.: Наука. С. 290–318.
- Исланова И. В., Черных Е. М.*, 2008. Лепная керамика селища Рогово 2 в Верхневолжье // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Вып. 1. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле». С. 169–180.
- Казакявичус В.*, 1988. Оружие балтских племен II–VIII вв. на территории Литвы. Вильнюс: Моклас. 160 с.
- Казанский М. М.*, 2008. Оружие «западного» и «южного» происхождения в лесной зоне России и Белоруссии в начале Средневековья // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Вып. 1. Тула: Гос. Музей-заповедник «Куликово поле». С. 304–325.
- Кудряшов А. В.*, 2000. Средневековое поселение Октябрьский мост на Шексне // РА. № 3. С. 44–58.
- Кудряшов А. В.*, 2012. Памятники IX – начала XI в. в бассейне р. Шексны и Белого озера: возможности реконструкции историко-культурных процессов в регионе // Северная Русь и проблемы формирования древнерусского государства: сборник материалов международной научной конференции / Ред. С. Д. Захаров. Вологда: Древности Севера. С. 48–64.
- Кухаренко Ю. В.*, 1961. Средневековые памятники Полесья. М.: Наука. 40 с., 13 л. ил. (САИ; Е1-57.)
- Леонтьев А. Е.*, 1996. Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси. М.: Геоэко. 340 с.
- Леонтьев А. Е.*, 2011. «Мерянское начало» Ростова // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда / Отв. ред. Н. А. Макаров, Е. Н. Носов. Т. 2. СПб.; М.; Великий Новгород: Новгородский технопарк. С. 64, 65.
- Леонтьев А. Е.*, 2014. Керамика с налепным валиком на территории Северо-Восточной Руси // Славяне и иные языки... К юбилею Натальи Германовны Недошивиной / Ред. Н. И. Асташова. М.: ГИМ. С. 309–317. (Труды ГИМ; вып. 198.)
- Лопатин Н. В., Фурсьев А. Г.*, 2007. Северо-Запад России и Север Белоруссии // Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. / Отв. ред. И. О. Гавритухин, А. М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 276–300. (Раннеславянский мир; вып. 9.)
- Макаров Н. А.*, 1985. Орнаментака белозерской лепной керамики X–XI вв. // СА. № 2. С. 79–100.
- Макаров Н. А.*, 1991. Лепная керамика поселения Крутик // *Голубева Л. А., Кочуркина С. И.* Белозерская весь. (По материалам поселения Крутик IX–X вв.) / Ред. В. В. Седов. Петрозаводск: Карельский научный центр АН СССР. С. 129–165.
- Макаров Н. А.*, 1997. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII веках. М.: Скрипторий. 386 с.
- Мокрушин М. Л.*, 2008. Керамика Мининского археологического комплекса // Археология севернорусской деревни X–XIII вв. / Ред. С. Д. Захаров. Т. 2: Материальная культура и хронология. М.: Наука. С. 270–289.
- Носов А. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В.*, 2005. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменя (Новые материалы и исследования). СПб.: Дмитрий Буланин. 403 с. (Труды ИИМК РАН; т. XVIII.)
- ПВЛ, 1996. Повесть временных лет / Ред. В. П. Адрианова-Перетц. 2-е изд. СПб.: Наука. 436 с.
- Родинкова В. Е.*, 2000. Подвески-лунницы Кодневского клада (к постановке проблемы раннесредневековых лунниц) // КСИА. Вып. 215. С. 6–19.

- Седов В. В., 1994. Из этнической истории населения средней полосы Восточной Европы во второй половине I тысячелетия н. э. // РА. № 2. С. 56–70.
- Седов В. В., 1995. Славяне в раннем средневековье. М.: Фонд археологии. 416 с.
- Седов В. В., 1999а. У истоков восточнославянской государственности. М.: УРПС. 144 с.
- Седов В. В., 1999б. Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. М.: Языки русской культуры. 320 с.
- Седов В. В., 2002. Славяне. Историко-археологическое исследование. М.: Языки русской культуры. 622 с.
- Третьяков П. Н., 1982. По следам древних славянских культур. Л.: Наука. 143 с.

Сведения об авторе

Леонтьев Андрей Евгеньевич,
Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия,
e-mail: leont3@mail.ru

A. E. Leontyev

Slav Roots of the Merya (V. V. Sedov's Hypothesis)

Abstract. The paper reviews a particular case of the Slavs penetration into Eastern Europe in the 3rd quarter of 1,000 AD reconstructed by V. V. Sedov. These changes that took place in one locality of the Volga-Klyazma interfluvium region brought about slavonization of the local Finno-Ugric population mentioned in the chronicles as the Merya. The review of the arguments demonstrates that they are not sufficient to reach this conclusion. At the same time the paper describes some archaeological finds, which were not taken into account by V. V. Sedov. For example, it presents an overview of hand-made ceramics with a raised border.

Keywords: early Middle Ages, Merya, Slavs, migration, temporal rings, imported goods, ceramics with a raised border.

REFERENCES

- Aleksandrovskiy A. L., Leont'ev A. E., Krenke N. A., Dolgikh A. V., 2014. Rannyyaya istoriya landshaftov drevnerusskikh gorodov (stanovlenie kul'turnogo landshafta) [Early history of medieval Russian cities' landscapes (formation of cultural landscape)]. *Rus' v IX–XII vekakh. Obshchestvo, gosudarstvo, kul'tura [Rus' in IX–XII centuries. Society, state, culture]*. N. A. Makarov, A. E. Leont'ev, eds. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa, pp. 99–107.
- Bulkin V. A., Sedykh V. N., Kargopol'tsev S. Yu., 2005. Reki Vostochnoy chasti Baltiyskogo basseyna v pozdneantichnykh istochnikakh i nekotorye arkhеologicheskie nakhodki na r. Luge [Rivers of Eastern part of Baltic basin in Late Classical sources and some archaeological finds on Luga River]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 2: Istoriya [Bulletin of St. Petersburg university. Series 2: History]*, 5, pp. 142–152.
- Eremeev I. I., Dzyuba O. F., 2010. Ocherki istoricheskoy geografii lesnoy chasti Puti iz varyag v greki [Essays on historical geography of forest part of Route from Varangians to Greeks]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 670 p.
- Goldina R. D., 1985. Lomovatovskaya kul'tura v Verkhnem Prikam'e [Lomovatovo culture in Upper Kama region]. Irkutsk: Izdatel'stvo Irkutskogo universiteta. 280 p.
- Islanova I. V., Chernykh E. M., 2008. Lepnaya keramika selishcha Rogovo 2 v Verkhnevolzh'e [Hand-made pottery of open settlement Rogovo 2 in Upper Volga region]. *Lesnaya i lesostechnaya zony*

- Vostochnoy Evropy v epokhi rimskikh vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov [Forest and forest-steppe zones of Eastern Europe in epoch of Roman influences and Migration period]*, 1. Tula: Gosudarstvennyy muzey-zapovednik «Kulikovo pole», pp. 169–180.
- Kazakyavichus V., 1988. Oruzhie baltskikh plemen II–VIII vv. na territorii Litvy [Weapons of Balt tribes of II–VIII cc. in territory of Lithuania]. Vil'nyus: Mokslas. 160 p.
- Kazanskiy M. M., 2008. Oruzhie «zapadnogo» i «yuzhnogo» proiskhozhdeniya v lesnoy zone Rossii i Belorussii v nachale srednevekov'ya [Weapons of “western” and “southern” origin in forest zone of Russia and Byelorussia in beginning of Middle Ages]. *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v epokhi rimskikh vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov [Forest and forest-steppe zones of Eastern Europe in epoch of Roman influences and Migration period]*, 1. Tula: Gosudarstvennyy muzey-zapovednik «Kulikovo pole», pp. 304–325.
- Kudryashov A. V., 2000. Srednevekovoe poselenie Oktyabr'skiy most na Sheksne [Medieval settlement Oktyabr'skiy most on Sheksna]. *RA*, 3, pp. 44–58.
- Kudryashov A. V., 2012. Pamyatniki IX – nachala XI v. v bassejne r. Sheksny i Belogo ozera: vozmozhnosti rekonstruktsii istoriko-kul'turnykh protsessov v regione [Sites of IX – early XI c. in basin of Sheksna and Beloe Lake: possibilities of reconstruction of historical-cultural processes in the region]. *Severnaya Rus' i problemy formirovaniya drevnerusskogo gosudarstva: sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchnoy [Northern Rus and problems of formation of Medieval Russian state: materials of international scientific conference]*. S. D. Zakharov, ed. Vologda: Drevnosti Severa, pp. 48–64.
- Kukhareno Yu. V., 1961. Srednevekovye pamyatniki Poles'ya [Medieval sites of Poles'ye]. Moscow: Nauka. 40 p., 13 l. il. (SAI, E1-57).
- Leont'ev A. E., 1996. Arkheologiya meri. K predystorii Severo-Vostochnoy Rusi [Archaeology of Merya: On early history of North-Eastern Rus]. Moscow: Geoeko. 340 p.
- Leont'ev A. E., 2011. «Meryanskoe nachalo» Rostova [«Merya origin» of Rostov]. *Trudy III (XIX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"ezda [Transactions of III (XIX) All-Russian archaeological congress]*, 2. N. A. Makarov, E. N. Nosov, eds. St. Petersburg; Moscow; Velikiy Novgorod: Novgorodskiy tekhnopark, pp. 64, 65.
- Leont'ev A. E., 2014. Keramika s nalepnym valikom na territorii Severo-Vostochnoy Rusi [Pottery with attached rib in territory of North-Eastern Rus]. *Slavyane i inye yazytsi... K yubileyu Natal'i Germanovny Nedoshiviny [Slavs and other peoples... Toward jubilee of Natal'ya Germanovna Nedoshivina]*. N. I. Astashova, ed. Moscow: Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey, pp. 309–317. (Trudy GIM, 198).
- Lopatin N. V., Furas'ev A. G., 2007. Severo-Zapad Rossii i Sever Belorussii [North-West of Russia and North of Byelorussia]. *Vostochnaya Evropa v seredine I tysyacheletiya n. e. [Eastern Europe in mid I millennium AD]*. I. O. Gavritukhin, A. M. Oblomskiy, eds. Moscow: IA RAN, pp. 276–300. (RSM, 9).
- Makarov N. A., 1985. Ornamentika belozerskoy lepnoy keramiki X–XI vv. [Ornamentation of the Beloozero hand-made pottery of X–XI cc.]. *SA*, 2, pp. 79–100.
- Makarov N. A., 1991. Lepnaya keramika poseleniya Krutik [Hand-made pottery of settlement Krutik]. *Golubeva L. A., Kochkurkina S. I., Belozerskaya ves'. (Po materialam poseleniya Krutik IX–X vv.) [The Beloozero Ves'. (Based on materials of settlement Krutik of IX–X cc.)]*. V. V. Sedov, ed. Petrozavodsk: Karel'skiy nauchnyy tsentr AN SSSR, pp. 129–165.
- Makarov N. A., 1997. Kolonizatsiya severnykh okrain Drevney Rusi v XI–XIII vekakh [Colonization of north periphery of Medieval Rus in XI–XIII centuries]. Moscow: Skriptoriy. 386 p.
- Mokrushin M. L., 2008. Keramika Mininskogo arkheologicheskogo kompleksa [Pottery of Minino archaeological complex]. *Arkheologiya severnorusskoy derevni X–XIII vv. [Archaeology of North Russian village of X–XIII cc.]*, 2. *Material'naya kul'tura i khronologiya [Material culture and chronology]*. S. D. Zakharov, ed. Moscow: Nauka, pp. 270–289.
- Nosov A. N., Goryunova V. M., Plokhov A. V., 2005. Gorodishche pod Novgorodom i poseleniya Severnogo Priil'men'ya (Novye materialy i issledovaniya) [Gorodishche near Novgorod and settlements of Ilmen' Lake northern region (New materials and researches)]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. 403 p. (Trudy IIMK RAN, XVIII).

- Rodinkova V. E., 2000. Podveski-lunnitsy Kodievskogo klada (k postanovke problemy rannesrednevekovykh lunnits) [Lunulae pendants of Kodievka hoard (raising problem of early medieval lunulae)]. *KSLA*, 215, pp. 6–19.
- Sedov V. V., 1994. Iz etnicheskoy istorii naseleniya sredney polosy Vostochnoy Evropy vo vtoroy polovine I tysyacheletiya n.e. [From ethnic history of population of the middle zone of Eastern Europe in second half of I millennium AD]. *RA*, 2, pp. 56–70.
- Sedov V. V., 1995. Slavyane v rannem srednevekov'e [Slavs in early Middle Ages]. Moscow: Fond arkheologii. 416 p.
- Sedov V. V., 1999a. Drevnerusskaya narodnost'. Istoriko-arkheologicheskoe issledovanie [Ancient Russian nation: Historical-archaeological research]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. 320 p.
- Sedov V. V., 1999b. U istokov vostochnoslavianskoy gosudarstvennosti [At the origins of East-Slavic statehood]. Moscow: Editorial URSS. 144 p.
- Sedov V. V., 2002. Slavyane. Istoriko-arkheologicheskoe issledovanie [Slavs. Historical-archaeological research]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. 622 p.
- Tret'yakov P. N., 1982. Po sledam drevnikh slavyanskikh kul'tur [Tracing ancient Slavic cultures]. Leningrad: Nauka. 143 p.
- Vikhlyayev V. I., Begovatkin A. A., Zelentsova O. V., Shitov V. N., 2008. Khronologiya mogil'nikov naseleniya I–XIV vv. zapadnoy chasti Srednego Povolzh'ya [Chronology of cemeteries of population of I–XIV cc. in Western part of Middle Volga region]. Saransk. 352 p.
- Zakharov S. D., 2012. Beloozero na nachal'nykh etapakh stanovleniya Drevnerusskogo gosudarstva [Beloozero on early stages of formation of Medieval Russian state]. *Severnaya Rus' i problemy formirovaniya drevnerusskogo gosudarstva: sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Northern Rus and problems of formation of Medieval Russian state: transactions of international scientific conference]*. S. D. Zakharov, ed. Vologda: Drevnosti Severa, pp. 32–47.
- Zakharov S. D., Makarov N. A., 2008. Mininskiy arkheologicheskiy kompleks: khronologiya i dinamika razvitiya [Minino archaeological complex: chronology and dynamics of development]. *Arkheologiya severnorusskoy derevni X–XIII vv. [Archaeology of North Russian village of X–XIII cc.]*, 2. *Material'naya kul'tura i khronologiya [Material culture and chronology]*. Moscow: Nauka, pp. 290–318.

About the author

Leontyev Andrej E.,
Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow,
117036, Russian Federation,
e-mail: leont3@mail.ru

Т. Б. Никитина

НАСЕЛЕНИЕ ВЕРХНЕГО ПОВЕТЛУЖЬЯ В НАЧАЛЕ II ТЫС. Н. Э.: НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Резюме. В настоящее время памятники эпохи средневековья в Поветлужье большинством исследователей отнесены к марийской культуре. В последние годы на р. Ветлуге Марийской археологической экспедицией открыто три ранее неизвестных могильника: Кузинские хутора в верховьях реки, Русенихинский в ее среднем течении и Выжумский в низовьях. Памятники относятся к одному хронологическому горизонту: IX – начало XII в., имеют сходный инвентарь, но в погребальном обряде наблюдаются значительные отличия, что указывает на сложность этнокультурных процессов, происходивших в регионе. Статья посвящена публикации материалов могильника Кузинские хутора. По результатам первых раскопок сформулированы предварительные выводы относительно его этнокультурной принадлежности: а) памятник оставлен разными этническими коллективами; б) часть наиболее ранних погребений содержит украшения, маркирующие принадлежность к марийской культуре; в) в погребениях с сожжением проявляются традиции пермского населения, предков коми.

Ключевые слова: Поветлужье, Средневековье, марийская культура, меря, верхнее Прикамье, вымская культура, погребальный обряд, кремация.

Археологическое изучение Поветлужья имеет длительную историю: в конце XIX в. раскопки городищ В. И. Каменским, в 30-е г. XX в. разведки О. Н. Бадером. Основные исследования были проведены Марийской археологической экспедицией (МарАЭ) в 50-е гг. на заре ее создания и в 70-х гг. в низовьях Ветлуги в связи с подготовкой территории под затопление Чебоксарской ГЭС. Но, к сожалению, до настоящего времени не проведено сплошного обследования территории. Средневековый период представлен в основном могильниками и немногочисленными разрозненными городищами, которые большинством исследователей отнесены к марийской культуре (О. Н. Бадер, А. Х. Халиков, Е. А. Халикова, Г. А. Архипов, Т. Б. Никитина). В последние годы исследования средневековых древностей на р. Ветлуге МарАЭ возобновлены и получены новые интересные материалы. Открыто три ранее неизвестных могильника: Кузинские хутора в верховьях реки в Шарьинском районе Костромской области, Русенихинский в среднем течении в Воскресенском районе Нижегородской области

и Выжумский в низовьях в Юринском районе Республики Марий Эл. Памятники относятся к одному хронологическому горизонту: IX – начало XII в., имеют сходный инвентарь, включая этномаркеры материальной культуры, но наблюдаются значительные отличия в погребальном обряде, показывающие сложность этнокультурных процессов в регионе в средневековый период.

Наиболее информативным памятником для изучения процессов, происходящих в верховьях р. Ветлуги в эпоху Средневековья, является могильник Кузинские хутора, расположенный в 7 км к юго-западу от южной окраины г. Шарья на коренной террасе левого берега речушки Кузинки, левого притока р. Ветлуги на месте урочища Кузинские хутора (рис. 1). К сожалению, памятник в течение многих лет разрушается кладоискателями.

Памятник открыт в 2013 г., в 2014 г. начаты стационарные раскопки. В настоящее время изучена площадь 88 м², на которой располагалось 12 погребений.

Обряд захоронения представлен девятью погребениями с кремациями (пп. 1–8, 11), в одном погребении (п. 10) кости не сохранились, одно погребение отнесено к кремации условно (п. 9), одно разрушено (п. 12).

За исключением двух случаев (пп. 10, 11), контуры могильных ям были прослежены под слоем пахоты (раскоп 2) или под слоем подзола (раскоп 1), глубина заполнения от первоначально выявленных очертаний от 10 до 30 см. В пахоте обнаружено большое количество поясных накладок, фрагментов цепочек, бубенчики, колоколовидные пронизки и т. д. Значительная часть отдельных находок концентрировалась около выявленных погребений и, возможно, происходила из разрушенных верхних горизонтов этих погребений. Не исключено, что часть наиболее мелких могил могла быть разрушенной. Но число разрушенных захоронений не может быть большим, так как в пахоте и в слое на границе пахоты и светлого песка не обнаружено костей, за исключением очень редких единичных фрагментов, в частности, над разрушенным погр. 12.

Обряд кремации представлен девятью погребениями (рис. 2А). Могильные ямы имели подпрямоугольную с округленными углами, близкую к овалу, форму, с пропорциями от 1:2,7 до 1:3,7. Могилы ориентированы по направлению СВ–ЮЗ – шесть погребений (пп. 1–4, 6, 7), СЗ–ЮВ – три погребения (пп. 5, 8, 11), одно разрушено (п. 12). В заполнении ям в беспорядке на различной глубине зафиксированы кальцинированные кости и вещи. Антропологическое исследование костей пока не завершено, но, судя по находками зубов и фаланг пальцев, не приходится сомневаться, что это остатки кремированных трупов. Возможно, что среди них есть и кости животных. Во всяком случае, на синхронном могильнике Черемисское кладбище, расположенном на расстоянии около 50 км вниз по течению р. Ветлуги, в погребениях с кремированными костями человека идентифицированы кости животных (Никитина, 2012. С. 76–77).

Заполнение ям слабогумированное с включениями угля, иногда очень крупных кусков, и небольшого количества золы. Кости различной величины и степени кремации (от белой до темно-серой окраски), чистые. Вероятно, жженные кости были выбраны с погребального костра достаточно тщательно и очищены от пепла. Общая масса костей в каждом погребении невелика: от 12 до 364 гр. В погр. 9 обнаружено всего три косточки в верхнем слое. Возможно, это результат

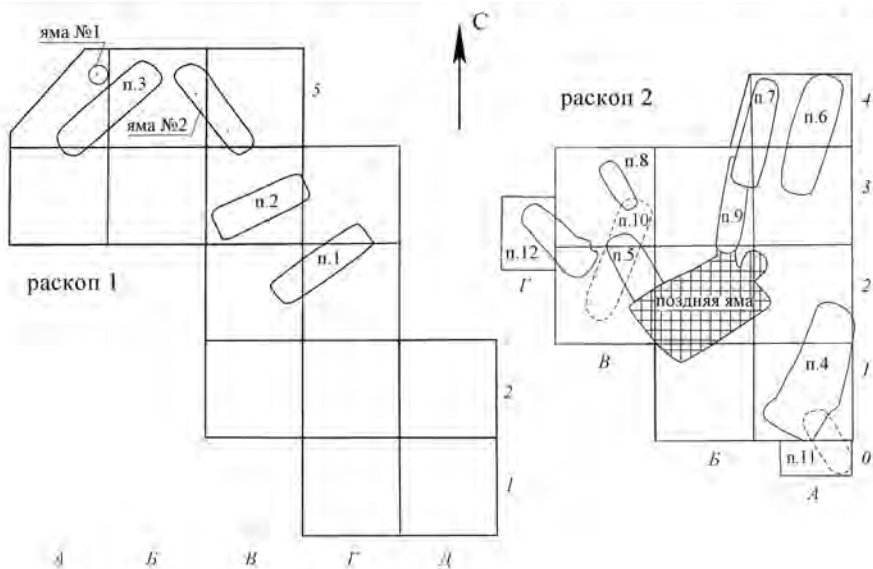
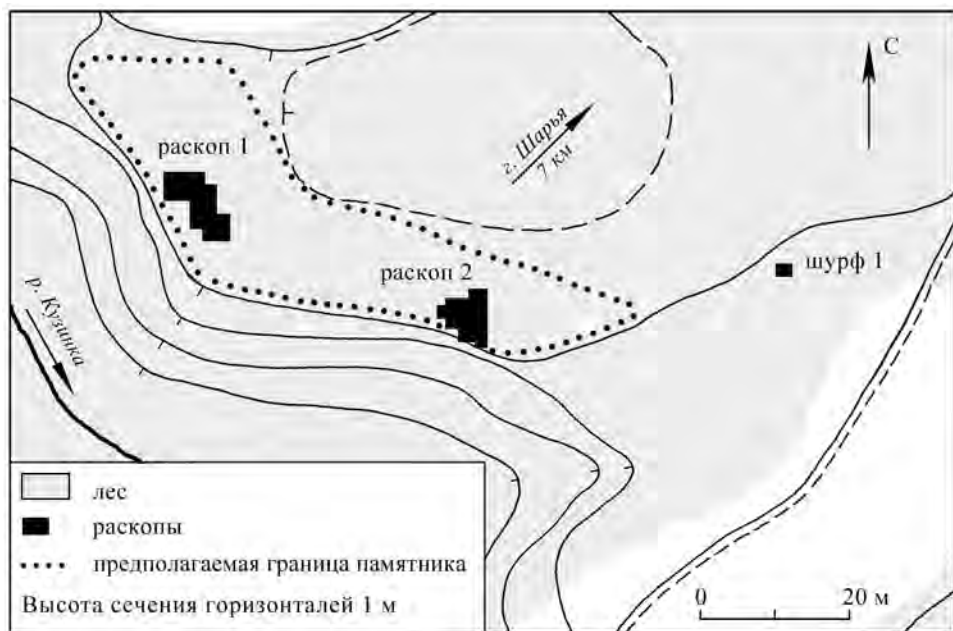

Рис. 1. Планы могильника Кузинские хутора и раскопов на нем

случайного попадания из пахоты, поэтому погребение к трупосожжениям отнесено условно.

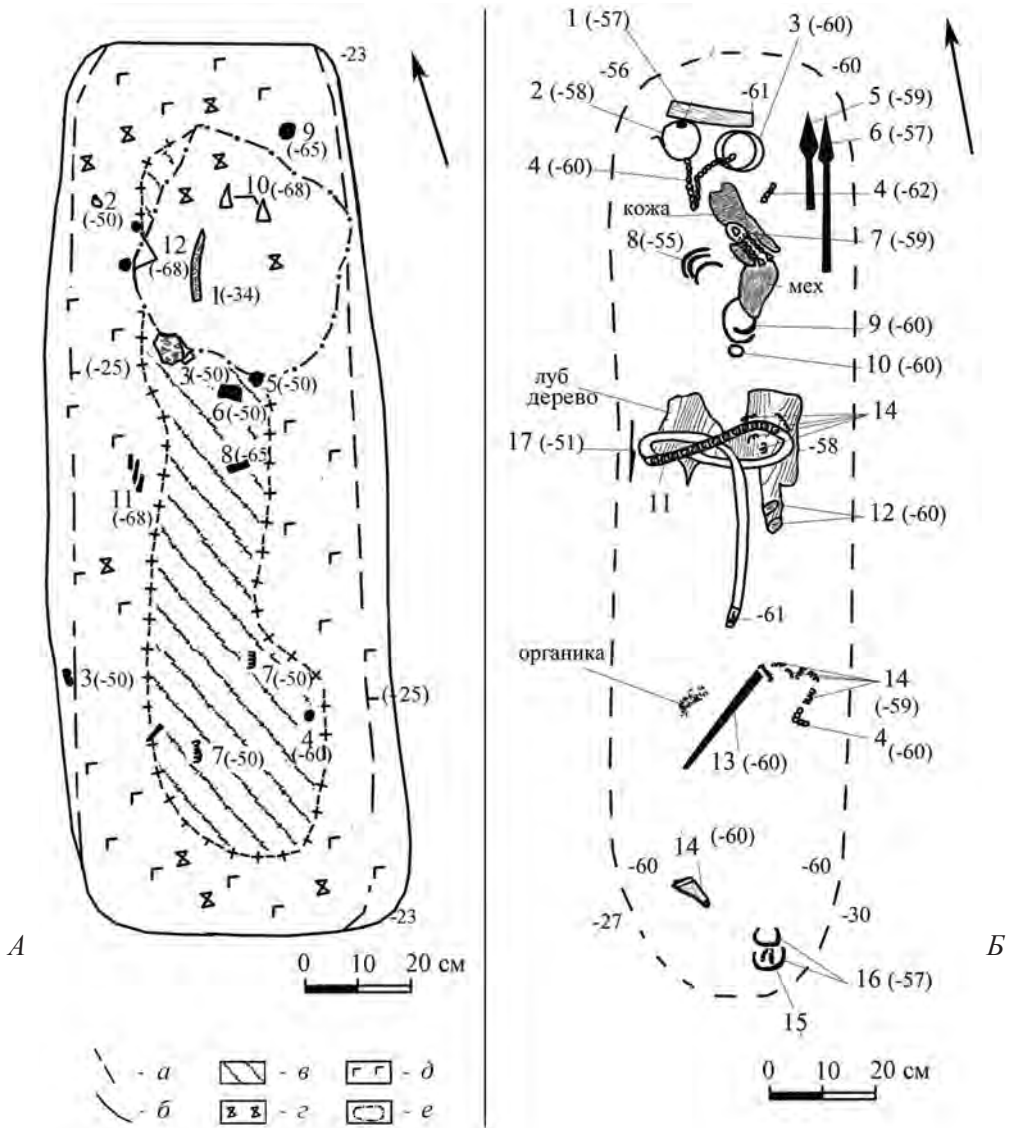
Сопровождающий инвентарь представлен разрозненными украшениями и бытовыми предметами. В основной массе вещи следов огня не имеют. Но в погр. 11 среди обожженных костей был найден фрагмент кальцинированной копоушки, а на кресале и ноже из погр. 5 – прилипшие кремированные кости, образующие с железом единый конгломерат. Вероятно, эти вещи вместе с погребенными находились на костре. Многие предметы поломаны или представлены небольшими обломками. Большинство из них обнаружены на разных глубинах без определенной системы; вероятно, были брошены в засыпь в процессе засыпания могильной ямы.

В погр. 10 способ захоронения не определен (рис. 2Б). В данном случае возможна несохранившаяся ингумация (мы ничего не знаем о состоянии некальцинированных костей на этой территории) или кенотаф. Контуры могильной ямы сверху незаметны, могильное заполнение сохранилось лишь на уровне фиксации вещей, которые обнаружены под погребениями 5 и 8. Все предметы располагались на одном уровне. Украшения лежали в порядке ношения при жизни и представлены всеми категориями костюма, закрыты кожей и берестой; под ними зафиксированы фрагменты хорошо вытесанной доски, которая использовалась в качестве подстилки. Украшения, орудия труда и оружие представлены целыми предметами. Рядом с украшениями обнаружены фрагменты ткани и меха от одежды. Сохранились фрагменты головного венчика и ремень, опоясывающий шерстяной кафтан. По расположению украшений очевидно, что погребенный (или предполагаемый погребенный) имел ориентировку головой на СВ. Со стороны предполагаемых ног обнаружен комплекс вещей, состоящий из трех браслетов, одного перстня, пронизок, завернутых в мех. Этот комплекс связан с погребением условно, так как контуры не фиксировались. Вполне возможно, что это самостоятельный жертвенный комплекс в межмогильном пространстве, которые в большом количестве известны на марийских средневековых могильниках Ветлужско-Вятского междуречья (Никитина, Ефремова, 2012).

Интересен обряд захоронения погр. 9. Целые украшения, разложенные на дне на подстилке из дерева, сверху закрыты кожей, мехом и берестой. Порядок украшений в целом соответствует их месту в костюме и позволяет предположить ориентировку погребения на ЮЮВ. По основным характеристикам данный обряд аналогичен вышеописанному погр. 10. Часть вещей представлена фрагментами и лежала в засыпи у западной стенки. В верхнем слое на уровне фиксации контуров были найдены 3 жженые косточки, которые могли быть случайными (см. выше). По составу инвентаря и дате погр. 9 также близко к погр. 10 и относится к наиболее ранним комплексам.

В погребениях обнаружены украшения, бытовые вещи, оружие, фрагменты железных предметов, назначение которых установить очень трудно.

Украшения головы в погр. 10 представлены головным венчиком из бересты размером 2,5 × 25 см. На поверхности бересты сохранились следы тлена от оловянистых накладок квадратной формы. Аналогичные венчики известны по полевым зарисовкам Е. А. Халиковой в погр. 3, 4 марийского Веселовского

Рис. 2. Могильник Кузинские хутора. Планы погребений

А – погребение 2: 1 – нож; 2 – бубенчик; 3 – фрагмент железного котла; 4 – неопр. предмет; 5 – монета; 6 – фрагмент ремня; 7 – пронизки; 8 – обломки браслета; 9 – монета; 10 – фрагменты серег; 11 – наконечники стрел; 12 – бубенчик

а – первоначальные контуры; *б* – контуры на уровне дна; *в* – подзол; *г* – жженная кость; *д* – бурый песок с гумированными включениями; *е* – поздняя яма

Б – погребение 10: 1 – венчик; 2 – височные кольца; 3 – височные кольца; 4 – пронизки; 5 – наконечник дротика; 6 – наконечник копья; 7 – арочные подвески; 8 – браслеты; 9 – браслеты; 10 – перстень; 11 – ремень; 12 – фрагмент железного предмета; 13 – нож; 14 – фрагмент кошелька; 15 – цепочка; 16 – браслеты (3 шт.); 17 – нож

могильника (*Никитина*, 2012. Рис. 10, 14). Поверх венчика одевалась металлическая цепочка, а с обеих сторон к цепочке крепились по два височных браслетообразных кольца с одним отогнутым концом, оформленным утолщением (рис. 3, 8). Данный тип височных колец и весь убор идентичен головным уборам, неоднократно реконструированным по марийским могильникам IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья (Там же. Рис. 14, 1; 162, 13; *Архипов*, 1973. С. 129). Височные кольца такого типа обнаружены также в погр. 9. Фрагменты цепочек встречались достаточно часто, но их невозможно однозначно связать с конкретным украшением; это могли быть части головных, нагрудных или обувных украшений. В погр. 7 принадлежность цепочки с дополнительными привесками к головным украшениям не вызывает сомнения (рис. 3, 2, 3).

Серьги-кольца обнаружены в трех погребениях, имели калачевидную – 3 экз. (пп. 2 и 5) и треугольную с петлями в нижней части (находка над п. 4) формы.

Значительный интерес представляют арочные шумящие украшения (пп. 9, 10), которые носились парно. В погр. 9 арочная основа украшений представляет собой сплошную пластину, покрытую тонким слоем серебряной (?) фольги с чеканным узором (рис. 3, 7), в погр. 10 арочные подвески имеют прорезную в форме ростка основу (рис. 4, 8). Оба типа подвесок известны также среди материалов одновременных марийских могильников (пп. 5, 15 Веселовского; 71, 79 Дубовского; 17, 25, жертвенный комплекс 10 Нижней стрелки). Арочные подвески с декорированием фольги являются особенностью некрополей Ветлужско-Вятского междуречья и на других территориях встречаются редко; на это обратил внимание еще Г. А. Архипов (*Архипов*, 1973. С. 28). Подвески второго типа в большей степени характерны для Пермского Предуралья (*Белавин и др.*, 2009. С. 209, 210. Рис. 67), встречаются в Верхнем Прикамье (*Голдина, Кананин*, 1989. С. 66. Рис. 51), Южном Урале (*Мажитов*, 1977. Табл. I, 193, 196).

Единичным экземпляром представлена треугольная подвеска из спаянных витых и гладких проволочек с шаровидными привесками (погр. 1) (рис. 5, 1). Подобные украшения известны на широкой территории Волго-Окского междуречья. Размеры изделия 4 × 4 см. Аналогичные подвески Л. А. Голубевой включены в третий тип, а в свое время А. С. Уваровым и Е. И. Горюновой этот тип был назван «мерянским» (*Голубева*, 1982. С. 116–117).

Украшения рук представлены браслетами и кольцами. Среди браслетов преобладают граненые с кружковым орнаментом – 10 экз. (пп. 5, 10) (рис. 3, 11, 12). Три плоских браслета с расширяющимися концами имеют орнамент: на двух – кружковый (п. 7, отд. находки), на одном – «волчий зуб» (п. 1) (рис. 5, 2). Орнамент «волчий зуб» зафиксирован еще на одном фрагменте браслета, обнаруженном в пахоте вместе с фрагментом пластинчатого браслета с отогнутым концом.

Перстни относятся к щитковидным усатым (6 экз. – пп. 4, 9, 10, отд. нах.) (рис. 3, 1) и с завязанными концами (п. 7 – 1 экз.).

В двух погребениях обнаружены очевидные подвески без привесок (п. 5 – 2 экз.) и с лапчатыми привесками (п. 11 – 3 экз.). В погр. 11 обе подвески были соединены цепочкой и являлись деталью одного украшения, которое использовалось для декорирования обуви (рис. 3, 4–6). Реконструкция обуви с использованием аналогичных украшений неоднократно производилась на материалах марийских могильников Поветлужья (*Никитина*, 2012. Рис. 15, 297).

Рис. 3. Находки из могильника Кузинские хутора

1, 8, 11, 12 – погребение 10; 2, 3 – погребение 7; 4–6 – погребение 11; 7 – погребение 9;
9 – кладоискательская яма; 10 – погребение 5

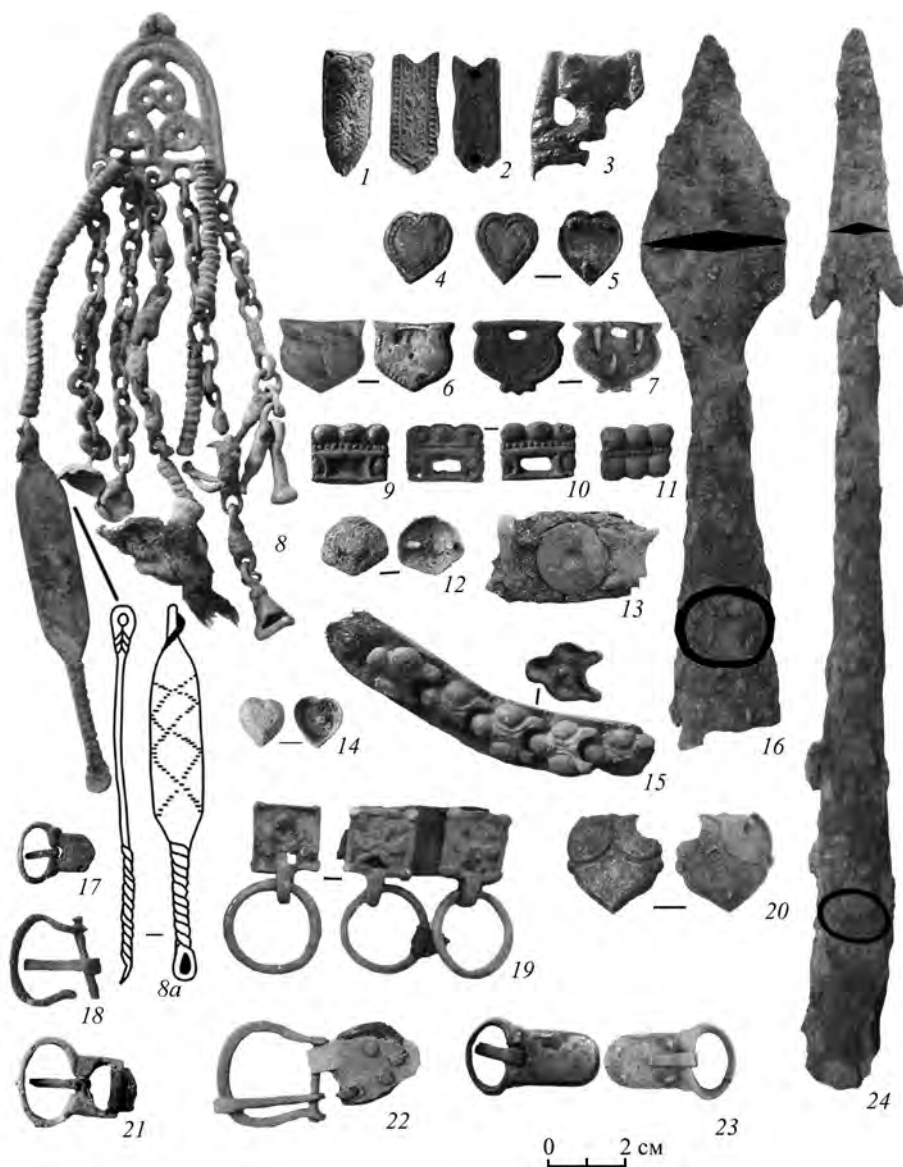
1–9, 11, 12 – цветной металл; 10 – железо, цветной металл

Детали поясной гарнитуры (рис. 4, 1–7, 9–15, 17–23) из раскопок представлены накладками (29 экз.), наконечниками ремней (4 экз.), пряжками (7 экз.), 46 накладок, 5 наконечников и 6 пряжек сданы «поисковиками металлолома» в Костромской музей-заповедник. Большинство предметов найдено в пахоте. Небольшие фрагменты кожаных поясов с накладками обнаружены в погр. 2, 4, 5. Несмотря на плохую сохранность накладок (они не введены в подсчет), по материалам погр. 10 возможно реконструировать полный поясной набор и способ его ношения.

Датировка памятника произведена по инвентарю, который свидетельствует, что не все захоронения одновременны. Наиболее ранний облик имеет погр. 10. Арочные подвески с изображением стилизованного ростка являются распространенным типом в Пермском Предуралье в IX–XI вв. (*Оборин*, 1970. С. 21; *Крыласова*, 2001. С. 66). Арочные подвески с прорезной основой характерны для урьинской стадии ломоватовской культуры VIII–IX вв. (*Голдина*, 1985. С. 131–133. Рис. 70, 17) и мыдланьшайской стадии поломской культуры этого же периода (*Голдина*, 1999. Рис. 177, 15), известны на марийском могильнике Нижняя стрелка в жертвенном комплексе 13, датированном рубежом IX–X вв. К украшению из погр. 10 могильника Кузинские хутора подвешена бронзовая копоушка (рис. 4, 8а). Такие украшения имеют аналогии в погр. 254 мыдланьшайского этапа Варнинского могильника VIII – первой половины IX в. (*Семенов*, 1980), обнаружены также в погр. 25 на марийском могильнике Нижняя стрелка, которое является наиболее ранним и датируется IX в. Рассматриваемое погр. 10 было перекрыто погр. 5, в котором обнаружено биметаллическое кресало с рукоятью в виде изображений двух всадников, скачущих в противоположные стороны (рис. 3, 10). Изделие относится к стандартным типам, известным в западной археологии и отнесенным к началу X в. в соответствии с датой монет, обнаруженных совместно с кресалами в погр. 90 и 348 Луистари (*Крыласова*, 2007. С. 172; *Лехтосало-Хиландер*, 1979). Таким образом, погр. 10 могильника Кузинские хутора мы можем отнести к рубежу IX–X вв.

Наиболее позднюю дату имеет погр. 1 (рис. 5, 1–12). В погребении обнаружен пластинчатый браслет с расширенными концами, украшенный орнаментом «волчий зуб». Пластинчатые разомкнутые узкие браслеты с расширенными концами получили распространение в XI–XII вв. в Ярославском Поволжье (*Левашова*, 1967а. С. 237), известны в Костромских курганах (*Леонтьев*, 1984. С. 188), во второй половине XI в. на Кубенском озере (*Макаров*, 1997. С. 342. Табл. 130, 10; *Зайцева*, 2008. С. 118). Обнаруженный браслет наиболее близок фрагменту изделия из древнерусского слоя Изборска (*Седов*, 2007. Рис. 377, 3). К этому же периоду относится распространение орнамента в технике «волчий зуб» (*Седова*, 1981. С. 115). Треугольная подвеска из спаянных витых и гладких проволочек имеет шаровидные привески. Подвески крупных размеров, подобно нашей, Л. А. Голубева относит к более поздним образцам X–XI вв. Наличие шаровидных бубенчиков с щелевидной прорезью – достаточно поздний признак (*Голубева*, 1982. С. 116–117), по которому изделие возможно датировать не ранее середины XI в.

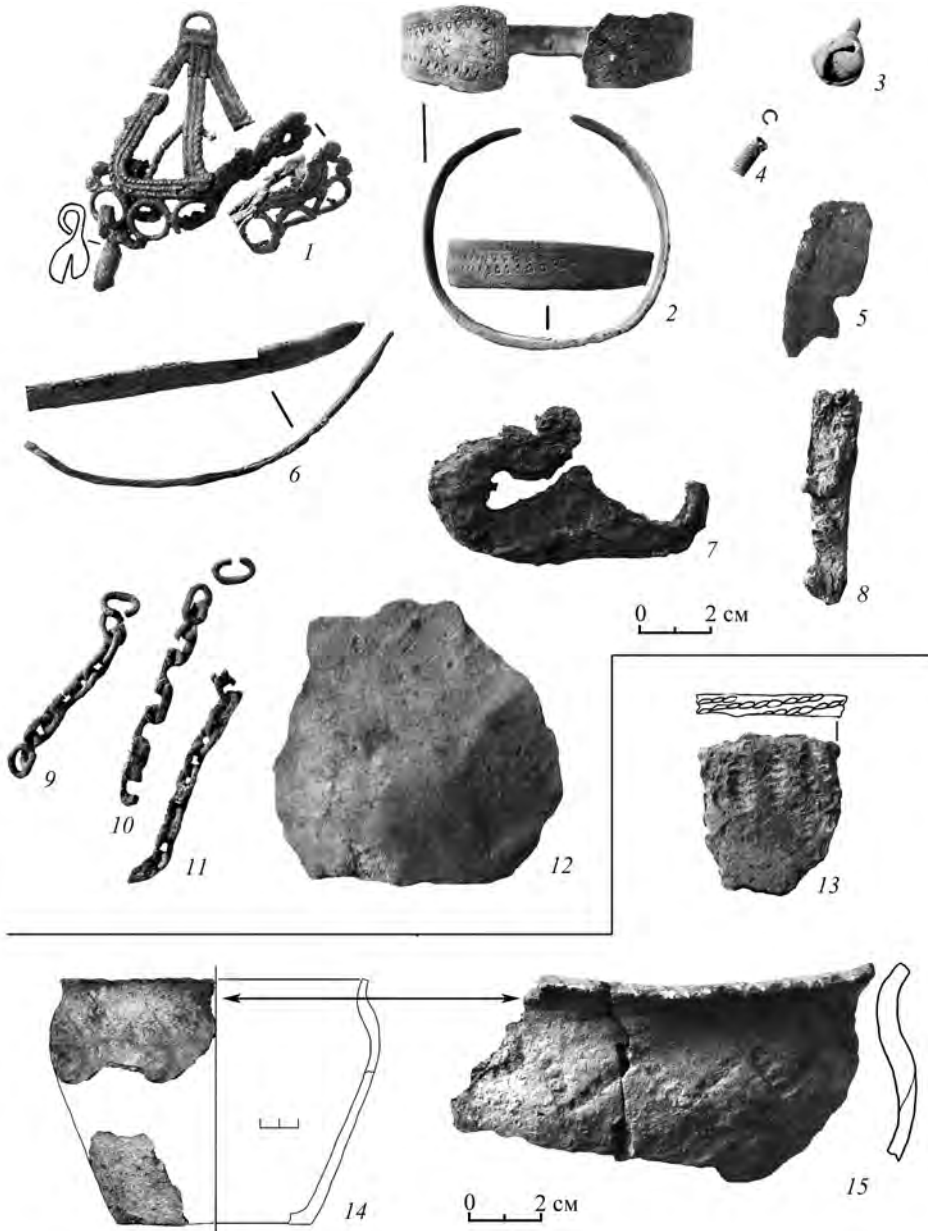
Среди подъемного материала обнаружены фрагменты проволочного серебряного височного кольца или браслета с завязанными концами. Браслетообразные

Рис. 4. Находки из могильника Кузинские хутора

1, 3, 6, 7, 12, 14, 17, 20 – находки в пахоте; 2, 9–11, 15 – погребение 6; 4, 5 – погребение 11; 8, 16, 22, 24 – погребение 10; 13 – погребение 2; 18 – погребение 9; 23 – погребение 7

1–7, 9–12, 14, 17, 18, 20, 23 – цветной металл; 8, 13, 15, 19, 21, 22 – цветной металл, кожа; 16, 24 – железо

Рис. 5. Находки из могильника Кузинские хутора

1–12 – погребение 1; 13 – находки в пахоте; 14, 15 – погребение 4
 1–6, 9–11 – цветной металл; 5–8 – железо; 12–15 – керамика

завязанные височные кольца кривичского типа встречаются, как правило, в погребениях XI–XII вв. (*Левашова*, 1967б. С. 16; *Комаров*, 2002). Витые завязанные браслеты по материалам древнерусских памятников датируются с X по начало XII в. (*Левашова*, 1967а. С. 219; *Жилина*, 2014. С. 163), на северных окраинах Руси обнаружены в погребениях XI в. могильника Нефедьево (*Макаров*, 1997. С. 120, 125, 126), второй – третьей четверти XI в. Мининского археологического комплекса (*Зайцева*, 2008. С. 117–118). Аналогичные изделия нередки в памятниках Марийского Поволжья конца XI – XII в. (*Никитина*, 2002. Рис. 68Б, 22; 76А, 13; 76Б, 4).

Таким образом, полученный вещевой материал относится к периоду с IX по XI вв. Эта дата подтверждается находками монет. В погр. 6 монета чеканена 987 г. и трижды пробита¹.

Наиболее сложной проблемой является определение этнокультурной принадлежности могильника. Среди материалов присутствует ряд вещей, которые признаны этномаркерами марийской средневековой культуры. В двух погребениях обнаружены браслетообразные височные кольца с одним отогнутым концом (пп. 9, 10), бронзовые цепочки с привесками в форме бубенчиков, которые обычно использовались в качестве головных (пп. 7, 10), очковидные подвески, соединенные цепочкой, служившие украшением носка обуви (п. 11). Древнемарийские вещи связаны с конкретными погребениями (пп. 9, 10, 11), располагаются компактно и образуют комплексы, характерные для населения Ветлужско-Вятского междуречья, как по взаимовстречаемости, так и по местоположению в погребении.

Среди находок, обнаруженных на территории памятника «поисковиками металлолома» и сданных ими в Шарьинский краеведческий музей, имеются трапезиевидные подвески с шумящими привесками, выполненные в наборной технике (рис. 3, 9), которые также считаются этномаркерами марийской культуры. Следует отметить, что в составе находок обнаружены три разновидности таких подвесок, различных по деталям оформления и размерам, что свидетельствует о том, что их находки не случайны, а происходят, предположительно, из трех погребений. Многие вещи: калачевидные и треугольные кольца-серьги, усатые перстни, граненые браслеты и различные типы накладок, обнаруженные на могильнике Кузинские хутора – также имеют многочисленные аналогии в синхронных марийских могильниках Ветлужско-Вятского междуречья.

Арочные подвески, традиционно связанные с Прикамьем, являются достаточно частой находкой и в марийских могильниках Ветлужско-Вятского междуречья и Поволжья и находятся в костюмном комплексе совместно с этномаркирующими украшениями. Вероятно, марийские земли являлись территорией их самостоятельного существования.

Наряду с типичными для марийских древностей Ветлужско-Вятского междуречья изделиями, обнаружены вещи пермского облика.

Значительный интерес представляет керамика, которая обнаружена в трех погребениях (пп. 1, 4, 9) и в пахоте. К сожалению, керамика представлена преимущественно фрагментами. Все сосуды разнотипны и изготовлены из разных

¹ Монеты определены старшим научным сотрудником Болгарского музея-заповедника Д. Г. Мухаметшиным.

формовочных масс. Сосуд из погр. 1 горшковидной формы изготовлен из глины с примесью шамота, поверхность достаточно ровная без орнамента (рис. 5, 12). Сосуд в погр. 4 горшковидной формы изготовлен из глины с примесью шамота. Кроме того, в составе глины зафиксирована естественная примесь песка и кварца, поэтому поверхность шероховатая². На поверхности слабый орнамент из зубчатого штампа (рис. 5, 14, 15). В погр. 9 обнаружены фрагменты неорнаментированного сосуда из глины с примесью раковины. Из такого же теста изготовлены 2 фрагмента керамики, обнаруженные в пахоте и имеющие на поверхности оттиски штампа (рис. 5, 13). Сосуд из погр. 1 наследует волжско-финской керамической традиции, а керамика из погр. 4, 9 и подъемного материала имеет аналогии среди посуды Камско-Вычегодского края (*Савельева*, 1987. С. 64. Рис. 23, 1, 8; *Макаров*, 1985. С. 87). Но при этом сосуд из погр. 4 имеет плоское дно и основную примесь в тесте шамот, что также сближает его с волжско-финскими гончарными традициями.

Особый интерес представляет фрагмент литой пряжки с изображением головы медведя в жертвенной позе (рис. 4, 3). Пряжки с изображением медведя большинство исследователей относят к диагностирующим угорским признакам (*Могильников*, 1985. С. 94) и, учитывая их важное семантическое значение, считают, что такие изделия не могли быть предметом обмена, а только связаны с расселением носителей. Подобные изделия имеют широкое распространение на Урале, в Сибири и Пермском Предуралье (*Белавин и др.*, 2009. С. 184, 185). Одна пряжка обнаружена в могильнике Шойнаты II на средней Вычегде (*Королев*, 2013. С. 21. Рис. 28, 5).

Обряд кремации вновь изученного памятника значительно отличается от обряда трупосожжения известных марийских могильников Поветлужья. Во-первых, ни на одном изученном марийском могильнике кремация не является преобладающим способом захоронения; на Дубовском она составляет 25 %, а на Русенихинском все захоронения совершены по обряду ингумации. Достаточно высокий процент обряда кремации на могильнике Черемисское кладбище (до 50 %), наиболее близко расположенном к вновь открытому памятнику. Марийские средневековые захоронения с кремацией имеют достаточно устойчивые признаки: могильные ямы вытянуто-овальных или прямоугольных очертаний ориентированы таким же образом, что и захоронения с ингумацией. Кальцинированные кости, представленные значительным количеством, и вещи помещены на дно могилы. Вещи, в основном целые, занимают местоположение, аналогичное для погребений с ингумацией. Особой индивидуальностью отличаются погребения, в которых сожженные кости представлены значительным скоплением, завернуты в ткань и меховой кафтан, сверху перевязанный ремнем, а украшения разложены в порядке ношения их при жизни (*Никитина*, 2012. С. 76–79). Обряд кремации на могильнике Кузинские хутора имеет определенное сходство с вытянутыми погребениями (к сожалению, их количество слишком мало, чтобы делать выводы) на могильнике Большое Молочное в Костромском Поволжье: минимальное количество костей, вещей

² Выражаю благодарность к. и. н. А. И. Михеевой, которой произведен анализ формовочной массы керамики.

инвентарь представлен разрозненными разнохарактерными вещами, часто поломанными или поврежденными; беспорядочное разноуровневое залегание костей и инвентаря (Леонтьев, 1996. С. 259, 263–266). Но более значительное сходство обнаруженные на могильнике Кузинские хутора трупосождения имеют с одной группой погребений вымских и вычегодских могильников (Савельева, 1971. С. 45–47; 1987. С. 16–22; Королев, 2013. С. 24–25) и памятников средневекового населения Верховьев Камы (Голдина, Кананин, 1989). В этих районах кремация содержится в вытянуто-овальных или прямоугольных могильных ямах; многочисленные кости и поломанные вещи располагались бессистемно, преимущественно в засыпи; встречаются многочисленные случаи нахождения их на дне. Указанные памятники связаны с происхождением народа коми: вымские и вычегодские – с коми-зырянами, верхнекамские – с коми-пермяками. У населения Верхней Камы обряд трупосождения в большей степени характерен для ломоватовского и раннеродановского времени, а затем наблюдается его затухание. Погребения с сожжением на могильнике Кузинские хутора датируются не ранее XI в., когда у населения в Верховье Камы наблюдается затухание этого обряда. Погребальный обряд вымской культуры этого периода характеризуется усилением роли кремации.

На сходство материалов из средневековых могильников марийской и вымской культур исследователи обращали внимание неоднократно. Г. А. Архипов считал общие параллели незначительными (Архипов, 1973. С. 88) и отметил в марийских могильниках лишь несколько вещей, аналогичных предметам из Кичилькосского вымского могильника. Внимательнее к этому вопросу отнеслась Э. А. Савельева, обозначив более широкий круг параллелей в вещевых комплексах и даже сходство отдельных элементов в погребальном обряде трупоположения двух культур (Савельева, 1971. С. 175). Вероятно, погребения с сожжением на могильнике Кузинские хутора также следует связать с населением, близкородственным предкам коми (в большей степени населению вымской культуры). Данные топонимики содержат многочисленные подтверждения непосредственного соседства предков коми и марийцев (Галкин, 1965. С. 33; Себреников, 1957; 1967; Матвеев, 1964. С. 83).

Сделанные наблюдения имеют, безусловно, предварительный характер и высказаны в порядке постановки проблемы. Очевидная уникальность памятника Кузинские хутора подчеркивает необходимость сплошного археологического исследования верхнего течения р. Ветлуги.

ЛИТЕРАТУРА

- Архипов Г. А., 1973. Марийцы IX–XI вв. К вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство. 197 с.
- Белавин А. М., Иванов В. А., Крыласова Н. Б., 2009. Угры Предуралья в древности и средние века. Уфа: Издательский дом БГПУ. 285 с.
- Галкин И. С., 1965. К вопросу о пермской топонимике на территории Марийской АССР // Всесоюзная конференция по финно-угроведению (тезисы докладов и сообщений), июнь 1965 г. Сыктывкар: Коми кн. изд-во. С. 32–34.
- Голдина Р. Д., 1985. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1985. 280 с.

- Голдина Р. Д., 1999. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: Удмуртский университет. 463 с.
- Голдина Р. Д., Кананин В. А., 1989. Средневековые памятники верховьев р. Камы. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та. 216 с.
- Голубева Л. А., 1982. К истории треугольной подвески // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы / Отв. ред. М. Г. Иванова. Ижевск: УдмНИИ. С. 110–124.
- Жилина Н. В., 2014. Древнерусские клады IX–XIII вв. Классификация, стилистика и хронология украшений. М.: Либроком. 400 с.
- Зайцева И. Е., 2008. Изделия из цветных металлов и серебра // Археология севернорусской деревни X–XIII веков / Отв. ред. Н. А. Макаров. Т. 2: Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. М.: Наука. С. 57–141.
- Комаров К. И., 2002. Раскопки курганного могильника у д. Плешково Тверской области // Археологические статьи и материалы: Сб. участников Великой Отечественной войны. Тула: Гриф и К. С. 141–189.
- Королев К. С., 2013. Предки коми-зырян на Средней Вычегде (XI–XIV вв.) / Отв. ред. Э. А. Савельева. Сыктывкар: Коми науч. центр УрОРАН. 89 с.
- Крыласова Н. Б., 2001. История прикамского костюма. Костюм средневекового населения Пермского Предуралья. Пермь: ПГПУ. 260 с.
- Крыласова Н. Б., 2007. Археология повседневности: материальная культура средневекового Предуралья. Пермь: ПГПУ. 350 с.
- Левашова В. П., 1967а. Браслеты // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. / Ред. Б. А. Рыбаков. М.: Советская Россия. С. 207–252. (Труды ГИМ; т. 43.)
- Левашова В. П., 1967б. Височные кольца // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. / Ред. Б. А. Рыбаков. М.: Советская Россия. С. 7–54. (Труды ГИМ; т. 43.)
- Леонтьев А. Е., 1984. Новые данные о костромских курганах // СА. № 4. С. 176–196.
- Леонтьев А. Е., 1996. Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси. М.: Геоэко. 338 с.
- Лехтосало-Хиландер П.-Л., 1979. Связи западных финнов с восточной Европой в эпоху викингов // Финно-угры и славяне: доклады первого советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии, 15–17 ноября 1976 года / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. Л.: Наука. С. 81–92.
- Мажитов Н. А., 1977. Южный Урал в VII–XIV вв. М.: Наука. 239 с.
- Макаров Н. А., 1985. Орнаментака белозерской лепной керамики X–XI вв. // СА. № 2. С. 79–100.
- Макаров Н. А., 1997. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII веках: по материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М.: Скрипторий. 368 с., ил.
- Матвеев А. К., 1964. Субстратная топонимика Русского севера // Вопросы языкознания. № 2. С. 64–83.
- Могильников В. А., 1985. Предметы изобразительного искусства обских угров и вопрос этнической интерпретации керамики вожпайского типа // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. Томск: Изд-во ТГУ. С. 91–95.
- Никитина Т. Б., 2002. Марийцы в эпоху Средневековья (по археологическим материалам). Йошкар-Ола: МарНИИ. 432 с.
- Никитина Т. Б., 2012. Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья. Казань: МарНИИЯЛИ. 408 с. (Археология Евразийских степей; вып. 14.)
- Никитина Т. Б., Ефремова Д. Ю., 2012. Отражение культа предков марийцев в погребальном обряде могильников Ветлужско-Вятского междуречья IX–XI вв. // Stratum plus. № 5: Другая Русь. Чудь, меря и инии языки. Кишинев: Высшая антропологическая школа. С. 179–194.
- Оборин В. А., 1970. Этнические особенности средневековых памятников Верхнего Прикамья // ВАУ. Вып. 9. Свердловск: УрГУ. С. 3–29.
- Савельева Э. А., 1971. Пермь Вычегодская: к вопросу о происхождении народа коми / Отв. ред. А. П. Смирнов. М.: Наука. 222 с.
- Савельева Э. А., 1987. Вымские могильники XI–XIV вв. Л.: ЛГУ. 200 с.
- Седов В. В., 2007. Изборск в раннем Средневековье. М.: Наука. 413 с.
- Седова М. В., 1981. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука. 196 с.
- Семенов В. А., 1980. Варнинский могильник // Новый памятник поморской культуры / Науч. ред. В. Ф. Генинг. Ижевск: УдмНИИ. С. 5–135.

- Серебренников Б. А.*, 1957. О некоторых косвенных данных, свидетельствующих о древних юго-западных границах расселения народа коми // Записки УдмНИИ. Вып. 18. Ижевск: Удмуртский НИИ истории, экономики, литературы и языка. С. 141–144.
- Серебренников В. А.*, 1967. Происхождение марийского народа по данным языка // Происхождение марийского народа: материалы научной сессии, проведенной Марийским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во. С. 165–179.

Сведения об авторе

Никитина Татьяна Багишевна,
Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории им. В. М. Васильева при Правительстве Республики Марий Эл, ул. Красноармейская, д. 44, г. Йошкар-Ола, 424036, Республика Марий Эл, Россия,
e-mail: tshikaeva@yandex.ru

T. B. Nikitina

Population of the Upper Vetluga Region in the Early 2nd mill. AD: New Materials

Abstract. Presently the sites in the Vetluga region dating to the Middle Ages are attributed to the Mari culture. In recent years three previously unknown cemeteries have been uncovered by the Mari Archaeological Expedition in the Vetluga valley, i. e. the Kuzinskiye khutora cemetery in the upper basin of the river, the Rusenikha cemetery in the middle basin of the river, and the Vyzhum cemetery in its lower basin. The sites are dated to the same chronological horizon, i. e. the 9th–11th centuries, and contain stylistically similar burial offerings, though the burial rites have substantial differences, reflecting complexity of ethnocultural process that unfolded in the region. The paper is devoted to the publication of artifacts from the Kuzinskiye khutora cemetery. Based on the results of the first excavations, preliminary conclusions on the site ethnocultural attribution have been derived: a) the site was used and left behind by communities pertaining to different ethnocultural groups; b) most of the earliest graves contain jewelry marking the attribution to the Mari culture; c) cremation burials reveal traditions of the Perm population, which was Komi ancestors.

Keywords: Vetluga region, Middle Ages, Mari culture, Merya population, Upper Kama region, Vym culture, burial rite, cremation.

REFERENCES

- Arkipov G. A., 1973. Mariytsy IX–XI vv. K voprosu o proiskhozhdenii naroda [The Mari of IX–XI cc. On the problem of the people's origin]. Yoshkar-Ola: Mariyskoe knizhnoe izdatel'stvo. 197 p.
- Belavin A. M., Ivanov V. A., Krylasova N. B., 2009. Ugry Predural'ya v drevnosti i srednie veka [Ugrians of West Urals in antiquity and Middle Ages]. Ufa: Izdatel'skiy dom Bashkirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 285 p.
- Galkin I. S., 1965. K voprosu o permskoy toponimike na territorii Mariyskoy ASSR [On problem of Permian toponymics in territory of Mari Autonomous Socialist Republic]. *Vsesoyuznaya konferentsiya po finno-ugrovedeniyu: (tezisy dokladov i soobshcheniy) [All-Union conference for Finno-Ugrian studies: (abstracts)]*. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo, pp. 32–34.

- Goldina R. D., 1985. Lomovatovskaya kul'tura v Verkhnem Prikam'e [Lomovatovo culture in Upper Kama region]. Irkutsk: Izdatel'stvo Irkutskogo universiteta. 280 p.
- Goldina R. D., 1999. Drevnyaya i srednevekovaya istoriya udmurtskogo naroda [Early and medieval history of Udmurt people]. Izhevsk: Udmurtskiy universitet. 463 p.
- Goldina R. D., Kananin V. A., 1989. Srednevekovye pamyatniki verkhov'ev r. Kamy [Medieval sites of Kama River upper reaches]. Sverdlovsk: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 216 p.
- Golubeva L. A., 1982. K istorii treugol'noy podveski [On history of triangular pendant]. *Srednevekovye pamyatniki basseyna r. Cheptsy [Medieval sites of Cheptsya River basin]*. M. G. Ivanova, ed. Izhevsk: Udmurtskiy nauchno-issledovatel'skiy institut, pp. 116–117.
- Korolev K. S., 2013. Predki komi-zyryan na Sredney Vychege (XI–XIV vv.) [Komi-Zyryans ancestors on Middle Vychege (XI–XIV cc.)]. E. A. Savel'eva, ed. Syktyvkar: Komi nauchnyy tsentr URO RAN. 89 p.
- Krylasova N. B., 2001. Istoriya prikamskogo kostyuma. Kostyum srednevekovogo naseleniya Permskogo Predural'ya [History of Kama region costume. Costume of medieval population of Perm West Urals]. Perm': Permskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet. 260 p.
- Krylasova N. B., 2007. Arkheologiya povsednevnosti: material'naya kul'tura srednevekovogo Predural'ya [Archaeology of daily life: material culture of medieval West Urals]. Perm': Permskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet. 350 p.
- Lekhtosalo-Khilander P.-L., 1979. Svyazi zapadnykh finnov s vostochnoy Evropoy v epokhu vikingov [West Finns' connections with Eastern Europe in Viking Age]. *Finno-ugry i slavyane: doklady pervogo sovetско-finlyandskogo simpoziuma po voprosam arkheologii, 15–17 noyabrya 1976 goda [Finno-Ugrians and Slav: reports of first Soviet-Finnish symposium on problems of archaeology, November 15–17, 1976]*. B. A. Rybakov, ed. Leningrad: Nauka, pp. 81–92.
- Leont'ev A. E., 1984. Novye dannye o kostromskikh kurganakh [New data on Kostroma kurgans]. *SA*, 4, pp. 176–196.
- Leont'ev A. E., 1996. Arkheologiya meri. K predstorii Severo-Vostochnoy Rusi [Archaeology of Merya. On prehistory of North-Eastern Rus]. Moscow: Geoeko. 338 p.
- Leshchinskaya N. A., 1995. Khronologiya i periodizatsiya mogil'nikov basseyna r. Vyatki (I – nachalo II tys. n. e.) [Chronology and periodization of cemeteries of River Vyatka basin (I – early II mill. AD)]. *Tipologiya i datirovka arkheologicheskikh materialov Vostochnoy Evropy: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov [Typology and dating of archaeological materials of Eastern Europe: International collection of articles]*. R. D. Goldina, ed. Izhevsk: Izdatel'stvo Udmurtskogo universiteta, pp. 88–128.
- Levashova V. P., 1967a. Braslety [Bracelets]. *Ocherki po istorii russkoy derevni X–XIII vv. [Essays on history of Russian village in X–XIII cc.]*. B. A. Rybakov, ed. Moscow: Sovetskaya Rossiya, pp. 207–252. (Trudy GIM, 43).
- Levashova V. P., 1967b. Visochnye kol'tsa [Temporal rings]. *Ocherki po istorii russkoy derevni X–XIII vv. [Essays on history of Russian village in X–XIII cc.]*. B. A. Rybakov, ed. Moscow: Sovetskaya Rossiya, pp. 7–54. (Trudy GIM, 43).
- Makarov N. A., 1985. Ornamentika belozerskoy lepnoy keramiki X–XI vv. [Ornamentation of the Beloozero hand-made pottery of X–XI cc.]. *SA*, 2, pp. 79–100.
- Makarov N. A., 1997. Kolonizatsiya severnykh okrain Drevney Rusi v XI–XIII vekakh: po materialam arkheologicheskikh pamyatnikov na volokakh Belozer'ya i Poonezh'ya [Colonization of north periphery of Medieval Rus in XI–XIII centuries: based on materials from archaeological sites at portages in Beloozero and Onega Lake regions]. Moscow: Skriptoriy. 368 p.
- Matveev A. K., 1964. Substratnaya toponimika Russkogo severa [Substrate toponymics of Russian North]. *Voprosy yazykoznanija [Problems of linguistics]*, 2, pp. 64–83.
- Mazhitov N. A., 1977. Yuzhnyy Ural v VII–XIV vv. [South Urals in VII–XIV cc.]. Moscow: Nauka. 239 p.
- Nikitina T. B., 2002. Mariytsy v epokhu srednevekov'ya (po arkheologicheskim materialam) [Mari in medieval epoch (based on archaeological materials)]. Yoshkar-Ola: Mariyskiy NIIYaLI. 432 p.
- Nikitina T. B., 2012. Pogrebal'nye pamyatniki IX–XI vv. Vetluzhsko-Vyatskogo mezhdurech'ya [Burial sites of IX–XI cc. of Vetluga-Vyatka interflue]. Kazan': Mariyskiy NIIYaLI. 408 p. (Arkheologiya Evraziyskikh stepey, 14).
- Nikitina T. B., Efremova D. Yu., 2012. Otrazhenie kul'ta predkov mariytssev v pogrebal'nom obryade mogil'nikov Vetluzhsko-Vyatskogo mezhdurech'ya IX–XI vv. [Mari ancestral cult reflections in

- burial rite of cemeteries in Vetluga-Vyatka interfluvium in IX–XI cc.]. *Drugaya Rus'. Chud', merya i inii yazytsi [The other Rus. The Chud', the Merya and other peoples]*. Kishinev: Vysshaya Antropologicheskaya Shkola, pp. 179–194. (Stratum plus, 5/2012).
- Oborin V. A., 1970. Etnicheskie osobennosti srednevekovykh pamyatnikov Verkhnego Prikam'ya [Ethnic features of medieval sites of Upper Kama region]. *Voprosy arkhologii Urala [Problems of Uralian archaeology]*, 9. Sverdlovsk: Ural'skiy gosudarstvennyy universitet, pp. 3–29.
- Savel'eva E. A., 1971. Perm' Vychevodskaya: k voprosu o proiskhozhdenii naroda [The Vychevod Perm: on problem of the Komi people origin]. A. P. Smirnov, ed. Moscow: Nauka. 222 p.
- Savel'eva E. A., 1987. Vymskie mogil'niki XI–XIV vv. [Vym cemeteries of XI–XIV cc.]. Leningrad: Leningradskiy gosudarstvennyy universitet. 200 p.
- Sedov V. V., 2007. Izborsk v rannem srednevekov'e [Izborsk in early Middle Ages]. Moscow: Nauka. 413 p.
- Sedova M. V., 1981. Yuvelirnye izdeliya Drevnego Novgoroda (X–XV vv.) [Jewelry products of Ancient Novgorod (X–XV cc.)]. Moscow: Nauka. 196 p.
- Semenov V. A. 1980. Varninskiy mogil'nik [Varninsky cemetery]. *Novyy pamyatnik polomskoy kul'tury [New site of Polom culture]*. V. F. Gening, ed. Izhevsk: Udmurtskiy nauchno-issledovatel'skiy institut, pp. 5–135.
- Serebrennikov B. A., 1957. O nekotorykh kosvennykh dannykh, svidetel'stvuyushchikh o drevnikh Yugo-Zapadnykh granitsakh rasseleniya naroda komi [On some indirect data, which evidence ancient south-western borders of Komi people settling]. *Zapiski Udmurtskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta [Transactions of Udmurt scientific-research institute]*, 18. Izhevsk: Udmurtskiy nauchno-issledovatel'skiy institut istorii, ekonomiki, literatury i yazyka, pp. 141–144.
- Serebrennikov V. A., 1967. Proiskhozhdenie mariyskogo naroda po dannym yazyka [Origins of Mari people based on linguistic data]. *Proiskhozhdenie mariyskogo naroda: materialy nauchnoy sessii, provedennoy Mariyskim NIIYaLI [Origins of Mari people: proceedings of scientific session held in Mari NIIYaLI]*. Yoshkar-Ola: Mariyskoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 165–179.
- Smirnov A. P., 1952. Ocherki drevney i srednevekovoy istorii narodov Povolzh'ya i Prikam'ya [Essays on ancient and medieval history of peoples of Volga and Kama regions]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 275 p. (MIA, 28).
- Zaytseva I. E., 2008. Izdeliya iz tsvetnykh metallov i serebra [Artefacts made of non-ferrous metals and silver]. *Arkheologiya severnorusskoy derevni X–XIII vekov [Archaeology of North Russian village of X–XIII centuries]*, 2. *Srednevekovyye poseleniya i mogil'niki na Kubenskom ozere [Medieval settlements and cemeteries on Kubenskoe Lake]*. N. A. Makarov, ed. Moscow: Nauka, pp. 57–141.
- Zhilina N. V., 2014. Drevnerusskie klady IX–XIII vv. Klassifikatsiya, stilistika i khronologiya ukrasheniy [Medieval Russian hoards of IX–XIII cc. Classification, stylistics and chronology of ornaments]. Moscow: Librokom. 400 p.

About the author

Nikitina Tatyana B.,

V. M. Vasil'ev Mari Scientific Research Institute of language, literature and history at the Government of Republic Mari El, ul. Krasnoarmeyskaya, 44, Yoshkar-Ola, 424036, Republic Mari El, Russian Federation,
e-mail: tshikaeva@yandex. ru

Н. А. Кренке, И. Н. Ершов, И. С. Аникин, А. А. Войцк,
Т. Ю. Муренцева, В. А. Раева, М. В. Лавриков, Т. В. Столярова

НОВЫЕ ДАННЫЕ ОБ АРХЕОЛОГИИ СОБОРНОЙ ГОРЫ В СМОЛЕНСКЕ

Резюме. В статье собраны все данные о находках лепной керамики на склонах Соборной горы в Смоленске и представлены новые данные раскопок в 2014 и 2015 гг. Установлено, что на уступе северо-восточного склона возвышенности с отметками 200–210 м сохранился культурный слой поселения культуры смоленских длинных курганов, а также следы распашки, соответствующие времени поселения. Возраст поселения может быть определен лишь в рамках датировки культуры в целом, т. е. это вторая половина VIII – первая половина X в. Наиболее выразительные находки – лепная керамика, стеклянные голубые бусы и темно-синий бисер. Обнаруженное поселение на Соборной горе в Смоленске является сильным аргументом в пользу гипотезы, что летописный Смоленск IX в. находился в центре современного города, а не в Гнёздове.

Ключевые слова: культура смоленских длинных курганов, лепная керамика, бусы, борозды распашки.

В результате работ последних лет в Смоленске были получены данные, позволяющие выдвинуть предположение, что обширное поселение существовало на Соборной горе и в ее ближайших окрестностях начиная с VIII – начала X в. Публикации этих материалов, чрезвычайно важных для решения спорного вопроса о первоначальной локализации города, посвящена данная статья.

В исследовании, подводившем итоги 40-летней работы Смоленской экспедиции МГУ, проф. Д. А. Авдусин высказал мысль о локализации древнейшего Смоленска «где-то в центре современного города», «в пределах смоленской крепости» (Авдусин, 1991. С. 9, 10). Нужно признать, что имевшиеся на тот момент данные были явно недостаточными для сколько-нибудь надежных утверждений. Скорее, можно говорить о гипотезе, основанной на интуиции.

Лепная керамика впервые в Смоленске была найдена в 1900 г. при наблюдениях за строительством электрической подстанции у подножия Соборной горы возле крепостной стены в основании культурного слоя (Неклюдов, Писарев, 1901. С. 32). Культурно-хронологическая атрибуция этих находок неясна, так как они не сохранились до нашего времени. То же самое можно сказать о лепной

керамике из основания культурного слоя, найденной А. Н. Лявданским в шурфе 1925 г. на вершине Соборной горы возле северной стены колокольни Успенского собора (Лявданский, 1926. С. 207, 208). По опубликованной фотографии можно допустить, что это керамика IX–X вв., но возможны и другие версии. Был и еще один «новый» шурф 1930 г. на Соборной горе, на который ссылается Д. А. Авдусин в своем отчете 1951 г., откуда якобы происходит серия фрагментов керамики IX–XI вв. (Авдусин, 1951. С. 3). Что это за сведения и откуда они были получены Д. А. Авдусиным, остается неясным. В раскопе 1951 г. «Согор 2» на «нижней площадке» Соборной горы (рис. 1, 2: с. 349) были найдены несколько лепных фрагментов (Там же. С. 33; коллекция Смоленского музея № 9826), но они в ходе раскопок не получили точной культурно-хронологической атрибуции. Нужно подчеркнуть, что венчик, обнаруженный в коллекции 1951 г., происходящий из пласта 7 (рис. 2, 1; № 990), несомненно, относится к IX–X вв. Он полностью сходен с керамикой, которая будет рассмотрена ниже. Другой лепной венчик из этого раскопа (№ 1271) относится к более раннему времени, вероятно, к тушемлинской культуре.

Все последующие работы второй половины XX в. на верхней площадке Соборной горы не дали ранних находок (древнее XII в.). В знаменитых «Соболевских» раскопах Д. А. Авдусина и Н. И. Астаховой, расположенных у северного подножия горы, самой ранней была керамика конца XI в., и лишь единичные вещевые находки могли иметь более древнюю датировку (Авдусин, 1991. С. 8).

В 1992, 1993, 1999, 2002 гг. в средней части северного склона Соборной горы на улице Металлистов (бывш. Нижняя Митропольская) в районе дома 8 раскопки были проведены Н. В. Сапожниковым, Р. А. Нигматуллиным и Ф. Э. Модестовым. В совокупности было изучено более 350 м² культурного слоя (рис. 1, 13–15, 27). На этом участке было найдено значительное количество керамики XI в. (Нигматуллин, 2000. Рис. 240). Из более ранних находок можно отметить голубую стеклянную бусину кубической формы со скошенными гранями (раскопки Сапожникова 1993 г., хранится в Смоленском музее-заповеднике), характерную для культуры смоленских длинных курганов (рис. 2, 18). Датировка подобных бус укладывается в интервал VIII–X вв. по хронологии Старой Ладogi. В Гнёздове имеется небольшая серия таких находок (Енуков, 1990. С. 62).

Затем на этой же улице (дом 14) в 2005 г. продолжил работы О. М. Олейников (рис. 1, 16). В раскопе площадью 130 м² были вскрыты слои XII в. и более поздние мощностью до 4 м. При этом в предматериковом горизонте был найден венчик и стенка лепного горшка, аналогичные посуде из смоленских курганов IX – первой половины X в. (Олейников, 2006а. Находка № 474). Кроме того, в этом же горизонте, наряду с развитой круговой керамикой, был найден венчик раннекругового слабопрофилированного горшка с орнаментом «дрожащая волна» (Там же. Находка № 429). Лепная и раннекруговая керамика в этом раскопе были найдены не в первичном залегании, а в более позднем археологическом контексте. Эта же ситуация повторилась в другом раскопе (площадь – 36 м²) по адресу: ул. Малая Школьная, д. 6 (рис. 1, 17), где исследования в 2011 г. вела Т. А. Асмолкова (Асмолкова, 2012). Здесь также были найдены лепной венчик и несколько фрагментов стенок от горшков IX – первой половины X в. (Там же. Находки № 75–78). Здесь же была найдена и золотостеклянная бусина

Рис. 3. Аэрофотоснимок Соборной горы, снятый немцами в годы войны (1941 или 1942 г.). Вид с СВ

Стрелка показывает 3-ю ступень – площадку, где был заложен шурф 2015 г. на ул. М. Школьной, 20а

(находка № 85), а также голубая бусина «округло-кубической» формы (находка № 114). Эти находки залегали в прослойке вместе с позднесредневековыми вещами. Венчик из раскопа на Малой Школьной, д. 6 (рис. 2, 12: с. 350) чрезвычайно близок по форме к венчику горшка из кургана № 13 у пос. Новоселки, раскопанного в 1964 г. Е. А. Шмидтом, который датировал его первой половиной X в. (Шмидт, 2012. Рис. 41).

Северо-восточный склон Соборной горы имеет ступенчатую форму. Образование этих ступеней в значительной степени обусловлено длительной человеческой деятельностью (подрезка склонов и подсыпка бровок искусственных террас). Вышеописанные находки были встречены на первой и второй (считая снизу) ступенях, имеющих отметки 187–190 и 198–200 м в Балтийской системе.

Существенное приращение информации произошло в 2014 г., когда был откопан шурф по адресу ул. Малая Школьная, д. 7а (рис. 1, 19). Шурф находился на уровне второй ступени на высотной отметке 200 м. Мощность культурного слоя в шурфе составила 2,9 м. На материке была прослежена частокольная канавка от усадебной ограды. В нижнем пласте была встречена лепная керамика, залегавшая совместно с более поздней круговой посудой XI–XII вв. Радиоуглеродное датирование древесного тлена двух столбов из канавки показало, что они весьма ранние. Были получены две практически идентичные даты: 1065 ± 35 (SPb-1512) и 1050 ± 30 (SPb-1513), которые при калибровке указывают с вероятностью 1σ (68,2 %) на интервалы 970–1020 и 980–1020 гг. н. э. Общее количество лепной керамики в шурфе (площадь 4 м²) – около 30 фрагментов, включая и мелкие. Среди них венчики, аналогичные вышеописанным, с короткой шейкой, закругленным торцом и выделенным плечиком (Ершов и др., 2015. Рис. 1). В результате этих находок стало ясно, что мы приближаемся к слою IX–X вв. и что его надо искать чуть выше по склону на третьей, считая снизу, ступени-площадке Соборной горы (эту площадку Д. А. Авдусин называл «нижней»). Эта ступень хорошо выделяется

горизонталями на карте. Ее высотные отметки – 207–211 м. Особенно хорошо она видна на немецком аэрофотоснимке, сделанном в годы войны (рис. 3). Большинство домов, расположенных на ней, сгорели, рельеф виден исключительно отчетливо. Размеры ступени примерно 50 × 200 м. С севера она круто обрывается вниз, с запада ограничена небольшим овражком, после которого с запада начинается крутой склон, с востока терраса постепенно сужается, дугообразно охватывая массив Соборной горы. Именно в точке примыкания площадки к склону Соборной горы был расположен раскоп 1951 г. «Согор 2». С юга в тыльной части третьей площадка ограничена крутым склоном горы.

Шурф 2015 г., размером 6 м², давший наиболее ценную информацию, был заложен в западной части вышеописанной третьей ступени недалеко от бровки овражка (рис. 1, 20). Откопка шурфа была предварена бурением ручным буром. Скважина находилась в 4 м к северу от места шурфа. При бурении было установлено, что верхние 0,5 м сложены серой супесью, ниже идет подсыпка из мешаной материковой супеси с линзами культурного слоя мощностью 1,8 м, под ней – темно-серый культурный слой толщиной 0,3 м, залегающий на материковой поверхности склона. Шурф 1 был заложен с таким расчетом, что подсыпка выше по склону будет несколько меньше, что облегчит работу. Действительно, в заложенном шурфе (ул. Малая Школьная, д. 20а) толщина подсыпки оказалась меньше. Верхние 40–50 см были сложены серой супесью с находками, возраст которых варьировал от XI до XX в., ее подстилала почти стерильная подсыпка, толщина которой нарастала вниз по склону (на север) от 80 до 110 см. Верхнюю часть подсыпки прорезали несколько поздних ям XVIII в. В самой же толще подсыпки фрагменты керамики встречались единично, хотя углей было довольно много. Керамика была представлена стенками лепных горшков и венчиком кругового сосуда XI в. с характерным «манжетом». Под подсыпкой залегал совершенно непотревоженный культурный слой. Поверхность слоя понижалась с юга на север под углом 8–10° (при том, что современная дневная поверхность ступени горизонтальна). Этот культурный слой являлся фактически преобразованным гумусовым горизонтом погребенной дерново-подзолистой почвы. Толщина слоя в шурфе нарастала вниз по склону от 6 до 12 см, достигая в некоторых понижениях 20 см. Никаких ям, прорезавших данный слой сверху, отмечено не было. При зачистке по уровню основания темно-серого слоя были выявлены следы пахотных борозд, которые шли в нескольких перекрестных направлениях (рис. 4, 3, 4: с. 351). По небольшому фрагменту площади шурфа можно выделить не менее трех поколений борозд. Борозды, ориентированные по линии З–В поперек склона, – узкие и треугольные в сечении; борозды вдоль склона, ориентированные по линии С–Ю, – более глубокие и широкие, дно их и-образное. В пахотном слое были встречены кусочки обожженной глины, кальцинированные и не пережженные кости (позвонки и фаланга КРС), керамика и угольки. Также был найден один кусок оплавленного шлака и мелкие фрагменты железной окалины (размеры до 5 мм), которые извлекались из промытого грунта магнитом. Количество фрагментов керамики было более 50 (включая мелкие), кроме того, значительное количество крошек лепных горшков было извлечено при промывке на сите с размером ячейки 1 мм (весь слой был промыт). Лепная керамика составила более 90 %. Круговая керамика была представлена несколькими фрагментами стенок, орнаментированных многоярдной волной

(предположительно XI в.). Лепная керамика идентична той, что ранее была найдена в других раскопах на склоне Соборной горы. Имеется фрагмент стенки сосуда (плечико), орнаментированный оттисками «палочки с веревочкой» (рис. 2, 10) – типичный орнамент для посуды из смоленских длинных курганов. Аналогии происходят, в частности, из Шугайлово (Шмидт, 2013. Рис. 16, 17, 19). Плечики некоторых горшков имеют резкий перегиб – сглаженное ребро, что также типично для горшков культуры длинных курганов. Один из сосудов – миниатюрный (рис. 2, 13). Аналогии ему авторам неизвестны. Культурно-хронологическая атрибуция не установлена. Важными диагностическими находками являются две голубые стеклянные бусины. Одна из них почти кубической формы, скосы на гранях почти не видны (рис. 2, 16), другая имеет довольно четкие скошенные грани (14-гранная) и от нее сохранилась лишь половинка (рис. 2, 17). Обе бусины относятся к одному типу, они аналогичны найденным ранее на склоне Соборной горы и относятся к хронологическому интервалу IX – начала X в. Для Гнёздова это уже редкая находка, а для северо-кавказских могильников IX в. – типичная¹. При промывке в этом слое еще была найдена небольшая (диаметр 5 мм) бусина темно-синего стекла зонной формы (рис. 2, 19) и бисер глухого темно-зеленого стекла (рис. 2, 20).

В целом нужно отметить, что пахотный слой был весьма насыщен находками, что с несомненностью указывает на наличие построек совсем рядом с шурфом. Вероятно также, что рядом находилось кузнечное производство, на что указывают крошки железной окалины.

Прослойка мешаного материкового материала, благодаря которой древний слой в шурфе был законсервирован, пока остается загадочной. Находки из нее указывают на ранний возраст, вероятно, XI в.; в частности, важно подчеркнуть отсутствие обломков плинф. Может быть, это следы какого-то раннего фортификационного сооружения (вал, эскарп?), защищавшего Соборную гору со стороны Днепра. Ответ может быть получен при дальнейших работах.

Резюмируя информацию о следах обитания на Соборной горе, относящихся к концу I тыс. н. э., нужно вспомнить слова И. И. Ляпушкина: «Гипотезу В. И. Сизова и А. А. Спицына о том, что Гнёздово было первоначальным местом Смоленска, нельзя отвергать, как это делают некоторые исследователи. Эта гипотеза будет иметь право на существование до тех пор, пока на территории современного Смоленска не будут найдены культурные отложения IX–X вв., свидетельствующие о том, что и в IX–X вв. Смоленск существовал там, где он находится и в наши дни» (Ляпушкин, 1971. С. 37). Теперь мы можем уверенно утверждать, что эти слои найдены. Очевиден и характер застройки: в IX–X вв. она сельского облика, дома перемежаются полями. На рубеже X–XI вв. (или начале XI в.?) формируется более плотная усадебная застройка на склоне Соборной горы.

Относительно локализации и размеров поселения VIII–X вв. на северо-восточном склоне Соборной горы можно сказать следующее. Ареал находок охватывает большую территорию размером до 2,5 га. Количество находок лепной керамики явно возрастает по мере продвижения вверх по склону. Вероятно, собственно поселение располагалось на уровне второго и третьего (считая

¹ Авторы благодарят Т. А. Пушкину и В. Б. Ковалевскую за консультацию.

снизу) уступов. При этом весьма вероятно, что формирование уступов относится к более позднему времени – начиная с XI в. В VIII–X вв. поверхность была более монотонно покатой (во всяком случае, так показали раскопки шурфа на М. Школьной, 20).

Если считать, что поселение располагалось именно здесь, то его площадь равнялась примерно 1,5 га. Неразрешенной интригой пока остается вопрос о том, что было на самой верхней площадке горы, где стоит собор. Можно делать разные предположения, исходя из аналогий, особенностей рельефа и пр., однако фактов слишком мало. Утверждать, что там не может быть находок VIII–X вв., на наш взгляд, было бы опрометчивым.

Важно подчеркнуть, что поселение на Соборной горе было не единственным. Следы обитания конца I тыс. н. э. зафиксированы и на соседнем с востока от Соборной горы склоне правого берега Георгиевского ручья (пер. Реввоенсовета, 4, работы Смоленской экспедиции 2014 г.), а также на противоположном берегу Днепра (*Олейников*, 2006б. Находка № 12). Таким образом, в районе Соборной горы существовало скопление поселений VIII – начала X в. Каков был их статус, пока остается неясным. Укрепление, которое могло бы обосновать статус города, пока не найдено. Важно подчеркнуть, что пока на Соборной горе почти не найдена керамика середины – второй половины X в. (раннекруговая), типичная для Гнёздова. Актуальной задачей будущих работ является проверка гипотезы о том, что поселение на Соборной горе Смоленска и Гнёздовский комплекс являлись двумя полюсами одной поселенческой структуры, «центр тяжести» которой смещался то в одну, то в другую сторону.

ЛИТЕРАТУРА

- Авдусин Д. А.*, 1951. Отчет об археологических раскопках в Смоленске в 1951 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 618. 106 с.
- Авдусин Д. А.*, 1991. Актуальные вопросы изучения древностей Смоленска и его ближайшей округи // Смоленск и Гнёздово (К истории древнерусского города). М.: Изд-во Московского ун-та. С. 3–20.
- Асмолкова Т. А.*, 2012. Отчет о проведении комплекса натуральных охранных археологических работ, связанных с реконструкцией жилого дома, расположенного по адресу Смоленск, ул. Мало-Школьная, д. 6 в 2011 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 29208. 100 с.
- Енуков В. В.*, 1990. Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей (по археологическим материалам). М.: Курский гос. пед. ин-т. 262 с.
- Ершов И. Н., Кренке Н. А., Кулькова М. А., Олейников О. М., Сыроватко Н. А.*, 2015. К вопросу о локализации древнейшего Смоленска: археологические и топонимические данные // Города и веси средневековой Руси. М.: ИА РАН. С. 78–85.
- Лявданский А. Н.*, 1926. Некоторые данные о городищах Смоленской губернии // Научные известия Смоленского государственного университета. Т. 3. Вып. 3. С. 179–296.
- Ляпушкин И. И.*, 1971. Гнёздово и Смоленск // Проблемы истории феодальной России. Л.: Изд-во ЛГУ. С. 33–37.
- Неклюдов М. Н., Писарев С. П.*, 1901. О раскопках в Смоленске. Смоленск: Изд. Смоленского губстаткомитета: Тип. П. А. Силина. 33 с.
- Нигматуллин Р. А.*, 2000. Отчет о раскопках в Смоленске ул. Металлистов, 8 в 1999 г. Ч. 2 // Архив ИА РАН. М. Р-1. № 22809.
- Олейников О. М.*, 2006а. Отчет о проведении охранных археологических исследований на территории строительства жилого дома по адресу: г. Смоленск, ул. Металлистов, дом 14 в 2005 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 32854.

Олейников О. М., 2006б. Отчет о проведении археологических исследований на территории ОАО фирма «Восход» по адресу: Смоленск, ул. Ново-Ленинградская, 11 в 2005 г. // Архив ИА РАН. М. Р-1. № 31696. 20 с.

Шмидт Е. А., 2012. Кривичи Смоленского Поднепровья и Подвинья. Смоленск: Смоленский гос. ун-т: Свиток. 167 с.

Шмидт Е. А., 2013. Шугайлово. Смоленск: Свиток. 135 с.

Сведения об авторах

Кренке Николай Александрович,
Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия,
e-mail: nkrenke@mail.ru;

Ершов Иван Николаевич,
Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия,
e-mail: ershovin@yandex.ru;

Аникин Илья Сергеевич,
Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия,
e-mail: ilya-anik@yandex.ru;

Войцик Андрей Альфредович,
Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия,
e-mail: a.voytsik@gmail.com;

Муренцева Татьяна Юрьевна,
Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия,
e-mail: murenceva86@mail.ru;

Раева Вера Александровна,
Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия,
e-mail: veraraeva@mail.ru;

Лавриков Михаил Владимирович,
Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия,
e-mail: lavrikov516@mail.ru;

Столярова Татьяна Викторовна,
Смоленский государственный музей-заповедник, ул. Коммунистическая, 4, г. Смоленск, 214000, Россия,
e-mail: anasazi03@inbox.ru

N. A. Krenke, I. N. Yershov, I. S. Anikin, A. A. Voytsik,
Y. Yu. Murentseva, V. A. Raeva, M. V. Lavrikov, T. V. Stolyarova

New Data on Archaeology of the Sobornaya Hill in Smolensk

Abstract. The paper presents all data on the hand-made pottery finds on the slopes of the Sobornaya (Cathedral) Hill in Smolensk. It also provides new data from the excavations conducted in 2014 and 2015. It has been established that an occupation layer of a settlement attributed to the Smolensk Long Kurgans (barrows) culture as well as traces of tilling corresponding to the period of the settlement occupation were preserved on a ledge of the north-eastern slope of the hill at the 200–210 m elevation. The age of the settlement can be determined only within the general chronology of the culture, that is, the second

half of the 8th – first half of the 10th centuries. The most exciting finds include hand-made ceramics, glass blue beads and navy blue seed beads. The settlement discovered on the Sobornaya Hill is a strong argument in support of the hypothesis that Smolensk of the 9th century mentioned in the chronicles was located in the center of the contemporary city rather than in Gnezdovo.

Keywords: Smolensk Long Kurgans culture, hand-made ceramics, beads, tillage furrows.

REFERENCES

- Asmol'kova T. A., 2012. Otchet o provedenii kompleksa naturnykh okhrannykh arkhеologicheskikh rabot, svyazannykh s rekonstruktsiyey zhilogo doma, raspolozhennogo po adresu: Smolensk, ul. Malo-Shkol'naya, d. 6 v 2011 g. [Report on realization of a complex of field conservative archaeological works related with reconstruction of residential house, address Smolensk, ul. Malo-Shkol'naya, 6 in 2011]. *Archive of IA RAN*. (In Russian, unpublished).
- Avdusin D. A., 1951. Otchet ob arkhеologicheskikh raskopkakh v Smolenske v 1951 g. [Report on archaeological excavations in Smolensk in 1951]. *Archive of IA RAN*. (In Russian, unpublished).
- Avdusin D. A., 1991. Aktual'nye voprosy izucheniya drevnostey Smolenska i ego blizhayshey okrugy [Topical problems of investigation of antiquities in Smolensk and its closest vicinity]. *Smolensk i Gnezdovo. (K istorii drevnerusskogo goroda) [Smolensk and Gnezdovo. (On history of ancient Russian city)]*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, pp. 3–20.
- Enukov V. V., 1990. Rannie etapy formirovaniya smolensko-polotskikh krivichyey (po arkhеologicheskim materialam) [Early stages of formation of the Smolensk-Polotsk Krivichians (based on archaeological materials)]. Moscow: Kurskiy gosudarstvennyy pedagogicheskii institut. 262 p.
- Ershov I. N., Krenke N. A., Kul'kova M. A., Oleynikov O. M., Syrovatko N. A., 2015. K voprosu o lokalizatsii drevneyshego Smolenska: arkhеologicheskie i toponimicheskie dannye [On problem of localization of earliest Smolensk: archaeological and place-name data]. *Goroda i vesi srednevekovoy Rusi [Cities and villages of Medieval Rus]*. Moscow: IA RAN., pp. 78–85.
- Lyapushkin I. I., 1971. Gnezdovo i Smolensk [Gnezdovo and Smolensk]. *Problemy istorii feodal'noy Rossii [Problems of history of feudal Russia]*. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 33–37.
- Lyavdanskiy A. N., 1926. Nekotorye dannye o gorodishchakh Smolenskoj gubernii [Some data on fortified settlements of Smolensk province]. *Nauchnye izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta [Scientific bulletin of Smolensk state university]*, vol. 3, issue 3, pp. 179–296.
- Neklyudov M. N., Pisarev S. P., 1901. O raskopkakh v Smolenske [On excavations in Smolensk]. Smolensk: Izdanie Smolenskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta: Tipografiya P. A. Silina. 33 p.
- Nigmatullin R. A., 2000. Otchet o raskopkakh v Smolenske ul. Metallistov, 8 v 1999 g. Chast' 2 [Report on excavations in Smolensk, ul. Metallistov, 8 in 1999. Part 2]. *Archive of IA RAN*. (In Russian, unpublished).
- Oleynikov O. M., 2006a. Otchet o provedenii okhrannykh arkhеologicheskikh issledovaniy na territorii stroitel'stva zhilogo doma po adresu: g. Smolensk, ul. Metallistov, dom 14 v 2005 g. [Report on realization of conservative archaeological investigations in constructive zone of residential house, address: Smolensk, ul. Metallistov, 14 in 2005]. *Archive of IA RAN*. (In Russian, unpublished).
- Oleynikov O. M., 2006b. Otchet o provedenii arkhеologicheskikh issledovaniy na territorii OAO firma «Voskhod» po adresu: Smolensk, ul. Novo-Leningradskaya, 11 v 2005 g. [Report on realization of archaeological investigations in territory of limited company firm Voskhod, address: Smolensk, ul. Novo-Leningradskaya, 11 in 2005]. *Archive of IA RAN*. (In Russian, unpublished).
- Shmidt E. A., 2012. Krivichi Smolenskogo Podneprov'ya i Podvin'ya [Krivichians of Dnieper and Dvina basins in Smolensk region]. Smolensk: Smolenskiy gosudarstvennyy universitet: Svitok. 167 p.
- Shmidt E. A., 2013. Shugaylovo [Shugaylovo]. Smolensk: Svitok. 135 p.

About the authors

Krenke Nikolaj A.,

Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow,
117036, Russian Federation,
e-mail: nkrenke@mail.ru;

Ershov Ivan N.,

Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow,
117036, Russian Federation,
e-mail: ershovin@yandex.ru;

Anikin Il'ya S.,

Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow,
117036, Russian Federation,
e-mail: ilya-anik@yandex.ru;

Voytsik Andrej A.,

Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow,
117036, Russian Federation,
e-mail: a.voytsik@gmail.com;

Murentseva Tatyana Yu.,

Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow,
117036, Russian Federation,
e-mail: murenceva86@mail.ru;

Raeva Vera A.,

Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow,
117036, Russian Federation,
e-mail: veraraeva@mail.ru;

Lavrikov Mikhail V.,

Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow,
117036, Russian Federation,
e-mail: lavrikov516@mail.ru;

Stolyarova Tatyana V.,

Smolensk State Museum-resort, ul. Kommunisticheskaya, 4, Smolensk, 214000, Russian
Federation,
e-mail: anasazi03@inbox.ru

ИССЛЕДОВАНИЯ КЕРАМИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА

Ю. Б. Цетлин

О НЕОБХОДИМОСТИ УПОРЯДОЧЕНИЯ ПОНЯТИЙ И ТЕРМИНОВ В СВЯЗИ С ИЗУЧЕНИЕМ ДРЕВНЕЙ КЕРАМИКИ

Резюме. Статья посвящена обоснованию необходимости дальнейшей разработки системы понятий и терминов, используемых в рамках историко-культурного подхода для изучения древней керамики как особого источника исторической информации. В настоящее время для этого применяется около 400 специальных понятий, разделенных на 22 основных тематических группы.

Ключевые слова: историко-культурный подход, керамика, научные понятия и термины, системный анализ.

В данной небольшой статье речь идет о системе понятий и терминов, которые используются сегодня при изучении и интерпретации древней керамики с позиций историко-культурного подхода, разработанного А. А. Бобринским (*Бобринский*, 1978; 1999; *Цетлин*, 2010). Важность обсуждения этого вопроса обусловлена тем, что, как показывает история науки, степень развитости понятийной системы науки (т. е. ее «научного аппарата») является прямым отражением степени развитости самой этой науки (*Вернадский*, 1977. С. 82–83). Поэтому ставить вопрос о формулировании строгой системы понятий в любой научной области можно лишь тогда, когда эта научная область достигла уже определенного уровня развития.

Целенаправленное изучение керамики в отечественной археологии насчитывает более 100 лет, если считать с момента издания первой специальной работы В. А. Городцова «Русская доисторическая керамика» в 1901 г., где была изложена целостная программа как изучения, так и интерпретации этого исторического источника, в том числе и предложенная автором система терминов (*Городцов*, 1901).

На протяжении всей истории археологической науки исследовательская мысль выработала три основных подхода к изучению керамики: эмоционально-описательный, формально-классификационный и историко-культурный (*Цетлин*, 2001). Последний из них в целом оформился в конце 1970-х гг. и сегодня

представляется наиболее перспективным средством изучения древней керамики как особого источника исторической информации. За прошедшие 40 лет он получил достаточно широкое распространение в отечественной науке и в сфере его практического применения сегодня достигнуты значительные результаты. Это было хорошо продемонстрировано в докладах и выступлениях на недавнем Международном симпозиуме «Современные подходы к изучению древней керамики в археологии», состоявшемся в Институте археологии РАН в октябре 2013 г. (Современные подходы..., 2013).

Однако, наряду с этим, в последние десятилетия в изучении керамики все сильнее проявляется одна негативная тенденция. Она состоит в появлении многочисленных статей и даже монографий, где авторами широко используется специальная терминология историко-культурного подхода, но практический анализ керамики осуществляется по правилам (часто выработанным самими исследователями), которые к историко-культурному подходу не имеют никакого отношения. В итоге публикуемая статья или монография по своей словесной форме выглядит выполненной с позиций данного подхода, чего нельзя сказать о ее содержательной стороне. Объективной причиной появления этой тенденции является то, что многие исследователи вынуждены осваивать методы историко-культурного подхода исключительно по литературе, но при этом не имеют возможности приобрести практический опыт применения этих методов к анализу археологической керамики. Последнее легче всего сделать путем прохождения стажировки в группе «История керамики» Института археологии РАН или участия в работах Самарской экспериментальной экспедиции по изучению древнего гончарства.

В связи с этим мне кажется сегодня не только полезным, но и необходимым для дальнейшего развития данной области наших знаний целенаправленное обращение к анализу специальной терминологии, связанной с изучением керамики с позиций историко-культурного подхода.

Предметом исследования в рамках историко-культурного подхода, с одной стороны, служит некая часть прошлой объективной действительности, которая в целом носит название «древнее гончарство», а с другой стороны, те сферы «истории и культуры древнего населения», которые определенным образом связаны с «древним гончарством» и в силу этого находят в нем свое отражение.

Таким образом, *предмет* исследования является как бы двухступенчатым: первая ступень – само «древнее гончарство», вторая – «историко-культурные явления», которые в нем отражаются. *Объектом* же исследования служат главным образом многообразные результаты труда древних гончаров, прежде всего, глиняные сосуды, а также сохраняющиеся иногда на памятниках орудия труда и технические приспособления, использовавшиеся в гончарном производстве.

В целом реконструкция истории самого древнего гончарства базируется на результатах изучения: а) археологической керамики и различных производственных остатков, б) данных по этнографии гончарства, в) результатах научно-го эксперимента в области гончарства.

Анализ археологической керамики в сочетании с данными научных экспериментов позволяет реконструировать древние культурные традиции гончаров и потребителей посуды, а этнография гончарства является фундаментом для выявления закономерностей поведения этих традиций в разных культурно-истори-

ческих ситуациях. Бытующее ныне среди исследователей мнение, что этнография не может служить основой для интерпретации археологических данных, базируется на широко распространенной в прошлом практике использования для этого вырванных из контекста этнографических примеров. И это совершенно справедливо, поскольку только системный анализ большого количества этнографических данных по гончарству позволил выявить закономерности поведения гончарных традиций в разных культурно-исторических ситуациях. Поэтому сочетание археологических и этнографических данных становится надежным источником информации о тех конкретно-исторических процессах, которые шли в среде древнего населения, оставившего нам свою керамику.

Поводом к проведению специальных научных экспериментов служат как данные археологии, так и данные этнографии. При изучении археологической керамики мы часто сталкиваемся, например, с непонятными видами примесей, непонятными приемами конструирования или обжига посуды, или ее использования в быту и т. п. Для объяснения этих случаев предлагается одна или несколько гипотез, каждая из которых проверяется в ходе эксперимента. Сопоставление путем трасологического анализа «следов» на экспериментальных и археологических образцах керамики позволяет выяснить, в результате каких действий гончара они возникли, и таким образом объяснить конкретное содержание еще неизвестных нам культурных традиций.

Данные этнографии о культурных традициях гончаров намного богаче того, что мы умеем сегодня выяснять по археологической керамике. Например, из этнографии известно употребление гончарами порядка 30 разных органических добавок в глину, а мы умеем определять из них не более 7–8, и то с разной степенью точности. Поэтому моделирование в эксперименте тех традиций, которые нам известны по этнографии, позволяет существенно расширить современные методические возможности выделения этих традиций по археологическим материалам.

Как и любое другое функционирующее производство, «гончарство» представляет собой сложную систему, имеющую строго определенную внутреннюю структуру (Цетлин, 2012. С. 39–49). Его системный характер определяется, с одной стороны, системностью самого естественно-исторического процесса, частью которого оно является, а с другой – системным характером физиологии труда в любой целенаправленной человеческой деятельности, в том числе и деятельности древних гончаров.

Поэтому древнее гончарство тоже должно изучаться как системно-организованный вид деятельности древних людей по изготовлению, распространению и использованию глиняной посуды.

Поскольку данная предметная сфера имеет системно-организованный и иерархический характер, столь же системно-организованными и иерархическими должны быть те научные понятия и термины, которыми она описывается. Только в этом случае можно рассчитывать на то, что наше описание будет адекватно изучаемой реальности, т. е. будет правильно ее характеризовать.

В данной статье возможно только сформулировать основные разделы, к которым относятся понятия и термины историко-культурного подхода к изучению гончарства. Эти разделы следующие: 1) общие понятия о керамике и гончарстве

в целом; 2) естественнонаучные методы изучения керамики; 3) методы историко-культурного анализа керамики; 4) гончарная технология (общие понятия); 5) исходное пластичное сырье и его свойства; 6) минеральный состав пластичного сырья; 7) неглинистое исходное сырье и его виды; 8) изготовление сосуда (общие понятия, стадии и ступени конструирования); 9) обработка поверхности сосудов; 10) сушка и термическая обработка сосудов; 11) гончарная техника (общие понятия); 12) технические приспособления для конструирования сосуда; 13) технические приспособления для обжига сосуда; 14) формы сосудов (общие понятия); 15) физические усилия гончара и естественная структура форм; 16) анализ форм сосудов и интерпретация результатов; 17) орнаментация сосудов (общие понятия); 18) подходы к изучению орнамента; 19) техника и технология орнамента; 20) стилистика орнамента; 21) семантика орнамента; 22) интерпретация результатов анализа орнамента на сосудах.

В рамках историко-культурного подхода на практике используются, как уже упоминалось выше, около 400 специальных понятий и терминов, строгое определение содержания которых представляется необходимым для дальнейшего развития этого направления. В течение последних 10–12 лет автором ведется подготовка двухтомного терминологического словаря, включающего подробную характеристику содержания основных понятий, связанных с изучением древней керамики с позиций историко-культурного подхода. Сейчас эта работа близится к завершению. Первый том словаря включает разделы с 1 по 13, а второй том – разделы с 14 по 22.

ЛИТЕРАТУРА

- Бобринский А. А.*, 1978. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука. 272 с.
- Бобринский А. А.*, 1999. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография). Самара: Изд-во САМГПУ. С. 5–109.
- Вернадский В. И.*, 1977. Размышления натуралиста. Кн. 2: Научная мысль как планетное явление. М.: Наука. 191 с.
- Городцов В. А.*, 1901. Русская доисторическая керамика. М.: Императорское Московское археологическое общество. 96 с. (Отт. из т. 2. «Трудов XI Археологического съезда в Киеве».)
- Современные подходы..., 2013. Современные подходы к изучению древней керамики в археологии: Тез. докл. Междунар. симпозиума (29–31 октября 2013 г.). М.: ИА РАН. 84 с.
- Цетлин Ю. Б.*, 2001. Эволюция исследовательских подходов к изучению керамики в археологии // Древние ремесленники Приуралья: Мат-лы Всерос. науч. конф. (Ижевск, 21–23 нояб. 2000 г.) / Отв. ред. В. И. Завьялов. Ижевск: Удмурт. ин-т истории, языка и литературы УрО РАН. С. 54–75.
- Цетлин Ю. Б.*, 2010. Основные направления изучения древнего гончарства в трудах А. А. Бобринского // Древнее гончарство: Итоги и перспективы изучения. М.: ИА РАН. С. 13–34.
- Цетлин Ю. Б.*, 2012. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН. 384 с.

Сведения об авторе

Цетлин Юрий Борисович,
Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия,
e-mail: yu.tsetlin@mail.ru

Yu. B. Tsetlin

A Need of Terms and Concepts Harmonization for Studies of Ancient Ceramics

Abstract. The paper justifies the need to continue development of the system of concepts and terms used in the framework of the Historical-and-Cultural approach to study ancient ceramics as a special source of historical information. Presently around 400 special terms divided into 22 main thematical groups are used.

Keywords: historical and cultural approach, ceramics, scientific concepts and terms, systemic analysis.

REFERENCES

- Bobrinский А. А., 1978. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения [Pottery-making of Eastern Europe. Sources and research methods]. Moscow: Nauka. 272 p.
- Bobrinский А. А., 1999. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения [Pottery-making technology as an object of historic-cultural research]. *Актуальные проблемы изучения древнего гончарства: (коллективная монография)* [Topical problems of investigations of ancient pottery-making: (joint monograph)]. Samara: Izdatel'stvo Samarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, pp. 5–109.
- Gorodtsov V. A., 1901. Russkaya doistoricheskaya keramika [Russian prehistoric ceramics]. Moscow: Moskovskoe arkhologicheskoe obshchestvo. 96 p. (Ottisk iz t. 2. «Trudov XI Arkheologicheskogo s'ezda v Kieve») [Offprint from v. 2. «Transactions of XI Archaeological congress in Kiev»)].
- Sovremennye podkhody..., 2013 – Sovremennye podkhody k izucheniyu drevney keramiki v arkheologii: teziy dokladov Mezhdunarodnogo simpoziuma [Modern approaches to studies of ancient pottery in archaeology: abstracts of International symposium]. Moscow: IA RAN. 84 p.
- Tsetlin Yu. B., 2001. Evolyutsiya issledovatel'skikh podkhodov k izucheniyu keramiki v arkheologii [Evolution of research approaches to pottery studies in archaeology]. *Drevnie remeslenniki Priural'ya: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (2000 g.)* [Ancient craftsmen of West Urals: materials of All-Russian scientific conference (2000)]. V. I. Zav'yalov, ed. Izhevsk: Udmurtskiy IYaLI UrORAN, pp. 54–75.
- Tsetlin Yu. B., 2010. Osnovnye napravleniya izucheniya drevnego goncharstva v trudakh A. A. Bobrin'skogo [Basic trajectories of investigation of ancient pottery-making in works of A. A. Bobrin'skiy]. *Drevnee goncharstvo: Itogi i perspektivy izucheniya* [Ancient pottery-making: Results and research perspectives]. Moscow: IA RAN, pp. 13–34.
- Tsetlin Yu. B., 2012. Drevnyaya keramika. Teoriya i metody istoriko-kul'turnogo podkhoda [Ancient pottery. Theory and methods of historic-cultural approach]. Moscow: IA RAN. 384 p.
- Vernadskiy V. I., 1977. Razmyshleniya naturalista [Reflections of a naturalist], book 2. Nauchnaya mysl' kak planetnoe yavlenie [Scientific thought as global phenomenon]. Moscow: Nauka. 191 p.

About the author

Tsetlin Yuriy B.,

Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation,

e-mail: yu.tsetlin@mail.ru

Е. В. Волкова

ОПЫТ РАЗРАБОТКИ НОВОЙ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ХРОНОЛОГИИ ФАТЬЯНОВСКИХ МОГИЛЬНИКОВ

Резюме. Статья посвящена разработке относительной хронологии фатьяновских могильников. На основе изучения гончарных и погребальных традиций фатьяновского населения автором выделены, во-первых, четыре вида и три разновидности кладбищ, во-вторых, могильники, оставленные населением со счетом родства по мужской линии и по женской линии, в-третьих, три группы могильников по особенностям половой принадлежности социально значимых индивидов, там похороненных. Эта информация позволила распределить фатьяновские могильники по семи хронологическим группам.

Ключевые слова: бронзовый век, фатьяновская культура, гончарные традиции, традиции погребального обряда, социальная структура населения, линии счета родства, относительная хронология.

Буквально до конца прошлого века для фатьяновской культуры было характерно большое число могильников, незначительное количество стоянок и почти полное отсутствие датировок. Последнее объясняется тем, что большая часть могильников была раскопана до 1970-х гг., когда не было столь широких возможностей получения абсолютных дат археологических памятников. Длительное время по культуре имелись только две радиоуглеродные даты: по Тургиновскому могильнику (3780 ± 130 (JE-1046) лет до нашего времени, т. е. 1830–1800 лет до н. э.) и по Волосово-Даниловскому могильнику (3650 ± 80 (JE-1044) лет до н. э., т. е. 1700–1650 лет до н. э. (Крайнов, 1987. С. 71)). За последние 20 лет были открыты и новые многослойные поселения со следами бытования на них фатьяновских племен, и получены многочисленные радиоуглеродные датировки этих памятников (Каверзнева, Фоломеев, 1998. С. 5–19; Кренке, Ершов и др., 2013. С. 14–29). Некоторые из них позволяют говорить о появлении фатьяновцев в современной Московской области уже в середине III тыс. до н. э. (Кренке, Ершов и др., 2013. С. 19). Однако все эти данные направлены на уточнение хронологического положения фатьяновской культуры в целом в истории населения лесной зоны Восточной Европы, но не на выяснение истории самого фатьяновского населения.

Первую попытку создать относительную хронологию фатьяновских памятников предприняла О. А. Кривцова-Гракова. Она выделила 3 группы фатьяновской культуры (московскую, ярославскую и чувашскую) и предположила, что они имеют не только локальные, но и хронологические особенности, отражающие движение фатьяновских племен с запада на восток. Соответственно, наиболее ранняя московская группа датировалась ею концом III – первой четвертью II тыс. до н. э., ярославская группа – второй четвертью II тыс. до н. э., чувашская – второй половиной II тыс. до н. э. Хронологические рамки всей фатьяновской культуры были определены О. А. Кривцовой-Граковой как конец III тыс. до н. э. – последняя четверть II тыс. до н. э. (*Кривцова-Гракова*, 1947. С. 33). Большое количество новых фатьяновских могильников, раскопанных Верхневолжской археологической экспедицией под руководством Д. А. Крайнова, позволило автору раскопок не только уточнить сами локальные группы, но и предложить их хронологию. По мнению Д. А. Крайнова, локальные группы не отражают хронологию культуры в целом, в них имеются как более ранние, так и более поздние памятники. Тем не менее он предложил следующую датировку локальных групп: двинско-волховская – 1800–1500 гг. до н. э., московско-клязьменская и окско-деснинская – 1750–1700–1400 г. до н. э. (*Крайнов*, 1972. С. 225), верхневолжская – 1750–1400 гг. до н. э. и вятско-ветлужская – XIV–XIII вв. до н. э. (Там же. С. 223, 230–231, 238). Радиоуглеродные даты для фатьяновской культуры и новые даты для жуцевской культуры и культуры боевых топоров в Эстонии позволили Д. А. Крайнову и О. С. Гадзяцкой не только определить хронологические рамки фатьяновской культуры (рубеж III–II тыс. до н. э. – XV–XIV вв. до н. э.), но и дать ее периодизацию (*Крайнов, Гадзяцкая*, 1987. С. 39), которая в последующем была немного уточнена Д. А. Крайновым: I этап – Ивановогорский – XX–XVIII вв. до н. э., II этап – Никульдинский – XVIII–XVII вв. до н. э., III этап – Волосово-Даниловский – XVII–XVI вв. до н. э. и IV этап – Скомороховско-Буньковский – XVI–XV вв. до н. э. (*Крайнов*, 1987. С. 74). К первому этапу были отнесены следующие могильники: Ивановогорский, Давыдковский, Икшанский, Тургиновский, Лихачевский и др.; ко второму этапу – Никульдинский, Голузиновский, Наумовский, Олочинский, Ковровский, Милославский, Халдеевский, Ильинско-Хованский, Ханевский, Сушевский, Протасовский, Кузьминский, Таскаихский, Овинищенский, Тимофеевский, Воронковский и др.; к третьему этапу – Волосово-Даниловский, Вауловский, Фатьяновский, Великосельский, Горкинский, Горицкий, Мытищинский, Болшневский, Истринский, Буланинский и др., к заключительному этапу культуры относятся могильники Буньковский, Николо-Перевоз, Скомороховский, Быстринский (*Крайнов, Гадзяцкая*, 1987. С. 39–40). Радиоуглеродные даты с фатьяновского поселения РАНИС–пойма и стоянок ЗБС-4 и ЗБС-4 с фатьяновской керамикой дали возможность Н. А. Кренке, И. Н. Ершову и А. В. Лазукину отнести эти памятники к середине III тыс. до н. э. (*Кренке, Ершов и др.*, 2013. С. 19). Эти памятники, а также Ханевский могильник отнесены ими к «начальной фазе фатьяновской культуры» (Там же. С. 23).

Таковы сложившиеся на сегодняшний день представления об абсолютной и относительной хронологии фатьяновских могильников. Реконструкция социальной организации населения фатьяновской культуры на основе гончарных

традиций и традиций погребального обряда этого населения, естественно, при опоре на антропологические данные, позволила мне предложить новую относительную хронологию некоторых фатьяновских могильников, положив в основу данные о социальной структуре фатьяновского общества. Эта относительная хронология базируется, во-первых, на существовании различных видов кладбищ, во-вторых, на различных линиях счета родства у изучаемого населения, в-третьих, на половой принадлежности социально значимых индивидов, выделенных на могильниках.

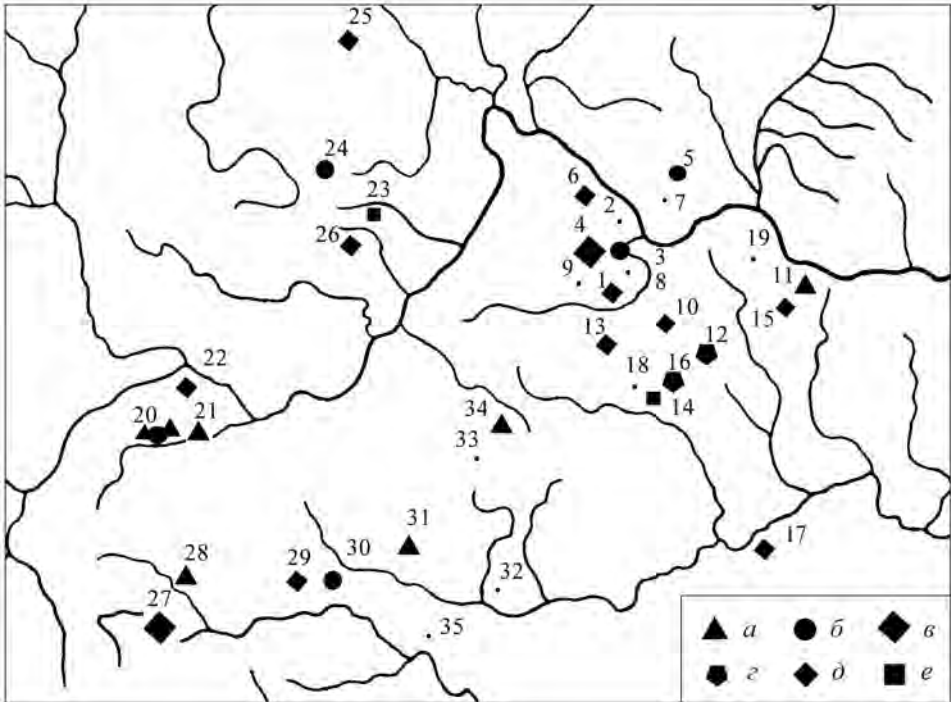
Напомню, что в ходе анализа фатьяновского материала выявилось несколько видов кладбищ: *смешанные, родовые, мужские и детские*. Родовые кладбища представлены тремя разновидностями (рис. 1): классическое родовое, родовое мужское и родовое женское (Волкова, 2014. С. 38–40).

Было установлено также, что социальная организация фатьяновского общества представляла собой дуально-родовую структуру (Волкова, 2012. С. 5–9). Это общество было разделено на семьи, но у населения, оставившего разные могильники, счет родства велся по-разному. Патрилинейный счет родства и вероятная патрилокальность поселений были характерны для фатьяновцев, оставивших Волосово-Даниловский, Воронковский, Тимофеевский, Олочинский и Протасовский могильники (рис. 2). Матрилинейный счет родства с вероятной матриликальностью обитания прослеживается у населения, оставившего Никульцинский, Мытищинский, Милославский и Второй Новинковский могильники (Волкова, 2014. С. 40–41).

По материалам большинства могильников выявилась социальная неоднородность фатьяновского общества: наличие в нем индивидов, занимающих высокое положение, и рядовых членов коллективов. По каждому могильнику фиксируется разное количество таких индивидов и разная их половая принадлежность. По половой принадлежности социально значимых индивидов выделены три группы могильников (рис. 3). Первая группа включает могильники, где особый статус имеют только мужчины, вторая – могильники, где особый статус имеют мужчины и женщины (преимущественно одна женщина), к третьей группе относятся могильники, где особый социальный статус имеют только женщины (Там же).

Различные виды кладбищ и разные линии счета родства у изучаемого населения связаны, скорее всего, с разным временем бытования фатьяновцев, оставивших те или иные могильники. Можно предположить, во-первых, что смешанные кладбища являются более ранними по сравнению со всеми остальными видами кладбищ, а родовые кладбища, наоборот, наиболее поздними, во-вторых, что матрилинейный счет родства отражает более ранний этап развития фатьяновского общества, чем патрилинейный счет родства, в-третьих, наличие на мужских кладбищах погребений женщин особого социального статуса демонстрирует незавершенную стадию перехода общества от матриликального к патрилокальному счету родства.

Поэтому к наиболее ранним фатьяновским могильникам (*хронологическая группа 1*) я отношу те смешанные кладбища, на которых, во-первых, нет парных погребений, во-вторых, могилы находятся на значительном расстоянии друг от друга, в-третьих, нет выделенных социально значимых индивидов. Это могильники Ивановогорский, Кривцовский и Новинки 3.

Рис. 1. Карта-схема распространения изученных автором могильников фатьяновской культуры с указанием видов (и разновидностей) кладбищ

a – смешанное; *б* – родовое классическое; *в* – родовое мужское; *г* – родовое женское; *д* – мужское; *е* – детское

Список могильников фатьяновской культуры к картам-схемам (рис. 1–3)

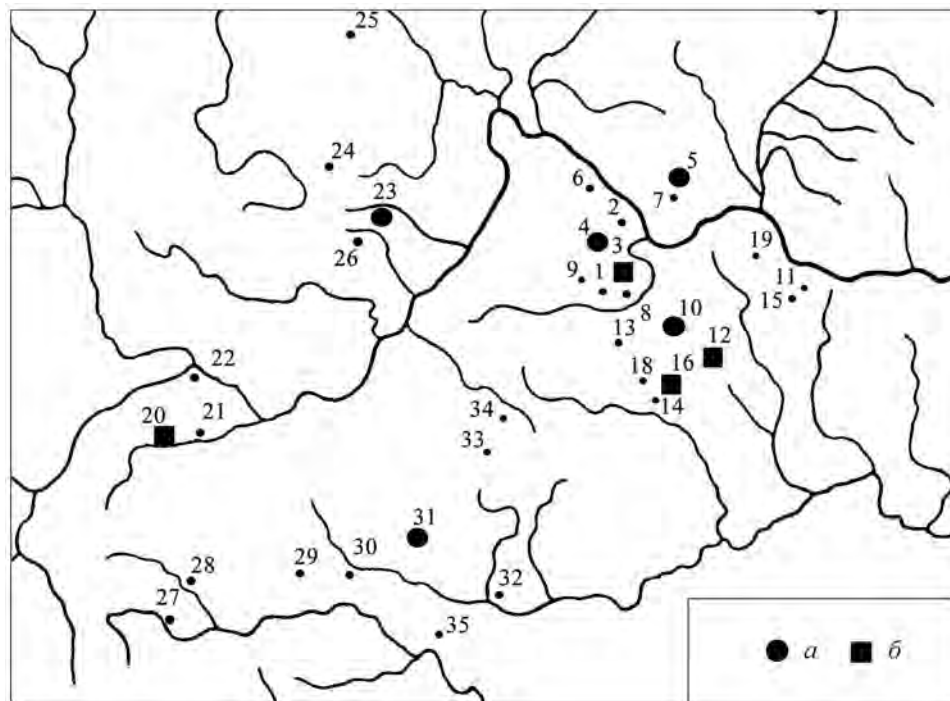
Ярославская группа: 1 – Голузиновский; 2 – Наумовский; 3 – Никульцинский; 4 – Воронковский; 5 – Волосово-Давыдовский; 6 – Вауловский; 7 – Фатьяновский; 8 – Великосельский; 9 – Халдеевский

Ивановская группа: 10 – Тимофеевский; 11 – Кривцовский; 12 – Мытищинский; 13 – Ильинско-Хованский; 14 – Горкинский; 15 – Скомороховский; 16 – Милославский; 17 – Ковровский; 18 – Карашский; 19 – Горичский

Калининская группа: 20 – Новинковские (1, 2, 3); 21 – Тургиновский; 22 – Ошурковский; 23 – Олочинский; 24 – Болшневский II; 25 – Овинищенский; 26 – Таскаихский

Московская группа: 27 – Ханевский; 28 – Ивановогорский; 29 – Истринский; 30 – Тростинский (Никольское-Правое); 31 – Протасовский; 32 – Буньковский; 33 – Сущевский; 34 – Кузьминский; 35 – Верейский; 36 – Николо-Перевоз

Следующую по времени *хронологическую группу 2* составляют смешанные кладбища, на которых могут быть парные погребения, выделяется социально значимый индивид, но могилы находятся на достаточно большом расстоянии друг от друга. Это Тургиновский, Протасовский, Кузьминский могильники и Новинки 1.

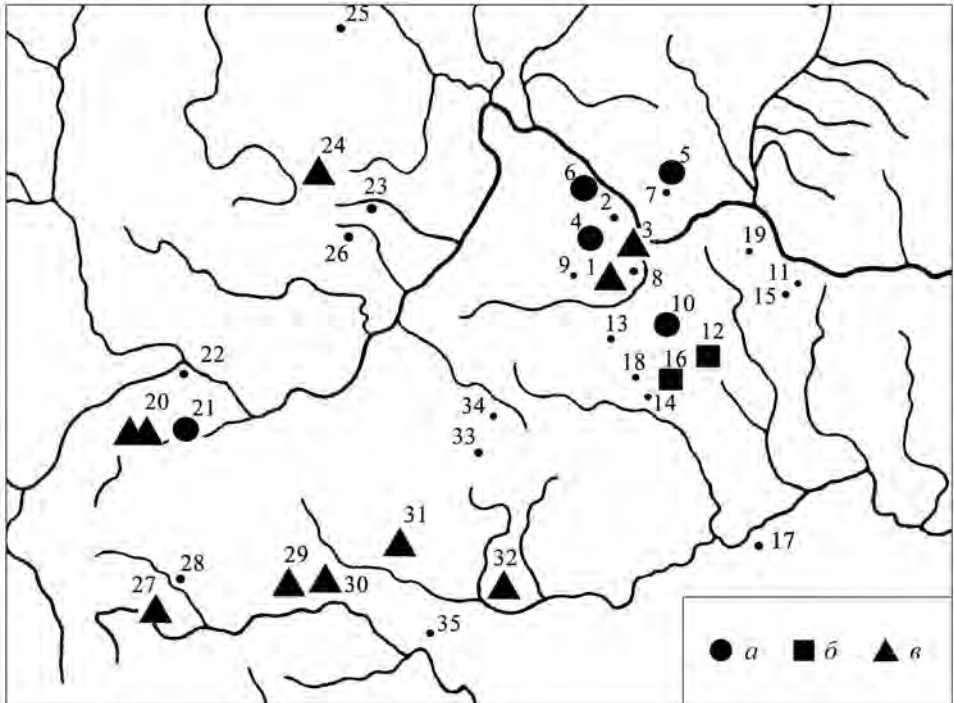
Рис. 2. Карта-схема распространения изученных автором могильников фатьяновской культуры, оставленных населением с разным счетом родства
а – по мужской линии; *б* – по женской линии

Возможно, в эту же хронологическую группу входят мужские и детские кладбища, могилы которых расположены на значительном расстоянии друг от друга, нет парных погребений и нет социально значимых индивидов. Это Ильинско-Хованский, Скомороховский, Ковровский, Ошурковский, Овинищинский и Таскаихский могильники.

Следующими по времени могут быть могильники, представляющие собой мужские кладбища, на которых имеются погребения мужчин и женщин особого статуса (*хронологическая группа 3*). Это Вауловский и Тимофеевский могильники.

Мужские кладбища с погребениями только мужчин особого статуса, такие как Истринский и Голузиновский могильники, относятся к чуть более позднему времени, чем предыдущие (*хронологическая группа 4*).

Изложенную выше хронологическую схему необходимо дополнить имеющейся информацией о счете родства у изучаемого населения. Выделим могильники, оставленные населением с патрилокальным счетом родства, в чуть более позднюю группу (*хронологическая группа 5*): детский Олочинский, смешанный Протасовский и мужской Тимофеевский могильники. Их положение на временной шкале между ранними и поздними могильниками наименее определено.

Рис. 3. Карта-схема распространения фатьяновских могильников, на которых имеются погребения индивидов особого статуса

а – погребения мужчин и женщин особого статуса; *б* – погребения только женщин особого статуса; *в* – погребения только мужчин особого статуса

При анализе временных особенностей родовых кладбищ, которые составляют наиболее позднюю группу (Никульцинский, Воронковский, Волосово-Даниловский, Мытищинский, Милославский, Новинки 2, Болшневский II, Тростинский и могильник Николо-Перевоз) по отношению ко всем более ранним могильникам, необходимо учитывать, во-первых, по какой линии велся счет родства, во-вторых, к какому из разновидностей кладбищ они относятся. Предполагаем, что наиболее поздними кладбищами (*хронологическая группа 7*) являются те, которые оставлены населением с патрилинейным счетом родства (Воронковский и Волосово-Даниловский могильники), а наиболее ранними из них (*хронологическая группа 6*) – классические родовые кладбища, оставленные населением со счетом родства по женской линии (могильник Новинки 2), и женские родовые кладбища (Мытищинский и Милославский могильники).

При сравнении этой относительной хронологии могильников и той, которую в свое время предложили Д. А. Крайнов и О. С. Гадзяцкая, можно увидеть ряд расхождений. Но необходимо подчеркнуть, что пока речь идет только о предварительной реконструкции относительной хронологии фатьяновских могиль-

ников. Дальнейшее исследование, направленное на изучение закономерностей изменения во времени гончарных традиций, позволит ее уточнить и детализировать.

ЛИТЕРАТУРА

- Волкова Е. В., 2012. Социальная структура населения фатьяновской культуры (методика анализа и результат) // РА. № 3. С. 5–19.
- Волкова Е. В., 2014. Социальная организация населения фатьяновской культуры (предварительные итоги) // КСИА. Вып. 236. С. 36–41
- Каверзнева Е. Д., Фоломеев Б. Ф., 1998. Радиоуглеродная хронология памятников неолита – ранней бронзы озерной Мещеры // Тр. ГИМ. Вып. 96: Археологический сборник. М.: ГИМ. С. 5–19.
- Крайнов Д. А., 1972. Древняя история Волго-Окского междуречья. Фатьяновская культура. II тысячелетие до н. э. М.: Наука. 274 с.
- Крайнов Д. А., 1987. Фатьяновская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Отв. ред. О. Н. Бадер и др. М.: Наука. С. 58–76. (Археология СССР)
- Крайнов Д. А., Гадзяцкая О. С., 1987. Фатьяновская культура. Ярославское Поволжье. М.: Наука. 146 с. (САИ; вып. В1-22.)
- Кренке Н. А., Ершов И. Н., Лазукин А. В., Войцук А. А., Раева В. А., Рожанская Н. И., 2013. Поселенческие объекты круга культур шнуровой керамики в долине Москвы-реки // Археология Подмосквы: материалы научного семинара. М.: ИА РАН. Вып. 9. С. 14–29.
- Кривцова-Гракова О. А., 1947. Хронология памятников фатьяновской культуры // КСИИМК. Вып. XVI. С. 22–33.

Сведения об авторе

Волкова Елена Витальевна,
Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия,
e-mail: volk_h@mail.ru

E. V. Volkova

Experience in Developing New Relative Chronology for Fatyanovo Cemeteries

Abstract. The paper is dedicated to development of relative chronology for Fatyanovo cemeteries. Based on the pottery and funeral traditions of the Fatyanovo population, the author has singled out (i) four types and three subtypes of the cemeteries; (ii) cemeteries left by the population based on patrilinearity and cemeteries based on matrilinearity; (iii) three groups of cemeteries based on sex attribution of buried individuals who had a high social status. This information allowed the author to distribute the Fatyanovo cemeteries among seven chronological groups.

Keywords: Bronze Age, Fatyanovo culture, pottery traditions, traditions of the funeral rite, social structure of population, kinship line, relative chronology.

REFERENCES

- Kaverzneva E. D., Folomeev B. F., 1998. Radiouglerodnaya khronologiya pamyatnikov neolita – ranney bron zy ozernoy Meshchery [Radiocarbon chronology of sites of Neolithic – Early Bronze Age in Meshchera Lake region]. *Trudy GIM, 96*. Moscow: Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey, pp. 5–19.

- Kraynov D. A., 1972. Drevneyshaya istoriya Volgo-Okskogo mezhdurech'ya. Fat'yanovskaya kul'tura. II tysyacheletie do n. e. [Earliest history of Volga-Oka interfluve. Fat'yanovo culture. II millennium BC]. Moscow: Nauka. 274 p.
- Kraynov D. A., 1987. Fat'yanovskaya kul'tura [Fat'yanovo culture]. *Epokha bronzy lesnoy polosy SSSR [Bronze Age of forest zone of USSR]*. O. N. Bader, ed. Moscow: Nauka, pp. 58–76. (Arkheologiya SSSR).
- Kraynov D. A., Gadzyatskaya O. S., 1987. Fat'yanovskaya kul'tura. Yaroslavskoe Povolzh'e [Fat'yanovo culture. Volga basin in Yaroslavl region]. Moscow: Nauka. 146 p. (Arkheologiya SSSR. SAI, VI-22).
- Krenke N. A., Ershov I. N., Lazukin A. V., Voytsik A. A., Raeva V. A., Rozhanskaya N. I., 2013. Poselencheskie ob'ekty kruga kul'tur shnurovoy keramiki v doline Moskvyy-reki [Settled objects of corded ware cultures circle in Moskva River valley]. *AP*, 9. Moscow: IA RAN, pp. 14–29.
- Krivtsova-Grakova O. A., 1947. Khronologiya pamyatnikov fat'yanovskoy kul'tury [Chronology of Fat'yanovo culture sites]. *KSIIIMK*, XVI, pp. 22–33.
- Volkova E. V., 2012. Sotsial'naya struktura naseleniya fat'yanovskoy kul'tury (metodika analiza i rezul'tat) [Social structure of Fat'yanovo culture population (methods of analysis and result)]. *RA*, 3, pp. 5–19.
- Volkova E. V., 2014. Sotsial'naya organizatsiya naseleniya fat'yanovskoy kul'tury (predvaritel'nye itogi) [Social organization of Fat'yanovo culture people (preliminary results)]. *KSIA*, 236, pp. 36–41.

About the author

Volkova Elena V.,
Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow,
117036, Russian Federation,
e-mail: volk_h@mail.ru

О. А. Лопатина

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ОДНОГО ВИДА ОТПЕЧАТКОВ НА ПОВЕРХНОСТИ «ТЕКСТИЛЬНОЙ» КЕРАМИКИ

Резюме. Статья посвящена исследованию так называемых «текстильных» отпечатков на керамике дьяковской культуры. Изложены результаты реконструкции инструмента и способа его использования в отношении одной группы «текстильных» отпечатков. Они представляют собой мелкие дуговидные ячейки, напоминающие ногтевые вдавления (следы), и покрывают всю поверхность сосуда. Данные эксперимента показывают, что «текстильные» отпечатки являлись в основном результатом прокатывания рельефным штампом. В качестве инструмента для прокатывания использовались еловые шишки с частично удаленными чешуйками. Чешуйки могли специально удаляться человеком или быть объединенными мышевидными грызунами. Специфика следов частично удаленных чешуек заключается в особых очертаниях края чешуй, отпечатках волокон, следов зубов грызунов, отпечатках продольного ребра чешуек. Массовость рассмотренных отпечатков позволяет говорить о существовании определенной культурной традиции в среде дьяковского гончарства.

Ключевые слова: дьяковская культура, текстильная керамика, эксперимент, прокатывание, реконструкция, орнаменты.

Статья посвящена изложению результатов реконструкции инструментов, которые использовались для создания одного вида отпечатков на дьяковской текстильной керамике.

О каких следах пойдет речь? В настоящее время ряд исследователей придерживается деления текстильных отпечатков на «ниточные» и «рябчатые» (Сидоров, 2009. С. 147–149; Лопатина, 2009. С. 205; Сыроватко, 2009. С. 110–111). Такой подход применил Б. А. Фоломеев на керамике Тюкова городка, основываясь на морфологических особенностях оттисков (Фоломеев, 1975. С. 157–163). Если «ниточные» достаточно стандартны и представляют собой следы нитей или, точнее, тонких веревочек, различающихся по толщине, особенностям скручивания, и, вероятно, материалов, из которых они изготовлены, то «рябчатые» сильно варьируют по форме. В систематизациях так называемых фактур текстильной керамики, которые предложили И. Л. Чернай (1981) и Б. А. Фоломеев (1998), термином «рябчатые» обозначена одна из самых общих дефиниций. Под

этим термином объединялись следы в виде отдельных элементов – ячеек различных форм и пропорций, покрывающих всю поверхность сосуда.

Объектом данного исследования была одна группа «рябчатых» отпечатков, которые представляют собой тонкие дуговидные углубления, напоминающие след ногтя (рис. 1, 1–3: с. 352). Если такие отпечатки не перекрывают друг друга, они располагаются, как правило, не вплотную, а на небольшом удалении друг от друга; их размеры составляют, как правило, 0,4–0,7 мм в длину. Часто они располагаются на одинаковом расстоянии друг от друга, демонстрируя определенную упорядоченность.

О происхождении таких отпечатков высказывались различные мнения. Так, А. А. Бобринский связывал происхождение похожих следов с конструированием внутри формы-емкости из рубцовой кожи желудка животного. Кроме того, похожие отпечатки, по его мнению, получались при выбивании поверхности сосудов колотушкой, обернутой кожей рубца, или непосредственно через этот материал в процессе формообразования (*Бобринский*, 1978. С. 197–208. Рис. 80, 81, 86).

И. Л. Чернай полагал, что подобные следы оставлены тканями особого переплетения, которые прикладывались к поверхности сосуда (*Чернай*, 1981; 1993). Технологическая задача этого приема не была обозначена автором.

Ранее мной уже были высказаны некоторые предположения о конкретных операциях, которые могли приводить к проявлению текстильных отпечатков на поверхности сосудов (*Лопатина*, 2009). В частности, это могло происходить, скорее всего, в результате выбивания или прокатывания при обработке или декорировании поверхности сосудов. Позднее в результате специального исследования были выявлены признаки, позволяющие различать приемы прокатывания и выбивания инструментами с рельефной рабочей частью, ранее трудно поддававшиеся различению. В отношении одной группы отпечатков («ниточных») установлено, что они возникали вследствие прокатывания поверхности сосуда инструментом, представляющим собой круглый в сечении предмет, обмотанный нитями, точнее, тонкими шнурами. Установлено, что прием прокатывания подобным инструментом может быть диагностирован по следующим признакам. Во-первых, существенная длина отдельных отпечатков, во-вторых, дуговидность, а иногда извилистость очертаний рядов отпечатков, в-третьих, характерный рельеф края оттисков, который постепенно выполаживается (*Лопатина*, 2015). Эти наблюдения, полученные в отношении «ниточных» отпечатков, могут являться основанием для диагностики приема прокатывания и для других по морфологии отпечатков, в отношении которых пока затруднительно реконструировать инструмент и материал, с помощью которого они наносились, в частности «рябчатых».

Действительно, общие особенности расположения на поверхности сосудов рассматриваемых «рябчатых» отпечатков позволяют предположить, что прием прокатывания имел место и при их нанесении. Основное наблюдение, которое позволяет это подтвердить, – расположение элементов относительно протяженными рядами, которые повторяют профилировку сосуда. При этом ряды элементов часто имеют дуговидные очертания. На сосудах с рябчатой поверхностью в силу того, что элементы отпечатков расположены не вплотную друг другу,

а на некотором расстоянии, такие ряды не всегда хорошо заметны, но при тщательном изучении различить их возможно (рис. 1, 1).

Постановка задачи реконструкции инструмента, которым могли наноситься рябчатые отпечатки в виде тонких дуговидных ячеек, стала возможной только благодаря диагностике приема прокатывания. Реконструкция этого приема позволила существенно сузить направление поиска возможных инструментов для получения таких отпечатков. Искомый инструмент должен был представлять собой твердый, круглый в сечении предмет с относительно тонкими дуговидными выступами, расположенными упорядоченно.

Такой предмет был обнаружен случайно. Он представлял собой стержень еловой шишки с остатками чешуй на нем. Как оказалось, стержни шишек с частично или целиком утраченными чешуями – это обычный результат выедания семян различными животными¹. Семена шишек ели являются источником питания для некоторых видов птиц и грызунов. В поисках семян обгрызают чешуи шишек, например, мышевидные грызуны и белки. Однако следы их погрызов принципиально различаются. Белка объедает шишки, срезая чешуи у самого основания и оставляя шероховатый стержень и несколько целых чешуй на вершине шишки (*Ошмарин, Пикунов*, 1990. С. 229–231). Выступов в местах отростков чешуй практически не остается.

В отличие от белок мышевидные грызуны обгрызают шишки, оставляя небольшие выступы от чешуй (*Формозов*, 2006. С. 68–71). Зверьки способны обтачивать чешуи довольно ровно и равномерно вокруг стержня, в результате чего остатки чешуй остаются выступающими примерно на одинаковую высоту. Однако бывает, что животные не поворачивают шишку, и она оказывается обгрызенной неравномерно, только с одной стороны. Оставленные мышевидными грызунами чешуи на стержне шишек могут сильно различаться по размерам и очертаниям оставшихся на стержне чешуй (подробно эти различия рассмотрены ниже). Кроме того, облик следов погрызов зависит, например, от степени зрелости шишек. Недозрелые шишки ломаются труднее из-за эластичности волокон, изломы остаются «лохматыми» в сравнении с сухой и зрелой шишкой. Волокна в чешуях ориентированы продольно и образуют своего рода ее скелет. При перекусывании в изломе чешуи часто наблюдаются неровные остатки волокон разной длины.

Кроме естественного преобразования еловых шишек животными, они могли специально обрабатываться человеком с целью изготовления орнаментов. Предположительно, для этого чешуи могли обламываться, или обрезаться ножом, или обжигаться в костре. Интересно отметить, что в сравнительно недавнем прошлом в народных промыслах Вятской губернии при изготовлении декоративных фигурок-моховиков практиковалось использование шишек с обрезанными чешуями (*Шатров*, 1938. С. 74, 75; *Народное...*, 2007. С.73).

Для изучения следов шишек с остатками чешуй была изготовлена серия отпечатков на глиняных пластинах путем однократного и двукратного прокатывания шишек, обгрызенных животными, а также шишек со специально удаленными

---

¹ Благодарю к. б. н. Сергея Валериевича Фомина, сотрудника кафедры зоологии позвоночных биофака МГУ, за консультации, а также к. и. н. Ольгу Львовну Шарганову за содействие в подготовке этой работы.

чешуями. Последние представляли собой серию предметов, различающихся, во-первых, разными способами удаления чешуй (обрезка ножом, обламывание, оплавление в огне или сочетание разных способов), во-вторых, своими размерами. Наблюдения за особенностями инструментов и отпечатков велись под биноклярным микроскопом МБС-10.

Самые общие морфологические отличия шишек, обработанных грызунами и человеком, позволили предварительно выделить 3 группы таких предметов. Описание типичных экземпляров этих групп и их следов дается ниже. Оно учитывает форму излома чешуй, длину излома, наличие волокон в изломе, особенности морфологического строения чешуй и некоторые другие характеристики. Рассмотрим одиночные следы, без наложения, оставленные в результате однократного прокатывания такими предметами.

Группа 1. Шишки представляют собой результат обработки мышевидными грызунами. Чешуи объединены близко к стержню (рис. 1, 4) и слабо выступают над поверхностью, за счет чего стержень остается относительно тонким (примерно 0,7–0,8 см).

Остатки чешуй в рамках одного и того же предмета очень близки по размеру и форме. Длина излома чешуй у разных экземпляров составляет 0,15–0,4 см. Очертания краев чешуй отражают специфику погрызов – один из углов, как правило, выступает больше другого, что дает отпечаток в виде угла или запятой, причем угловая часть отпечатка больше заглублена в глину (рис. 1, 3, 5, 6).

Часто на изломах чешуй заметны волокна, однако на некоторых экземплярах они могут совсем отсутствовать, что находит отражение и в отпечатках.

Характерной чертой этого вида шишек является наличие следов зубов грызунов. Их можно увидеть с внешней стороны в месте отростка чешуи от стержня (рис. 1, 5). Следы зубов представляют собой мельчайшие бороздки, ориентированные поперек относительно стержня шишки. Отпечатки этих бороздок видны в экспериментальных образцах.

Группа 2 представлена шишками, которые также были обработаны мышевидными грызунами. Однако чешуи объединены далеко от стержня (рис. 1, 7), за счет чего толщина стержня больше, чем в шишках предыдущей группы, и составляет примерно 1,4–1,5 см. Следы зубов мышевидных грызунов здесь отсутствуют.

Длина излома чешуй – 0,4–0,6 см. Очертания края вследствие специфики погрызов зубчатые, угловатые, с выступающими крайними углами (рис. 1, 8), в целом более неровные и разнообразные, чем в группе 1. Отпечатки также более разнообразны – дуговидные (с разной степенью выраженности дуги), скобчатые, а также в виде небольших штрихов разной длины – при этом они могут сочетаться в следах от одного и того же инструмента. Кроме того, отпечатки элементов могут отличаться не только формой, но и размером (рис. 1, 9).

На изломах чешуй шишек этого типа всегда хорошо заметны остатки волокон – неровные, разной длины, иногда даже образующие густую бахрому. Следы волокнистости видны в отпечатках на глине. На некоторых экземплярах остатки волокон в изломах представляют собой более ровные и короткие выступы, которые в отпечатках выглядят как мелкие ячейки с внутренней стороны дуги.

В шишках этой группы на внутренней стороне чешуй часто заметно продольное ребро, которое разделяет чешуйку на две половины, в каждой из которой находилось семя. Ребро не всегда сохраняется и может отслаиваться при высыхании или механическом воздействии на шишку. Однако если оно сохранилось, то оставляло очень характерный отпечаток в виде выступа на внутренней стороне дуги, из-за чего след становился похожим на схематичное изображение птицы (рис. 2, 6–8: с. 353).

Группа 3 представлена шишками, подготовленными человеком. На экземпляре, представленном на рис. 2, 1, чешуи удалялись путем обрезания их ножом, а затем опаливания на огне. Последнее было нацелено на то, чтобы удалить оказавшиеся не перерезанными волокна, которые образовывали на срезах чешуй довольно густую бахрому. Шишка на рис. 2, 4 представляет собой результат обжигания в костре. В этих экземплярах очертания краев чешуй гораздо более ровные и более стандартные по форме, чем в изделиях предыдущей группы. Отпечатки чешуй, как правило, оставляют ровную дугу (рис. 2, 2–5).

В некоторых экземплярах на срезе или изломе чешуй хорошо видна слоистая структура чешуйки – к ее внешней плотной стороне примыкает более рыхлая волокнистая часть (рис. 2, 2, 4). Иногда происходит отслаивание внешнего плотного слоя чешуи и внутреннего волокнистого. Вследствие этого отпечатки таких чешуй могут представлять собой две параллельные дуги.

Многие чешуи сохранили продольное ребро на внутренней стороне, которое, как это было отмечено для изделий предыдущей группы, оставляет характерный след (рис. 2, 6–8).

Волокна на срезе чешуй хорошо заметны, однако вследствие их целенаправленного удаления они приобрели вид коротких мелких выступов-зубцов размером 0,2–0,3 мм. В отпечатках они имеют вид мельчайших ячеек, расположенных с внутренней стороны дуги (рис. 2, 3, 8). И. Л. Чернай точно подметил наличие этих ячеек, что нашло отражение в его реконструкции переплетения нитей текстильного полотна (рис. 2, 10). На представленной им схеме хорошо видно, как дуговидные петли обмотаны витками чрезвычайно тонких нитей (Чернай, 1993. С. 49. Рис. 1, 14, 15).

Следует отметить, что все 3 группы описанных предметов имеют очень мелкие детали: будь то следы зубов грызунов или выступы от волокон. Мелкий рельеф инструмента в процессе работы может забиваться глиной, вследствие чего такие следы не всегда прослеживаются. Однако если они сохранились, то могут являться надежным признаком данного орнамента.

Выше были представлены наиболее характерные особенности разных групп еловых шишек с частично удаленными чешуями, которые могли использоваться в качестве орнаментов. Эти группы имеют весьма специфические признаки, позволяющие различать разные виды инструментов, в частности, из шишек, объединенных мышевидными грызунами или подготовленными человеком. Дифференциация на керамике этих следов в дальнейшем может дать возможность для выделения разных гончарных традиций.

Тем не менее на данном этапе исследования хотелось бы резюмировать те наблюдения, которые позволяют в принципе отличать инструменты из шишек с частично удаленными чешуями от других рельефных условно цилиндриче-

ских штампов, которыми также могли создаваться рельефные отпечатки на поверхности сосудов при прокатывании.

Во-первых, форма отпечатка края чешуй. Поскольку целые чешуи не плоские, а слегка изогнутые, то и остатки чешуй оставляют преимущественно дуго-видный отпечаток с различной степенью выраженности дуги. Вместе с тем отпечатки могут быть прямыми, похожими на штрихи, скобчатыми, а также в виде угла или напоминающие запятую (рис. 1, 6, 9, 2, 3, 5).

Во-вторых, характерные отпечатки дают волокна чешуй. В зависимости от того, насколько выражены остатки волокон, их отпечатки могут различаться. Если волокна короткие и ровно обломаны или специально удалены, то отпечатки представляют собой мелкие, примерно одинакового размера, ячейки с внутренней стороны дуги (рис. 2, 3, 8).

В-третьих, при наличии продольного внутреннего ребра чешуи его отпечаток образует характерный след с выступом на внутренней стороне дуги. Вследствие этого отпечаток излома отдельных чешуй становится похожим на схематичное изображение птицы (рис. 1, 2, 2, 8, 9).

Если предыдущие три наблюдения касались особенностей отпечатков отдельных элементов, то четвертое имеет отношение к системе взаимного расположения элементов на поверхности сосуда. Следует отметить, что места отростков чешуй шишек имеют строго упорядоченное расположение на стержне и находятся примерно на равном расстоянии друг от друга, что обусловлено морфологическим строением шишки. Поэтому при однократных оттисках отдельные отпечатки чешуй могут образовывать достаточно ровные ряды. Ранее И. Л. Чернаем была отмечена система расположения рябчатых отпечатков в виде сетки «с ячейками в виде параллелограмма» (Чернай, 1981. С. 71). Эта система лучшим образом характеризует расположение отпечатков чешуй шишек, но не является доказательством использования тканей или плетений, как полагал И. Л. Чернай. Строго упорядоченное расположение элементов имеют не только еловые шишки, но и многие другие похожие растительные объекты, например, колосья, побеги с почками и т. п.

До сих пор речь шла об облике отпечатков чешуй, образовавшихся в результате однократного прокатывания поверхности шишкой. Однако в процессе прокатывания неизбежно происходит частичное наложение одних отпечатков на другие, что создает дополнительное морфологическое многообразие следов. Рассмотрим, в чем же оно проявляется.

Процесс прокатывания, который в первом приближении можно реконструировать для дяковской керамики, представляет собой последовательное перемещение инструмента вверх-вниз с небольшим (как правило, почти одинаковым) наклоном. В результате отпечатками заполняется, как правило, вся внешняя поверхность сосуда. При незначительном изменении траектории движения инструмента отдельные элементы будут располагаться рядом либо параллельно, либо под углом друг к другу (рис. 2, 9). За счет близкого прохождения штампа появляются двоянные (парные) отпечатки. Морфология таких отпечатков была описана ранее И. Л. Чернаем (1981) и Б. А. Фоломеевым (1998). Так, например, в классификации И. Л. Черная тип рябчатых включал 3 подтипа – полулунчатая фактура, двойной штрих и беспорядочная фактура.

В рамках подтипов выделены виды, которые различались по расположению элементов (равномерное, параллельно друг другу, под углом друг к другу, беспорядочно) (Чернай, 1981. С. 72, 73). В этой классификации, судя по описанию, по крайней мере 7 из 11 дефиниций в рамках рябчатой фактуры можно отнести к следам одного и того же инструмента. Таким образом, предложенные ранее классификации текстильных отпечатков на дьяковской керамике требуют существенного пересмотра.

Теперь становится очевидным, что при прокатывании рассматриваемыми инструментами на одном сосуде могли сочетаться как единичные отпечатки, так и сдвоенные, а также расположенные более плотно: все зависит от интенсивности прокатывания. Кроме того, часто встречаются деформированные следы, связанные с наложением одного отпечатка на другой. Для керамики с рябчатой фактурой И. Л. Чернаем было неоднократно отмечено постепенное видоизменение отпечатков на одном сосуде. Более того, его определение рябчатой фактуры содержит указание на то, что этот тип отпечатков представляет собой элементы, «которые имеют между собой переходные вариации» (Там же. С. 72).

Таким образом, определенное морфологическое многообразие следов исследуемого инструмента связано, во-первых, со способами удаления чешуй шишек, во-вторых, с особенностями морфологического строения еловых шишек и, в-третьих, со способом работы мастера при прокатывании.

Подводя итоги, отметим, что в работе представлена реконструкция инструмента, использование которого имеет отношение только к одной из групп рябчатых отпечатков на дьяковской текстильной керамике. Установлено, что этот вид отпечатков происходил путем прокатывания поверхности сосудов специфическими штампами естественного происхождения в виде еловых шишек с частично удаленными чешуями. Такие штампы могли являться полностью природными объектами, когда чешуи обтачивались мышевидными грызунами, а также быть специально изготовленными человеком путем целенаправленного удаления чешуй. Специфические следы, оставляемые подобными предметами, позволяют довольно уверенно диагностировать этот вид орнамента.

Сравнение отпечатков экспериментальных образцов с отпечатками на дьяковской керамике ряда Москворецких городищ дает основание высказать предварительное предположение о том, что полностью природные орнаменты, такие как на рис. 1, 4, использовались единично (рис. 1, 3), а специально изготовленные штампы из еловых шишек (рис. 2, 1, 4) – массово. Широкое распространение отпечатков, сделанных такими штампами, дает основание полагать, что использовались не случайные, а традиционные орнаменты, а материал для них был доступен повсеместно в пределах распространения ареала ели.

Массовость рассмотренных отпечатков позволяет говорить о существовании определенной культурной традиции в среде дьяковского гончарства, которая имела глубокие корни. Есть все основания предполагать существование этого приема и в предшествующую эпоху. Эта традиция имела отношение к рельефному декорированию поверхности сосуда путем прокатывания.

ЛИТЕРАТУРА

- Бобринский А. А., 1978. Гончарство Восточной Европы. М.: Наука. 269 с.
- Лопатина О. А., 2009. Опыт технологического изучения «текстильных» отпечатков (на примере дьяковской керамики) // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Отв. ред. С. В. Кузьминых, А. А. Чижевский, Г. Р. Руденко. Елабуга: ИИ АНРТ. С. 204–212. (Археология Евразийских степей; вып. 8.)
- Лопатина О. А., 2015. К различению приемов прокатывания и выбивания на дьяковской «текстильной» керамике // Современные подходы к изучению древней керамики в археологии: Сб. мат-лов конф. / Отв. ред. Ю. Б. Цетлин. М.: ИА РАН. С. 43–53.
- Народное..., 2007. Народное искусство: путеводитель / Сост. И. Я. Богуславская. СПб.: Palace Editions. 132 с. (Русский музей представляет: альманах; № 177.)
- Ошмарин П. Г., Пикунов Д. Г., 1990. Следы в природе. М.: Наука. 296 с.
- Сидоров В. В., 2009. Реконструкции в первобытной археологии. М.: Таус. 216 с.
- Сыроватко А. С., 2009. Юго-восточное Подмосковье в железном веке: к характеристике локальных вариантов дьяковской культуры. М.: ЧеБуК. 351 с.
- Чернай И. Л., 1981. Выработка текстиля у племен дьяковской культуры // СА. № 4. С. 70–86.
- Чернай И. Л., 1993. Макро- и микроструктура слепков с фактуры текстильной керамики // Финно-угры в России / Отв. ред. В. С. Патрушев. Вып. 1: Памятники с ниточно-рябчатой керамикой: Сб. науч. тр. МарГУ. Йошкар-Ола: МарГУ. С. 35–47.
- Фоломеев Б. А., 1975. Тюков городок // СА. № 1. С. 154–170.
- Фоломеев Б. А., 1998. Фактура текстильной керамики бассейна Средней Оки // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 7 / Отв. ред. В. П. Челяпов. Рязань: НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры Рязанской области. С. 79–105.
- Формозов А. Н., 2006. Спутник следопыта. 7-е изд. М.: КомКнига. 368 с.
- Шатров М. Н., 1938. Кировские кустари. Киров: Обл. изд-во. 168 с.

Сведения об авторе

Лопатина Ольга Анатольевна,
Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия,
e-mail: lopatina.olga@gmail.com

O. A. Lopatina

Origin of One Type of Imprints on Textile Ceramics Surface

Abstract. The paper is dedicated to the study of the so called textile imprints of the D'yakovo culture. Results of reconstructing the tool used to make imprints and the method of its use regarding one group of textile imprints are presented. These imprints are tiny arc-shaped pits, which look like nail impressions (marks) and cover the entire surface of the vessel. The data of the experiment demonstrate that the textile imprints were largely made by rouletting. Fir-cones with partially removed scales were used as a rouletting tool. The scales could be deliberately removed by humans or could be eaten up by rodents *Muridae* and *Cricetidae*. The partially removed scales are identified by the presence of a distinctive line of the scale edge, impressions of fibers, rodent teeth marks, and impressions of the scale rib. A large number of such imprints suggest that a special cultural tradition existed in the D'yakovo pottery-making.

Keywords: D'yakovo culture, textile ceramics, experiment, rouletting, reconstruction, ornaments.

REFERENCES

- Bobrinskiy A. A., 1978. Goncharstvo Vostochnoy Evropy [Pottery-making of Eastern Europe]. Moscow: Nauka. 269 p.
- Chernay I. L., 1981. Vyrabotka tekstilya u plemen d'yakovskoy kul'tury [Textile production among D'yakovo culture tribes]. *SA*, 4, pp. 70–86.
- Chernay I. L., 1993. Makro- i mikrostruktura slepkov s faktury tekstil'noy keramiki [Macro- and micro-structure of texture negatives from textile pottery]. *Finno-ugry v Rossii [Finno-Ugrians in Russia]*, 1. *Pamyatniki s nitochno-ryabchatoy keramikoy: sbornik nauchnykh trudov Mariyskogo gosudarstvennogo universiteta [Sites with spun- and speckled-impressed pottery: transactions of Mari state university]*. V. S. Patrushev, ed. Yoshkar-Ola: Mariyskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 35–47.
- Folomeev B. A., 1975. Tyukov gorodok [Tyukov gorodok]. *SA*, 1, pp. 154–170.
- Folomeev B. A., 1998. Faktura tekstil'noy keramiki basseyna Sredney Oki [Texture of textile pottery of Middle Oka basin]. *Arkheologicheskie pamyatniki Srednego Pooch'ya [Archaeological sites of Middle Oka region]*, 7. V. P. Chelyapov, ed. Ryazan': Nauchno-proizvodstvennyy tsentr po okhrane i ispol'zovaniyu pamyatnikov istorii i kul'tury Ryazanskoj oblasti, pp. 79–105.
- Formozov A. N., 2006. Sputnik sledopyta [Pathfinder's guide]. 7th edition. Moscow: KomKniga. 368 p.
- Lopatina O. A., 2009. Opyt tekhnologicheskogo izucheniya «tekstil'nykh» otpechatkov (na primere d'yakovskoy keramiki) [Experience of technological investigation of “textile” imprints (on example of D'yakovo pottery)]. *U istokov arkheologii Volgo-Kam'ya (k 150-letiyu otkrytiya Anan'inskogo mogil'nika) [At origins of Volga-Kama archaeology (to 150 years of discovery of Anan'ino cemetery)]*. S. V. Kuz'minykh, A. A. Chizhevskiy, G. R. Rudenko, eds. Elabuga, pp. 204–212. (Arkheologiya Evraziyskikh stepey, 8).
- Lopatina O. A., in print. K razlicheniyu priemov prokатыvaniya i vybivaniya na d'yakovskoy «tekstil'noy» keramike [Towards discrimination between rouletting and paddling production modes of D'yakovo “textile” pottery]. *Sovremennye podkhody k izucheniyu drevney keramiki v arkheologii: sbornik materialov konferentsii [Modern approaches to studies of ancient pottery in archaeology: Proceedings of conference]*.
- Narodnoe..., 2007. Narodnoe iskusstvo: putevoditel' [Popular arts: guide]. I. Ya. Boguslavskaya, comp. St. Petersburg: Palace Editions. 132 p. (Russkiy muzey predstavlyaet: al'manakh, 177).
- Oshmarin P. G., Pikunov D. G., 1990. Sledy v prirode [Traces in nature]. Moscow: Nauka. 296 p.
- Shatrov M. N., 1938. Kirovskie kustari [Kirov region handicraftsmen]. Kirov: Oblastnoe izdatel'stvo. 168 p.
- Sidorov V. V., 2009. Rekonstruktsii v pervobytnoy arkheologii [Reconstructions in prehistori archaeology]. Moscow: Taus. 216 p.
- Syrovatko A. S., 2009. Yugo-vostochnoe Podmoskov'e v zheleznom veke: k kharakteristike lokal'nykh variantov d'yakovskoy kul'tury [South-Eastern part of Moscow region in Iron Age: toward characteristic of regional variants of D'yakovo culture]. Moscow: CheBuk. 351 p.

About the author

Lopatina Olga A.,
Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow,
117036, Russian Federation,
e-mail: lopatina.olga@gmail.com

Е. В. Суханов

ОБ ОБЪЕМАХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ «ПРИЧЕРНОМОРСКИХ» АМФОР

Резюме. В данной статье публикуются результаты изучения емкостных характеристик «причерноморских» амфор VIII–X вв. Решение поставленной цели осуществлялось с использованием нескольких методов, в том числе одного компьютеризированного (трехмерный редактор Autodesk 3ds Max). Эти расчеты и сопоставление полученных данных с византийскими мерами измерения объемов веществ позволили выделить семь стандартов «причерноморских» амфор, которые находят кратные соответствия с византийскими единицами измерения объема вина.

Ключевые слова: «причерноморские» амфоры, византийские меры, стандарты объема.

«Причерноморские» амфоры VIII–X вв. являются керамической тарой, ареал которой включает преимущественно южную часть Восточно-Европейской равнины. Особенно массово они представлены на средневековых памятниках Крыма, Тамани, Подонья, из-за чего в научной литературе за ними закрепилась атрибуция «причерноморских» амфор (Якобсон, 1979) или амфор «причерноморского» типа (Сазанов, 1998. С. 53). Некоторые исследователи продолжают использовать старое название амфор «салтовского» типа (Кучугура, 1998) из-за их частых находок на памятниках салтово-маяцкой культуры. В последние десятилетия изучение «причерноморских» амфор было направлено преимущественно на введение в научный оборот новых комплексов и, как следствие, создание региональных типологических схем, иногда никак не сопоставимых между собой (Романчук и др., 1995. С. 50–70; Зинько, Пономарев, 1999. С. 190–196; Науменко, 2009. С. 35–50). Опубликовано несколько работ историографического и обзорного характера, посвященных амфорной таре и ее производству (Чахидзе, 2005; Паршина и др., 2001). Однако общеизвестно, что амфоры, в том числе и средневековые, являлись торговой тарой для транспортировки товаров. Именно поэтому изучение емкостных характеристик этих сосудов и последнее сопоставление с уже имеющимися в средневековой археологии представлениями о бытовании «причерноморских» амфор приобретает большое значение для изучения абсолютных характеристик торговли в причерноморском регионе в конце I тыс. н. э.

Таким образом, целью настоящего исследования являлось изучение объемов «причерноморских» амфор. Работа велась по опубликованным целым и археологически целым сосудам, происходящим из материалов раскопок раннесредневековых памятников Крыма, Тамани, Подонья (Чхаидзе, 2012. С. 465, 469, 471, 473, 475, 477. Рис. 75, 1, 2, 3; 79, 2, 3, 4, 5; 81, 1–5; 83, 1, 3; 85, 3, 5; 87, 3, 4, 8, 15; Майко, 2004. С. 180–183. Рис. 100, 5, 6; 101, 3, 4, 6, 8; 102, 7, 8; 103, 13; Кузнецов, Голофаст, 2010. С. 413, 415, 417. Рис. 28; 29, 1, 2; 30; Баранов, 1990. С. 28, 30. Рис. 9, 1–9; 10, 4, 7, 5; Гадло, 1980. С. 142. Рис. 7, А, Б, Д, Е; Гадло, 1969. С. 164. Рис. 4, А, В; Кравченко, Давыденко, 2001. С. 274, 275, 295. Рис. 24, 1, 4, 5; 25, 1, 2, 5; 45, 2; Мыц, 1990. С. 228. Рис. 4, 1; Нидзельницкая, 2009. С. 262, 271, 276. Рис. 2, 1, 3, 4; 9, 1; 11, 2; Нидзельницкая, Кулаков, 2013. С. 25. Рис. 11, 4; Белинский, Кулаков, 2013. С. 147, 148. Рис. 8, 1; 9, 1; Саранулкин, 2006. С. 201. Рис. 6, 10, 11; Кутайсов, 2004. С. 115. Рис. 1, 7; Паршина, 1974. С. 60. Рис. 3, 8; Голенко, 2007. С. 402. Рис. 111; Голофаст, Ольховский, 2013. С. 61, 66, 71. Рис. 3, 1; 5, 7; 7, 4. Единичные экземпляры представлены сосудами из Западного Предкавказья (Успенский, 2015. Рис. 23, 4), Среднего Поволжья (Багаутдинов и др., 1998. С. 145. Рис. 40, 1, 3), Прикамья (Голдина и др., 2012. С. 146. Табл. 53, 2). Первым и основным критерием для включения сосуда в исследуемую выборку являлась сохранность его профиля в такой степени, которая позволяет судить о форме емкости амфоры и ее размере. Вторым критерием являлось наличие в публикации как минимум частичной прорисовки внутреннего контура стенок, поскольку только наличие этой информации позволяет изучать внутренний объем сосуда. Третьим критерием выступило наличие в публикации масштаба. Количество опубликованных сосудов, привлеченных к изучению и удовлетворяющих вышеперечисленным критериям, составило 75 экземпляров.

Для исследования объема амфор было использовано три метода. Первый из них основывается на способах, предложенных и апробированных О. О. Барабановой и С. Б. Платоновым (Барабанова, Платонов, 1982). Его суть заключается в разделении амфоры на несколько частей и представлении их приближенно в виде цилиндров с дальнейшим расчетом их объемов и суммированием полученных данных. Вышеупомянутыми авторами было предложено два варианта проведения расчетов, отличия которых заключаются в выборе величины, используемой как диаметр проектируемых цилиндров. В первом варианте цилиндры строятся два раза, на малых и больших радиусах (Там же. С. 128. Рис. 1А), во втором же при проектировании цилиндра в качестве его диаметра используется среднее арифметическое между большим и меньшим радиусом (Там же. С. 128. Рис. 1Б). Использование такой методики в вышеописанном виде может приводить к значительным погрешностям, даже приблизительная оценка которых затруднена. Это связано с тем, что при построении цилиндров различной высоты результаты расчета объема целого сосуда могут значительно отличаться. К сожалению, авторами не был прописан высотный шаг, использование которого позволило им получить наименьшую погрешность в сравнении с результатами заполнения сосудов водой. Нами был использован модифицированный вариант расчета, при котором проектирование цилиндров отталкивается от точек на внешнем контуре сосуда (что характерно для первого предложенного авторами варианта), а за радиус цилиндров принимаются средние значения (что характерно для

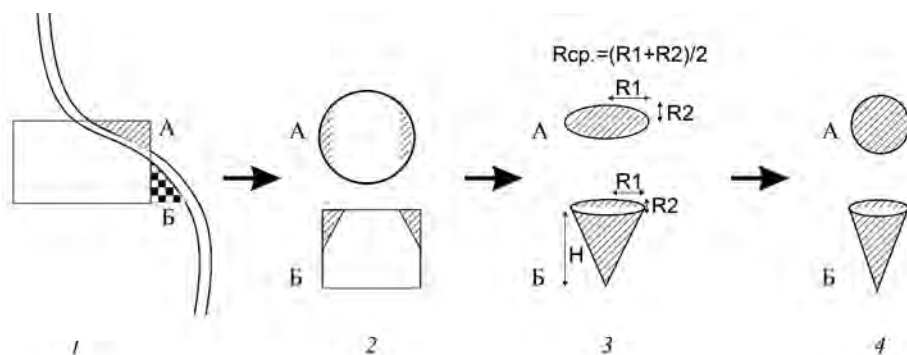
второго варианта). За высоту цилиндров принималась высота функциональных частей сосуда, отражающих его естественную структуру (*Цетлин, 2012. С. 155*). Такой способ основывается на выделении точек наибольшей локальной кривизны на контуре сосуда, маркирующих усилия гончара, предпринимаемые им для перехода от одной части к другой. Целесообразность такого методического приема заключается в возможности проверить полученные результаты графически в программе CorelDraw (что вряд ли было бы возможно при использовании малого шага в 1–2 см). Рабочая среда этой программы позволяет смоделировать в плоскостной перспективе как внутреннее пространство амфоры, не охваченное расчетами, так и выявить «бесполезные» участки (т. е. участки, формально входящие в цилиндры, но не являющиеся емкостным пространством сосуда), вошедшие в расчеты (рис. 1)¹. Второй использованный метод является широко известным и сводится к разделению прорисовки амфоры на усеченные конусы, расчету их объемов по стандартной математической формуле и суммированию полученных результатов. Способ был предложен Г. М. Николаенко при изучении античных пифосов (*Николаенко, 1974. С. 29*), часто он используется при расчете объемов античных амфор (*Внуков, 2003. С. 84*). Третий метод представляет собой разработку трехмерных моделей сосудов в программе Autodesk 3ds Max и автоматический расчет объема полученной фигуры с помощью встроенной опции «Measure». Такой способ был подробно описан и опубликован Е. П. Загваздиным и Н. П. Туровой (*Загваздин, Турова, 2011*). Объем одного сосуда удалось измерить путем его заполнения водой².

Сравнение полученных результатов измерения внутренних объемов «причерноморских» амфор (табл. 1) свидетельствует, что все три метода позволяют получить достаточно близкие цифры применительно к отдельно взятому сосуду. Для иллюстрации этого положения нами был использован коэффициент близости полученных данных, который представляет собой результат деления наименьшего показателя на наибольший³. В среднем по выборке значение коэффициента составляет 0,91, что говорит о среднем расхождении данных, полученных тремя

¹ Эта процедура предусматривает представление неохваченных и бесполезных пространств приближенно в виде геометрических фигур, например конусов, расчет их объема по стандартной математической формуле. Полученные данные прибавляются или же вычитаются из ранее полученных объемов цилиндров, описывающих форму амфоры.

² Автор выражает благодарность В. А. Сарапулкину, автору раскопок Ржевского могильника, за разрешение использовать амфору из погребения 2 для измерения объема водой, а также студентке НИУ «БелГУ» Ю. В. Костевой за оказанную помощь в проведении данного эксперимента.

³ Использование для оценки степени близости не абсолютных, а процентных показателей обусловлено широким диапазоном колебаний полных объемов сосудов. Выбранный критерий ставит задачу сравнить степень разброса результатов, полученных тремя разными методами, в равной степени как на амфорах меньших объемов, так и на сосудах большего размера. Применение в данном случае абсолютных показателей, например, среднего или стандартного отклонения, показало бы лишь то, что на амфорах больших объемов величина отклонения выше, чем на амфорах меньшей вместимости.

Рис. 1. Схема графической проверки расчетов, произведенных методом цилиндров

1 – пример построения цилиндра, А – «бесполезное» пространство, Б – неохваченное пространство; 2 – моделирование цилиндра с учетом «бесполезного» пространства (выделено штриховкой), А – вид сверху, Б – вид спереди; 3 – представление «бесполезного» пространства в виде эллиптического конуса, А – вид сверху, Б – вид спереди; 4 – результат перерасчета радиусов и представление «бесполезного» пространства в виде конуса, подготовленного для последующего вычисления его объема, А – вид сверху, Б – вид спереди

разными методами, в пределах 9–10 %, что можно считать вполне приемлемым результатом. Устойчивых закономерностей, касающихся связи изменения этого коэффициента в зависимости от увеличения или уменьшения объема сосудов, выявлено не было, исключение составляет амфора из могильника Урень II, где коэффициент близости минимален по выборке и равен 0,79.

Следует заметить, что в представленной таблице отражены результаты измерения внутреннего объема как целых сосудов, так и тулов амфор, т. е. полученные результаты далеко не равнозначны. Именно поэтому приведенные цифры вряд ли отражают определенные стандарты, которым теоретически может соответствовать изученная амфорная тара.

Обращение к опыту изучения античной амфорной тары показывает, что фактический объем амфоры несколько превышает заключенный в нее стандарт (Монахов, 1989. С. 37, 39; Внуков, 2003. С. 84). Это обусловлено необходимостью оставлять воздушное пространство между уровнем заполнения сосуда и его пробкой, дабы избежать негативных последствий брожения вина (когда речь идет об амфорной таре, использовавшейся для транспортировки этой продукции) и утери товара при транспортировке. В связи с этим амфорная тара заполнялась не до конца. Специалистами по античной амфорной таре установлено, что фактический объем сосуда равен разности полного объема и объема его горла (Монахов, 1992. С. 182). Нужно учесть, что у многих античных амфор горловая часть начинается после места максимального расширения тулова, чего нельзя сказать о средневековой амфорной таре, тяготеющей к овоидно-цилиндрическим формам. Это обстоятельство наталкивает на необходимость попытки решения сложившейся проблемы, что, как мы полагаем, можно сделать путем соотнесения неполных объемов сосудов с византийскими мерами измерения объемов различных веществ.

Таблица 1. Результаты расчета внутреннего объема «причерноморских» амфор

Сосуды	Результаты расчета полного объема амфор различными методами			4. Коэффициент сходства	Вместительность до уровня начала перехода максимального расширения тулова в плечо		
	1. Расчет в 3ds Max	2. «Метод цилиндров»	3. «Метод усеченных конусов»		5. Расчет в 3ds Max	6. Вероятный стандарт объема	7. Вероятный весовой эквивалент
Фанагория 77, ВГ я. Л (оп. 2) (<i>Чхидзе</i> , 2012. Рис. 75.3)	4,82	5,12	5,23	0,92	3,84	1/2 монастырского метра (4,10 л)	13 литров (?)
Тепсень-30 (<i>Майко</i> , 2004. Рис. 101.4)	4,51	5,2	5,34	0,84	3,91	1/2 монастырского метра (4,10 л)	13 литров (?)
Фанагория дом 502 помещение 3 (<i>Кузнецов</i> , 2010. Рис. 30.1)	5,2	5,34	4,42	0,82	4,06	1/2 монастырского метра (4,10 л)	13 литров (?)
Фанагория дом 502 помещение 1 (<i>Кузнецов</i> , 2010. Рис. 28. 1)	6,2	6,02	6,2	0,97	4,52	1/2 морских метра (5,12 л)	15 литров
Фанагория дом 504 (<i>Кузнецов</i> , 2010. Рис. 29.1)	5,6	5,63	5,62	0,99	4,56	1/2 морских метра (5,12 л)	15 литров
Тау-Кипчак хоз. яма № 5 (<i>Баранов</i> , 1990. Рис. 9.1)	6,22	6,12	6,19	0,98	4,56	1/2 морских метра (5,12 л)	15 литров
Фанагория дом 504 (<i>Кузнецов</i> , 2010. Рис. 30.2)	5,5	5,59	6,43	0,85	4,79	1/2 морских метра (5,12 л)	15 литров
Фанагория дом 502 помещение 2 (<i>Кузнецов</i> , 2010. Рис. 28.4)	4,8	5,24	5	0,91	4,83	1/2 морских метра (5,12 л)	15 литров
Фанагория 76 ВГ я. Л (оп. 3) (<i>Чхидзе</i> , 2012. Рис. 81.4)	5,6	5,44	5,67	0,97	4,85	1/2 морских метра (5,12 л)	15 литров
Фанагория 75, ВГ я. Д (оп. 2) (<i>Чхидзе</i> , 2012. Рис. 83.1)	5,91	5,63	5,95	0,94	4,85	1/2 морских метра (5,12 л)	15 литров

Фанагория дом 502 помещение 3 (Кузнецов, 2010. Рис. 30.3)	6,2	6,08	6,83	0,89	4,91	1/2 морских метрона (5,12 л)	15 літраи
Фанагория 76 ВГ я. Л (Ухайдзе, 2012. Рис. 79.4)	5,35	5,25	5,41	0,97	4,93	1/2 морских метрона (5,12 л)	15 літраи
Пташкино склад в северном нефѣ храма (Гадло, 1980. Рис. 7.Ж)	5,86	5,76	6,54	0,88	4,98	1/2 морских метрона (5,12 л)	15 літраи
Фанагория 75, ВГ я. Д (оп. 5) (Ухайдзе, 2012. Рис. 75.2)	6,35	6,23	6,45	0,96	5,02	1/2 морских метрона (5,12 л)	15 літраи
Героевка жилище IX (Гадло, 1969. Рис. 4.В)	6,15	5,79	5,41	0,87	5,09	1/2 морских метрона (5,12 л)	15 літраи
Сидорово помещение 3 дно (Кравченко, 2001. Рис. 24.1)	7,91	7,69	7,36	0,93	5,11	1/2 морских метрона (5,12 л)	15 літраи
Сидорово склон Среднего Яра (Кравченко, 2001. Рис. 25.5)	7,08	6,47	6,05	0,85	5,13	1/2 морских метрона (5,12 л)	15 літраи
Тепсень-57 (Майко, 2004. Рис. 102.8)	5,4	5,56	5,79	0,93	5,16	1/2 морских метрона (5,12 л)	15 літраи
Фанагория 83 БС IV/2-5 (Ухайдзе, 2012. Рис. 81.5)	6,88	6,43	6,78	0,94	5,2	1/2 морских метрона (5,12 л)	15 літраи
Пташкино склад в северном нефѣ храма (Гадло, 1980. Рис. 7.Д)	7,03	6,4	7,12	0,89	5,36	1/2 морских метрона (5,12 л)	15 літраи
Фанагория 84 БС III/9 (Ухайдзе, 2012. Рис. 87.8)	6,62	6,48	6,65	0,97	5,39	1/2 морских метрона (5,12 л)	15 літраи
Фанагория 75, ВГ я. Д (оп. 1) (Ухайдзе, 2012. Рис. 81.1)	6,66	6,31	6,57	0,94	5,51	?	?
Мангул церковь (Мыц, 1990. Рис. 4.1)	9,21	8,96	9,45	0,94	5,59	?	?

Продолжение таблицы 1									
Фанатория 68 Ц б/ш (<i>Чхаидзе</i> , 2012. Рис. 87.2)	8,44	8,39	8,51	0,98	6,38	1 анонный метрон (6,83 л)	20 літра		
Пташкино склад в северном нефе храма (<i>Гадло</i> , 1980. Рис. 7.А)	7,42	6,92	7,49	0,97	6,39	1 анонный метрон (6,83 л)	20 літра		
Пташкино склад в северном нефе храма (<i>Гадло</i> , 1980. Рис. 7.Б)	7,67	7,4	7,64	0,96	6,45	1 анонный метрон (6,83 л)	20 літра		
Фанатория дом 502 помещение 3 (<i>Кузнецов</i> , 2010. Рис. 30.4)	6,6	6,33	6,16	0,93	6,51	1 анонный метрон (6,83 л)	20 літра		
Фанатория дом 502 помещение 1 (<i>Кузнецов</i> , 2010. Рис. 28.2)	7,1	6,64	6,83	0,93	6,51	1 анонный метрон (6,83 л)	20 літра		
Тепсень-99 дом 11 (<i>Маико</i> , 2004. Рис. 102.7)	6,5	6,3	7,16	0,87	6,54	1 анонный метрон (6,83 л)	20 літра		
Фанатория 75, ВГ я. Д (оп. 8) (<i>Чхаидзе</i> , 2012. Рис. 81.3)	7,86	7,77	7,81	0,98	6,55	1 анонный метрон (6,83 л)	20 літра		
Фанатория 75, ВГ я. Д (оп. 15) (<i>Чхаидзе</i> , 2012. Рис. 87.4)	7,87	7,62	7,75	0,96	6,56	1 анонный метрон (6,83 л)	20 літра		
Фанатория СГ III-I/13 (<i>Чхаидзе</i> , 2012. Рис. 75.1)	7,66	7,39	7,45	0,96	6,64	1 анонный метрон (6,83 л)	20 літра		
Пташкино склад в северном нефе храма (<i>Гадло</i> , 1980. Рис. 7.Б)	7,45	6,98	7,12	0,93	6,68	1 анонный метрон (6,83 л)	20 літра		
Тау-Кипчак хоз. яма № 5 (<i>Баранов</i> , 1990. Рис. 9.2)	7,32	6,88	6,7	0,91	6,77	1 анонный метрон (6,83 л)	20 літра		
Тау-Кипчак хоз. яма № 5 (<i>Баранов</i> , 1990. Рис. 9.6)	9,12	8,79	8,98	0,96	6,79	1 анонный метрон (6,83 л)	20 літра		

Тав-Кипчак хоз. яма № 5 (Баранов, 1990. Рис. 9.9)	7,65	7,12	7,23	0,93	6,8	1 анонный метрон (6,83 л)	20 літраи
Фанатория 75, ВГ я. Д (оп. 3) (Ухайдзе, 2012. Рис. 79.2)	7,64	7,58	7,86	0,96	6,9	1 анонный метрон (6,83 л)	20 літраи
Сидорово раскоп 1 яма 2э (Кравченко, 2001. Рис. 24.4)	8,57	8,46	8,72	0,97	6,93	1 анонный метрон (6,83 л)	20 літраи
Сидорово раскоп 1 яма 2э (Кравченко, 2001. Рис. 25.2)	8,45	7,69	7,76	0,91	6,97	1 анонный метрон (6,83 л)	20 літраи
Сидорово помещение 3 (Кравченко, 2001. Рис. 24.5)	8,91	8,72	8,78	0,97	7,14	1 анонный метрон (6,83 л)	20 літраи
Фанатория б/ш (оп. 6) (Ухайдзе, 2012. Рис. 87.35)	11,17	10,92	11,25	0,97	9,1	1 морской метрон (10,25 л)	30 літраи
Сидорово раскоп 1 яма 3 (Кравченко, 2001. Рис. 25.1)	10	9,12	8,62	0,86	9,16	1 морской метрон (10,25 л)	30 літраи
Фанатория акватория, GPS-точка 1 (Голофаст, 2013. Рис. 5.7)	10,54	10,87	10,64	0,96	9,16	1 морской метрон (10,25 л)	30 літраи
Теплень 59 дом 4 (Маико, 2004. Рис. 101.6)	8,52	7,83	8,29	0,91	9,22	1 морской метрон (10,25 л)	30 літраи
Фанатория 75, ВГ я. Д (оп. 12) (Ухайдзе, 2012. Рис. 79.3)	10,64	10,11	10,58	0,95	9,26	1 морской метрон (10,25 л)	30 літраи
Фанатория дом 502 помещение 1 (Кузнецов, 2010. Рис. 29.2)	11,2	11,46	11,37	0,97	9,34	1 морской метрон (10,25 л)	30 літраи
Фанатория 85 БС IV/я Н (Ухайдзе, 2012. Рис. 85.5)	10,61	10,11	10,69	0,94	9,51	1 морской метрон (10,25 л)	30 літраи
Фанатория акватория, GPS-точка 11 (Голофаст, 2013. Рис. 7.4)	10,41	10,2	11,38	0,89	9,61	1 морской метрон (10,25 л)	30 літраи

Окончание таблицы 1									
Мартыново яма 67 (Нидзельницкая, 2013. Рис. 11.4)	11,18	10,33	10,78	0,92	9,77	1 морской метрон (10,25 л)	30 літраи		
Фанагория 75, ВГ я. Д. (оп. 14) (Ихаидзе, 2012. Рис. 81.2)	10,69	10,45	10,58	0,97	9,83	1 морской метрон (10,25 л)	30 літраи		
Октябрьское яма 1 (Белинский, 2013. Рис. 9)	13,7	13,55	14,12	0,95	10,01	1 морской метрон (10,25 л)	30 літраи		
Тау-Кипчак хоз. яма № 5 (Баранов, 1990. Рис. 9.5)	13,83	13,59	13,32	0,96	10,48	1 морской метрон (10,25 л)	30 літраи		
Ржевка погребение 12 (Сарапулкин, 2006. Рис. 6.10)	14,06	13,67	13,65	0,97	10,5	1 морской метрон (10,25 л)	30 літраи		
8-я щель (Успенский, 2015. Рис. 23.4)	13,24	11,89	13,9	0,85	10,53	1 морской метрон (10,25 л)	30 літраи		
Тепсень 59 дом 5 (Майко, 2004. Рис. 101.3)	14,99	14,48	13,64	0,90	10,63	1 морской метрон (10,25 л)	30 літраи		
Тау-Кипчак хоз. яма № 5 (Баранов, 1990. Рис. 9.7)	15,45	14,66	15,52	0,94	11,11	1 морской метрон (10,25 л)	30 літраи		
Фанагория 80 ВГ X/я (Ихаидзе, 2012. Рис. 79.5)	12,87	11,87	12,53	0,92	11,22	1 морской метрон (10,25 л)	30 літраи		
Калос-Лимен (Кутайсов, 2004. Рис. 1.7)	14,28	13,71	13,24	0,92	11,22	1 морской метрон (10,25 л)	30 літраи		
Тау-Кипчак хоз. яма № 5 (Баранов, 1990. Рис. 9.4)	16,26	15,7	16,78	0,94	11,41	1 морской метрон (10,25 л)	30 літраи		
Октябрьское яма 1 (Белинский, 2013. Рис. 8)	15,53	15,25	14,66	0,94	11,44	1 морской метрон (10,25 л)	30 літраи		
Ржевка погребение 2 (Сарапулкин, 2006. Рис. 6.11)	14,49	14,24	14,23	0,98	11,81	1 морской метрон (10,25 л)	30 літраи		
Тепсень-30 (Майко, 2004. Рис. 100.5)	16,21	15,7	18,58	0,84	13,69	?	?		

Фанатория акватория, GPS-точка 3 (Голофаст, 2013. Рис. 3.1)	20,84	18,02	21,7	0,83	14,81	1½ морских метра (15,37 л)	50 литров
Ливадия (Паришина, 1974. Рис. 3.8)	21,72	19,34	21,23	0,89	14,99	1½ морских метра (15,37 л)	50 литров
Теплень раскоп К, 1998 (Майко, 2004. Рис. 103.13)	15,53	15,55	15,6	0,99	15,37	1½ морских метра (15,37 л)	50 литров
Киммерик поселение «над источником», усадьба 1 (Голенко, 2007. Рис. 111)	19,11	16,9	17,7	0,88	15,82	1½ морских метра (15,37 л)	50 литров
Тау-Кипчак хоз. яма № 6 (Баранов, 1990. Рис. 10.5)	18,5	16,58	15,98	0,86	16,05	1½ морских метра (15,37 л)	50 литров
Героевка раскоп VIII (Гадло, 1969. Рис. 4. А)	19,97	17,19	18,91	0,86	16,35	1½ морских метра (15,37 л)	50 литров
Недвиговка (Нидзельницкая, 2009. Рис. 2.3)	21,31	18,39	18,88	0,86	19,13	2 морских метра (20,50 л)	60 литров
Недвиговка (Нидзельницкая, 2009. Рис. 2.1)	23,8	20,36	20,44	0,86	19,14	2 морских метра (20,50 л)	60 литров
Лобач (Голдина, 2012. Таб. 53.2)	24,8	21,31	23,92	0,86	19,71	2 морских метра (20,50 л)	60 литров
Теплень-59 (Майко, 2004. Рис. 100.6)	26,89	22,07	23,26	0,82	20,83	2 морских метра (20,50 л)	60 литров
Брусяны III к. 1., п. 1. (Багаутдинов, 1998. Рис. 40.1)	24,8	20,57	21,24	0,83	20,84	2 морских метра (20,50 л)	60 литров
Мартыново (Нидзельницкая, 2009. Рис. 9.1)	27,36	22,4	25,13	0,82	22,2	2 морских метра (20,50 л)	60 литров
Урень II к. 4., п. 2 (Багаутдинов, 1998. Рис. 40.3)	33,85	26,63	24,47	0,79	29,04	3 морских метра (30,75 л)	90 литров

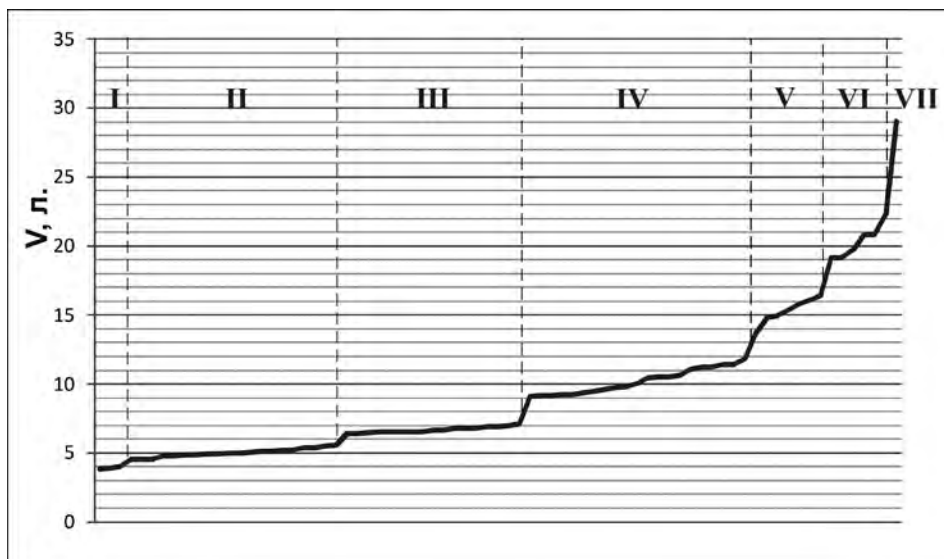
Дополнительные расчеты в программе 3ds Max продемонстрировали соответствие вместительности амфор византийским мерам измерения объема вина, речь о которых пойдет ниже, при условии их заполнения до зоны, расположенной между местом максимального расширения тулова и плечом сосудов (табл. 1, колонка 5). Разумеется, высота этой зоны варьируется, равно как и конкретная теоретическая доля заполнявшейся емкости амфоры, однако существование данной тенденции представляется вполне очевидным. К схожему результату привело измерение водой объема сосуда из погребения 2 могильника Ржевка. Было выявлено, что близкое соответствие какой-либо византийской мере объема, в качестве которой в данном случае может выступать 1 морской метрон (10,25 л), было получено при заполнении до места перехода тулова амфоры в плечо. В результате оказалось возможным выявить несколько мер, которые полностью или в виде какой-либо ее части (например, половины) могли быть использованы для определения объема амфор (табл. 1, колонка 5).

Первой из них является морской метрон (*θαλάσσιον μέτρον*), равный 10,25 л (*Schilbach*, 1970. Р. 112–113). Сам по себе факт соответствия с этой мерой, возможно, несет в себе мало неожиданного, поскольку она широко использовалась в Византийской империи для совершения торговых операций. Второй выявленной величиной является анонный метрон (*Ἀννωνικός μέτρον*) – мера измерения объема вина и воды, равная 6,83 л, которая, в свою очередь, представляет собой $\frac{2}{3}$ морского метра. Еще одной мерой может являться монастырский метрон (*Μοναστηριακὸν μέτρον*), равный 8,20 л (= $\frac{4}{5}$ морского метра), использование которого зафиксировано только в виде полумеры – $\frac{1}{2}$ монастырского метра. Распределение изученных «причерноморских» амфор по стандартам объема с указанием количества сосудов, вошедших в каждую размерную группу, представлено в табл. 2.

Следует отметить, что отнесение амфор к тому или иному стандарту объема имеет не сугубо интуитивный характер. Оно основывается на объективном отражении изменения динамики роста этой величины, представленной на графике, где также выделяется семь относительно обособленных участков (рис. 2). С различной степенью достоверности можно говорить о принадлежности изученных «причерноморских» амфор к стандартам объема, представленным в табл. 2. Кроме того, обратившись к табл. 1 и 2, в которых представлена вместимость всех изученных сосудов, можно обратить внимание на величину промежутков, отделяющих амфоры одного стандарта от другого. Имеется, однако, как минимум один дискуссионный момент: между наибольшим сосудом стандарта 4,1 л и наименьшим сосудом стандарта 5,12 л разница объема составляет всего лишь 0,5 л, что затрудняет их точное разграничение по признаку вместимости.

В изучении емкостных характеристик средневековой амфорной тары зарубежные исследователи всегда касаются вопроса о связи объемных и весовых характеристик вина (*Garver*, 1993; *Van Doorninck*, 2002; *Van Alfen*, 1996). Судя по экспериментальным расчетам болгарской исследовательницы Е. Тодоровой, в 1 морской метрон входит примерно 30–32 λίτρα⁴ продукции. Если принять

⁴ Литра (λίτρα) – византийская мера измерения веса. По расчетам Е. Шильбаха, в VII–IX вв. эта мера равнялась 320 г (*Schilbach*, 1970. Р. 166).

Рис. 2. Объемы и стандарты «причерноморских» амфор

I – 1/2 монастырского метра; *II* – 1/2 морских метра; *III* – 1 анонный метрон; *IV* – 1 морской метрон; *V* – 1 1/2 морских метра; *VI* – 2 морских метра; *VII* – 3 морских метра

Таблица 2. Выявленные стандарты объема «причерноморских» амфор

Стандарт	Номинальный объем	Количество сосудов	Диапазон фактической емкости сосудов, соотносимых со стандартом
1/2 монастырского метра	4,10 л	3	3,84–4,06 л
1/2 морского метра	5,12 л	18	4,56–5,39 л (5,59 л – ?)
1 анонный метрон	6,83 л	17	6,18–7,14 л
1 морской метрон	10,25 л	21	9,1–11,81 л
1 1/2 морского метра	15,37 л	6	(13,69 л – ?) 14,81–16,35 л
2 морских метра	20,50 л	6	19,13–22,20 л
3 морских метра	30,75	1	29,04 л

и использовать подобную схему для изученных нами материалов, то предполагаемая весовая вместительность почти всех изученных «причерноморских» амфор с некоторыми колебаниями будет располагаться в диапазоне от 13–15 до 60 лiтра. Это полностью соответствует результатам изучения средневековых амфорных материалов с территории Болгарии (Тодорова, 2012. С. 34).

Изложенные выше результаты изучения объемов «причерноморских» амфор позволяют сделать несколько принципиальных выводов. Во-первых, чрезвычайно интересным представляется сам факт выявления определенных стандартов объема средневековых амфор «причерноморского» типа, что проделано на представительной выборке с использованием нескольких взаимопроверяющих методов. Как мы полагаем, учитывая полученные данные, тезис об отсутствии стандартизации в средневековом амфорном производстве (Чхаидзе, 2012. С. 128) можно попытаться подвергнуть пересмотру. Во-вторых, соотнесение с мерами измерения объема конкретных веществ позволило подтвердить использование изученных сосудов преимущественно для транспортировки такой продукции, как вино. Несмотря на возможную очевидность данного тезиса, выводы по данному аспекту бытования «причерноморских» амфор ранее делались преимущественно на интуитивном уровне. Исключение составляло граффити на амфоре с городища Маяки, дешифрованное как «Х (единиц) всего; (сюда) Х (мер) входит (помещается). Белое сухое вино» (Кляшторный, 1979. С. 274).

Однако нельзя не отметить наличие дискуссионных моментов в некоторых сопоставлениях. Речь идет о близком сходстве византийских измерений объема вина и масла. Так, анонный метрон для измерения объема масла равен 5,68 л, что близко к $\frac{1}{2}$ морского метрона для измерения объема вина (5,12 л); 1 монастырский метрон для измерения объема масла (6,81 л) близок к 1 анонному метрону для измерения объема вина (6,83 л). Таким образом, можно полагать, что, будучи рассчитанными под винные стандарты, «причерноморские» амфоры могли обладать полифункциональностью в отношении своего содержимого и использоваться также для транспортировки масла или других товаров в причерноморском регионе. Это в определенной мере подтверждается находками сосудов, заполненных нефтью (Анфимов, 1958). В-третьих, удалось проследить, что система стандартов объема, использовавшаяся в амфорном производстве Крыма, очень схожа с системой, прослеженной на византийских амфорах IX–XIII вв. (Garver, 1993). Это касается использования таких стандартов, как $\frac{1}{2}$ монастырского метрона, $\frac{1}{2}$ морского метрона, 1 морской метрон, $1\frac{1}{2}$ морского метрона, 2 и 3 морских метрона. В то же время использование стандарта в 1 анонный метрон (6,83 л) не прослежено в указанных выше материалах, что, возможно, является характерной чертой для крымского амфорного производства. Еще одной особенностью является использование монастырского метрона исключительно в виде полумеры ($\frac{1}{2}$). Таким образом, в стандартизации «причерноморских» амфор наблюдаются как явления, общие для византийского амфорного производства конца I тыс., так и некоторые локальные особенности, охарактеризованные выше и требующие дальнейшего изучения причин своего появления.

ЛИТЕРАТУРА

- Анфимов Н. В., 1958. Средневековые амфоры с нефтью с Таманского полуострова // КСИИМК. Вып. 49. С. 151–154.
Багаутдинов Р. С., Богачев А. В., Зубов С. Э., 1998. Праболгары на Средней Волге. Самара, 1998. 206 с.

- Баранов И. А.*, 1990. Таврика в эпоху раннего Средневековья (салтово-маяцкая культура). Киев: Наукова думка. 168 с.
- Барабанова О. О., Платонов С. Б.*, 1982. К методике изучения объемов средневековых амфор // АДСВ. Вып. 19: Византия и ее провинции. Свердловск: Уральский гос. ун-т. С. 127–133.
- Белинский И. В., Кулаков А. А.*, 2013. Средневековый слой поселения Октябрьское I // Хазарские древности: сборник научных статей. Аксай: Аксайский военно-исторический музей. С. 140–162.
- Внуков С. Ю.*, 2003. Причерноморские амфоры I в. до н. э. II в. н. э. (морфология). М.: ИА РАН. 235 с.
- Гадло А. В.*, 1969. Раскопки раннесредневекового селища у деревни Героевка // СА. № 1. С. 160–168.
- Гадло А. В.*, 1980. К истории Восточной Таврики VIII–X вв. // АДСВ. Вып. 17: Античные традиции и византийские реалии. Свердловск: Уральский гос. ун-т. С. 130–145.
- Голенко В. К.*, 2007. Древний Киммерик и его округа. Симферополь: Сонат. 408 с.
- Голофаст Л. А., Ольховский С. В.*, 2013. Амфорная тара из подводных раскопок в акватории Фанаторийской гавани // ПИФК. № 2 (40). С. 55–78.
- Голдина Р. Д., Пастушенко И. Ю., Черных Е. М., Перевозчикова С. А., Голдина Е. В., Перевозчиков С. Е.*, 2012. Городище Лобач и его окрестности в эпоху Средневековья. Ижевск: Удмуртский гос. ун-т. 264 с. (Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции; т. 23.)
- Загваздин Е. П., Турова Н. П.*, 2011. О вычислении емкостных характеристик археологической керамики в трехмерном редакторе Autodesk 3ds Max // IV Башкирская археологическая конференция студентов и молодых ученых (IV БАСК): Мат-лы конф. / Отв. ред. И. И. Бахшиев. Сибай: ГУП РБ Сибайская городская типография. С. 62–66.
- Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю.*, 1999. Гончарная керамика VIII–X веков с сельской округи Боспора // АИБ. Т. 3. Керчь: Деметра. С. 185–212.
- Кляшторный С. Г.*, 1979. Хазарская надпись на амфоре с городища Маяки // СА. № 1. С. 270–274.
- Кравченко Э. Я., Давыденко В. В.*, 2001. Сидоровское городище // Степи Европы в эпоху Средневековья. Т. 2: Хазарское время. Донецк: Изд-во ДонНУ. С. 233–302.
- Кузнецов В. Д., Голофаст Л. А.*, 2010. Дома хазарского времени в Фанатории // ПИФК. № 1 (27). С. 393–429.
- Кутайсов С. В.*, 2004. Раннесредневековый слой Калос Лимена (по предварительным данным) // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре: Мат-лы II Судакской Междунар. конф. Ч. II. Киев; Судак: Академперіодика. С. 113–121.
- Кучугура Л. И.*, 1998. Памятники салтово-маяцкой культуры в устье г. Кальмиус (по материалам П. М. Пиневи́ча и Н. Э. Макаренко) // ДАС. Вып. 8. Донецк: Донецкий гос. ун-т. С. 44–52.
- Майко В. В.*, 2004. Средневековое городище на плато Тепсень в Юго-Восточном Крыму. Киев: Академперіодика. 315 с.
- Монахов С. Ю.*, 1989. Амфоры Херсонеса Таврического IV–II вв. до н. э. Опыт системного анализа. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та. 177 с.
- Монахов С. Ю.*, 1992. Динамика форм и стандартов синопских амфор // Греческие амфоры. Проблемы развития ремесла и торговли в античном мире. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та. С. 163–204.
- Мыц В. Л.*, 1990. Крестообразный храм Мангупа // СА. № 1. С. 224–242.
- Науменко В. Е.*, 2009. Амфоры // *Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю.* Тиритака. Раскоп XXVI. Симферополь; Керчь: АДФУ-Украина. С. 35–50. (Боспорские исследования; Suppl. 5.)
- Нидзельницкая Л. Ю.*, 2009. Византийские амфоры с гладким корпусом и зональным орнаментом V – начала IX вв. (по материалам донских музеев) // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. Ростов-на-Дону: Научно-методический центр археологии РПИ. С. 257–293.
- Нидзельницкая Л. Ю., Кулаков А. А.*, 2013. Раннесредневековое поселение Мартыново I на Нижнем Дону // Хазарские древности: сборник научных статей. Аксай: Аксайский военно-исторический музей. С. 7–49.

- Николаенко Г. М.*, 1974. Метки на античных пифосах // Херсонес Таврический: ремесло и культура. Киев: Наукова думка. С. 25–29.
- Паршина Е. А.*, 1974. Средневековая керамика Южной Таврики (по материалам раскопок и разведок 1965–1969 гг.) // Феодальная Таврика: Материалы из истории и археологии Крыма. Киев: Наукова думка. С. 56–94.
- Паршина Е. А., Тесленко И. Б., Зеленко С. М.*, 2001. Гончарные центры Таврики VIII–X вв. // Морская торговля в Северном Причерноморье: Сб. науч. ст. Киев: Наукова думка. С. 52–81.
- Романчук А. И., Сазанов А. В., Седикова Л. В.*, 1995. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та. 169 с.
- Сазанов А. В.*, 1998. Хронология слоев средневековой Керчи // ПИФК. Вып. 5. С. 50–88.
- Сарапулкин В. А.*, 2006. Ржевский грунтовый могильник салтово-маяцкой культуры (предварительное сообщение) // Археологические памятники Восточной Европы: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 12. Воронеж: ВГПУ. С. 195–203.
- Тодорова Е.*, 2012. Амфорите от територията на България (VII–XIV в.): Автореферат на дисертация за присъждане на образователната и научна степен Доктор по специалност 05.03.12 Археология (Средновековна археология). София. 48 с.
- Успенский П. С.*, 2015. Кремационные погребения Северо-Западного Кавказа VIII–XIII вв. как исторический источник: Дисс. ... канд. ист. наук. М.: ИА РАН. 308 с.
- Цетлин Ю. Б.*, 2012. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН. 384 с.
- Чхаидзе В. Н.*, 2005. Средневековые амфоры VIII–XIV вв. (история изучения) // РА. № 2. С. 66–74.
- Чхаидзе В. Н.*, 2012. Фанагория в VI–X веках. М.: Триумф-принт. 590 с.
- Якобсон А. Л.*, 1979. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.: Наука. 163 с.
- Garver E.*, 1993. Byzantine Amphoras of the Ninth through Thirteenth Centuries in the Bodrum Museum of Underwater Archaeology. A thesis. Tucson: University of Arizona. 299 p.
- Schilbach E.*, 1970. Byzantinische Metrologie. München: C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung. 292 S.
- Van Alfen P.*, 1996. New light on the 7th-c. Yassi Ada shipwreck: capacities and standard sizes of LRA 1 Amphoras // Journal of Roman Archaeology. Vol. 9. P. 198–213.
- Van Doorninck F.*, 2002. Byzantine Shipwrecks // The Economic History of Byzantium from the Seventh through the Fifteenth Century. Washington, DC: Dumbarton Oaks Studies. P. 899–905.

Сведения об авторе

Суханов Евгений Владимирович,
Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия,
e-mail: sukhanov_ev@mail.ru

E. V. Sukhanov

The Capacity of Medieval North Pontic Amphorae

Abstract. This paper publishes data from the studies of capacity characteristics of Pontic amphorae dating to the 8th–10th centuries. The task was addressed by using several methods, including one method with the use of software (Autodesk 3ds Max). Using the estimates and comparing the data obtained with the Byzantine volume units of different substances, seven capacity standards of Pontic amphorae, which are multiple of Byzantine volume units of wine, were singled out.

Keywords: North Pontic amphorae, Byzantine units of measurement, capacity standards.

REFERENCES

- Anfimov N. V., 1958. Srednevekoveye amfory s neft'yu s Tamanskogo poluostrova [Medieval amphorae with oil from Taman' Peninsula]. *KSIMK*, 49, pp. 151–154.
- Bagautdinov R. S., Bogachev A. V., Zubov S. E., 1998. Probulgary na Sredney Volge [Pro-Bulgars on Middle Volga]. Samara. 206 p.
- Barabanova O. O., Platonov S. B., 1982. K metodike izucheniya ob'emov srednevekovykh amfor [On method of investigation of medieval amphora capacity]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka [Classical antiquity and Middle Ages]*, 19. *Vizantiya i ee provintsii [Byzantium and its provinces]*. Sverdlovsk: Ural'skiy gosudarstvennyy universitet, pp. 127–133.
- Baranov I. A., 1990. Tavrika v epokhu rannego srednevekov'ya (Saltovo–Mayatskaya kul'tura) [Taurica in early medieval epoch (Saltovo-Mayatskaya culture)]. Kiev: Naukova dumka. 168 p.
- Belinskiy I. V., Kulakov A. A., 2013. Srednevekovyiy sloj poseleniya Oktyabr'skoe I [Medieval layer of settlement Oktyabr'skoe I]. *Khazarskie drevnosti: sbornik nauchnykh statey [Khazarian antiquities: collection of scientific articles]*. Aksay: Aksayskiy voenno-istoricheskiy muzey, pp. 140–162.
- Chkhaidze V. N., 2005. Srednevekoveye amfory VIII–XIV vv. (istoriya izucheniya) [Medieval amphorae of VIII–XIV cc. (history of investigation)]. *RA*, 2, pp. 66–74.
- Chkhaidze V. N., 2012. Fanagoriya v VI–X vekakh [Phanagoria in VI–X centuries]. Moscow: Triumph-print. 590 p.
- Gadlo A. V., 1969. Raskopki rannesrednevekovogo selishcha u derevni Geroevka [Excavations of early medieval open settlement near village Geroevka]. *SA*, 1, pp. 160–168.
- Gadlo A. V., 1980. K istorii Vostochnoy Tavriki VIII–X vv. [To history of Eastern Taurica of VIII–X cc.]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka [Classical antiquity and Middle Ages]*, 17. *Antichnye traditsii i vizantiyskie realii [Classical traditions and Byzantine realities]*. Sverdlovsk: Ural'skiy gosudarstvennyy universitet, pp. 130–145.
- Garver E., 1993. Byzantine Amphoras of the Ninth through Thirteenth Centuries in the Bodrum Museum of Underwater Archaeology. A thesis. Tucson: University of Arizona. 299 p.
- Goldina R. D., Pastushenko I. Yu., Chernykh E. M., Perevozchikova S. A., Goldina E. V., Perevoshchikov S. E., 2012. Gorodishche Lobach i ego okrestnosti v epokhu srednevekov'ya [Fortified settlement Lobach and its vicinities in medieval epoch]. Izhevsk: Udmurtskiy gosudarstvennyy universitet. 264 p. (Materials and investigations of Kama-Vyatka archaeological expedition, 23.)
- Golenko V. K., 2007. Drevniy Kimmerik i ego okruga [Ancient Cimmeric and its vicinity]. Simferopol': Sonat. 408 p.
- Golofast L. A., Ol'khovskiy S. V., 2013. Amfornaya tara iz podvodnykh raskopok v akvatorii Fanagoriyskoy gavani [Amphorae containers from underwater excavations in Phanagoria harbour]. *PIFK*, 02 (40), pp. 55–78.
- Klyashtornyy S. G., 1979. Khazarskaya nadpis' na amfore s gorodishcha Mayaki [Khazarian inscription on amphora from fortified settlement Mayaki]. *SA*, 1, pp. 270–274.
- Kravchenko E. Ya., Davydenko V. V., 2001. Sidorovskoe gorodishche [Sidorovskoe fortified settlement]. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya [Steppes of Europe in medieval epoch]*, 2. *Khazarskoe vremya [Khazarian time]*. Donetsk: Donetskii natsional'nyy universitet, pp. 233–302.
- Kuchugura L. I., 1998. Pamyatniki saltovo-mayatskoy kul'tury v ust'e r. Kal'mius (po materialam P. M. Pinevicha i N. E. Makarenko) [Sites of Saltovo-Mayatskaya culture in Kal'mius River estuary (based on materials of P. M. Pinevich and N. E. Makarenko)]. *Donetskii arheologicheskii sbornik [Donets archaeological articles]*, 8. Donetsk: Donetskii gosudarstvennyy universitet, pp. 44–52.
- Kutaysov S. V., 2004. Rannesrednevekovyiy sloj Kalos Limena (po predvaritel'nym dannym) [Early medieval layer of Kalos Limen (based on preliminary data)]. *Prichernomor'e, Krym, Rus' v istorii i kul'ture: materialy II Sudakskoy mezhdunarodnoy konferentsii [North Pontic zone, Crimea, Rus in history and culture: proceedings of II Sudak International conference]*, II. Kiev; Sudak: Akademperiodika, pp. 113–121.
- Kuznetsov V. D., Golofast L. A., 2010. Doma khazarskogo vremeni v Fanagorii [Houses of Khazarian time in Phanagoria]. *PIFK*, 01 (27), pp. 393–429.
- Mayko V. V., 2004. Srednevekovoe gorodishche na plato Tepsen' v Yugo-Vostochnom Krymu [Medieval fortified settlement on Tepsen' plateau in South-Eastern Crimea]. Kiev: Akademperiodika. 315 p.

- Monakhov S. Yu., 1989. Amfory Khersonesa Tavricheskogo IV–II vv. do n. e. Opyt sistemnogo analiza [Amphorae of Taurian Chersonese of IV–II cc. BC. Experience of system analysis]. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta. 177 p.
- Monakhov S. Yu., 1992. Dinamika form i standartov sinopskikh amfor [Dynamics of shapes and standards of Synop amphorae]. *Grecheskie amfory. Problemy razvitiya remesla i trgovli v antichnom mire [Greek amphorae. Problems of development of craft and trade in Classical world]*. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, pp. 163–204.
- Myts V. L., 1990. Krestoobraznyy khram Mangupa [Cross-shaped church of Mangup]. *SA*, 1, pp. 224–242.
- Naumenko V. E., 2009. Amfory [Amphorae]. *Zin'ko V. N., Ponomarev L. Yu. Tiritaka. Raskop XXVI [Tiritaka. Excavation trench XXVI]*. Simferopol'; Kerch': ADEF-Ukraina, pp. 35–50. (Bosporskie issledovaniya, Supplement 5).
- Nidzel'nitskaya L. Yu., 2009. Vizantiyskie amfory s gladkim korpusom i zonal'nym ornamentom V – nachala IX vv. (po materialam donskikh muzeev) [Byzantine amphorae with smooth body and zone ornament of V – early IX cc. (based on materials from Don region museums)]. *Mezhdunarodnye otnosheniya v bassejne Chernogo morya v skifo-antichnoe i khazarskoe vremya [International relations in Black Sea basin in Scythian-Classical and Khazarian times]*. Rostov-na-Donu: Nauchno-metodicheskiiy tsentr arheologii Rostovskogo pedagogicheskogo instituta, pp. 257–293.
- Nidzel'nitskaya L. Yu., Kulakov A. A., 2013. Rannesrednevekovoje poselenie Martynovo I na Nizhnem Donu [Early medieval settlement Martynovo I on Lower Don]. *Khazarskie drevnosti: sbornik nauchnykh statey [Khazarian antiquities: collection of scientific articles]*. Aksay: Aksayskiy voenno-istoricheskiy muzey, pp. 7–49.
- Nikolaenko G. M., 1974. Metki na antichnykh pifosakh [Signs on Classical pitthoi]. *Khersones Tavricheskii: remeslo i kul'tura [Taurian Chersonese: craft and culture]*. Kiev: Naukova dumka, pp. 25–29.
- Parshina E. A., 1974. Srednevekovaya keramika Yuzhnoy Tavriki (po materialam raskopok i razvedok 1965–1969 gg.) [Medieval pottery of South Taurica (based on materials from excavations and surveys of 1965–1969.)]. *Feodal'naya Tavrika: Materialy iz istorii i arkheologii Kryma [Feudal Taurica: Materials from history and archaeology of Crimea]*. Kiev: Naukova dumka, pp. 56–94.
- Parshina E. A., Teslenko I. B., Zelenko S. M., 2001. Goncharnye tsentry Tavriki VIII–X vv. [Pottery-making centres of Taurica in VIII–X cc.]. *Morskaya trgovlya v Severnom Prichernomor'e: sbornik nauchnykh statey [Sea trade in North Pontic zone: collection of scientific articles]*. Kiev: Naukova dumka, pp. 52–81.
- Romanchuk A. I., Sazanov A. V., Sedikova L. V., 1995. Amfory iz kompleksov vizantiyskogo Khersona [Amphorae from complexes of Byzantine Cherson]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 169 p.
- Sarapulkin V. A., 2006. Rzhevskiy gruntovyy mogil'nik saltovo-mayatskoy kul'tury (predvaritel'noe soobshchenie) [Rzhevskiy ground cemetery of Saltovo-Mayatskaya culture (preliminary information)]. *Arkheologicheskie pamyatniki Vostochnoy Evropy: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov [Archaeological sites of Eastern Europe: inter-institute collection of scientific works]*, 12. Voronezh: Voronezhskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiiy universitet, pp. 195–203.
- Sazanov A. V., 1998. Khronologiya sloev srednevekovoy Kerchi [Chronology of medieval Kerch' layers]. *PIFK*, 5, pp. 50–88.
- Schilbach E., 1970. Byzantinische Metrologie. München: C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung. 292 p.
- Todorova E., 2012. Amforite ot teritoriyata na B'lgariya (VII–XIV v.): avtoreferat na disertatsiya za pris'zhdane na obrazovatel'nata i nauchna stepen Doktor po spetsialnost 05.03.12 Arkheologiya (Srednovekovna arkheologiya) [Amphorae from territory of Bulgaria (VII–XIVc.): Thesis for a Doctor's degree, speciality 05.03.12 Archaeology (Medieval archaeology)]. Sofiya. 48 p.
- Tsetlin Yu. B., 2012. Drevnyaya keramika Teoriya i metody istoriko-kul'turnogo podkhoda [Ancient pottery. Theory and methods of historic-cultural approach]. Moscow: IA RAN. 384 p.
- Uspenskiy P. S., 2015. Krematsionnye pogrebeniya Severo-Zapadnogo Kavkaza VIII–XIII vv. kak istoricheskiy istochnik: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk [Cremation burials of North-Western Caucasus of VIII–XIII cc. as historical source: Manuscript presented for the degree of Doctor of Philosophy]. Moscow: IA RAN. 308 p.

- Van Alfen P., 1996. New light on the 7th-c. Yassi Ada shipwreck: capacities and standard sizes of LRA 1 Amphoras. *Journal of Roman Archaeology*, 9, pp. 198–213.
- Van Doorninck F., 2002. Byzantine Shipwrecks. *The Economic History of Byzantium from the Seventh through the Fifteenth Century*. Washington, DC: Dumbarton Oaks Studies, pp. 899–905.
- Vnukov S. Yu., 2003. Prichernomorskie amfory I v. do n. e. – II v. n. e. (morfologiya) [Amphorae of North Black zone of I c. BC – II c. AD (morphology)]. Moscow: IA RAN. 235 p.
- Yakobson A. L., 1979. Keramika i keramicheskoe proizvodstvo srednevekovoy Tavriki [Pottery and pottery production of medieval Taurica]. Leningrad: Nauka. 163 p.
- Zagvazdin E. P., Turova N. P., 2011. O vychislenii emkostnykh kharakteristik arkheologicheskoy keramiki v trekhmernom redaktore Autodesk 3ds Max [On calculation of capacity characteristics of archaeological pottery in three-dimensional edit Autodesk 3ds Max]. *IV Bashkirskaya arkheologicheskaya konferentsiya studentov i molodykh uchenykh (IV BASK): materialy konferentsii [IV Bashkir archaeological conference of students and young scientists (IV BASK): proceedings of conference]*. I. I. Bakhshiev, ed. Sibay: Sibayskaya gorodskaya tipografiya, pp. 62–66.
- Zin'ko V. N., Ponomarev L. Yu., 1999. Goncharnaya keramika VIII–X vekov s sel'skoy okrugi Bospora [Wheel-made pottery of VIII–X c. from vicinity of Bosporus]. *Arkheologiya i istoriya Bospora [Archaeology and history of Bosporus]*, 3. Kerch': Demetra, pp. 185–212.

About the author

Sukhanov Evgenij V.,
Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow,
117036, Russian Federation,
e-mail: sukhanov_ev@mail.ru

Х. Клевис

ВВЕДЕНИЕ В DEVENTER SYSTEEM*

Резюме. В статье представлены проблемы изучения (поздне-)средневековой керамики и стекла. Система классификации, известная как Девентер систем, была разработана в качестве метода стандартизированного описания археологических сосудов с целью проведения сравнительного и статистического анализа. Автор является одним из разработчиков данной системы классификации, которая в настоящее время применяется в Нидерландах и Бельгии. В ее создании участвовали также Дж. Коттман и Я. Тиссен. Первая монография, посвященная Девентер систем, была опубликована в 1989 г. Позже в ее разработку включились П. Биттер и С. Осткамп. Задачей классификации стала выработка общего «языка» для обсуждения проблем территориального и хронологического распределения типов сосудов. Система предусматривает создание открытой образцовой выборки археологических сосудов из глины и стекла, основанной на кодированном описании находок. Она уже применена в более чем 150 публикациях и каталогах. В случае выявления нового типа его изображение вносится в материнскую БД, которая уже насчитывает свыше 25 тыс. единиц. Цифровая система обработки данных на CD для 7 500 единиц была применена впервые в 2003 г. В настоящее время автор работает над третьей версией системы, которая будет доступна онлайн в 2016 г. Разработку системы тормозит лишь недостаток финансовых средств.

Ключевые слова: керамические и стеклянные сосуды, позднее Средневековье, постсредневековый период, Новое время, индустриальная керамика, классификация, описание, хронология, сравнительный анализ, база данных.

1. Система классификации позднесредневековой керамики (Deventer systeem), общие проблемы.

Во время обработки данных археологических раскопок Нижнего города (Benedenstad) в городе Нэймегене (Nijmegen) в 1980-х гг. отсутствие какой-либо системы классификации поздне- и постсредневековой керамики стало особенно ясно. Недостаток наличия подобной системы стал очевиден в первую очередь

---

* Обзор основных параметров Deventer systeem был представлен в недавно опубликованной в КСИА (вып. 237) статье Валерии де Гроот. Хемми Клевис является одним из разработчиков этой системы фиксации керамики, поэтому его комментарии существенно дополняют упомянутый обзор (*Прим. ред.*).

в связи с проблемой научной ответственности за датировки археологических феноменов. Мы говорим сейчас о середине 80-х гг. прошлого века и о проблемах, возникших в связи с диссертацией автора этой статьи.

Диссертация имела целью описать историческую микротопографию и развитие Нижнего города Нэймегена между 1300 и 1500 гг. Изучаемыми для этой цели материалами были находки из раскопок 1979–1985 гг. в комбинации с историческими исследованиями списков инвентаря нэймегенских кораблей (Нэймеген стоит на реке Ваал), которые, в свою очередь, связаны с несколькими археологическими комплексами улиц Нижнего города, примыкающих к реке. Не имея прямого доступа к конкретному керамическому материалу, автор часто должен был довольствоваться только его описанием в археологических отчетах. Несколько примеров того, с какой формой описания керамики пришлось столкнуться:

- «венчик, каменная масса, скорее всего, кувшин» (датировка – XIII в.);
- «ручка от красноглиняного горшка» (датировка – XIV в.);
- «серо-голубой фрагмент стенки кувшина» (датировка 1175–1350 гг.).

Нельзя сказать, чтобы подобные описания были удобны для обработки информации. Фрагменты керамики атрибутируются со ссылкой на публикацию некоего сосуда, который был обнаружен в конкретном комплексе. Состав комплекса в целом остается неизвестным. Еще труднее оказалось что-либо высказать о социально-экономическом положении людей, населяющих Нижний город, не говоря уже о подобных сравнениях на уровне городов. Вывод из этих проблем был такой: необходима **система** классификации.

В случае исследования исторических (архивных) документов ученый всегда обязан указать на источник, номер страницы, код фолианта, место его хранения. Исследования такого типа всегда могут быть четко проконтролированы. В случае археологических исследований ситуация является более расплывчатой. Когда археолог датирует в своей публикации тот или иной археологический объект (яму, колодец, латрину и т. д.), читатель должен рассчитывать на добросовестность и непредвзятость археолога, в особенности, если датировка объекта не подкреплена рисунками находок и их описаниями. Если речь идет о небольших локальных раскопках с ограниченным количеством материала, то здесь, в сущности, вопрос конкретных наблюдений конкретного археолога не представляет проблемы. Всегда может быть осуществлен контроль документации раскопок, не говоря уже о методах физического контроля датировки объекта (например, по ¹⁴C). Проблема набирает силу по мере возрастания количества изучаемого материала – на уровне сравнения производственных центров, городских культур, индустриальных производств и т. д., т. е. в конечном итоге, на уровне археологических абстракций.

Без системы классификации с четкой типохронологией исследователь может лишь указать на похожие сосуды, которые уже где-либо были опубликованы. При этом он не должен исключать возможности того, что имеет дело с сосудами из нескольких различных производственных центров, из которых опубликованы не все, а только некоторые. Исследователю, изучающему материал из одного определенного производственного центра, приходится для своих датировок определенных типов керамики исходить из датировок другого (достоверно

датируемого) комплекса. Многие датировки базируются на находках импортной керамики, в первую очередь на так называемой керамике из каменной массы (stoneware) из Рейнской области в Германии. Но на основе чего базируются датировки этой керамики? Учитываются ли наводнения, которые происходили по несколько раз за полвека, учитывается ли освоение и осушение земель, т. е. преобразование ландшафта, изменяющее археологическую ситуацию, учитывается ли тот факт, что укрепления дамб, откуда происходят основные находки керамики, состоят из мусора, собранного за несколько десятилетий и депонированного одновременно?

С разработкой системы классификации появилась надежда на решение проблемы сравнительных датировок. Но, что еще более важно, надежда на возможность сравнения комплексов в социально-экономическом плане (рынков сбыта, распределения продуктов, социальной дифференциации).

2. Специфические проблемы

Теоретически наиболее логичный (но практически неосуществимый) способ создать хорошую систему классификации – это раскопать все гончарные мастерские со всем продуцирующимся там мусором, который состоит из полной шкалы форм, и затем выстроить эти формы типохронологически. При этом соблюсти очень четкую иерархию. Вверху этой иерархии встанут гончарные центры, которые производят широкий спектр продуктов на экспорт, внизу – небольшие мастерские, занятые производством продукции для локального и частично регионального рынка. В качестве примера: наверху такой центр производства как Siegburg (который важен для археологов нескольких европейских стран), внизу – какая-нибудь маленькая мастерская в городке Zwolle, изготавливающая только красноглиняную керамику, использовавшуюся только в Zwolle и его окрестностях.

В таком центре массовой продукции, как Siegburg (который состоял из многих предприятий со многими гончарами в каждом, и, возможно, каждое из этих предприятий имело свой собственный рынок сбыта), стандартизация продукции находит себе место скорее, чем у ста маленьких мастерских. Это означает, что типохронологию для «каменной» керамики из Siegburg составить легче, чем, например, типохронологию красноглиняных горшков в Zwolle.

Чтобы вообще составить какую-либо типохронологию, в сущности, необходимо (теоретически) сначала знать всю шкалу типов из определенного центра продукции, а уж потом распределить их в хронологическом порядке. В практическом смысле это означает, что в течение первых десятилетий подобного составления само исследование не может быть поднято на более высокий уровень, чем описание типов. При составлении типохронологии наибольшие проблемы возникают в связи с описанием формы и функции. Назовем некие достаточно похожие друг на друга формы, например, глубокая тарелка, блюдо, плоская тарелка, блюдце. А теперь назовем функции: тарелка для каши, тарелка для фруктов, блюдо для рыбы, блюдечко для варенья, блюдце из-под чашки и т. д. и т. п. Наиболее простое решение – это создать некий код для специфической формы, так сказать, код, который не имеет ничего общего с перечисленными названиями. Например, тип 132. Каждый индивидуальный исследователь может сюда «вписать» избранное им для данного объекта наименование формы и функции.

Тип 132 остается типом 132, и каждый археолог (после долгих поисков!) знает, как выглядит этот тип. К сожалению, такой подход оказывается полностью непрактичным. Гораздо более практичный подход был найден при публикации нескольких комплексов из города Девентер (Deventer, отсюда позднейшее название системы классификации – Deventer systeem), в частности, при публикации находок из колодца в замке Kessel (1989). Этой работой занимались трое исследователей: J. Kottman, J. Thijssen и H. Clevis. Для описания керамики здесь был избран мнемонический код из трех составляющих:

- a) ware / fabric;
- b) name / function;
- c) type.

a) Ware / fabric – формовочная масса: имеется в виду не состав керамического «теста» (определенные глины с определенными добавками), но результирующий (рыночный) продукт. Т. е., например, не «белоглиняная керамика с оловянной глазурью» или «специально подготовленная глина с разнообразными добавками», но, соответственно, «майолика» или «индустриальная белая керамика»;

b) Name / function – наименование формы / функции. Здесь, естественно, возникали трудности, поскольку один из исследователей предпочитал наименование «тарелка», другой – «блюдо» и т. д. И найти определение такому понятию, как, например, «кувшин» еще предстояло в будущем, после многих дискуссий. Но благодаря употреблению мнемонического кода стало возможным уже на самом раннем этапе исследования понять, с чем, собственно, приходится иметь дело: кухонный ли это инвентарь, или столовый, или это что-то другое (цветочный или ночной горшок, канделябр, сосуд для освященной воды в церкви, кормушка для птичек и т. д., ведь начиная с XVI в. спектр керамических форм начинает неуклонно разрастаться);

c) Type – тип данной формы, т. е. уникальная (для данной ware / формовочной массы и данной name / формы) комбинация тулова сосуда, дна и венчика. Тип фиксируется в археологическом рисунке и получает свой номер¹.

Со времени публикации находок из замка Kessel прошло четверть века. За это время система классификации пополнилась значительным количеством формовочных масс и огромным количеством типов (к настоящему моменту насчитывается около 4 000 типов во всех формовочных массах). Только за последние 4 года было открыто около 360 новых типов. Издано около 150 больших систематических работ (не говоря уже о многочисленных публикациях раскопок), в которых керамика и стекло опубликованы по принципам Deventer systeem.

3. Некоторые замечания

Тот факт, что была избрана открытая (расширяющаяся) система классификации означает одновременно ее силу и ее слабость. Открытость системы означает возможность внесения постоянных добавлений в нее и изменений. Сила здесь в том, что изменяющиеся с развитием наших знаний представления могут лег-

¹ Этот номер никак не связан с характеристиками типа, он исключительно порядковый и выдается по мере открытия новых типов. Такой номер может быть выдан только «Редакцией Deventer systeem», состоящей в настоящий момент из восьми человек.

ко усвоиться системой. Слабость наличия постоянных добавлений достаточно очевидна.

Далее, сила системы состоит в том, что она дает возможности для сравнения (форм, материалов, регионов, комплексов и т. д. и т. п.) всего того, что ею описывается. Слабость отчетливо проявляется при недостаточном профессионализме интерпретаторов керамических объектов.

Этими двумя замечаниями, собственно, выражено все, что требовалось сказать о системе классификации. В период становления системы исследователи должны были делать тот или иной выбор. Впоследствии оказалось, что некоторые из таких предпочтений оказались ошибочными. Эти ошибки исправлены. При этом надо заметить, что когда одна и та же ошибка совершается последовательно, исправить ее абсолютно нетрудно. В начале пути нами были выбраны определенные точки отсчета, которые с течением времени были скорректированы. Иногда такой выбор был сделан под влиянием предшественников, таких как, например, P. Vrijn и его работа «Pottersvuren langs de Vecht» (1979). Vrijn видел разницу между «горшками для варки» и «кувшинами для варки». В системе классификации такая разница типологически несущественна.

Сила системы отчетливо видна, когда дело касается межрегиональной и интернациональной продукции. Слабость видна не менее отчетливо, когда речь идет о продукции локальной. Первыми интернациональными продуктами, которые исследователи начали классифицировать по принципам Deventer systeem, были каменная масса из Рейнской области и китайский фарфор. Это казалось нетрудным в силу хорошей изученности этой керамики и существования обширной литературы. Но с увеличением количества классифицированного материала стало понятно, что не все так просто. В какой-то момент было обнаружено, что далеко не вся керамика каменной массы без обработки поверхности происходит из Siegburg и что мы должны обратить серьезное внимание на другие производственные центры с совершенно таким же спектром форм, как и в Siegburg. Благодаря тому же увеличению количества классифицированного материала стало видно, что в большой группе «красноглиняная керамика» мало-помалу начинают выкристаллизовываться самостоятельные группы. Например, керамика долины реки Werra, долины реки Weser, Рейнской области и т. д. Через несколько лет, скорее всего, станут самостоятельными группы керамики из Friesland и из Bergen op Zoom.

Археологи, специализирующиеся на Римском периоде, уже десятилетиями применяют собственные системы классификации. Они все основаны на чисто морфологических принципах. Новая система классификации с формой / функцией в качестве точки отсчета может открыть для исследований римского материала совершенно новый универсум. Сильные и слабые стороны такой системы будут вполне ставными с ними же в системе классификации позднесредневековой керамики – Deventer systeem.

ЛИТЕРАТУРА

- Bitter P.*, 1993. A typology of the applied features on pottery // Assembled Articles 1: Symposium of medieval and post-medieval ceramics (Nijmegen, 2 and 3 September 1993 r.) / Eds H. Clevis, J. Thijssen. Nijmegen. P. 110–118.
- Bruijn P.*, 1979. Pottersvuren langs de Vecht. Aardewerk rond 1400 uit Utrecht. Rotterdam. 149 p.
- Clevis H., Kottman J.*, 1989. Weggegooid en teruggevonden. Aardewerk en glas uit Deventer vondstencomplexen 1375–1750. Kampen: Stichting Archeologie IJssel/Vechtstreek. 142 p.
- Clevis H., Thijssen J.*, 1989. Kessel, huisvuil uit een kasteel // Mededelingenblad Nederlandse Vereniging van Vrienden van de ceramiek. Vol. 136. № 4. P. 4–45.
- Thijssen J.*, 1991. Tot de bodem uitgezocht. Glas en ceramiek uit een beerput van de «Hof van Batenburg» te Nijmegen, 1375–1850. Nijmegen: Stichting Stadsarcheologie Nijmegen. 161 p.

Сведения об авторе

Клевис Хемми,
Главный археолог города Зволле (Нидерланды),
e-mail: archeologie.spa@wxs.nl

H. Clevis

Introduction to Deventer System

Abstract. The paper discusses the problems of classification and chronological distribution of ceramics and glass vessels of the late- and post-medieval time. The author started a classification system (now used in the Netherlands and Belgium) with the help of J. Kottman (glass) and J. Thijssen. The first book on Deventer system was published in 1989. Later P. Bitter and S. Ostkamp have made their input. The classification system was aimed to work out a single «language» for discussing territorial and chronological scopes of definite types of vessels. The system allows creating an (ever expanding) reference collection of archeological ceramics and glass. Its principle is a code of an archeological find. Today, more than 150 publications made use of a catalogue with types of the classification system. Is there a new type, than the drawing and picture are added to the mother database. At the moment there are more than 25 000 entries in the DB. In 2003 the first digital system was introduced on a CD with 7500 entries. Now Clevis is busy with a third version that has to be available online in 2016. The only problem is a lack of money.

Keywords: ceramic and glass vessels, High Middle Ages, post-medieval time, Modern Times, industrial vessels, classification, description, chronology, comparative analysis, database.

About the author

Clevis Hemmy,
Zwolle, Netherlands,
e-mail: archeologie.spa@wxs.nl

О. Н. Глазунова

ИЗРАЗЦОВЫЕ ШТАМПЫ XVII в. ИЗ НОВО-ИЕРУСАЛИМСКИХ ГОНЧАРНЫХ МАСТЕРСКИХ

Резюме. В статье описаны глиняные штампы XVII в. для производства изразцов, найденные на территории Ново-Иерусалимского монастыря. Приводятся примеры известных ранее глиняных изразцовых штампов, производится их сравнение, в том числе выявляются различия, ведущие к особенностям в технологии производства.

Ключевые слова: Ново-Иерусалимский монастырь, производство изразцов, технология изразцового дела, изразцовый штамп.

В ходе археологических работ, проводимых в Ново-Иерусалимском монастыре с 2009 г. экспедицией ИА РАН под руководством Л. А. Беляева¹, значительное внимание уделялось исторической технологии изразцового производства. Этому естественным образом способствовало само место исследования, еще Н. П. Султановым названное «рассадником изразцового дела». Было обнаружено и изучено множество ранее неизвестных особенностей изготовления изразцов в XVII и XVIII вв. В числе редких находок – обломки четырех глиняных изразцовых штампов-матриц. Два из них были найдены в слое угля и серой супеси, датирующемся второй половиной XVII в., в гончарной мастерской Солодовых палат², один – в слое первой половины XVIII в. в той же мастерской. И один, пострадавший от пожара, – в южной части монастыря. Штамп, датирующийся XVIII в., имеет ряд существенных отличий от остальных трех, скорее всего, применялся в особом случае, и в данной статье рассматриваться не будет.

Большая часть форм для оттискивания рельефных изразцов традиционно была деревянной. В письменных источниках можно найти даже имена резчиков. В частности, для XVII в. Нового Иерусалима известно имя иеродьякона Ипполита. Упоминаний использования глиняных матриц не обнаружено. Впрочем, и сама

---

¹ Об исследованиях экспедиции ИА РАН в Новом Иерусалиме с 2009 г. и его значении для развития исторической археологии в России см. (Беляев, 2012; 2013).

² О гончарной мастерской в Солодовых палатах см. (Глазунова, Данилов, 2013. С. 277–280).

технология этого производства практически никак не описана. Археологические находки глиняных штампов для изготовления изразцов можно пересчитать по пальцам. Упоминает глиняный штамп М. И. Рабинович в своей работе, посвященной московской гончарной слободе (*Рабинович, 1947. С. 63, 65*), небольшие обломки были найдены при раскопках в Смоленске (*Пронин, Соболев, 2013. С. 13*). Два более или менее целых штампа имеются в экспозициях Рязанского и Смоленского историко-краеведческих музеев. Оба музейных экземпляра покрыты поливой и выглядят как противень с довольно высокими стенками и плоским «дном», на котором имеется углубленное, «обратное» изображение (рис. 1, 1, 2: с. 354). Не исключено, что эти изделия использовались не как изразцовые штампы, а как глиняные формы для печатных пряников или пирогов. Это объяснило бы высокие стенки формы. Именно как «кулинарную форму» интерпретируют подобное изделие псковские исследователи С. А. Салмин и Е. А. Салмина (*Салмин, Салмина, 2014. С. 72, 73*).

Глиняные штампы Ново-Иерусалимских мастерских совершенно другие. Они не поливные, не имеют никаких стенок и выглядят как пластины с вертикальным краем и выступающим «обратным» изображением. Надо сказать, что именно так выглядят и современные изразцовые матрицы. При изготовлении изразцов при помощи таких приспособлений излишки глины обрезаются по краю.

Два штампа широкорамочные. Сохранившиеся размеры первого – $6,8 \times 5,2 \times 2,4$ см (рис. 2, 1: с. 355). Он является углом изразца и содержит часть растительного орнамента. Ширина рамки – 2,0 см, «высота» рельефа – 0,7 см. По сохранившейся части нельзя реконструировать ни полный размер изразца, ни целый его рисунок. Точного аналога изображению найти не удалось. Рисунок повторяет центр изразца с изображением стеблей, проросших головами животных и птиц (пять таких изразцов найдено при раскопках в Ново-Иерусалимском монастыре, два – при раскопках Немецкой слободы в Москве), однако на изразцах – это центр изображения, на штампе – угол его.

Второй штамп состоит из двух фрагментов. Общие размеры сохранившейся части – $16,5 \times 9,2 \times 1,3$ см (рис. 2, 2). Ширина рамки – 1,8 см, «высота» рельефа – 0,5 см. В данном случае можно реконструировать полные размеры и само изображение, так как рисунок центральносимметричный и сохранился более чем на половину. Размер штампа составлял $18,0 \times 18,0$ см (размер глиняного штампа из московской гончарной слободы – $9,5 \times 9,5$ см). Сюжет хорошо известен по московским сериям: солярный символ с процветшими лучами-цветами (рис. 2, 4). М. Г. Рабинович высказывал предположение, что глиняные изразцовые штампы годились только для производства поливных изразцов, и в качестве аргумента указывал на то, что красные широкорамочные изразцы «всегда имеют резкий трехжгутовый орнамент», который не может быть достаточно четко оттиснут в глиняной форме (*Рабинович, 1947. С. 65*). Штамп из Ново-Иерусалимских мастерских сохранил фрагмент трехжгутового орнамента.

Третий штамп узкорамочный. Состоит из трех фрагментов. Общие размеры сохранившейся части – $9,5 \times 10,2 \times 1,2$ см (рис. 2, 3). Ширина рамки – 0,7 см, «высота» рельефа – 0,4 см. «Лицевая» часть изображения покрыта ангобом.

Представляет собой левый нижний угол изображения. Рисунок имеет вертикальную ось симметрии. Судя по сохранившейся части, размер штампа составлял 19,0 × 20,0 см. Рисунок изображения легко узнаваем. Этот сложный растительный узор украшает один из наиболее часто встречаемых муравленых узкорамочных изразцов раннего этапа строительства Ново-Иерусалимского монастыря. Лицевых муравленых узкорамочных изразцов этого периода всего 2 типа: первый содержит широко распространенный на территории Литвы и Польши сюжет с букетом в узкогорлой вазе, заключенным в широкую восьмиугольную рамку. Второй – отпечаток найденного штампа представляет собой сложное сочетание двух различных традиций – растительных узоров московских широкорамочных изразцов, преобразованных в соответствии с западной стилистикой (рис. 2, 5). В Новом Иерусалиме найден штамп именно для этого второго типа лицевых муравленых узкорамочных изразцов.

Есть еще один артефакт, который может быть связан с данным сюжетом. На обратной стороне матрицы из Смоленска по центру изразца – круглая «румпя» размером примерно в половину его, скорее всего, игравшая роль своеобразной «ручки». Похожее глиняное изделие было найдено и в Ново-Иерусалимском монастыре. Глиняный «противень» с вертикальными стенками, на обратной стороне которого меньшая по размеру круглая «румпя». Нет только изображения. Лицевая сторона изделия гладкая (рис. 1, 3). Вполне возможно, что его изготовили как пример того, как должен выглядеть глиняный штамп.

Что касается использования, то, помимо прямого назначения, глиняные штампы могли употребляться и как модели, и как оттиск, с которого резалась деревянная копия формы. В пользу этого предположения говорит тот факт, что размеры широкорамочных изразцов Нового Иерусалима меньше традиционных московских прообразов. В археологической коллекции Ново-Иерусалимской экспедиции есть даже такой пример: великолепный целый широкорамочный изразец с барсами, охраняющими древо жизни, размерами 20,0 × 20,0 см, из яркой глины оранжевого оттенка и несколько его меньших по размеру (16,0 × 16,0 см)³ копий, изготовленных из местных ново-иерусалимских глин. Причем копии есть и использованные, и неиспользованные, а изразец-прообраз никогда не был установлен в печи: румпя его целая и чистая, не носит следов нагара⁴.

Форма штампов, отличающихся от известных ранее отсутствием бортиков, предполагает иную методику изготовления изразца. Судя по тому, что именно она дошла до наших дней, – более эффективную, чем производство изразцов в поливных «корытцах».

³ Такая разница в размерах, как в данном случае, получается, если с «прообраза» оттиснуть штамп, с которого уже делать непосредственно изразцы. Усадка глины при обжиге составляет 10 %. В данном случае усадка происходит дважды: при изготовлении штампа, а затем уже самого изразца.

⁴ «Московский» прообраз найден и для упомянутого выше изразца с изображением стеблей, проросших головами животных и птиц. Разница в размерах и глине аналогичная.

ЛИТЕРАТУРА

- Беляев Л. А., 2012. Историческая археология России Нового и Новейшего времени: шаг к формированию // 1150 лет Российской государственности и культуры: Мат-лы к Общему собранию РАН, посвящ. Году российской истории (Москва, 18 декабря 2012 г.). М.: Наука. С. 307–320.
- Беляев Л. А., 2013. Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь как памятник археологии начала Нового Времени // РА. № 1. С. 30–42.
- Глазунова О. Н., Данилов Ю. О., 2014. Горн и мастерская XVIII века для производства поливных изразцов в Солодовых палатах Ново-Иерусалимского монастыря // КСИА. Вып. 236. С. 277–280.
- Пронин Г. Н., Соболев В. Е., 2013. Смоленские изразцы XVI–XIX вв. Смоленск: Свиток. 238 с.
- Рабинович М. Г., 1947. Гончарная слобода в Москве в XVI–XVIII вв. (по археологическим материалам) // Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. I. М.; Л.: АН СССР. С. 55–76. (МИА; № 7.)
- Салмин С. А., Салмина Е. В., 2014. Археологические раскопки на Никольском IV раскопе (у «Солодѣжни») в 2012 г. // АИППЗ: Семинар им. акад. В. В. Седова. Заседание 59. Вып. 29. М.; Псков; СПб.: Нестор-История. С. 67–74.

Сведения об авторе

Глазунова Ольга Николаевна,
Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия,
e-mail: olga-glazunova2007@yandex.ru

O. N. Glazunova

Tile-stamps of the 17th Century from New Jerusalem Pottery Workshops

Abstract. The paper describes clay tile-stamps of the 17th century found in the area of the New Jerusalem Monastery. It contains examples of previously known clay tile-stamps, compares them and identifies differences characterizing specific features of the production techniques.

Keywords: New Jerusalem Monastery, tile production, tile production techniques, tile-stamp.

REFERENCES

- Belyaev L. A., 2012. Istoricheskaya arkheologiya Rossii Novogo i Noveyshego vremeni: shag k formirovaniyu [Historic archaeology of New and Modern Times in Russia: a step to formation]. *1150 let Rossiyskoy gosudarstvennosti i kul'tury: materialy k Obshchemu sobraniyu Rossiyskoy akademii nauk, posvyashchennomu Godu rossiyskoy istorii* [1150 years of Russian statehood and culture: materials for General assembly of Russian Academy of Sciences devoted to the Year of Russian history]. Moscow: Nauka, pp. 307–320.
- Belyaev L. A., 2013. Voskresenskiy Novo-Ierusalimskiy monastyr' kak pamyatnik arkheologii nachala Novogo Vremeni [Resurrection monastery in New Jerusalem as an archaeological monument of the beginning of the New times]. *RA*, 1, pp. 30–42.
- Glazunova O. N., Danilov Yu. O., 2014. Gorn i masterskaya XVIII veka dlya proizvodstva polivnykh izraztsov v Solodovykh palatakh Novo-Ierusalimskogo monastyrya [XVIII – century kiln and workshop for producing glazed tiles in the Malt House of New Jerusalem monastery]. *КСИА*, 236, pp. 277–280.

- Pronin G. N., Sobol' V. E., 2013. Smolenskie izraztsy XVI–XIX vv. [Smolensk tiles of XVI–XIX вв.]. Smolensk: Svitok. 238 p.
- Rabinovich M. G., 1947. Goncharnaya sloboda v Moskve v XVI–XVIII vv. (po arkheologicheskim materialam) [Goncharnaya sloboda in Moscow in XVI–XVIII cc. (based on archaeological materials)]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Moskvy* [Materials and investigations on archaeology of Moscow], I. Moscow; Leningrad: Akademiya nauk SSSR, pp. 55–76. (MIA, 7.)
- Salmin S. A., Salmina E. V., 2014. Arkheologicheskiye raskopki na Nikolskom IV raskope (u «Solodezhni») v 2012 g. [Archaeological excavation site Nikolsky IV (at «Solodezhnya») in 2012]. *AIPPZ: Seminar imeni akademika V. V. Sedova. Zasedaniye 59. Vyp. 29* [AIPPZ: Academician V. V. Sedov seminar. Session 59. Issue 29]. Moscow, Pskov, St. Petersburg, pp. 67–74.

About the author

Glazunova Olga N.,
Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow,
117036, Russian Federation,
e-mail: olga-glazunova2007@yandex.ru

ПРЕДМЕТЫ И ТЕКСТЫ

А. А. Завойкин

ΑΝΑΘΝΜΑ 18.9 В СВЯТИЛИЩЕ ДЕМЕТРЫ И КОРЫ (БЕРЕГОВОЙ 4)

Резюме. В статье рассматривается уникальная находка, сделанная в 2002 г. при раскопках святилища Деметры и Кору на Таманском полуострове. Речь идет о комплексе металлических рельефных пластинок, спрятанных в нижней части красноглиняной миниатюрной гидрии. Сосуд был закрыт черепком и закопан рядом с одиночным камнем. Среди пластинок одна золотая в виде медальона с оттиском головы сатира и нескольких серебряных, на которых представлены различные изображения. Это изображение идущей мужской фигуры в длинной одежде, с венком на голове и с посохом / жезлом в руках (одна пластинка с круглым ушком для подвешивания), парные изображения глаз (четыре пластины), одиночные изображения кистей рук (две пластины) и обнаженных мужских фигур, стоящих en face (две пластины). (Еще две пластинки пока не удастся расчистить, одна не поддается прочтению, а одна была утрачена.) В статье предпринята попытка осмысления этих символических и реалистических изображений в контексте элевсинского культа. Автор приходит к выводу, что мы имеем дело не с рядовыми вотивными приношениями, а, вероятно, с металлическими элементами культового инвентаря (или деталями облачения), которым пользовался жрец (?), посвященный в Великие мистерии.

Ключевые слова: Боспор Киммерийский, Таманский полуостров, святилище, Деметра, Кора, элевсинский культ, мистерии, посвящение / посвящение, вотивные приношения, серебряные пластинки, рельефные изображения, символы, жрец.

В 2004 г. были завершены раскопки святилища Деметры и Кору на Фонталовском полуострове (в центральной части поселения Береговой 4, по карте Я. М. Паромова). Поскольку информация об этом памятнике неоднократно публиковалась (например, см: *Завойкин*, 2003а; 2003б; 2005; 2006а; 2006б; 2007; *Завойкин, Сударев*, 2009; *Zavoikin, Zhuravlev*, 2013), не стану ее здесь повторять. Ограничусь замечаниями, необходимыми для того, чтобы представлять общий контекст того комплекса, в котором были обнаружены интересующие нас предметы. Объект 18.9, открытый в 2002 г., располагался к северо-западу от ЮЗ

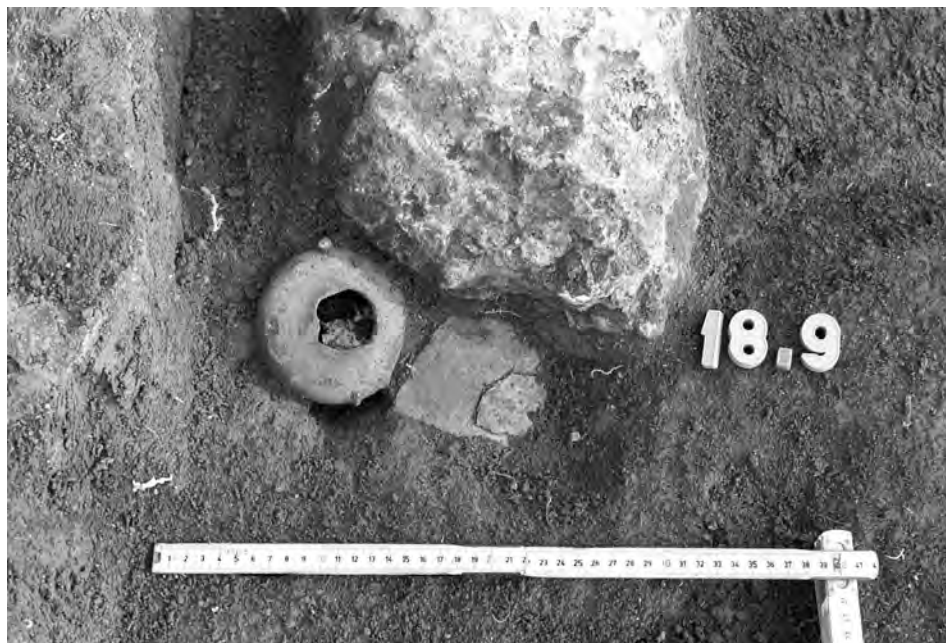
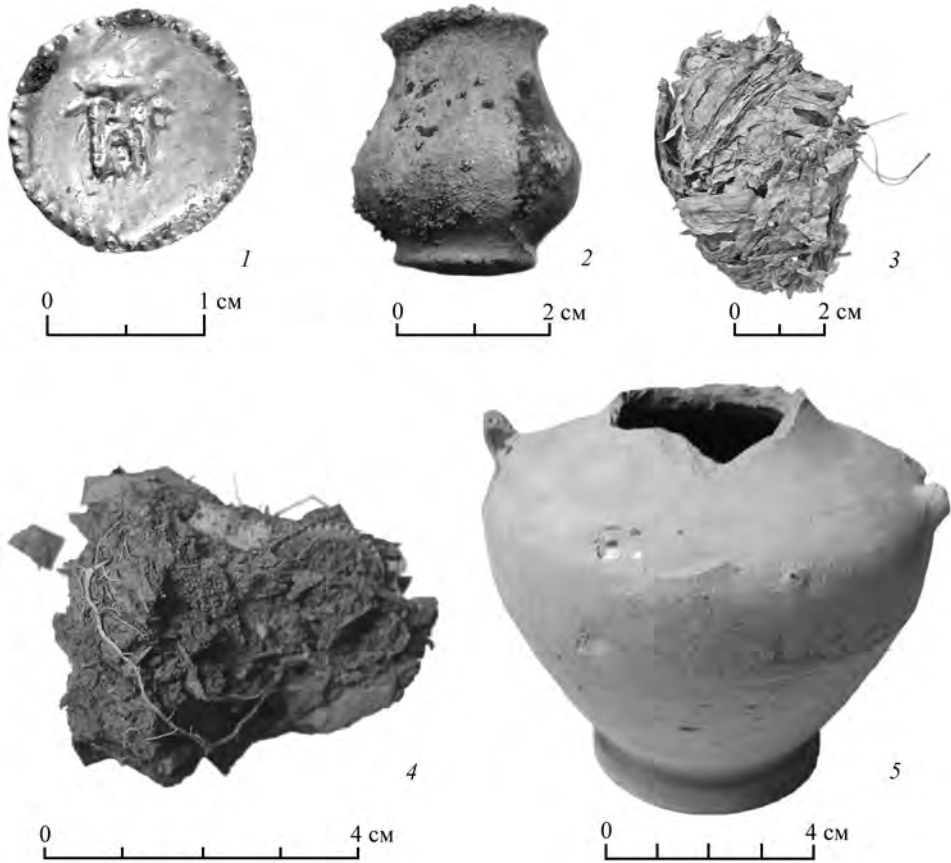

Рис. 1. Объект 18.9 в процессе расчистки. Вид с севера

угла сырцово-кирпичной ограды теменоса¹, построенной не ранее IV в. до н. э. Именно в этом районе (исключительно здесь) концентрировались специфические объекты – небольшие и неглубокие ямы, заполненные продуктами горения (углями и золой)², при том что сожжение проводилось либо непосредственно в самих ямах (что более вероятно), либо же угли и зола засыпались в них еще не погасшими. В любом случае, дно и борта ям сильно обожжены. Некоторые расположенные рядом с ними камни тоже имеют на себе следы огня. После того как огонь утихал, ямы засыпались грунтом. Над засыпью одной из таких ям (18.17), или, вернее, в верхней части ее заполнения, по центру, и располагался один из наиболее интересных комплексов. Он представлял собой небольшой (0,28 × 0,26 × 0,15 м) одиночный камень, у северного края которого в углублении (с уровня подошвы камня) был обнаружен любопытный тайник (рис. 1). В восточной его части под плоско положенным черепком (треснувшим под тяжестью грунта, но оставшимся *in situ*) размещался вертикально поставленный красноглиняный гидриск (рис. 2, 5), у которого заранее было отколото горлышко и все три ручки. Отверстие было заткнуто морской травой, свернутой в плотный

¹ Вернее, видимо, было бы назвать *τέμενος* весь мыс, отгороженный оврагами от остальной площади поселения, а невысокая сырцовая ограда (*θυρικός*) на священном участке выделяла, вероятно, наиболее важную сакральную зону.

² Находки в заполнении этих ям весьма невыразительны и редки, скорее всего, это случайно попавшие обломки керамики.

Рис. 2. Находки из объекта 18.9 (восточного – 2, 3, 5; западного – 1, 4)

1 – золотой медальон с головой сатира; 2 – серебряный горшочек; 3 – затычка миниатюрной ойнохой из морской травы; 4 – комплекс металлических пластинок до расчистки; 5 – красноглиняная миниатюрная ойнохоя

жгут, который после высыхания провалился внутрь сосуда (рис. 1; 2, 3). В этой закупоренной емкости хранился крохотный (3,1 × 3,1 см) *серебряный горшочек* (рис. 2, 2) с округлым туловом и толстым тяжелым дном. Особенно интересны запекшиеся следы потеков субстанции, которая, видимо, кипела в сосудике и, переливаясь через край венчика, стекала по его тулову с одной стороны. К сожалению, до сих пор произвести естественнонаучный анализ этих потеков не удалось. И это тема отдельная. Нас сейчас будет занимать находка, сделанная в западной части тайника. Здесь, вплотную к гидриску (немного ниже), лежал плашмя еще один плоский обломок амфорной стенки. После его удаления открылся развал другого красноглиняного гидриска (тоже без верхней части), черепки которого «скрывали бесформенный клубочек серебряной “ленты”». Сохранность находки очень плохая. Пришлось извлекать ее с комком грунта,

отделить который от металла мы не решились. Высказать сколько-нибудь правдоподобное предположение о том, что это такое, не представляется возможным. Хотя этот “предмет” не производит впечатления законченного изделия, его захоронили весьма тщательно, как некую ценную вещь». Так была описана мною находка в Полевом отчете за 2002 г.

С тех пор прошло более 10 лет, в течение которых решительности развернуть «клубочек» серебра не прибавилось. Несколько раз предмет извлекался из емкости, в которой он бережно хранился, рассматривался безрезультатно, пока земля частично не осыпалась с комка и в его толще, среди серебряных пластин, не показался краешек круглой золотой бляшки (диаметр 15 мм) с тисненым точечным орнаментом по ободку (рис. 2, 4). Дальнейшее исследование загадочной находки стало возможным лишь с конца 2013 г., когда удалось перепоручить реставрацию и консервацию всех находок из металла из святилища заботам реставратора высшей квалификации, старшему научному сотруднику Государственного музея-заповедника «Фанагория» О. Л. Гунчиной. Благодаря ее искусству и трудолюбию стало возможным изучение находки. Но оно еще далеко от завершения и делать окончательные выводы преждевременно. Одно только желание поделиться с коллегами информацией побуждает меня рассказать об этой интересной находке.

Итак, «из того, что можно было разобрать, удалось определить следующие детали:

- одна пластинка с идущей вправо фигурой (40 × 15 мм), с петелькой;
- две большие пластинки со стоящими фигурами (35 × 28 мм и 28[+?] × 28 мм);
- четыре пластинки с ладонью (20 × 10 мм, две из них с петелькой, с ней длина пластинок – 25 мм);
- четыре пластинки с глазами (15 × 10 и 15 × 10 мм, две разрушены, размеры не установлены);
- одна пластинка не поддается определению (15 × 12 мм);
- одна полностью разрушена. И еще полоски шириной от 1 мм до 5 мм³.

Насколько возможно судить на первый взгляд, мы имеем дело с элементами пластинчатого ожерелья. В пользу этого говорят круглые в сечении ушки-петельки, свернутые из выступающей сверху полоски, вырезанной заранее на заготовке, на пластинке с идущей фигурой, а также на двух пластинках с изображением рук. Как крепились к «шнурку» другие пластины, неясно. Большие, со стоящими фигурами, видимо, при помощи полосок-скобок, выступающих сверху. О креплении маленьких пластин (глаза, руки) ничего предположить невозможно, как и о месте в этом комплексе довольно многочисленных полосок, в том числе с «крючком», которые отвалились от комка еще раньше. (О месте в этой композиции медальона с изображением головы сатира (рис. 2, 1)⁴ гадать и вовсе бесполезно.)

³ Из письма О. Л. Гунчиной от 07.04.2014, с уточнениями в ходе дальнейшей реставрации и визуального знакомства с ее результатами (курсив мой, здесь и далее. – А. З).

⁴ Оттиск на круглой пластине из золотой фольги диаметром 15 мм был сделан, очевидно, с лицевой стороны боспорской монеты, на которой изображена голова сатира

Далее речь пойдет об изображениях на подвеске с идущей фигурой (судя по всему, это была центральная в композиции пластина), на пластинах с глазами (четыре) и кистями рук (четыре), которые, возможно, располагались по обе стороны от центра симметрично, а также о пластинах с фасовым изображением человеческой фигуры (две).

1. Прямоугольная (чуть расширяющаяся книзу) пластинка, завершающаяся ушком с круглым в сечении отверстием диаметром ок. 3 мм, на лицевой стороне имеет тисненное в форме (?) изображение идущей вправо (от зрителя) мужской фигуры, обрамленное рельефной рамкой вдоль верхнего и боковых краев пластины (рис. 3, 1). Не все детали изображения хорошо различимы. Тем не менее очевидно, что представленный на пластине человек облачен в длинный хитон (нижний край немного выше щиколоток), складки которого отчетливо просматриваются ниже пояса, их направление соответствует характеру движения; в верхней части корпуса следы одежды не просматриваются. Правая рука согнута в локте, сжатая в кулак кисть – на уровне плеча. Выше кисти (на уровне подбородка) различим небольшой прямоугольный выступ – очевидно, это верхняя часть посоха, нижняя часть которого видна позади фигуры, ниже пояса. Обе ноги, нешироко поставленные, немного согнутые в коленях (левая – в плоскости пластины; правая показана в три четверти), опираются на ступню. Голова показана в профиль. Лицевая часть, выполненная в невысоком рельефе, сохранилась плохо, определенно можно сказать лишь то, что мужчина бородат. На его голове отчетливо различим венчик, однако определить достоверно, из чего он сделан (лавр, плющ, мирт?)⁵, не представляется возможным. В целом изображение реалистично и в художественном отношении явно превосходит все остальные изображения на пластинах, выполненные в схематической манере. (Это еще одно косвенное свидетельство того, что данная пластинка занимала центральное место в композиции.)

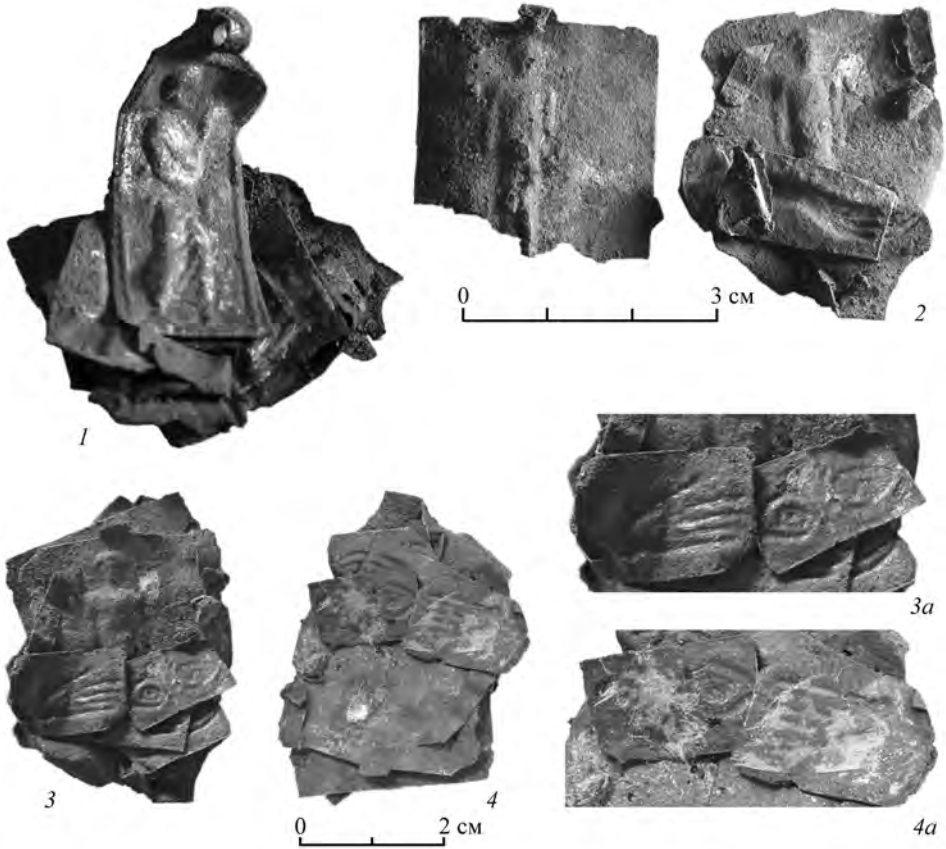
2. Маленькие прямоугольные пластики с изображением глаз (их четыре). Изображение выполнено тиснением, крайне схематично: два расположенных на одной линии рельефных овала, заостренных у внешних краев; глазное яблоко рельефное с углубленной ямкой зрачка (рис. 3, 3, 3а, 4, 4а).

3. Маленькие прямоугольные пластики с изображением кисти рук. Имеются различия в изображениях: на двух пластинках: (а) кисть показана плоскостно,

---

в три четверти влево. Точного соответствия штемпелю мне отыскать не удалось. Исходя из датировки подобных изображений на аверсе монет в пределах ок. 370–280 гг. (см. *Анохин*, 1986. С. 140, 141. Табл. 3, 98, 101, 103, 121), следует думать, что и прототип нашей индикации относится к этому же времени. Тем самым определяем *terminus post quem* для всего комплекса. Необходимо особо подчеркнуть, что довольно часто индикации, найденные в погребениях первых веков н. э. в положении «оболо Харона», были изготовлены с монет II и даже второй половины IV в. до н. э. (см. *Новичихин, Галут*, 2015. С. 59–61). Следует особо отметить, что золотые имитации монет, специально изготавливаемые для нужд погребального обряда, зафиксированы, помимо прочего, в составе погребальных венков и ожерелий (*Абрамзон*, 2015. С. 194–195, с литер.).

⁵ Во время священнодействия мисты носили на голове миртовые венки, а на правой руке и левой ноге – повязки / шерстяную нить пурпурного цвета – *крóкал* (*Латышев*, 1997. С. 207).

Рис. 3. Серебряные пластины с рельефными изображениями из объекта 18.9 (западный)

1 – фигура идущего человека в венке с посохом в руке (подвеска); 2 – стоящие обнаженные мужские фигуры (парные пластины); 3 – пластинки с изображением кисти руки и глаз (поверх пластины со стоящей фигурой); 3а – то же (деталь, увеличено произвольно); 4 – то же (поверх тыльной стороны той же пластины); 4а – то же (деталь, увеличено произвольно)

на второй паре (б) она немного изогнута по дуге (ср. рис. 3, 3а и 3, 2)⁶. Изображения выполнены тиснением, возможно, от руки, крайне схематично: пальцы показаны в рельефе, разделены узким углублением, видимо, выполненным с лицевой стороны острым / узким инструментом.

Точные аналогии описанным предметам мне неизвестны. Искусствоведческий их анализ в мою задачу не входит, а вот определить семантику изображений и тематический характер комплекса в целом можно попытаться (хотя навряд ли эта задача решается однозначно). Единственным подспорьем в этом

⁶ Показана как бы в ракурсе. С тыльной стороны пластины «б» можно рассмотреть только три пальца.

может служить лишь характеристика культа, отправляемого на святилище. Правда, следует учитывать тот факт, что наряду с главными богинями (Деметра и Кора-Персефона) здесь, хотя бы и эпизодически, были представлены и другие божества, в той или иной мере связанные с элевсинскими богинями (Дионис, Афродита, Кибела и Атгис, Афина; см. *Завойкин*, 2007). Но опираться в дальнейших рассуждениях мы будем все же на установленную ранее связь с элевсинским культом. И прежде всего, конечно, вспомним мраморную votivную пластину V в. до н. э. из Элевсина с посвящением Деметре некоего Евкрата (*Clinton*, 1992. Fig. 78). На ней изображена средняя часть лица: два глаза с надбровьями и нос между ними; над ней – узкий карниз, украшенный рисованными *овами*, выше которого представлена голова (по шее) богини, вокруг которой краской показаны расходящиеся лучи⁷. К. Кереньи, отмечая, что целительные функции в целом не характерны для культа Деметры⁸, определенно склоняется к идее, что изображение глаз прямо связано с *visio beatifica*, видением (неважно, физическим или духовным) того, что в корне меняло судьбу посвященных в тайны Элевсина (*Кереньи*, 2000. С. 114–117). «Счастливы те из людей земнородных, кто таинство видел. | Тот же, кто непричастен, до смерти не будет вовеки | Доли подобной иметь в многосумрачном царстве подземном» (Hom. *hymn.* V, 480–482; пер. В. В. Вересаева). Для нас сейчас неважно, *что* именно показывал *иерофант*⁹ достигшим высшей степени посвящения (ἱερόφται – созерцатели (*Clinton*, 2004. P. 50)), – разнообразие мнений об этом очень значительно. Существенно то, что глаза в данном контексте – очевидный символ посвящения в таинства Деметры¹⁰.

Уместно упомянуть и другие примеры присутствия изображений глаз на вотивах из святилищ Деметры. По весьма представительной сводке С.-М. Кронките, таблички с глазами обнаружены среди находок в святилищах Деметры в Пергаме, Месембри¹¹ и в Митилене (*Cronkite*, 1997. P. 60, 182, 441. Tabl. 9. Pl. XVIII). В святилище Митилены (Фесмофорион?) изображения глаз представлены на табличках в наиске или изолированно. Исследовательница считает, что они имели апотропеический характер. Вероятно, речь идет о целительной или защитительной роли вотивов. Для нас, конечно, особенно интересна золотая пластинка с изображением глаз (с бровями), обнаруженная в святилище Деметры

⁷ По мнению К. Кереньи (2000. С. 116), здесь представлено богоявление Персефоны.

⁸ Хотя он и отмечает случай прозрения слепого в Элевсине и приводит еще один пример, упоминающий рельеф из Фракии позднего римского времени (*Кереньи*, 2000. С. 116 и примеч. 53, с литер.).

⁹ ἱεροφάτης = τὰ ἱερά φαίνω.

¹⁰ В данном случае не столь важно, к какой стадии посвящения эти символы относятся. К. Клинтон (цитируя: *Dowden*, 1980. P. 414) возводит термин μύσθης к глаголу μύω – «закрывать (уста или, обычно, глаза), что означает того, кто сохраняет молчание или держит глаза *закрытыми*» (*Clinton*, 2004. P. 50).

¹¹ На золотых и серебряных пластинках из святилища в Месембри представлены различные сцены: процессии несущих посвященные дары сидящей богине, отдельные люди с приношениями, а также лики, показанные целиком (глаза, нос, рот), или же только глаза.

в Нимфее (Худяк, 1962. С. 51. Табл. 45, 1)¹². Конечно, пожертвования в храмы и святилища изображений частей тела, которые были поражены болезнью и исцелены, – дело весьма обычное¹³. Однако едва ли об этом следует думать в нашем случае, и вот почему. Во-первых, в комплексе представлено четыре пары глаз, а во-вторых, с ними соседствует две пары кистей рук, причем они изображены на пластинках тех же размеров, что и глаза, т. е. равнозначны им по смысловой нагрузке. Недопустимо предполагать, что речь идет о массовом, коллективном исцелении глаз и рук.

По всей видимости, изображения кистей рук (предположительно, они замыкали края всей композиции) следует интерпретировать в том же смысловом поле, что и глаза. Если глаза говорят о чем-то созерцаемом, то, по аналогии, кисть руки свидетельствует о «прикосновении» к святой тайне (не существенно, подразумевается физический контакт или духовная сопричастность). В этой связи прежде всего приходит в голову формула (σύνθημα – пароль, условный знак) посвященных в мисты в Малых мистериях (в Аграх), сохраненная Климентом Александрийским (*Protrept.* 2, 21, 2; ср. Arnob. *Adv. Nationes.* V, 26): «Я постился, пил кикеон, брал (ἐλαβον) [нечто] из большой корзины (ἐκ κίστης) и, совершив обряд, положил их в маленькую корзину (εἰς καλάθον), откуда переложил [это] обратно в большую корзину» (см.: Кереньи, 2000. С. 84–86; Латышев, 1997. С. 207–208). «Первые два действия совершенно понятны... Но затем! Сколько людей ломали голову над смыслом этих слов! Сколько фантастических гипотез было выдвинуто для их объяснения!.. Трудно без тени улыбки пересказывать подобные теории», – пишет Вальтер Ф. Отто, справедливо критикуя и отвергая всякие домыслы (*Отто*, 2000. С. 262–264). Как и в случае с *наблюдаемым* во время кульминации высшего посвящения в тайны Великих мистерий в Элевсине (ἐποπτεῖα), так и в случае с тем, чего касались проходящие первый обряд посвящения в Аграх (μῦσις), – все это остается для нас тайной за семью печатями (Там же. С. 264). Поэтому удовлетворимся предположением, что рассмотренные нами символы (глаза и кисти рук) намекают на два этапа посвящения¹⁴.

Раз так, не пора ли вернуться к вопросу о том, кто же изображен на центральной пластинке? Длинный хитон, венок на голове, посох / жезл в руке указывают на то, что перед нами жрец (см. Латышев, 1997. С. 55) или участник священной процессии (следующей по священной дороге из Афин в Элевсин?). Не вызывает сомнений, что выходцы с Боспора, теснейшим образом связанного в V–IV вв. до н. э. с Афинами, были сопричастны элевсинским тайнам, проходя

¹² Наряду с овальной пластиной с глазами, здесь найдены также круглые золотые медальоны с ликом горгоны в фас и с профильным изображением женской головы.

¹³ По указанию В. В. Латышева, «чаще всего из благородных металлов и с надписью имени посвятившего их лица» (Латышев, 1997. С. 45, со ссылкой на инвентарь афинского храма Асклепия (*СИА* II, 2) как пример).

¹⁴ Всего было три этапа посвящения: 1) Малые мистерии (прошедшие этот этап назывались μύσταί); при посвящении в Великие мистерии выделялось две степени: 2) τελετή и 3) ἐποπτεῖα, между которыми должно было пройти не меньше года (Латышев, 1997. С. 202–203).

посвящение как в этот период, так и позднее¹⁵. Так что нет ничего невероятного в том, что изучаемое нами приношение в святилище Деметры было сделано человеком, совершившим паломничество в Элевсин.

4. До сих пор мы оставили без внимания самые крупные по размеру пластинки (рис. 3, 2). По-видимому, сами габариты акцентируют на них внимание. По центру обеих пластин¹⁶ изображена в фас вертикально стоящая обнаженная мужская фигура (слева и справа от нее оставлены широкие пустые поля). Изображение весьма обобщенное, без детальной проработки элементов. Бросается в глаза вытянутость фигуры по вертикали (на одной пластине облом проходит на уровне голени, а на второй ноги закрывает пластина с изображением кисти руки, которую пока не удалось снять). В верхней части головы различимо утолщение: по всей видимости, так представлен валик волос или венчик. Черты сужающегося к низу безбородого лица не выявлены. Плечи неширокие, но выделяются небольшим утолщением дельтовидной мышцы. Торс узкий, продолговатый, без расширения в области таза. Руки свободно свисают вдоль корпуса, примыкая к нему. Ноги выпрямленные, стоящие параллельно, едва расставлены (на ширину стопы, не более). Изображение стоп мы (пока) не видим. В целом изображения внешне напоминают вид архаических курсов в фасовом ракурсе. (Отсутствие возможности наблюдать нижние части ног не позволяет судить о том, изображена ли правая нога человека чуть отставленной назад.)

Рассуждать о том, кого представляют эти фигуры, изображенные «в чем мать родила», лишены какой-либо атрибутики, практически не представляется возможным. Очевидно лишь, что это не божество. Это человек (если все-таки не статуя?), притом показанный с точки зрения греческого изобразительного искусства классической или эллинистической эпохи как-то очень странно, чтобы не сказать – примитивно. Допустимо думать, что этот примитивизм вовсе не случаен, что в данном случае избранные изобразительные приемы адекватны стоявшей перед художником задаче. Отображена как бы голая суть человеческого существа, без каких-либо отвлекающих внимание подробностей, даже физиологического характера, свободная от всего случайного и второстепенного. В каком-то смысле, перед нами символ человека в его первородном виде. (Неслучайно внешний облик представленных на пластинках фигур неизбежно напоминает примитивные изображения людей в «первобытных» культурах или на детских рисунках.)

Итак, если изображения человеческих фигур – тоже символ, то как его можно понимать в элевсинском контексте? Наверное, возможны различные вариации толкования. Мне же кажется, что ответ следует искать в области представлений о духовном перерождении посвященного в таинства, жаждущего жизни за гранью смерти. Нельзя не обратить внимание на тот факт, что во всей галерее многочисленных изображений элевсинских персонажей не встречается ничего подобного ни при изложении мифических событий, ни в ходе подготовительных к посвящению ритуалов (например, см.: *Ruhland*, 1901; *Milonas*, 1961;

¹⁵ На эту тему см. статью М. В. Скржинской (2002. С. 173 и сл.).

¹⁶ Изображения на парных пластинках полностью идентичны, вероятно, выполнены в одной форме (или одним штампом).

Peschlow-Bindokat, 1972; *Clinton*, 1992; и др.). Одно это (если только не ставить под сомнение само направление поиска материала для интерпретации памятника) выводит рассматриваемый нами комплекс в число уникальных свидетельств элевсинского культа.

Рассмотрев изображения на пластинах, вернемся к вопросу, с чем именно мы имеем дело. Набор пластинок с тиснеными изображениями мы назвали «ожерельем» лишь с большой долей условности: помимо пластин с шествующим стефанофором и с руками в ракурсе (вариант *b*), имеющих тщательно изготовленную петлю-проушину, а также пластин со стоящими фигурами, на которых сохранились остатки крепежа, остальные пластинки (с изображениями рук варианта *a* и глаз) не обнаруживают каких-либо следов приспособлений для их подвешивания. Следует признаться, что использование термина «ожерелье» было в известной мере искусственным приемом, позволившим нам, нанизав рассматриваемые пластины на воображаемый шнур, составить сугубо гипотетическую композицию логически взаимосвязанных предметов. Теперь же стоит акцентировать внимание на том факте, что мы не представляем, каким образом и к чему именно крепились некоторые пластины. (Круглая золотая бляшка выглядит уже и вовсе инородным компонентом в этом комплексе.) Таким образом, вероятно, анализируемое собрание предметов не является элементами единого изделия, а скорее представляет собой набор металлических деталей разных вещей (или частей одной вещи), но, по-видимому, тематически связанных между собой. Четное число представленных сюжетов дает основание предполагать симметричное расположение рельефных пластинок. Отсутствие на них сквозных отверстий побуждает отвергнуть гипотезу, что это были, например, декоративные детали одежды (нашивные бляхи), в которые обряжался человек с подвеской на шее. Нужно еще подчеркнуть, что других votивных предметов, чем-либо подобных рассматриваемому комплексу, в святилище обнаружено не было. Навряд ли его можно поставить в один ряд с находками обычных бронзовых украшений (браслеты, перстни и т. д.). Явным образом это не было украшением, которое носили в обыденной жизни! Изделие было изготовлено специально, на заказ для использования в культовых целях (для ритуальных действий). В этом сомнений нет. Заказ был выполнен из высокопробного серебра. Рентгенофлуоресцентный анализ одного из фрагментов показал следующий состав металла: Ag – 99,55 %, Cu – 0,29 %, Au – 0,16 %. (Для сравнения, металл, из которого чеканились первые два типа боспорской монеты в виде примеси, содержал в среднем: меди – 3 % (в более поздних выпусках – примерно 4,5 %), золота – 0,15 % (в более поздних – 0,06 %) (*Смекалова, Дюков*, 2001. С. 21–23, 46)¹⁷.

Кратко резюмируя наблюдения, мы, очевидно, должны признать, что рассмотренный комплекс представляет собой отнюдь не рядовое, обычное приношение *ex voto*, а, скорее, своего рода тайник, в котором были спрятаны метал-

¹⁷ Примесь свинца – 0,8–4 %. Авторы источником монетного серебра на Боспоре со второй четверти V в. до н. э. считают рудники Лавриона, в то время как для предшествовавшей чеканки источник какой-то иной.

личные предметы, составлявшие элементы (детали) культового инвентаря¹⁸, маркировавшего статус лица, прошедшего посвящение в Элевсинские мистерии. В упомянутой раньше статье М. В. Скржинская пишет: «Некоторые из посвященных исполняли роли жрецов и жриц на боспорских праздниках, справлявшихся по элевсинскому образцу, и тогда в ритуалах могли использоваться сосуды с росписью на темы Элевсинских мистерий» (Скржинская, 2002. С. 184)¹⁹. Не исключено, что вывод киевской исследовательницы получает материальное подтверждение на святилище «Береговой 4». Впору вспомнить слова известного исследователя древнегреческой религии К. Кереньи, написанные во введении к его книге об Элевсине: «Немногие предметы исследования науки о религии так легко поддаются попытке воссоздания на основе находок археологических раскопок, как Элевсин и его мистерии. Ввиду мистической сущности этой темы, такой археологический подход дает читателю ощущение более твердой почвы под ногами» (Кереньи, 2000. С. 11). Пожалуй, все-таки только «ощущение» и разве что читателю.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон М. Г., 2015. Золотые имитации античных монет из Фанагории // Золото Фанагории / Отв. ред. М. Ю. Трейстер. М.: ИА РАН. С. 194–201. (Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 2.)
- Анохин В. А., 1986. Монетное дело Боспора. Киев: Наукова думка. 179 с.
- Завойкин А. А., 2003а. ΘΘε: двойственность и троичность на святилище элевсинских богинь («Береговой 4») // Древности Боспора: международный ежегодник по истории, археологии, эпиграфике, нумизматике и филологии Боспора Киммерийского. Т. 6. М.: ИА РАН. С. 104–119.
- Завойкин А. А., 2003б. Керамические вотивы на святилище «Береговой 4» // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. IV Боспорские чтения. Керчь: Деметра. С. 93–99.
- Завойкин А. А., 2005. Две любопытные особенности культа «богини, сидящей на троне» // Древности Евразии от ранней бронзы до раннего средневековья: Памяти В. С. Ольховского / Отв. ред. В. И. Гуляев. М.: ИА РАН. С. 563–567.
- Завойкин А. А., 2006а. Святилище Деметры и Коры на Фонталовском полуострове: природная среда и сакральная топография // ВДИ. № 3. С. 61–76.
- Завойкин А. А., 2006б. Два сюжета в комплексе терракоты на святилище элевсинских богинь (Береговой 4) // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья: Памяти Н. П. Сорокиной / Отв. ред. Д. В. Журавлев. М.: Изд-во ГИМ. С. 158–168. (Труды ГИМ; вып. 159.)
- Завойкин А. А., 2007. Афродита на святилище Деметры и Коры // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок / Отв. ред. В. Ю. Зуев. Ч. 1. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 179–185.
- Завойкин А. А., Сударев Н. И., 2009. Поселение и святилище «Береговой 4». Итоги исследований в 1999–2004 г. // Археологические открытия 1991–2004 гг. Европейская Россия / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.: ИА РАН. С. 174–189.
- Кереньи К., 2000. Элевсин: архетипический образ матери и дочери. М.: Рефл-бук. 288 с.
- Латышев В. В., 1997. Очерк греческих древностей. Ч. 2: Богослужбные и сценические древности. СПб.: Алетейя. 286 с.

¹⁸ Это относится и к маленькому серебряному горшочку, в котором что-то кипятилось (?).

¹⁹ В этой же работе см. обзор памятников Боспора, связанных с этим культом. См. также (Русяева, 2001; 2005. С. 232–354).

- Новичихин А. М., Галут О. В.*, 2015. Золото Горгиипии. Краснодар: И. Платонов. 112 с.
- Отто В. Ф.*, 2000. Смысл элевсинских мистерий // *Кереньи К.* Элевсин: архетипический образ матери и дочери. М.: Рефл-бук. С. 253–274. (Дополнение.)
- Русяева А. С.*, 2001. Элевсинский аспект культа Деметры в Боспорском государстве // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и Средневековья. II Боспорские чтения. Керчь: ЦАИ БФ «Деметра». С. 122–128.
- Русяева А. С.*, 2005. Религия понтийских эллинов в античную эпоху: Мифы. Святилища. Культы олимпийских богов и героев. Киев: Стилос. 560 с.
- Скржинская М. В.*, 2002. Посвящение боспорян в Элевсинские таинства // Северное Причерноморье в античное время: Сб. науч. тр. к 70-летию С. Д. Крыжицкого / Отв. ред. П. П. Толочко. Киев: ИА НАН Украины. С. 173–185.
- Смекалова Т. Н., Дюков Ю. Л.*, 2001. Монетные сплавы государств Причерноморья. Боспор, Ольвия, Тира. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т. 204 с.
- Худяк М. М.*, 1962. Из истории Нимфея VI–III веков до н. э. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа. 64 с. + 47 табл.
- Clinton K.*, 1992. *Mythand Cult. The Iconography of the Eleusinian Mysteries: The Martin P. Nilsson Lectures on Greek Religion, delivered 19–21 November 1990 at the Swedish Institute at Athens.* Stockholm: Swedish Institute in Athens. 209 p.
- Clinton K.*, 2004. *Stages of Initiation in the Eleusinian and Samothracian Mysteries // Greek Mysteries. The Archaeology and Ritual of Ancient Greek Secret Cults / Ed. M. B. Cosmopoulos.* London; New York: Routledge. P. 50–78.
- Cronkite S.-M.*, 1997. *The Sanctuary of Demeter at Mytilene: Diachronic and Contextual Study: A thesis submitted for degree of Doctorate of Philosophy in the London University.* London: Institute of Archaeology. 2 vols.
- Dowden K.*, 1980. *Grades in the Eleusinian Mysteries // Revue de l'histoire des religions.* Vol. 197. P. 409–427.
- Milonas G. E.*, 1961. *Eleusis and Eleusinian Mysteries.* Princeton: Princeton University Press. 346 p.
- Peschlow-Bindokat A.*, 1972. *Demeter und Persephone in der Attischen Kunst des 6. bis 4. Jahrhunderts // JDAI.* Bd. 87. P. 60–157.
- Ruhland M.*, 1901. *Eleusinischen Göttinnen. Entwicklung ihrer Typen in der Attischen Plastik.* Strassburg: Verlag von K. J. Trübner. 108 S.
- Zavoikin A., Zhuravlev D.*, 2013. *Lamps from a Sanctuary of Eleusinian Goddesses – «Beregovoi-4» // ACSS.* Vol. 19. № 2. P. 155–216.

Сведения об авторе

Завойкин Алексей Андреевич,
Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия,
e-mail: bospor@inbox.ru

A. A. Zavoykin

Ανάθημα 18.9 at the Sanctuary of Demeter and Kore (Beregovoy 4)

Abstract. The paper is dedicated to a unique find made in 2002 during excavations at the Sanctuary of Demeter and Kore in the Taman Peninsula. The find is an assemblage of metal relief plaques hidden in the lower part of a miniature red clay hydria. The vessel was covered by a sherd and hidden in soil near a stone. The assemblage includes one gold plaque shaped as a medallion with an impression of a satyr head and several silver plaques featuring different images such as a walking male figure dressed in a long garment

with a wreath on his head holding a stick/rod in his hand (1 plaque with a round loop for hanging); paired images of the eyes (4 plaques); single images of the hands (2 plaques); and naked male figures standing en face (2 plaques). (Two more plaques have not been cleaned yet; one plaque is not interpretable, and one plaque has been lost.) The paper has attempted to interpret these schematic and realistic images in the context of the Eleusinian Cult. The author comes to the conclusion that, in all likelihood, these plaques are metal parts of the sacred objects (or parts of vestments) used by a hierophant (?) at the Greater Mysteries, rather than regular votive offerings.

Keywords: Cimmerian Bosphorus, Taman Peninsula, sanctuary, Demeter, Kore, Eleusinian Cult, mystery, initiation / dedication, votive offerings, silver plaques, relief imagery, symbols, hierophant.

REFERENCES

- Abramzon M. G., 2015. Zolotyie imitatsii antichnykh monet iz Fanagorii [Gold imitations of Classical coins from Phanagoria]. *Zoloto Fanagorii [Gold of Phanagoria]*. M. Yu. Treyster Moscow: IARAN. S. 194–201. (Fanagoriya. Rezul'taty arheologicheskikh issledovaniy, 2).
- Anokhin V. A., 1986. Monetnoe delo Bospora [Bosporan coinage]. Kiev: Naukova dumka. 179 p.
- Clinton K., 1992. Mythand Cult. The Iconography of the Eleusinian Mysteries: The Martin P. Nilsson Lectures on Greek Religion, delivered 19–21 November 1990 at the Swedish Institute at Athens. Stockholm: Swedish Institute in Athens. 209 p.
- Clinton K., 2004. Stages of Initiation in the Eleusinian and Samothracian Mysteries. *Greek Mysteries. The Archaeology and Ritual of Ancient Greek Secret Cults*. M. B. Cosmopoulos, ed. London; New York: Routledge, pp. 50–78.
- Cronkite S.-M., 1997. The Sanctuary of Demeter at Mytilene: Diachronic and Contextual Study: A thesis submitted for degree of Doctorate of Philosophy in the London University. London: Institute of Archaeology. 2 vols.
- Dowden K. 1980. Grades in the Eleusinian Mysteries. *Revue de l'histoire des religions*, 197, pp. 409–427.
- Keren'i K., 2000. Eleusin: arkhetyicheskiy obraz materi i docheri [Eleusis: archetypical image of mother and daughter]. Moscow: Refl-buk. 288 p.
- Khudjak M. M., 1962. Iz istorii Nymfeia VI–III vekov do n. e. [From history of Nymphaion in the VI–III centuries BC]. Leningrad: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha. 64 p. + 47 pls.
- Latyshev V. V., 1997. Ocherk grecheskikh drevnostey [Essay on Greek antiquities], 2. Bogosluzhebnye i stsenicheskie drevnosti [Antiquities of public worship and stage]. St. Petersburg: Aletyya. 286 p.
- Milonas G. E., 1961. Eleusis and Eleusinian Mysteries. Princeton: Princeton University Press. 346 p.
- Novichikhin A. M., Galut O. V. 2015. Zoloto Gorgippii [Gold of Gorgippia]. Krasnodar: I. Platonov. 112 p.
- Otto V. F., 2000. Smysl elevsinskikh misteriy [Meaning of Eleusinian mysteries]. *Keren'i K. Eleusin: arkhetyicheskiy obraz materi i docheri [Eleusis: archetypical image of mother and daughter]*. Moscow: Refl-buk. C. 253–274. (Supplement).
- Peschlow-Bindokat A., 1972. Demeter und Persephone in der Attischen Kunst des 6. bis 4. Jahrhunderts. *Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts*, 87, pp. 60–157.
- Ruhland M., 1901. Eleusinischen Göttinnen. Entwicklung ihrer Typen in der Attischen Plastik. Strassburg: Verlag von K. J. Trübner. 108 p.
- Rusyaeva A. S., 2001. Elevsinskiy aspekt kul'ta Demetry v Bosporskom gosudarstve [Eleusinian aspect of Demeter cult in Bosporan state]. *Bospor Kimmerijskiy i Pont v period antichnosti i srednevekov'ya. II Bosporskie chteniya [Cimmerian Bosphorus and Pontus in epoch of Classical antiquity and Middle Ages. II Bosporan readings]*. Kerch': Demetra, pp. 122–128.
- Rusyaeva A. S., 2005. Religiya pontiyskikh ellinov v antichnuyu epokhu: Mify. Svyatilishcha. Kul'ty olimpiyskikh bogov i heroev [Religion of Pontic Hellenes in Classical antiquity: Myths. Sanctuaries. Olympic gods and heroes cults]. Kiev: Stilos. 560 p.

- Skrzhinskaya M. V., 2002. Posvyashchenie bosporyan v Eleusinskie tainstva [Initiation of Bosporans in Eleusinian mysteries]. *Severnoe Prichernomor'e v antichnoe vremya: sbornik nauchnykh trudov k 70-letiyu S. D. Kryzhitskogo [North Pontic zone in Classical time: collection of scientific works toward 70th anniversary of S. D. Kryzhitskiy]*. P. P. Tolochko, ed. Kiev: IA NANU, pp. 173–185.
- Smekalova T. N., Dyukov Yu. L., 2001. Monetnye splavy gosudarstv Prichernomor'ya. Bospor, Ol'viya, Tira [Coin alloys of Pontic states. Bosporus, Olbia, Tyra]. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet. 204 p.
- Zavoikin A., Zhuravlev D., 2013. Lamps from a Sanctuary of Eleusinian Goddesses – «Beregovoi-4». *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*, vol. 19, no. 2, pp. 155–216.
- Zavoykin A. A., 2003a. Keramicheskie votivy na svyatilishche «Beregovoy 4» [Ceramic votives at sanctuary «Beregovoy 4»]. *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya, IV Bosporskie chteniya [Cimmerian Bosporus and barbaric world in period of Classical antiquity and Middle Ages. IV Bosporan readings]*. Kerch': Demetra, pp. 93–99.
- Zavoykin A. A., 2003b. ΘΘε: dvoystvennost' i troichnost' na svyatilishche elevsinskikh bogin' («Beregovoy 4») [ΘΘε: duality and ternarity at sanctuary of Eleusinian goddesses («Beregovoy 4»)]. *Drevnosti Bospora [Antiquities of Bosporus]*, vol. 6. Moscow: IA RAS, pp. 104–119.
- Zavoykin A. A., 2005. Dve lyubopytnye osobennosti kul'ta «bogini, sidyashchey na trone» [Two interesting features of cult of “goddess seated on throne”]. *Drevnosti Evrazii ot ranney bronzy do rannego srednevekov'ya: Pamyati V. S. Ol'khovskogo [Antiquities of Eurasia from Early Bronze Age to early Middle Ages: In memory of V. S. Olkhovskiy]*. V. I. Gulyaev, ed. Moscow: IA RAN, pp. 563–567.
- Zavoykin A. A., 2006a. Dva syuzheta v komplekse terrakoty na svyatilishche elevsinskikh bogin' (Beregovoy 4) [Two subjects in complex of terracotta at sanctuary of Eleusinian goddesses (Beregovoy 4)]. *Severnoe Prichernomor'e v epokhu antichnosti i srednevekov'ya: Pamyati N. P. Sorokinoy [North Pontic zone in epoch of Classical antiquity and Middle Ages: In memory of N. P. Sorokina]*. D. V. Zhuravlev, ed. Moscow: Izdatel'stvo Gosudarstvenngo istoricheskogo muzeya, pp. 158–168. (Trudy GIM, 159).
- Zavoykin A. A., 2006b. Svyatilishche Demetry i Kory na Fontalovskom poluostrrove: prirodnyaya sreda i sakral'naya topografiya [Sanctuary of Demeter and Kore at Fontalovsky Peninsula: natural environment and sacral topography]. *VDI*, № 3, pp. 61–76.
- Zavoykin A. A., 2007. Afrodita na svyatilishche Demetry i Kory [Aphrodite at sanctuary of Demeter and Kore]. *Bosporskiy fenomen: sakral'nyy smysl regiona, pamyatnikov, nakhodok [Bosporan phenomenon: sacral meaning of the region, sites, finds]*, 1. V. Yu. Zuev, ed. St. Petersburg: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, pp. 179–185.
- Zavoykin A. A., Sudarev N. I., 2009. Poselenie i svyatilishche «Beregovoy 4». Itogi issledovaniy v 1999–2004 g. [Settlement and sanctuary “Beregovoy 4”. Results of investigations in 1999–2004]. *Arheologicheskie otkrytiya 1991–2004 gg. Evropeyskaya Rossiya [Archaeological discoveries of 1991–2004. European Russia]*. N. A. Makarov, ed. Moscow: IA RAN, pp. 174–189.

About the author

Zavoykin Aleksey A.,
 Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow,
 117036, Russian Federation,
 e-mail: bospor@inbox.ru

А. А. Медынцева

АВТОГРАФЫ ПИСЦОВ ПОСАДНИКА ОСТРОМИРА ИЗ НОВГОРОДСКОЙ СОФИИ

Резюме. В статье рассматриваются два автографа писцов известного новгородского посадника Остромира, обнаруженные на стенах Новгородского Софийского собора. Приводятся возможные варианты реконструкции имени писца, оставившего автограф в ризнице храма, публикуется рисунок буквицы при втором автографе. Сопоставление материала позволяет высказать предположение, что при Новгородском соборе при посаднике Остромире (56–60 гг. XI в.) уже формировался скрипторий.

Ключевые слова: Софийский Новгородский собор, граффити, писцы-изографы, эпиграфика, палеография, иллюминированные рукописи, инициалы.

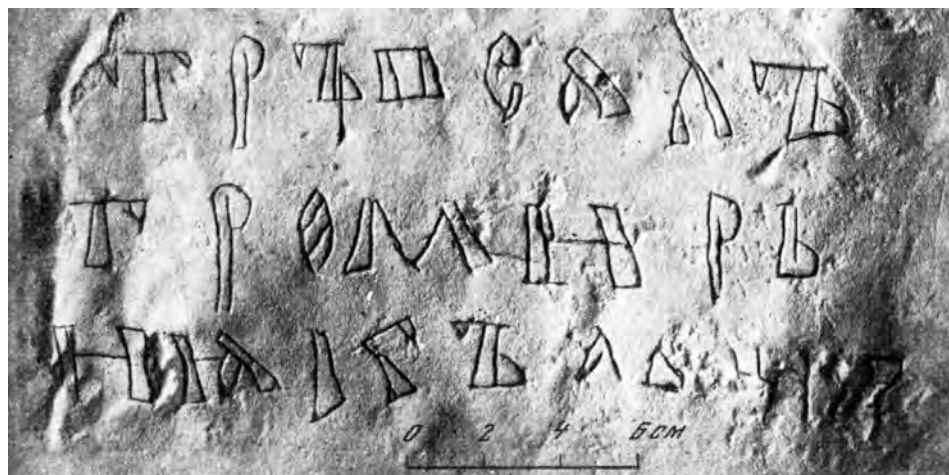
В изучении письменной культуры Древней Руси, наряду с самими рукописями, в последние десятилетия исследователи обращают внимание на такие нетрадиционные источники, как памятники «некнижной письменности»: берестяные грамоты, надписи-граффити и другие памятники эпиграфики. Это необходимая составляющая современного уровня исследований, позволяющая выяснить культурно-историческую среду, на фоне которой протекала деятельность известных книжных центров, судить о степени грамотности и образованности (*Рождественская*, 1991. С. 18). Известны трудности их изучения, такие как краткость, плохая сохранность, фрагментарность. Тем не менее эти «малые источники» по сравнению с рукописями имеют и явные преимущества, такие как аутентичность, массовость, географическая и топографическая определенность.

Исследования надписей-граффити Новгородской Софии показывают, что по крайней мере половина надписей оставлена представителями клира, знати, церковно-княжеской администрации, ремесленниками, работавшими в религиозной сфере (*Медынцева*, 1978. С. 193). Среди них немало автографов писцов и художников, что следует иногда по упоминанию в тексте профессии писавшего: дьяк, пономарь, писец (?) – или сопровождающим надпись рисункам буквиц, заставок. К настоящему времени уже накоплен значительный фактический материал, характеризующий эту сферу деятельности. Это дает возможность дополнить новыми именами и фактами известные по рукописям сведения.

Большое количество сохранившихся рукописных книг новгородского происхождения, в том числе древнейших (второй половины XI – начала XII в.), косвенно указывает на наличие при Новгородском Софийском соборе библиотеки и скриптория (Розов, 1983. С. 148–150). Прямо свидетельствуют об этом надписи – автографы писцов. Среди них в первую очередь привлекают внимание автографы дьяков посадника Остромира. Впервые две надписи Петра, дьяка Остромира, были опубликованы в 1978 г., тогда же были высказаны предположения о связи автографов с посадником Остромиром (Медынцева, 1978. С. 94–97). Одна из них находится на стене лестничной башни, на уровне седьмой (если считать от уровня современного пола) лестничной площадки (рис. 1). Тщательно выполненная крупными, каллиграфическими уставными буквами, начерченными двойным контуром, надпись гласит: *(Петръ) псалъ (Остромиръ) дѣякъ. (Аминь)*. Начало строк утрачено (утраченные буквы заключены в круглые скобки, но легко восстанавливаются, йотованное А передано в наборе как Я). Слово «аминь» приписано иным, более небрежным, почерком (рис. 1). Обращает внимание, что на конце имени Остромир написан Ъ, что позволяет понять это имя как притяжательное прилагательное от имени «Остромир». В таком случае надпись переводится как «Петр писал, дьяк Остромира». Палеографически надпись датируется XI–XII вв. Остромир – чрезвычайно редкое имя, заметим к тому же, лицо светское, у которого в подчинении находится дьяк Петр. В письменных источниках нам известен только один Остромир – Иосиф, бывший посадником в Новгороде в 1054–1060 гг., известный заказчик Остромирова Евангелия, заказавший его для своего родственника князя Изяслава Ярославича. По поводу этого родства существуют различные предположения. Традиционно считается, что Остромир был дядей Изяслава по материнской линии. В приписке дьякона Григория к Остромирову Евангелию он называется «близким» князю Ярославу (Столярова, 2000. С. 13–17).

При публикации было высказано предположение, что имя Остромир обязательно указывает на посадника Остромира, так как оно может быть мирским, бытовым именем дьяка Петра. Основанием для сомнений в правомерности отождествления Остромира, упомянутого в граффити с тем же дьяком известного новгородского посадника послужило наличие еще одной надписи, в то время сохранившейся только в виде эстампажа в архиве И. А. Шляпкина и, судя по описи, находившейся на хорах, в западной части южной галереи. На первый взгляд эти надписи одного содержания, по странной случайности утратившие начало первых двух-трех букв мирского и крестильного имени. Эта вторая надпись читается так: *(Петръ) псалъ / (Остромиръ) дѣякъ*. Мирское имя писца восстанавливается легко, так как отсутствуют не три, а лишь первые две буквы имени. Но почерк надписи иной, отличается и графика: на конце имени отчетливо читается Ъ, а не Б, иначе написано и слово «дьяк» – использовано *і* (десятеричное) и «юс малый» для обозначения йотованного А (см. рис. 2: с. 356), отсутствует и слово *аминь*, добавленное в первой надписи. Совпадение содержания с разницей в написании окончания мирского имени ОСТРОМИРЬ и ОСТРОМИРЬ позволило предположить, что мы имеем дело с графическим неразличением редуцированных, подобно некоторым древнейшим новгородским письменным памятникам. Это дало основание считать,

Рис 1. Первый автограф Петра, дьяка Остромира.
Лестничная башня собора Софии (по: Медынцева, 1978)

что обе надписи упоминают одного и того же человека. При этом их можно понимать как «*Остромиръ дьяк*», т. е. дьяк Остромира (р. п.), так и «*Остромир дьяк*» (номинатив), с предпочтением первого варианта, так как первый автограф выполнен более тщательно и «грамотно». Из известной приписки к Остромирову Евангелию мы знаем имя основного писца (по крайней мере из трех) – дьякон Григорий – и имя заказчика – Остромир – и его крестильное имя – Иосиф (*Столярова*, 2000. С. 13–18). Дьяками называют себя и авторы других приписок к древнейшим рукописям, например писец Изборника Святослава 1073 г. (Там же. С. 25–26) и др. Таким образом, ясно, что дьяконы (духовные лица) уже с XI в. исполняли при князьях и знатных вельможах роль писцов и секретарей, что позднее превратилось уже в светскую должность – главу канцелярии, занимавшую важное место в государственном и церковном управлении. Точных сведений о времени возникновения светской, канцелярской должности дьяков не сохранилось, но очевидно, что первоначально они одновременно были лицами духовными.

Недавние реставрационные работы и разыскания в процессе работы над корпусом новгородских надписей-граффити А. А. Гиппиуса и С. М. Михеева выявили новые детали в прочтении второго автографа (*Гиппиус, Михеев*, 2013. С. 162). Авторы по-новому реконструировали прочтение второго автографа: по их мнению, имя следует реконструировать как (Про)[х](о)[ръ] – в круглых скобках отмечены полностью утраченные, в квадратных – частично сохранившиеся буквы. Таким образом, по их мнению, надписи упоминают разных лиц, а у посадника Остромира было по крайней мере два дьяка – Петр и Прохор, при этом сомнений в принадлежности имени Остромир известному посаднику не высказывается из-за исключительности упоминания имени в летописных источниках. Был вновь обнаружен и сам автограф. Он находится на хорах, в помещении

ризицы¹. К сожалению, сохранность надписи такая же, какой она была представлена на эстампаже И. А. Шляпкина. Начало надписи повреждено, от имени, которое при первой публикации было восстановлено как *Петр*, а позднее как *Прохор*, сохранились только петля конечного **Ъ** и длинная черта, выходящая в нижнее межстрочное пространство, вероятно, от буквы **Р** (при обоих вариантах реконструкции имени). Вполне может быть, что имя писавшего автора Прохор, но и прежнее прочтение «Петр» также полностью не исключается. По крайней мере, оно подтверждается первой надписью дьяка Остромира, так как опыт изучения граффити показывает, что надписи одинакового содержания иногда повторяются. Но уверенно можно утверждать, что второй автограф написан другим почерком и с иными графическими приемами. Объяснить исполнение надписей разными почерками, помимо принадлежности разным лицам, можно и тем, что первый автограф написан по заказу Петра, только в конце приписавшего «аминь» собственноручно. К сожалению, это слово плохо сохранилось, более или менее уверенно можно различить лишь конечный **Ъ** с большим навесом, напоминающим начертание этой буквы во втором автографе. Но не вызывает сомнения, что автор и этой надписи был профессиональным писцом, о чем говорит и термин «дьяк», и изящные профессиональные росчерки в конце каждой строки, часто используемые в рукописях профессиональными писцами. Еще один факт, безусловно, подтверждает профессию писавшего. Речь идет о художественно выполненном и ранее не опубликованном инициале, начерченном под этой второй надписью дьяка Остромира. В настоящее время он не сохранился. Но на одной из фотографий из архива И. А. Шляпкина (III № 16471, 163–966) отчетливо видна крупная (судя по масштабной линейке, около 12–13 см высотой) буква **В**, украшенная растительным орнаментом. На этой же фотографии над буквицей просматриваются буквы **ТР** имени второго автографа Остромира (рис. 3), что позволяет с точностью связать буквицу со вторым автографом Остромира-Прохора (?). Над ней видны остатки еще одной надписи (можно различить только каллиграфическую букву **Ѧ**). В настоящее время это пространство полностью заштукатурено, но фотография из архива дает отчетливое представление об инициале. Он представляет собой букву **Ѧ**, наиболее часто встречающуюся в рукописях в виде инициала, так как с нее начинались в Евангелии-апракос отдельные части рукописи, например «*Въ оно время...*». Обычно инициалы писались отдельно от текста – после его написания или до, – перед каждой самостоятельной частью произведения. Чаще всего их исполняли киноварью, иногда рисунок буквы дополнялся другими деталями, украшенными иными красками: голубой, желтой или зеленой, а в особо роскошных рукописях и золотой. Петр (Прохор?), прочерчивая буквицу по твердой штукатурке, вынужден был работать только линией, что не сказалось на выразительности инициала, а лишь подчеркнуло мастерство писца, которого можно считать и художником (изографом). По основному рисунку буква представляет собой форму с уменьшенной верхней частью, петли примыкают к мачте чуть выше середины, они декорированы

¹ Пользуюсь случаем выразить искреннюю благодарность С. М. Михееву за любезно предоставленные фото и информацию об обстоятельствах открытия и сохранности надписи.

стилизованными завитками – листьями так называемых полукринов. Мачта и горизонтальные линии украшены узловатыми завитками. В целом рисунок буквы характерен для разнообразных «растительных» инициалов ряда древнейших рукописей XI–XII вв., украшающих многие их страницы и нигде не повторяющихся полностью. Ближайшую аналогию представляет инициал на л. 19 рукописи «Слова Григория Богослова» второй половины XI в. (Уханова, 2013). Там мы видим тот же рисунок буквы, украшенный полулистами аканфа, и мачту с узловатыми завитками (рис. 4, а). Сближает обе буквы и общий рисунок, как бы устремленный вправо и вверх, что подчеркивается завершением нижней петли изящным росчерком, направленным вниз в рукописной буквице. В рисунке из Софийского собора нижняя часть повреждена, но, судя по направлению линий, буквица должна была иметь такое же завершение. Другую близкую аналогию представляет собой буквица на л. 140 из Остромирова Евангелия: она более пышно изукрашена за счет исполнения в три краски, верхняя петля ее завершается головой «змеи», как бы выползающей из завитков аканфа, что вообще характерно для декоративного убранства этой роскошной рукописи (рис. 4, б). Но общий рисунок букв и система украшений совпадает до деталей, подтверждая и датировку, и мастерство писца – изографа Петра (Прохора?). Небольшой очерк об автографах писцов (одного или двух) посадника Остромира дает дополнительный фактический материал о писцах, скорее всего работавших (служивших) при самом соборе Софии в Новгороде, о чем свидетельствует местоположение надписей – на стене лестницы и ризницы храма, недоступных для обычных паломников и прихожан. Надписи-граффити умножают сведения о переписчиках рукописей, дополняя их

**Рис. 3. Фото буквицы под автографом Петра (Прохора?).
Архив И. А. Шляпкина.
Публикуется впервые**

Рис. 4. Буквицы из Слова Григория Богослова (а) и Остромирова Евангелия (б)

список новыми именами. У Остромира, помимо засвидетельствованного собственноручно припиской дьякона Григория, было, если судить по почеркам Остромирова Евангелия, как минимум еще два неизвестных по имени писца. Нет данных, что ими были именно Петр и Прохор (?). Исследователи до сих пор спорят о месте создания Евангелия, несмотря на то, что в выходной записи недвусмысленно указано, что оно написано в период, когда Изяслав «предержал обе власти»: на киевском столе остался сам, а новгородский престол брата своего Владимира поручил Остромиру. Автографы писцов Остромира, дьяков Петра и Прохора (?), которые находятся на стенах собора Софии, рисунок буквицы, очень близкой к некоторым инициалам Остромирова Евангелия, позволяют говорить, по крайней мере, о присутствии дьяков-писцов посадника Остромира в Новгородской Софии (1056-й – год назначения посадником, 1060-й – предполагаемый год гибели). В упомянутой выходной записи писца дьякона Григория говорится, что он «почах же писати, месяца октября 21..., а окончах месяца мая в 12...», таким образом, в 6565/1057 г. Остромир был еще жив, а дьякон Григорий трудился над перепиской Евангелия по заказу посадника. Место написания Евангелия до сих пор вызывает споры – Киев или Новгород, но предназначено оно было для Новгородского Софийского собора. Что же касается наличия скриптории при соборе, конечно, это пока лишь гипотеза. По мнению Е. В. Ухановой,

невозможно говорить о наличии в Новгороде профессионального книгописного центра в это время (Уханова, 2009. С. 209–210). Но автографы дьяков Остромира с явными признаками владения каллиграфией (двух – Петра и Прохора – при чтении А. А. Гиппиуса и С. М. Михеева или одного Петра при первоначальном прочтении), создание рукописи по заказу Остромира во время его новгородского посадничества свидетельствуют о присутствии в Новгородском Софийском соборе профессиональных писцов – дьяков-каллиграфов уже в 50-е гг. XI в.

ЛИТЕРАТУРА

- Гиппиус А. А., Михеев С. М., 2013. О подготовке свода надписей-граффити Новгородского Софийского собора // Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики: XV Междунар. съезд славистов, Минск, 20–27 августа 2013 г.: Докл. рос. делегации. М.: Дрвнлехранилище. С. 152–179.
- Медынцева А. А., 1978. Древнерусские надписи новгородского Софийского собора, XI–XIV вв. М.: Наука. 312 с.
- Рождественская Т. В., 1991. Развитие грамотности и книжной культуры в Новгороде (по данным эпиграфики) // Книжные центры в Древней Руси XI–XVI вв. / Ред. Р. П. Дмитриева. СПб.: Наука. С. 17–28.
- Розов Н. И., 1983. Несколько слов о библиотеке Новгородского Софийского собора // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М.: Наука. С. 148–150.
- Столярова Л. В., 2000. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV веков. М.: Наука. 544 с.
- Уханова Л. В., 2009. О становлении новгородского книгописания в XI – начале XII в. // Средневековые книжные центры: местные традиции и международные связи: Тр. Междунар. науч. конф. (Москва 5–7 сентября 2005 г.) М.: СканРус. С. 204–237. (Хризограф; вып. 3.)
- Уханова Л. В., 2013. Западноевропейские источники в древнерусской книжной культуре XI века и Остромирово Евангелие // Путем орнамента: Исследования по искусству Византийского мира / Сост. и отв. ред. А. Л. Салимский. М.: Макс Пресс. С. 206–230. (Труды Центрального музея древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева; т. 7.)

Сведения об авторе

Медынцева Альбина Александровна,
Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия,
e-mail: medyntc@gmail.com

A. A. Medyntseva

Autographs Left by the Scribes / Icon-Painters of Posadnik Ostromir in the Cathedral of St. Sophia in Novgorod

Abstract. The paper deals with two autographs made by the scribes of a renowned posadnik from Novgorod called Ostromir, which were identified on the walls of the Cathedral of St. Sophia in Novgorod. The paper provides several reconstructed versions of the name of the scribe who left his autograph in the cathedral sacristy; a drawing of the initial letter of the second autograph is published. The comparison of the material suggests that during the Posadnik Ostromir rule (1156–1160) a scriptorium was being created at the Novgorod Cathedral.

Keywords: Cathedral of St. Sophia in Novgorod, graffiti, scribes / icon-painters, epigraphy, illuminated manuscripts, initials.

REFERENCES

- Gippius A. A. Mikheev S. M., 2013. O podgotovke Svoda nadpisey-graffiti Novgorodskogo Sofiyskogo sobora [On preparation of corpus of graffiti inscriptions from St. Sophia cathedral in Novgorod]. *Pis'mennost', literatura, fol'klor slavyanskikh narodov. Istoriya slavistiki: XV Mezhdunarodnyy s'ezd slavistov: doklady rossiyskoy delegatsii* [Literacy, literature, folklore of Slavic peoples. History of Slavonic philology: XV International congress of specialists in Slavonic studies: reports of Russian delegation]. Moscow: Drevlekhranilishche, pp. 152–179.
- Medyntseva A. A., 1978. Drevnerusskie nadpisi novgorodskogo Sofiyskogo sobora [Medieval Russian inscriptions of St. Sophia cathedral in Novgorod]. Moscow. 312 p.
- Rozhdestvenskaya T. V., 1991. Razvitie gramotnosti i knizhnoy kul'tury v Novgorode (po dannym epigrafiki) [Evolution of literacy and book culture in Novgorod (based on epigraphic data)]. *Knizhnye tsenry v Drevney Rusi XI–XVI vv.* [Book centres in Medieval Rus of XI–XVI cc.]. R. P. Dmitrieva, ed. St. Petersburg: Nauka, pp. 17–28.
- Rozov N. I., 1983. Neskol'ko slov o biblioteke Novgorodskogo Sofiyskogo sobora [Some words on library of St. Sophia cathedral in Novgorod]. *Drevnerusskoe iskusstvo: Rukopisnaya kniga* [Ancient Russian art: Hand-written book]. Moscow: Nauka, pp. 148–150.
- Stolyarova L. V., 2000. Svod zapisey pistov, khudozhnikov i perepletchikov drevnerusskikh pergamennykh kodeksov XI–XIV vekov [Catalogue of scribes, artists and bookbinders' inscriptions in Medieval Russian parchment codexes of XI–XIV centuries]. Moscow: Nauka. 544 p.
- Ukhanova L. V., 2009. O stanovlenii novgorodskogo knigopisaniya v XI – nachale XII v. [On formation of Novgorod book-writing in XI – early XII c.]. *Srednevekoveye knizhnye tsenry: mestnye traditsii i mezhdunarodnye svyazi: trudy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (2005 g.)* [Medieval book centres: regional traditions and international relations: proceedings of International scientific conference (2005)]. Moscow: SkanRus, pp. 204–237. (Khrizograf, 3).
- Ukhanova L. V., 2013. Zapadnoevropeyskie istochniki v drevnerusskoy knizhnoy kul'ture XI veka i Ostromirovo Evangelie [West-European sources in medieval Russian book culture of XI century and the Gospel of Ostromir]. *Putem ornamenta: Issledovaniya po iskusstvu Vizantiyskogo mira* [Following ornament: Researches in art of Byzantine world]. A. L. Salimskiy, ed., comp. Moscow: Maks Press, pp. 206–230. (Trudy Tsentral'nogo muzeya drevnerusskoy kul'tury i iskusstva im. Andreyana Rubleva, 7).

About the author

Medyntseva Albina A.,
 Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow,
 117036, Russian Federation,
 e-mail: medyntc@gmail.com

Л. А. Беляев

НОВЫЕ ПЛИТЫ ИНОЗЕМЦЕВ XVII в. В МОСКОВИИ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ПУБЛИКАЦИЯ

Резюме: В статье дан краткий очерк находок плит на старонемецком языке в Московском государстве (XVI–XVII вв.) за последние 15 лет. Публикуются два надгробия, связанные с родом Келлерманов (семья переводчиков, дипломатов и купцов, хорошо известных в России с конца XVI в.). Одна из эпитафий (1653 г.) содержит стихотворную цитату из проповеди Мартина Хиллера (г. Райхенбах, 1625 г.), что свидетельствует об интересе московских немцев к протестантскому богословию и их связях с Германией.

Ключевые слова: международные связи, немцы и голландцы в Москве, немецкие кладбища, каменные надгробия, род Келлерманов, Мартин Хиллер, г. Райхенбах (Силезия).

Последние обзорные публикации, посвященные кладбищам иноземцев в средневековом Московском государстве, относятся к концу 1980-х – второй половине 1990-х гг. (*Дрбоглав*, 1988; *Беляев*, 1996. С. 233–245, 277–282). За истекшие 20 лет надгробий с древних иноверческих некрополей прибавилось мало – нам известны только четыре плиты с надписями. Однако их география включает теперь не только Москву и Серпухов, давно вошедшие в список городов с надгробиями иноземцев, но и Тверь, где ранее плит с такими надписями не находили.¹ Особенно важны два надгробия, которые попали в наше распоряжение в 2015 г., причем надпись на одном из них отличалась деталями, ранее в германоязычной эпиграфике Москвы просто не встречавшимися.

Цель статьи – ввести в научный оборот две указанные плиты и предложить первую оценку их значения для истории связей Московского государства с Европой и для культуры Московии первой половины XVII столетия.

К сожалению, плиты не были получены при легальных археологических работах, хотя о возможности обнаружения частей кладбища в указанном районе

---

¹ Плита из Серпухова – конца XVI в., из Твери – не датированная, но, вероятно, конца XVI – первой половины XVII в., причем на ней упомянут город Страсбург. Находки сделаны местными археологами. Следует ожидать их публикации.

прекрасно известно с первой половины XIX в. Их выкопали при строительных работах в районе Мытной улицы (Мытная ул., вл. 40–44, участок стадиона «Труд»). К счастью, камни привлекли внимание случайно оказавшейся на месте работ семьи историков. Они не допустили утраты плит, забрав их со строительной площадки (23.04.2015) и передав в распоряжение органов охраны культурного наследия². Последние представили находки для экспертизы автору статьи, организовали публичную презентацию и передачу камней на реставрацию.

Найденные плиты – довольно типичные по оформлению надгробия с текстом на нижнерейнском диалекте старонемецкого языка. От одной (плита № 1) осталась верхняя половина, зато почти неповрежденная (рис. 1: с. 357). Она оформлена в соответствии со стандартом московской архитектурной пластики первой половины – середины XVII в.: по краю проходит орнаментальная рамка для надписи (плетеная «косичка» – орнамент исключительной древности и распространности), а боковые стороны украшает простейший декор – «елочка» из двух полос косо поставленных «граней».

Вторая (плита № 2) сохранилась полностью, но разбита на сравнительно мелкие фрагменты (рис. 2: с. 358). На ее лицевой грани нет никаких украшений, кроме самого текста, заполнившего поверхность целиком (довольно редкий случай для Москвы). Допустимо думать, что плита крепилась на стене или иной вертикальной поверхности (например, часовни, ограды участка, мавзолея – по правой стороне нижняя часть плиты сохранила ленту пристывшего раствора). На боковых гранях – аналогичный плите № 1 скупой декор из косых насечек, но его нет в изножи: «лишняя» часть длинного камня срублена довольно грубо, хотя явно профессиональной рукой для подгонки к нужному размеру (возможно и вторичное использование камня, очень обычное в XVII в.).

Тексты обеих плит нарезаны вглубь, тщательно, с частым (но не во всех случаях) употреблением точек-разделителей, которые вообще характерны для плит иноземцев, в то время как в русскоязычных надписях в Москве встречаются скорее как исключение.

Плита № 1 (половинка: 47 × [59...] × 26 см) несет более раннюю дату и читается без всяких сложностей, так как не содержит сокращений или поврежденных букв, кроме первой цифры дня смерти. Уцелели 8 строк и верхние части букв в начале следующей, девятой:

ANNO 1635 [DEN]
[?]0 JANUARIJ · IST · IN ·
GODT SALICH ENTS

² Внимание на плиты обратили научные сотрудники московских музеев – Алексей Валерьевич Петухов (ГМИИ им. А. С. Пушкина) и его супруга Александра Николаевна Селиванова (Музей города Москвы), правильно определившие надписи латиницей как германоязычные и предпринявшие активные усилия для сохранения камней, один из которых был уже разбит. В спасении плит и собирании мельчайших фрагментов одной из них принял деятельное участие и сын Николка (четыре с половиной года) – в результате семейная прогулка превратилась в операцию по спасению памятников истории и культуры.

LAPEN · HINDRICH ·
KELLERMAN · SE
IN · SOHN · BEREN
DT · KELLER
MAN · SEINES ·
[A]LTERS .....

Перевод: Года 1635 // [10? 20? 30?] января в // Бозе мирно по//чил Хиндриха // Келлермана // сын Берен//дт Келлер//манн в возрасте...

Это классический пример использования нижнерейнского старонемецкого или староголландского языка в погребальной эпитафике Москвы. Генрих Келлерман известен письменным источникам XVII в., его сын Берендт – нет (подробнее см. ниже).

Плита № 2 (43/55 × 102.5 × 22/26 см) на 20 лет позже и ее текст гораздо интереснее:

ANNO 1653 DEN · 8
OCTOBER · IST · IN
GOTT · SELIG
ENTSCHLAFDEN · DES
HER[RE]N TOMAS
KELLE[RMAN]N LIEBES
SOHN[LEIN] MIT
NAHMEN TOMAS
DESSEN · SEELE · B[EY] · GOTT
IM · HIMMEL · VND · DESSEN
CORPERLEIN ALHIE · DIE ·
ERDE · BEDECKT ·
ERWARTET · MIT · ALLEN ·
GLEUBI[GE]N EINE ·
SELIGE [EWIGK]EIT · VND ·
EW[IGE SEL]IGKEIT
SEI[NES AL]TERS
ZWEY · MONAT ·
LASS · TAEGH · LICH · STERBEN ·
SEIN DEIN · LUST ·
MENSCH · WOL DIR · SO ·
DU · ALSO THUST ·

Перевод: Года 1653 8-го // октября в // Бозе блаженно // почил // господина Томаса // Келлермана любимый // сыночек по // имени Томас // чья душа у Бога // в небе и чье // тельце здесь // земля покрывает // ожидает со всеми // верующими // блаженной вечности и // вечного блаженства // Он прожил // два месяца. // Возжажди смерти // каждый день // И будешь ты // благословен!³

---

³ Текст приводится в восстановленном виде. Поэтический перевод выполнен по нашей просьбе литератором и переводчиком Любовью Расцветаевой (Вена). Ею оказана также любезная и щедрая помощь в реконструкции и комментировании текста.

Рассмотрим особенности эпитафии младенцу Томасу. Их целый ряд. Здесь мы, впервые в истории немецкоязычных надгробий Москвы, встречаем устойчивую религиозную формулу: «блаженная вечность и вечное блаженство», восходящую к средневековой христианской мистике⁴. Не менее, если не более, интересны четыре последние строки, составляющие заключительное двестишье: это прямое воспроизведение переводной цитаты из текста пастора и проповедника города Райхенбах (Нижняя Силезия)⁵ Мартина Хиллера (Hyller, Hiller, Hillerius 1575–1651), написанного им в 1625 г. как надгробное слово на смерть бургомистра города Мельхиора Хорста⁶:

Laß täglich sterben seyn dein lust
Mensch! Wol dir, so du also thust!⁷

Это стихотворное произведение, где концы строк соединены в своеобразный венок рефренов, в свою очередь, восходит к латинскому средневековому тексту, переложенному в сочинении Иоанна Гебауэра, синдика Райхенбаха, где рефрен гораздо однообразнее и выделяет концовку двестишья:

«O homo, scis, quod sis moriturs; vive paratus!
Non, homo, scis, ubi sis moriturus; vive paratus!
Non, homo, scis, cum sis moriturus, vive paratus!
Non, hoo, scis, qui sis moriturus; vive paratus!
Sic ubi, sic quanco, sic quomodocung moriri
Continget, non forte ratus, monere beatus».

Проповедь была напечатана в Лейпциге⁸ (рис. 3). Промежуток около четверти века должен считаться незначительным для переноса текста из райхен-

⁴ Ср. ту же формулу: «по мнению платоников, высшим существам, богам, принадлежит или блаженная вечность, или вечное блаженство» – *Аврелий Августин*, *О граде Божием*, кн. 9, гл. XIII, и мн. средневековые авторы.

⁵ Райхенбах расположен в очень характерном углу территориальных владений, между Пруссией, Польшей и Чехией.

⁶ Хиллер оставил довольно много сочинений, где прославлял «жажду смерти» и стремление к ней как к избавлению от греховной земной жизни, о чем говорили сами названия его сборников, вроде: «Paulinische Sterbenslust» (*Martin Hyller*, 1628).

⁷ В более полном виде интересующий нас текст М. Хиллера:

«O Mensch! Gewis du sterben must!
Und das ist dir gantz wol bewust
Wenn wo und wie du davon must
Ist dir und mir gantz unbewust
Drum daß du nicht sterbst mit unlust
Und deiner Seelen mit verlust
Laß täglich sterben seyn dein lust
Mensch! Wol dir, so du also thust!»

См.: *Martin Hyller*, 1625. S.11.

⁸ Сохранилось несколько экземпляров в библиотеках Европы – в русских собраниях присутствие издания необходимо в будущем проверить. Страницы воспроизвожу по экземпляру из Государственной библиотеки в Берлине.

Рис. 3. Обложка-титул брошюры Мартина Хиллера, содержащей надгробное слово Мельхиору Хорсту (по: *Martinum Hyllerrum*, 1625. S. 1)

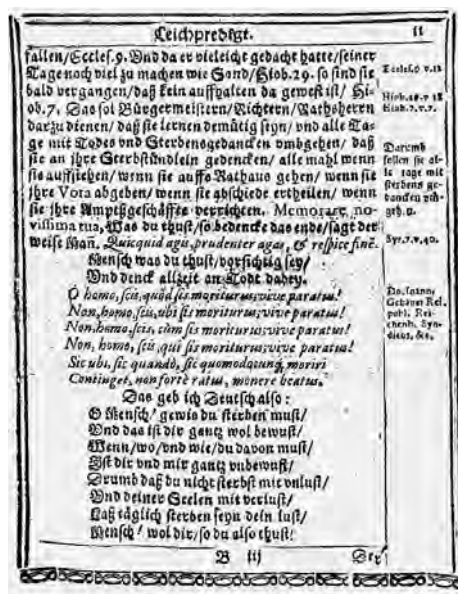

Рис. 4. Страница с латинским текстом и стихотворным переложением на немецкий для надгробного слова Мельхиора Хорста (по: *Martinum Hyllerrum*, 1625. S. 11)

бахской проповеди на московское надгробие и, возможно, указывает на прямые контакты московской колонии с пасторами Райхенбаха – во всяком случае, на их интерес к протестантскому «богословию в стихах». Так или иначе, путь книжечки из Лейпцига или Райхенбаха в Москву представляет известный интерес⁹. Не думаю, что ошибусь, охарактеризовав надгробие с его цитатой из современного автора и уже устоявшейся «формулой блаженства» как наиболее грамотное и самое близкое к надгробным надписям Германии того же времени.

Интерес представляют и другие, кажущиеся сегодня традиционными, детали текста. Так, в обоих надгробиях есть производное от прилагательного *alt*, которое можно перевести как «возраст». Но это первые известные мне случаи

⁹ Мартин Хиллер был пастором общины Райхенбаха с 1617 по 1632 г. (28.09.1575 Striegau, Силезия – 14.08. 1651 г., Doberle). Он учился в Виттенберге и там же в 1601 г. назначен пастором в Пилграмсдорф под Голдбергом, затем в 1602 г. в Арнсдорф под Хиршбергом, в 1608 г. – дьяконом в Штригау и в 1613 г. архидиаконом в Јауег. Пасторат в Райхенбахе оставил в январе 1632 г. из-за военных перипетий Тридцатилетней войны (Райхенбах был разграблен шведами и саксонцами). Он отправился в Лигниц и в 1637 г. стал пастором в Гросс-Вандрич (Gross-Wandritsch), а затем вернулся в Райхенбах, проповедовал и пророчествовал до 04.11.1635, когда вновь вынужден был покинуть город уже навсегда. В 1638 г. он пробст в Делс (Dels) и пастор в Doberle, каковым и умер в 1651 г. См. хронику общины Райхенбаха: *Weinhold*, 1842. S. 42.

указания на прожитое время в иноязычных надгробиях Москвы. Более того, и в русскоязычных надгробиях такое указание начинает встречаться только в XVII в., причем почти в то же время или несколько позже. Возможно, это случайное совпадение (например, введение возрастной категории из-за того, что оба погребения детские) и отражение единства в развитии общеевропейской, общехристианской эпитафики. Но не менее вероятно, что москвичи просто познакомились с правилом указывать возраст от иноземцев так же, как они познакомились примерно в то же время со стихотворной эпитафией.

По-видимому, при строительстве был затронут родовой участок семьи Келлерманов, что, собственно, и позволяет дополнить поврежденную часть фамильного имени на второй плите. И это само по себе знаменательно. Семья, в русских текстах именуемая также «Келдерманы», отлично известна нашим источникам¹⁰. Ее основатель, Генрих (в русских текстах Андрей), как полагают, попал в Москву в составе плененных или иным образом перемещенных жителей в период войны в Ливонии¹¹. Во всяком случае, он числился среди «московских торговых иноземцев» и выполнял функции переводчика как в 1610-х гг. (в составе миссий А. И. Зюзина и А. Витовтова в Англии в 1613–1614 г., С. Волынского и М. Поздеева в 1617 г.), так и гораздо позже (в 1633–1634 гг. занимался продажей пушнины в Риге для пополнения средств казны, и др.). Допустимо думать, что в 1635 г. он был еще жив, однако он вряд ли мог похоронить сына, возраст которого, хотя неизвестен, но, видимо, невелик, поскольку Берендт Келлерман в других источниках не упомянут.

Осторожнее предполагать, что указанный на плите «Хиндрих» – это сын «старого» Генриха, Андрей Андреевич, московский торговый иноземец, ездивший в Данию вместе с послом Иваном Фоминым в 1645 г. для устройства брака московской царевны Ирины Михайловны с принцем Вальдемаром.

У Андрея Андреевича были не менее успешные братья, особенно Томас (Фома) Келлерман: в 1647 г. он отвез в Голландию находившемуся там И. Д. Милославскому царские послания, в 1668 г. ездил в Венецию, Голландию и Вену¹². Томас играл роль ведущего торгового агента правительства и в 1685 г. удостоился звания гостя и титула «московского государства поверенный и чести достойный», что было приравнено к дворянскому титулу.

Как ни странно, но в складывающемся контексте интересен другой сын Томаса, еще один Андрей (род. в 1649 г.), отправленный отцом в Европу (1661 г.), где занимался во многих университетах и получил через 17 лет степень доктора

¹⁰ Благодарю Т. А. Опарину (Москва), работающую над историей рода Келлерманов в России, за консультацию. В дальнейшем планируем совместную работу по более точной идентификации персонажей, упомянутых на надгробиях. См. также: Демкин А. В., 1992. С. 6–8; 1994. С. 29–30; Тимошина, 2001. С. 1–7; Опарина, 2007; Орленко, 2004, там же указания на архивный материал.

¹¹ Наиболее активные действия приходятся на 1558–1561 гг., но охватывают более длительный период, вплоть до перемирий 1582–1583 гг.

¹² Где, в частности, передал родным Леонтия Гросса, переводчика на царской службе в Москве, сведения о нем. См.: Лаврентьев, 1997. С. 44; Бантыш-Каменский, 1894. Т. I. С. 23.

медицины¹³. Возвратившись в 1677 г. и удачно сдав экзамен, «Андрей Томасович Келдерман» был зачислен в Аптекарский приказ. Выросший в России и хорошо владевший ее языком, он обратился с необычным предложением: заново перевести Библию с еврейского языка, но издана она не была¹⁴.

Это позволяет предположить, что традиции изучения слова Божия, чрезвычайно характерные для протестантской среды, в семье Келлерманов были сильны¹⁵. Часто ездившие за рубеж, они имели возможность установить контакты с литераторами-протестантами и привезти в Москву свежееизданные книги, в том числе из Лейпцига: проповеди Мартина Хиллера периодически выходили начиная с конца 1600-х гг., а в 1650 г. появился его двухтомник, позже переиздававшийся¹⁶.

Еще раз вернувшись к обстоятельствам находки надгробий, отмечу, что она вносит коррективы и в наши представления о развитии «немецких» (христианских инославных) кладбищ Москвы. Плиты с кладбища за стеной будущего Скородома (Земляного города) появились в научном обороте с 1820-х гг., когда Калайдович обнаружил и отождествил плиту Берндта Шаля фон Бёлля, комтура Голдинга, казненного в московском плену после битвы при Эрмисе (1560 г.) вместе с другими ливонскими рыцарями¹⁷. Особенно важными стали находки вторично использованных надгробий в стенах и церквях Данилова монастыря, изданные архимандритом Амфилохием, а позже и другие, обнаруживавшиеся при реставрационных и археологических работах 1980-х гг. Среди них оказались плиты на английском, итальянском, голландском и немецком языках¹⁸.

Плиты не могли быть свезены в монастырь позже времени строительства, то есть эпохи царя Феодора Алексеевича, а следовательно, развитие кладбища прервалось ранее¹⁹. Полагали, что его активно использовали только с середины XVI до первой трети XVII в., когда появились новая немецкая слобода и новое немецкое кладбище существенно севернее, на другой дороге из города, у Таганских ворот²⁰. Находка плит 1635 и 1653 гг. резко сдвигает момент переноса

¹³ Лейпцигский (учился шесть лет), Страсбургский (учился три года), Лейденский (два года), Парижский (полтора года), Оксфордский (полтора года) и, наконец, Падуанский.

¹⁴ Андрей Томасович жил долго и умер только в 1715 г. Похоронен на одном из поздних средневековых немецких кладбищ Москвы, в Марьиной роше, где зафиксирована его плита и семейный участок Келлерманов. Собранные сведения об этом кладбище (см.: *Авдеев, Пирогов*, 2006. С. 36–48) полагают, что все погребения совершены на нем в короткий промежуток второй трети XVIII в., а более ранние, начиная с XVII в., перенесены туда с других кладбищ, но факты говорят об обратном, и тема требует особого разбора.

¹⁵ Вполне вероятно, что этот интерес развился при обучении в европейских университетах.

¹⁶ *Martin Hyller*, 1650. Bd. 1–2.

¹⁷ *Калайдович*, 1862. Кн. III. Разд. I. С. 175–177; подробнее см.: *Дрбоглав*, 1988. С. 37–39; *Гращенко*, 1989. С. 61–63.

¹⁸ *Амфилохий, архимандрит*, 1871. См. также: *Дрбоглав*, 1988. С. 70–73; *Беляев*, 1996. С. 277–282.

¹⁹ *Беляев*, 1994. С. 233–245; *Beljaev*, 1991. S. 481–494.

²⁰ *Beljaev*, 1991. Abb. 1.

кладбища во вторую половину XVII в., вероятно – в 1660–1670-е гг. Следует гипотетически допустить и более раннее возникновение кладбища, тем более, что найденные плиты итальянцев, служивших в Москве в основном до 1545 г., дат не имеют.

Отметим, что остается неизвестным и точное положение кладбища. Ни одной плиты в его предполагаемом районе не удалось найти до 1989 г., когда на местном стадионе обнаружили, также при строительных работах, несколько обломков, и в их числе плиту Каспара Эльферфельда. Этот персонаж эпохи Опричнины упомянут в мемуарах Генриха Штадена, причем сказано и о месте погребения – кладбище немцев в слободе Наливки. Тем самым кладбище было окончательно локализовано, но в довольно широких пределах между улицами Мытной, Хавской и Шаболовкой, но на нем неизвестно ни одного погребения *in situ*²¹, и более точная локализация, при нынешнем состоянии участка, вряд ли будет достигнута: район почти полностью застроен, и только незначительные просветы между домами оставляют слабую надежду найти когда-нибудь новые плиты, тем паче целые участки с погребениями иноземной элиты Москвы XV–XVII вв.

Запечатленная, зримая память о важнейшем звене нашей истории, хранившем многочисленные останки и памятники первых европейцев на московской земле, к сожалению, утрачена. Нам нечем доказать давние, прочные связи с Европой, не на чем продемонстрировать вековое сотрудничество.

ЛИТЕРАТУРА

- Авдеев А. Г., Пирогов В. Ю.*, 2006. Кладбище иноземцев в Марьиной роще // Вопросы эпитафики. Вып. 1. С. 36–48.
- Аврелий Августин*. О граде Божьем. URL: http://azbyka.ru/otechnik/Avrelj_Avgustin/o-grade-bozhem/. (Дата обращения: 02.12.2015).
- Амфилохий, архимандрит*, 1871. Надгробные памятники иноверцев, найденные архимандритом Амфилохием в 1870 г. в Московском Даниловом монастыре. М.: Тип. «Русских ведомостей». 6 с. (Из «Чтений в Обществе любителей духовного просвещения».)
- Бантыш-Каменский Н. Н.*, 1894. Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Т. I: (Австрия, Англия, Венгрия, Голландия, Дания, Испания). М.: Комиссия печатания государственных грамот и договоров при Московском главном архиве Министерства Иностранных дел. 304 с.
- Беляев Л. А.*, 1994. Древние монастыри Москвы (конец XIII – XV вв.) по данным археологии. М.: ИА РАН. 458 с.
- Беляев Л. А.*, 1996. Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М.: ИА РАН: Модус-Граффити. 568 с.
- Демкин А. В.*, 1992. Западноевропейские купцы и их приказчики в России в XVII в. / Сост. и авт. введ. А. В. Демкин. М.: Ин-т рос. истории. 118 с.
- Демкин А. В.*, 1994. Западноевропейское купечество в России в XVII в.: В 2 вып. Вып. 2. М.: Ин-т рос. истории. 110 с.
- Дрбоглав Д. А.*, 1988. Эпиграфические латинские памятники. XV – первая половина XVII в. (Москва, Серпухов, Астрахань). М.: Изд-во Московского ун-та. 80 с.
- Лаврентьев А. В.*, 1997. Люди и вещи. Памятники русской истории и культуры XVI–XVIII вв., их создатели и владельцы. М.: Новое время: Археографический центр. 254 с.

²¹ При надзорах в этом районе временами обнаруживаются типичные надгробия XVII в. без надписей и вторично использованные архитектурные детали.

- Опарина Т. А.*, 2007. Иноземцы в России XVI–XVII вв.: Очерки исторической биографии и генеалогии. М.: Прогресс-Традиция. 384 с.
- Орленко С. П.*, 2004. Выходцы из Западной Европы в России XVII века. Правовой статус и реальное положение. М.: Древлехранилище. 344 с.
- Калайдович К. Ф.*, 1862. Письмо К. Ф. Калайдовича к гр. Румянцову от 20 июня 1823 г. // Чтения в императорском обществе истории древностей Российских. Кн. III. Разд. I. М.: Унив. тип. С. 175–177.
- Тимошина Л. А.*, 2001. О русско-голландских связях в 1688 году // Петр Великий – реформатор России. М.: Московский Кремль. С. 1–7. (ГММК. Материалы исследования; вып. XIII.)
- Beliaev L. A.*, 1991. Der Grabstein Caspars von Elverfeld und der älteste Ausländerfriedhof in Moskau // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Bd. 39. Heft 4. Stuttgart. S. 481–494.
- Martinum Hyllerum*, 1625. Exequiae Horstianae. Zwo Christliche in Gottes Wort gegründete. Leichpredigten. Die Erste Bey dem ansehlichen Leichenbegängniß des ... Melchioris Horstii, Sen. Der Stadt Reichenbach wolverordneten Herrn Bürgermeisters Oberkirchen Vaters und der Schulen Praesidis, Welcher den 26. Augusti, dieses instehenden 1625. Jahres selig verschieden ... Die Ander Bey ... Sepultur, der ... Jungfrauen Susannae, Wolgedachten Herrn Bürgermeisters Eheleiblichen geliebten Tochter Welche den 29. Augusti ihren Herrn Vatern selig hienach gefolgt. Leipzig: Müller. 60 S.
- Martinum Hyllerum*, 1628. Paulinische Sterbenslust. Das ist: Eine Christliche und tröstliche Leichvermahnung aus den lieblichen und anmuthigen Worten des hocherläuchten Apostels Pauli ... Ich habe lust abzuschneiden ... Bey dem ... Begräbniß / nicht eines alten Herrn / sondern des ... Adam von Reibnitzes und Raten: Gehalten durch Martinum Hyllerum / Hyller, Martin. Breslau: Mintzel. 40 S.
- Martinum Hyllerum*, 1650. Güldenes Schatzkästlein In welchem des Fürsten des Lebens des Herrn der Herrlichkeit des Sohnes des hochgelobten Gottes Iesu Christi Angst ... Braunschweig; Breslau; Leipzig; Breslaw: Duncker Eyring, Riese. 2 Bd.
- Weinhold K. G. J.*, 1842. Versuch einer Geschichte der evangelischen Gemeinde in Reichenbach und ihres Kirchen-Systems. Reichenbach. 140 S.

Сведения об авторе

Беляев Леонид Андреевич,
Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия,
e-mail: labeliaev@mtu-net.ru

L. A. Belyaev

New Gravestones with Epitaphs in Commemoration of Deceased Foreigners
in the 17th century in Moscovia

Abstract. The paper provides a short review of gravestones with inscriptions made in Old German dating to the period of the Muscovite State (16th–17th centuries), which were found over past 15 years. Information on two gravestones related to the Kellerman family (the family of translators, diplomats and merchants well known in Russia since the end of the 16th century) is presented. One of the epitaphs (1653) contains a poetic quote that belonged to Martin Hiller (1625), a preacher from Reichenbach, as well as other elements indicating the Moscow Germans' interest towards Protestant theology.

Keywords: international links, Germans and the Dutch in Moscow, German cemeteries, gravestones, the Kellerman family, Martin Hiller Reichenbach, Silesia.

REFERENCES

- Amfilokhiy, arkhimandrit, 1871. Nadgrobnye pamyatniki inovertsev, naydennye arkhimandritom Amfilokhiem v 1870 g. v Moskovskom Danilovom monastyre [Gravestones of foreigners found by archimandrite Amphilocheus in 1870 in Moscow St. Daniel monastery]. Moscow: Tipografiya «Russkikh vedomostey». 6 p. (Iz «Chteniy v Obshchestve lyubiteley dukhovnogo prosveshcheniya» [From “Readings in Society for spiritual enlightenment”]).
- Aurelius Augustine. O grade Bozh'em [De civitate Dei]. Electronic resource. URL: http://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/o-grade-bozhem/.
- Avdeev A. G., Pirogov V. Yu., 2006. Kladbishche inozemtsev v Mar'inoi roshche [Foreigners cemetery in Mar'ina Roshcha]. *Voprosy epigrafiki [Problems of epigraphy]*, 1, p. 36–48.
- Bantysh-Kamenskiy N. N., 1894. Obzor vneshnikh snosheniy Rossii (po 1800 god) [Review of Russia's foreign relations (till 1800)], I. (Avstriya, Angliya, Vengriya, Gollandiya, Daniya, Ispaniya) [(Austria, England, Hungary, Holland, Denmark, Spain)]. Moscow: Komissiya pechataniya gosudarstvennykh gramot i dogovorov pri Moskovskom glavnom arkhive Ministerstva Inostrannykh del. 304 p.
- Beliaev Leonid A., 1991. Der Grabstein Caspars von Elverfeld und der alteste Auslander friedhof in Moskau. *Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas*. Stuttgart. Vol. 39, No. 4, pp. 481–494.
- Belyaev L. A., 1994. Drevnie monastyri Moskvyy (konets XIII – XV vv.) po dannym arkhologii [Ancient monasteries of Moscow (late XIII – XV cc.) based on archaeological data]. Moscow: IA RAN. 458 p.
- Belyaev L. A., 1996. Russkoe srednevekovoe nadgrobie. Belokamennye plity Moskvyy i Severo-Vostochnoy Rusi XIII–XVII vv. [Medieval Russian gravestone. Gravestones of Moscow and North-Eastern Russia in XIII–XVII cc.]. Moscow: IA RAN: Modus-Graffiti. 568 p.
- Demkin A. V., 1992. Zapadnoevropeyskie kuptysy i ikh prikazchiki v Rossii v XVII v. [West-European merchants and their salesmen in Russia in XVII c.]. Moscow: Institut rossiyskoy istorii RAN. 118 p.
- Demkin A. V., 1994. Zapadnoevropeyskoe kupechestvo v Rossii v XVII v. [West-European merchants in Russia in XVII c.], 2. Moscow: Institut rossiyskoy istorii RAN. 110 p.
- Drboglav D. A., 1988. Epigraficheskie latinskie pamyatniki. XV – pervaya polovina XVII v. (Moscow, Serpukhov, Astrakhan') [Epigraphic monuments in Latin. XV – first half of XVII c. (Moscow, Serpukhov, Astrakhan')]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 80 p.
- Kalaydovich K.F., 1862. Pis'mo K.F. Kalaydovicha k gr. Rumyantsovu ot 20 iyunya 1823 g. [Letter of K.F. Kalaydovich to Count Rumyantsov dated June 20, 1823]. *Chteniya v imperatorskom obshchestve istorii drevnostey Rossiyskikh [Readings in Imperial Society for History of Russian antiquities]*, book III, section I. Moscow: Universitetskaya tipografiya, pp. 175–177.
- Lavrent'ev A. V., 1997. Lyudi i veshchi. Pamyatniki russkoy istorii i kul'tury XVI–XVIII vv., ikh sozdateli i vladel'tsy [People and things. Monuments of Russian history and culture of XVI–XVIII cc., their makers and owners]. Moscow: Novoe vremya: Arkheograficheskiy tsentr. 254 p.
- Martinum Hyllerum, 1625. Exequiae Horstianae. Zwo Christliche in Gottes Wort gegründete. Leichpredigten. Die Erste Bey dem ansehlichen Leichenbegängnüß des ... Melchioris Horstii, Sen. Der Stadt Reichenbach wolverordneten Herrn Bürgermeisters Oberkirchen Vaters und der Schulen Praesidis, Welcher den 26. Augusti, dieses instehenden 1625. Jahres selig verschieden ... Die Ander Bey ... Sepultur, der ... Jungfrauen Susannae, Wolgedachten Herrn Bürgermeisters Eheleiblichen geliebten Tochter Welche den 29. Augusti ihren Herrn Vatern selig hienach gefolgt. Leipzig: Müller. 60 p.
- Martinum Hyllerum, 1628. Paulinische Sterbenslust. Das ist: Eine Christliche und röstliche Leichvermahnung aus den lieblichen und anmuthigen Worten des hochehläuchten Apostels Pauli ... Ich habe lust abzuscheiden ... Bey dem ... Begräbniß/ nicht eines alten Herrn/ sondern des ... Adam von Reibnitzes und Raten: Gehalten durch Martinum Hyllerum/Hyller, Martin. Breslau: Mintzel. 40 p.
- Martinum Hyllerum, 1650. Guldenes Schatzkästlein In welchem des Fürsten des Lebens des Herrn der Herrlichkeit des Sohnes des hochgelobten Gottes Iesu Christi Angst ... Braunschweig; Breslau; Leipzig; Breslau: Duncker Eyring, Riese. 2 vols.
- Oparina T. A., 2007. Inozemtzy v Rossii XVI–XVII vv.: Ocherki istoricheskoy biografii i genealogii [Foreigners in Russia in XVI–XVII cc.: Essays of historical biography and genealogy]. Moscow: Progress-Traditsiya. 384 p.

- Orlenko S. P., 2004. Vykhodtsy iz Zapadnoy Evropy v Rossii XVII veka. Pravovoy status i real'noe polozhenie [West-European immigrants in Russia of XVII century. Legal status and real situation]. Moscow: Drevlekhranilishche. 344 p.
- Timoshina L. A., 2001. O russko-gollandskikh svyazyakh v 1688 godu [On Russian-Dutch relations in 1688]. *Petr Velikiy – reformator Rossii [Peter the Great – reformer of Russia]*. Moscow: Moskovskiy Kreml', pp. 1–7. (Gosudarstvennyye muzei Moskovskogo Kremlya. Materialy i issledovaniya, XIII).
- Weinhold K. G. J., 1842. Versuch einer Geschichte der evangelischen Gemeinde in Reichenbach und ihres Kirchen-Systems. Reichenbach. 140 p.

About the author

Belyaev Leonid A.,
Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow,
117036, Russian Federation,
e-mail: labeliaev@mtu-net.ru

В. А. Буров

КИРПИЧИ С КЛЕЙМАМИ И НАДПИСЯМИ XVII–XIX ВВ. ИЗ СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК)

Резюме. За период работы археологической экспедиции на территории Соловецкого монастыря (1996–2014 гг.) найдено 13 новых клейм на кирпичах XVII–XIX вв. Они отнесены к четырем группам – буквенные (6 экз.), изобразительные (5 экз.), надписи (1 экз.), цифровые (1 экз.). Кирпичные клейма представляют собой составную часть материальной культуры обитателя.

Ключевые слова: Соловецкий монастырь, кирпичи, клейма, надписи.

В 1552 г. в Соловецком монастыре при игумене Филиппе (Колычеве), будущем митрополите Московском, началось мощное каменное строительство. Оно потребовало производства собственного кирпича в большом объеме. В связи с этим в двух верстах от обители близ горы Варака были построены печи (*Досифей*, 1836. С. 73; 1847. С. 34–35), которые с некоторым перерывом продолжали функционировать несколько веков (*Скопин*, 2012. С. 63–66).

В «Сказании о Филипповом строении», датированном около 1605 г., говорится: «А на вараки кирпичной жгут в печи кирпичей на монастырской обиход по 40 000. А стоит печь та в трех устьях, а тамо тружуются на вараки той братия многая, тако же и мирстии людие своего ради спасения» (*Буров, Охотина-Линд*, 2004. С. 165). В 1772 г. географ Иван Лепехин, действительный член Петербургской Академии наук, путешествовавший по северу России, обратил внимание на «кирпичные заводы, где про монастырския надобности довольно прочной из иловатой глины обжигают кирпича» (*Лепехин*, 1822. С. 411).

Некоторые кирпичи XVI–XIX вв. имели клейма мастеров и надписи. Их небольшая коллекция начиная с 1970-х гг. была собрана реставраторами и сотрудниками Соловецкого музея-заповедника. Данные находки происходили как из кладок зданий, так и из завалов мусора. К настоящему времени известны клейма с изображением в прямоугольной рамке «стрельца» (воина в рост с копьем и саблей), ветки и птицы в круге, растительно-геометрического орнамента в зубчатой рамке. Еще одно клеймо в прямоугольном заглаблении имело прорезную дату и указание на производство Соловецкого монастыря: «С. М. 1887 г».

В стене Святительского корпуса кирпич начала XVII в. содержал трехстрочную надпись в прямоугольной рамке: «КОРОВА РЕЖЕТ // КИРПИЧЬ ГОРБАТЬ // ПРАВИТ». На колокольне 1777 г. обнаружен кирпич с буквами «УФ». В кладке печи пекарни выявлен кирпич с надписью в две строки: «ИЮЛА 18 Д // 1825 г ССШ». Из свода ризницы происходит кирпич: «ПЕРТЬ В // ПЕТРЪ ИВАНОВ // ВОЛОДИНЪ» и некоторые другие (*Петровская*, 2006. С. 251–254; *Бровина*, 2007. С. 133–134).

За период работы Соловецкой средневековой археологической экспедиции с 1996 по 2014 г. указанная коллекция расширилась за счет новых находок из раскопов, шурфов и подъемных сборов (рис. 1–3). Большинство данных кирпичей происходит из строительных насыпок XIX–XX вв. от разобранных братских келий, возведенных в XVII в. и неоднократно перестраивавшихся в последующие столетия (*Буров*, 2011. С. 45–48). Их дата может быть предложена с учетом историко-архитектурного контекста. Новые клейма по содержанию следует подразделить на группы: буквенные, изобразительные, надписи, цифровые (погодные). Составлен их Каталог из 13 наименований с учетом хронологии.

В руинах братских келий Игуменского порядка, построенных не ранее второй четверти XVII в., встречено несколько фрагментов кирпичей с буквенными клеймами. Среди них – традиционное клеймо для предметов местного монастырского производства с аббревиатурой обители «СМ» (Каталог, № 1). На тычке другого кирпича имеется клеймо из букв невысокого рельефа «BN», которое предварительно, исходя из характера материала и цвета, может быть отнесено к XVII в. (Каталог, № 2).

При раскопках основания уничтоженной Покровской часовни середины XIX в. на о. Анзер было найдено 59 обломков кирпичей с клеймом «ЕД»¹ (*Буров*, 2007. С. 80). Заглавные буквы невысокого рельефа были включены в овальную (15 шт.) и прямоугольную (44 шт.) рамки (Каталог, № 9–12). Большинство клейм покрыты нашлапкой известкового раствора кладки, а отдельные клейма – тонкой коркой известковой желтоватой наружной обмазки. Четыре клейма были взяты как индивидуальные находки. Остальные оставлены после окончания раскопок внутри часовни. Кирпичи с данными клеймами имеются и на других поздних постройках Анзерского скита (*Зарайченко*, 2012).

Среди изобразительных клейм оригинальны два на кирпиче XVII в. из руин братских келий Игуменского порядка. На тычке и постели представлены геометрические фигуры невысокого рельефа в виде зигзагов, треугольников, пятиугольника, квадрата с внутренней сеткой линий (Каталог, № 3). Два других кирпича XVII в. с о. Анзер на тычках несут изображения одной и двух веточек или дерева елки невысокого рельефа (Каталог, № 5, 6). При разборке конюшни XIX в. у северного подножия горы Голгофа найден кирпич предположительно XVII в. с клеймом на ложке в виде кораблика с мачтой и парусом, под ним –

¹ Буква «Д» слегка напоминает букву «А», что может провоцировать прочтение клейма как «Елеазар Анзерский». Но это все же буква «Д». К тому же указанный основатель Анзерской пустыни – преподобный Елеазар – жил в XVII в., а кирпичи датируются XIX столетием.

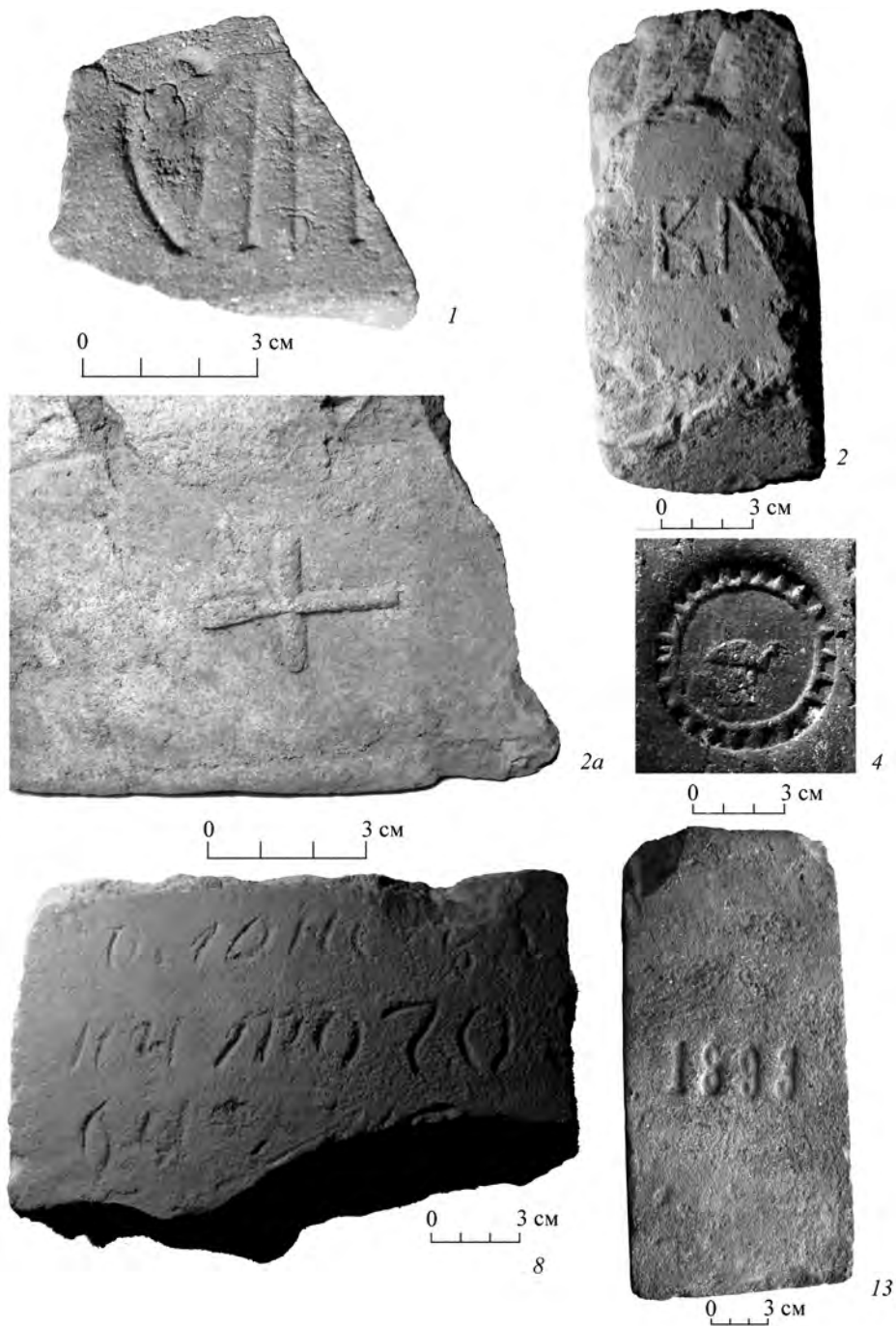

Рис. 1. Соловецкий монастырь. Клейма и надписи на кирпичях (номера по Каталогу)

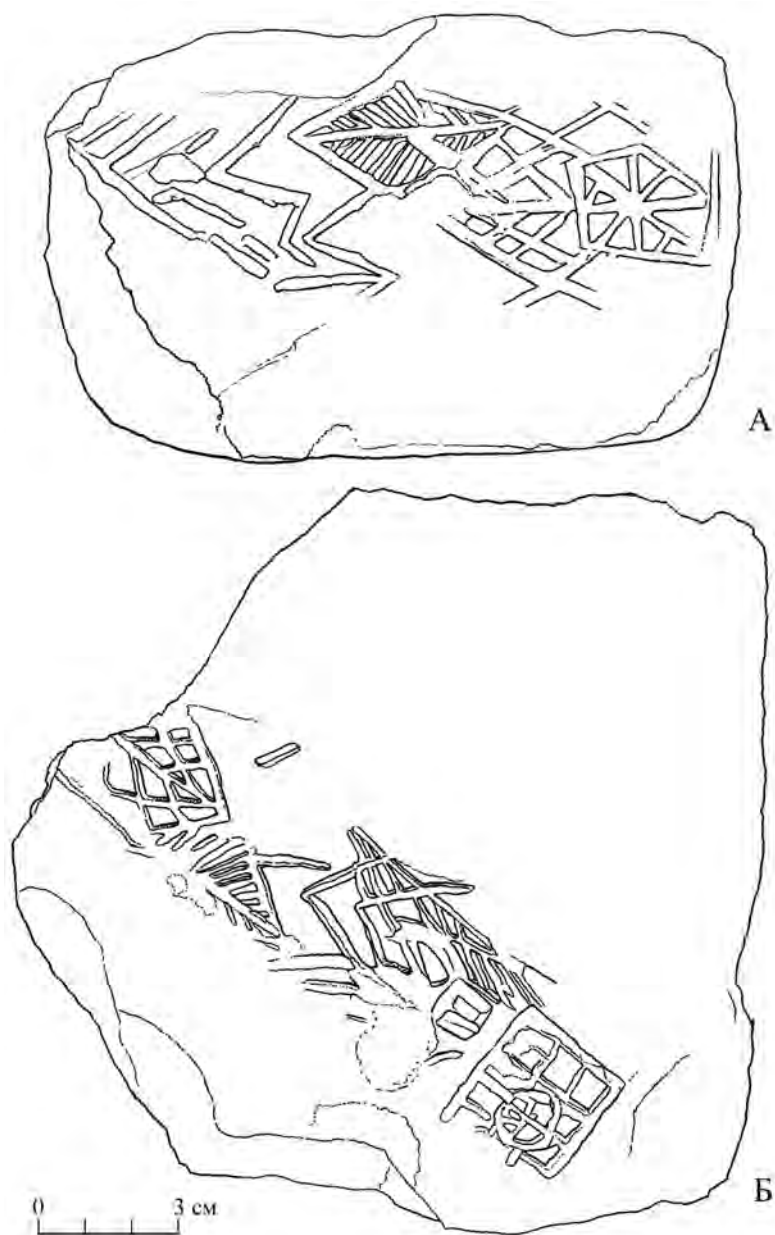

Рис. 2. Фрагмент кирпича с двумя изобразительными клеймами (№ 3 по Каталогу).
Прорись Н. С. Сафроновой

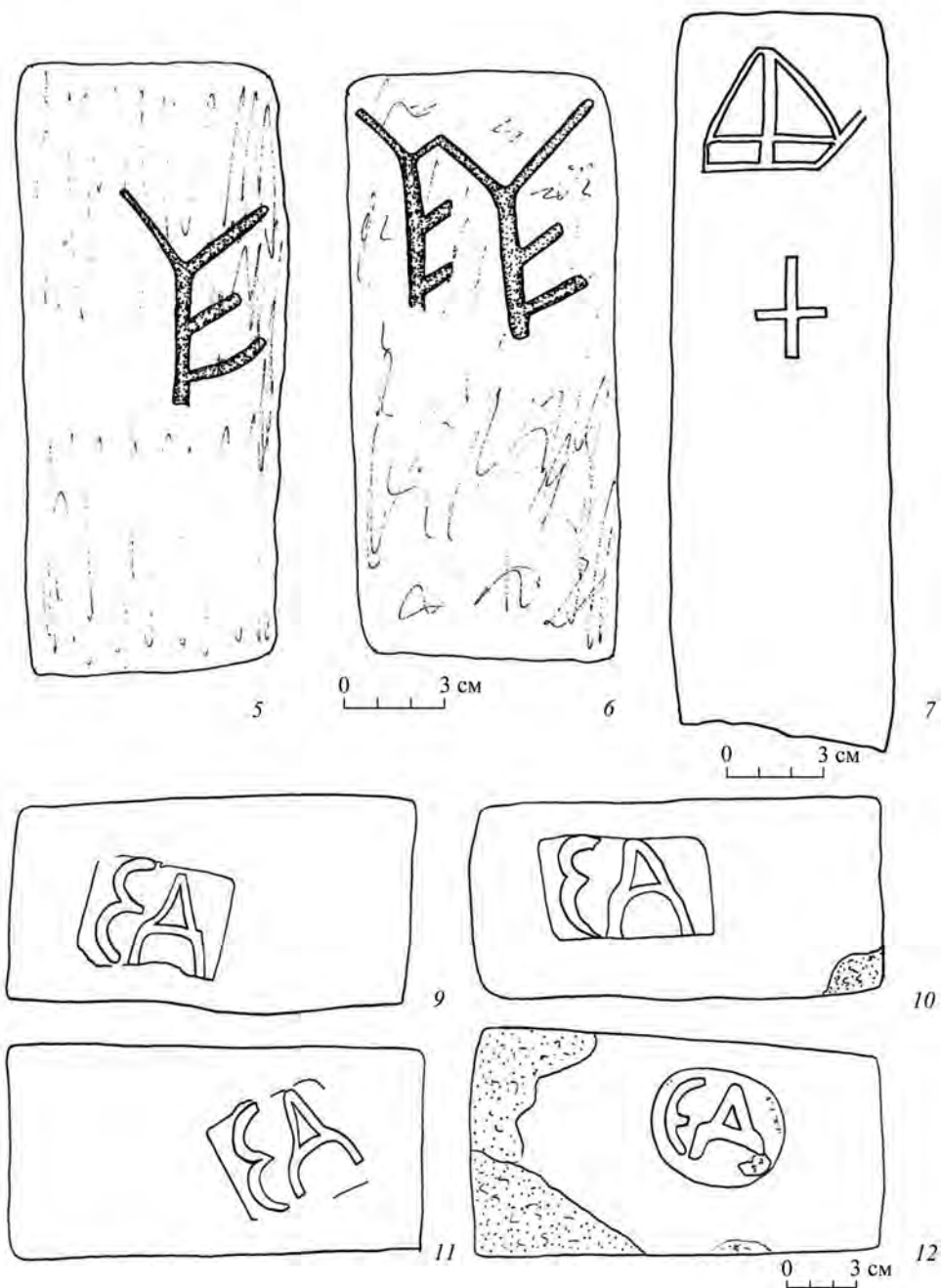

Рис. 3. Соловецкий монастырь. Клейма на кирпичах (номера по Каталогу)

четырехконечный крест (Каталог, № 7). Еще одно клеймо в виде круга диаметром 6,1 см включает по окружности ряд шириной 0,8 см из 24 заглубленных трапеций, отделенных друг от друга тонкими перегородками. В центре клейма невысокого рельефа птица (Каталог, № 4). Большемерный кирпич по фактуре относится ко второй половине XVI – началу XVII в. Стоит согласиться, что подобные клейма относятся к особой разновидности прикладного искусства (Киселев, 1990).

Пространная процарапанная надпись нанесена на кирпич XVIII–XIX вв. от печи со следами глины: «ОЛОНЕ[ЦЪ] //| НИ ТОГО //... (далее нечетко. – В. Б.)» (Каталог, № 8).

Цифровое (погодное) клеймо на кирпиче с о. Анзер указывает на дату производства – «1893». Все цифры неглубокого рельефа (Каталог, № 13).

Перечисленные выше находки расширяют круг представлений о типе клейм на кирпичах, изготавливавшихся в Соловецком монастыре. Кирпичные клейма – составная часть материальной культуры обитатели.

КАТАЛОГ

1. Фрагмент кирпича красноглиняного с клеймом невысокого рельефа «СМ» (рис. 1). Размер поверхности скола 3 × 7 см, толщина 6,8 см. XVII в. Раскоп 3 Настоятельский. 2005 г. Кв. 76. Пл. 8. № 21.

2. Фрагмент кирпича светло-коричневого цвета с клеймом на тычке «BN», вторая буква частично сбита (рис. 1). Буквы невысокого рельефа. Ширина букв 2–3 мм, высота 3,4 см, ширина 1,6–2 см. На ложке – четырехугольный крест невысокого рельефа. XVII в. Раскоп 8 Настоятельский. 2007 г. Кв. 148. Пл. 7. № 93.

3. Фрагмент большемерного кирпича красной глины с двумя обрывками клейм на тычке и плоской стороне – постели (рис. 2). Оба клейма в виде полосы из зигзагов, пятиугольника, квадрата с сеткой линий. Толщина кирпича 9 см, ширина 17,5 см, максимальная длина фрагмента кирпича 17,5 см. XVII в. Раскоп 8 Настоятельский. 2007 г. Кв. 152. Пл. 3. № 40.

4. Половина кирпича большемерного с круглым клеймом на тычке; диам. 6,1 см. По краю круга проходит ряд шириной 0,8 см из 24 заглубленных трапеций, отделенных друг от друга тонкими перегородками. В центре клейма невысокого рельефа птица с короткой шеей (рис. 1). Длина фрагмента кирпича 23 см, ширина 16,7 см, толщина 8–9 см. Конец XVI – XVII в. Раскоп 4 Настоятельский. 2005 г. Кв. 88. Пл. 17. № 71.

5. Кирпич большемерный с клеймом на тычке невысокого рельефа в виде веточки или дерева елки (рис. 3). Длина кирпича 32,5–33 см, ширина 18–18,5 см, толщина 7,5–8 см. По времени они могут относиться к церкви во имя Пресвятой Троицы 1646–1650 гг. в Свято-Троицком скиту. ССАЭ-2013, о. Анзер, подъемный материал², № Кирп-2.

6. Кирпич большемерный с клеймом на тычке невысокого рельефа в виде двух веточек или деревьев елок (рис. 3). На другом тычке округлое вдавление

² Данный кирпич, как и следующий по Каталогу, были извлечены Л. В. Евгеньевой из-под пожарного ящика, установленного на северном склоне горы Голгофа. Здесь они исполняли роль подкладок.

от пальца глубиной 1,6 см, в поперечнике 1,4–1,8 см. Длина кирпича 34,2 см, ширина 17,2–17,8 см, толщина 7–8,6 см. ССАЭ-2013, о. Анзер, подъемный материал, № Кирп-3.

7. Обломок кирпича большемерного с клеймом на ложке в виде кораблика с мачтой и парусом (5 × 5,5 см), под ним – четырехконечный крест (2,7 × 3,7 см). Оба изображения невысокого рельефа (рис. 3). Неполная длина кирпича 20 см, ширина 16,3–17,2 см, толщина 8 см. XVII в. ССАЭ-2013, о. Анзер, подъемный материал, № Кирп-4. Найден на месте конюшни XIX в. у северного подножия горы Голгофа.

8. Обломок кирпича красноглиняного с фрагментом процарапанной надписи на постели: «ОЛОНЕ[ЦЪ] // НИ ТОГО //... (далее нечетко. – В. Б.)» (рис. 1). Ширина букв 1,5 мм, глубина 1 мм. Одна сторона кирпича с надписью ровная, на другой – поперечные полосы, след формовки. С двух сторон – глина светло-коричневого цвета (кирпич использовался в печи). Толщина 7,5 см, ширина 16 см, максимальная длина обломка 10 см. XVIII–XIX вв. Раскоп 8 Настоятельский. Кв. 149. Пл. 8. № 105.

9. Фрагмент кирпича с клеймом «ЕД» в прямоугольной рамке размером 3,5 × 4,5 см. Буквы невысокого рельефа. Середина XIX в. Раскоп 1 Покровский. 2003 г. на месте часовни Покрова Богородицы середины XIX в. О. Анзер (рис. 3).

10. Фрагмент кирпича с клеймом «ЕД» в прямоугольной рамке размером 3,0 × 5,2 см. Середина XIX в. Раскоп 1 Покровский. 2003 г. на месте часовни Покрова Богородицы середины XIX в. О. Анзер (рис. 3).

11. Фрагмент кирпича с клеймом «ЕД» в прямоугольной рамке размером 3,4 × 4,2 см. Середина XIX в. Раскоп 1 Покровский. 2003 г. на месте часовни Покрова Богородицы середины XIX в. О. Анзер (рис. 3).

12. Фрагмент кирпича с клеймом «ЕД» в овальной рамке размером 3,4 × 4,2 см. Середина XIX в. Раскоп 1 Покровский. 2003 г. на месте часовни Покрова Богородицы середины XIX в. О. Анзер (рис. 3).

13. Целый кирпич с цифровым клеймом, указывающим на дату производства – «1893». Найден на восточном склоне горы Голгофа о. Анзер среди кирпичного мощения дороги (рис. 1). На постели читаются цифры неглубокого рельефа; их высота 3 см, длина надписи 7,5 см. Длина кирпича 28,5 см, ширина 13,5 см, толщина 7 см. На ложке стесанная четверть вала. ССАЭ-2013, о. Анзер, подъемный материал, № Кирп-1. Передан экспедиции Л. В. Евгеньевой.

ЛИТЕРАТУРА

- Бровина Л. А.*, 2007. Коллекция керамики Соловецкого музея-заповедника // Соловецкий сборник / Ред С. Г. Рубцов. Вып. 4. Архангельск: Изд. центр СГМУ. С. 131–134.
- Бузов В. А.*, 2007. Раскопки часовни Покрова Богородицы в Капорской губе о. Анзер: к проблеме воссоздания историко-культурного и сакрального ландшафта Соловков // Соловецкий сборник / Ред С. Г. Рубцов. Вып. 4. Архангельск: Изд. центр СГМУ. С. 75–85.
- Бузов В. А.*, 2011. История келейной застройки Соловецкого монастыря XV–XIX веков / Отв. ред. Вл. В. Седов. Архангельск: ИА РАН: Соловецкий гос. ист.-архитектурный и природный музей-заповедник. 490 с.

- Буров В. А., Охотина-Линд Н. А., 2004. Три произведения конца XVI – начала XVII в. о Соловецком монастыре // Книжные центры Древней Руси. Книжники и рукописи Соловецкого монастыря / Отв. ред. С. А. Семячко. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 154–169.
- Досифей, 1836. Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. Ч. 1, 2. М.: Унив. тип. 444 с.
- Досифей, 1847. Летописец Соловецкий на четыре столетия, от основания Соловецкого монастыря до настоящего времени, то есть с 1429 по 1847. 4-е изд. М.: Тип. скоропечатня В. Кириллова. 187 с.
- Зарайченко А. Е., 2012. Клейма на кирпичах, найденных при археологическом изучении Голгофо-Распятского скита (о. Анзер) // ARS Historica: Альманах научного студенческого общества исторического факультета ПГУ. Вып. 3–4. Архангельск: ИПЦ САФУ. С. 66–70.
- Киселев И. А., 1990. Датировка кирпичных кладок XVI–XIX вв. по визуальным характеристикам / Ред. И. П. Кирьянова. 2-е изд. М.: Ин-т «Спецпроектреставрация». 34 с. (Методические рекомендации / Рос. респ. специализир. науч.-реставрац. ассоц. «Росреставрация». Историко-архивные, археологические и другие исследования.)
- Лепехин И. И., 1822. Окончание записок путешествия академика Лепехина. СПб.: при Имп. Акад. наук. 492 с. (Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою Академиею Наук, по предложению ее президента: с примечаниями, изъяснениями и дополнениями; т. 5.)
- Петровская Л. А., 2006. Строительная керамика // Наследие Соловецкого монастыря в музеях Архангельской области / Сост. Т. М. Кольцова. М.: Сканрус. С. 247–254.
- Скопин В. В., 2012. Изготовление кирпича на Соловках на основании архивных источников конца XVI – XVIII вв. // Соловецкое море: Историко-литературный альманах. № 11. Архангельск; М.: Товарищество Северного Мореходства. С. 63–66.

Сведения об авторе

Буров Владимир Андронович,
Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия,
e-mail: burovvan@rambler.ru

V. A. Burov

Bricks with Maker's Marks and Inscriptions of the 17th–19th centuries
from the Solovki Monastery (based on materials of archaeological excavations)

Abstract. Over the period of the archaeological expeditions in the Solovki Monastery (1996–2014) 13 new maker's marks were identified on the bricks of the 17th–19th centuries. The marks were classified into four groups, such as the letter marks (6 pcs); the image marks (5 pcs), the inscriptions (1 pcs), and the digital marks (1 pcs). Brick marks are an integral part of the monastery material culture.

Keywords: Solovki Monastery, bricks, maker's marks, inscriptions.

REFERENCES

- Brovina L. A., 2007. Kolleksiya keramiki Solovetskogo muzeya-zapovednika [Collection of pottery from Solovki museum-resort]. *Solovetskiy sbornik [Solovki assembled articles]*, 4. S. G. Rubtsov, ed. Arkhangel'sk: Izdatel'skiy tsentr SGMU, pp. 131–134.
- Burov V. A., 2007. Raskopki chasovni Pokrova Bogoroditsy v Kaporskoj gube o. Anzer: k probleme vossozdaniya istoriko-kul'turnogo i sakral'nogo landshafta Solovkov [Excavations of Our Lady

- Pokrov chapel in Kaporskaya bay of Anzer Lake: the problem of reconstruction of historical-cultural and sacral landscape in Solovki]. *Solovetskiy sbornik [Solovki assembled articles]*, 4. S. G. Rubtsov, ed. Arkhangel'sk: Solovetskiy istoriko-arkhitekturnyy i prirodnyy muzey-zapovednik, pp. 75–85.
- Burov V. A., 2011. Istoriya keleynoy zastroyki Solovetskogo monastyrya XV–XIX vekov [History of cells construction in Solovki monastery in XV–XIX centuries]. VI. V. Sedov, ed. Arkhangel'sk: IA RAN: Solovetskiy gosudarstvennyy istoriko-arkhitekturnyy i prirodnyy muzey-zapovednik. 490 p.
- Burov V. A., Okhotina-Lind N. A., 2004. Tri proizvedeniya kontsa XVI – nachala XVII v. o Solovetskom monastyre [Three works of late XVI – early XVII c. concerning Solovki monastery]. *Knizhnye tsentry Drevney Rusi. Knizhniki i rukopisi Solovetskogo monastyrya [Book centres of Medieval Rus. Scribes and manuscripts of Solovki monastery]*. S. A. Semyachko, ed. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, pp. 154–169.
- Dosifey, 1836. Geograficheskoe, istoricheskoe i statisticheskoe opisanie stavropigial'nogo pervoklassnogo Solovetskogo monastyrya [Geographic, historic and statistic description of stavropigial first class Solovki monastery], 1–2. Moscow: Universitetskaya tipografiya. 444 p.
- Dosifey, 1847. Letopisets Solovetskiy na chetyre stoletiya, ot osnovaniya Solovetskogo monastyrya do nastoyashchego vremeni, to est' s 1429 po 1847 [Solovki chronicle for four centuries, since foundation of Solovki monastery till present time, i. e. since 1429 till 1847]. 4th edition. Moscow: Tipografiya skoropechatnaya V. Kirillova. 187 p.
- Kiselev I. A., 1990. Datirovka kirpichnykh kladok XVI–XIX vv. po vizual'nym kharakteristikam [Dating brick masonry of XVI–XIX cc. by visual characteristics]. I. P. Kir'yanova, ed. 2nd edition. Moscow: Institut «Spetsproektrestavratsiya». 34 p. (Metodicheskie rekomendatsii. Rossiyskaya respublikanskaya spetsializirovannaya nauchno-restavratsionnaya assotsiatsiya «Rosrestavratsiya». Istorko-arkhivnye, arkheologicheskie i drugie issledovaniya).
- Lepekhin I. I., 1822. Okonchanie zapisok puteshestviya akademika Lepekhina [Ending of travel notes by Academician Lepekhin]. St. Petersburg: Pri Imperatorskoy Akademii nauk. 492 p. (Polnoe sobranie uchenykh puteshestviy po Rossii, izdavaemoe Imperatorskoyu Akademiyeyu Nauk, po predlozheniyu ee prezidenta: s primechaniyami, iz'yasneniyami i dopolneniyami, 5).
- Petrovskaya L. A., 2006. Stroitel'naya keramika [Construction ceramics]. *Nasledie Solovetskogo monastyrya v muzeyakh Arkhangel'skoy oblasti [Solovki monastery heritage in museums of Archangel Region]*. T. M. Kol'tsova, ed. Moscow: Skanrus, pp. 247–254.
- Skopin V. V., 2012. Izgotovlenie kirpicha na Solovkakh na osnovanii arkhivnykh istochnikov kontsa XVI – XVIII vv. [Brick production in Solovkin based on archive sources of late XVI – XVIII cc.]. *Solovetskoe more: Istorko-literaturnyy al'manakh [Solovki Sea: Historic-literary miscellany]*, 11. Arkhangel'sk; Moscow: Tovarishchestvo Severnogo Morekhodstva, pp. 63–66.
- Zaraychenko A. E., 2012. Kleyma na kirpichakh, naydennykh pri arkheologicheskom izuchenii Golgoforasp'yatskogo skita (o. Anzer) [Signs on bricks found during archaeological investigation of Golgotha-Crucifixion hermit (Anzer Lake)]. *ARS Historica: Al'manakh nauchnogo studencheskogo obshchestva istoricheskogo fakul'teta Pomorskogo gosudarstvennogo universiteta [ARS Historica: Miscellany of students scientific society, Historic faculty, Pomor state university]*, 3–4. Arkhangel'sk: Izdatel'sko-poligraficheskiy tsentr Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta, pp. 66–70.

About the author

Burov Vladimir A.,
Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences,
ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation,
e-mail: burovvan@rambler.ru

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ И ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО

С. В. Кузьминых, Н. Б. Виноградов

«ПАРАДНАЯ» СЕКИРА ИЗ-ПОД ЮРЮЗАНИ*

Резюме. Информация о секире из-под Юрюзани появилась более 50 лет тому назад, но полноценная публикация этой уникальной находки осуществляется впервые. Основной ареал бронзовых «парадных» секир – север и северо-восток Европы, археологические культуры ананьинского мира. Секира из-под Юрюзани, несмотря на морфологическую близость с ананьинскими, отличается от них рядом деталей. Предполагается ее связь с иткульской культурой горно-лесного Урала. Местонахождение секиры свидетельствует, вероятно, о votивном назначении предмета и его «захоронении» в одном из потаенных культовых мест уральских горняков и металлургов раннего железного века.

Ключевые слова: «парадные» секиры, ананьинский мир, иткульская культура, святилища.

История обнаружения. Поиски истоков обсуждаемого сюжета уводят нас к последним дням июля 1957 г. Именно тогда известный уральский археолог К. В. Сальников получил от научного сотрудника музея г. Златоуста Вл. Серафимова письмо¹ следующего содержания: «Многоуважаемый Константин Владимирович! Недавно к нам, в Златоустовский музей, принесли бронзовый или медный топорик. В записке говорилось: топор бронзовый был найден в окрестностях г. Юрюзань Челябинской области в июне 1956 г. на северо-восточном склоне горы в каменных россыпях ребятами Гуляевым Ю. И. и Г. И. – членами кружка ИЗО под руководством Михаила Илларионовича Жерновых. Место дикое, труднопроходимое. Тов. Жерновых обещал уточнить место нахождения. Вероятно, это топор бронзовой эпохи. Голова удлиненная, возможно, это волк. Для насадки имеется отверстие. Посылаю Вам копию, счерченную с ножа. Цвет темно-зеленый – окисленной меди или бронзы. Будьте добры, пришлите

---

* С. В. Кузьминых работал при финансовой поддержке проектов РФФИ (№ 14-06-00287) и РГНФ (№ 14-01-00348а).

¹ Письмо было передано Н. Б. Виноградову В. С. Стоколосом, получившим его, в свою очередь, после смерти К. В. Сальникова от его семьи, из личного архива исследователя.

нам определение. Научный сотрудник Златоустовского музея, Вл. Серафимов. 25/VII 57 г.». Ниже рукой К. В. Сальникова приписано: «Отвечено: это бронзовая секира эпохи раннего железа, датируется серединой I тыс. до н. э.». Позднее исследователь опубликовал заметку с краткой характеристикой новых археологических находок на Южном Урале (Сальников, 1964), включая скупое описание секиры и сильно уменьшенную невыразительную фотографию. Скульптура на обухе секиры осторожно трактовалась им как «оскаленная морда хищного зверя» (Там же. С. 313); само изделие было предварительно отнесено к эпохе раннего железа; определен круг аналогий и культурно-стилевая территория (ананьинский «мир»); приведено мнение А. В. Збруевой о том, что подобные предметы являлись «не боевым оружием, а символами власти» (Збруева, 1952. С. 132).

Спустя 20 лет секира из Златоустовского музея привлекла внимание одного из авторов в труде об орудиях и оружии ананьинской культурно-исторической области (АКИО) (Кузьминых, 1977; 1983. С. 143–146). С того времени упоминания о ней содержатся в ряде работ, посвященных как новым находкам секир, так и в целом искусству Волго-Камья раннего железного века (Рябцев, Семенов, 1988; Киржнер, Армамынская, 1990; Васильев, 2002; Берлин, 2010; и др.), но источник информации оставался прежним – публикация К. В. Сальникова. В 1986 г. в ходе работ Уральской археологической экспедиции ИА АН СССР С. В. Кузьминых побывал в Златоусте, сделал рисунок и описание секиры, а также взял пробу для изучения химического состава металла в лаборатории естественнонаучных методов ИА АН СССР (ан. 38245). Позднее Н. Б. Виноградов осуществил фотосъемку предмета (рис. 1: с. 359) и провел необходимые архивные разыскания. В итоге стала возможной полноценная публикация этой уникальной находки.

О термине «секира». В большинстве словарей так именуется древнее или старинное рубящее холодное оружие – топор в виде полумесяца (длиной лезвия до 30 см), насаженный на топорище. Бронзовые ананьинские секиры лишь отчасти соответствуют данному определению: уточнено, что это «изделия с трапециевидно-треугольным бойком, постепенно расширяющимся от втулки к лезвию, с арковидным углублением на нем с обеих сторон» (Кузьминых, 1983. С. 144). «Парадными» они названы (Там же. С. 143–145) потому, что уже первые авторы, писавшие о секирах (Штукенберг, 1903. С. 65), видели в них не оружие, а престижные, знаковые предметы. Рассказ Геродота о священном назначении секиры в легенде о происхождении скифов был перенесен на ананьинскую «почву». Многими поколениями исследователей «парадные» секиры рассматривались в контексте символической (ритуальной, сакральной) деятельности элиты ананьинского общества, отражая его религиозно-философские воззрения (см. обзоры: Кузьминых, 1983. С. 145; Васильев, 2001. С. 37, 38).

Общие сведения о «парадных» секирах. В настоящее время с территории северо-востока и востока Европы известно 10 секир (см. карту: Кузьминых, 1983. Рис. 78; Берлин, 2010. Рис. 1)². Восемь из них – случайные находки, и лишь две (Пашурское 1 и Кара-Абызское городища) привязаны к археологическим

² Обзор литературы о них см. (Тальгрэн, 1919; Сальников, 1964; Кузьминых, 1983. С. 143; Рябцев, Семенов, 1988; Киржнер, Армамынская, 1990; Берлин, 2010).

памятникам, но вне контекста раскопок, т. е. фактически они тоже являются случайными находками. Ниже на примере секиры из-под Юрюзани и серии «вотивных» уральских кладов эпохи раннего железа мы обратим внимание на неслучайный характер подобных случайных находок.

Все «парадные» секиры (ПС) уникальны и неповторимы, но всё же морфологически их можно разделить на пять типологических разрядов³. ПС–2 (пинежский и елабужский типы А. М. Тальгрена): с выступающей втулкой, завершенной головой ушастого грифона в направлении бойка, и длинным обушком в виде стилизованной головы волка (5 экз.) – р. Пинега в Архангельской области (2 экз.; *Тальгрэн*, 1919; *Tallgren*, 1937. Fig. 1, 2), из окрестностей б. Воткинского завода (ныне г. Воткинск в Удмуртии) (*Штукенберг*, 1903), Пашурское I городище в Шарканском р-не Удмуртии (*Tallgren*, 1937. Fig. 4; *Збруева*, 1952. Табл. XXXII, 2), близ пос. Курган Чердынского р-на Пермского края (*Соколкова*, *Чуматова*, 1979. Фото 2). ПС–4: отличается от ПС–2 головой грифона на обушке – близ с. Слудка Сыктывдинского р-на Республики Коми (*Рябцев*, *Семенов*, 1988). ПС–6: отличается от ПС–2 и ПС–4 молоточковидным обушком – городище Кара-Абыз на одноименном озере близ д. Городок Благовещенского р-на Башкирии (*Шмидт*, 1929. Табл. I, 15). Эти три разряда объединяют головы ушастых грифонов, венчающие втулку. ПС–8 – из-под Юрюзани – отличается от них короткой, слабо выступающей в обе стороны втулкой, не увенчанной головой грифона, и стилистически иным оформлением головы волка на обушке. ПС–10: без выступающей втулки и венчающей ее головы грифона, с длинным, узким, слабо расширенным к лезвию бойком и коротким обушком (2 экз.). У секиры д. Галаново Каракулинского р-на Удмуртии (*Киржнер*, *Арматынская*, 1990) обушок передан в виде головы волка, поверх которой в плоском широком рельефе сформовано изображение совы; у экземпляра из неизвестного места этого же района (*Берлин*, 2010. Табл. 2) на боковых поверхностях обушка – схематизированные изображения грифона и овала (яйца).

Описание находки из-под Юрюзани. Размеры (в мм): общая длина 194; длина обушка 71, ширина 24–33, толщина 6–22; длина бойка 90, ширина 23–36, толщина (у втулки) 11; длина втулки 34, ширина 31–35, толщина 23–26, толщина ее стенок 3–5. По своим размерам секира из-под Юрюзани в одном ряду с кара-абызской, галановской и каракулинской (180, 185, 186 мм) (Там же. Табл. 2, 3); все шесть секир пинежского и слудкинского типов заметно длиннее – 310–350 мм (Там же. Табл. 1).

В морфологическом и декоративном оформлении юрюзанской секиры отчетливы черты своеобразия и в то же время сходства с ананьинскими разряда ПС–2. Уральская находка, которую мы с полным основанием относим к продукции иткульского металлургического очага (см. о нем: *Бельтикова*, 1997), является модификацией, подражанием ананьинским образцам. Последние более легкие, грацильные – намного длиннее; уральская по пропорциям более массивная и тяжеловесная; все детали скульптуры и декора выполнены в восковой модели более грубо, неряшливо. Фигура волка на секире из-под Юрюзани более

³ Типология секир продолжает ранее намеченную одним из авторов (*Кузьминых*, 1983. С. 164).

реалистичная; в ней передано анатомическое строение головы зверя с открытой пастью, но без присущего секирам пинежского типа оскала и спирально закрученных вверх и вниз губ; уши небольшие, стоячие, в отличие от стилизованных у экземпляров ПС–2. Для уральской и ананьинских секир характерны в декоре рельефные и углубленные линии: поперечные у ПС–2, 4, 6 и продольные – в продолжение орнамента на втулке – на обушке юрюзанской. Отличает эти образцы также строение втулки, слабо выступающей на уральской секире и длинной и тонкой – на ананьинских. Но главное своеобразие находки из-под Юрюзани – отсутствие фигуры грифона или орла, венчающей втулку, как на экземплярах ПС–2, 4, 6. В мифологическом пантеоне, культах и ритуалах уральского населения эпохи раннего железа птицевидные образы занимают особое, видное место, но это всегда одиночные фигурки⁴. Возможно, в иткульском обществе существовало табу на их совмещение с иными фигурами, в частности, волком, на оружии и предметах символического назначения. Но это не более чем предположение.

Морфологическое и декоративное оформление секиры из-под Юрюзани хорошо вписывается в контекст тесных ананьинско-иткульских связей (*Бельтикова*, 2001), благодаря которым в сортамент продукции иткульского очага металлургии вошли категории изделий, которые традиционно именуется ананьинскими (кельты с овальной и шестигранной втулкой, наконечники копий с прорезным и сплошным пером и др.). Но сами образы волка и хищных хтонических птиц (грифона, фантастического ушастого орла, филина) связаны прежде всего с мировоззрением и искусством ранних кочевников степного пояса Северной Евразии. Именно благодаря связям с номадами, в VI–V вв. до н. э. образы волка и хтонических птиц стали популярными в мифо-ритуальной практике их северных соседей⁵.

Технология изготовления. Уральская секира отлита из оловянной бронзы (Sn – 4,6 %), «загрязненной» повышенными концентрациями свинца (0,64 %), мышьяка (0,23 %) и сурьмы (0,12 %). Кузнецы и литейщики иткульской культуры, как показали исследования С. В. Кузьминых (2009. Рис. 5), работали прежде всего с медью. Оловянные и оловянно-мышьяковые бронзы использовались крайне редко – это или импорты (например, зеркала и бляхи в зверином стиле раннекочевнических типов), или местное литье предметов повышенной сложности. Секира из-под Юрюзани – именно тот случай. В пазах обушка и углублениях декора, где заметнее проявились окислительные процессы, выступили зеленоватые окислы. В целом же благородная патина бронзы темно-красновато-коричневых оттенков.

Литье изделия осуществлялось по выплавляемой модели, в которой втулка формовалась с помощью короткого глиняного вкладыша овальной в сечении формы. Сама восковая модель соединялась из трех частей – втулки, обушка и бойка,

⁴ В ареале иткульской культуры учтено сейчас более 250 орнитоморфных фигурок (*Чемякин, Кузьминых*, 2011. Табл. 3–11).

⁵ Об этом писали А. М. Таллгрэн (*Tallgren*, 1937. P. 6, 8, 10, 12), А. В. Збруева (1952. С. 138–142), К. Ф. Смирнов (1964. С. 233–235), С. В. Кузьминых (1983. С. 144, 145), А. В. Берлин (2010) и др.

а затем заформовывалась в неразъемную глиняную форму. При этом лезвийная часть модели бойка несколько искривилась и в итоге при отливке приобрела в профиле асимметричность. Осью восковой модели была массивная втулка – к ней крепились модели обушка и бойка. Моделирование обушка в виде головы и шеи волка производилось на «шишке» или «болване» – приеме, характерном для формовки полых моделей (Минасян, 2014. С. 178, 179). На «шишку» – глиняную внутреннюю часть литейной формы – наносился слой воска, на котором прорабатывались все детали внешнего оформления модели (Там же. С. 178). На визуально изученных нами «парадных» секирах в большинстве случаев глиняные «шишки» выкрошились или намеренно удалены. Но, например, на секире с Воткинского завода глины нет только в раскрытой части волка; глубже, вплоть до втулки, «шишка» сохранилась. На секире из-под Юрюзани она спрессована из цементоподобной глины, которая сама по себе не выкрошится. Этому мешает и прикрытая пасть волка (в отличие от секир пинежского и слудкинского типов с широко раскрытой пастью). Все рельефные и углубленные детали прорабатывались на восковой модели до ее заформовки в неразъемную форму. Следы использования инструментов при резке по затвердевшему воску, подрезки его излишков, вытягивания (лепки) ушей, многочисленные дефекты (размазанный воск поверх орнаментального пояса в основании бойка, капли воска и др.) фиксируются на разных частях секиры. Только нижний край втулки и лезвие несут на себе следы послелитейной доработки, вероятно, «вгорячую». К дефектам литья следует отнести газовые поры и раковины, прежде всего на обушке и прилегающей части втулки. Обычно они концентрируются в верхней части отливка (поблизости от литника) (Там же. С. 75). Скорее всего, литник был подведен к массивной верхней части торца пасти волка, но визуально он «не читается».

Секира из-под Юрюзани: случайная находка или вотивное «захоронение»?

Ни в одном случае «парадные» секиры не найдены в могильниках, хотя большая их часть происходит из ареала АКИО, где выявлены погребения. Мы не можем связать находки секир и с кладами литейщиков, которые – в отличие от позднего бронзового века – не характерны для археологических культур Волго-Камья и Урала эпохи раннего железа. Уральские (иткульские) клады, обнаруженные обычно на вершинах гор, в скалах или у их подножия (Викторова, 2004. С. 166), интерпретируют как жертвенные (святилищные) комплексы, непосредственно связанные с магическими обрядами и ритуалами, сопровождавшими потаенную (сакральную) жизнь архаических горняков и металлургов (см. обзор проблемы: Чемякин, Кузьминых, 2011. С. 68, 69).

Пример с другого конца Европы, вошедший в учебники археологии. Во второй половине XIX в. датский археолог Й. Я. Ворсо обратил внимание на то, что многочисленные клады бронзового века на севере Германии, в Дании и на юге Швеции найдены в болотах, на дне рек и озер. Причем это не только орудия и оружие из меди и бронзы, но и золотые сокровищницы (сосуды, украшения, заготовки, сырье). Ворсо усомнился в случайности их археологизации и предположил, что эти предметы являлись жертвенными и намеренно бросались в воду.

«Парадные» секиры – подлинные произведения бронзолитейного искусства раннего железного века – безусловно, являлись предметами высокого социального ранга и значимости. Предполагать, что они, как вещи утилитарные,

потеряны, в отношении этой категории предметов, по меньшей мере, нелепо. Обе секиры с Пинеги найдены где-то на берегу реки; верхнекамская (близ пос. Курган) обнаружена в лесу при рытье канавы; галановская – результат тех же земляных работ на современном кладбище; экземпляр из Слудки выпал из осыпи грунтовой дороги, земля для насыпи бралась где-то на стороне; место находки секиры из Златоустовского музея описано как «дикое, трудно проходимое». «Случайный» характер и других находок заставляет усомниться в случайности археологизации «парадных» секир. Но, судя по всему, «захоронение» ананьинских секир не связано со святилищами типа иткульских «кладов» или костниц гляденовской культуры. Скорее всего, это вариант жертвенных приношений, описанный Ворсо (*Worsaae*, 1866. P. 314–316). Так ли было с секирой из-под Юрюзани, однозначно не ответить. И все же указание на труднодоступность места ее находки заставляет вспомнить о жертвенных или ритуальных комплексах в столь же потаенных местах Урала. Примером могут служить находки на Азов-горе⁶ и на горе Караульной, в Сухореченском гроте, на Шайтанском озере (*Бортвин*, 1949; *Берс*, 1951. С. 228, 229; *Смирнов и др.*, 1992; *Сериков*, 2008) и в других уголках этой горной страны⁷.

Насельники Урала с каменного века обожествляли вершины гор, размещая на них свои святилища, культовые места. Некоторые из них, в частности, один из Шиханов – вершин, возвышающихся над о. Аракуль на севере Челябинской области, – сопровождалась наскальными рисунками, выполненными охрой (*Широков*, 2009. С. 7–9). Уступы самих Шиханов оказались усеяны обломками сосудов энеолитической эпохи. Предположить бытовую жизнь на вершинах скал в древности вряд ли уместно. Иное дело – устройство святилищ, культовых мест. На площадках вершин Уральских гор исследователи давно обратили внимание на «чаши» – округлые углубления различного размера (рис. 2). В своем большинстве они образовались явно вследствие воздействия на гранит высоких температур и морфологических изменений самого камня.

Включение вершин гор в систему верований древних уральцев продолжалось на всем протяжении жизни людей на Урале (*Викторова*, 2004; *Мищенко*, 2004). Так, изучение одиноко стоящей скалы – Лысой горы на о. Большой Теренкуль – показало, что на ее уступах в момент обследования лежали фрагменты керамики финала бронзового века и эпохи раннего железа. На площадке вершины скалы располагалось культовое место иткульской культуры той же эпохи со следами ритуальной плавки меди и находками (бляха с ушком и трехлопастные наконечники

⁶ В сентябре 1940 г. на ее восточном склоне в тонком слое почвы под мощной каменной плитой дети, искавшие здесь клад, нашли разнообразные древние медные изделия, в основном «птицевидные» идолы, наконечник копья, бляху в зверином стиле и др. В 1981 г. одному из авторов вместе с Г. В. Бельтиковой и В. Е. Стояновым удалось обследовать место находки, на которое нас вывел один из тех мальчиков-находчиков. Место действительно потаенное, скрытое среди завала плит близ вершины горы. Практически этими же словами описала данное место Е. М. Берс (1963. С. 94), побывав здесь в 1949 г.

⁷ См. кадастр культовых памятников горно-лесного Урала, в том числе иткульской культуры: (Культовые памятники..., 2004. С. 259–330).

Рис. 2. Чаша на площадке вершины Малого Шихана

стрел со смятым острием), традиционными для подобных святилищ (Дюрягин, 2009).

Бронзовая «парадная» секира из-под Юрюзани может быть связана, как и знаменитые ананьинские секиры, с жертвенным, символическим приношением, или же она являлась частью некоей древней коллекции, отложившейся в святилище более 2 500 л. н. Но это вновь предположение – жаль, что археологи в 1957 г. не обследовали по свежим следам место находки этого уникального предмета.

Вершины Уральских гор притягивали к себе людей во все времена и таят еще немало загадок. Они должны стать объектом пристального внимания археологов (а не «черных» копателей) с применением всего арсенала современных методов поиска и исследования.

ЛИТЕРАТУРА

- Бельтикова Г. В., 1997. Зауральский (иткульский) очаг металлургии (VII–III вв. до н. э.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.: ИА РАН. 23 с.
- Бельтикова Г. В., 2001. К вопросу о связях зауральского (иткульского) очага металлургии с ананьинской культурой // Древние ремесленники Приуралья / Отв. ред. В. И. Завьялов. Ижевск: УИИЯЛ. С. 134–138.
- Берлин А. В., 2010. Ритуальные топоры раннего железного века из Приуралья // Археологическое наследие как отражение исторического опыта взаимодействия человека, природы, общества (XIII Бадеровские чтения) / Отв. ред. Р. Д. Голдина. Ижевск: УдмГУ. С. 150–161.

- Берс Е. М.*, 1951. Археологическая карта г. Свердловска и его окрестностей // *Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья*. Т. II. М.: АН СССР. С. 182–243. (МИА; № 21.)
- Берс Е. М.*, 1963. Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. 2-е изд., испр. и доп. Свердловск: Свердловское кн. изд-во. 110 с.
- Бортвин Н. Н.*, 1949. Находки на горе Азов на Урале // *КСИИМК*. Вып. XXV. С. 118–124.
- Васильев Ст. А.*, 2001. Ананьинские зооморфные чеканы: оружие или символ? // *Вестник молодых ученых*. Серия: Исторические науки. № 1. Специальный выпуск: Археология. СПб.: СПб НЦ РАН. С. 30–37.
- Васильев С. А.*, 2002. Искусство древнего населения Волго-Камья в ананьинскую эпоху (истоки и формирование): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб.: СПб ГУ. 22 с.
- Викторова В. Д.*, 2004. Клады на вершинах гор // *Культовые памятники горно-лесного Урала* / Отв. ред. В. Д. Викторова, Н. В. Фёдорова, В. Н. Широков. Екатеринбург: УрО РАН. С. 158–173.
- Дюрякин В. С.*, 2009. Святилище «Лысая Гора» раннего железного века на озере Большой Теренкуль в Чебаркульском районе Челябинской области // *Проблемы археологического изучения Южного Урала* / Отв. ред. Н. Б. Виноградов. Челябинск: Абрис. С. 46–71.
- Збруева А. В.*, 1952. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // *Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья*. Т. V. М.: АН СССР. 326 с. (МИА; № 30.)
- Киржнер Е. Э., Арматынская О. В.*, 1990. Бронзовая ананьинская секира из с. Галаново // *СА*. № 3. С. 256–259.
- Кузьминых С. В.*, 1977. Бронзовые орудия и оружие в Среднем Поволжье и Приуралье (I тысячелетие до н. э.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.: ИА АН СССР. 21 с.
- Кузьминых С. В.*, 1983. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М.: Наука. 257 с.
- Кузьминых С. В.*, 2009. О металле городища Чича-1 // *Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи* / Отв. ред. В. И. Молодин, Г. Парцингер. Т. 3. Новосибирск; Берлин: ИАЭ СО РАН. С. 202–212.
- Культовые памятники*, 2004. *Культовые памятники горно-лесного Урала* / Отв. ред. В. Д. Викторова, Н. В. Федорова, В. Н. Широков. Екатеринбург: УрО РАН. 431 с.
- Минасян Р. С.*, 2014. Металлообработка в древности и Средневековье. СПб.: Гос. Эрмитаж. 472 с.
- Мищенко О. П.*, 2004. Памятники на вершинах гор в Среднем Зауралье // *Четвертые Берсовские чтения* / Отв. ред. В. Т. Ковалева. Екатеринбург: Аква-пресс. С. 185–193.
- Рябцев А. Н., Семенов В. А.*, 1988. Ананьинская парадная секира из-под Сыктывкара // *СА*. № 1. С. 244–245.
- Сальников К. В.*, 1964. Находки на Южном Урале // *СА*. № 1. С. 313–315.
- Сериков Ю. Б.*, 2008. Южный Шихан – новый тип святилища на Шайтанском озере // *Тр. II (XVIII) Всеросс. археологического съезда в Суздале* / Отв. ред. А. П. Деревянко, Н. А. Макаров. Т. II. М.: ИА РАН. С. 289–292.
- Смирнов К. Ф.*, 1964. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука. 381 с.
- Смирнов Н. Г., Ерохин Н. Г., Быкова Г. В., Лобанова А. В., Корона О. М., Широков В. Н., Некрасов А. Е., Ражева М. В.*, 1992. Грот Сухореченский – памятник истории природы и культуры в Красноуфимской лесостепи // *История современной фауны Южного Урала* / Отв. ред. Н. Г. Смирнов. Свердловск: УрО РАН. С. 20–43.
- Соколова Д., Чуматова О.*, 1979. Соликамские коллекции // *Уральский следопыт*. № 11. С. 15–16.
- Тальзерн А. М.*, 1919. Бронзовые топоры с головами животных из Восточной Европы (в переводе Л. Я. Залежской) // *ИОАИЭ*. Т. XXX. Вып. 1. С. 121–126.
- Чемякин Ю. П., Кузьминых С. В.*, 2011. Металлические орнитоморфные изображения раннего железного века Восточной Европы, Урала и Западной Сибири (лесная и лесостепная зоны) // *Тверской археологический сборник* / Отв. ред. И. Н. Черных. Вып. 8. Т. II. Тверь: Триада. С. 43–74.
- Широков В. Н.*, 2009. Уральские писаницы. Южный Урал. Екатеринбург: АМБ. 128 с.
- Шмидт А. В.*, 1929. Археологические изыскания Башкирской экспедиции Академии наук: (Предварительный отчет о работах 1928 г.). Уфа. С. 1–28. (Приложение к журналу «Хозяйство Башкирии». № 8–9.)
- Штукенберг А. А.*, 1903. Заметка: (О боевом топоре, доставленном с Воткинского завода) // *ИОАИЭ*. Т. XIX. Вып. 1. С. 65.

Tallgren A. M., 1937. The Arctic Bronze Age in Europe // ESA. Т. XI. P. 1–46.

Worsaae J. J. A., 1866. Om nogle Mosefund fra Broncealderen // Aarbøger for nordisk oldkyndighed og historie IV. Kobenhavn: Nordiske Oldkriftselbskab. P. 313–326.

Сведения об авторах

Кузьминых Сергей Владимирович,
Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия,
e-mail: kuzminykhsv@yandex.ru;

Виноградов Николай Борисович,
Челябинский государственный педагогический университет, пр. Ленина, 69, Челябинск, 454080, Россия,
e-mail: vinogradov_n@mail.ru

S. V. Kuzminykh, N. B. Vinogradov

Ceremonial Battle-Axe from the Yuryuzan River Region

Abstract. Information on the battle-axe from the Yuryuzan River Region became available more than 50 years ago, but this is the first full publication of this unique find. The main area of bronze «ceremonial» battle-axes includes the north and north-east of Europe, archaeological cultures of the Ananyino world. Despite its morphological similarity with Ananyino battle-axes, the battle-axe from the Yuryuzan Region has a number of components that make it different. It is probably linked to the Itkul culture of the mountain forest Urals. The location where the battle-axe was found suggests that it was a votive object, which was «buried» in one of the hidden religious cult places of Urals miners and metal-makers of the Early Iron Age.

Keywords: ceremonial battle-axes, Ananyino world, Itkul cultures, sanctuaries.

REFERENCES

- Bel'tikova G. V., 1997. Zaural'skiy (itkul'skiy) ochag metallurgii (VII–III vv. do n. e.): avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk [Trans-Uralian (Itkul') focus of metallurgy (VII–III cc. BC): Thesis presented for the degree of Doctor of Philosophy]. Moscow: IA RAN. 23 p.
- Bel'tikova G. V., 2001. K voprosu o svyazyakh zaural'skogo (itkul'skogo) ochaga metallurgii s anan'inskoy kul'turoy [On problem of relations of Trans-Uralian (Itkul') focus of metallurgy with Anan'ino culture]. *Drevnie remeslenniki Priural'ya* [Ancient craftsmen of West Urals]. V. I. Zav'yalov, ed. Izhevsk: Udmurtskiy IYaLI, pp. 134–138.
- Berlin A. V., 2010. Ritual'nye topory rannego zheleznogo veka iz Priural'ya [Ritual axes of Early Iron Age from West Urals]. *Arkheologicheskoe nasledie kak otrazhenie istoricheskogo opyta vzaimodeystviya cheloveka, prirody, obshchestva (XIII Baderovskie chteniya)* [Archaeological heritage as reflection of historical experience of man, nature, society interaction (XIII Bader readings)]. R. D. Goldina, ed. Izhevsk: Udmurtskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 150–161.
- Bers E. M., 1951. Arkheologicheskaya karta g. Sverdlovsk i ego okrestnostey [Archaeological map of city of Sverdlovsk and its vicinities]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Urala i Priural'ya* [Materials and investigations on archaeology of Urals and Ural region], II. Moscow: AN SSSR, pp. 182–243. (MIA, 21).
- Bers E. M., 1963. Arkheologicheskie pamyatniki Sverdlovsk i ego okrestnostey [Archaeological sites of city of Sverdlovsk and its vicinities]. 2nd edition, revised and enlarged. Sverdlovsk: Sverdlovskoe knizhnoe izdatel'stvo. 110 p.

- Bortvin N. N., 1949. Nakhodki na gore Azov na Urale [Find from Azov maountain in Urals]. *KSIMK*, XXV, pp. 118–124.
- Chemyakin Yu. P., Kuz'minykh S. V., 2011. Metallicheskie ornitomorfnye izobrazheniya rannego zhelezного века Vostochnoy Evropy, Urala i Zapadnoy Sibiri (lesnaya i lesostepnaya zony) [Metal ornitomorphic images of Early Iron Age of Eastern Europe, Urals and West Siberia (forest and forest-steppe zones)]. *Tverskoy arkheologicheskoy sbornik [Tver' collection of archaeological articles]*, issue 8, vol. II. I. N. Chernykh, ed. Tver': Triada, pp. 43–74.
- Dyuryagin V. S., 2009. Svyatilishche «Lysaya Gora» rannego zhelezного века na ozere Bol'shoy Terenkul' v Chebarkul'skom rayone Chelyabinskoy oblasti [Sanctuary «Lysaya Gora» of Early Iron Age on Bol'shoy Terenkul' Lake in Chebarkul' district, Chelyabinsk region]. *Problemy arkheologicheskogo izucheniya Yuzhnogo Urala [Problems of archaeological investigation of South Urals]*. N. B. Vinogradov, ed. Chelyabinsk: Abris, pp. 46–71.
- Kirzhner E. E., Armatynskaya O. V., 1990. Bronzovaya anan'inskaya sekira iz s. Galanovo [Anan'ino-type bronze axe from village Galanovo]. *SA*, 3, pp. 256–259.
- Kul'tovye pamyatniki, 2004 – Kul'tovye pamyatniki gorno-lesного Urala [Cultic sites of mountainous-forest Urals]. V. D. Viktorova, N. V. Fedorova, V. N. Shirokov, eds. Ekaterinburg: UrO RAN, 431 p.
- Kuz'minykh S. V., 1977. Bronzovye orudiya i oruzhie v Srednem Povolzh'e i Priural'e (I tsysacheletie do n. e.): avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk [Bronze tools and weapons in Middle Volga region and West Urals (I millennium BC): Thesis presented for the degree of Doctor of Philosophy]. Moscow: IA RAN, 21 p.
- Kuz'minykh S. V., 1983. Metallurgiya Volgo-Kam'ya v rannem zhelezном veke (med' i bronza) [Metallurgy of Volga-Kama region in Early Iron Age (copper and bronze)]. Moscow: Nauka, 257 p.
- Kuz'minykh S. V., 2009. O metalle gorodishcha Chicha-1 [On metal of fortified settlement Chicha-1]. *Chicha – gorodishche perekhodного ot bronzy k zhelezu vremeni v Barabinskoy lesostepi [Chicha – fortified settlement of transitional period from Bronze to Iron Ages in Baraba forest-steppe]*, 3. V. I. Molodin, G. Parzinger, eds. Novosibirsk; Berlin: IAE SO RAN, pp. 202–212.
- Minasyan R. S., 2014. Metalloobrabotka v drevnosti i Srednevekov'e [Metalworking in antiquity and Middle Ages]. St. Petersburg: Gosudarstvennyy Ermitazh, 472 p.
- Mishchenko O. P., 2004. Pamyatniki na vershinakh gor v Srednem Zaural'e [Sites on mountains' tops in Middle Trans-Urals]. *Chetvertye Bersovskie chteniya [Fourth Bers readings]*. V. T. Kovaleva, ed. Ekaterinburg: Akva-press, pp. 185–193.
- Ryabtsev A. N., Semenov V. A., 1988. Anan'inskaya paradnaya sekira iz-pod Syktyvkara [Anan'ino ceremonial battle-axe from Syktyvkar vicinities]. *SA*, 1, pp. 244–245.
- Sal'nikov K. V., 1964. Nakhodki na Yuzhnom Urale [Finds from South Urals]. *SA*, 1, pp. 313–315.
- Serikov Yu. B., 2008. Yuzhnyy Shikhan – novyy tip svyatilishcha na Shaytanskom ozere [Yuzhnyy Shikhan – new type of sanctuaries on Shaitanskoe Lake]. *Trudy II (XVIII) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'ezda v Suzdale [Transactions of II (XVIII) All-Russian archaeological congress in Suzdal]*, II. A. P. Derevyanko, N. A. Makarov, eds. Moscow: IA RAN, pp. 289–292.
- Shirokov V. N., 2009. Ural'skie pisanitsy. Yuzhnyy Ural [Uralian rock-paintings. South Urals]. Ekaterinburg: AMB, 128 p.
- Shmidt A. V., 1929. Arkheologicheskie izyskaniya Bashkirskoy ekspeditsii Akademii nauk: (Predvaritel'nyy otchet o rabotakh 1928 g.) [Archaeological researches of Bashkir expedition of Academy of Sciences: (Preliminary report on activities of 1928)]. Ufa, pp. 1–28. (Prilozhenie k zhurnalu «Khozyaystvo Bashkirii» [Supplement to journal «Economy of Bashkiria»], no. 8–9).
- Shtukenberg A. A., 1903. Zametka: (O boevom topore, dostavlenном s Votkinskogo zavoda) [Note: (On battle axe delivered from Votkinsk plant)]. *Izvestiya Obshchestva arkheologii, istorii i etnografii [Bulletin of Society for archaeology, history and ethnography]*, vol. XIX, issue 1, p. 65.
- Smirnov K. F., 1964. Savromaty. Rannaya istoriya i kultura sarmatov [The Sauromatians. Early history and culture of the Sarmatians]. Moscow: Nauka, 381 p.
- Smirnov N. G., Erokhin N. G., Bykova G. V., Lobanova A. V., Korona O. M., Shirokov V. N., Nekrasov A. E., Razheva M. V., 1992. Grot Sukhorechenskiy – pamyatnik istorii prirody i kul'tury v Krasnoufimskoy lesostepi [Sukhorechenskiy grotto – monument of natural history and culture in Krasnoufimsk forest-steppe]. *Istoriya sovremennoy fauny Yuzhnogo Urala [History of modern fauna of South Urals]*. N. G. Smirnov, ed. Sverdlovsk: UrO RAN, pp. 20–43.

- Sokolkova D., Chumatova O., 1979. Solikamskie koleksii [Solikams collections]. *Ural'skiy sledopyt [Uralian pathfinder]*, 11, pp. 15–16.
- Tal'gren A. M., 1937. Bronzovye topory s golovami zhivotnykh iz Vostochnoy Evropy [Bronze axes with animal heads from Eastern Europe (translated by L. Ya. Zalezhskaia)]. L. Ya. Zalezhskaia, trans. *Izvestiya Obshchestva arkhologii, istorii i etnografii [Bulletin of Society for archaeology, history and ethnography]*, vol. XXX, issue 1, pp. 121–126.
- Tal'gren A. M., 1937. The Arctic Bronze Age in Europe. *Eurasia Septentrionalis Antiqua*, XI, pp. 1–46.
- Vasil'ev S. A., 2002. Iskusstvo drevnego naseleniya Volgo-Kam'ya v anan'inskuyu epokhu (istoki i formirovanie): avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk [Art of ancient population of Volga-Kama region in Anan'ino epoch (origins and formation): Thesis presented for the degree of Doctor of Philosophy]. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet. 22 p.
- Vasil'ev S. A., 2001. Anan'inskie zoomorfnye chekany: oruzhie ili simbol? [Anan'ino zoomorphic battle-axes: weapon or symbol?]. *Vestnik molodykh uchenykh. Seriya: Istoricheskie nauki [Bulletin of young scientists. Series: Historical sciences]*, 1. Spetsial'nyy vypusk. *Arkheologiya [Special issue. Archaeology]*. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskiy nauchnyy tsentr RAN, pp. 30–37.
- Viktorova V. D., 2004. Klady na vershinakh gor [Hoards on mountains' tops] *Kul'tovye pamyatniki gorno-lesnogo Urala [Cultic sites of mountainous-forest Urals]*. V. D. Viktorova, N. V. Fedorova, V. N. Shirokov, eds. Ekaterinburg: UrO RAN, pp. 158–173.
- Worsaae J. J. A., 1866. Om nogle Mosefund fra Broncealderen. *Aarbøger for nordisk oldkyndighed og historie*, IV. Kobenhavn: Nordiske Oldkriftselskab, pp. 313–326.
- Zbrueva A. V., 1952. Istoriya naseleniya Prikam'ya v anan'inskuyu epokhu [History of Kama region population in Anan'ino epoch]. *Materialy i issledovaniya po arkhologii Urala i Priural'ya [Materials and investigations on Archaeology of Urals and Ural region]*, V. Moscow: AN SSSR. 326 p. (MIA, 30).

About the authors

Kuzminykh Sergej V.,

Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation,

e-mail: kuzminykhsv@yandex.ru;

Vinogradov Nikolaj B.,

Chelyabinsk State Pedagogical University, pr. Lenina, 69, Chelyabinsk, 454080, Russian Federation,

e-mail: vinogradov_n@mail.ru

Г. Г. Король

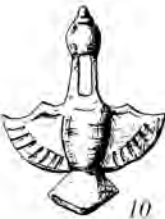
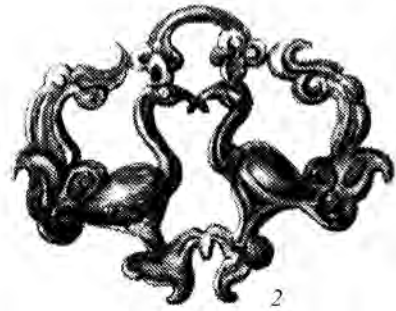
ОРНИТОМОРФНЫЕ МОТИВЫ В СРЕДНЕВЕКОВОМ ИСКУССТВЕ САЯНО-АЛТАЯ: СЕМАНТИКА И ТРАДИЦИИ

Резюме. В статье рассмотрены некоторые орнитоморфные изображения на предметах мелкой художественной пластики Саяно-Алтая и прилегающих территорий конца I – начала II тыс. Образ перелетных водоплавающих птиц зафиксирован в двух вариантах: изобразительном и пластическом, в том числе в виде соединяющихся частей застежки. В мировоззрении, верованиях, мифологии, эпической традиции, ритуалах и обрядах народов Саяно-Алтая птицы (и связанный с ними образ крылатого божества) имели особое значение и смысл, что стало основой распространения мотивов в средневековом искусстве и сохранения образов в традиционной культуре.

Ключевые слова: Средневековье, Саяно-Алтай, украшения из цветного металла, орнитоморфные изображения, водоплавающие птицы, традиционная культура.

В археологических культурах конца I – начала II тыс. Саяно-Алтая и прилегающих территорий были распространены декорированные ременные украшения всадника-воина, его снаряжения, а также амулеты, в том числе определенно женские, изготовленные преимущественно из цветного металла. В декоре преобладал растительный код. Зооморфный включал в себя как изображения разных животных, в том числе мифических, вымышленных, так и орнитоморфные образы, среди которых – разные птицы, в том числе и фантастические, все варианты которых условно можно объединить названием «феникс» (Король, 2013). Феникс определенно китайской классической иконографии также представлен, но не стал популярным мотивом.

Для настоящей темы интересны единичные экземпляры изделий мелкой пластики из цветного металла (подвески), которые напоминают классических фениксов с длинными изогнутыми шеями, мощными клювами, пышными хвостами, но имеют оригинальную иконографию: длинные загнутые соединяющиеся (или даже перекрещивающиеся) клювы, изящно сложенные крылья; хохолок представляет собой часть цветочного элемента в основании дужки подвески. Композиционно это парные (противостоящие) птицы (рис. 1, 1, 2).

0 3 cm

Птицы подобной иконографии похожи на фламинго с павлиньим хвостом, размещенных на «гнездовье» (?). На мысль о фламинго наводит характерный клюв – массивный, загнутый книзу, с помощью которого птицы добывают пищу из воды. Туловище со сложенными крыльями, длинная изогнутая шея также могли бы принадлежать фламинго.

По сведениям специалистов, в традиционной культуре саяно-алтайских тюрок фламинго, которые иногда залетают на Саяно-Алтай и пролетают над этой территорией весной и осенью, относятся к птицам из разряда «проклинающих» (наряду с лебедями, журавлями, дрофами), к которым нужно относиться с особым почтением. Увидеть их весной считалось счастьем, а осенью – плохим предзнаменованием. Среди хакасов был известен древний обычай дарения фламинго, по которому стрелок вместо добытой им птицы мог получить в жены любую девушку. Фламинго (а также лебеди и журавли) воспринимались как парные птицы, которых нельзя разлучать. Лебедь тоже считался птицей, требующей жертв. Среди саянских тюрок был обычай, согласно которому взамен преподнесенного в подарок лебедя дарили коня. У тувинцев подаренный лебедь отдавался оленем. По мнению исследователей, особое почитание этих птиц (в хакасском языке они объединены одним словом, означающим «лебедь») и обрядовые действия, связанные с ними, уходят корнями в древний тотемизм (*Бутанаяев, Монгуш, 2005. С. 97–100, 173*).

Как известно, Сибирь, Западно-Сибирская равнина, включая ее северные окраины, – места крупнейших обитаний гусей и других водоплавающих птиц. Миграции некоторых видов уток и гусей с юга (юго-запада) также проходят над Саяно-Алтаем и прилегающими районами: через Хакасию, юг Красноярского края на север; через Тоболо-Ишимскую лесостепь, Северную Кулунду в пойму и низовья Оби. Миграции эти происходят в апреле-мае и знаменуют собой приход весны. Осенью птицы возвращаются в места зимних гнездовий.

У тюркских народов в число особо почитаемых входят и другие водоплавающие птицы (утка, гусь). В широком смысле они – символ единства, союза между землей, водой и небом. В эпосе и мифах это часто встречающиеся образы. К примеру, в алтайских сказаниях серый гусь – помощник и друг богатыря, который поет ей хвалу: «Добрая птица гусь! / Неустанны крылья твои, / По воде ты как цветок плывешь, / По земле ты легче иноходца ходишь. / Вокруг Алтая облетишь – / Усталости не почувствуешь, / Вокруг земли облетишь / Сил у тебя хватит» (*Улагашев, 1941. С. 267*). В тувинских эпических сказаниях фигурирует одеяние из птичьего оперения как вариант оборотничества героя и возможность проникновения в Верхний мир. Отметим, что утка–гусь–лебедь, которым

Рис. 1. Орнитоморфные мотивы в средневековом искусстве Саяно-Алтая и прилегающих территорий

1 – Ур-Бедари, Кузнецкая котловина; 2 – Алтай (?); 3 – Тора-Гал-Арты, Верхний Енисей; 4–8 – Минусинская котловина, Средний Енисей; 9–11 – Семипалатинск, Верхнее Прииртышье; 12–14 – Нечунаево, северо-западные предгорья Алтая

1, 2 – (по: *Король, 2013. Рис. 3*); 3–8 – (по: *Кызласов, Король, 1990. Рис. 35, 61, 62*); 9–14 – (по: *Арсланова, 2013. Рис. 1*)

1, 2 – без масштаба

подвластны две сферы – водная и небесная, в одном из сказаний участвуют в цепочке перевоплощений (оборотничества) героя и в подземном мире: утка с золотой шеей – турпан с золотой шеей – гусь златоглавый – лебедь желтопестрый (*Орус-оол*, 2001. С. 72). Кроме того, в алтайском мифе доброе божество Ульгень представлялся в виде светлого гуся или утки. Сюжет об утке как птице-демиурге сохранился в хакасском фольклоре у качинцев (подробно о божественных птицах и птицах, с которыми тюрки связывали свое происхождение, см. Традиционное мировоззрение..., 1988. С. 17, 18; 1989. С. 28, 29; *Сагалаев*, 1991. С. 60, 72, 75–97). Сюжет этот известен в мифах многих сибирских народов.

Мотив утки в декоре средневековой тюркетики малых форм Саяно-Алтая и сопредельных территорий представлен в двух вариантах одного приема – изображения летящих птиц с распростертыми крыльями: одиночные летящие утки, которые иногда даны в композиции с цветущей ветвью в клюве (?) с цветами по сторонам головы (рис. 1, 3); выполненные в виде двух фигурок уток застешки (включая стилизованный ажурный вариант), т. е. фактически парные птицы, накрепко соединенные друг с другом (рис. 1, 5–14).

Летящие утки с цветущей ветвью – трактовка композиции, идентичная танским (618–907 гг.) изображениям (*Gyllensvärd*, 1958. Р. 15), и имеет определенно китайские истоки. Отметим, что в рассматриваемом искусстве Саяно-Алтая на примере именно этого варианта мотива фиксируется тот факт, что для местного населения важны были летящие с распростертыми крыльями птицы, но не цветущая ветвь (цветы). Выявленная «цепочка» копий игольников¹ с этой композицией, выполненных разными техническими средствами, определенными Л. В. Коньковой (подробней см. *Король*, 2008б. С. 19, 22. Табл. 1), показала, что смысл основного рисунка, пришедшего из инокультурной среды, был понятен и отобран для тиражирования разного уровня качества с постепенной утратой, вероятно, неважных для «потребителя» некоторых деталей, в данном случае ветви / цветов, которые в танском искусстве и позднее в традиционном китайском – неперенный атрибут такой композиции.

В Китае мотив летящей птицы (утки) восходит к эпохе Чжоу (XI–III вв. до н. э.), с зеркалами танского времени попадает в Саяно-Алтайское нагорье. Отметим также, что мотив летящей птицы с древности известен в иранском мире. Подчеркнем, что в искусстве южносибирских, как и многих других народов, он имеет также глубокие корни (см., например: *Кызласов*, 1960. С. 142–144). Популярность его в средневековом искусстве народов Саяно-Алтая и сопредельных территорий подчеркивает устойчивость древнего образа.

Застешки в виде пары летящих уток с распахнутыми крыльями (более реалистичные – рис. 1, 9–14; стилизованные ажурные – рис. 1, 5–8) – также оригина-

¹ Ранее (до находки предмета подобной формы с кожаным мешочком мехом внутри, в котором сохранились мелкие фрагменты тонкого железного стержня, что позволило сопоставить их с игольниками; подробно примеры и реконструкцию см. *Митько*, 1991) они назывались «сбруйными зажимами». Возможно подобные предметы, состоящие из двух соединенных половинок, полые внутри, имеющие отверстия сверху и снизу, могли использоваться по-разному, теоретически и в качестве зажимов (хорошо известно, что соединяемые концы шнура удобно фиксировать зажимами подобной конструкции).

нальное пластическое декоративное решение мотива – распространены на всей территории Саяно-Алтая. Помимо случайных сборов, известны их находки в женских погребениях (подборку информации см. *Король, Конькова, 2007; Арсланова, 2013*).

К северу от саяно-алтайского региона такой вид декоративных деталей костюма, как рассматриваемые застежки, считается элементом культуры, связанным с тюркизацией местного самодийского и обско-угорского населения (см. *Король, Конькова, 2007. С. 239, 240*). Привнесенные на север от Саяно-Алтая с волной тюркского населения предметы с таким декором были, по-видимому, понятны местным жителям, сохранялись в течение длительного времени, возможно, и копировались.

Оба зафиксированных в рассматриваемом средневековом искусстве варианта передачи образа водоплавающих птиц, во-первых так или иначе передают движение, полет, овеществленное воплощение ежегодной весенней / осенней миграции птиц; во-вторых, несут в себе семантику обновления жизни, размножения и плодовитости, возможно, брачного союза. В этом отношении интересна композиция пары гусей (лебедей?) с длинными переплетенными шеями (рис. 1, 4). Отметим, что такой композицией украшены предметы, вероятно, игольники, которыми могли пользоваться женщины.

На таких же игольниках (две случайные находки из Минусинской котловины на Среднем Енисее) известно уникальное изображение крылатой «богини» (подробней см. *Король, 2008а. С. 149–153; 2008б. С. 87–92*). Подобный образ можно отождествлять с богиней-матерью Умай древнетюркского пантеона и традиционных верований населения Саяно-Алтая. «С ясного неба, паря (как птица), спустишь, Мать Умай (словно) птица-мать!» (*Потапов, 1973. С. 276*). По мнению исследователей, известный и у других народов образ «птицы-матери» вряд ли мог быть заимствован: столь широко его распространение среди алтайских народов. Соотнесенность образа «богини-матери» с водоплавающими птицами рассматривается как наиболее древний архетип мифологических представлений саяно-алтайских народов, восходящий, повторимся, к образу птицы-демиурга (*Напольских, 1990; Сагалаев, 1990; 1991. С. 75–77; Мифы..., 1994. С. 399; см. также: Черемисин, 1997; Дэвлет, Дэвлет, 2005. С. 98–100*). Среди мифических водоплавающих птиц кроме утки-демиурга нередко присутствует и лебедь-прародительница, известный мотив в эпосе, сказаниях, сказках как тюрков, так и многих других (не только сибирских) народов, а также в древнейшем наскальном искусстве (подробней см. Там же. С. 180–183).

Таким образом, смысловое содержание (семантика) мотива водоплавающих птиц в средневековом искусстве Саяно-Алтая можно соотнести с древнейшими представлениями об этих птицах, в раннем Средневековье получившими отражение в образе богини-матери Умай. Им можно найти некоторые соответствия в традиционном мировоззрении в первую очередь тюркских народов Саяно-Алтая, известном по памятникам древнетюркской письменности и этнографическим данным, записям устных обрядовых и фольклорных образцов, ритуальным действиям (см., например: *Мифы..., 1994. С. 536–541; Традиционное мировоззрение..., 1988. С. 29–105, 123–136; Потапов, 1991, гл. 3; Кляшторный, Савинов, 2005. С. 166–172*). Соединение образа богини-матери

с чертами водоплавающей птицы, которой в мифах и эпосе тюрков подвластны все миры, характерно для мифологии и других народов, населявших территорию Саяно-Алтая в Средневековье.

В заключение отметим, что как орнитоморфные мотивы (в первую очередь водоплавающие птицы с распахнутыми крыльями, изображенные как бы в полете), так и антропоморфный образ крылатой богини в декоре мелкой художественной пластики (торевтики малых форм) – неотъемлемая часть средневековой культуры населения Саяно-Алтая. Ее элементы распространялись и к северу от этой территории, где они также были понятны местным жителям. Рассмотренные в статье мотивы декора средневекового искусства представляют собой устойчивые образы, которые хорошо известны в традиционной культуре саяно-алтайских народов. Истоки распространения в Средневековье и сохранение образов в дальнейшем связаны в первую очередь с глубинной духовной жизнью населения, стремившегося к обеспечению стабильности и продолжения рода. Мотив водоплавающих летящих птиц имел основу и в реальном окружении: жители Саяно-Алтая с древности могли наблюдать миграции птиц и ассоциировать с этим явлением, связанным с ежегодными изменениями самой природы, свои традиционные представления.

ЛИТЕРАТУРА

- Арсланова Ф. Х.*, 2013. Женские украшения кимаков и кыпчаков // *Арсланова Ф. Х.* Очерки по средневековой археологии Верхнего Прииртышья. Астана: филиал Ин-та археологии им. А. Х. Маргулана в г. Астана. С. 93–120. (Мат-лы и исследования по археологии Казахстана; т. III.)
- Бутанаев В. Я., Монгуш Ч. В.*, 2005. Архаические обычаи и обряды саянских тюрков. Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова. 200 с.
- Дэвлет М. А., Дэвлет Е. Г.*, 2005. Мифы в камне: Мир наскального искусства России. М.: Алетей. 472 с.
- Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.*, 2005. Степные империи древней Евразии. СПб.: Филологич. ф-т СПбГУ. 346 с. (Исторические исследования.)
- Король Г. Г.*, 2008а. Енисейская богиня-мать (образцы декора раннесредневековой торевтики малых форм) // Тропюю тысячелетий: К юбилею М. А. Дэвлет. Кемерово: Кузбассвуиздат. С. 147–155 (Тр. Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства; вып. IV.)
- Король Г. Г.*, 2008б. Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки. М.; Кемерово: Кузбассвуиздат. 332 с. (Тр. Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства; вып. V.)
- Король Г. Г.*, 2013. Фантастические птицы в декоре средневекового художественного металла Саяно-Алтая // Научное обозрение Саяно-Алтая. № 1 (5). С. 160–176.
- Король Г. Г., Конькова Л. В.*, 2007. Торевтика малых форм IX–X вв. из раскопок И. А. Армстронга у Семипалатинска (комплексное исследование) // Культурно-экологические области: взаимодействие традиций и культурогенез. СПб.: ИИМК РАН. С. 228–248.
- Кызласов Л. Р.*, 1960. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М.: Изд-во МГУ. 197 с.
- Кызласов Л. Р., Король Г. Г.*, 1990. Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. М.: Восточная литература. 216 с.
- Митько О. А.*, 1991. Средневековые игольники // Проблемы средневековой археологии Южной Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та. С. 101–108.
- Мифы..., 1994. Мифы народов мира: энциклопедия: В 2 т. Т. 2. М.: Российская энциклопедия. 719 с.

- Напольских В. В.*, 1990. Древнейшие финно-угорские мифы о возникновении земли // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск: Наука. С. 5–21.
- Орус-оол С. М.*, 2001. Тувинские героические сказания (текстология, поэтика, стиль). М.: Макс Пресс. 423 с.
- Потапов Л. П.*, 1973. Умай – божество древних тюрков в свете этнографических данных // Тюркологический сб. 1972. М.: Восточная литература. С. 265–286.
- Потапов Л. П.*, 1991. Алтайский шаманизм. Л.: Наука. 203 с.
- Сагалаев А. М.*, 1990. Птица, дающая жизнь // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск: Наука. С. 21–34.
- Сагалаев А. М.*, 1991. Урало-алтайская мифология: символ и архетип. Новосибирск: Наука. 153 с.
- Традиционное мировоззрение..., 1988. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск: Наука. 224 с.
- Традиционное мировоззрение..., 1989. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество. Новосибирск: Наука. 242 с.
- Улагашев Н. У.*, 1941. Алтай-Бучай. Ойротский народный эпос. Новосибирск: ОГИЗ. 407 с.
- Черемисин Д. В.*, 1997. К ирано-тюркским связям в области мифологии: Богиня Умай и мифическая птица // Народы Сибири: история и культура / Ред. А. П. Деревянко. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 31–43.
- Gyllensvärd B.*, 1958. T'ang gold and silver. Göteborg: Elanders Boktryckeri Aktiebolag. 371 p.

Сведения об авторе

Король Галина Георгиевна,
Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия,
e-mail: ggkorol08@rambler.ru

G. G. Korol

Ornitomorphous Motifs in the Medieval Art of the Sayan and Altai Mountains:
Semantics and traditions

Abstract. The paper reviews several ornitomorphous images on figurines from the Sayan and Altai Mountains as well as adjacent regions dating to the end of 1,000–early 2,000. The images of migratory waterfowl have been recorded in two variants, i. e. a pictorial variant and a sculptural variant, including the variant represented by a fastening composed of two connecting parts. Birds (and an associated image of a winged deity) had a special meaning and significance in the world views, beliefs, mythology, epic traditions, rites and rituals of the Sayan and Altai populations. It was the basis for spreading motifs in the medieval arts and preserving images in the traditional culture.

Keywords: medieval times, Sayan and Altai Mountains, jewels made from non-ferrous metals, waterfowl, traditional culture.

REFERENCES

- Arslanova F. Kh., 2013. Zhenskie ukrasheniya kimakov i kypchakov [Female ornaments of Kimaks and Kypchaks]. *Arslanova F. Kh. Ocherki po srednevekovoy arkheologii Verkhnego Priirtysh'ya [Essays on medieval archaeology of Upper Irtysh region]*. Astana: filial Instituta arkheologii im. A. Kh. Margulana v g. Astana, pp. 93–120. (Materialy i issledovaniya po arkheologii Kazakhstana, III).

- Butanaev V. Ya., Mongush Ch. V., 2005. Archaicheskie obychai i obryady sayanskikh tyurkov [Archaic customs and rites of Sayan Turks]. Abakan: Izdatel'stvo Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N. F. Katanova. 200 p.
- Cheremisin D. V., 1997. K irano-tyurkskim svyazyam v oblasti mifologii: Boginya Umay i mificheskaya ptitsa [On Iranian-Turkic relations in field of mythology: Goddess Umay and mythical bird]. *Narody Sibiri: istoriya i kul'tura [Peoples of Siberia: history and culture]*. A. P. Derevyanko, ed. Novosibirsk: IAET SO RAN, pp. 31–43.
- Devlet M. A., Devlet E. G., 2005. Mify v kamne: Mir naskal'nogo iskusstva Rossii [Myths in stone: World of rock art in Russia]. Moscow: Aleteya. 472 p.
- Gyllensvärd B., 1958. T'ang gold and silver. Göteborg: Elanders Boktryckeri Aktiebolag. 371 p.
- Klyashtornyy S. G., Savinov D. G., 2005. Stepnye imperii drevney Evrazii [Steppe empires of ancient Eurasia]. St. Petersburg: Filologicheskii fakul'tet Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 346 p. (Istoricheskie issledovaniya).
- Korol' G. G., 2008a. Eniseyskaya boginya-mat' (obraztsy dekora rannesrednevekovoy torevniki malykh form) [Enisey mother-goddess (decoration pieces of early medieval toreutics on works of minor art)]. *Tropoyu tysyacheletiy: K yubileyu M. A. Devlet [Following path of millennia: Toward jubilee of M. A. Devlet]*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, pp. 147–155. (Trudy Sibirskoy assotsiatsii issledovatelye pervobytnogo iskusstva, IV).
- Korol' G. G., 2008b. Iskusstvo srednevekovykh kochevnikov Evrazii. Ocherki [Art of Eurasia's medieval nomads. Essays]. Moscow; Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. 332 p. (Trudy Sibirskoy assotsiatsii issledovatelye pervobytnogo iskusstva, V).
- Korol' G. G., 2013. Fantasticheskie ptitsy v dekore srednevekovogo khudozhestvennogo metalla Sayano-Altaya [Fantastic birds in decoration of metal works of art in medieval Sayan-Altai]. *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya [Scientific review of Sayan-Altai]*, 1 (5), pp. 160–176.
- Korol' G. G., Kon'kova L. V., 2007. Torevтика malykh form IX–X vv. iz raskopok I. A. Armstronga u Semipalatinska (kompleksnoe issledovanie) [Toreutics on works of minor art of IX–X cc. from excavations of I. A. Armstrong near Semipalatinsk (complex research)]. *Kul'turno-ekologicheskie oblasti: vzaimodeystvie traditsiy i kul'turogenез [Cultural-ecological regions: interaction of traditions and cultural origin]*. St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 228–248.
- Kyzlasov L. R., 1960. Tashtykskaya epokha v istorii Khakassko-Minusinskoy kotloviny [Tashtyk epoch in history of Khakass-Minusinsk depression]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. 197 p.
- Kyzlasov L. R., Korol' G. G., 1990. Dekorativnoe iskusstvo srednevekovykh khakasov kak istoricheskiy istochnik [Decorative art of medieval Khakasians as historical source]. Moscow: Vostochnaya literatura. 216 p.
- Mify..., 1994 – Mify narodov mira: entsiklopediya [Myths of the peoples of the world: encyclopedia], 2. Moscow: Rossiyskaya entsiklopediya. 719 p.
- Mit'ko O. A., 1991. Srednevekovye igol'niki [Medieval needle-cases]. *Problemy srednevekovoy arkhologii Yuzhnoy Sibiri i sopredel'nykh territoriy [Problems of medieval archaeology of South Siberia and adjacent territories]*. Novosibirsk: Izdatel'stvo Novosibirskogo universiteta, pp. 101–108.
- Napol'skikh V. V., 1990. Drevneyshie finno-ugorskie mify o vozniknovenii zemli [Earliest Finno-Ugrian myths on emergence of the Earth]. *Mirovozzrenie finno-ugorskikh narodov [World-outlook of Finno-Ugrian peoples]*. Novosibirsk: Nauka, pp. 5–21.
- Orus-ool S. M., 2001. Tuvinskie geroicheskie skazaniya (tekstologiya, poetika, stil') [Tuvinian heroic legends (text studies, poetics, style)]. Moscow: Maks Press. 423 p.
- Potapov L. P., 1973. Umay – bozhestvo drevnikh tyurkov v svete etnograficheskikh dannykh [Umay – deity of ancient Turks in light of ethnographic data]. *Tyurkologicheskii sbornik [Turkic studies]*, 1972. Moscow: Vostochnaya literatura, pp. 265–286.
- Potapov L. P., 1991. Altayskiy shamanizm [Altai shamanism]. Leningrad: Nauka. 203 p.
- Sagalaev A. M., 1990. Ptitsa, dayushchaya zhizn' [Life-giving bird]. *Mirovozzrenie finno-ugorskikh narodov [World-outlook of Finno-Ugrian peoples]*. Novosibirsk: Nauka, pp. 21–34.
- Sagalaev A. M., 1991. Uralo-altayskaya mifologiya: simvol i arkhetyp [Uralian-Altai mythology: symbol and archetype]. Novosibirsk: Nauka. 153 p.

- Traditsionnoe mirovozzrenie..., 1988 – Traditsionnoe mirovozzrenie tyurkov Yuzhnoy Sibiri. Prostranstvo i vremya. Veshchnyy mir [Traditional world-outlook of South Siberian Turks. Space and time. Real world]. Novosibirsk: Nauka. 224 p.
- Traditsionnoe mirovozzrenie..., 1989 – Traditsionnoe mirovozzrenie tyurkov Yuzhnoy Sibiri. Chelovek. Obshchestvo [Traditional world-outlook of South Siberian Turks. Man. Society]. Novosibirsk: Nauka. 242 p.
- Ulagashev N. U., 1941. Altay-Buchay. Oyrotskiy narodnyy epos [Altay-Buchay. Oyrot folk epos]. Novosibirsk: OGIZ. 407 p.

About the author

Korol Galina G.,
Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow,
117036, Russian Federation,
e-mail: ggkorol08@rambler.ru

И. Ю. Стрикалов, И. Н. Кузина

НОВАЯ НАХОДКА ИМПОРТНОГО СТЕКЛЯННОГО СОСУДА ИЗ ПЕРЕЯСЛАВЛЯ РЯЗАНСКОГО

Резюме. В 2015 г. при раскопках Переяславля Рязанского (современная Рязань) в слоях второй половины XIII – начала XIV в. сделана редкая находка. Это венчик стеклянного стакановидного кубка с декором в виде рыбок, выполненных золотом с красной обводкой. Исследователи считают их ближневосточным импортом, вероятно, сирийским. Для культурного слоя древнерусских городов они являются датирующим признаком второй половины XIII – XIV в. В Переяславле Рязанском фрагменты сосудов с изображениями рыбок находят не первый раз. Интересно, что этот статусный предмет найден в 2015 г. на периферийной территории будущей столицы Рязанского княжества.

Ключевые слова: Переяславль Рязанский, стакановидный кубок, декор золотом и эмалью, рыбки, золотоордынское время, периферия города.

В ходе спасательных археологических исследований на территории посада Переяславля Рязанского (современная Рязань) летом 2015 г. был найден довольно редкий предмет (рис. 1: с. 360). Это венчик импортного стеклянного сосуда размерами 13–55 × 31 мм, толщиной 2 мм. Диаметр слабо отогнутого венчика – 19 см. Можно предположить, что тулово сосуда имело форму, близкую к цилиндрической, и атрибутировать его как стакановидный кубок – распространенную на средневековом Востоке форму стеклянных сосудов. Согласно данным С. Кенессона, высота кубков с таким диаметром достигала 33 см (Kenesson, 1998. Tab. 1).

Стекло бесцветное, хорошей прозрачности, с пузырьками воздуха, круглыми и вытянутыми параллельно краю венчика. На сохранившемся фрагменте видны нанесенные снаружи фигуры пяти (?) выполненных золотом рыбок. Золотой ободок украшает и край сосуда. Фигуры рыбок обведены тонкими линиями красной эмали, от которых почти повсюду сохранился только след, лишь местами можно с трудом разглядеть их остатки. Частично утрачена и позолота. Красные контуры часто не совпадают с основным объемом изображения и накладываются на него.

Находка происходит из комплекса хозяйственной ямы № 31, из которой, помимо этого фрагмента, происходит несколько других находок, в том числе

фрагмент крученого бирюзового стеклянного браслета, железное шило, железный пробой, фрагмент дна белоглиняного горшка с клеймом в виде круга с точкой в центре, а также многочисленные фрагменты керамики, характерной для второй половины XIII – XIV в.

Археологический контекст находки – на исследованном участке присутствуют слои и комплексы двух хронологических периодов (второй половины XIII – XIV в. и конца XVI – XVIII в.) исключает возможность датировки этого изделия временем ранее середины XIII столетия.

Исследованный участок городского посада расположен к юго-западу от кремля – исторического ядра Переяславля, на междуречном плато, ограниченном с запада р. Трубежем и с востока – р. Лыбедью. Участок приурочен к правому, северо-восточному берегу верховий уже несуществующего оврага, который впадал в долину Трубежа.

Мыс, образованный оврагом и береговой террасой, в эпоху Средневековья был заселен с конца XII – начала XIII в. (*Судаков, Буланкин, 2005. С. 252*), однако зона распространения слоя этого времени ограничена вершиной мыса и удалена от места находки сосуда на 200–300 м. На участке исследований было открыто несколько жилых и хозяйственных комплексов двух усадеб золотоордынского времени. Вероятно, они представляли собой периферию пригородного поселения, рост которого шел вдоль берегов оврага.

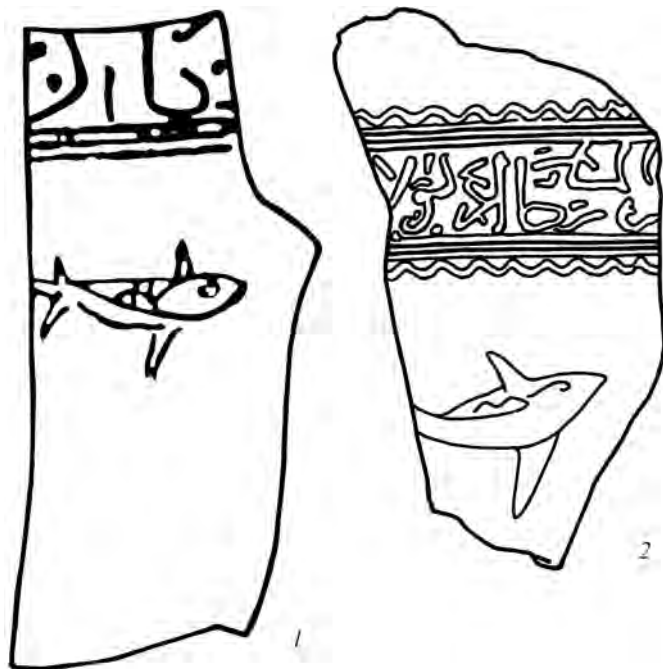
Позднее этот участок был заброшен: материалы конца XIV – первой половины XVI в., времени расцвета Переяславля как столицы Рязанского княжества, здесь полностью отсутствуют. В этот период рост городского посада проходил в другом направлении, на территории так называемого Нижнего Посада, располагавшегося к востоку от кремля на правом берегу р. Лыбеди. Вновь эта территория была заселена только в конце XVI столетия: на плато между Трубежем и Лыбедью сформировалась вторая укрепленная часть города – Острог, просуществовавший до петровского времени.

Таким образом, находка фрагмента довольно престижного импортного предмета уникальна: она происходит с периферии пригородного поселения и относится к начальному этапу становления Переяславля как крупного городского центра.

Интересно, что это не единственная здесь находка такого рода. В 2000 г. в 200 м от участка исследований 2015 г., на смежном участке посада, расположенном на соседнем мысу, приуроченном к правому, юго-западному берегу того же оврага, в комплексе ямы XIII–XIV вв. было найдено два фрагмента стеклянного бокала прозрачного стекла, украшенного золотыми дельфинами и арабскими надписями из золотых букв на синем фоне между двух красных полос (рис. 2, 2; *Судаков, 2001*). Кроме того, из того же комплекса происходят около 70 фрагментов еще нескольких стеклянных сосудов, в том числе фрагмент бокала из прозрачного стекла с арабскими и декором, выполненным позолотой и красными линиями по синему фону. В итоге, по неполным данным, сегодня из раскопок в разных частях Переяславля Рязанского известны фрагменты как минимум трех сосудов с декором-рыбками (рис. 2).

Рыбы, наряду с птицами, были самым распространенным сюжетом на стеклянных изделиях средневекового Востока. В своде К. Ламма, изданном в 1929–1930 гг., представлено, пожалуй, все разнообразие вариантов их изобра-

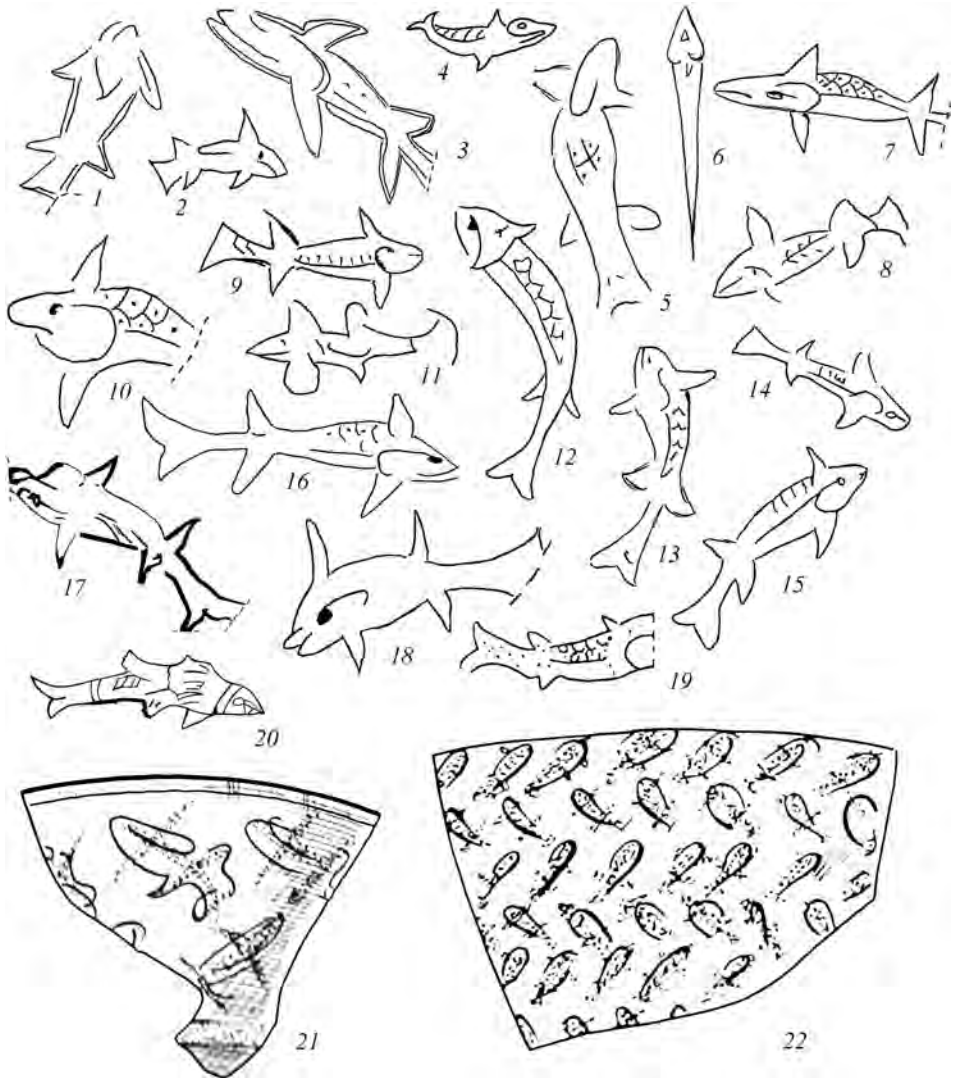

Рис. 2. Фрагменты сосудов с рыбками из Переяславля Рязанского

1 – находка 1988 г. в Кремле (Судаков, Челяпов, Буланкин, 1997. С. 377. Рис. 2, 12); 2 – находка 2000 г. на Посаде (Судаков, 2001)

жений (рис. 3; *Lamm*, 1929; *Carboni*, 2001; *Кузина*, 2011). Среди показанных в движении, «плывущих» фигур под общим названием «рыбки» можно различить черты речных и морских рыб с намеренно подчеркнутой чешуей и жаберными крышками (рис. 3, 7, 9, 10, 13, 14, 16, 19). Легко распознаются дельфины и акулы (рис. 3, 1, 2, 3). Точно выписан осетр (рис. 3, 12). Можно разглядеть изображение малька, если не принять его за условную стилизацию (рис. 3, 6). При этом бросается в глаза, что в большинстве случаев «рыбы» имеют по четыре плавника, как у акулы, и хвост, формой напоминающий этого хищника. Даже изображения дельфинов, с их узнаваемостью, снабжены этими «акульими» чертами (рис. 3, 17, 18). Рыбы с «правильными» хвостами и плавниками встречаются довольно редко (рис. 3, 20). «Акулы» изображены и на новом фрагменте из Переяславля Рязанского. Очевидно, что для мастеров, разрисовывавших кубки, был важен образ, а не точность воспроизведения, но при этом они стремились к максимальному разнообразию. В своде К. Ламма приводятся фрагменты сосудов, на которых изображения «рыбок» составляют сплошной узор, а сами рыбки обозначены предельно условно (рис. 3, 21, 22 – *Lamm*, 1929. Taf. 157). Имеют ли особенности изображения какое-то датирующее значение – неясно. Они украшают сосуды трех, выделенных К. Ламмом, групп сирийских сосудов. Судя по его публикации, чаще всего рыбки встречаются в дамасской

Рис. 3. «Рыбки» на ближневосточных стеклянных сосудах

1–19, 21, 22 – (по: *Lamm*, 1929. Taf. 100, 113, 115–117, 119, 127, 134, 143, 144, 148, 152–154, 157; 17 – (по: *Кузина*, 2011. Рис. 1); 20 – (по: *Carboni*, 2001. P. 350)

1–20 – рисунки С. С. Шполянского

группе, датируемой автором 1250–1310 гг. Сплошной узор из условных изображений относится именно к ним, и, вероятно, его можно считать поздним признаком.

При изображении рыб использовались красный цвет и золото. В большинстве известных случаев тонкая красная линия оконтуривает выполненную

золотом фигуру. Как вариант встречаются рыбки с золотым контуром и основным заполнением красным (*Lamm*, 1929. Taf. 149, 16, 19) или с золотым контуром и не закрашенные внутри, например, в коллекции из раскопок Болгара, хранящейся в фондах ГИМ¹. Может ли этот признак служить датирующим, также пока неизвестно.

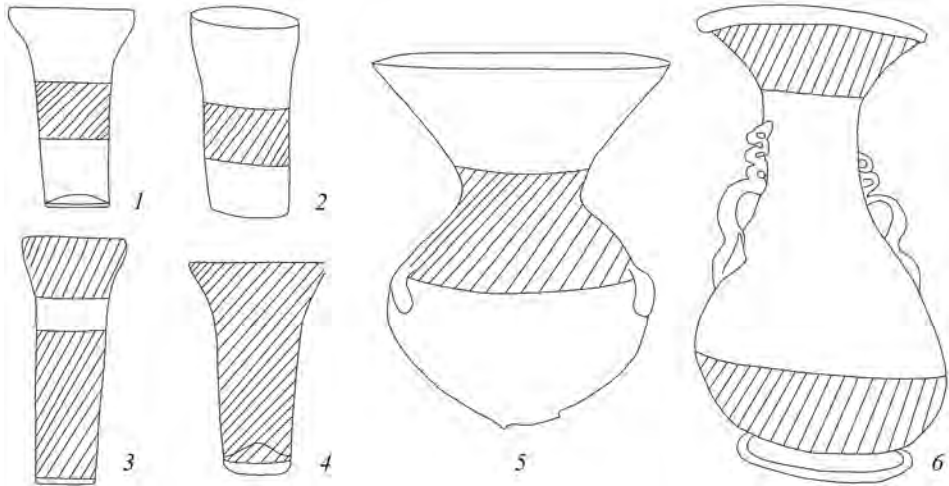
Помимо стакановидных кубков, золотые «рыбки» по одной-две или в большом числе украшали лампы, вазы с ручками, флаконы и изделия других форм, сочетаясь в декоре с надписями, арабесками и иными элементами. Их располагали отдельными фризами, по краю венчиков, в придонной и срединной частях или же покрывали сосуды полностью, без каких-либо дополнений (рис. 4). Кубки с размерами, подобно последней рязанской находке, С. Кенессоном отнесены к типу С, датируемому как в целом дамаская группа у К. Ламма 1250–1310 гг., но верхнюю границу он, как видно, отодвигает выше – до середины XIV столетия. По мнению С. Кенессона, эти кубки предназначались для украшения интерьера или служили в ритуальных целях (*Kenesson*, 1998. Р. 46).

Сосуды с рыбками найдены исследователями при раскопках других городов, например, в Киеве, Владимире, Новгороде, Твери, на Рюриковом городище. Найдены они на причерноморских памятниках и в золотоордынских слоях на территории Волжской Болгарии (*Щапова*, 1962. С. 234; *Колесникова*, 1973. С. 253; *Кузина*, 2011; *Плохов*, 2007, С. 173; *Лапшин*, 2009; *Валиулина*, 2015). В этом списке как крупные центры домогольского времени, так и небольшие города, получившие высокий политический статус уже в новую эпоху. В числе последних – и Переяславль Рязанский.

Вопрос датирования особенно интересен при обращении к столь ярким находкам. Тверские «рыбки» связаны со слоем 1334–1385 гг. В Новгороде – с началом XIV в. – 11 ярусом. В Переяславле Рязанском, как уже говорилось, последний фрагмент датируется по слою второй половиной XIII – XIV в., а предыдущие находки – XIII–XIV вв. и первой половиной XIV в. Владимирскую находку не удалось связать с конкретным археологическим контекстом. Во всех других известных авторам случаях фрагменты сосудов с «рыбками» происходят также из слоев золотоордынского времени – второй половины XIII – XIV в., большей частью его первой половины. Вообще сосуды с декором золотом и цветными эмалями известны на древнерусских памятниках со времени, предшествующего монгольскому нашествию (*Асташова*, 1998. С. 162; *Столярова*, *Энговатова*, 2013; *Кузина*, 2011; 2015). Логично было бы предположить, что среди них должны попадаться и «рыбки»: согласно К. Ламму, они известны уже на сосудах ракской группы (1170–1270). С. Карбони приводит фрагмент орнаментированного рыбками стеклянного кубка с именем султана Санжар Шаха, правившего в 1180–1209 гг. (*Carboni*, 2002. Р. 204, 205. Fig. 100). Р. Пиндер-Вильсон, не отрицающий в целом производство посуды с эмалью и золотом в Сирии и Египте с конца XII в., в качестве ранних экземпляров указывает кубок с рыбками, датируемый 1250 г. (*Pinder-Wilson*, 1995. Р. 131. Fig. 164). Соглашаясь с ранней датой, нельзя не заметить, что на Русь сосуды

---

¹ Авторы благодарят С. И. Валиулину за эту информацию.

Рис. 4. Варианты форм сосудов, декорированных рыбками.
(Штриховкой показаны участки с «рыбками».) Рисунок С. С. Шполянского

1–3 – (по: *Lamm*, 1929. Taf. 127, 163, 174); 4 – (по: *Pinder-Wilson*, 1995. P. 131. Fig. 164);
5 – (по: *Lamm*, 1929. Taf. 115); 6 – (по: *Lamm*, 1929. Taf. 179; *Carboni*, 2001. P. 356)

с этим сюжетом стали поступать, возможно, только в эпоху их наиболее активного производства – со второй половины XIII в. Очевидно, что с накоплением данных находки с территории Восточной Европы помогут уточнить время появления или даже место производства этих сосудов.

ЛИТЕРАТУРА

- Асташова Н. И.*, 1998. Торговые связи средневекового Смоленска // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии / Отв. ред. В. В. Седов. Т. 4: Общество, экономика, культура и искусство славян. М.: Эдиториал УРСС. С. 161–167.
- Валулина С. И.*, 2015. Исламские стеклянные сосуды на территории Восточной Европы // Стекло Восточной Европы в древности, Средневековье и Новое время / Отв. ред. П. Г. Гайдуков. М.; СПб.: ИА РАН, Нестор-История. (В печати.)
- Колесникова Л. Г.*, 1973. Восточное стекло из собрания Херсонесского музея // Византийский временник. Т. 34. С. 249–256.
- Кузина И. Н.*, 2011. Стеклянные сосуды из раскопок во Владимире (новые находки) // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. IV. М.: ИА РАН. С. 91–93.
- Кузина И. Н.*, 2015. Импортные стеклянные сосуды из раскопок во Владимире в 2007 году // Российская археология. № 4. С. 149–157.
- Латшин В. А.*, 2009. Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ. 540 с. (*Archaeologica Varia*.)
- Плохов А. В.*, 2007. Средневековая стеклянная посуда Новгородского (Рюрикова) городища // У истоков русской государственности. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 166–175.
- Столярова Е. К., Энговатова А. В.*, 2013. Ближневосточные расписные стеклянные сосуды из Ярославля // Археология Подмосковья: Мат-лы науч. семинара / Отв. ред. А. В. Энговатова. Вып. 9. М.: ИА РАН. С. 91–100.
- Судаков В. В.*, 2001. Отчет о раскопках на территории Верхнего Посада г. Переяславль-Рязанского (совр. Рязань) в 2000 году // Архив ИА РАН. P-2.

- Судаков В. В., Буланкин В. М., 2005. Культурный слой Переяславля Рязанского // Великое княжество Рязанское: историко-археологические иссл. и мат-лы / Отв. ред. А. В. Чернецов. М.: Памятники исторической мысли. С. 241–261.
- Щапова Ю. Л., 1962. Два сирийских сосуда из Новгорода // Историко-археологический сборник. М.: Изд-во МГУ. С. 232–236.
- Carboni S., 2001. Glass from Islamic lands. N. Y.: Thames and Hudson Inc. 416 p.
- Carboni S., 2002. Painted Glass // Carboni S., Whitehouse D. Glass of the Sultans. N. Y.: The Metropolitan Museum of Art. P. 199–273.
- Kenesson S., 1998. Islamic enamelled beakers: a new chronology // Gilded and Enamelled Glass from the Middle East / Ed. by R. Ward. Dorchester: British Museum Press. P. 45–49.
- Lamm C. J., 1929. Mittelalterliche Gläser und Steinschnittarbeiten aus dem Nahen Osten. Berlin: Dietrich Reimer. 2 Bänden. Band II: Abbildungen. 566 S. (Forschungen zur islamischen Kunst, Bd. 5.)
- Pinder-Wilson R., 1995. Chapter Four. The Islamic Lands and China. Five Thousand Years of Glass / Ed. by Hugh Tait. L.: British Museum Press. P. 112–143.

Сведения об авторах

Стрикалов Игорь Юрьевич,
Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия,
e-mail: igor.strikalov@gmail.com;

Кузина Инна Николаевна,
Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия,
e-mail: kuzina.i@gmail.com

I. Yu. Strikalov, I. N. Kuzina

A New Find of Imported Glass Vessel from the Pereyaslavl Ryazansky

Abstract. In 2015 excavations in Pereyaslavl Ryazansky (now Ryazan) yielded a rare find from the layers dating to the second half of the 12th – early 14th centuries. It is a raised border of a glass beaker shaped as a drinking glass and decorated with golden figures of small fish encircled with a red line. The researchers believe that the beaker was imported from the Near East, probably, Syria. Such figures of small fish serve as a dating attribute of the second half of the 13th–14th centurys. Fragments of beaker decorated with figures of fish had been found in Pereyaslavl Ryazansky before. Interestingly, this item indicating a high status of its owner was found in 2015 on the periphery of the future capital of the Ryazan Principality.

Keywords: Pereyaslavl Ryazansky, glass beaker, gold and enamel decoration, figures of small fish, Golden Horde period, city periphery.

REFERENCES

- Astashova N. I., 1998. Torgovye svyazi srednevekovogo Smolenska [Trade relations of medieval Smolensk]. *Trudy VI Mezhdunarodnogo Kongressa slavyanskoy arkheologii [Transactions of VI International congress of Slavic archaeology]*, 4. *Obshchestvo, ekonomika, kul'tura i iskusstvo slavyan [Society, economy, culture and art of Slavs]*. V. V. Sedov, ed. Moscow: Editorial URSS, pp. 161–167.
- Carboni S., 2001. Glass from Islamic lands. New York: Thames and Hudson Inc. 416 p.

- Carboni S., 2002. Painted Glass. *Carboni S., Whitehouse D. Glass of the Sultans*. New York: The Metropolitan Museum of Art, pp. 199–273.
- Kenesson S., 1998. Islamic enamelled beakers: a new chronology. *Gilded and Enamelled Glass from the Middle East*. R. Ward, ed. Dorchester: British Museum Press, pp. 45–49.
- Kolesnikova L. G., 1973. Vostochnoe steklo iz sobraniya Khersonesskogo muzeya [Oriental glass from collections of Chersonese museum]. *Vizantiyskiy vremennik [Byzantine periodical]*, 34, pp. 249–256.
- Kuzina I. N., 2011. Steklyannye sosudy iz raskopok vo Vladimire (novye nakhodki) [Glass vessels from excavations in Vladimir (new finds)]. *Trudy II (XVIII) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"ezda v Suzdale [Transactions of II (XVIII) All-Russian archaeological congress in Suzdal]*, IV. Moscow: IA RAN, pp. 91–93.
- Kuzina I. N., 2015. Importnye steklyannye sosudy iz raskopok vo Vladimire v 2007 godu [Imported glass vessels from excavations in Vladimir, 2007]. *RA*, 4. P. 149–157.
- Lamm C. J., 1929. *Mittelalterliche Gläser und Steinschnittarbeiten aus dem Nahen Osten*, II. Abbdungen. Berlin: Dietrich Reimer. 566 p. (Forschungen zur islamischen Kunst, 5).
- Lapshin V. A., 2009. Tver' v XIII–XV vv. (po materialam raskopok 1993–1997 gg.) [Tver' in XIII–XV cc. (based on materials from excavations of 1993–1997)]. St. Petersburg: Fakul'tet filologii i iskusstv Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet. 540 p. (Archaeologica Varia).
- Pinder-Wilson R., 1995. Chapter Four. The Islamic Lands and China. *Five Thousand Years of Glass*. Hugh Tait, ed. London: British Museum Press, pp. 112–143.
- Plokhov A. V., 2007. Srednevekovaya steklyannaya posuda Novgorodskogo (Ryurikova) gorodishcha [Medieval glass ware of Novgorod (Ryurik) fortified settlement]. *U istokov russkoy gosudarstvennosti [At origins of Russian statehood]*. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, pp. 166–175.
- Shchapova Yu. L., 1962. Dva siriyskikh sosuda iz Novgoroda [Two Syrian vessels from Novgorod]. *Istoriko-arkheologicheskii sbornik [Historical-cultural collection of articles]*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 232–236.
- Stolyarova E. K., Engovatova A. V., 2013. Blizhnєvostochnye raspisnye steklyannye sosudy iz Yaroslavlya [Near Eastern painted glass vessels from Yaroslavl']. *AP*, 9. A. V. Engovatova, ed. Moscow: IA RAN, pp. 91–100.
- Sudakov V. V., 2001. Otchet o raskopkakh na territorii Verkhnego Posada g. Pereyaslavl'-Ryazanskogo (sovr. Ryazan') v 2000 godu [Report on excavations in territory of Upper Suburb of Pereyaslavl'-Ryazanskiy (modern Ryazan') in 2000]. *Archive of IA RAN*. (In Russian, unpublished).
- Sudakov V. V., Bulankin V. M., 2005. Kul'turnyy sloy Pereyaslavlya Ryazanskogo [Cultural deposit of Pereyaslavl'-Ryazanskiy]. *Velikoe knyazhestvo Ryazanskoe: istoriko-arkheologicheskie issledovaniya i materialy [Great principality of Ryazan: historical-archaeological investigations and materials]*. A. V. Chernetsov. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, pp. 241–261.
- Valiulina S. I., 2015. Islamskie steklyannye sosudy na territorii Vostochnoy Evropy [Islamic glass vessels in territory of Eastern Europe]. *Steklo Vostochnoy Evropy v drevnosti, Srednevekov'e i Novoe vremya [Glass of Eastern Europe in antiquity, Middle Ages and New Times]*. P. G. Gaydukov, ed. Moscow; St. Petersburg: IA RAN: Nestor-Istoriya. (In print).

About the authors

Strikalov Igor Yu.,

Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation,
e-mail: igor.strikalov@gmail.com;

Kuzina Inna N.,

Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation,
e-mail: kuzina.i@gmail.com

БИОАРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А. А. Казарницкий, А. А. Волошинов

ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ИЗ «КОЛЛЕКТИВНЫХ ЗАХОРОНЕНИЙ» У с. БРЯНСКОЕ В ЮГО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ

Резюме. Представлены результаты исследования антропологических материалов из специфических погребальных памятников античного времени Юго-Западного Крыма возле с. Брянское – подкурганной каменной гробницы и безурновой кремации в естественной скальной впадине. Памятники датированы II в. до н. э. – II в. н. э. В гробнице находились останки не менее 7 детей и не менее 20 взрослых обоого пола и всех возрастных групп. Из них скелеты как минимум одного ребенка и четверых взрослых имеют следы непродолжительной кремации на слабом огне. Палеодемографические показатели свидетельствуют о том, что памятник оставлен долговременной и относительно благополучной человеческой популяцией. Во втором коллективном захоронении, расположенном в 25 м от каменной гробницы, обнаружены мелко фрагментированные костные останки около 40 человек со следами непродолжительной, но высокотемпературной кремации. Предложена реконструкция положения тел при сжигании на основе разницы в степени обжига различных отделов скелета.

Ключевые слова: коллективные захоронения, подкурганные каменные гробницы, Юго-Западный Крым, античность, погребальный обряд, кремация, палеодемография.

В 2007 г. Альминской экспедицией Крымского филиала ИА НАНУ под руководством А. Е. Пуздровского были проведены первые в Юго-Западном Крыму исследования подкурганной каменной гробницы с так называемыми «коллективными захоронениями» (Пуздровский и др., 2010; Пуздровский, 2011). В 0,4 км к северо-востоку от позднескифского городища Заячьё была раскопана центральная часть курганообразной насыпи, датированной по сопутствующему погребальному инвентарю I в. до н. э. – первой половиной I в. н. э. В заполнении камеры найдены также фрагментированные костные останки вне анатомического порядка, принадлежавшие, по мнению авторов раскопок, не менее чем 10–15 индивидам. Эти работы значительно расширили ареал распространения подобных погребальных конструкций, который ранее ограничивался Центральным и Северо-Восточным Крымом, и потребовали дальнейших исследований.

В 2013 г. сотрудниками Бахчисарайского историко-культурного заповедника А. А. Волошиновым и И. И. Неневолей в 0,1 км к юго-востоку от с. Брянское Бахчисарайского района и в 1,0 км к северу-западу от кургана, раскопанного в 2007 г. экспедицией А. Е. Пуздровского, был исследован еще один курган, а также безурновая кремация в естественной скальной впадине (*Волошинов, Неневоля, 2014*)¹.

Курган расположен на возвышенности Кыбла-Баир, в 0,9 км северо-западнее позднескифского городища Заячье и в 0,5 км к северу от его некрополя. В 2003–2005 гг. в результате грабительских раскопок была разрушена камера погребального сооружения. Насыпь кургана грунтово-каменная, вытянута с северо-запада на юго-восток. В ее центре открыта прямоугольная в плане гробница размерами 4,1 × 5,9 м, ориентированная по оси юго-восток – северо-запад. Под южной полкой кургана, на древней дневной поверхности, зафиксировано большое количество фрагментов краснолаковой и лепной керамики, светлоглиняных амфор, пряслиц, бус и нескольких десятков мелких фрагментов бронзовых зеркал. В этой части кургана антропологический материал отсутствовал, а найденные здесь предметы, наиболее вероятно, связаны с тризной.

Гробница содержала большое количество фрагментированных человеческих костей, в том числе со следами пребывания в огне, что позволяет допустить биритуальный обряд захоронений. Погребальный инвентарь из заполнения камеры представлен фрагментами стеклянных, лепных и гончарных сосудов, бусами, подвесками, перстнями, а также фибулами II в. до н. э. – начала II в. н. э.

Курганообразные насыпи, открытые в 2007 и 2013 гг., объединяет ряд общих признаков: северо-западная ориентация гробницы, возведение ее стен на древней поверхности, двухпанцирная кладка, наличие тризны в юго-восточной поле кургана. Отсутствие конструктивно выраженного дромоса, кладка стен в один ряд и небольшие по высоте насыпи позволили определить тип погребальных сооружений как «большие ящики с многократными захоронениями». В полу обеих гробниц зафиксированы вырубки неопределенных очертаний, которые, возможно, были использованы для захоронений на раннем этапе функционирования курганов. В пользу этого может свидетельствовать коллективное погребение в естественной каменной впадине, открытое в 25 м к югу от кургана. Оно совершено по обряду безурновой кремации и, возможно, представляет собой более ранний вариант той же погребальной традиции. Немногочисленный погребальный инвентарь состоял здесь из нескольких стеклянных бус, зеркала, браслета, перстня, железного наконечника стрелы, фрагментов лепных и гончарных сосудов и может быть датирован II–I вв. до н. э. (*Волошинов, Неневоля, 2014*).

По мнению А. А. Волошинова и И. И. Неневоли, ящики были частью большого курганного могильника, оставленного местным либо пришлым населением в период перехода от кочевого образа жизни к оседлости. Расположение и предварительная датировка могильника позволили предположить, что он предшествовал грунтовому некрополю городища Заячье, наиболее ранние исследованные

¹ В работах также приняли участие А. Е. Соломоненко и сотрудники КРУ БИКЗ Ш. А. Эмруллаев и В. Л. Мартынюк.

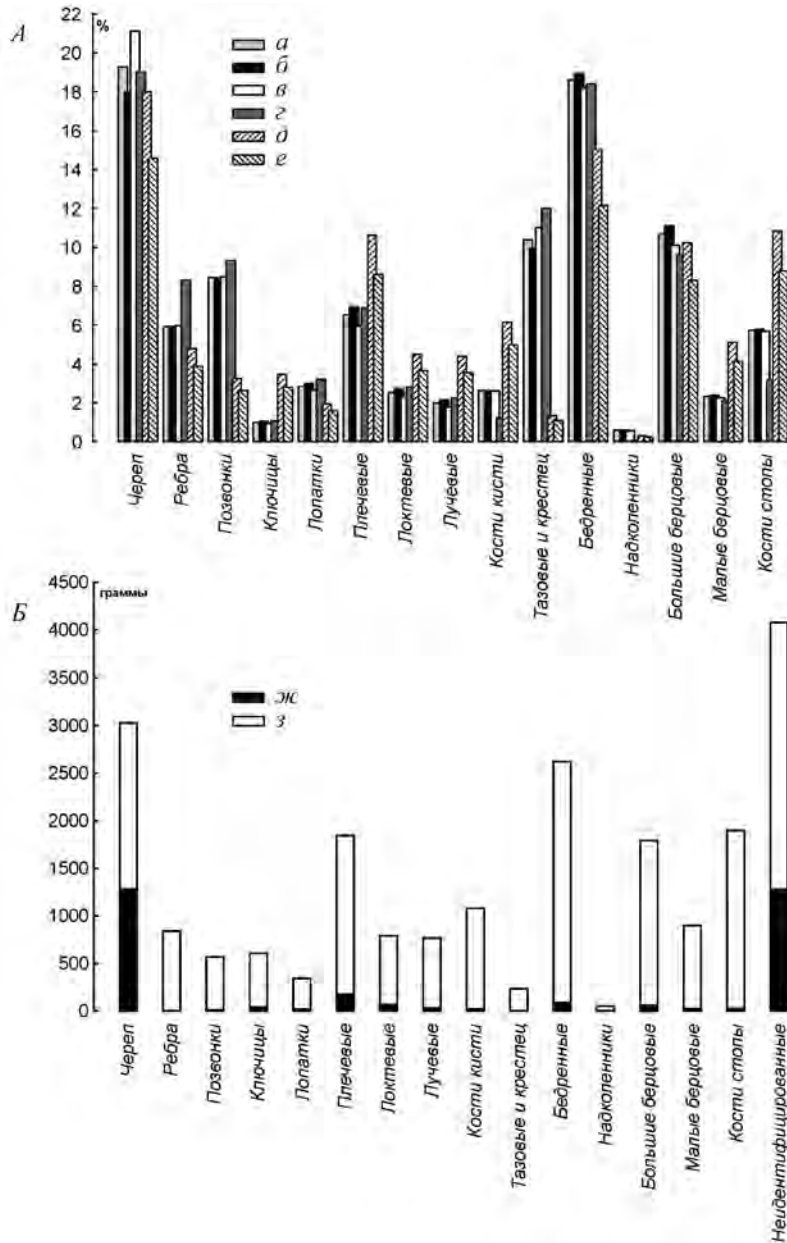
погребения которого относятся к последней трети I в. н. э. – началу II в. н. э. (Труфанов, 2005).

В августе 2014 г. была проведена экспертиза антропологических материалов из раскопок 2013 г. на базе Представительства СПбГУ в Республике Крым при участии студентов Крымского антропологического и Сарматского археологического полевых отрядов Института истории СПбГУ. Измерение костей, фиксация травм и патологий, определение пола и возраста, выявление особенностей температурной обработки костей, расчет демографических показателей проводились по стандартным антропологическим и палеодемографическим методикам (Алексеев, Дебец, 1964; Алексеев, 1966; Acsadi, Nemeskeri, 1970; Бужилова, 1998; Козловская, 1998; Walker et al., 2008; Weiss, 1973; White, Folkens, 2005; Добровольская, 2010).

Материалы из подкурганной каменной гробницы представлены фрагментированными костными человеческими останками. Размеры фрагментов – от 50 до 150 мм, общая численность – более 3 000 фрагментов, вес – 21,6 кг, для 81 % из них удалось установить анатомическую принадлежность. С целью определения минимального числа погребенных производился подсчет гомологичных элементов скелета: обнаружены фрагменты не менее 17 нижних челюстей взрослых людей, 17 вторых правых и 17 третьих правых пястных костей, 17 пятых левых пястных костей, 17 дистальных фрагментов левых плечевых костей, 20 фрагментов проксимальных частей левых локтевых костей, 21 пятая левая плюсневая кость, 23 третьих правых костей плюсны, фрагменты длинных трубчатых костей не менее двух детских скелетов (приблизительные продольные размеры соответствуют возрасту около 4 лет и от 5 до 8 лет) и двух или трех подростков 12–18 лет. Среди костей встречались также несформированные коронки молочных зубов ребенка около 0,5–1 года и фрагменты не менее четырех детских нижних челюстей: степень развития зубной системы одного ребенка соответствует возрасту около 9–12 лет, трех других – около 6 лет. В погребении, таким образом, находились останки не менее двадцати взрослых и не менее семи детей почти всех возрастных когорт.

Распределение веса костей по отделам скелета и общий вес материалов из камеры каменной гробницы отличаются от стандартных параметров, известных по результатам взвешивания 30 сухих мужских скелетов XVIII в. из Санкт-Петербурга², а также по опубликованным данным о весе обезжиренных костей современного населения Португалии, высчитанным для выборок из 50 мужчин и 50 женщин и для суммарной серии из 100 человек (Silva et al., 2009). Разница между жителями Северо-Запада России и Юго-Западной Европы незначительна (рис. 1А): первые отличаются только более тяжелыми костями грудной клетки и меньшим весом костей кисти и стопы, причем последнее обусловлено, по-видимому, недостаточной тщательностью сбора останков. На этом фоне в материалах из гробницы у с. Брянское хорошо заметна чрезвычайная редкость позвонков и тазовых костей, недостаток бедренных костей при сравнительном

² Материалы из раскопок единовременного массового захоронения на Сытнинской улице, Санкт-Петербург (незарегистрированные фонды временного хранения МАЭ РАН).

Рис. 1. Распределение веса костей различных отделов скелета

А – процентные доли веса костей для: а – суммарной серии (Португалия); б – для мужских скелетов (Португалия); в – для женских скелетов (Португалия); г – для мужских скелетов (Санкт-Петербург); д – для идентифицированных материалов из каменной гробницы (Брянское); е – для всех материалов из каменной гробницы (Брянское)

Б – соотношение веса костей с видимыми следами обжига (Ж) и без них (З)

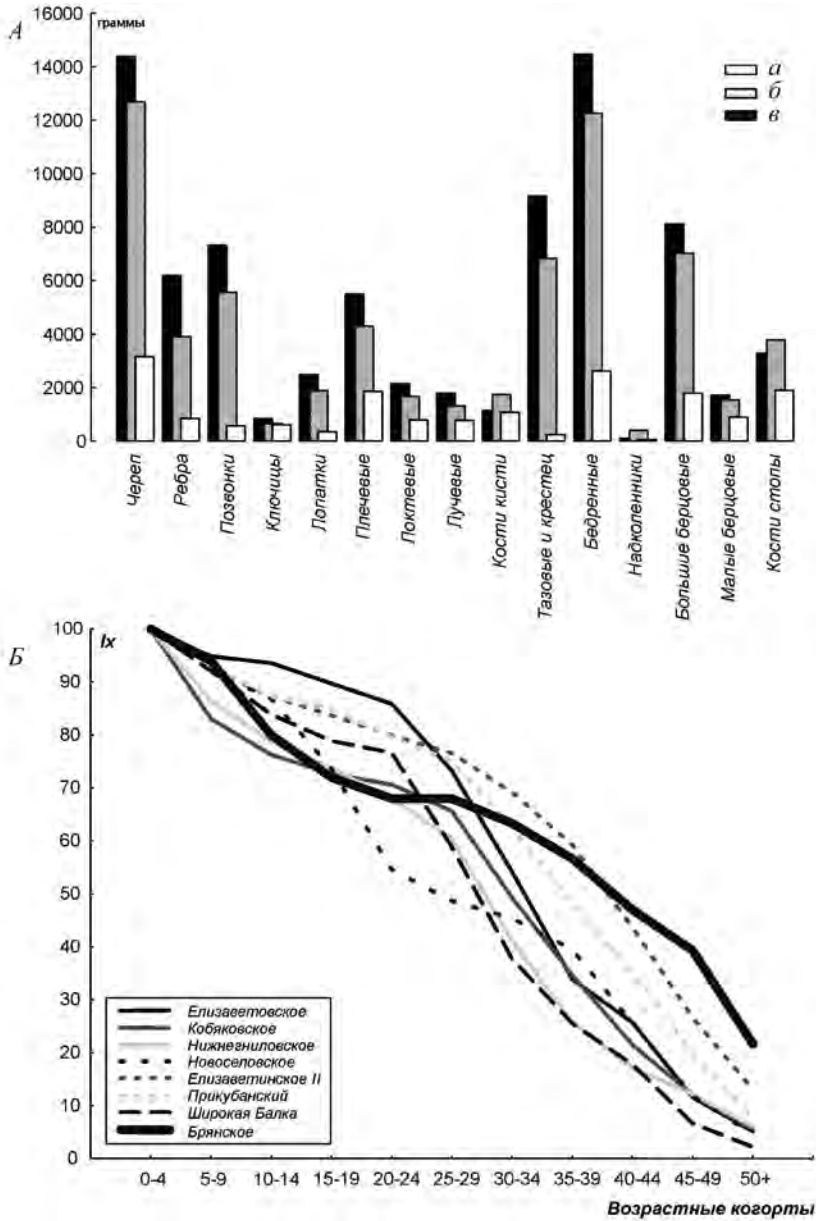
переизбытке костей кисти и стопы, ключиц, плечевых, лучевых, локтевых и малых берцовых костей. На графике приведены результаты подсчетов как для всех имевшихся в камере костей, так и относительно только идентифицированных анатомически.

Часть остеологических материалов имеет темно-коричневый и черный цвет, возникающий вследствие обжига при температуре до 300–500 °С (*Walker et al.*, 2008). Следовательно, тела по крайней мере некоторых умерших сжигались на небольшом и непродолжительном огне. Доля кремированных фрагментов в большинстве отделов невелика и не превышает нескольких процентов, однако при этом обожжена половина фрагментов костей черепа и треть неидентифицированных осколков (рис. 1Б). Во многих случаях фрагменты мозгового отдела черепа обожжены с внутренней стороны при более высокой температуре, чем с внешней. Фрагменты черных оттенков имеют, как правило, блестящую, словно лощеную поверхность и изредка – деформационные трещины, что принято интерпретировать как свидетельство сжигания свежих костей или костей с сохранившимися мягкими тканями (*Holck*, 2008. Р. 96). Судя по гомологичным участкам обожженных нижних челюстей, кремированы были останки как минимум четырех взрослых человек и одного ребенка. Однако количество тел, прошедших через обработку огнем, могло быть и больше, так как воздействие невысоких температур до 200 °С не сказывается на цвете костей (*Walker et al.*, 2008) и может быть определено лишь в результате гистологического или химического анализа, недоступного в полевых условиях.

Вес костных останков, принадлежавших не менее чем двадцати половозрелым индивидам, даже с учетом детских скелетов, не соответствует стандартному весу двадцати человеческих скелетов: 21,6 кг при ожидаемых 76 кг для мужчин или 65,5 кг по усредненным для мужчин и женщин данным. Это же верно и для веса костей разных отделов скелета (рис. 2А).

Следовательно, гробница возле с. Брянское могла быть вторичным захоронением, в котором оказалась меньшая часть останков умерших. В таком случае предшествующие этапы манипуляций с телами включали предварительную кремацию и/или ингумацию с последующей транспортировкой в каменный склеп. Возможно, что при переносе костей систематически менее внимательно собирались кости осевого посткраниального скелета (позвонки, тазовые кости). Избыток костей пясти и плюсны можно объяснить тем, что в силу малых размеров короткие трубчатые кости менее подвержены фрагментации. Правда, та же причина не объясняет избыточность фрагментов плечевой, лучевой, локтевой и малой берцовой костей, хотя посмертный отбор в пользу последних тоже мог иметь место. Другим вероятным объяснением наблюдаемых диспропорций может быть то, что камера долго стояла открытой и некоторые кости могли быть попросту растащены.

Данные о биологическом возрасте погребенных в камере гробницы были использованы для подсчета показателей общего процента дожития lx в разных возрастных когортах (*Acsadi, Nemeskeri*, 1970; *Weiss*, 1973). Построенная на его основе кривая убыли населения была сопоставлена с аналогичными кривыми lx (рис. 2Б), полученными по материалам из некрополей античного времени Елизаветовское, Кобяковское и Нижнегниловское в дельте Дона (*Батиева*, 2011)

Рис. 2. Распределение веса костей и скорость убыли населения, оставившего захоронение в каменной гробнице, на фоне стандартных показателей

А – сравнение распределения веса не менее 20 взрослых индивидов из каменной гробницы в Брянском (а) с распределением веса 20 полных скелетов обоего пола (б) и 20 мужских скелетов (в)

Б – кривые убыли населения из гробницы в Брянском и из некрополей античных поселений Нижнего Дона и Прикубанья

и могильников Широкая Балка, Прикубанский, Елизаветинское II и Новоселовское в Прикубанье (Медникова, 2008; Балабанова, 2005; Громов, Казарницкий, 2014; Казарницкий, 2015).

Динамика смертности варьирует от поселения к поселению незначительно. Только Новоселовское (I в. до н. э.) выделяется повышенной смертностью в молодых когортах от 15 до 30 лет, что неудивительно, так как городище при некрополе на многих участках было перекрыто слоем пепла от обширных пожаров, и многие захоронения, по-видимому, были совершены наспех и в черте поселения (устн. сообщ. автора раскопок М. Ю. Лунёва). Убыль детей и подростков в популяции, оставившей коллективное захоронение в гробнице возле с. Брянское, не превышает распространенной в соседнем регионе скорости и уже в когорте 20–24 лет сходит на нет, а в финальных возрастных интервалах нарастает постепенно и медленнее, чем во всех привлеченных для сравнения синхронных поселениях. Кроме этого, есть вероятность, что скелеты из Брянского в равных долях разделены по полу, в пользу чего свидетельствует установленная для половины скелетов взрослых людей половая принадлежность (пять мужчин и шесть женщин).

Таким образом, реконструируемые демографические показатели – более четверти детских скелетов, предположительно равное количество мужчин и женщин, редкость останков молодых половозрелых людей и относительно медленное выбывание индивидов финальных возрастных когорт – характерны скорее для захоронений, оставленных в результате естественной убыли населения в долговременной популяции.

Коллективное захоронение в скальной впадине к югу от кургана представлено мелко фрагментированными человеческими костями. Диаметр фрагментов, как правило, не более 5 мм, в редких случаях – до 50 мм. Общая масса костей – 33,8 кг, подавляющее большинство имеет следы высокотемпературной обработки. Визуально определимы все варианты оттенков, характерные для обожженных костных останков (Walker et al., 2008): большая часть серовато-белые (14,7 кг), реже – черные (6,9 кг; как с матовой, так и с блестящей гладкой поверхностью) и голубовато-черные (7,3 кг); редко встречаются белые (3,6 кг) и в единичных случаях – коричневые (1,2 кг). На серовато-белых и белых фрагментах периодически фиксировались криволинейные и дугообразные трещины.

Перечисленные признаки могут свидетельствовать о том, что тела погребенных в скальной впадине были сожжены в период, когда кости были свежими или покрыты мягкими тканями, при высокой температуре до 800–1000 °С. Однако кремация не была продолжительной, и в отдельных участках костра температура не поднималась выше 500 °С, изредка отдельные кости и вовсе оказывались без визуально определимых следов обжига. В противном случае, при продолжительной высокотемпературной кремации цвет костных останков был бы более однородным. Сжигание производилось за пределами места захоронения, так как древесный уголь среди костных фрагментов не обнаружен³.

³ Среди десятков тысяч фрагментов костей и перемешанного с ними каменистого грунта найден единственный фрагмент древесного угля диаметром около 20 мм.

Лишь для 14 % материалов из впадины по морфологическим особенностям удалось установить принадлежность к какому-либо отделу скелета. Доля идентифицированных фрагментов варьирует в зависимости от степени обжига: три четверти наименее фрагментированных коричневых костей, пятая часть черных, голубовато-черных и белых и десятая часть серовато-белых. В распределении идентифицированных фрагментов по группам в зависимости от степени обжига прослеживаются определенные закономерности (рис. 3).

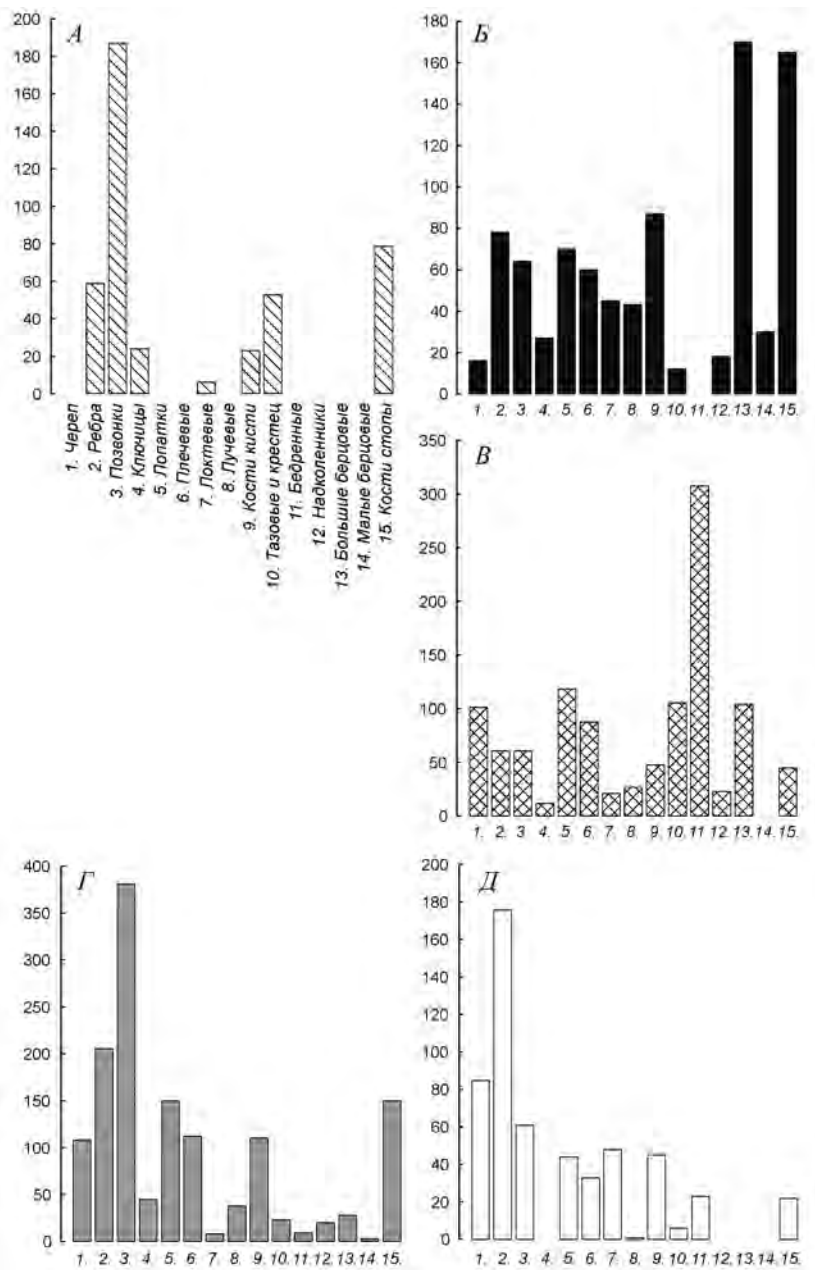
Среди материалов со следами слабой температурной обработки или вовсе без таковой (А) ряд категорий костей просто отсутствует, а большинство составляют фрагменты позвонков из всех отделов позвоночного столба. Фрагменты позвонков также многочисленны среди серовато-белых костей (Г), однако их сохранность недостаточна для сортировки по отделам, к тому же здесь представлены кости всех частей скелета. В остальных трех группах встречаются фрагменты только шейных позвонков.

Кости ног доминируют в двух категориях со следами обжига при температуре от 300 до 600 °С: большие берцовые и кости стоп среди черных фрагментов (Б), бедренные – среди голубовато-черных (В). Доля фрагментов черепа и ребер увеличивается от категории к категории в прямой положительной зависимости от температуры обжига и достигает максимума среди белых костей, обожженных при температуре около 1000 °С (Д).

При сопоставлении со стандартным распределением веса сухих костей из разных отделов (см. рис. 1) особенности материалов из расселины становятся более очевидны. Это и чрезвычайно большая доля позвонков в категории до 200 °С, и высокая встречаемость больших берцовых костей и костей стоп в категории 300–500 °С, а бедренных костей – в следующей категории 500–600 °С. В более высокотемпературных группах доля костей нижней половины тела существенно снижается: здесь представлены преимущественно кости черепа и грудной клетки. Фрагменты костей плечевого пояса и рук повсюду, кроме первой категории, представлены в равной степени хорошо.

Вероятными причинами наблюдаемых отклонений от стандартного распределения в группах с разной степенью обжига могут быть обрядовые особенности положения тел умерших во время сжигания. Если погребальный костер разводился не под, а над телом лежащего на земле индивида, уложенного на землю лицом вверх, то при непродолжительной кремации зона наименее высокой температуры могла сформироваться как раз вокруг позвоночника (Holck, 2008), что периодически способствовало меньшему обжигу и лучшей сохранности позвонков и лопаток. Разницу в преимущественной цветности идентифицируемых фрагментов черепа и ребер (серовато-белые и белые) и костей ног (черные и голубовато-черные) можно интерпретировать как свидетельство более интенсивного горения в области верхней половины тела, например, если дрова погребального костра складывались в основном вокруг туловища.

Морфологические особенности фрагментов нижних челюстей, размеры эпифизов длинных трубчатых костей и костей предплюсны позволяют предполагать наличие в расселине нескольких мужских и женских скелетов, однако определение их количественного соотношения, равно как и биологического возраста, не представляется возможным. Изолированные зубы представлены

Рис. 3. Распределение веса идентифицируемых фрагментов костей из впадины по отделам скелета в группах с разной степенью обжига и, соответственно, разных оттенков (по мере увеличения температуры)

А – коричневые; *Б* – черные; *В* – голубовато-черные; *Г* – серовато-белые; *Д* – белые

преимущественно корнями. Сохранившиеся в редких случаях окклюзионные поверхности зубов демонстрируют все возможные степени изношенности. В категории костей черного цвета обнаружены также фаланга пальца и большая берцовая кость младенческого скелета, среди фрагментов коричневого цвета – две детские фаланги.

По гомологичным участкам скелета в идентифицированной части материалов из расселины насчитывается не менее семи взрослых индивидов: в наличии 7 фрагментов дистальных концов левых плечевых костей, 7 фрагментов проксимальных частей правых локтевых костей, 7 эпистрофеев, 7 латеральных частей левых ключиц, 6 правых таранных костей, 5 левых надколенников, 5 левых ладьевидных костей запястья. Учитывая, что принадлежность к отделам скелета была установлена только для 14 % всех материалов и что масса кремированных костей одного скелета в безурновых погребениях, как правило, не превышает 500–700 граммов, то реконструируемая численность погребенных в расселине составляет, вероятно, не менее сорока человек.

Выводы. Таким образом, в подкурганной каменной гробнице возле с. Брянское находились костные останки не менее 20 взрослых и не менее 7 детей всех возрастных категорий, из которых как минимум четверо взрослых и один ребенок были кремированы на слабом и непродолжительном огне. Большинство костей не имеют визуально определяемых следов температурной обработки. Реконструируемая палеодемографическая характеристика свидетельствует скорее в пользу того, что это захоронение сформировалось вследствие естественной убыли населения в долговременной популяции. Процентное соотношение костей разных отделов скелета не соответствует нормальному и может быть обусловлено либо тем, что погребение является вторичным (после ряда манипуляций с останками), либо тем, что комплекс долгое время стоял открытым и состав его мог быть нарушен.

Костные останки из естественной скальной впадины в 25 м к югу от каменной гробницы принадлежали приблизительно сорока индивидам, тела которых были сожжены на стороне при очень высокой температуре, но в кратковременном огне. Тела при сожжении располагались, по-видимому, на земле лицом вверх, наиболее интенсивное горение происходило в области туловища. В материалах присутствуют фрагменты младенческого и детских скелетов, хотя подавляющее большинство костей принадлежит скелетам взрослых индивидов обоего пола и разных возрастных когорт.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев В. П.*, 1966. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука. 251 с.
- Алексеев В. П., Дебец Г. Ф.*, 1964. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука. 128 с.
- Балабанова М. А.*, 2005. Половозрастная структура Прикубанского меотского могильника IV в. до н. э. // Четвертая Кубанская археологическая конференция: тезисы и доклады / Отв. ред. И. И. Марченко. Краснодар: Символика. С. 4–9.
- Батиева Е. Ф.*, 2011. Население Нижнего Дона в IX в. до н. э. – IV в. н. э. (палеоантропологическое исследование). Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН. 160 с.

- Бужилова А. П., 1998. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М.: Старый Сад. С. 87–146.
- Волошинов А. А., Неневоля И. И., 2014. Курган с «коллективными захоронениями» у с. Брянское в Юго-Западном Крыму // Боспорские чтения. Керчь: Ин-т востоковедения НАН Украины. Вып. XV: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и Средневековья. Актуальные проблемы хронологии. С. 88–92.
- Волошинов О. О., Неневоля И. И., 2014. Розкопки кургану біля с. Брянське Бахчисарайського р-ну // Археологічні дослідження в Україні 2013 р. Київ: ІА НАНУ. С. 26–27.
- Громов А. В., Казарницкий А. А., 2014. К палеодемографии меотов (по материалам могильника городища Елизаветинское II) // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2013 г. СПб.: Изд-во МАЭ РАН. С. 10–18.
- Добровольская М. В., 2010. К методике изучения материалов кремации // КСИА. Вып. 224. С. 85–97.
- Казарницкий А. А., 2015. Палеоантропологические материалы античного и нового времени из Новоселовского городища // Записки ИИМК РАН. Вып. 11. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 109–124.
- Козловская М. В., 1998. К вопросу о возможностях исследования кремированных костей // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М.: Старый Сад. С. 174–181.
- Медникова М. Б., 2008. Данные антропологии к реконструкции образа жизни древнего населения Цемесской долины // Аспургiane на юго-востоке Азиатского Боспора: по материалам Цемдолинского некрополя. М.: Гриф и К. С. 244–253.
- Пуздровский А. Е., 2011. Археологические разведки и охранные исследования в среднем течении р. Альма в 2007 г. // Альминские чтения: материалы научно-практической конференции. Вып. 2. Симферополь: Бизнес-Информ. С. 26–35.
- Пуздровский А. Е., Труфанов А. А., Медведев Г. В., 2010. Каменный подкурганый склеп с «коллективными» захоронениями у с. Брянское в Юго-Западном Крыму // Древняя и средневековая Таврика: Сб. ст., посвящ. юбилею О. А. Махневой. Донецк: Донбасс. С. 199–205. (Археологический альманах; № 22.)
- Труфанов А. А., 2005. Исследования могильника у с. Брянское в 1995–1996 гг. // Херсонесский сборник. Вып. XIV. Севастополь: Максим. С. 315–326.
- Acsadi G., Nemeskeri J., 1970. History of human life span and mortality. Budapest: Akademiai Kiado. 346 p.
- Silva A. M., Crubezy E., Cunha E., 2009. Bone weight: new reference values based on a modern Portuguese identified skeletal collection // International Journal of Osteoarchaeology. Vol. 19. № 5. P. 628–641.
- Holck P., 2008. Cremated bones. Oslo: Anatomical Institute, University of Oslo. 160 p.
- Walker P. L., Miller K. W. P., Richman R., 2008. Time, temperature, and oxygen availability: an experimental study of the effects of environmental conditions on the color and organic content of cremated bone // The Analysis of Burned Human Remains / Eds W. Schmidt, S. A. Symes. London: Elsevier: Academic Press. P. 129–135.
- Weiss K., 1973. Demographic models for anthropology. Washington: Society for American Archaeology. 186 p. (American Antiquity; vol. 38, no. 2.) (Memoirs of Society for American Archaeology; no. 27.)
- White T. D., Folkens P. A., 2005. The human bone manual. San Diego: Elsevier: Academic Press. 464 p.

Сведения об авторах

Казарницкий Алексей Александрович,
Санкт-Петербургский государственный университет, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Менделеевская линия, 5, Санкт-Петербург, 193060, Россия,
e-mail: kazarnitski@mail.ru;

Волошинов Алексей Александрович,
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт археологии
Крыма РАН», проспект академика В. И. Вернадского, 2, г. Симферополь, 295007
e-mail: Voloshinov-Alexs@yandex.ru

A. A. Kazarnitsky, A. A. Voloshinov

First Results of the Study of Anthropological Materials
from Multiple burials near Village Bryanksoye in the South-Western Crimea

Abstract. The paper presents results of the study of anthropological materials from specific burial sites of the Antique / Classical antiquity period near Village Bryanksoye in the South-Western Crimea, i. e. a stone cyst under the kurgan and cremation in a rock cavity. The sites date to 2000 BC – 2000 AD. The cyst had remains of at least seven children and at least 20 adults of both sexes and all age groups. Out of all dead bodies the skeleton of at least one child and four adults bear traces of short low-temperature cremation. Pale demographic characteristics demonstrate that the site was left behind by a long-term and relatively successful population group. The second multiple grave located 25 m of the stone cyst has yielded finely fragmented bone remains of around 40 individuals with traces of short but high temperature cremation. The reconstruction of the skeletons' position during cremation has been proposed based on the extent to which different parts of the skeleton were burned.

Keywords: multiple graves, stone cysts under kurgans, South-Western Crimea, Antique / Classical antiquity period, funeral rite, cremation, paleodemography.

REFERENCES

- Acsadi G., Nemeskeri J., 1970. History of human life span and mortality. Budapest: Akademiai Kiado. 346 p.
- Alekseev V. P., 1966. Osteometriya. Metodika antropologicheskikh issledovaniy [Osteometry. Methodics of anthropological research]. Moscow: Nauka. 251 p.
- Alekseev V. P., Debets G. F., 1964. Kranimetriya. Metodika antropologicheskikh issledovaniy [Cranimetry. Methodics of anthropological research]. Moscow: Nauka. 128 p.
- Balabanova M. A., 2005. Polovozrastnaya struktura Prikubanskogo meotskogo mogil'nika IV v. do n. e. [Sex and age structure of population from Maeotian cemetery of IV c. BC in Kuban' region]. *Chetvertaya Kubanskaya arheologicheskaya konferentsiya: tezisy i doklady* [Fourth Kuban' archaeological conference: abstracts and reports]. I. I. Marchenko, ed. Krasnodar: Simvolika, pp. 4–9.
- Batieva E. F., 2011. Naselenie Nizhnego Dona v IX v. do n. e. – IV v. n. e. (paleoantropologicheskoe issledovanie) [Lower Don population in IX c. BC – IV c. AD (paleoanthropological research)]. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo Yuzhnogo nauchnogo tsentra RAN. 160 p.
- Buzhilova A. P., 1998. Paleopatologiya v bioarheologicheskikh rekonstruktsiyakh [Palaeopathology in bioarchaeological reconstructions]. *Istoricheskaya ekologiya cheloveka. Metodika biologicheskikh issledovaniy* [Historical ecology of man. Methods of biological investigations]. Moscow: Staryy Sad, pp. 87–146.
- Dobrovolskaya M. V., 2010. K metodike izucheniya materialov krematsii [On the method of investigation of cremation materials]. *KSIA*, 224, pp. 85–97.
- Gromov A. V., Kazarnitskiy A. A., 2014. K paleodemografii meotov (po materialam mogil'nika gorodishcha Elizavetinskoe II) [On paleodemography of Maeotians (based on materials of cemetery at fortified settlement Elizavetinskoe II)]. *Radlovskiy sbornik. Nauchnye issledovaniya*

- i muzeynye proekty Muzeya antropologii i etnografii Rossiyskoy akademii nauk v 2013 g. [Radlov assembled articles. Scientific investigations and museum projects of Museum of anthropology and ethnography of Russian Academy of Sciences in 2013].* St. Petersburg: Izdatel'stvo Muzeya antropologii i etnografii RAN, pp. 10–18.
- Holck P., 2008. Cremated bones. Oslo: Anatomical Institute, University of Oslo. 160 p.
- Kazarnitskiy A. A., 2015. Paleoantropologicheskie materialy antichnogo i novogo vremeni iz Novoselovskogo gorodishcha [Palaeoanthropological materials of Classical antiquity and New time from Novoselovskoe fortified settlement]. *Zapiski IIMK RAN [Transactions of IIMK RAN]*, 11. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, pp. 109–124.
- Kozlovskaya M. V., 1998. K voprosu o vozmozhnostyakh issledovaniya kremirovannykh kostey [On problem of possibilities of investigation of cremated bones]. *Istoricheskaya ekologiya cheloveka. Metodika biologicheskikh issledovaniy [Historical ecology of man. Methods of biological investigations]*. Moscow: Staryy Sad, pp. 174–181.
- Mednikova M. B., 2008. Dannye antropologii k rekonstruktsii obraza zhizni drevnego naseleniya Tsemesskoy doliny [Anthropological data for reconstruction of life-style of ancient population of Tsemess valley]. *Aspurgiane na yugo-vostoke Aziatskogo Bospora: po materialam Tsemdolinskogo nekropolya [The Aspurgians on the South-east of Bosporus Asiaticus: Materials from the Tsemdolina necropolis]*. Moscow: Grif i K, pp. 244–253.
- Puzdrovskiy A. E., 2011. Arkheologicheskie razvedki i okhrannye issledovaniya v srednem techenii r. Al'ma v 2007 g. [Archaeological surveys and protective researches on River Al'ma middle reaches in 2007]. *Al'minskie chteniya: materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Al'ma readings: proceedings of scientific-practical conference]*, 2. Simferopol': Biznes-Inform, pp. 26–35.
- Puzdrovskiy A. E., Trufanov A. A., Medvedev G. V., 2010. Kamenny podkurgannyy sklep s «kollektivnymi» zakhoroneniymi u s. Bryanskoe v Yugo-Zapadnom Krymu [Stone vault under the kurgan with «multiple» burials near village Bryanskoe in South-Western Crimea]. *Drevnyaya i srednevekovaya Tavrika: sbornik statey, posvyashchenny yubileyu O. A. Makhnevoy [Ancient and medieval Taurica: collection of articles devoted to anniversary of O. A. Makhneva]*. Donetsk: Donbass, pp. 199–205. (Arkheologicheskii al'manakh, 22).
- Silva A. M., Crubezy E., Cunha E., 2009. Bone weight: new reference values based on a modern Portuguese identified skeletal collection. *International Journal of Osteoarchaeology*, vol. 19, no. 5, pp. 628–641.
- Trufanov A. A., 2005. Issledovaniya mogil'nika u s. Bryanskoe v 1995–1996 gg. [Investigations of cemetery near village Bryanskoe in 1995–1996]. *Khersonesskiy sbornik [Chersonese collection of articles]*, XIV. Sevastopol': Maksim, pp. 315–326.
- Voloshinov A. A., Nenevolya I. I., 2014. Kurgan s «kollektivnymi zakhoroneniymi» u s. Bryanskoe v Yugo-Zapadnom Krymu [Kurgan with «multiple» burials near village Bryanskoe in South-Western Crimea]. *Bosporskie chteniya [Bosporan readings]*, XV. *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Aktual'nye problemy khronologii [Cimmerian Bosporus and barbarian world in Classical antiquity and Middle Ages. Topical problems of chronology]*. Kerch': Institut vostokovedeniya NANU, pp. 88–92.
- Voloshinov O. O., Nenevolya I. I., 2014. Rozkopki kurganu bilya s. Bryans'ke Bakhchisarays'kogo r-nu [Excavations of kurgan near village Bryanskoe of Bakhchisaray district]. *Arkheologichni doslidzhennya v Ukraini 2013 r. [Archaeological investigations in Ukraine 2013]*. Kiev: IA NANU, pp. 26–27.
- Walker P. L., Miller K. W. P., Richman R., 2008. Time, temperature, and oxygen availability: an experimental study of the effects of environmental conditions on the color and organic content of cremated bone. *The Analysis of Burned Human Remains*. C. W. Schmidt, S. A. Symes, eds. London: Elsevier: Academic Press, pp. 129–135.
- Weiss K., 1973. Demographic models for anthropology. Washington: Society for American Archaeology. 186 p. (American Antiquity, vol. 38, no. 2). (Memoirs of Society for American Archaeology, no. 27).
- White T. D., Folkens P. A., 2005. The human bone manual. San Diego: Elsevier: Academic Press. 464 p.

About the authors

Kazarnitsky Aleksej A.,

Saint Petersburg State University, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) Russian Academy of Sciences, Mendeleevskaya ave., 5, St. Petersburg, 193060, Russian Federation,

e-mail: kazarnitski@mail.ru;

Voloshinov Aleksej A.,

State budgetary scientific institution «Institute of Archaeology of the Crimea» Russian Academy of Sciences, Academician Vernadsky ave., 2, Simferopol, 295007, Republic of Crimea, Russian Federation,

e-mail: Voloshinov-Alexs@yandex.ru

Е. Е. Антипина, А. Н. Усачук, В. В. Цимиданов

НОВАЯ ИНФОРМАЦИЯ О КОСТЯХ ЖИВОТНЫХ ИЗ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ ДНЕПРО-ДОНСКОЙ БАБИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ (МОГИЛЬНИК МАРИЕНФЕЛЬД)

Резюме. В статье представлены результаты изучения костей животных из погребения днепро-донской бабинской культуры (XXII–XVIII вв. до н. э.), обнаруженные в ходе археологических раскопок одного из курганов могильника Мариенфельд (Донецкая область, Украина). Рассмотрена видовая принадлежность костных останков, их анатомические спектры по отдельным комплексам, а также возрастные и размерные характеристики животных, которые были отобраны для погребальных обрядов. Обсуждаются своеобразие и сходство комплексов костей животных в погребениях из разных могильников этой культуры.

Ключевые слова: эпоха средней–поздней бронзы, днепро-донская бабинская культура, погребальный обряд, кости животных из археологических раскопок.

Археологической экспедицией Донецкого областного краеведческого музея под руководством В. В. Цимиданова в мае-июне 2012 г. проводились археологические исследования курганной группы «Мариенфельд»¹, расположенной в 1,9 км к юго-западу от южной части с. Андреевка Славянского р-на Донецкой обл., Украина (Цимиданов и др., 2013. С. 152–153).

Могильник включал три курганные насыпи, основные погребения которых по различным показателям (Литвиненко, 2006. С. 165, 170–172, 180, 182) отнесены к днепро-донской бабинской культуре (Цимиданов и др., 2013. С. 152; Казарницкий и др., 2013. С. 147–148). Хронологические рамки существования этой культуры в северном Причерноморье охватывают период примерно в пять столетий – XXII–XVIII вв. до н. э. (Мимоход, 2013).

В 2015 г. в рамках выполнения научного проекта РФФИ № 13-06-12023-ОФИ-М проведено изучение комплексов костей животных, обнаруженных при

---

¹ Группа получила название в честь немецкой колонии Мариенфельд, которая до середины 40-х гг. прошлого столетия находилась в 0,8 км к западу от исследованных курганов.

раскопках основного погребения 3 кургана 2 могильника Мариенфельд, как наиболее полно сохранившихся. В результате идентификации анатомического набора костей и их видовой принадлежности были получены данные, позволяющие конкретизировать специфику использования бабинцами животных в своих погребальных ритуалах. Эта информация и является предметом данного сообщения.

Курган 2, погребение 3

Контурсы могильной ямы прослежены на глубине 1,61–1,64 м. Яма была ориентирована по линии запад–восток и имела подпрямоугольную форму с закругленными углами. Размеры ее 2,14 × 1,60 м. На глубине 1,60 м на ее борту к северу от середины северной стенки ямы находились останки крупного копытного животного – череп и кости дистальных частей трех конечностей (двух передних и правой задней). Череп животного располагался между метаподиями передних конечностей, копыта всех трех конечностей были направлены на север. Удалось зафиксировать, что череп и конечности размещались на грунте, выброшенном из могильной ямы при ее устройстве (Циміданов и др., 2013. С. 152).

В могильной яме находилась своеобразная деревянная конструкция в виде неполной рамы из трех поставленных на узкую боковую сторону досок и поперечного дощатого перекрытия. Внутри деревянной конструкции оказался скелет мужчины 35–45 лет (Казарницкий и др., 2013. С. 148), захороненного в скорченном положении на левом боку с разворотом на спину, головой на запад–северо-запад. Инвентарь в погребении отсутствовал. На остатках досок от истлевшего и провалившегося в могильную деревянную конструкцию перекрытия встречены две отдельные группы костей животных: в северо-западном и противоположном северо-восточном углах ямы.

Кроме того, четыре фрагмента костей животных были обнаружены при раскопках в разных частях курганной насыпи.

Таким образом, в кургане зафиксированы четыре расположенных отдельно комплекса костей животных.

1. Кости из насыпи.
2. Кости на северном борту могильной ямы (на выбросе грунта).
3. Кости в северо-западном углу могильной ямы на деревянном перекрытии.
4. Кости в северо-восточном углу могильной ямы на деревянном перекрытии.

Естественная сохранность и цвет всех этих костных останков оказались поразительно сходными: кости очень хрупкие, песчано-белесые. По пятибалльной шкале их сохранность оценивается в 1–2 балла. Такое одинаковое неудовлетворительное тафономическое состояние костей из указанных комплексов позволяет считать их практически одномоментным захоронением, связанным с основным бабинским погребением.

Кости из насыпи: два фрагмента дистальных частей двух одноименных (левых) большеберцовых костей и один фрагмент грудного позвонка от скелетов двух особей крупного рогатого скота (КРС) *Bos taurus*, а также один фрагмент бедренной кости одной особи мелкого рогатого скота (МРС), отнесенной к виду овец *Ovis aries*. Половая принадлежность этих остатков неустановима, но

все они происходят из скелетов взрослых особей. Эти четыре кости маркируют мясные части туш указанных копытных животных, но с мясом разных сортов по современной классификации. Для КРС можно говорить о двух кусках мяса третьего сорта («подбедерка») на большеберцовых костях и о мясе высшего сорта («толстый край») на спинном позвонке, а для МРС – о мясе высшего сорта («задний окорок») на бедренной кости.

В комплексе **костей на северном борту могильной ямы** присутствовал принципиально другой анатомический набор. Это череп и дистальные части трех конечностей (двух передних и правой задней), которые, без сомнений, относятся к скелету одной особи КРС. Несмотря на то, что череп рассыпался при расчистке, его отдельные сохранившиеся фрагменты и зубы позволили установить три важных факта. Во-первых, череп происходит от скелета молодого животного в возрасте 1,5–2 лет. Во-вторых, присутствие фрагментов от нижней челюсти и подъязычных костей свидетельствует о том, что исходно на борт ямы была положена целая голова животного, включая нижнюю челюсть. В-третьих, голова была ориентирована мордой на север. Состояние эпифизов у метаподиальных костей и фаланг соответствует тому же возрасту животного (1,5–2 года), который маркируют зубы. Пропорции пястных костей типичны для молодых бычков. Рост бычка в холке, реконструированный по длине пястных костей, составлял около 125 см. Учитывая молодой возраст животного, можно утверждать, что для погребального обряда была выбрана достаточно крупная особь.

Отдельно следует указать на наличие у этого бычка клиновидного дефекта (КД) на четвертом резце молочной генерации из левой половины нижней челюсти. Дефект в виде широкой клиновидной вырезки расположен на внешней стороне шейки зуба (рис. 1). На первый взгляд, она чрезвычайно напоминает искусственный пропилен для подвязывания зуба в качестве подвески или амулета.

Зачастую исследователи без колебаний относят резцы с таким углублением к артефактам. Однако на обсуждаемом зубе этот дефект имеет естественную природу. Факторы и механизм образования таких естественных клиновидных пропилен на резцах КРС уже обсуждались одним из авторов данного сообщения (Антипина, 2011. С. 196–197). При поедании коровами степных злаков (главным образом ковыля) и осок крупные кремнеземные отложения в междоузлиях этих растений выступают как микрокремни. Попадая вместе со смятым стеблем в пространство между резцами, они

Рис. 1. Могильник Мариенфельд, курган 2, погребение 3. Естественный клиновидный дефект (КД) на молочном резце молодого бычка (*Bos taurus*)
a – внутренняя, лингвальная сторона; *б* – внешняя, буккальная сторона

воздействуют на нетвердую ткань шейки резцов, постепенно прорезая, пропиливая в ней клиновидное углубление. Следы такого прорезывания полностью имитируют искусственные пропилены.

Совсем недавно опубликованы чрезвычайно важные результаты микроанализа экспериментальных образцов и археологических резцов с естественными КД, анализ которых позволил выделить трасологические критерии для верификации природы КД (*Ланковский и др.*, 2015). Здесь же мы подчеркнем другой аспект описываемого явления: естественный КД на резцах крупного рогатого скота в археозоологической коллекции может служить маркером, прежде всего, спецификации кормовой базы скота – присутствия в рационе степной растительности.

В северо-западном углу могильной ямы на деревянном перекрытии находились фрагменты шести грудных позвонков, начиная с первого, и обломок первого левого ребра. Они составляют единый отдел спинной части скелета одной особи МРС. Пол животного по этим остаткам неопределим. Эпифизы и тела позвонков не срослись, не прирос и эпифиз ребра, что соответствует возрасту животного от 1-го до 2-х лет. На обломке ребра зафиксированы следы от лезвия ножа, возникающие, как правило, в процессе отделения этой части от туши мелкого рогатого скота. Заметим, что у овец мясо вдоль этой грудной части позвоночника приравнивается к высшему сорту.

Фрагменты костей в северо-восточном углу могильной ямы на деревянном перекрытии являются остатками шейных и первых пяти грудных позвонков КРС, которые следуют в скелете друг за другом. Они, несомненно, принадлежали одной особи. Половая принадлежность животного по этим частям скелета неустановима. Несмотря на то, что эпифизы еще не приросли, размеры тел позвонков довольно крупные. Такое состояние позвоночника отмечается у молодых бычков в двухлетнем возрасте. Мясо шейно-спинного отдела у бычков, так называемый «толстый край», относится к высшему сорту.

Приведенное выше описание четырех остеологических комплексов, сопровождавших погребение 3 кургана 2, обнаруживает их сходство с данными, полученными при археозоологическом исследовании костей животных из погребения днепро-донской бабинской культуры могильника Попов-Яр 2 (*Антипина*, 2013). Прежде всего, оно заключается в видовом составе использованных в погребальном обряде домашних животных: это только два вида копытных КРС и МРС (овца).

Но гораздо более существенным оказалось подобие анатомических наборов их костным остаткам. Остеологические комплексы в обоих могильниках включали шейно-грудные позвонки, которые указывают на то, что исходно на перекрытие погребений клали отрубы мяса высшего сорта из шейно-спинного и спинного отделов туш. Вероятно, это была статусная заупокойная пища.

Кроме того, обсуждаемые погребения днепро-донской бабинской культуры сопровождали сходные комплексы из головы и дистальных частей конечностей КРС. Однако в кургане могильника Мариенфельд было необычное сочетание: голова и только три конечности – две передних и одна задняя. Такой необычный набор зафиксирован *in situ*, никаких других костей в данном комплексе не было.

Подчеркнем, что подобные комплексы из головы и конечностей встречаются достаточно редко в погребениях днепро-донской бабинской культуры, по подсчетам Р. А. Литвиненко, лишь в каждом десятом (*Литвиненко*, 2006. С. 182–183). При этом в описании они нередко обозначаются как останки головы и ног животного, захороненные вместе со шкурой. Нам представляется, что такая версия становится аргументированной только когда в комплексе присутствуют хвостовые позвонки КРС, которые непременно должны остаться в хвосте на шкуре (*Яворская*, 2012. С. 120).

Таким образом, хотя на сегодняшний день изучены лишь немногие остеологические комплексы из могильников днепро-донской бабинской культуры, они уже демонстрируют некоторые особенности в использовании животных в погребальной обрядности у бабинцев.

ЛИТЕРАТУРА

- Антипина Е. Е.*, 2011. Приложение 3. Археозоологические коллекции из поселений эпохи поздней бронзы на территории Тульской области // *Гак Е. И.* Поселения эпохи бронзы на северной окраине донской лесостепи. М.: ГИМ. С. 166–201.
- Антипина Е. Е.*, 2013. Результаты изучения костей животных из кургана 2 могильника Попов Яр-2 (раскопки 2011 г.) // Археологический альманах. Донецк: Донбас. № 30. С. 136–139.
- Казарницький О. О., Полідович Ю. Б., Циміданов В. В., Усачук А. М.*, 2013. Палеоантропологічні матеріали могильників Попов Яр 2 та Марієнфельд на Донеччині // Археологічні дослідження в Україні 2012. Київ. С. 147–148.
- Литвиненко Р. А.*, 2006. Днепро-донская бабинская культура (источники, ареал, погребальный обряд) // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Луганськ: Вид-во СНУ ім. В. Даля. Вип. 5. С. 157–187.
- Мимоход Р. А.*, 2013. Погребения днепро-донской бабинской культуры из одиночного кургана Ясиновский III и могильника Таловый I на правом берегу Северского Донца // КСИА. Вып. 228. С. 34–46.
- Панковський В. Б., Гиря Е. Ю., Саблін М. В.*, 2015. Трасологические критерии отличия предметов первобытного искусства и остатков фауны с естественными видоизменениями // *Stratum plus*. 2015. Санкт-Петербург; Кишинев; Одесса; Бухарест: Высшая антропологическая школа. № 1: Время первых художников. С. 169–186.
- Циміданов В. В., Кравченко Е. Є., Підобід В. А., Полідович Ю. Б., Спінов В. В., Усачук А. М.*, 2013. Дослідження курганів групи Марієнфельд на Донеччині // Археологічні дослідження в Україні 2012. Київ. С. 152–153.
- Яворская Л. В.*, 2012. Глава 4. Погребальные ритуалы по археозоологическим материалам // Курганы бронзового века в излучине Дона (опыт комплексных археологических и естественнонаучных исследований) / Науч. ред. А. С. Скрипкин. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та. С. 116–126.

Сведения об авторах

Антипина Екатерина Евстафьевна,
Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия,
e-mail: bikanty@mail.ru;

Усачук Анатолий Николаевич,
Донецкий краеведческий музей, ул. Челюскинцев, 189А, Донецк, 83000, Украина,
e-mail: doold@mail.ru;

Цимиданов Виталий Владиславович,
Донецкий краеведческий музей, ул. Челюскинцев, 189А, Донецк, 83000, Украина,
e-mail: doold@mail.ru

E. E. Antipina, A. N. Usachuk, V. V. Tsimidanov

New Information on Animal Bones from Burial Assemblages of
the Dnieper-Don Babino Culture (Marienfeld cemetery)

Abstract. The paper presents data from the studies of animal bones from the Dnieper-Don Babino Culture (2200–1800 BC) grave, which were found during archaeological excavations of a kurgan at the Marienfeld Burial Ground (Donetsk Region, Ukraine). Species attribution of the bone remains, their anatomic array by specific assemblages as well as age and size characteristics of the animals selected for funeral rites have been reviewed. The paper discusses distinctive features and similarities of animal bone assemblages in the graves from different burial grounds attributed to this culture.

Keywords: Middle – Late Bronze Age, Dnieper-Don Babino Culture, funeral rite, animal bones from archaeological excavations.

REFERENCES

- Antipina E. E., 2011. Prilozhenie 3. Arkheozoologicheskie kollektzii iz poseleniy epokhi pozdney bronzy na territorii Tul'skoy oblasti [Appendix 3. Archaeozoological collections from Late Bronze Age settlements in territory of Tula region]. *Gak E. I. Poseleniya epokhi bronzy na severnoy okraine donskoy lesostepi [Bronze Age settlements in northern periphery of Don forest-steppe]*. Moscow: Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey, pp. 166–201.
- Antipina E. E., 2013. Rezul'taty izucheniya kostey zhivotnykh iz kurgana 2 mogil'nika Popov Yar-2 (raskopki 2011 g.) [Results of investigation of animal bones from kurgan 2 of cemetery Popov Yar-2 (excavations of 2011)]. *Arkheologicheskii al'manakh [Archaeological miscellany]*, 30. Donetsk: Donbas, pp. 136–139.
- Kazarnits'kiy O. O., Polidovich Yu. B., Tsimidanov V. V., Usachuk A. M., 2013. Paleoantropologichni materiali mogil'nikov Popov Yar 2 ta Marienfel'd na Donechchini [Palaeoanthropological materials from cemeteries Popov Yar 2 and Marienfel'd in Donetsk region]. *Arkheologichni doslidzhennya v Ukraïni 2012 [Archaeological investigations in Ukraine 2012]*. Kiev, pp. 147–148.
- Litvinenko R. A., 2006. Dnepro-donskaya babinskaya kul'tura (istochniki, areal, pogrebal'nyy obryad) [Dnieper-Don Babino culture (sources, area, burial rite)]. *Materiali ta doslidzhennya z arkheologii Skhidnoï Ukraïni [Materials and investigations for archaeology of East Ukraine]*, 5. Lugansk: Vidavnistvo Skhidnoukraïns'kogo Natsional'nogo universitetu imeni V. Dalya, pp. 157–187.
- Mimokhod R. A., 2013. Pogrebeniya dnepro-donskoy babinskoy kul'tury iz odinochnogo kurgana Yasinovskiy III i mogil'nika Talovyy I na pravoberezh'е Severskogo Dontsa [Burials of Dnieper-Don Babino culture from single kurgan Yasinovskiy III and cemetery Talovyy I on Seversky Donets right bank]. *KSLA*, 228, pp. 34–46.
- Pankovskiy V. B., Giryа E. Yu., Sablin M. V., 2015. Trasologicheskie kriterii otlichiya predmetov pervobytnogo iskusstva i ostatkov fauny s estestvennymi vidoizmeneniyami [Use-wear criteria for discriminating between objects of primitive art and faunistic remains with natural changes]. *Vremya pervykh khudozhnikov [Time of first artists]*. St. Petersburg; Kishinev; Odessa; Bukharest: Vysshaya antropologicheskaya shkola, pp. 169–186. (Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya, 1/2015).
- Tsimidanov V. V., Kravchenko E. С., Pidobid V. A., Polidovich Yu. B., Spinov V. V., Usachuk A. M., 2013. Doslidzhennya kurganiv grupi Marienfel'd na Donechchini [Investigations of kurgans of

Marienfel'd group in Donets region]. *Arkheologichni doslidzhennya v Ukraïni 2012 [Archaeological investigations in Ukraine 2012]*. Kiev, pp. 152–153.

Yavorskaya L. V., 2012. Glava 4. Pogrebal'nye ritually po arkhoezoologicheskim materialam [Chapter 4. Burial rituals according to archaeozoological materials]. *Kurgany bronzovogo veka v izluchine Dona (opyt kompleksnykh arkheologicheskikh i estestvennonauchnykh issledovaniy) [Bronze Age kurgans in Don River band (experience of complex archaeological and natural researches)]*. A. S. Skripkin, ed. Volgograd: Izdatel'stvo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 116–126.

About the authors

Antipina Ekaterina E.,

Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation,
e-mail: bikanty@mail.ru;

Usachuk Anatolij N.,

Donetsk Museum of Local lore, ul. Chelyuskintsev, 189A, Donetsk, 83000, Ukraine,
e-mail: doold@mail.ru;

Tsimidanov Vitalij V.,

Donetsk Museum of Local lore, ul. Chelyuskintsev, 189A, Donetsk, 83000, Ukraine,
e-mail: doold@mail.ru

Е. А. Спиридонова, А. С. Алешинская, М. Д. Кочанова

РЕЗУЛЬТАТЫ ПАЛИНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ГОРОДИЩЕ СТАРАЯ РЯЗАНЬ

Резюме. В статье приводятся результаты палинологических исследований, проведенных на городище Старая Рязань. Наиболее полная картина прослеживается по разрезу в раскопе 28. Данные материалы, дополненные палинологическими данными из изученного ранее раскопа 27, позволяют проследить изменение ландшафтной обстановки вокруг городища, а также выявить изменения климата за весь исследованный отрезок времени (финское время – XII в.). В районе Старорязанского городища на протяжении средневекового оптимума растительный покров приближался к луговым степям и только в середине XII в. отмечается термогигротическая стадия с подъемом воды в р. Оке, за которой к концу XII в. произошло некоторое похолодание климата. Затем на границе XII–XIII вв. снова произошло потепление и сокращение увлажненности, и в перелесках возросло значение дуба и особенно липы.

Ключевые слова: Средневековье, городище Старая Рязань, палинология, изменения растительного покрова, средневековый климатический оптимум.

Старорязанское городище – древняя столица Рязанского княжества – располагалось на высоком правом берегу р. Оки. Согласно летописным источникам, Старая Рязань была основана в XI в. и как город существовала до XIII в., когда в 1237 г. была уничтожена Батыем. Старая Рязань не смогла оправиться после катастрофы и потеряла значение крупного городского центра.

Время существования городища (XI–XIII вв.) приходится на средневековый климатический оптимум. Этот отрезок времени характеризуется специфическими особенностями климата, связанными с теплыми и влажными воздушными массами западного переноса. В свою очередь, благоприятные природные условия способствовали появлению новых и развитию уже существующих поселений в Европейской части России.

Старая Рязань находилась на границе распространения лесной и лесостепной зон. Такое географическое положение особенно интересно при изучении природного комплекса, так как даже незначительные колебания климата в данном случае приводят к изменению растительности, что отчетливо фиксируется данными палинологического анализа.

На городище Старая Рязань палинологическим методом было исследовано 35 образцов. 23 образца были отобраны в 1999 г. из раскопа 28. По данному разрезу построена спорово-пыльцевая диаграмма, которая позволяет проследить изменение ландшафтной обстановки вокруг городища, а также выявить изменения климата за весь исследованный отрезок времени.

Было проанализировано шесть образцов из раскопа 40, отобранных поквратно с поверхности одного слоя (2005 г.) (материалы Старорязанской археологической экспедиции ИА РАН, руководитель Стрикалов И. Ю.). Для этих образцов были построены гистограммы. В этом случае мы получаем информацию не по узкому вертикальному срезу, как в разрезе из раскопа 28, а по большой, предположительно, разновозрастной плоскости. Данные работы необходимы для проверки разновозрастности отложений культурного слоя. Такая информация особенно полезна, когда визуально трудно определить особенности залегания слоя. Часто подобные явления проявляются в черноземах или делювиальных отложениях, особенно при некотором уклоне изучаемых отложений, когда разновозрастные, на первый взгляд, слои могут иметь разный возраст. В таком случае пробы, отобранные в разных частях слоя, будут иметь различную палинологическую характеристику.

В случае если поверхность имеет один возраст, то изученные пробы имеют близкий состав палинологических спектров. Таковую картину мы и получили по образцам из раскопа 40.

Почти все образцы из упомянутых выше раскопов содержали большое количество пыльцы и спор хорошей сохранности. Исключение составляют образцы 9–12 из разреза 1 (раскоп 28), где пыльца и споры встречаются единично.

Разрез 1. Раскоп 28

Из восточной стенки раскопа 28, квадрат 14, у подножия вала был отобран разрез, в котором вскрыты следующие слои:

0,00–0,22 м – пахотный слой, серая суглинистая почва. Обр. 23, 22. Слой 1.

0,22–0,43 м – суглинок легкий, желтовато-серый, пятнистый. Обр. 18–21. Слой 2.

0,43–0,6 м – суглинок легкий, темно-серый, похож на предыдущий слой. Находки культурных остатков: кости, керамика XII в. Обр. 14–17. Слой 3.

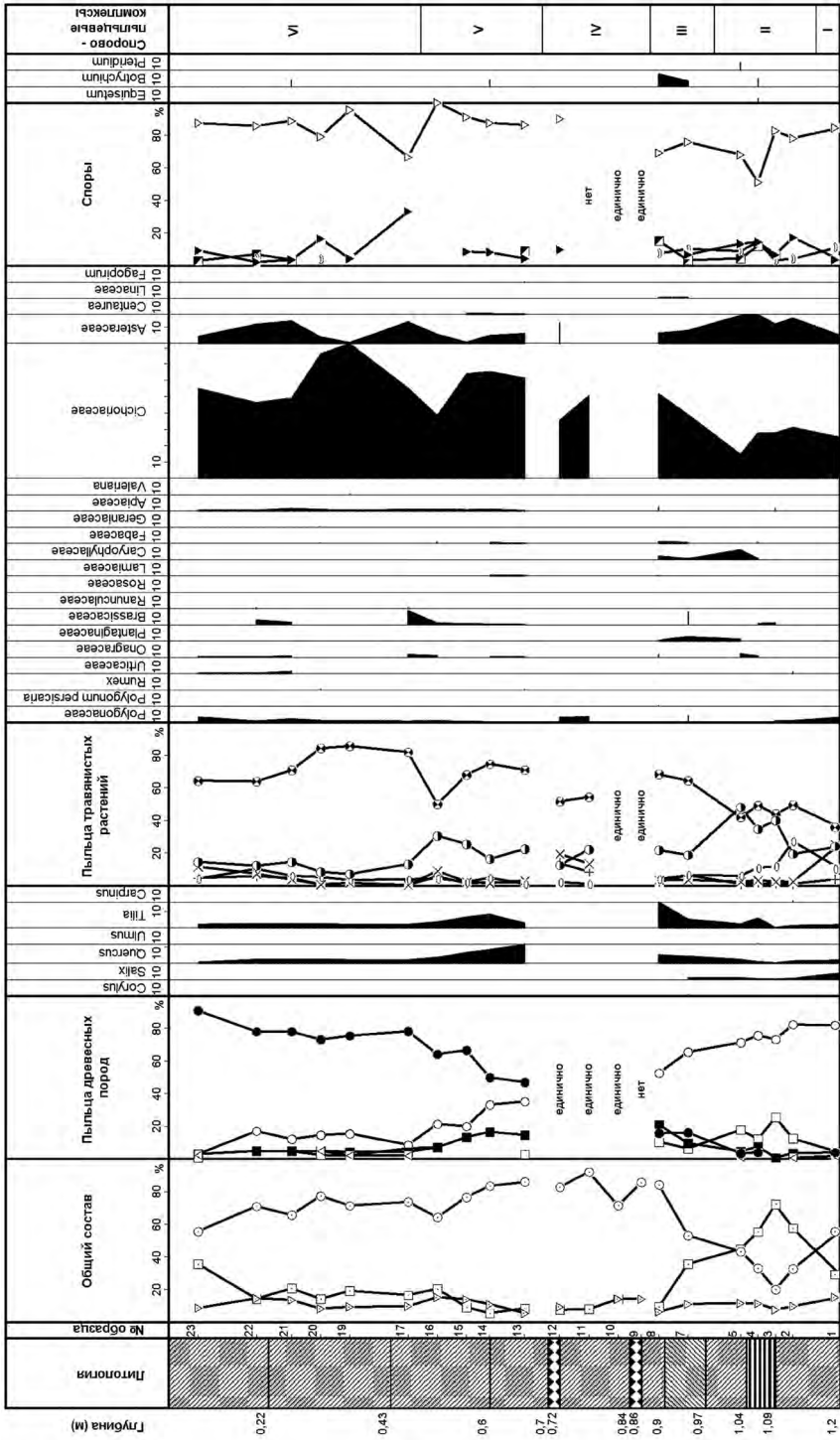
0,6–0,86 м – суглинок легкий, серый, в верхней части слабо пористый, книзу уплотняющийся. В верхней половине с небольшими пятнами темно-серого цвета. На уровне 0,7–0,72 м и 0,84–0,86 м линзы «золы» (низ черный, верх пепельный). Обр. 9–13. Слой 4.

0,86–1,04 м – суглинок легкий, серый с небольшим количеством желто-серых мелких пятен. На уровне 0,9–0,97 м линзы культурного слоя (ранние славяне?) от 5 до 10 см в диаметре, более темный и рыхлый суглинок. Обр. 5–8. Слой 5.

1,04–1,09 м – погребенная почва, суглинистая, темно-серая, плотная (финский слой). Обр. 4, 3. Слой 6.

1,09–1,20 м – суглинок легкий, серый, похож на слой 5. Обр. 1, 2. Слой 7.

По результатам палинологического анализа было выделено шесть спорово-пыльцевых комплексов. В разрезе прослеживается несколько перерывов (рис. 1).

I спорово-пыльцевой комплекс (береза, маревые, разнотравье, злаки) описан по образцу 1 с глубины 1,2 м.

В общем составе преобладают травянистые растения (56 %), значительную роль играют древесные породы – около 30 %, на споры приходится 15 %.

Среди древесных пород преобладает пыльца березы (*Betula*) (82 %). В наибольших количествах и единично встречается пыльца сосны (*Pinus*), ели (*Picea*), ольхи (*Alnus*), ивы (*Salix*) и широколиственных пород – липы (*Tilia*) и дуба (*Quercus*).

Травянистые растения представлены прежде всего пыльцой злаков (Poaceae), маревых (Chenopodiaceae) и цикориевых (Cichoriaceae) – по 25 %. Довольно много осок (Cyperaceae) – 10 %. В небольших количествах отмечена пыльца полыней (*Artemisia*), гречишных (Polygonaceae), астровых (Asteraceae), единично розоцветных (Rosaceae) и крестоцветных (Brassicaceae).

Среди спор преимущественно встречаются споры зеленых мхов (*Bryales*) (85 %), а также единично споры сфагновых мхов (*Sphagnum*) и папоротников семейства многоножковые (Polypodiaceae).

Описанный комплекс характеризует довольно открытый тип ландшафта с высокой ролью злаково-разнотравных лугов. Состав луговой растительности очень скуден. В основном представлено сорное разнотравье и злаки. В непосредственной близости сохранялись участки березовых колков, где единично присутствовали липа и дуб. В целом можно говорить об умеренно влажных, прохладных климатических условиях.

II спорово-пыльцевой комплекс (береза с участием ольхи, разнотравье, злаки) охарактеризован по образцам 2–5 с глубины от 1,03 до 1,12 м.

Только в этом комплексе в общем составе преобладает пыльца древесных пород (45–72 %). Пыльца травянистых растений составляет 20–43 %, споры – 8–12 %.

Среди древесных пород, как и в предыдущем комплексе, господствует пыльца березы (*Betula*) (71–82 %). Часто встречается пыльца ольхи (*Alnus*) (12–26 %). В небольших количествах отмечена пыльца широколиственных пород (1–8 %), среди которых присутствует пыльца липы (*Tilia*), дуба (*Quercus*), вяза (*Ulmus*). Единично встречается пыльца ивы (*Salix*).

В группе травянистых растений доминирует пыльца разнотравья (42–49 %) и злаков (Poaceae) (20–48 %). Довольно часто в низах комплекса встречается пыльца осок (Cyperaceae) (6–27 %). Состав разнотравья беден. Здесь присут-

Рис. 1. Спорово-пыльцевая диаграмма по разрезу 1 из раскопа 28 на городище Старая Рязань

Общий состав: □ – сумма пыльцы древесных пород; ○ – сумма пыльцы травянистых растений; ◀ – сумма спор высших споровых растений

Древесные породы: ▷ – ель (*Picea*); ● – сосна (*Pinus*); ○ – береза (*Betula*); □ – ольха (*Alnus*); ⊕ – ива (*Salix*); ■ – сумма пыльцы широколиственных пород

Травянистые растения: ● – злаки (Poaceae); ○ – осоковые (Cyperaceae); × – маревые (Chenopodiaceae); + – полыни (*Artemisia*); ⊗ – сумма пыльцы разнотравья

Споры: ▷ – зеленые мхи (*Bryales*); ◀ – сфагновые мхи (*Sphagnum*); ☞ – папоротники семейства многоножковые (Polypodiaceae); ▣ – плауны (Lycopodiaceae)

ствует главным образом пыльца семейств цикориевых (Cichoriaceae) (15–31 %) и астровых (Asteraceae) (12–18 %).

В составе споровых преобладают споры зеленых мхов (*Bryales*). Помимо этого, в небольших количествах отмечены споры сфагновых мхов (*Sphagnum*) (7–17 %), папоротников из семейства многоножковые (Polypodiaceae) (3–15 %), хвощей (*Equisetum*), плауна булавовидного (*Lycopodium clavatum*), гроздовника (*Botrychium*).

Для данного этапа, который соответствует финскому слою, характерно самое высокое по разрезу содержание пыльцы древесных пород. В целом это было время согосподства в ландшафте лесных массивов, образованных березой, с небольшой примесью сосны и широколиственных пород и лугов. Характер луговой растительности мало отличается от предыдущего этапа. В наиболее пониженных участках рельефа или вдоль реки была распространена ольха. По видимому, климат в это время был холоднее современного и более влажный.

Это в определенной степени подтверждается и составом споровых растений, где, помимо зеленых мхов и папоротников, появляются хвощи и сфагновые мхи, имеющие обширные ареалы во влажных условиях бореальной зоны.

III спорово-пыльцевой комплекс (береза с участием сосны и широколиственных пород, разнотравье, злаки) охарактеризован по образцам 7 и 8 с глубины 0,94 м и 0,89 м соответственно. От последующего комплекса отделен перебивами.

В общем составе, в отличие от предыдущего комплекса, преобладает пыльца травянистых растений (53–84 %), пыльцы древесных пород становится меньше, если в низах комплекса ее еще достаточно много – 35 %, то к верхам комплекса она составляет только 9 %. На споры приходится 6–11 %.

В группе древесных пород продолжает преобладать пыльца березы (*Betula*) (53–66 %), но при этом существенно возрастает роль сосны (*Pinus*) (около 16 %), больше становится пыльцы широколиственных пород (10–21 %), представленных липой и дубом, уменьшается значение пыльцы ольхи (*Alnus*) – 6–10 %. Единично отмечена пыльца ивы (*Salix*) и лещины (*Corylus*).

Среди травянистых растений доминирует разнотравье (65–68 %), состав которого по сравнению с предыдущими комплексами становится немного богаче, хотя основная доля пыльцы по-прежнему приходится на цикориевые (Cichoriaceae) (39–52 %). Помимо этого, в составе разнотравья отмечена пыльца семейств астровых (Asteraceae) и крестоцветных (Brassicaceae) – около 8 % и в небольших количествах и единично – гречишных (Polygonaceae), яснотковых (Lamiaceae), гвоздичных (Caryophyllaceae), бобовых (Fabaceae), зонтичных (Apiaceae), подорожника (*Plantago*) и льновых (Linaceae).

Содержание злаков (Poaceae) сокращается до 19–22 %.

В составе споровых больше всего спор зеленых мхов (*Bryales*) (70–76 %), в небольших количествах отмечены споры сфагновых мхов (*Sphagnum*) (7 %), папоротников из семейства многоножковых (Polypodiaceae) (8–10 %), единично – плауна булавовидного (*Lycopodium clavatum*), гроздовника (*Botrychium*).

Исходя из анализа полученных спектров, можно говорить, что характер растительного покрова территории, по сравнению с предыдущим этапом, изменился. Более значительной стала роль сосны, а также широколиственных пород

в составе лесных формаций, хотя роль леса в ландшафте стала меньше. Сократились площади распространения зарослей ольхи. Начали господствовать луга, состав которых был более разнообразным. Климатические условия изменились, стало теплее и суше. Возможно, этот этап приходится на начало климатического средневекового оптимума (XI в.).

IV спорово-пыльцевой комплекс (единично разнотравье, злаки, маревые) охарактеризован по образцам 9–12 с глубины от 0,86 до 0,72 м. От последующего и предыдущего комплексов отделен перерывами.

В целом эти образцы не содержали необходимого для статистической обработки количества пыльцы и спор, поэтому выделение этого комплекса в значительной степени условно. В образцах отмечено высокое содержание кусочков древесины, в том числе ели.

Наиболее вероятно, что отложения, которые характеризуют данный комплекс, могут быть искусственно насыпанным слоем.

V спорово-пыльцевой комплекс (сосна с участием березы и широколиственных пород, разнотравье, злаки) охарактеризован по образцам 13–16 с глубины от 0,66 до 0,51 м. От предыдущего комплекса отделен перерывом.

В общем составе преобладает пыльца травянистых растений (64–86%), на древесные породы приходится от 6 до 20 %, на споры – 6–15 %.

Среди древесных пород господствует пыльца сосны (*Pinus*) (47–67 %), второе место по обилию принадлежит пыльце березы (*Betula*) (9–35 %). Широколиственные породы представлены липой и дубом, их содержание составляет около 17 % в низах комплекса и сокращается до 7 % в верхах.

Травянистые растения представлены главным образом пыльцой разнотравья (50–75 %), в составе которого основную роль играет пыльца цикориевых (*Cichoriaceae*), которая насчитывает от 40 до 65 %. Содержание пыльцы злаков (*Poaceae*) составляет от 13 до 31 %, на маревые (*Chenopodiaceae*) приходится от 2 до 9 %, на осоки (*Cyperaceae*) – около 4 %.

Споры представлены почти исключительно зелеными (*Bryales*) (86–100 %) и частично сфагновыми мхами (*Sphagnum*) (5–9 %). Единично встречаются споры плауна булавовидного (*Lycopodium clavatum*) и гроздовника (*Botrychium*).

Описанный комплекс характеризует условия преимущественно открытых ландшафтов с небольшими участками сосново-березовых перелесков с заметной ролью широколиственных пород, среди которых преобладали сначала дуб, а затем липа. В составе травянистых растений преобладали злаково-разнотравные сообщества. Среди разнотравья основную роль играли различные виды семейства цикориевых. Пыльца этого семейства часто присутствует в отложениях культурного слоя, где почвенные горизонты нарушены человеком. Роль сельскохозяйственных угодий со злаковыми культурами на этой территории была невелика, хотя присутствие пашенных сорняков, таких как василек и горец, свидетельствует об их близком произрастании.

Данный этап можно отнести к концу средневекового климатического оптимума. В верхах комплекса уже заметна намечающаяся тенденция к похолоданию, которая проявляется в снижении участия широколиственных пород в составе островков леса, сокращении значения злаков в составе луговой растительности.

VI спорово-пыльцевой комплекс (сосна с незначительным участием березы, разнотравье) охарактеризован по образцам 17–23 с глубины от 0,46 до 0,1 м.

Характер общего состава мало меняется. Как и в других комплексах, больше всего пыльцы травянистых растений (56–78 %), пыльцы древесных пород – 14–35 %, спор – 9–14 %.

В группе древесных пород больше всего пыльцы сосны (*Pinus*), содержание которой достигает 90 %, довольно много березы (*Betula*) 12–16 % (только в верхнем образце всего 3 %). В небольших количествах и единично отмечена пыльца широколиственных пород, ольхи и ели.

Среди травянистых растений сохраняется картина, близкая предыдущему комплексу. Разнотравье играет еще большую роль (65–71 %), состав его практически не изменяется. Злаков становится меньше, их содержание не превышает 14 %, возрастает количество пыльцы осок (*Cyperaceae*) (4–10 %).

В составе споровых больше всего спор зеленых мхов (*Bryales*) (80–95 %), в небольших количествах и единично отмечены споры сфагновых мхов (*Sphagnum*), папоротников из семейства многоножковых (*Polypodiaceae*), плауна булавовидного (*Lycopodium clavatum*), гроздовника (*Botrychium*).

Характер спектров указывает на изменения природных условий по сравнению с предыдущим комплексом в сторону похолодания. В составе древо-стоя появляется ель, еще больше сокращается роль широколиственных пород, вторым компонентом остается береза. Среди луговой растительности увеличивается роль осок. В целом, сравнивая условия окружающей среды на этом и предыдущих этапах, можно сказать, что здесь получили отражение фазы развития растительного покрова конца средневекового климатического оптимума.

Раскоп 40

Из раскопа 40 было проанализировано шесть образцов, которые были отобраны из квадратов 10 (два образца), 11, 17, 24 и 25. Все образцы характеризуются близким общим составом и составом пыльцы древесных пород. Некоторые отличия отмечаются только в составе травянистых растений, а споры встречаются лишь единично (рис. 2).

В общем составе во всех образцах преобладает пыльца древесных пород (75–97 %). Пыльца травянистых растений составляет от 2 до 21 %, споры – от 1 до 10 %.

Среди древесных пород доминирует пыльца березы (*Betula*) (85–96 %). В небольшом количестве присутствует пыльца ольхи (*Alnus*) (1–10 %). Из широколиственных пород отмечены единичные пыльцевые зерна липы (*Tilia*) и дуба (*Quercus*). Немного выбивается из общей картины образец из квадрата 10 (1). Здесь, помимо вышеупомянутых видов, присутствует пыльца сосны (*Pinus*) (4 %). Для этого же образца характерно и самое высокое содержание пыльцы трав (21 %).

В составе травянистых растений чаще всего встречается пыльца злаков (*Poaceae*) (13–53 %) и разнотравья (35–87 %). В образце из квадрата 10 отмечено повышенное содержание пыльцы осок (*Cyperaceae*) (10 %). По составу разнотравья наиболее близки друг к другу образцы из квадратов 11, 17, 24 и 25. В этих образцах преобладает пыльца из семейств цикориевых (*Cichoriaceae*), астровых (*Asteraceae*),

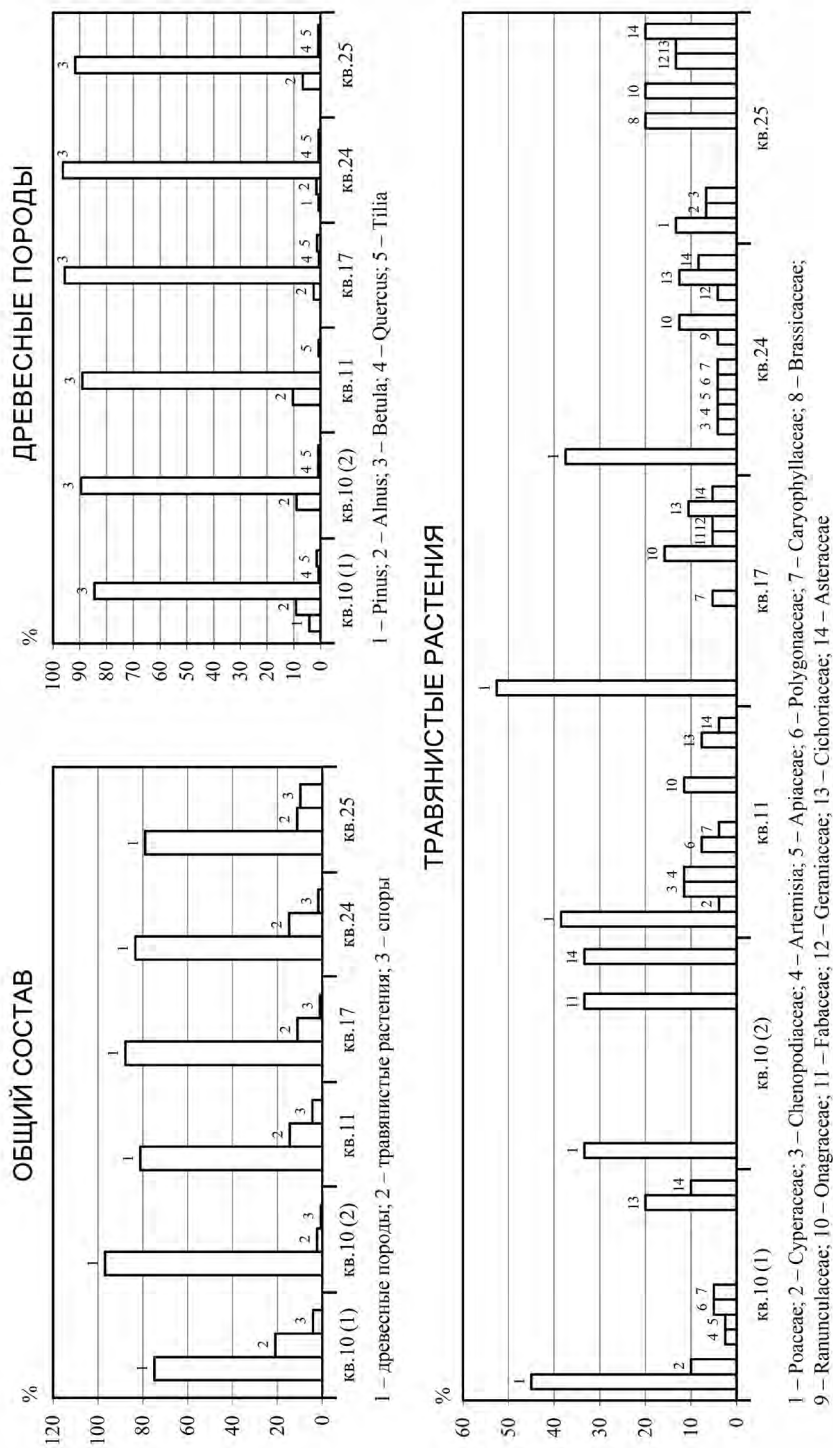

Рис. 2. Распределение пыльцы и спор в образцах из раскопа 40 на городище Старая Рязань

кипрейных (Onagraceae). Резко отличается от всех образцов образец из квадрата 10 (2), где среди разнотравья встречена пыльца только астровых (Asteraceae) и бобовых (Fabaceae).

Судя по составу спектров, все образцы взяты из слоев, сформировавшихся примерно в одно и то же время, а незначительные различия являются локальными особенностями. Сопоставляя состав образцов с материалами по разрезу 1 на раскопе 28, видно, что эти образцы соответствуют спорово-пыльцевому комплексу II из раскопа 28 (финский слой), где также преобладает пыльца древесных пород, среди которых чаще всего встречается пыльца березы и реже ольхи.

Ранее палинологическим методом была изучена серия образцов из раскопа 27 на посадке, который расположен ближе к реке на более низких отметках. Здесь изменения климата и растительного покрова в отдельные интервалы средневекового оптимума получили более полное отражение (*Спиридонова и др.*, 2008. С. 204). По данным палинологического анализа, на протяжении оптимума выделяются четыре этапа. Все это время в округе городища существовали открытые ландшафты с очень небольшим участием древесных пород по низинам, оврагам и около уреза реки.

Естественные тенденции в развитии природной среды проявились в большей обводненности территории и, возможно, в повышении уровня р. Оки и ее притоков. В составе палинологических спектров появляется пыльца не только осок и влаголюбивого разнотравья, но и водных и прибрежно-водных растений, таких как кувшинки, кубышки, уруть, ситник, ежеголовник. Среди древесных пород становится много ивы, появляется ольха.

Ближе к концу XII в. отмечается некоторое похолодание климата, во время которого в составе древесных пород стало больше сосны, появилась ель, хотя характер ландшафта по-прежнему оставался открытым.

Затем на границе XII–XIII вв. снова произошло потепление и сокращение увлажненности, и в перелесках возросло значение дуба и особенно липы.

Таким образом, в районе Старорязанского городища на протяжении средневекового оптимума растительный покров приближался к луговым степям, и только в середине XII в. отмечается термогигротическая стадия с подъемом воды в реке, за которой к концу XII в. произошло некоторое похолодание климата.

ЛИТЕРАТУРА

Спиридонова Е. А., Алешинская А. С., Кочанова М. Д., 2008. Естественные и антропогенные изменения природного комплекса лесной зоны Русской равнины в средневековье. М.: Воентехиниздат. 244 с.

Сведения об авторах

Спиридонова Елена Александровна,
Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия,
e-mail: easpiridonova@mail.ru;

Алешинская Анна Сергеевна,
Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия,
e-mail: asalesh@mail.ru;

Кочанова Мария Дмитриевна,
Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия,
e-mail: mdkochanova62@mail.ru

E. A. Spiridonova, A. S. Aleshinskaya, M. D. Kochanova

Results of Pollen Studies at the Staraya Ryazan Fortified Settlement

Abstract. The article describes results of pollen studies conducted at the Staraya (Old) Ryazan fortified settlement. The most complete picture is traced down in the cross-section in excavation trench 28. These materials supplemented with pollen data from previously examined excavation trench 27 allow the researchers to trace changes in the landscape environment in the vicinity of the hillfort and also identify climatic changes over the entire timeline covered by the study (the Finnish period – 12th century). The vegetation cover around the Staraya Ryazan hillfort throughout the medieval climatic optimum was similar to grasslands steppes and the warm and humid stage did not set in until the middle of the 12th century when the water rose in the Oka River, this period was followed by cooling of the climate. Subsequently the climate became warmer again, humidity decreased and importance of the oak and, especially, the lime-tree increased.

Keywords: Middle Ages, Staraya Ryazan fortified settlement, pollen analysis, changes in the vegetation cover, medieval climatic optimum.

REFERENCES

Spiridonova E. A., Aleshinskaya A. S., Kochanova M. D., 2008. Estestvennye i antropogennye izmeneniya prirodnogo kompleksa lesnoy zony Russkoy ravniny v srednevekov'e [Natural and anthropogenic changes of nature complex in forest zone of Russian plain in Middle Ages]. Moscow: Voentekhnizdat. 244 p.

About the authors.

Spiridonova E. A.,

Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation;
e-mail: easpiridonova@mail.ru;

Aleshinskaya A. S.,

Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation,
e-mail: asalesh@mail.ru;

Kochanova M. D.,

Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation,
e-mail: mdkochanova62@mail.ru

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ «УЧЕНЫЕ И ИДЕИ: СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ» (МОСКВА, 2014 г.)

И. Л. Тихонов

МНОГО ИСТОРИЙ ОДНОЙ НАУКИ (О РАЗЛИЧНЫХ ЖАНРАХ В ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИИ)

Резюме. По мнению автора, «историография археологии» – это история изучения конкретных памятников и археологических культур, а «история археологии» должна исследовать саму археологическую науку во всех аспектах – от основополагающих идей и концепций до частных вопросов. Историография и история археологии не могут существовать изолированно друг от друга. Выделяется ряд жанров в истории археологии. **«Институциональная история»** – история институций, то есть различных организаций, в сферу деятельности которых полностью или частично входила археология. **«Социальная история»** рассматривает развитие археологической науки через призму социально-политической истории: ее связи с властными структурами, деятельность археологов по выполнению «социального заказа» общества. **«Интеллектуальная история»** – история археологических идей и теорий. Отдельное направление – **история научных школ**, которой в отечественной археологии посвящены всего несколько работ. **«Культурные истории»** рассматривают историю археологии в ее связи с культурой своего времени. Заметно представлен в литературе жанр **региональных историй археологии**, содержащих обзоры развития науки в отдельных регионах. **«Тематические истории»** посвящены истории формирования и развития отдельных разделов археологии или истории изучения отдельных памятников. **Биографический жанр** является наиболее широко представленным в истории археологии (более половины всех работ в этой области). Одной из важнейших задач изучения истории археологии на современном этапе является **издание документальных источников**. В недостаточной степени представлена **справочная литература по истории археологии**. Особенно сложно обстоят дела с качественной **научно-популярной литературой**, адресованной широким кругам читателей.

Ключевые слова: историография, история археологии, археологическая литература, археологические организации, теория и идеи в археологии, научные школы, региональная археология, биографии археологов.

Ранее уже неоднократно высказывалось мнение о различии между понятиями «история археологии» и «историография археологии» (Генинг, 1982. С. 4; Лебедев, 1992. С. 9; Тихонов, 2011а. С. 41–42). Разница между ними ощущается исследователями интуитивно.

На наш взгляд, было бы правильнее понимать под «историографией» историю изучения конкретных памятников и археологических культур, в то время как «история археологии» должна исследовать саму археологическую науку во всех аспектах ее истории – от основополагающих идей и концепций до частных вопросов. Разница, вероятно, заключается в предмете исследования, поскольку «историография» является неотъемлемой частью самого изучения тех или иных археологических памятников или материалов.

Понятия «история науки», «история археологических знаний» были введены в русский оборот С. А. Жебелёвым (Жебелёв, 1923). Не может быть общей «историографии археологии», но может быть общая «история археологической науки», которая, в отличие от историографии частных проблем, занимается изучением вопросов сложения и развития археологии как особой научной дисциплины. Конечно же, историография и история археологии не могут существовать изолированно друг от друга. Они во многом пересекаются. Часто в исследованиях присутствуют элементы и того и другого. Но, оставив проблемную историографию специалистам в разных областях археологии, нужно определить, чем же должна заниматься история археологической науки. Здесь можно выделить несколько подходов или жанров в изучении и представлении истории археологии. О возможности различных подходов к изучению истории археологии писал И. С. Каменецкий: «Можно изучать историю коллекционирования и создания музеев, поскольку без накопления коллекций археология невозможна. Несомненный интерес представляет история возникновения и развития научно-исследовательских учреждений, что иллюстрирует процесс движения науки. Захватывающе интересна история археологических раскопок, показывающая постепенное наполнение древнейшей истории человечества конкретным содержанием, открытие исчезнувших цивилизаций. Практическое значение имеет история развития теоретической мысли, не говоря уже о постоянно волнующей борьбе идей на этом поприще. Несомненно, интересны биографии отдельных археологов, практически необходимо знакомство с ними, так как личность исследователя накладывает отпечаток на результаты его труда. Наконец можно сосредоточиться на истории законодательства, касающегося археологии, что отражает отношение общества к своему прошлому» (Каменецкий, 2006. С. 3).

Классификацию существующей литературы по истории археологии попытался сделать Б. Триггер. Он выделил ранние, популярные, интеллектуальные, социальные и постмодернистские истории (Trigger, 2001. P. 630–639). Л. С. Клейн разделил исследования на шесть групп: дидактические, сенсационные, социальные, культурные истории, а также истории идей и школ (Клейн, 2011. С. 15–23).

Однако вся эта классификация построена почти исключительно на анализе зарубежной литературы по истории археологии и в нее включены труды только нескольких отечественных авторов. Это ставит вопрос о необходимости

подобного же рассмотрения отечественной литературы¹. Вряд ли в ее структуре должны существовать какие-либо кардинальные и специфические различия от мировой науки. Предложенную Б. Триггером и Л. С. Клейном классификацию видов литературы по истории археологии, отражающую направления исследований в этой области, можно применить к русскоязычной литературе и несколько увеличить количество групп. Конечно, рассматриваются почти исключительно только работы монографического характера, поскольку общее количество публикаций по истории археологии в последние десятилетия возрастает почти в геометрической прогрессии. Так, в библиографическом указателе за период с 1941 по 1957 г. учтены всего 22 публикации по истории археологии, в 1973–1975 гг. их уже 40, а в 1992–1994 гг. – 160. Эти работы различны и по своему объему, и по характеру изложения, и по степени охвата материала, и по полноте источниковедческой базы, и по значимости выводов.

«Институциональная история» – это история институций, т. е. различных организаций, учреждений, обществ, музеев, институтов, в сферу деятельности которых полностью или частично входила археология. Начало этому жанру было положено еще на рубеже XIX–XX вв., когда появились обзоры по истории РАО, МАО, ООИД. В советское время ограничивались очень «Краткими сообщениями», посвященными юбилеям Института археологии. В современной историографии есть монографические исследования о Русском археологическом институте в Константинополе, о развитии археологии в некоторых российских университетах (*Тихонов, 2003; Мельникова, 2003; 2006* и др.) и т. д.

К 150-летию Императорской археологической комиссии ИИМК РАН издал коллективную монографию (Императорская Археологическая..., 2009), а в 2013 г. – книгу, посвященную уже самому Институту (Академическая археология..., 2013). В ней институциональный принцип изложения материала воплощен особенно ярко: история учреждения изложена в соответствии с его структурой, и каждая глава повествует об одном из подразделений. Основная концепция книги – освещение истории РАИМК – ГАИМК – ИИМК АН СССР – ЛО ИИМК АН СССР – ЛО ИА АН СССР – ИИМК РАН как единого научного учреждения. И. Л. Тихонов проанализировал процесс институционализации и деятельности всех основных организационных структур археологического профиля в Санкт-Петербурге в XVIII – первой четверти XX в. (*Тихонов, 2013*).

Несколько работ в той или иной степени затрагивают историю формирования археологических коллекций и деятельности в области археологии одного из крупнейших российских и мировых музеев – Государственного Эрмитажа (Эрмитаж..., 1990; *Пиотровский, 2000; Тихонов, 2014*). К этой же группе институциональных историй следует отнести книги Д. В. Серых об археологических съездах в дореволюционной России (2014) и И. А. Сорокиной о регламентации полевых исследований в России с середины XIX в. (2008). История развития полевых методов отечественной археологии пока не стала предметом специального историографического рассмотрения, а ведь это особая, присущая только

¹ Краткие обзоры ее уже сделаны (*Формозов, 2004; Тихонов, 2011; Тункина, 2011*). Объем данной статьи также позволяет рассматривать лишь общие примеры историографии по разным направлениям истории археологии.

археологии, сфера деятельности. Кроме нескольких статей, посвященных истории методики раскопок больших курганов Северного Причерноморья (*Артамонов, 1935; Полин, 2011*), исследований в этой области нет.

В 2008 г. появилась книга А. Л. Николаева, посвященная Археологическим институтам дореволюционной России (*Николаев, 2008*). В ней отмечаются многочисленные серьезные недостатки, вызванные слабым знакомством автора с историографической и источниковедческой базой данной темы. Так, не выдерживает критики попытка противопоставить эти институты историко-филологическим факультетам университетов. Неверно оценивается и финальный этап их деятельности (*Тихонов, 2011б*).

Важной задачей институциональной истории остается сопоставление путей развития отечественной и мировой археологии, выявление специфических черт, присущих в разные периоды российской науке. Продолжает ждать своего освещения деятельность таких крупных и значимых для археологии структур, как Московское археологическое общество, Государственный исторический музей, Институт археологии РАН.

«**Социальная история**» рассматривает развитие археологической науки через призму социально-политической истории. Анализируются ее связи с властными структурами, деятельность археологов по выполнению некоего «социального заказа» общества. Известно немало случаев использования археологических памятников в политической пропаганде, в национальных спорах и конфликтах, колониальной политике европейских держав. Л. С. Клейн отнес к этому жанру отечественные работы В. И. Равдоникаса (1930), М. Г. Худякова (1933), В. Ф. Генинга (1982), А. Д. Пряхина (1986). При этом следует заметить, что книжка В. И. Равдоникаса и не претендовала на изложение истории российской археологии, а только намечала параметры идеологического отношения к ней, которые и были реализованы М. Г. Худяковым. В социальном ключе написана книга М. А. Миллера «Археология в СССР» (1954). В ней впервые рассматривалась политика советской власти по отношению к археологии (в частности, репрессии среди археологов), хотя сама по себе эта работа довольно слабая и содержит множество ошибок и неточностей. В качестве ответа на «антисоветский выпад» автора – эмигранта в СССР – появилась книга А. Л. Монгайта (1955), всячески превозносящая успехи советской археологии. Книги В. Ф. Генинга и А. Д. Пряхина можно отнести к «социальным историям» с некоторой долей условности: подверженность идеологическим догмам советской эпохи еще не делала из них таковых. В таком случае к этому же разряду следует причислить книгу А. А. Формозова о развитии археологии в СССР (*Формозов, 2004*), помещенную Л. С. Клейном в «культурные истории» (*Клейн, 2011. С. 22*). Если предшествующие авторы, следуя общей идеологической норме того времени, всячески превозносили позитивное воздействие марксизма и политики советской власти на археологию, то в постперестроечное время А. А. Формозов, наоборот, его отрицал, подчас сильно сгущая краски и перегибая палку при оценке деятельности многих известных археологов советской поры².

---

² Рискну предположить, что острая реакция на последние работы А. А. Формозова была бы значительно сдержаннее, если бы критическая оценка многих археологов –

Из современных трудов в стиле социальной истории наиболее ярким и внушительным сочинением является фундаментальная монография А. С. Смирнова (2011), посвященная взаимодействию русской археологии с властями и идеологическими догмами Российской империи. В ней впервые в отечественной историографии прослежены связи деятельности археологического сообщества с внутренней и внешней политикой³. Насущной задачей является анализ правового положения археологии в России с ее первых шагов до нашего времени, тем более что с восстановлением частной собственности эти проблемы приобретают особую актуальность.

«**Интеллектуальная история**» (или история археологических идей и теорий) представлена в русскоязычной литературе уже упомянутым двухтомником Л. С. Клейна (2011). Подробный анализ этого грандиозного труда, охватившего всю историю мировой археологии, был представлен на специальном заседании методического семинара ИИМК РАН в феврале 2013 г. и к настоящему времени опубликован. В первом томе излагается практически полная история археологии почти до середины XX в. Примечательно, что вслед за А. Шнаппом Л. С. Клейн начинает рассмотрение истоков археологии с древнего мира и большое внимание уделяет такому знаковому явлению для европейской культуры, послужившему истоком, по крайней мере, классической археологии, как антикварианизм. Второй же том является в большей степени историей теоретической археологии, сформировавшейся при активном участии самого Л. С. Клейна во второй половине XX в. Соответственно, для автора это не история, а большая часть собственной научной жизни и творчества.

Истории российской археологической мысли посвящена монография Н. И. Платоновой (2010). Рассмотрены деятельность и взгляды многих ключевых фигур отечественной археологии второй половины XIX – первой трети XX в., однако практически все внимание уделено только петербургским и московским исследователям, значимые фигуры киевской или одесской археологии, такие как В. Б. Антонович, Э. Р. фон Штерн и многие другие, по сути дела, не присутствуют на страницах этой книги. Акцент сделан на развитии первобытной археологии.

Проблемы исторической интерпретации археологических источников в советской археологии 1930–1950-х гг. проанализированы в монографии О. В. Свешниковой (2009). В целом многие аспекты драматического, а часто и трагического развития археологии в СССР в советскую эпоху еще ждут своего освещения. Особенно важной задачей представляется публикация документов и создание разносторонней источниковедческой базы для объективной оценки этого крайне противоречивого периода, в котором, как и во всей истории страны этого времени, перемешались и позитивные, и негативные явления.

его современников – была бы представлена в виде мемуаров. Взгляд мемуариста всегда субъективен, и, в сущности, он создает источник для будущих исследователей, а не собственно научное исследование.

³ Подзаголовок книги «Очерки институциональной истории науки XIX – начала XX вв.», на мой взгляд, не совсем верен, поскольку это именно социальная, а не институциональная история.

Непосредственно **истории научных школ** в отечественной археологии посвящены всего несколько работ. В первую очередь это публикации Л. С. Клейна, выделившего еще в 1980-е гг. несколько направлений в советской археологии (Клейн, 1993). Хотя школа и направление явно не одно и то же и представляют собой разные уровни классификационной иерархии. В рамках одного научного направления могут сосуществовать несколько школ. Так, например, научные школы Ф. К. Волкова в Петербурге и Д. Н. Анучина в Москве принадлежали к палеоэтнологическому направлению, но имели и некоторые различия между собой, не говоря уже о взаимоотношениях лидеров (Тихонов, 2003. С. 125). Научным школам В. Ф. Генинга, О. Н. Бадера, Р. Д. Голдиной посвятила свою докторскую диссертацию и книги О. М. Мельникова (2003; 2006).

«**Культурные истории**», рассматривающие историю археологии через ее тесные связи с культурой своего времени, их взаимовлияние и взаимообусловленность, представлены прежде всего работами А. А. Формозова. Свойственный ему культурологический подход проявился уже в первых книгах по истории русской археологии (1961; 1983; 1986), и особенно ярко в работах, посвященных отношению А. С. Пушкина (1979) или всего русского общества (1990) к древностям. В этом же жанре создана монография Г. И. Вздорнова (1986) об истории изучения древнерусского искусства. Взаимосвязи археологической науки и литературы на основании анализа произведений и дневников писателя Михаила Пришвина прослежены в книге И. Е. Ершова (2012). К этой же группе Л. С. Клейн отнес книги Г. С. Лебедева (1992) и И. В. Тункиной (2002), хотя монография Г. С. Лебедева, представляющая историю российской археологии до 1917 г. как смену научных парадигм, скорее «просилась бы» в историю идей и теорий.

Весьма значительно представлен в нашей литературе жанр **региональных историй археологии**, содержащих обзоры развития археологии в отдельных регионах в самых разных аспектах. Таковы книги Ю. Г. Белокобыльского (1986), Е. А. Ковешниковой (1992), М. В. Константинова (1992), Д. Л. Бродянского (2000), В. И. Матющенко (2001), Т. В. Тишкиной (2004), Л. Ю. Китовой (2007), посвященные истории археологии в Сибири и на Дальнем Востоке. Формирование археологии Урало-Поволжского региона рассматривается в работах М. Ф. Обыденнова (1994), Т. И. Окониковой (2002), И. М. Минеевой (2004), в коллективной монографии об истории археологии Южного Зауралья (2002). Труд трех авторов посвящен истории ярославской археологии (2009), книга Л. В. Алексеева – начальным этапам становления археологии и исторического краеведения Белоруссии (1996). Публикации С. П. Щавелева (1997; 2002) повествуют об аналогичных процессах на курской земле. История изучения археологических памятников Дивногорья в Воронежской области рассмотрена Е. Ю. Захаровой и С. К. Кондратьевой (2011). Развитие археологии на территории Удмуртии в первой трети XX в. анализируется в монографии О. В. Мельниковой (2014). Многие из работ этого жанра касаются деятельности не только местных исследователей, но и столичных археологов, занимавшихся изучением и осмыслением памятников на данной территории, и тем самым выходят за региональные рамки. В 1990-е и 2000-е гг. была также защищена целая серия диссертаций, рассматривающих развитие археологических исследований в отдельных регионах (Тихонов, 2011а. С. 49–51).

«Тематические истории» посвящены истории формирования и развития отдельных разделов археологии или истории изучения отдельных памятников. В фундаментальных монографиях И. В. Тункиной (2002; 2011) анализируются процессы сложения и развития на начальных этапах классической археологии в России, причем как в столичных, так и в местных центрах. Истории отечественного палеолитоведения посвящены вызвавшая немало критики книга В. Т. Илларионова (1960) и добротная современная монография С. А. Васильева (2008). История изучения памятников Волжской Булгарии рассмотрена К. А. Руденко (2008). Монографию об истории археологического изучения меотв издал И. С. Каменецкий (2011). М. А. Дэвлет опубликовала книгу о ранних этапах истории изучения енисейских петроглифов (1996). Истории изучения Недвиговского городища (Танаиса) посвящены исследования А. Л. Бойко (2002), истории изучения Фанагории с XVIII в. до середины XX в. – диссертация Е. Г. Застрожной (2013). История археологических раскопок в Херсонесе Таврическом описана В. М. Зубарем (2009). Собственный взгляд на историю изучения памятников эпохи бронзы Днепро-Донецкой лесостепи опубликовал А. Д. Пряхин (2008).

Биографический жанр является, пожалуй, самым широко представленным видом литературы по истории археологии, на него приходится более половины всех работ в этой области. И это, конечно, совершенно оправданно, поскольку археология, как и любая наука, развивается конкретными личностями. Как тут не вспомнить высказывания Ф. Кёппа («нет археологии, есть только археологи») или Г. Дэниела («история археологии – это длинный календарь эксцентричных личностей») (цит. по: *Клейн*, 2011. С. 19). Когда в 1988 г. в ЛГУ возник научный семинар «Проблемы истории и историографии археологической науки», некоторые коллеги из ЛО ИА АН СССР в шутку называли его «некроложным» и были отчасти правы, поскольку в предшествующее время основным жанром биографической литературы в области археологии был некролог или статья к юбилею. Однако в гуманитарном знании конца XX в. произошел «антропологический поворот» от изучения концепций, которые создаются учеными, к изучению творчества ученых, которые создают концепции (*Платонова*, 2010. С. 9; *Тункина*, 2011а. С. 56–57). В нашей стране он еще обуславливался крушением советской идеологии и цензуры.

А. А. Формозов в 1975 г. писал: «Хорошо, если у нас будут популярные книги о И. Е. Забелине и Н. И. Веселовском, но еще нужнее их научные биографии. Не менее желательны издание работ о П. Дюбрюксе и И. А. Стемповском, З. Ходаковском и Д. Я. Самоквасове, А. А. Спицыне и В. А. Городцове, Б. В. Фармаковском. Это касается и старшего поколения советских археологов, например, Б. С. Жукова, Б. А. Куфтина, А. А. Миллера, М. И. Артамонова, С. А. Теплоухова, С. И. Руденко, С. В. Киселева.

Исключительно интересным был бы сравнительный анализ деятельности таких ученых, как П. П. Ефименко, Г. А. Бонч-Осмоловский, С. Н. Замятнин» (*Формозов*, 1975. С. 10). Симптоматично, что появились публикации практически обо всех названных ученых. К настоящему времени опубликованы научные работы, посвященные Б. В. Фармаковскому (1988), В. А. Городцову (1988; 1991; 2005; 2010), М. И. Ростовцеву (1997; 2003), А. А. Спицыну (2008), В. В. Гольмстен (2007), Б. А. Латынину (2000; 2008), М. П. Грязнову (2002), С. И. Руденко (2004),

В. И. Равдоникасу (1994), М. И. Артамонову (1998), Ф. К. Волкову (1997; 2012), И. Е. Забелину (1984), Д. Я. Самоквасову (1998; 2014), В. В. Хвойко (2007), Д. А. Клеменцу (1998), А. П. Окладникову (2001; 2008), О. Ф. Вальдгауеру (2005), В. Б. Антоновичу (1997), А. В. Адрианову (2004), А. Х. Халикову (1999), О. Н. Бадеру (2008), Б. Б. Пиотровскому (2008), А. И. Маркевичу (2003), Н. Л. Эрнесту (2012), Ф. Жилю (2010) А. Н. Оленину (2006) и некоторым другим исследователям древностей. Но до сих пор нет монографических исследований о жизни и творчестве таких выдающихся российских археологов, как А. С. Уваров, А. А. Спицын, В. А. Городцов, А. А. Миллер и многих других.

В начале 2015 г. из печати вышел новый двухтомник Л. С. Клейна, в котором, кроме краткого общего обзора истории российской археологии, основное внимание уделено биографическим очеркам о наиболее заметных, по мнению автора, отечественных исследователях древностей (*Клейн*, 2014а; 2014б). Пятьдесят девять биографий сгруппированы по характеру их научной деятельности и той роли, которую они играли в истории науки. Многих из археологов советской поры Л. С. Клейн знал лично и мог поделиться своими впечатлениями.

Нередко в литературе биографического жанра проявляются апологетические тенденции по отношению к своим персонажам. Например, в качественной и добротной, основанной на многочисленных документальных источниках монографии, посвященной деятельности выдающегося художника и мыслителя Н. К. Рериха, авторы явно переоценивают его вклад в археологию, ставя в один ряд «с выдающимися деятелями отечественной и мировой науки» (2002). Еще менее критически оценивают деятельность Рериха в археологии авторы «Петербургского Рериховского сборника» (1999). Зачем делать из и так выдающейся фигуры отечественной и мировой культуры еще и крупного археолога? Разве подобное «приукрашивание» добавит красок к портрету нашего великого соотечественника? Объективный анализ творчества того или иного ученого возможен только в сопоставлении с общей ситуацией и тенденциями в науке того времени. Разве без этого можно понять, почему в 1930-е гг. С. А. Жебелев «изобрел» восстание рабов под предводительством Савмака, а советские палеолитоведы открыли большие жилища в верхнем палеолите Европейской равнины?

Повторюсь, что одной из важнейших задач изучения истории археологии на современном этапе является **издание документальных источников**. В любом историческом исследовании (когда мы изучаем историю археологии, мы работаем историческими методами) анализ и введение в научный оборот документального источника являются основополагающими. Ничто не сравнится с убедительностью документа⁴.

---

⁴ Например, опубликованное следственное дело М. Г. Худякова (*Султанбеков*, 2002), показывает необоснованность предположения о том, что арест и обвинения Ф. К. Кипарисова были связаны с работой новостроечных экспедиций ГАИМК. Сталинские палачи работали куда более грубо и просто: М. Г. Худяков, как и его коллеги по ГАИМК Ф. В. Кипарисов и С. Н. Быковский, обвинялись в создании террористической троцкистско-зиновьевской группы, готовившей покушения на партийных вождей. Об археологии в деле вообще ничего не говорилось.

Публикации источников по истории археологии представлены в нашей историографии явно недостаточно. Изданы всего несколько сборников документов по охране памятников старины в дореволюционной России и СССР (1968; 1978) и материалы XV Археологического съезда в Новгороде (2011). Опубликованы журналы заседаний Совета Эрмитажа за 1917–1926 гг., в которых немало места занимали вопросы положения археологических коллекций в музее и реорганизации Отдела древностей (2001; 2009).

Почти единичны случаи издания старой полевой документации, как, например, полевого дневника А. В. Адрианова о его работах в Урянхайском крае (2008), дневников Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова (2003) или научного наследия П. Дюбрюкса (2010). Значительно полнее представлены публикации эпистолярного наследия ученых прошлого, их дневники, мемуары. Среди них чрезвычайно интересная и информативная переписка Д. Я. Самоквасова со многими российскими археологами (Археология, 2007). Изданы мемуары А. А. Иностранцева (1998; 2014), Н. П. Кондакова (2002), П. С. Уваровой (2005), А. А. Бобринского (младшего) (2003), Б. Б. Пиотровского (1995), В. Я. Кияшко (2007), Е. Е. Кузьминой (2008), Л. С. Клейна (2010), А. А. Формозова (2011). Выпущены в свет дневники и записные книжки И. Е. Забелина (2001), А. В. Орешникова (2010). Готовятся к публикации мемуары В. Г. Дружинина, письма А. А. Спицына, письма и дневники В. А. Городцова.

Источники личного характера (письма, дневники, мемуары) играют особую роль, ибо только они способны нести информацию, которая, как правило, не отражается в официальных документах: сведения об умонастроениях, планах, чаяниях, взаимоотношениях и тому подобных, скрытых от посторонних глаз, сферах бытия.

Необходимо издание ранее не опубликованных работ историографического характера. В настоящее время готовятся к публикации рукописи С. А. Желелева об истории Русского археологического общества с 1897 г. до начала 1920-х гг. В рукописном отделе Научного архива ИИМК РАН в фонде М. И. Артамонова лежит рукопись его большой статьи, посвященной И. Е. Забелину (Ф. 74 – 1932. Д. 241. Л. 1-68). Написанная в 1932 г., она очень отличалась по настрою и тональности от выходявших тогда работ.

В недостаточной степени представлена **справочная литература по истории археологии.** Существуют всего несколько библиографических словарей, содержащих статьи о членах МАО (Императорское Московское..., 1915), сотрудниках ИА РАН в Москве (Институт..., 2000а; 2000б), сотрудниках Эрмитажа в Петербурге (Сотрудники..., 2004). Значительно уступают этим изданиям по полноте сведений и количеству персонажей словари об исследователях Алтая, археологах Волго-Уральского региона и восточных губерний Российской империи (Мельникова, 2006). Весьма актуальной остается задача подготовки биографического словаря-справочника «Русские археологи». На Украине подобный справочник был издан в 1997 г. и включил в себя статьи о множестве российских исследователей, но он нуждается в дополнениях и некоторых исправлениях. Немало имен археологов можно найти в «Биографическом словаре востоковедов» (2008) и сборнике очерков о репрессированных востоковедах (2003). Но полного перечня археологов, ставших жертвами репрессий, мы не имеем до сих пор.

В специальной биобиблиографической серии, издаваемой Академией наук, выпущены книжки – полные списки трудов А. В. Арциховского (1973), Б. А. Рыбакова (1978), А. П. Окладникова (1981), П. Н. Третьякова (1983), Б. Б. Пиотровского (1990), В. Л. Янина (2004), В. В. Седова (2004). Есть несколько отдельных изданий, содержащих биобиблиографию А. Н. Кирпичникова (2004), В. И. Саррианиди (1999) и других археологов.

В области ретроспективной библиографии очень важным подспорьем для истории археологии является указатель русской археологической литературы за 1900–1917 гг., подготовленный Т. Н. Заднепровской (Русская археологическая..., 2003). После его издания в общей библиографии отечественной археологии остается только пробел за последнюю четверть XIX столетия. Немалый интерес для историков археологии представляет перечень открытых листов, выданных ИАК в 1859–1918 гг. (Императорская..., 2009. С. 12–140. Приложение). Опубликован важный для исследователей перечень фондов Научного архива ИИМК (Академическая археология..., 2013. С. 310–317).

Немало полезных сведений для истории археологии содержится в изданиях по истории близких дисциплин: антропологии, этнографии, востоковедения, антиковедения⁵.

Особенно неважно, на мой взгляд, обстоят дела с качественной **научно-популярной литературой**, рассказывающей об истории археологии широким кругам читателей. Что появилось у нас в этом жанре после великолепной книги А. С. Амальрика и А. Л. Монгайта (1966), изданной более полувека назад? Эту образовавшуюся нишу, а соответственно, и полки книжных магазинов заполнили всевозможные «Тайны» и «Загадки», написанные авторами, зачастую весьма далекими от археологии. Чего только стоят переведенные с английского книжки Брэда Стайгера «Археологические открытия, изменившие историю» (2009) и Майкла Бейджента «Запретная археология» (2004), рассказывающие псевдоисторию археологии и пытающиеся опровергать и теорию эволюции, и традиционную археологическую хронологию. Более-менее адекватную историю значительных археологических открытий дает популярная книга А. Ю. Низовского (2002). Отдельные сюжеты, в частности открытие скифских курганов, в занимательной форме описаны И. Б. Брашинским (1967; 1973), а начальные этапы изучения древностей Южной Сибири – Э. Б. Вадецкой (1981). Рассказ о полной драматизма истории открытия пещерной живописи содержит книга В. Е. Ларичева (1990). Интересны первые главы популярной книги В. А. Бердинских об истории кладоискательства в России (2005), но последняя глава фактически оказывается пособием для современных кладоискателей, и, по сути дела, солидаризируясь с ними, автор пытается бросить тень на профессиональных археологов. Из электронных ресурсов, представляющих качественную и подробную информацию об истории изучения отдельных археологических памятников, следует отметить русскоязычный сайт, посвященный Помпеям (<http://pompeii.ru/scavi.htm>).

---

⁵ См. «Историю антропологических учений» Л. С. Клейна (2014), переиздания трудов В. П. Бузескула по истории европейского и российского антиковедения (2005; 2008) или издания научного наследия византинистов, содержащих обширные очерки о Н. П. Кондакове, В. В. Латышеве и о других ученых, основанные на изучении их архивов.

ЛИТЕРАТУРА⁶

- Академическая археология..., 2013. Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.) / Отв. ред. Е. Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин. 416 с.
- Артамонов М. И., 1935. Из истории методики археологических раскопок // ПИДО. № 1–2. С. 142–164.
- Генинг В. Ф., 1982. Очерки по истории советской археологии (у истоков формирования марксистских теоретических основ советской археологии. 20-е – первая половина 30-х годов). Киев: Наукова думка. 252 с.
- Жебелёв С. А., 1923. Введение в археологию. Ч. I: История археологического знания. Петроград: Наука и школа. 199 с.
- Императорская Археологическая..., 2009. Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания / Науч. ред.-сост. А. Е. Мусин; под общ. ред. Е. Н. Носова. СПб.: Дмитрий Буланин. 1192 с.
- Императорское Московское..., 1915. Императорское Московское археологическое общество в первое 50-летие его существования (1864–1914) / Под ред. П. С. Уваровой, И. Н. Бороздина. Т. II. М.: Скоропечатня А. А. Левенсон. 27 с.
- Институт..., 2000а. Институт археологии сегодня: сборник научных биографий / Отв. ред. А. В. Кашкин. М.: ИА РАН. 248 с.
- Институт..., 2000б. Институт археологии: история и современность: Сб. науч. биографий / Отв. ред. В. И. Гуляев. М.: ИА РАН. 271 с.
- Каменецкий И. С., 2006. Археология: История раскопок и историография. Лекционный курс по специальности «Музейное дело и охрана памятников культуры». М.: МГУКИ. 43 с.
- Клейн Л. С., 1993. Феномен советской археологии. СПб.: Фарн. 128 с.
- Клейн Л. С., 2011. История археологической мысли: В 2 т. Т. 1. СПб.: Изд-во СПбГУ. 688 с.
- Клейн Л. С., 2014а. История российской археологии: учения, школы и личности. Т. 1: Общий обзор и дореволюционное время. СПб.: Евразия. 704 с.
- Клейн Л. С., 2014б. История российской археологии: учения, школы и личности. Т. 2: Археология советской эпохи. СПб.: Евразия. 647 с.
- Лебедев Г. С., 1992. История отечественной археологии. 1700–1917 гг. СПб.: Изд-во СПбГУ. 464 с.
- Мельникова О. М., 2003. Пермская научная школа О. Н. Бадера (1946–1955 гг.). Ижевск: Удмуртский гос. ун-т. 183 с.
- Мельникова О. М., 2006. Научная археологическая школа Р. Д. Голдиной в Удмуртском университете. Ижевск: Удмуртский гос. ун-т. 142 с.
- Миллер М. А., 1954. Археология в СССР. Мюнхен: Институт по изучению истории и культуры СССР. 160 с. (Исследования и материалы. Серия 1, № 12.)
- Монгайт А. Л., 1955. Археология в СССР. М.: Изд-во АН СССР. 436 с.
- Николаев А. Л., 2008. Археологические институты дореволюционной России: монография. Нижнекамск: Изд-во НМИ. 177 с.
- Пиотровский Б. Б., 2000. История Эрмитажа. Краткий очерк. Материалы и документы. М.: Искусство. 574 с.
- Платонова Н. И., 2010. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. СПб.: Нестор-История. 314 с.
- Полин С. В., 2011. К истории развития методики раскопок больших скифских курганов // Греческие и варварские памятники Северного Причерноморья: Опыт методики российских и украинских полевых исследований. М.; Киев: ИА РАН. С. 206–222.
- Пряхин А. Д., 1986. История советской археологии (1917 – середина 30-х гг.). Воронеж: Изд-во ВГУ. 285с.

⁶ Объем этой публикации не позволяет поместить полный список литературы, занимающий 0,5 п. л., который автор предполагает опубликовать в скором времени в расширенном варианте данной статьи.

- Равдоникас В. И.*, 1930. За марксистскую историю материальной культуры // ИГАИМК. Вып. 3–4. 94 с.
- Русская археологическая..., 2003. Русская археологическая литература: библиографический указатель. 1900–1917 / Сост. Т. Н. Заднепровская. СПб.: Петербургское Востоковедение. 473 с.
- Серых Д. В.*, 2014. Всероссийские археологические съезды как форма организации отечественной археологической науки во второй половине XIX – начале XX вв. Казань: Отечество. 188 с.
- Свейникова О. С.*, 2009. Советские археологи в поисках первобытной истории. Историческая интерпретация археологических источников в советской археологии 1930–1950-х гг. Омск: Наука. 203 с.
- Смирнов А. С.*, 2011. Власть и организация археологической науки в Российской империи (очерки институциональной истории науки XIX – начала XX века). М.: ИА РАН. 589 с.
- Сорокина И. А.*, 2008. Полевые археологические исследования в России в 1946–2006 гг. (по архивным материалам и публикациям). Тула: Гриф и К. 244 с.
- Сотрудники...*, 2004. Сотрудники Императорского Эрмитажа. 1852–1917: биобиблиографический справочник. СПб.: Изд-во ГЭ. 172 с.
- Султанбеков Б.*, 2002. Расстрелян как террорист (по страницам следственного дела историка Михаила Худякова) // Гасырлар авазы (Эхо веков). № 1/2. С. 107–125.
- Тихонов И. Л.*, 2003. Археология в Санкт-Петербургском университете. Историографические очерки. СПб.: Изд-во СПбГУ. 332 с.
- Тихонов И. Л.*, 2011а. «Историография» или «история науки»? (о современных исследованиях по истории археологии) // История археологии: личности и школы: Мат-лы Междунар. науч. конф. к 160-летию со дня рожд. В. В. Хвойки (Киев 5–8.10.2010) / Отв. ред. Н. И. Платонова. СПб.: Нестор-История. С. 41–54.
- Тихонов И. Л.*, 2011. Рецензия на: Николаев А. Л. Археологические институты дореволюционной России: Монография. Нижнекамск: Изд-во НМИ, 2008. 177 с. // Российская археология. № 1. С. 174–176.
- Тихонов И. Л.*, 2013. История Российской археологии: формирование организационной структуры и деятельность научных центров в Санкт-Петербурге (XVIII – первая четверть XX вв.): Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. СПб. 54 с.
- Тихонов И. Л.*, 2014. Археология в Императорском Эрмитаже // Российский археологический ежегодник. № 4. С. 427–479.
- Тункина И. В.*, 2002. Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII – середина XIX вв.). СПб.: Наука. 676 с.
- Тункина И. В.*, 2011. Открытие Феодосии: Страницы археологического изучения Юго-Восточного Крыма и начальные этапы истории Феодосийского музея древностей, 1771–1871 гг. Киев: Болеро. 240 с.
- Формозов А. А.*, 1975. Некоторые итоги и задачи исследований в области истории археологии // СА. № 4. С. 5–13.
- Формозов А. А.*, 2004. Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. М.: Знак. 320 с.
- Худяков М. Г.*, 1933. Дореволюционная русская археология на службе эксплуататорских классов. Л.: ГАИМК. 162 с.
- Эрмитаж..., 1990. Эрмитаж. История и современность / Под общ. ред. В. А. Сулова. М.: Искусство. 366 с.
- Trigger B. G.*, 2001. Historiography // Encyclopedia of archaeology. History and discoveries. Vol. II: E–M / Ed. by T. Murray. Santa Barbara; Denver; Oxford.: ABC-CLIO. P. 630–639.

Сведения об авторе

Тихонов Игорь Львович,
Санкт-Петербургский государственный университет, Музей истории СПбГУ, Университетская наб. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия,
e-mail: I.Tikhonov@spbu.ru

I. L. Tikhonov

Many Stories of One Science
(on Different Genres in the History of Archaeology)

Abstract. In the opinion of the author, historiography of archaeology is the history of studying specific sites and archaeological cultures while the history of archaeology must study archaeological science per se in all aspects from underlying ideas and concepts to specific issues. Historiography and history of archaeology cannot exist separated from each other. A number of genres are singled out in the history of archaeology. **Institutional archaeology** is the history of institutions, i. e. various organizations whose scope of activities covered archaeology fully or in part. **Social history** looks at the development of archaeological science through the prism of social and political history, i. e. its links with the powers that be, activities of archaeologies to fulfill the 'social order' of society. **Intellectual history** is the history of archaeological ideas and theories. **The history of schools of thought** is a separate area, only several papers are dedicated to this issue in Russian archaeology. **Cultural stories** examine the history of archaeology in its connection with the culture of different periods. The genre of **regional stories of archaeology** that contain overviews of science development in specific regions is well represented. **Thematic stories** are dedicated to the history of evolvement and development of specific areas of archaeology or history of studying specific sites. The history of archaeology is rich in papers and books written in the biographical genre (half of all publications in this area). **Publication of documentary sources** is one of the major tasks in studying the history of archaeology at the present. **Reference literature on the history of archaeology** is not adequately represented. The situation with **popular science literature** of high quality aimed at a wider audience is quite bad.

Keywords: historiography, history of archaeology, archaeological literature, archaeological organizations, theory and ideas in archaeology, schools of thought, regional archaeology, biographies of archaeologists.

REFERENCES

- Akademicheskaya arkheologiya..., 2013 – Akademicheskaya arkheologiya na beregakh Nevy (ot RAIMK do IIMK RAN, 1919–2014 gg.) [Academic archaeology on the Neva banks (from RAIMK to IIMK RAN, 1919–2014)]. E. N. Nosov, ed. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. 416 p.
- Artamonov M. I., 1935. Iz istorii metodiki arkheologicheskikh raskopok [From history of methods of archaeological excavations]. *Problemy istorii dokapitalisticheskikh obshchestv [Problems of history of pre-capitalist societies]*, 1–2. Moscow: OGIZ, pp. 142–164.
- Ermitazh..., 1990 – Ermitazh. Istoriya i sovremennost' [Hermitage. History and the present]. V. A. Suslov, ed. Moscow: Iskusstvo. 366 p.
- Formozov A. A., 1975. Nekotorye itogi i zadachi issledovaniy v oblasti istorii arkheologii [Some results and tasks of researches in the field of history of archaeology]. *SA*, 4, pp. 5–13.
- Formozov A. A., 2004. Russkie arkheologi v period totalitarizma. Istoriograficheskie ocherki [Russian archaeologists in totalitarian period. Historiographic essays]. Moscow: Znak. 320 p.
- Gening V. F., 1982. Ocherki po istorii sovetskoy arkheologii (u istokov formirovaniya marksistskikh teoreticheskikh osnov sovetskoy arkheologii. 20-e – pervaya polovina 30-kh godov) [Essays on history of Soviet archaeology (at the origins of formation Marxist theoretical base of Soviet archaeology. 20-s – first half of 30-s)]. Kiev: Naukova dumka. 252 p.
- Imperatorskaya Arkheologicheskaya..., 2009 – Imperatorskaya Arkheologicheskaya Komissiya (1859–1917): K 150-letiyu so dnya osnovaniya [Imperial Archaeological Commission (1859–1917):

- Toward 150th anniversary of foundation]. A. E. Musin, E. N. Nosov, ed., comp. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. 1192 p.
- Imperatorskoe Moskovskoe..., 1915 – Imperatorskoe Moskovskoe arkheologicheskoe obshchestvo v pervoe 50-letie ego sushchestvovaniya (1864–1914) [Imperial Moscow archaeological society in the first 50 years of its existence (1864–1914)], II. P. S. Uvarova, I. N. Borozdin, eds. Moscow: Skoropchatnaya A. A. Levenson. 27 p.
- Institut..., 2000a – Institut arkheologii: istoriya i sovremennost': sbornik nauchnykh biografii [Institute of Archaeology: history and the present: collection of scientific biographies]. V. I. Gulyaev, ed. Moscow: IA RAN. 271 p.
- Institut..., 2000b – Institut arkheologii segodnya: sbornik nauchnykh biografii [Institute of Archaeology today: collection of scientific biographies]. A. V. Kashkin, ed. Moscow. 248 p.
- Kamenetskiy I. S., 2006. Arkheologiya: Istoriya raskopok i istoriografiya. Lektsionnyy kurs po spetsial'nosti «Muzeynoe delo i okhrana pamyatnikov kul'tury» [Archaeology: History of excavations and historiography. Lecture course for speciality «Museum work and protection of cultural heritage»]. Moscow: Moskovskiy gosudarstvennyy universitet kul'tury i iskusstv. 43 p.
- Khudyakov M. G., 1933. Dorevolyutsionnaya russkaya arkheologiya na sluzhbe ekspluatatorskikh klassov [Pre-revolutionary Russian archaeology in service of exploiter classes]. Leningrad: GAIMK. 162 p.
- Klein L. S., 1993. Fenomen sovetskoj arkheologii [Phenomenon of Soviet archaeology]. St. Petersburg: Farn. 128 p.
- Klein L. S., 2011. Istoriya arkheologicheskoy mysli [History of archaeological thought], 1. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 688 p.
- Klein L. S., 2014a. Istoriya rossiyskoj arkheologii: ucheniya, shkoly i lichnosti [History of Russian archaeology: teachings, schools and personalities], 1. Obshchii obzor i dorevolyutsionnoe vremya [General overview and pre-revolutionary time]. St. Petersburg: Evraziya. 704 p.
- Klein L. S., 2014b. Istoriya rossiyskoj arkheologii: ucheniya, shkoly i lichnosti [History of Russian archaeology: teachings, schools and personalities], 2. Arkheologiya sovetskoj epokhi [Archaeology of Soviet epoch]. St. Petersburg: Evraziya. 647 p.
- Lebedev G. S., 1992. Istoriya otechestvennoy arkheologii. 1700–1917 gg. [History of national archaeology. 1700–1917]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 464 p.
- Mel'nikova O. M., 2003. Permskaya nauchnaya shkola O.N. Badera (1946–1955 gg.) [Perm' scientific school of O. N. Bader (1946–1955)]. Izhevsk: Udmurtskiy gosudarstvennyy universitet. 183 p.
- Mel'nikova O. M., 2006. Nauchnaya arkheologicheskaya shkola R. D. Goldinoy v Udmurtskom universitete [Scientific archaeological school of R. D. Goldina in Udmurt university]. Izhevsk: Udmurtskiy gosudarstvennyy universitet. 142 p.
- Miller M. A., 1954. Arkheologiya v SSSR [Archaeology in the USSR]. Myunkhen: Institut po izucheniyu istorii i kul'tury SSSR. 160 p. (Issledovaniya i materialy. Seriya 1, no. 12).
- Mongayt A. L., 1955. Arkheologiya v SSSR [Archaeology in the USSR]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 436 p.
- Nikolaev A. L., 2008. Arkheologicheskie instituty dorevolyutsionnoy Rossii [Archaeological institutes of pre-revolutionary Russia]. Nizhnekamsk: Izdatel'stvo NMI. 177 p.
- Piotrovskiy B. B., 2000. Istoriya Ermitazha. Kratkiy ocherk. Materialy i dokumenty [History of Hermitage. Brief essay. Materials and documents]. Moscow: Iskusstvo. 574 p.
- Platonova N. I., 2010. Istoriya arkheologicheskoy mysli v Rossii. Vtoraya polovina XIX – pervaya tret' XX veka [History of archaeological thought in Russia. Second half of XIX – first third of XX century]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 314 p.
- Polin S. V., 2011. K istorii razvitiya metodiki raskopok bol'shikh skifskikh kurganov [To the history of development of methods of excavations of big Scythian kurgans]. *Grecheskie i varvarskie pamyatniki Severnogo Prichernomor'ya: Opyt metodiki rossiyskikh i ukrainskikh polevykh issledovaniy [Greek and barbarian sites of North Pontic zone: Experience of methods of Russian and Ukrainian field investigations]*. Moscow; Kiev: IA RAN, pp. 206–222.
- Pryakhin A. D., 1986. Istoriya sovetskoj arkheologii (1917 – seredina 30-kh gg.) [History of Soviet archaeology (1917 – mid 30-s)]. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. 285 p.

- Ravdonikas V. I., 1930. Za marksistskuyu istoriyu material'noy kul'tury [For Marxist history of material culture]. Leningrad: GAIMK. 94 p. (Izvestiya GAIMK, vol. 7, issue 3–4).
- Russkaya arkheologicheskaya..., 2003 – Russkaya arkheologicheskaya literatura: bibliograficheskiy ukazatel'. 1900–1917 [Russian archaeological literature: bibliographic index. 1900–1917]. T. N. Zadneprovskaya, ed. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie. 473 p.
- Serykh D. V., 2014. Vserossiyskie arkheologicheskie s"ezdy kak forma organizatsii otechestvennoy arkheologicheskoy nauki vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv. [All-Russian archaeological congresses as a form of organization of national archaeological science in second half of XIX – early XX cc.]. Kazan': Otechestvo. 188 p.
- Smirnov A. S., 2011. Vlast' i organizatsiya arkheologicheskoy nauki v Rossiyskoy imperii (ocherki institutional'noy istorii nauki XIX – nachala XX veka) [Power and organization of archaeological science in the Russian Empire (essays on institutional history of science of XIX – early XX century)]. Moscow: IA RAN. 589 p.
- Sorokina I. A., 2008. Polevye arkheologicheskie issledovaniya v Rossii v 1946–2006 g. (po arkhivnym materialam i publikatsiyam) [Field archaeological investigations in Russia in 1946–2006 (based on archive materials and publications)]. Tula: Grif i K. 244 p.
- Sotrudniki..., 2004 – Sotrudniki Imperatorskogo Ermitazha. 1852–1917: biobibliograficheskiy spravochnik [Members of Imperial Hermitage. 1852–1917: bio-bibliographic guide]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha. 172 p.
- Sultanbekov B., 2002. Rasstrelyan kak terrorist (po stranitsam sledstvennogo dela istorika Mikhaila Khudyakova) [Shot as a terrorist (pages of investigative files of historian Mikhail Khudyakov)]. *Gasyrlar avazy (Ekho vekov) [Gasyrlar avazy (Echo of centuries)]*, 1/2, pp. 107–125.
- Sveshnikova O. S., 2009. Sovetskie arkheologi v poiskakh pervobytnoy istorii. Istoricheskaya interpretatsiya arkheologicheskikh istochnikov v sovetskoj arkheologii 1930–1950-kh gg. [Soviet archaeologists in search of prehistoric history. Historical interpretation of archaeological sources in Soviet archaeology of 1930–1950-s]. Omsk: Nauka. 203 p.
- Tikhonov I. L., 2003. Arkheologiya v Sankt-Peterburgskom universitete. Istoriograficheskie ocherki [Archaeology in St. Petersburg university. Historiographic essays]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 332 p.
- Tikhonov I. L., 2011a. «Istoriografiya» ili «istoriya nauki»? (o sovremennykh issledovaniyakh po istorii arkheologii) [«Historiography» or «history of science»? (on contemporary researches on the history of archaeology)]. *Istoriya arkheologii: lichnosti i shkoly: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii k 160-letiyu so dnya rozhdeniya V. V. Khvoyki (Kiev 5–8.10.2010) [History of archaeology: personalities and schools: transactions of International scientific conference held toward 160th anniversary of V. V. Khvoyka (Kiev 5–8.10.2010)]*. N. I. Platonova, ed. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 41–54.
- Tikhonov I. L., 2011b. Retseziya na: Nikolaev A. L. Arkheologicheskie instituty dorevolutsionnoy Rossii: monografiya. Nizhnekamsk: Izdatel'stvo NMI, 2008. 177 s. [Review: Nikolaev A. L. Archaeological institutes of pre-revolutionary Russia. Nizhnekamsk: Izdatel'stvo NMI, 2008. 177 p.]. *RA*, 1, pp. 174–176.
- Tikhonov I. L., 2013. Istoriya Rossiyskoy arkheologii: formirovanie organizatsionnoy struktury i deyatel'nost' nauchnykh tsentrov v Sankt-Peterburge (XVIII – pervaya chetvert' XX vv.): avtoreferat dissertatsii ... doktora istoricheskikh nauk [History of Russian archaeology: formation of organizational structure and activity of scientific centres in St. Petersburg (XVIII – first quarter of XX cc.): Thesis presented for the degree of Doctor of Science, History]. St. Petersburg. 54 p.
- Tikhonov I. L., 2014. Arkheologiya v Imperatorskom Ermitazhe [Archaeology in Imperial Hermitage]. *Rossiyskiy arkheologicheskiy ezhegodnik [Russian archaeological annual]*, 4, pp. 427–479.
- Trigger B. G., 2001. Historiography. *Encyclopedia of archaeology. History and discoveries*, II. T. Murray, ed. Santa Barbara; Denver; Oxford: ABC-CLIO, pp. 630–639.
- Tunkina I. V., 2002. Russkaya nauka o klassicheskikh drevnostyakh Yuga Rossii (XVIII – seredina XIX vv.) [Russian science on Classical antiquities of South of Russia (XVIII – mid XIX cc.)]. St. Petersburg: Nauka. 676 p.
- Tunkina I. V., 2011. Otkrytie Feodosii: Stranitsy arkheologicheskogo izucheniya Yugo-Vostochnogo Kryma i nachal'nye etapy istorii Feodosiyskogo muzeya drevnostey, 1771–1871 gg. [Discovery

of Theodosia: Pages of archaeological investigation of South-Eastern Crimea and initial stages of history of Theodosia museum of antiquities, 1771–1871]. Kiev: Bolero. 240 p.

Zhebelev S. A., 1923. Vvedenie v arkhologiiyu [Introduction into archaeology], I. Istoriya arkhelogicheskogo znaniya [History of archaeological knowledge]. Petrograd: Nauka i shkola. 199 p.

About the author

Tikhonov Igor L.,

Saint Petersburg State University, Museum of History of St. Petersburg State University,
Universitetskaya nab., 7/9, St. Petersburg, 199034, Russian Federation,

e-mail: I.Tikhonov@spbu.ru

А. С. Смирнов

В. А. ГОРОДЦОВ КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЬ МОСКОВСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ВРЕМЕНИ*

Резюме. В статье рассмотрена проблема формирования московской и петербургской археологических школ в дореволюционную эпоху. На основе анализа лекционных курсов В. А. Городцова и А. А. Спицына раскрываются особенности мировоззрения, исследовательских методов и принципов, свойственных этим научным школам, показано, как по-разному понимали оба ученых цели и задачи археологии, ее положение в системе естественных и исторических наук. Отмечено, что некоторые черты этих археологических школ совпадают с особенностями московской и петербургской исторических школ.

Ключевые слова: В. А. Городцов, А. А. Спицын, московская и петербургская археологические школы, лекционные курсы.

Понятие научной школы не имеет однозначно признанной формулировки. Это позволяет авторам создавать гипотезы о существовании научных школ, построенных по различному принципу. Чаще всего – по принципу персоналий или методологическому. Не является исключением и археология. Научному сообществу представлены различные версии существования и эволюции научных археологических школ, как правило, систематизированных по методологическому принципу.

В современной науке давно признано существование двух научных исторических школ – московской и петербургской. Об этом писали еще Н. П. Милюков (1990. С. 161, 162) и профессор Санкт-Петербургского университета А. Е. Пресняков (1920).

Менее постулированным, хотя в повседневной практике весьма распространенным, является мнение о существовании в российской археологии двух региональных научных школ – московской и петербургской, хотя свойственные им особенности определяются весьма различно и нередко субъективно. Эта тема практически не разработана в литературе. Если теме формирования

---

* Статья подготовлена к печати С. В. Кузьминых и И. А. Сорокиной.

петербургской археологической школы посвящены единичные работы (*Платонова*, 2004а), то тема существования московской школы обойдена вниманием исследователей полностью. Интересно, что аналогичная ситуация сложилась и в литературе, посвященной существованию московской и петербургской исторических школ, где петербургской школе посвящено гораздо большее число работ.

В Москве начала XX в. наиболее выдающейся фигурой среди археологов, несомненно, был В. А. Городцов, который до 1917 г. сделал большинство научных открытий и сформировал основные положения своей научной доктрины. В эти годы он доказал наличие памятников бронзового века на юге страны, сформулировал гипотезу о ямных, катакомбных и срубных погребениях, впервые используя принцип культурной стратиграфии, разработал основы типологического метода, создал ряд теоретических трудов, среди которых «Русская доисторическая керамика» (*Городцов*, 1901), на многие десятилетия определившая приемы исследования древних сосудов. Именно в эти годы им были заложены основы метода культурной стратиграфии¹. «В Москве доисторическая археология – область ведения В. А. Городцова», – утверждал С. А. Жебелёв (1923. С. 190).

Научная деятельность В. А. Городцова в дореволюционное время не раз становилась объектом исследования советских и российских археологов. Ее место в истории отечественной археологии пытались рассматривать как с хронологической (*Лебедев*, 1992), так и с методологической (*Платонова*, 2010. С. 198–214) точек зрения. Но Городцов был также и ярким представителем сообщества московских археологов, которые при всех индивидуальных особенностях обладали рядом общих черт, отличавших их от плеяды петербургских коллег как в научной, так и в организационной деятельности.

В северной столице фигурой, наиболее близкой В. А. Городцову по своему жизненному пути, некоторым методам исследования, стремлению создать собственную научную школу, был А. А. Спицын. Именно в личностях этих двух выдающихся ученых, ближе всех своих коллег подошедших к современному пониманию археологической науки, сконцентрировались в начале XX в. наиболее характерные черты сообществ московских и петербургских ученых-археологов.

Историки науки признают, что источником, наиболее ярко характеризующим особенности любой научной школы, является образовательный контекст, формирующий стиль мышления и образовательную культуру исследователя. Другими словами, учебные курсы. Благодаря свойственной им схематизации и доступности изложения в них наиболее полно раскрываются особенности мировоззрения, исследовательских методов и принципов, свойственных конкретной научной школе. Лектор, выступающий перед слушателями, не связан жесткими правилами научной публикации, требующими досконального изложения фактов и доказательств. Он волен более свободно излагать свое мнение о той или иной проблеме, высказывать близкие его пониманию теории и гипотезы, предлагать свое видение путей развития мировой истории.

---

¹ См. подробнее: (*Бочкарев*, 2001; *Сафонов*, 2001; *Мелешко*, 2001).

Благодаря определенной схематизации и простоте изложения, используемых авторами в лекционных курсах, читателям наиболее полно раскрываются особенности мировоззрения, научных методов и исследовательских принципов, свойственных данной научной школе.

С этой точки зрения наиболее интересным для понимания позиции В. А. Городцова представляется курс лекций, который он читал в Московском археологическом институте с 1907 по 1915 г., опубликованный в двух томах общим объемом почти 1000 страниц – «Первобытная археология» и «Бытовая археология» (Городцов, 1908; 1910). В этих работах В. А. Городцов изложил свои представления об археологической науке, древних памятниках, их классификации, хронологии, методах археологических раскопок, методике применения естественных наук.

При всей специфике такого вида творчества, как лекции для слушателей института, рассчитанные на восприятие дилетантов, следует признать, что В. А. Городцов создал монументальный труд, охватывавший все аспекты археологической науки того времени, что позволило ученому сформулировать свое видение ее фундаментальных положений.

Опубликованные лекции В. А. Городцова получили высокую оценку потомков. Е. И. Крупнов называл их «краеугольным камнем в изучении ранних периодов нашей Родины... Эти работы долгое время оставались у нас сводными археологическими курсами. В них наиболее квалифицированно был подытожен весь опыт изучения российских древностей. Уже эти дореволюционные работы, даже при наличии в них ряда спорных и ныне устаревших положений, безусловно, отмечены печатью яркой талантливости, смелости мысли и оригинальности автора» (Крупнов, 1956. С. 9, 10). Г. С. Лебедев считал лекции В. А. Городцова «центральной событием “спицынско-городцовского периода” развития отечественной археологии», которые «последовательно и компактно... объединили в себе теоретические аспекты, учебно-справочные, собственно историко-археологические концепции» (Лебедев, 1992. С. 363). Л. С. Клейн утверждал, «что по своему систематизирующему значению для русской археологии и своему воздействию на нее труд Городцова в какой-то мере напоминает более поздний (1925) и географически более широкоохватный, но и сжатый труд... Гордона Чайлда “У истоков европейской цивилизации”. Для России он был Софус Мюллер, Дешелетт и молодой Чайлд в одном лице» (Клейн, 2011. С. 652).

Не скованный законами научной публикации, В. А. Городцов в своих лекциях имел возможность излагать доступным языком собственные гипотезы и представления, ярко и образно рисовать картины прошлого, утверждать представлявшиеся ему наиболее правильными способы изучения древних памятников и анализа полученных материалов. Не обязанный аргументированно доказывать своим слушателям те или иные положения, В. А. Городцов стремился в доступной форме убедить их в правомочности своих гипотез, излагая их максимально доступным образом. Эти обстоятельства делают лекционный курс В. А. Городцова удачным информативным ресурсом для анализа его научных взглядов.

В. А. Городцов и его петербургские коллеги по-разному понимали цели и задачи археологии, ее положение в системе естественных и исторических наук.

В. А. Городцов был сторонником уваровского понимания археологии как науки, изучающей «древний быт по всем памятникам, какого бы ни было рода, оставшимся от древней жизни древнего народа» (Уваров, 1878. С. 21). «Это определение археологии в настоящее время следует считать общепринятым», – констатировал в своих лекциях В. А. Городцов (1908. С. 6). Эта точка зрения определила и принцип его подразделения археологии на первобытную (доисторическую) и историческую. «Предметом первобытной археологии является научное исследование всех древних памятников человеческой культуры до появления о них исторических известий, в форме писаных документов, а также легенд и преданий. Историческая же археология служит прямым продолжением первобытной (доисторической) и имеет дело с памятниками времени писаных документов, легенд и преданий» (Городцов, 1910. С. 1). При этом историческая археология, согласно взглядам В. А. Городцова, делится на несколько дисциплин, среди которых метрология, археография, нумизматика, геральдика, сфрагистика и ряд других. В этот перечень входит и бытовая археология, которая изучает «памятники домашнего и общественного быта, преимущественно касающиеся жилищ, одежд, пищи, ремесел, художеств, промыслов, а также разного рода бытовых и религиозных обрядов» и «обслуживает не целое, а только часть объема исторической археологии» (Там же. С. 2, 3). Подобной точки зрения В. А. Городцов придерживался и позднее, в 1920-е гг. (1923. С. 7), хотя в то время это выглядело явным анахронизмом.

Его петербургский коллега А. А. Спицын, который читал курс в университете в 1909/1910 гг., понимал под археологией науку, изучавшую древнюю «внешнюю культуру». Это в контексте высказываний ученого можно считать эквивалентом современного понятия «материальная культура», что выводит за пределы археологии основной корпус письменных источников (Платонова, 2004б. С. 134–149; 2010. С. 102, 103).

Следует заметить, что и А. С. Лаппо-Данилевский, читавший в конце XIX в. лекции по археологии в Санкт-Петербургском археологическом институте, также считал письменные источники достоянием собственно истории, относя к ведению археологии преимущественно «вещественные памятники», материальные остатки прошлого, полученные путем раскопок, критикуя точку зрения А. С. Уварова, столь близкую В. А. Городцову (Цит. по: Там же. С. 116–118).

Одной из главных особенностей лекционного курса В. А. Городцова (1908; 1910) была «всеохватность» изложения как в хронологическом, так и в территориальном смысле. Как справедливо отмечал Г. С. Лебедев (1992. С. 254), московский археолог создал в русской археологии «первую развернутую археологическую версию мирового культурно-исторического процесса».

В. А. Городцов начинал свое повествование не с момента появления человека и даже не с момента появления жизни на Земле, а с образования планеты. Говоря о древней истории ойкумены и истории изучения ее прошлого, Городцов останавливался не только на памятниках Античности и близлежащего варварского мира, Египта и Месопотамии, но и иных мест Европы, а также Африки, Азии и даже Американского континента. И хотя степень детализации процессов, происходивших на этих территориях, различна, подобной широтой изложения не отличались лекции никого из его коллег. Лекционные курсы

А. С. Лаппо-Данилевского «Археология Восточно-Европейской равнины (древнейший период)»², Н. И. Веселовского «Первобытные древности (История Южной России)» и «Первобытный человек. Доисторическая археология» (1901; 1905) в Петербургском археологическом институте и А. А. Спицына в столичном университете³ хронологически и территориально были более локальными.

В. А. Городцов старался не только охватить в своих лекциях все периоды древней истории всей ойкумены, но и стремился сформулировать единые законы развития древних человеческих обществ. Его теория существования культурных очагов различного уровня, лучей культурных влияний, распространенная им на всю планету, весьма напоминает характерную для московской исторической школы манеру рисовать крупными мазками широкую картину прошлого, стремление к широким историческим обобщениям.

Еще одной особенностью лекционных курсов Городцова (прежде всего это относится к «Бытовой археологии») являлось внимание к мировоззренческим и философским вопросам – взаимоотношение науки и религии, соотношение патриотизма и исторических фактов. Василий Алексеевич утверждал, что принятие христианства было причиной гегемонии того или иного народа, что «особенно сильно сказалось на германцах и славянах: оно ввело их в круг культурных народов и положило основу их мировой гегемонии». Городцов видел в христианстве не только новое религиозное и этическое учение, способствовавшее прогрессу человечества, но и критерий отнесения народов к определенному хронологическому периоду. Начало «средней поры железных орудий» он связывал не только с широким «введением железа», но и с распространением христианства. Ученый в этом случае отступил от единого принципа выделения археологических эпох и периодов по материалу и характеру изготовления орудий.

Лекции В. А. Городцова изобилуют комплиментарными высказываниями о характере и образе жизни «русских славян» и ссылками на подобные высказывания древних писателей. Трудно представить, что славяне были единственным народом, заслужившим восторженные отзывы хронистов. Но подобных высказываний в отношении соседей славян ученый в своих лекциях не упоминал.

В этих особенностях лекций В. А. Городцова также можно видеть черты московской исторической школы, включавшей в сферу своего внимания не только узконаучные вопросы, но и проблемы нравственно-этического плана.

Петербургские ученые уделяли больше внимания вопросам теории археологической науки и детальной характеристике материальной культуры отдельных групп древнего населения. В первом случае это относится к лекциям Лаппо-Данилевского, во втором – Спицына.

По разному В. А. Городцов и А. А. Спицын видели пути использования естественных наук в археологии. Александр Андреевич видел необходимость специализации в исследовании древних памятников, ратуя за совместную работу профессиональных геологов и археологов, которые должны были лишь в конце

² См. подробнее о нем: (Тихонов, 2003. С. 49, 50).

³ См. подробнее о лекционных курсах А. А. Спицына: (Тихонов, 2003. С. 74–85; Платонова, 2004б; 2010. С. 100–112).

соединить результаты своих профессиональных исследований для получения окончательных выводов (Цит. по: *Платонова*, 2010. С. 120). Городцов, скорее, стремился обучить основам геологии собственно археологов, которые должны были сами применять знания, полученные из области естественнонаучных дисциплин. Следует согласиться с тем, что Василий Алексеевич в этих вопросах придерживался консервативной точки зрения, впоследствии отринутой наукой. Концепция ученых северной столицы оказалась ближе современной.

В качестве более мелких отличий в представлениях московских и петербургских ученых можно вспомнить о различной оценке деятельности известного французского исследователя палеолита Луи-Габриэля де Мортилье. Прежде всего речь идет об отношении к его системе периодизации памятников каменного века.

Один из наиболее известных московских профессоров Д. Н. Анучин, признавая заслуги французского коллеги в области разработки периодизации памятников «доисторической археологии», считал предложенную им систему локальной, применимой лишь к древностям Франции, отмечая, что и там она «не пользуется всеобщим признанием» (Цит. по: Там же. С. 150). Городцов целиком и полностью поддерживал точку зрения Анучина, утверждая, что периодизация Мортилье является «не только неудовлетворительной для всеобщего пользования, но даже и для Франции» и «это деление, как неверно установленное, почти нигде и никем не было принято» (*Городцов*, 1908. С. 170). Он подвергал сомнению справедливость выделения Мортилье наиболее ранней, шельской, эпохи (Там же. С. 158) и отрицал датировку памятников типа солютре эпохой палеолита, которые, по мнению российского ученого, «являются свойственными только неолитической эпохе» (Там же. С. 171). Но впоследствии в обоих случаях Городцов был вынужден признать свои заблуждения (1923. С. 27, 124, 221–228).

Петербургские ученые с гораздо большим доверием относились к периодизации Мортилье. Достаточно вспомнить высказывания Ф. К. Волкова, считавшего, что она основана на «тщательнейшем и полнейшем изучении материала во всей его обширности» и применима для всех памятников каменного века (Цит. по: *Платонова*, 2010. С. 150). Периодизация Мортилье при всех ее многочисленных изменениях и дополнениях принимается большинством современных археологов. Следует признать, что и в этом случае точка зрения Городцова изначально была ошибочной. Но он нашел в себе мужество в начале 1920-х гг. признать свои заблуждения.

Отличие позиции В. А. Городцова от взглядов его петербургских коллег проявлялось не только в научных вопросах, но и в представлениях об организации археологических исследований в стране. Будучи верным адептом Московского археологического общества и убежденным приверженцем его главы П. С. Уваровой, он всячески сопротивлялся любым устремлениям к централизации управления археологическими работами и контролю со стороны государства.

Городцов, касаясь в своих лекциях вопросов полевой методики, рекомендовал исследователям по возможности проводить раскопки на частновладельческих землях; в этом случае у них будет меньше бюрократических препятствий, так как раскопки «производятся исключительно с разрешения владельцев» (1911. С. 8). Раскопки же «на землях крестьянских, общественных и государственных...

производятся только с разрешения Археологической комиссии». Говоря об этом, Городцов делал заявления, вызывающие в наши дни в лучшем случае удивление. «Исследование с разрешения Археологической комиссии вполне доступно только для членов этой комиссии, для лиц же, не причастных к этому учреждению в русской археологической науке, разрешения получаются с крайне стеснительными условиями, требующими, чтобы исследователь непременно представлял к очередному сроку все найденные вещи, всю научную работу, выполненную во время раскопок, в Археологическую комиссию, причем последняя присваивает себе право, по истечении пяти лет, издать научные записки исследователя от себя. Чтобы судить, насколько тяжело все это отражается на деле исследования древних памятников, следует сказать, что многие выдающиеся из русских исследователей прекратили совсем свою деятельность в зависимости от разрешения комиссии, и дело археологических раскопок в России за последние десятилетия заметно приходит в упадок, хотя члены комиссии усиливаются поддерживать это дело» (Там же. С. 8, 9).

В подобном отношении В. А. Городцова к действиям Археологической комиссии явно прослеживается позиция Московского археологического общества, глава которого П. С. Уварова на протяжении всей своей деятельности боролась со стремлением ИАК регламентировать археологические раскопки в России и сосредоточить их под своим контролем. Недаром несколькими строками ниже Городцов произносит слова благодарности МАО, «уже много лет стоявшему во главе русского археологического знания» и отличавшемуся «особенной энергией и отзывчивостью» по отношению к исследователям (Там же. С. 9).

Но даже понимая истоки этой позиции, трудно согласиться с мнением Городцова, возмущавшегося требованиями направлять в ИАК «всю научную работу, выполненную во время раскопок». Другими словами, представлять научный отчет по результатам проведенных исследований. Московский патриотизм в данном случае явно конфликтовал со справедливыми требованиями ИАК.

Подобной позиции Городцов придерживался даже в советское время. Будучи в первой половине 1920-х гг. руководителем Археологического подотдела Отдела по делам музеев и охране памятников искусства, старины НКП РСФСР, он ратовал за ликвидацию РАИМК и создание обширной системы археологических обществ, хотя и подчиненной единому руководящему органу, в ведении которых находились бы вопросы охраны и использования древних памятников (*Платонова*, 2010. С. 212, 213; *Кузьминых, Белозёрова*, 2012. С. 132–135).

Петербургские коллеги, как и большинство археологов в стране, в целом разделяли позицию Археологической комиссии. Понятно, что взгляды члена ИАК А. А. Спицына на эту проблему полностью соответствовали позиции комиссии, которая была выражена в чеканной формулировке С. А. Жебелёва: «Не только теоретическую, но и практическую разработку всех вопросов, относящихся к археологии в России, нужно сосредоточить в одном правительственном учреждении, которое являлось бы высшей и вместе с тем окончательной инстанцией, не только с совещательными, но и с исполнительными функциями» (1923. С. 191).

Представляется, что гипотеза о существовании московской и петербургской археологических школ имеет право на жизнь. Каждая из них обладает характер-

ными особенностями, которые пока еще однозначно не структурированы исследователями. При этом некоторые черты этих археологических школ совпадают с особенностями московской и петербургской исторических школ. И это не удивительно, так как археология в XIX в., как мы видели, во многом развивалась в рамках письменной истории, а многие представители археологической науки являлись воспитанниками историко-филологических факультетов Московского и Петербургского университетов.

ЛИТЕРАТУРА

- Бочкарев В. С.*, 2001. Периодизация В. А. Городцова в контексте хронологических исследований европейского бронзового века // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация / Ред. Ю. И. Колев и др. Самара: НТЦ. С. 8–10.
- [*Веселовский Н. И.*], 1901. Первобытные древности: (История Южной России). Пособие к лекциям, читанным в С.-Петербургском археологическом институте профессором Веселовским Н. И. СПб.: Лит. Богданова. 285 с. (Литограф. изд.)
- [*Веселовский Н. И.*], 1905. Первобытный человек. Доисторическая археология. Лекции проф. Н. И. Веселовского / Сост. Н. Соломко. СПб.: Тип. Морск. м-ва. 93 с. (Литограф. изд.)
- Жебелёв С. А.*, 1923. Введение в археологию. Ч. 1: История археологического знания. Пг.: Наука и школа. 199 с.
- Городцов В. А.*, 1901. Русская доисторическая керамика // Труды XI Археологического съезда в Киеве, 1899 г. Т. 1. М. С. 577–672.
- Городцов В. А.*, 1908. Первобытная археология. Курс лекций, читанный в Московском археологическом институте. М.: Тип. Снегиревой. 416 с.
- Городцов В. А.*, 1910. Бытовая археология. Курс лекций, читанный в Московском археологическом институте. М.: Тип. Снегиревой. VI + 474 с.
- Городцов В. А.*, 1911. Руководство для археологических раскопок и обработки добытого раскопками материала. По лекциям, читанным В. А. Городцовым в Московском археологическом институте / Сост. С. И. Флях. М.: Тип. Снегиревой. 64 с.
- Городцов В. А.*, 1923. Археология. Т. 1: Каменный период. М.; Пг.: Гос. изд-во. 397 с.
- Клейн Л. С.*, 2011. История археологической мысли: В 2 т. Т. 1. СПб.: С.-Петерб. ун-т. 688 с.
- Крупнов Е. И.*, 1956. О жизни и научной деятельности В. А. Городцова // СА. Т. XXV. С. 5–12.
- Кузьминых С. В., Белозёрова И. В.*, 2012. Русская археология на переломе эпох: В. А. Городцов в 1920-е годы // Евразийский археолого-историографический сборник / Отв. ред. А. С. Вдовин, И. В. Тункина. СПб.: СПФ АРАН; Красноярск: КГПУ. С. 131–152.
- Лебедев Г. С.*, 1992. История отечественной археологии. 1700–1917 гг. СПб.: С.-Петерб. ун-т. 464 с.
- Мелешко Б. В.*, 2001. Периодизация степной бронзы и становление археологической теории В. А. Городцова // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация / Ред. Ю. И. Колев и др. Самара: НТЦ. С. 18–19.
- Милюков П. Н.*, 1990. Воспоминания (1859–1917 гг.). Т. 1. М.: Вагриус. 446 с.
- Платонова Н. И.*, 2004а. Истоки Санкт-Петербургской школы археологии (конец XIX – 1 треть XX века: Н. П. Кондаков, В. Р. Розен, А. А. Спицын, Ф. К. Волков, А. А. Миллер) // Археолог: детектив и мыслитель: Сб. ст., посвящ. 770-летию Л. С. Клейна / Отв. ред. Л. Б. Вишняцкий и др. СПб.: С.-Петерб. ун-т. С. 43–73.
- Платонова Н. И.*, 2004б. Александр Андреевич Спицын о предмете, задачах и методах археологии // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы: сборник статей памяти профессора И. В. Дубова / Отв. ред. А. Н. Кирпичников, В. Н. Седых. СПб.: С.-Петерб. ун-т: ИИМК РАН; РЭМ. С. 134–149.
- Платонова Н. И.*, 2010. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая половина XX века. СПб.: Нестор-История. 316 с.
- Пресняков А. Е.*, 1920. Речь перед защитой диссертации под заглавием «Образование Великорусского государства» // *Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства: очерки по истории XIII–XV столетий. Пг.: Девятая гос. тип. С. 459–478.

- Сафонов И. Е., 2001. Раскопки В. А. Городцовым курганов эпохи бронзы в Изюмском уезде летом 1901 г. (по архивным материалам) // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация / Ред. Ю. И. Колев и др. Самара: НТЦ. С. 11–18.
- Тихонов И. Л., 2003. Археология в Санкт-Петербургском университете. Историографические очерки. СПб.: Изд-во СПбГУ. 332 с.
- Уваров А. С., 1878. Что должна обнимать программа для преподавания русской археологии, и в каком систематическом порядке должна быть распределена эта программа? // Труды Третьего археологического съезда в России, бывшего в Киеве в августе 1874 года. Т. 1. Киев: В тип. Имп. ун-та Св. Владимира. С. 19–38.

Сведения об авторе

Смирнов Александр Сергеевич (1949–2015),
Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия

A. S. Smirnov

V. A. Gorodtsov as a Representative of the Moscow Archaeological School of
the pre-Revolutionary Period

Abstract. The paper looks into the development history of the Moscow and St. Petersburg schools of archaeology in the pre-revolutionary period. The analysis of V. A. Gorodtsov's and A. A. Spitsyn's lecture courses reveals distinctive features of world outlook, research methods and principles characterizing these research schools and demonstrates different approaches of the two scientists to objectives and tasks of archaeology, its place in the system of natural science and history. The paper notes that some of the features typical for these schools of archaeology coincide with specific features of the Moscow and St. Petersburg schools of history.

Keywords: V. A. Gorodtsov, A. A. Spitsyn, Moscow and St. Petersburg schools of archaeology, lecture courses.

REFERENCES

- Bochkarev V. S., 2001. Periodizatsiya V. A. Gorodtsova v kontekste khronologicheskikh issledovaniy evropeyskogo bronzovogo veka [V. A. Gorodtsov's periodization in context of chronological researches of European Bronze Age]. *Bronzovyy vek Vostochnoy Evropy: kharakteristika kul'tur, khronologiya i periodizatsiya* [Bronze Age of Eastern Europe: characteristic of cultures, chronology and periodization]. Yu. I. Kolev, ed. Samara: Nauchno-tehnicheskiy tsentr, pp. 8–10.
- Gorodtsov V. A., 1901. Russkaya doistoricheskaya keramika [Russian prehistoric ceramics]. *Trudy XI Arheologicheskogo s'ezda v Kieve, 1899 g.* [Transactions of XI Archaeological congress in Kiev, 1899], 1. Moscow, pp. 577–672.
- Gorodtsov V. A., 1908. Pervobytnaya arkheologiya. Kurs lektsiy, chitanny v Moskovskom arkheologicheskom institute [Prehistoric archaeology. Course of lectures delivered in Moscow archaeological institute]. Moscow: Tipografiya Snegirevoy. 416 p.
- Gorodtsov V. A., 1910. Bytovaya arkheologiya. Kurs lektsiy, chitanny v Moskovskom arkheologicheskom institute [Archaeology of everyday life. Course of lectures delivered in Moscow archaeological institute]. Moscow: Tipografiya Snegirevoy. VI, 474 p.
- Gorodtsov V. A., 1914. Rukovodstvo dlya arkheologicheskikh raskopok i obrabotki dobytogo raskopkami materiala. Po lektsiyam, chitannym V. A. Gorodtsovym v Moskovskom arkheologicheskom institute

- [Manual for archaeological excavations and processing material obtained by excavations. Based on lectures delivered by V. A. Gorodtsov in Moscow archaeological institute]. S. I. Flyakh, comp. Moscow: Tipografiya Snegirevoy. 64 p.
- Gorodtsov V. A., 1923. Arkheologiya [Archaeology], 1. Kamennyi period [Stone period]. Moscow; Petrograd: Gosudarstvennoe izdatel'stvo. 397 p.
- Klein L. S., 2011. Istoriya arkheologicheskoy mysli [History of archaeological thought], 1. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskiy universitet. 688 p.
- Krupnov E. I., 1956. O zhizni i nauchnoy deyatelnosti V. A. Gorodtsova [On life and scientific activity of V. A. Gorodtsov]. *SA*, XXV, pp. 5–12.
- Kuz'minykh S. V., Belozerova I. V., 2012. Russkaya arkheologiya na perelome epokh: V. A. Gorodtsov v 1920-e gody [Russian archaeology on the turning point of epochs: V. A. Gorodtsov in 1920-s]. *Evrasiyskiy arkheologo-istoriograficheskiy sbornik [Eurasian archaeological-historiographic collection of articles]*. A. S. Vdovin, I. V. Tunkina, eds. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskiy filial Arkhiva RAN; Krasnoyarsk: Krasnoyarskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, pp. 131–152.
- Lebedev G. S., 1992. Istoriya otechestvennoy arkheologii. 1700–1917 gg. [History of national archaeology. 1700–1917]. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskiy universitet. 464 p.
- Meleshko B. V., 2001. Periodizatsiya stepnoy bronzy i stanovlenie arkheologicheskoy teorii V. A. Gorodtsova [Periodization of steppe Bronze Age and formation of V. A. Gorodtsov's archaeological theory]. *Bronzovyy vek Vostochnoy Evropy: kharakteristika kul'tur, khronologiya i periodizatsiya [Bronze Age of Eastern Europe: characteristic of cultures, chronology and periodization]*. Yu. I. Kolev, ed. Samara: Nauchno-tehnicheskii tsentr, pp. 18–19.
- Milyukov P. N., 1990. Vospominaniya (1859–1917 gg.) [Memoires (1859–1917)], 1. Moscow: Vagrius. 446 p.
- Platonova N. I., 2004a. Aleksandr Andreevich Spitsyn o predmete, zadachakh i metodakh arkheologii [Aleksandr Andreevich Spitsyn on the object, tasks and methods of archaeology]. *Arkheologiya, istoriya, numizmatika, etnografiya Vostochnoy Evropy: sbornik statey pamyati professora I. V. Dubova [Archaeology, history, numismatics, ethnography of Eastern Europe: assembled articles in memory of Professor I. V. Dubov]*. A. N. Kirpichnikov, V. N. Sedykh, eds. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskiy universitet: IIMK RAN: Rossiyskiy etnograficheskiy muzey, pp. 134–149.
- Platonova N. I., 2004b. Istoki Sankt-Peterburgskoy shkoly arkheologii (konets XIX – 1 tret' XX veka: N. P. Kondakov, V. R. Rozen, A. A. Spitsyn, F. K. Volkov, A. A. Miller) [Origins of St. Petersburg school of archaeology (late XIX – 1st third of XX century: N. P. Kondakov, V. R. Rozen, A. A. Spitsyn, F. K. Volkov, A. A. Miller)]. *Arkheolog: detektiv i myslitel': sbornik statey, posvyashchenny 77-letiyu L. S. Kleyna [Archaeologist: detective and thinker: collection of articles devoted to 77th anniversary of of L. S. Klein]*. L. B. Vishnyatskiy, ed. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskiy universitet, pp. 43–73.
- Platonova N. I., 2010. Istoriya arkheologicheskoy mysli v Rossii. Vtoraya polovina XIX – pervaya polovina XX veka [History of archaeological thought in Russia. Second half of XIX – first half of XX century]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 316 p.
- Presnyakov A. E., 1920. Rech' pered zashchitoy dissertatsii pod zaglaviem «Obrazovanie Velikorusskogo gosudarstva» [Speech before defense of dissertation entitled «Formation of Great Russian state»]. *Presnyakov A. E. Obrazovanie Velikorusskogo gosudarstva: ocherki po istorii XIII–XV stoletiy [Formation of Great Russian state: essays on history of XIII–XV centuries]*. Petrograd: Devyataya gosudarstvennaya tipografiya, pp. 459–478.
- Safonov I. E., 2001. Raskopki V. A. Gorodtsovym kurganov epokhi bronzy v Izyumskom uezde letom 1901 g. (po arkhivnym materialam) [Excavations of Bronze Age kurgans in Izyum district by V. A. Gorodtsov in summer of 1901 (based on archive materials)]. *Bronzovyy vek Vostochnoy Evropy: kharakteristika kul'tur, khronologiya i periodizatsiya [Bronze Age of Eastern Europe: characteristic of cultures, chronology and periodization]*. Yu. I. Kolev, ed. Samara: Nauchno-tehnicheskii tsentr, pp. 11–18.
- Tikhonov I. L., 2003. Arkheologiya v Sankt-Peterburgskom universitete. Istoriograficheskie ocherki [Archaeology in St. Petersburg university. Historiographic essays]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 332 p.
- Uvarov A. S., 1878. Chto dolzhna obnimat' programma dlya prepodavaniya russkoy arkheologii, i v kakom sistematicheskom poryadke dolzhna byt' raspredelena eta programma? [What must comprise

a program for teaching Russian archaeology, and in what systematic order this program should be arranged?]. *Trudy Tret'ego arkheologicheskogo s'ezda v Rossii, byvshego v Kieve v avguste 1874 goda* [Transactions of Third archaeological congress in Russia held in Kiev in August of 1874], 1. Kiev: V tipografii Imperatorskogo universiteta Svyatogo Vladimira, pp. 19–38.

Veselovskiy N. I., 1901. *Pervobytnye drevnosti: (Istoriya Yuzhnoy Rossii)*. Posobie k lektsiyam, chitannym v Sankt-Peterburgskom arkheologicheskom institute professorom Veselovskim N. I. [Prehistoric antiquities: (History of South Russia). Manual for lectures delivered in St. Petersburg archaeological institute by Professor Veselovskiy N. I.]. St. Petersburg: Litografiya Bogdanova. 285 p. (Lithography edition).

Veselovskiy N. I., 1905. *Pervobytnyy chelovek. Doistoricheskaya arkheologiya. Lektsii professora N. I. Veselovskogo* [Primitive man. Prehistoric archaeology. Lectures by Prof. N. I. Veselovskiy]. N. Solomko, ed. St. Petersburg: Tipografiya Morskogo ministerstva. 93 p. (Lithography edition).

Zhebelev S. A., 1923. *Vvedenie v arkheologiyu* [Introduction into archaeology], 1. *Istoriya arkheologicheskogo znaniya* [History of archaeological knowledge]. Petrograd: Nauka i shkola. 199 p.

About the author

Smirnov Aleksandr S. (1949–2015),

Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation

И. А. Сорокина

МОСКОВСКАЯ СЕКЦИЯ АКАДЕМИИ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Резюме. С 1920 по 1929 г. в Москве под эгидой Академии истории материальной культуры работала ее Московская секция, объединившая в своих рядах лучшие силы московских археологов, этнологов, историков, искусствоведов, музееведов, работавших в разных московских учреждениях. Это первый филиал Академии в Москве. Его деятельность может быть изучена только по архивным материалам. Численность этой организации позволяет считать ее крупным научно-исследовательским центром. Секцией выполнена огромная научно-исследовательская работа по разным направлениям археологии и других близких областей знания. Работая в тесном контакте с Отделом по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса, Московская секция пыталась выжить в непростых условиях того времени и существовала скорее благодаря поддержке Отдела, чем Академии, частью которой она являлась. В условиях жесткого идеологического давления со стороны государства она не вписывалась в новые структуры и уступила место Московскому отделению Государственной Академии истории материальной культуры, второму филиалу, полностью подчиненному Академии, утратившему самостоятельность, но получившему постоянное финансирование.

Ключевые слова: Академия истории материальной культуры, Московская секция, Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины, Наркомпрос, Археологический подотдел, архивные материалы.

Первыми филиалами Российской (с 1926 г. – Государственной) академии истории материальной культуры (РАИМК–ГАИМК) в Москве была Московская секция (далее – МС). Ее деятельность может быть изучена только по архивным материалам. Единственная обобщающая публикация о работе первого московского филиала – «Сборник Московской секции ГАИМК к 10-летию Октября» (Сборник..., 1928). Большую часть времени своего существования МС располагалась в помещении Государственного Исторического музея, поэтому документы хранятся в его архиве¹.

Вопрос об участии московских ученых в работе Академии возник еще до ее официального создания, поскольку и до и после октября 1917 г. в Москве были

---

¹ ОПИ ГИМ. Фонд 540. Часть документов там же, фонд 54.

сосредоточены значительные научные силы, в том числе в области археологии. В их числе Московское археологическое общество (МАО) и Антропологический музей Московского университета. Здесь работал антрополог Д. Н. Анучин (1843–1923), явившийся основателем палеоэтнологической школы в Москве. Он был избран председателем МАО после отъезда в эмиграцию в 1919 г. П. С. Уваровой. После его кончины в 1923 г. Общество прекратило свое существование. Причины этого не только отсутствие энергичного лидера, но и перенос основной археологической деятельности в Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины при НКП РСФСР² в РАИМК.

Еще одним центром развития археологии в Москве был Государственный (до 1917 г. – Российский) Исторический музей. С 1903 по 1929 г. там работал В. А. Городцов (1860–1945). Он же руководил существовавшими в 1920-х гг. кафедрами археологии в 1-м МГУ, потом в МИФЛИ. Ученики Городцова (некоторые еще со времени его преподавательской деятельности в Московском археологическом институте) явились первым поколением археологов в России, получивших профессиональное образование в нашем современном понимании. В ГИМе начали трудовой путь археологи из поколения его учеников: А. В. Арциховский, А. Я. Брюсов, М. Е. Фосс, Б. Н. Граков, О. А. Кривцова-Гракова и пр.

В 1922 г. по решению Государственного ученого совета (ГУС) Наркомпроса при физико-математическом факультете 1-го МГУ был открыт Институт антропологии. Здесь успешно трудился ученик Д. Н. Анучина палеоэтнолог Б. С. Жуков, а также Б. А. Куфтин и М. С. Воеводский. Эти ученые сыграли огромную роль в развитии полевой археологии довоенного и послевоенного времени.

В 1924 г. решением ГУС при факультете общественных наук 1-го МГУ была образована Ассоциация научно-исследовательских институтов. Первоначально в нее входило 7 институтов, в том числе Научно-исследовательский институт археологии и искусствоведения, созданный в 1923 г. Секцией археологии в его структуре руководил В. А. Городцов, с которым работали А. А. Захаров, А. С. Башкиров и др. В аспирантуре при Ассоциации обучались известные в будущем исследователи, работавшие потом в ГИМе, на кафедре археологии МГУ, в МОГАИМК: А. В. Арциховский, С. В. Киселев, А. П. Смирнов и др. (Институт..., 2000). В 1926 г. Ассоциация была выделена из 1-го МГУ и переименована в Российскую ассоциацию научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН). В ее состав вошли новые организации, в том числе и ГАИМК.

Помимо Д. Н. Анучина и В. А. Городцова, крупнейшим специалистом, внесшим в то время существенный вклад в развитие археологии, был востоковед Ф. В. Баллод (1882–1947), профессор историко-филологического факультета Саратовского университета. В 1923–1924 гг. Ф. В. Баллод – действительный член московского НИИ археологии и искусствоведения и член МС РАИМК.

В Москве динамично развивалась научная среда, рождавшая новые идеи по поводу организации археологической науки после 1917 г., когда старые

² Создан в мае 1918 г., бессменный руководитель до весны 1927 г. – Н. И. Троцкая. Тогда же в его структуре образован Археологический подотдел под руководством В. А. Городцова (до осени 1926 г.). Подробнее см. (Сорокина, 2014. С. 505).

структуры были разрушены. Вопрос о соперничестве в установлении приоритетов между учреждениями Москвы и Петрограда к тому времени имел давнюю историю (Тихонов, 2008; Сорокина, 2011). Следующий пик противоречий обозначился в процессе формирования РАИМК (1919 г.) и ее московского филиала. Переговоры об этом с представителями МАО и иных учреждений в Москве вел Н. Я. Марр и достиг соглашения, то есть, очевидно, сумел объяснить большей части московской гуманитарной элиты особенности момента и необходимость консолидации.

Официально Московская секция возникла в 1924 г., когда, по определению ее председателя, началось «организованное существование» (Сборник..., 1928. С. 1). Однако она работала и в 1920 г. Положение о ней утверждено Советом РАИМК в марте 1921 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 540. Ед. хр. 18. Л. 3). Это отражало стремление московской научной общественности самоорганизоваться в новых политических условиях, сохранив достижения дореволюционного времени. Следует говорить именно о самоорганизации, поскольку, как будет видно ниже, «большая» петроградская РАИМК не очень-то заботилась о формах и способах существования московского «меньшого брата», что чуть не привело к гибели МС. Председателем секции был избран историк-медиевист Д. Н. Егоров³. Заместителем его стал Ю. В. Готье – историк, археолог – еще одна знаковая фигура в научном мире того времени⁴. Примечательно, что МС возникла не как чисто археологическое учреждение: это было лишь одно из нескольких направлений.

С самого начала устанавливаются контакты секции с Отделом по делам музеев и охране памятников искусства и старины при Наркомпросе⁵, о чем свидетельствует переписка. Так, в сентябре 1920 г. МУЗО послал в МС на заключение документы по реформе Донского археологического института (Ростов-на Дону), которое секция дала и переправила на утверждение в РАИМК, в Петроград (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. хр. 432. Л. 260; ед. хр. 433. Л. 9). В феврале 1921 г. в МС была направлена заявка Самарского общества истории, археологии и этнографии на получение Открытого листа для производства разведок и раскопок по берегам рек Волги и Самары. Речь идет о работах В. В. Гольмстен (*Кузьминых и др.*, 2007. С. 19–24). Отдел музеев просит заключения в двухнедельный срок, причем с присутствием при решении заведующего Археологическим подотделом (далее – АПО) В. А. Городцова (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. хр. 433. Л. 273). Последнее понятно: В. В. Гольмстен не только его ученица в Московском археологическом институте, но и сами эти работы – часть его плана археологических исследований и раскопок в СССР, разработанного в 1919 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. хр. 1075. Л. 11–12). Тогда же в МС обсуждалась заявка Переславль-Залесской уездной секции МУЗО на раскопки в Переславском уезде (ОПИ ГИМ. Ф. 54.

---

³ Член-корреспондент АН СССР. После 1917 г. преподавал в 1-м МГУ (до 1925 г.), работал в Институте истории РАНИОН. На протяжении почти десяти лет, предшествовавших аресту по «академическому делу» (1930 г.), был заместителем директора Всесоюзной библиотеки имени В. И. Ленина.

⁴ Академик АН СССР (1939 г.), также заместитель директора Всесоюзной библиотеки имени В. И. Ленина.

⁵ В документах МУЗО, Музейный отдел, Отдел музеев, в 1922 г. – Главмузей.

Ед. хр. 434. Л. 75). В марте рассматривался вопрос о преобразовании Симбирской архивной комиссии в Симбирское археологическое общество (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. хр. 436. Л. 204). Еще в одном отношении от 09.03.1921 МУЗО просит заключения МС о целесообразности открытия в г. Ростове Великом отделения Археологического института (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. 435. Л. 14).

Все эти примеры свидетельствуют о том, что Отдел музеев ожидал от МС экспертной работы по весьма серьезным вопросам. Причем именно от МС, а не от основного учреждения РАИМК в Петрограде. Показательна также интенсивность общения. Впоследствии руководство петроградской РАИМК предъявит некоторые претензии к МУЗО, суть которых в том, что дела в Наркомпросе решаются в обход Академии. Но формально все правильно: Отдел не обходит РАИМК, так как Московская секция – ее часть – должна бы иметь нужные полномочия для принятия решений и привлекается к обсуждению вопросов, входящих в компетенцию РАИМК по Декрету и Уставу⁶. К тому же МС территориально доступнее, и насущные вопросы могли бы решаться более оперативно. Но в Петрограде, видимо, возникло опасение, что естественным образом все контакты с МУЗО по текущим делам перешли бы в МС, сделав ее самостоятельным учреждением.

Отдел музеев прямо-таки опекает Московскую секцию от внешних натисков. В марте 1921 г. в письме в Хозяйственный отдел НКП МУЗО протестует против вывоза из помещения МС (Малая Никитская, 12) рабочей мебели для передачи в другие учреждения НКП без ведома Отдела (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. хр. 436. Л. 187). Как выяснилось, в порыве хозяйственного рвения прихватили еще и личную мебель членов МС (надо полагать, в условиях разрухи использовались все запасы). Правда, впоследствии у МС отобрали это помещение и пытались ее совсем упразднить.

Как же складывались взаимоотношения МС и петроградской «большой» РАИМК? Сложно. В процессе борьбы за создание РАИМК ощущалась острая необходимость в контакте с московскими силами и их поддержке. После того, как острота вопроса спала, возникли проблемы: нужно было делить скудное денежное содержание, выделяемое Наркомпросом. И тут начинаются трения. Фактически секция влачила жалкое существование за недостатком выделяемых от РАИМК средств. Создается впечатление, что интерес к ней со стороны РАИМК полностью потерян, это большая ошибка руководства Академии. В Москве нужно было иметь представительство РАИМК и нужно было не упускать дружественный контакт с московскими коллегами, поскольку вскоре последовало активное наступление на прерогативы РАИМК со стороны АПО по поводу регламентации полевых исследований и Археологической комиссии при ГУС⁷, разрабатывавшей свои идеи развития археологии. И это не говоря уже об атаке Главполитпросвета на идеологическом фронте против всех достижений культурного строительства первого десятилетия советской власти.

⁶ Декрет СНК об образовании РАИМК принят 18 апреля 1919 г. (Платонова, 2010. С. 223, 224; Фармаковский, 1921). В том же году утвержден и Устав Академии.

⁷ Существовала в 1924–1925 гг. в составе Научной музейно-библиотечной секции ГУС. Председатель – В. А. Городцов.

Так или иначе, взаимоотношения складывались трудно, что отражено в протоколах заседаний Совета РАИМК за 1922–1924 гг. В январе 1922 г. обсуждалось письмо от МС от 23.12.1921 с приложением протоколов заседаний Президиума секции и разных ее подразделений и неким заявлением (текст не приложен). Судя по дискуссии, речь шла о расширении штатов с соответствующим финансированием (ОПИ ГИМ. Ф. 540. Ед. хр. 5. Л. 2–4 об.). Тон заявления признан «неакадемическим», и текст отослан обратно в МС без рассмотрения Советом. Однако вряд ли хорошо известные представители научных кругов Москвы писали «неакадемически». Скорее всего, это был вопль отчаяния (см. выше о напоре хозяйственных органов Наркомпроса). О штатах секции в Петрограде решили думать после утверждения Академическим центром НКП всех штатов РАИМК, но в качестве утешительной меры постановили разъяснить, что ни одна из работающих в составе МС комиссий не уничтожена. Возникает вопрос, а почему у московских ученых вообще могло создаться такое впечатление, если секция – часть РАИМК, работающая в штатном режиме? В феврале 1923 г. на Совете был поставлен вопрос о реорганизации структуры РАИМК (ОПИ ГИМ. Ф. 540. Ед. хр. 5. Л. 6–7 об.). К этому времени МС за неимением финансирования фактически прекратила свою деятельность (ОПИ ГИМ. Ф. 540. Ед. 18. Л. 3), хотя официально расформирована не была.

1924 год стал переломным в развитии московского филиала и сложным для РАИМК. Но именно тогда секция становится полноправным подразделением РАИМК. Причины, как нам представляется, две. В феврале 1923 г. В. А. Городцов как заведующий АПО разрабатывает проект Центрального археологического бюро при Музейном отделе (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 308), согласно которому ряд направлений, определенных Декретом 1919 г. и Уставом РАИМК, оказывается прерогативой Бюро. Это регламентация полевых исследований, планирование экспедиций и контроль над археологическими учреждениями. Проект реализован не был, но представлял явную угрозу для положения РАИМК. Вторая причина: весной-летом 1924 г. был поставлен вопрос о слиянии МС с НИИ археологии и искусствознания при ФОН 1-го МГУ. Поводом послужила идея о выполнении этими учреждениями одинаковых функций, то есть «параллелизме». Инициатором выступил ГУС, была образована «Комиссия по слиянию», заседание которой состоялось 21 июня 1924 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. хр. 1070. Л. 2)⁸. Постановили, что функции совпадают и в Москве нужно только одно учреждение, «объединяющее в себе научно-исследовательскую работу в следующих направлениях: археологии, искусствознания, музееведения, реставрации». Решение абсурдное, потому что на самом деле никакого совпадения не было хотя бы потому, что НИИ ведал образовательным процессом, к которому МС отношения не имела. Стенограммы дискуссии в деле, к сожалению, нет, поэтому нельзя с уверенностью судить о мнениях присутствующих, хотя некоторые выводы сделать можно.

---

⁸ Состав «Комиссии по слиянию»: М. Н. Покровский, Н. И. Троцкая, А. П. Пинкевич, И. Д. Удальцов, В. А. Городцов. Приглашенные: Н. Я. Марр, Б. В. Фармаковский (судя по решению, вряд ли с правом голоса).

Прежде всего, потрясает четко сформулированная позиция Музейного отдела, отраженная в направленной им в Президиум ГУС «Докладной записке» (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. хр. 1070. Л. 3–4). В ней отмечено, что Московская секция была создана сразу после учреждения РАИМК, но не обладала всеми правами Академии (как и финансированием. – *И. С.*). Она фактически перестала существовать в 1922 г. При этом «Отдел по делам музеев все время испытывал чрезвычайные затруднения в своих работах в силу своей физической оторванности от Академии и отсутствия в Москве ученого учреждения, компетентного в кругу вопросов, подлежащих ведению Отдела. В частности, особенно было затруднительно разрешение вопросов, связанных с археологическими раскопками, т. к. на деле обнаруживалась полная невозможность согласовать работу Музейного отдела, выдающего открытые листы на право производства раскопок, и работ АИМК, дающей свои заключения о раскопках на основании права, представленного ей основным Декретом, положившим начало ее существованию. Монопольное право, предоставленное Академии, передавало все вопросы, связанные с раскопками, исключительно в компетенцию ленинградских ученых, что вызвало неоднократные и весьма острые конфликты между московскими археологами и АИМК. Сохранить за АИМК как за высшим археологическим учреждением страны исключительное право на заключение по делам о раскопках Отделу представлялось и представляется совершенно необходимым, т. к. только этот порядок обеспечит правильную археологическую жизнь страны, исключая возможность самовольных и недостаточно хорошо научно обоснованных археологических предприятий. Но в то же самое время Отдел по делам музеев не мог бы не учитывать все неудобства, вытекающие из того, что: а) Академия включает в себя исключительно ленинградских археологов; б) что вокруг археологического подотдела Отдела по делам музеев, возглавляемого В. А. Городцовым, сосредоточены московские археологические силы, никак не связанные с АИМК».

В сущности, опять ставился вопрос о консолидации научных сил, причем со стороны административного органа, явно заинтересованного в едином фронте. Причина видится в том, что обозначились первые признаки наступления государственной идеологии на учреждения культуры и саму область ее развития. Уже состоялся первый выпуск Института красной профессуры в Москве, который стал претендовать на контроль за подготовкой научных кадров. Появились и первые свидетельства попыток Главполитпросвета подмять под себя «музейное строительство». Проблемы требовали быстрого и, главное, компетентного реагирования со стороны Отдела, так что привлечение максимально большего количества специалистов было необходимо. Как явствует из «Докладной записки», Отдел хотел бы возобновить работу МС на новых основаниях, «вполне учитывающих: 1) наличие московских ученых, работающих в круге компетенции Академии; 2) необходимую связь с Отделом по делам музеев, ведающим: а) археологическими раскопками (...). Уничтожение секции в Москве: 1) окончательно нарушит ясность в вопросах, связанных с раскопками; 2) сделает необходимым кардинальный пересмотр вопроса о правах и обязанностях Отдела и Академии; 3) лишит возможности Отдел опираться в целом ряде вопросов на организованный научный авторитет московских ученых». Возникает вопрос об авторстве этого документа. Это письмо от МУЗО, вероятно, должно было

готовиться в АПО. Соответственно, заведующий АПО В. А. Городцов должен был выступать не против МС, а за ее сохранение. С другой стороны, каким-то образом дело о «параллелизме» было инициировано в ГУС. Возможно, оно возникло по представлению Археологической комиссии, входящей в Научную музейно-библиотечную секцию ГУС, которой руководил он же. Сам же Городцов как раз в 1924 г. сложил с себя обязанности члена МС.

Числа в «Докладной записке» МУЗО нет, но очевидно, что этот документ появился в начале 1924 г., когда возникла угроза, и оказал влияние на позицию «большой» РАИМК в отношении МС. По поводу возобновления ее работы Н. И. Троцкая неоднократно контактировала с Н. Я. Марром. В результате по его ходатайству перед НКП в феврале 1924 г. в помещении ГИМ произошло восстановление секции «как органической части Академии». Причиной возобновления МС названа необходимость иметь в Москве «достаточно компетентное учреждение не только научное, но и консультативное для центральных ведомств по надобности». Таким образом, определились направления работы МС (ОПИ ГИМ. Ф. 540. Ед. хр. 18. Л. 3).

Сама секция яростно сопротивлялась угрозе ликвидации и отстаивала пользу своего существования. Известна «Докладная Записка Московской секции РАИМК» от 16.07.1924, адресованная Н. И. Троцкой (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. хр. 1070. Л. 7–8). Председатель Д. Н. Егоров никакого «параллелизма» не видит. РАИМК (и в составе ее МС) существует «для всестороннего объединения научно обеспеченного планового строительства музейного дела в его целом». НИИ археологии и искусствознания – как одно из звеньев в цепи исследовательских институтов, ведающих «учено-учебной работой в определенной области». Также указано, что РАИМК – первая по времени создания (1919 г.), а если потом и возникали новые иные учреждения, они мельче и ищут координации с РАИМК. «Все процессы научного обобществления материальной старины» сосредоточены в РАИМК: от поиска материала до его экспозиции; РАИМК – координатор научных дисциплин, лиц и учреждений. «Ни этнология, ни этническая антропология, ни музейная методология не представлены и не могут быть представлены» в узко специальных учреждениях, каковым является НИИ археологии и искусствознания. Подведены итоги деятельности МС за три с половиной месяца (с возрождения в начале 1924 г.), проведено 19 заседаний, рассмотрен проект Инструкции Наркомпроса по учету и охране памятников искусства, старины, быта и природы, дано 16 отзывов на заявки на получение ОЛ и т. д. И все это – работа 2-х штатных единиц («административной и технической») и московской научной общественности, не получавшей за этот труд никакой зарплаты. Следует основной вывод: «Научно-консультативная работа Академии и специально ее Московской секции, находящейся в постоянной координации с центральными ведомствами, не подвержена никаким параллелизмам с работой других учреждений, так как именно отсутствие такового сосредоточения всесторонней ученой экспертизы для нужд государства и создало Академию, а центральное положение Москвы создало необходимость ее Московской секции». Интересна выбранная Д. Н. Егоровым линия защиты. Он обосновывает полезность РАИМК в целом и, исходя из этого, необходимость существования московского филиала.

Тогда же, в июле 1924 г., последовали обращения в Главнауку из ГИМ, Центрального бюро краеведения, Научной ассоциации востоковедов – учреждений, вставших на защиту МС. В письме ЦБК отмечено, что РАИМК и ее Московская секция установили плодотворный контакт с краеведческими обществами. «...Благодаря Академии в широкие массы проникли основательные представления о научной ценности археологических памятников, о бережном отношении к ним и, особенно, о недопустимости раскопок людьми неквалифицированными». Поэтому еще в 1921 г. Первая краеведческая конференция обратилась с призывом ко всем краеведам Союза руководствоваться научными указаниями Академии (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. хр. 1070. Л. 9–9 об.).

Теперь положение секции изменилось. Из Ленинграда с апреля 1924 г. регулярно поступали выписки из журналов заседаний Правления и Совета РАИМК и Комиссии по раскопкам. Протоколом заседания Совета РАИМК от 17.03.1924 (ОПИ ГИМ. Ф. 540. Ед. хр. 5. Л. 8–9 об.) зафиксировано, что Д. Н. Егоров избран ученым сотрудником (но не членом! – *И. С.*) РАИМК единогласно. И это только в 1924 г., когда в НКП уже был поставлен вопрос о фактической ликвидации МС! В конце марта Совет РАИМК постановил просить Главнауку увеличить финансирование Академии в связи с необходимостью выделять средства для работы МС (ОПИ ГИМ. Ф. 540. Ед. хр. 8. Л. 3–3 об.). В начале 1925 г. Д. Н. Егоров делал на заседании Совета отчетный доклад. Деятельность МС была оценена высоко (ОПИ ГИМ. Ф. 540. Ед. хр. 9. Л. 1–1 об.). МС сотрудничала и с Главнаукой⁹, от которой в марте 1926 г. впервые за всю историю взаимоотношений последовало приглашение для ученого секретаря МС участвовать в Методическом Совещании при Главнауке (ОПИ ГИМ. Ф. 540. Ед. хр. 10. Л. 16–16 об.).

Итак, Московскую секцию удалось общими усилиями отстоять. Представляется, что главную роль в этом сыграла позиция МУЗО. Перед лицом опасности руководство «большой» РАИМК осознало не только необходимость сохранения московской организации, но и придания ей значительных полномочий. Это было отражено в «Положении о Московской секции РАИМК», утвержденном Советом РАИМК в апреле 1924 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 540. Ед. хр. 5. Л. 4–5 об.; ед. хр. 17. Л. 2–2 об.). Определилась и четкая структура. В составе МС образовывались пять комиссий: археологическая, этнологическая, по истории быта, по истории искусства, музейная, а также Научно-техническая лаборатория по изучению древних тканей. Наиболее результативной и организованной была работа Комиссии по археологии (на конец 1927 г. – 22 члена, 4 сотрудника; 61 заседание с 1924 по 1927 г.) (Сборник, 1928. С. 6–11). На ее заседаниях с привлечением ведущих как московских и иногородних специалистов, так и членов «большой» ГАИМК (А. А. Спицын, А. А. Миллер, В. К. Шилейко, Л. А. Богаевский и др.) рассмотрены результаты наиболее значимых полевых работ, а также заслушаны и обсуждены доклады теоретического характера. Секцией руководил Президиум, избранный ее Пленумом. Также президиумы стояли во главе комиссий. В совокупности все эти президиумы образовывали Совет МС. В секциях состояли их

⁹ Главное управление научными, музейными, учебными и научно-художественными учреждениями Народного комиссариата просвещения РСФСР, которому после очередной реорганизации НКП в 1922 г. был подчинен Отдел музеев.

члены (список утверждался в Ленинграде) и сотрудники. Особенно интересен последний пункт «Положения»: члены МС и «большой» РАИМК имеют право участвовать в заседаниях обеих частей, прибывая из Москвы в Ленинград и наоборот. «Подробности взаимоотношений РАИМК и МС в ведении научных дел нормируются инструкциями, вырабатываемыми Академией и ее Московской частью». МС даже получила право на создание новых научных учреждений и управление ими. Таким образом, была заложена основа превращения Московской секции в крупное научное учреждение.

Первый личный состав МС был утвержден Советом РАИМК одновременно с «Положением». Руководили секцией Д. Н. Егоров (председатель) и Н. Д. Бакланов (ученый секретарь). Кандидатура председателя была одобрена на самом высоком уровне – А. В. Луначарским, М. Н. Покровским, Ф. Н. Петровым (руководителем Главнауки), Н. И. Троцкой. Она также полностью устраивала московскую научную общественность (ОПИ ГИМ. Ф. 540. Ед. хр. 18. Л. 3). Но впоследствии и МС не миновали «чистки».

Еще раз вопрос о судьбе Московской секции вызвал острую дискуссию в начале 1929 г. в связи с предстоящей печально известной реорганизацией и «чисткой» ГАИМК. Тогда под угрозой оказалась и Академия наук (*Платонова*, 2010. С. 230–231), и РАНИОН. Опять возник разговор о слиянии с НИИ археологии и искусствоведения. На заседании Производственного Совещания ГАИМК, посвященного МС, 12 февраля 1929 г. состоялся отчетный доклад Д. Н. Егорова. После этого началось обсуждение, что делать с секцией: сливать с НИИ (перетянув его из РАНИОН в ГАИМК) или оставить и разделить организации по выполняемым задачам (ОПИ ГИМ. Ф. 540. Ед. хр. 19. Л. 1–2)? Н. Я. Марр (отметивший, кстати, игнорирование яфетической теории в МС) поставил вопрос: что, собственно, представляет собой МС – «исследовательское общество» или научно-исследовательское учреждение? Разница понятна. МС была достаточно самостоятельна и по стилю работы (отсутствию жестких планов и исследовательских тем) воспринималась как свободное сообщество ученых, нечто вроде МАО.

Вместе с тем МС все время своего существования действительно работала практически на общественных началах, в чем виновата же была «большая» ГАИМК, денег не выделявшая. Полный оклад получали только 4 члена, остальные – лишь небольшие пособия. При этом к 1929 г. в МС состояло 9 членов и 136 сотрудников¹⁰ – аппарат полноценного научно-исследовательского института. Сделанное на том же Совещании замечание Н. Я. Марра о том, что изначально МС организовывалась под «добровольный труд», выглядит весьма цинично. И чего можно было требовать в таких условиях? Руководство ГАИМК полагало, что МС не удастся превратить в научное учреждение – слишком сильна традиция «общественности». Но в то же время обсуждались и перспективы расширения функций Академии, если она выйдет из подчинения РАНИОН и приобретет статус учреждения всесоюзного масштаба

---

¹⁰ Подавляющее большинство работало в секции на общественных началах, основное место работы было иным. Сотрудничали также и несколько членов-корреспондентов из других городов.

(что и произошло в 1930-е гг. в связи с началом крупных новостроечных экспедиций). Тогда МС, безусловно, будет нужна. Еще лучше, по мысли Н. Я. Марра, было бы объединить МС, НИИ археологии и искусствознания и Объединение доисториков Антропологического общества МГУ и подчинить это новое образование Академии. В результате в Протоколе Совещания работа Секции была признана успешной, но указано, что для будущих работ секции необходима «теснейшая увязка с работами Академии», в частности с Раскопчной комиссией.

Целью реорганизации гуманитарной науки в конце 1920-х гг., безусловно, было желание государства сократить расходы, в связи с чем опять возник вопрос о «параллелизме» теперь уже всех центральных учреждений археологического профиля (Там же. С. 234). Московская секция готовилась к реорганизации в составе Академии. В ответ на запрос в ГАИМК о судьбе секции (финансирование по-прежнему отсутствовало) последовал ответ за подписью Н. Я. Марра, согласно которому в связи с реорганизацией ГАИМК по Постановлению президиума РАНИОН от 23.04.1929 МС прекращает работу, а далее Президиум ГАИМК решит, как будет организован филиал в Москве (ОПИ ГИМ. Ф. 540. Ед. хр. 20. Л. 6). 20 ноября 1929 г. Д. Н. Егоров был освобожден от должности в числе прочих членов и сотрудников ГАИМК и МС. Он был арестован в августе 1930 г. по «академическому делу», включен следствием в «московскую группу заговорщиков», в августе 1931 г. приговорен к 5-летней ссылке в Ташкент, где скончался в том же году. В 1930 г. были арестованы видные члены бывшей МС: Ю. В. Готье, А. А. Захаров, Б. С. Жуков, Б. А. Куфтин, А. С. Башкиров, И. Н. Бороздин и пр. Репрессии пережили не все.

Новый московский филиал ГАИМК был открыт в марте 1932 г. постановлением Сектора науки Наркомпроса (бывшая Главнаука) на базе сектора археологии Государственной академии искусствознания (ГАИС), образованной в 1931 г. вместо ряда ликвидированных институтов, в том числе НИИ археологии и искусствознания (*Мишулин*, 1932. С. 72; *Формозов*, 2004. С. 53). Работа сектора археологии ГАИС подверглась резкой критике функционерами Коммунистической академии, в которую влились реорганизованные институты РАНИОН, в том числе ГАИС. В то же время ГАИМК, благодаря активному внедрению марксистской идеологии, оказалась в числе учреждений – лидеров гуманитарной науки, а поскольку в Москве также был необходим центр марксистской археологии, организация здесь филиала ГАИМК была естественной мерой. При этом «основное ядро работников (прежде всего руководителей секторов) МОГАИМК получало от Комакадемии» (*Мишулин*, 1932. С. 73, 74). Таким образом, в Москве начало работу уже не «общество» с непонятными функциями и неопределенной программой действий, а научное подразделение ГАИМК. Сменился состав, исчезла самостоятельность, зато появилось финансирование.

Подводя итоги, отметим следующее. С 1920 г. в Москве под эгидой Академии истории материальной культуры существовала организация, объединившая в своих рядах лучшие силы московских археологов, этнологов, историков, искусствоведов, музееведов, работавших в разных московских учреждениях. Численность (за счет внештатных сотрудников) этой организации позволяет

считать ее крупным научно-исследовательским центром. Судя по протоколам заседаний МС за 1924–1928 гг. (ОПИ ГИМ. Ф. 540. Ед. хр. 88–92), выполнена огромная научно-исследовательская работа по разным направлениям как археологии, так и других близких наук. Московская секция работала в тесном контакте с Музейным отделом Наркомпроса как в методических аспектах (рассмотрение инструктивных документов), так и в консультативных (многочисленные заключения по заявкам на выдачу Открытых листов и иным вопросам). Не имея собственных средств на проведение полевых исследований, МС «работала над материалами, добытыми на средства ряда аналогичных учреждений (...) внося, таким образом, свою долю в дело кооперированного исследования археологического и этнологического материала» (ОПИ ГИМ. Ф. 540. Ед. хр. 92. Л. 47). Московская секция отчаянно пыталась выжить в непростых условиях того времени и существовала скорее благодаря поддержке МУЗО, нежели РАИМК-ГАИМК. Деятельность МС в силу как отсутствия самостоятельного финансирования, так и исходя из менталитета работавших в ней ученых, была организована скорее по принципу научного общества, а не научно-исследовательского учреждения. В условиях жесткого идеологического давления со стороны государства она не вписывалась в новые структуры и уступила место МОГАИМК, полностью подчиненной реорганизованной Академии.

ЛИТЕРАТУРА

- Институт..., 2000. Институт археологии: история и современность / Отв. ред. В. И. Гуляев. М.: ИА РАН. 271 с.
- Кузьминых С. В., Сафонов И. Е., Сташенков Д. А., 2007. Вера Владимировна Гольмстен. Самара: Офорт. 167 с.
- Мишулин А. В., 1932. К открытию отделения ГАИМК в Москве // СГАИМК. № 3–4. С. 72–74.
- Платонова Н. И., 2010. История археологической мысли в России. СПб.: Нестор-история. 314 с.
- Сборник..., 1928. Сборник Московской секции ГАИМК к 10-летию Октября. М.: Изд-во МС ГАИМК. I. 63 с.
- Сорокина И. А., 2011. Регламентация полевых исследований в России и представления о ней государства, ученых и общественности во второй половине XIX и начале XX веков // Российский археологический ежегодник. СПб.: Издательский дом СПбГУ. № 1. 2011. С. 452–471.
- Сорокина И. А., 2014. Организация российской полевой археологии в первые годы после двух революций (1917–1920 гг.) // Российский археологический ежегодник. СПб.: Университетский издательский консорциум. 2014. С. 499–514.
- Тихонов И. Л., 2008. Императорская археологическая комиссия (1859–1918 гг.). К 150-летию создания // Из истории отечественной археологии. Воронеж: Изд-во ВГУ. Вып. 1. С. 13–65.
- Фармаковский Б. В., 1921. К истории учреждения Российской академии истории материальной культуры. Отдельный оттиск. Пг. 10 с.
- Формозов А. А., 2004. Русские археологи в период тоталитаризма. М.: Знак. 316 с.

Сведения об авторе

Сорокина Ирина Анатольевна,
Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия,
e-mail: iasorokina@yandex.ru

I. A. Sorokina

The Moscow Unit of the Academy for History of Material Culture

Abstract. The Moscow Unit of the Academy for History of Material Culture was active in Moscow in the period from 1920 to 1929. The best Moscow archaeologists, ethnologists, historians, art historians, museologists working in various Moscow institutions were members of the Moscow Unit. It was the first branch of the Academy in Moscow. Its activities can be examined only on the basis of archival documents. Because of its membership, it can be recognized as a large scientific and research center. The Unit conducted a huge amount of research in various areas of archaeology and related knowledge areas. Working in a close contact with the Department on Museums and Protection of Art and Antiquities in the People's Commissariat for Education, the Moscow Unit tried to survive in difficult conditions of the period and was supported by the Department rather than its parent institution, i. e. the Academy. In the conditions of unrelenting pressure of the government it did not fit in the new institutional framework and was replaced by the Moscow Unit of the State Academy for History of Material Culture, i. e. the second branch that was fully accountable to the Academy. It lost its independence but received permanent financing.

Keywords: Academy for History of Material Culture, Moscow Unit; Department on Museums and Protection of Art and Antiquities in the People's Commissariat for Education; People's Commissariat for Education; Archaeological subunit, archival documents.

REFERENCES

- Farmakovskiy B. V., 1921. K istorii uchrezhdeniya Rossiyskoy akademii istorii material'noy kul'tury. Otdel'nyy ottisk [On the history of foundation of Russian Academy for the History of Material Culture. Offprint]. Petrograd. 10 p.
- Formozov A. A., 2004. Russkie arkhelogi v period totalitarizma [Russian archaeologists in totalitarian period]. Moscow: Znak. 316 p.
- Institut..., 2000 – Institut arkhologii: istoriya i sovremennost' [Institute of Archaeology: history and the present]. V. I. Gulyaev, ed. Moscow: IA RAN. 271 p.
- Kuz'minykh S. V., Safonov I. E., Stashenkov D. A., 2007. Vera Vladimirovna Gol'msten [Vera Vladimirovna Gol'msten]. Samara: Ofort. 167 p.
- Mishulin A. V., 1932. K otkrytiyu otdeleniya GAIMK v Moskve [Toward inauguration of GAIMK Department in Moscow]. *Soobshcheniya Gosudarstvennoy akademii istorii material'noy kul'tury [Bulletin of State Academy for the History of Material Culture]*, 3–4, pp. 72–74.
- Platonova N. I., 2010. Istoriya arkhelogicheskoy mysli v Rossii [History of archaeological thought in Russia]. St. Petersburg: Nestor-istoriya. 314 p.
- Sbornik..., 1928 – Sbornik Moskovskoy sektiis Gosudarstvennoy akademii istorii material'noy kul'tury k 10-letiyu Oktyabrya [Assembled articles of Moscow section of State Academy for the History of Material Culture toward 10th anniversary of October], I. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskoy sektiis GAIMK. 63 p.
- Sorokina I. A., 2011. Reglamentatsiya polevykh issledovaniy v Rossii i predstavleniya o ney gosudarstva, uchenykh i obshchestvennosti vo vtoroy polovine XIX i nachale XX vekov [Regulation of field investigations in Russia and ideas on the point of the state, scientists and the public in second half of XIX and beginning of XX centuries]. *Rossiyskiy arkhelogicheskiy ezhegodnik [Russian archaeological annual]*, 1. St. Petersburg: Izdatel'skiy dom Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 452–471.
- Sorokina I. A., 2014. Organizatsiya rossiyskoy polevoy arkhologii v pervye gody posle dvukh revolyutsiy (1917–1920 gg.) [Organization of Russian field archaeology in the first years after

two revolutions (1917–1920)]. *Rossiyskiy arkeologicheskiy ezhegodnik [Russian archaeological annual]*. St. Petersburg: Universitetskiy izdatel'skiy konsortsiy, pp. 499–514.

Tikhonov I. L., 2008. Imperatorskaya arkeologicheskaya komissiya (1859–1918 gg.). K 150-letiyu sozdaniya [Imperial archaeological commission (1859–1918). Toward 150th anniversary of foundation]. *Iz istorii otechestvennoy arkeologii [From the history of national archaeology]*, 1. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 13–65.

About the author

Sorokina Irina A.,
Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow,
117036, Russian Federation,
e-mail: iasorokina@yandex.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИППЗ – Археология и история Пскова и Псковской земли. М., Псков
АН СССР – Академия наук СССР
АО – Археологические открытия. М.
АП – Археология Подмосковья. М.: ИА РАН
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ – Государственный Исторический музей
ДБ – Древности Боспора: международный ежегодник по истории, археологии, эпиграфике, нумизматике и филологии Боспора Киммерийского. М.: ИА РАН
ИА НАНУ – Институт археологии Национальной академии наук Украины
ИА РАН – Институт археологии РАН
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
КСИА – Краткие сообщения института археологии. М.
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры (1939–1960). М.; Л.
МГУ – Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
НИИЯЛИ – Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры
ПГОИАХМЗ – Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
РА – Российская археология. М.
РАН – Российская академия наук
РСМ – Раннеславянский мир. М.
СА – Советская археология (1957–1992). М.
САИ – Археология СССР. Свод археологических источников. М.; Л.
ТАС – Тверской археологический сборник
УрО РАН – Уральское Отделение РАН
- AIPPZ – Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoy zemli [Archaeology and history of Pskov and Pskov land]. Moscow, Pskov
AF – Ausgrabungen und Funde
AN SSSR – Akademiya nauk SSSR [Academy of Sciences of the USSR]
AO – Arkheologicheskiye otkrytiya [Archaeological discoveries]. Moscow
AP – Arkheologiya Podmoskov'ya [Archaeology of Moscow region]. A. V. Engovatova, ed. Moscow: IA RAN
BUFMV – Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte Mecklenburg-Vorpommerns
DB – Drevnosti Bospora: mezhdunarodny yezhegodnik po istorii, arkheologii, epigrafike, numizmatike i filologii Bospora Kimmeriyskogo [Antiquities of Bosporus: International annual on history, archaeology, epigraphy, numismatics and philology of Bosporus Cimmerian]. Moscow: IA RAN
IA NANU – Institut arkheologii Natsional'noy akademii nauk Ukrainy [Institute of Archaeology National Academy of Sciences of Ukraine]
IA RAN – Institut arkheologii RAN [Institute of Archaeology RAS]
IAET SO RAN – Institut arkheologii i etnografii Sibirskogo otdeleniya RAN [Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of RAS]
IIMK RAN – Institut istorii material'noy kul'tury RAN [Institute for the History of Material Culture RAS]

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- GAIMK – Gosudarstvennaya akademiya istorii material'noy kul'tury [State Academy for the History of Material Culture]
- GIM – Gosudarstvennyy Istoricheskiy muzey [State Historic Museum]. Moscow
- KSIA – Kratkiye soobshcheniya instituta arkheologii [Brief communications of Institute of Archaeology]. Moscow
- KSIIMK – Kratkiye soobshcheniya Instituta Istorii Materialnoy Kultury [Brief communications of Institute for Material Culture]. Moscow; Leningrad
- MGU – Moskovskiy gosudarstvennyy universitet im. Lomonosova [Lomonosov Moscow State university]
- MIA – Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and investigations on archaeology of the USSR]. Moscow; Leningrad
- NIYaLI – Nauchno-issledovatel'skiy institut yazyka, literatury i istorii [Scientific-research institute of language, literature and history]
- IYaLI – Institut yazyka, literatury i istorii [Institute of language, literature and history]
- PGOIAKhMZ – Pskovskiy gosudarstvennyy ob"edinennyi istoriko-arkhitekturnyy i khudozhestvennyy muzey-zapovednik [Pskov united state historical-architectural and fine arts museum-resort]
- PIFK – Problemy istorii, filologii, kultury [Problems of History, Philology, Culture]
- RA – Rossiyskaya arkheologiya [Russian Archaeology]. Moscow
- RAN [RAS] – Rossiyskaya akademiya nauk [Russian Academy of Sciences]
- RGA – Reallexikon der Germanischen Altertumskunde
- RSM – Rannelslavianskiy mir [Early Slavic world]. Moscow
- SA – Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]. Moscow
- SAI – Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov. Moscow [Archaeology of the USSR. Corpus of archaeological sources]
- SSAO – Studien zur Siedlungsgeschichte und Archäologie der Ostseegebiete
- SSVF – Schriften der Sektion für Vor- und Frühgeschichte
- SUF – Schriften zur Ur- und Frühgeschichte
- UrO RAN – Ural'skoe otdelenie Rossiyskoy akademii nauk [Uralian Branch of Russian Academy of Sciences]
- TAS – Tverskoy arkheologichesky sbornik [Tver' archaeological transactions]

ОТ РЕДАКЦИИ

КРАТКИЕ ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Материалы, направляемые для публикации в издание «Краткие сообщения Института археологии», должны быть оформлены по следующим правилам:

1. Содержание рукописи должно соответствовать тематике сборника.
2. Рукопись подается в формате Microsoft Word и в виде распечатки.
3. Материалы должны состоять из а) основного текста, б) списка литературы, в) подрисовочных подписей, г) резюме и ключевых слов, д) списка сокращений, е) таблиц, ж) иллюстраций, з) сведений об авторе/авторах.
4. Общий объем рукописи (п. 3, а–е) – не свыше 0,8 печатного листа (32 тыс. знаков с пробелами) и 3 иллюстраций.
5. Статья должна быть напечатана шрифтом кегля 14 через 1,5 интервала.
6. Нестандартные буквы и знаки в тексте должны быть вписаны от руки в распечатку.

7. Иллюстрации представляются в электронном виде, в отдельных файлах формата TIF (**не вставлять в текст**) и нумеруются в соответствии с порядком ссылок на них в тексте. Необходимо избегать чрезмерного уменьшения изображений, поскольку размер иллюстраций в печатном виде составляет 13 × 19 см.

В подрисовочной подписи кратко расшифровываются все условные обозначения. Черно-белые иллюстрации сканируются в режиме «градации серого», масштаб 1:1; фотографии – с разрешением не ниже 300 dpi, штриховые рисунки – не ниже 600 dpi.

8. Таблицы (цифровые и текстовые) представляются в отдельных файлах (**не вставлять в текст**) и нумеруются в соответствии с порядком ссылок на них в тексте.

9. Список литературы дается в алфавитном порядке. Он состоит из двух частей: а) издания на кириллице, б) на латинице. Например:

Седов В. В., 1979а. Происхождение и ранняя история славян. М.: Наука. 158 с.

Леонтьев А. Е., 2012. На берегах озер Неро и Плещеево // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера. С. 162–177.

Lloyd S., Mellaart J., 1962. Beycesultan. Vol. I: The Late Chalcolithic and Early Bronze Age levels. London: British Institute of Archaeology at Ankara. 296 p.

10. Представляются ключевые слова (до 10) и русский текст резюме (0,5 страницы).

Более подробно см. на сайте издания ksia.iaran.ru.

Материалы направляются на электронный адрес редакции ksia@iaran.ru.

Статьи, оформленные без соблюдения указанных правил, к рассмотрению не принимаются.

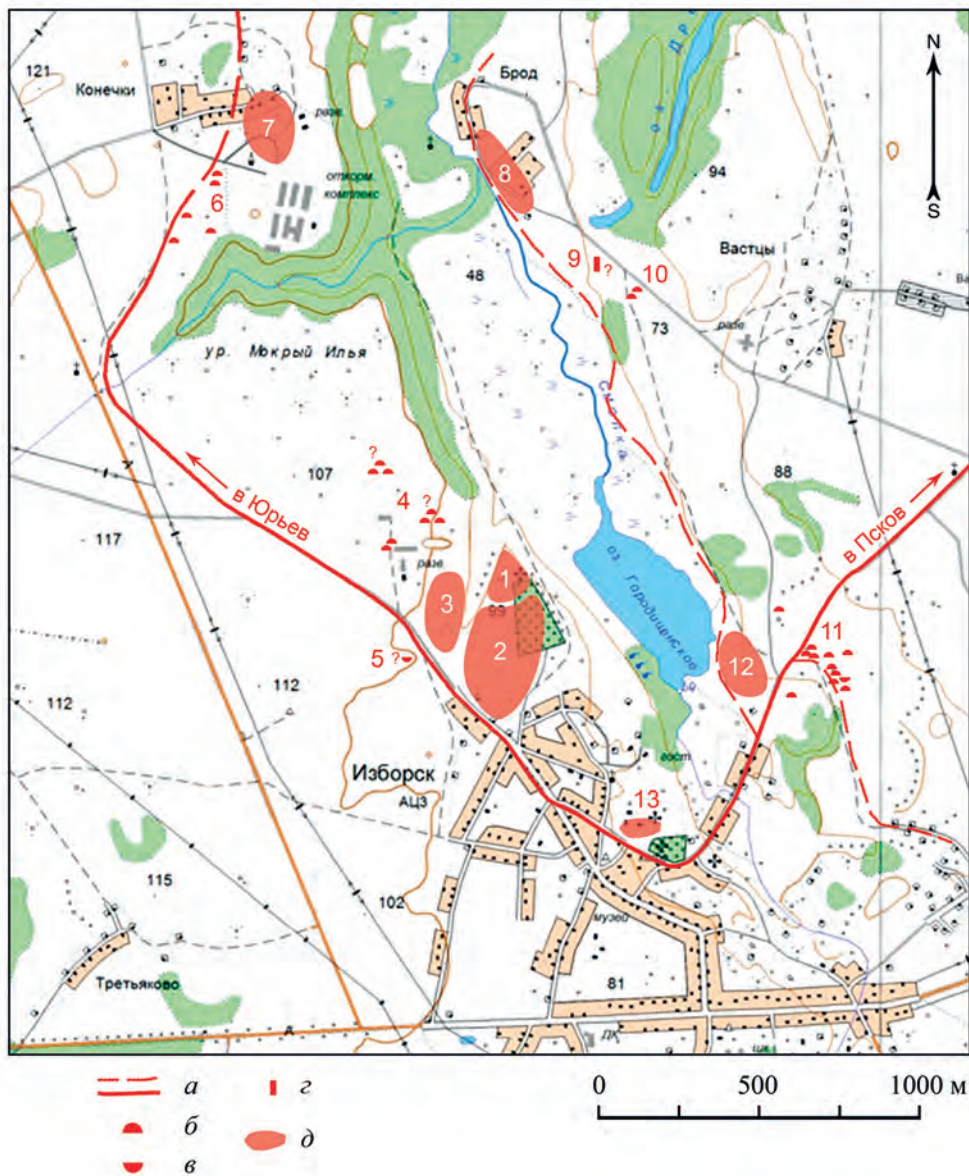

Рис. 1. Труворово городище и синхронные ему памятники.

Условные обозначения: а – дороги; б – курганы; в – грунтовые могильники; z – каменное изваяние; д – поселения

1 – Труворово городище; 2, 3 – посады города; 4 – могильник на Словенском поле; 5 – могильник на Чудском поле; 6 – могильник Конечки; 7 – селище Конечки; 8 – селище Брод; 9 – место находки изваяния; 10 – могильник Брод; 11 – могильник Усть-Смолка; 12 – селище Усть-Смолка; 13 – первоначальное поселение на Жеравьей горе

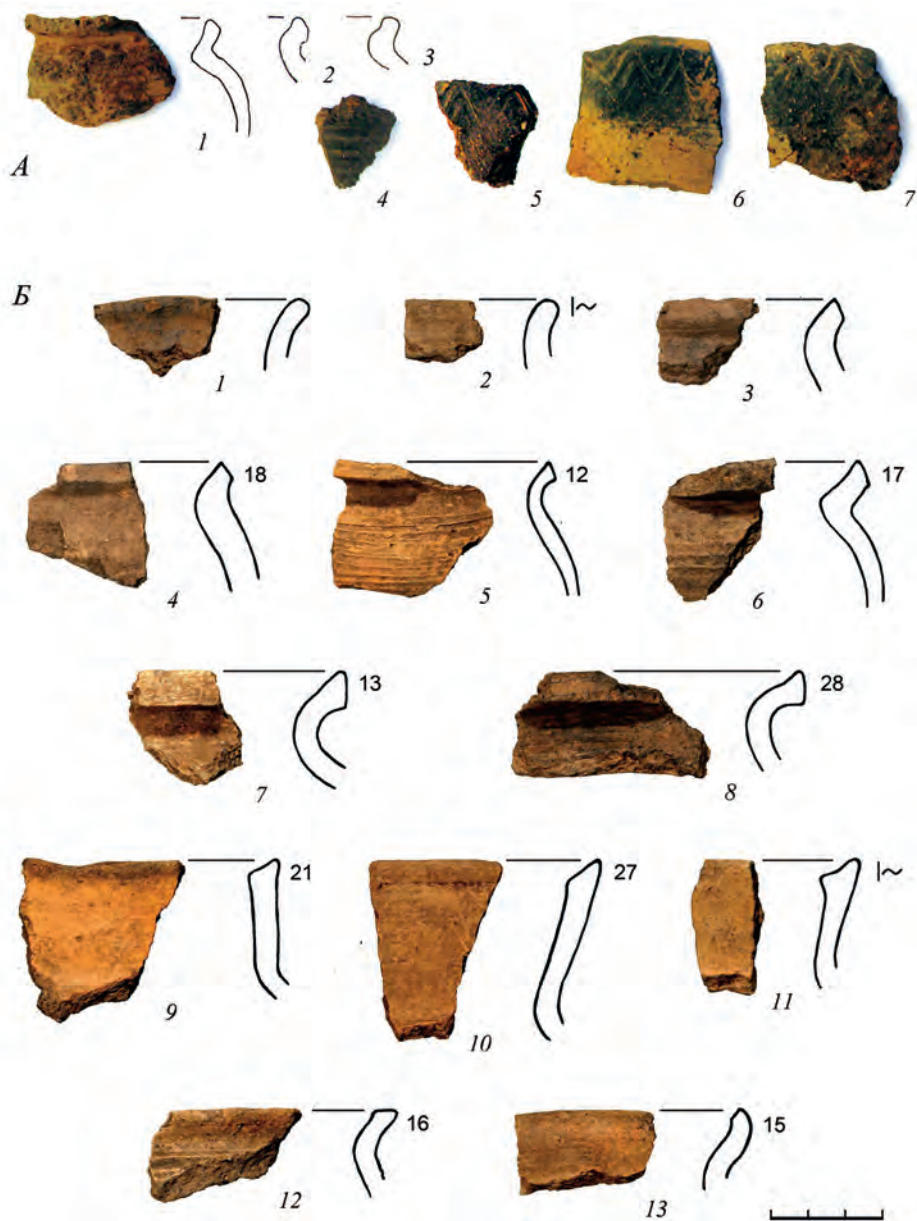
(к с. 48)

Рис. 4. Могильник Усть-Смолка. Инвентарь из погребения 7

1 – обоймицы головного венца; 2 – спиральки головного венца; 3–4 – спиралеконечные височные кольца; 5 – сомкнутоконечное кольцо с заостренными концами; 6–7 – сомкнутоконечные кольца с заостренным и обрубленным концами; 8 – подвеска-дирхем; 9 – «усатый» перстень; 10 – крестопорезной бубенчик с орнаментом; 11 – шиферное пряслице; 12 – пластина с отверстием; 13 – цепочка; 14 – витой двухпроволочный браслет с завязанными концами; 15 – гвоздь; 16 – нож; 17 – неопределенный предмет; 18–30 – бусы и бисер; 31, 32 – колечки

1, 3, 4, 8, 9 – серебро (?); 5–7, 10, 12–14, 31, 32 – бронза; 11 – шифер; 15–17 – железо; 18–30 – стекло

Рис. 5. Керамика

А – фрагменты сосуда из погребения 7 могильника Усть-Смолка; *Б* – селище Брод. У края венчика указан диаметр в сантиметрах или знак неуверенной установки относительно вертикали

Рис. 5. Коридор Никольского захоба на уровне материка. Внутренний фасад наружной стены. Вид с северо-востока

(к с. 67)

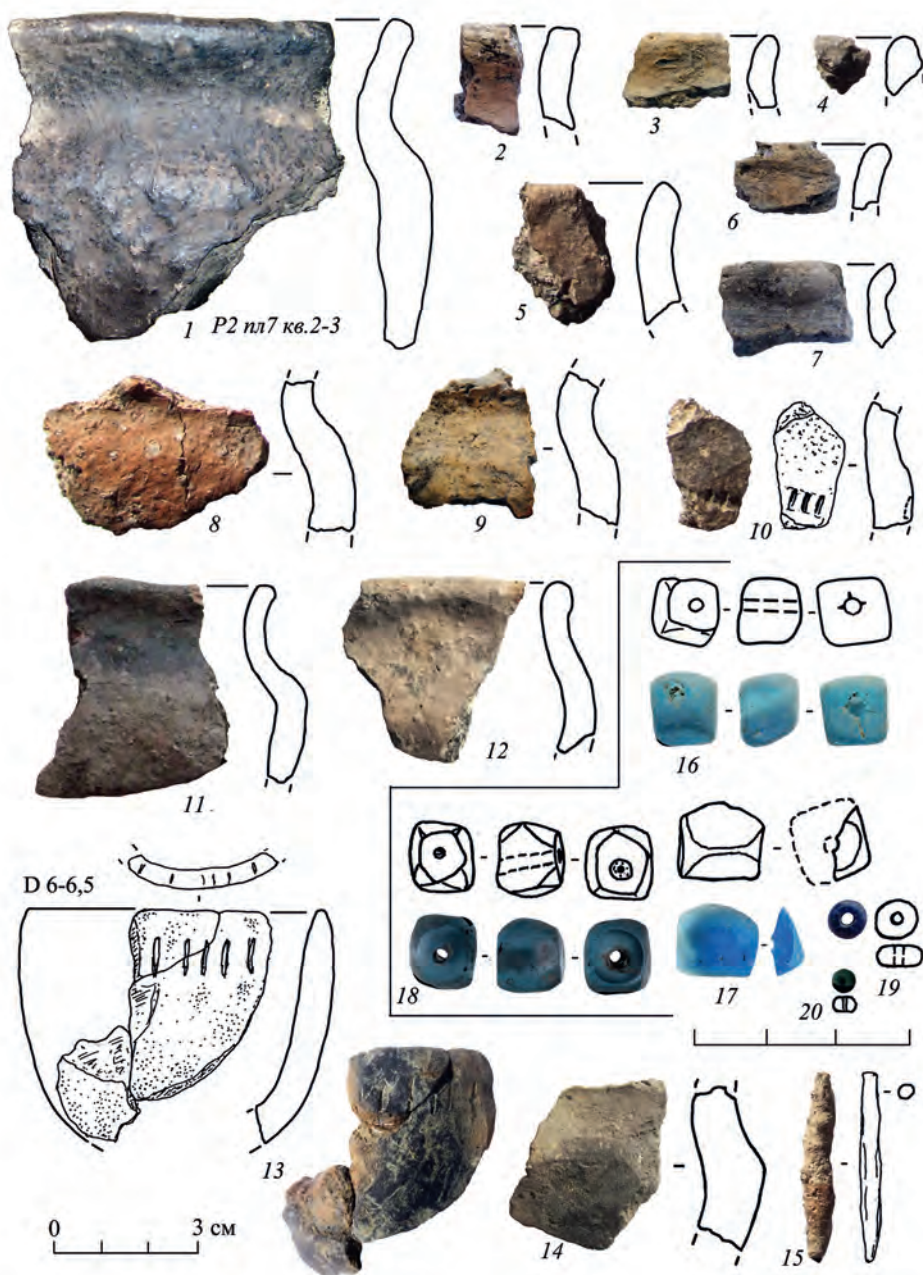
Рис. 8. Линза строительства башни Темной и наружной стены Никольского захоба. Второй строительный период. Вид с юга

Рис. 1. План Соборной горы Смоленска с археологическими раскопами

А – раскопы; Б – раскопы, где была встречена лепная керамика IX–X вв.; В – крепостная стена Федора Коня

Наименования раскопов, в скобках – авторы и годы раскопок: 1 – Согор 1 (Авдусин 1951); 2 – Согор 2 (Авдусин 1951); 3 – Согор 13 (Авдусин 1974); 4 – Согор 10 (Авдусин 1966); 5 – бесстолпный храм (Воронин 1965); 6 – Согор 12 (Авдусин 1974); 7 – Согор 17 (Сапожников 1983–1985); 8 – Соб. гор., 13 (Авдусин 1966); 9 – Согор 14 (Авдусин 1974); 10 – Усп. собор (Воронин 1965); 11 – «Терем» (Воронин 1965); 12 – Ус-8 (Авдусин 1964), Ус-9 (Авдусин 1966–1969), Ус-11 (Авдусин, Асташова 1971–1976); 13 – Металлистов 6–10 (Сапожников 1992); 14 – Металлистов 6–10 (Сапожников 1993); 15 – Металлистов 8 (Нигматуллин 1999); 16 – Металлистов 14 (Олейников 2005); 17 – М. Школьная 6 (Асмолкова 2012); 18 – М. Школьная 5 (Ершов 2014); 19 – М. Школьная 7а (Ершов 2014); 20 – М. Школьная 20 (Кренке 2015); 21 – М. Школьная 2 (Сапожников, Ершов 1989, 2014); 22 – колокольня (Хозеров, Лявданский 1925, нанесен условно); 23 – электростанция (Неклюдов, Писарев 1900); 24 – (Гараничев, 1994); 25 – (Гараничев, 1994); 26 – Металлистов 16 (Модестов 1999); 27 – Металлистов 3 (Модестов 2002)

Рис. 2. Смоленск. Находки IX-X вв. из шурфов на Соборной горе

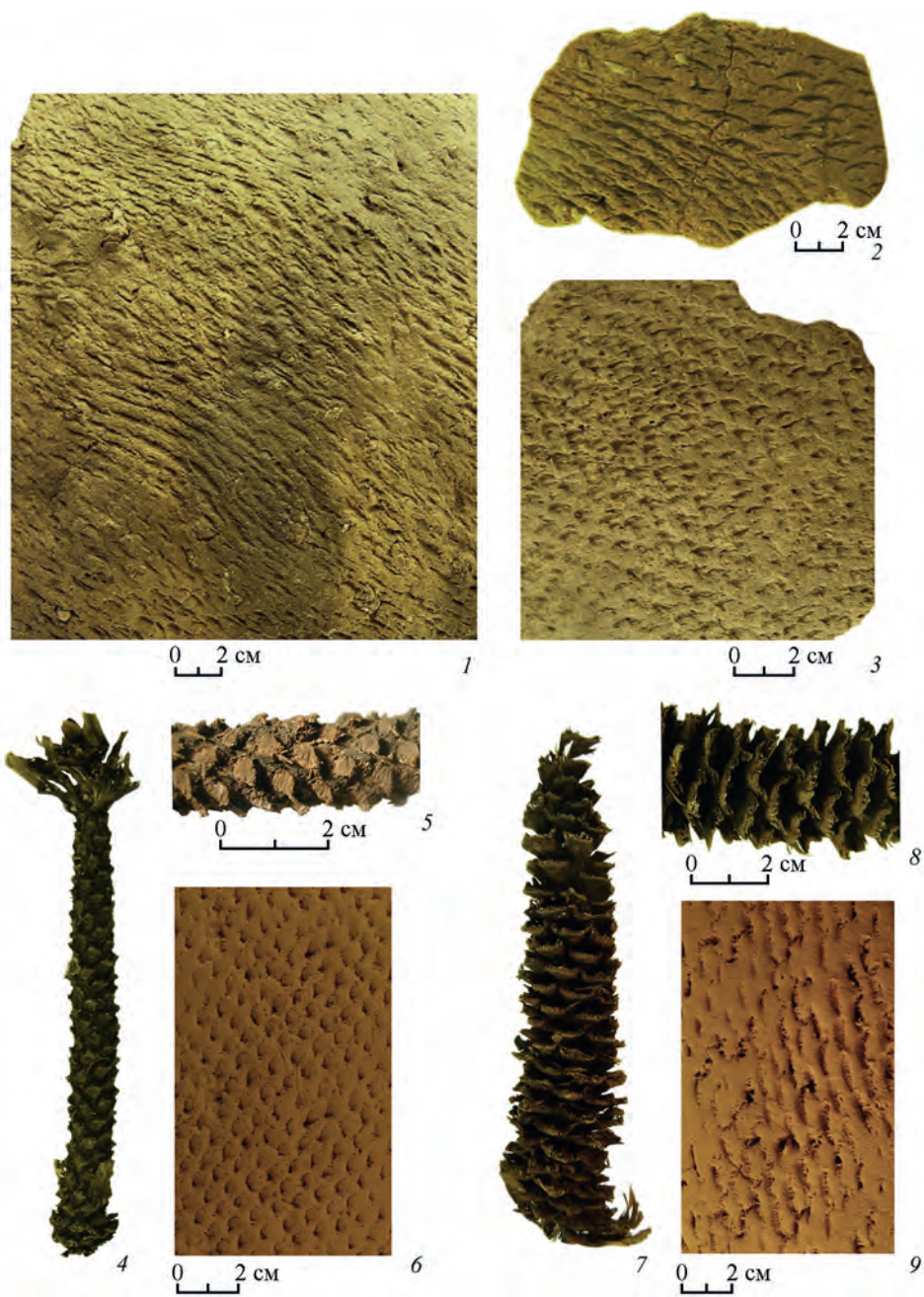
1 – раскоп 1951 г. Д. А. Авдусина (Согор 2, пл. 7 кв. 2-3); 2-10, 13, 15-17, 19, 20 – шурф 1, М. Школьная, 20а; 12, 14 – М. Школьная, 7а; 11 – М. Школьная, 6 (раскопки Т. А. Асмолковой); 18 – ул. Металлистов, 8 (Н. В. Сапожников, 1993)

1-14 – глина; 15 – железо; 16-20 – стекло

Рис. 4. Смоленск, шурф на Соборной горе по адресу М. Школьная, 20а

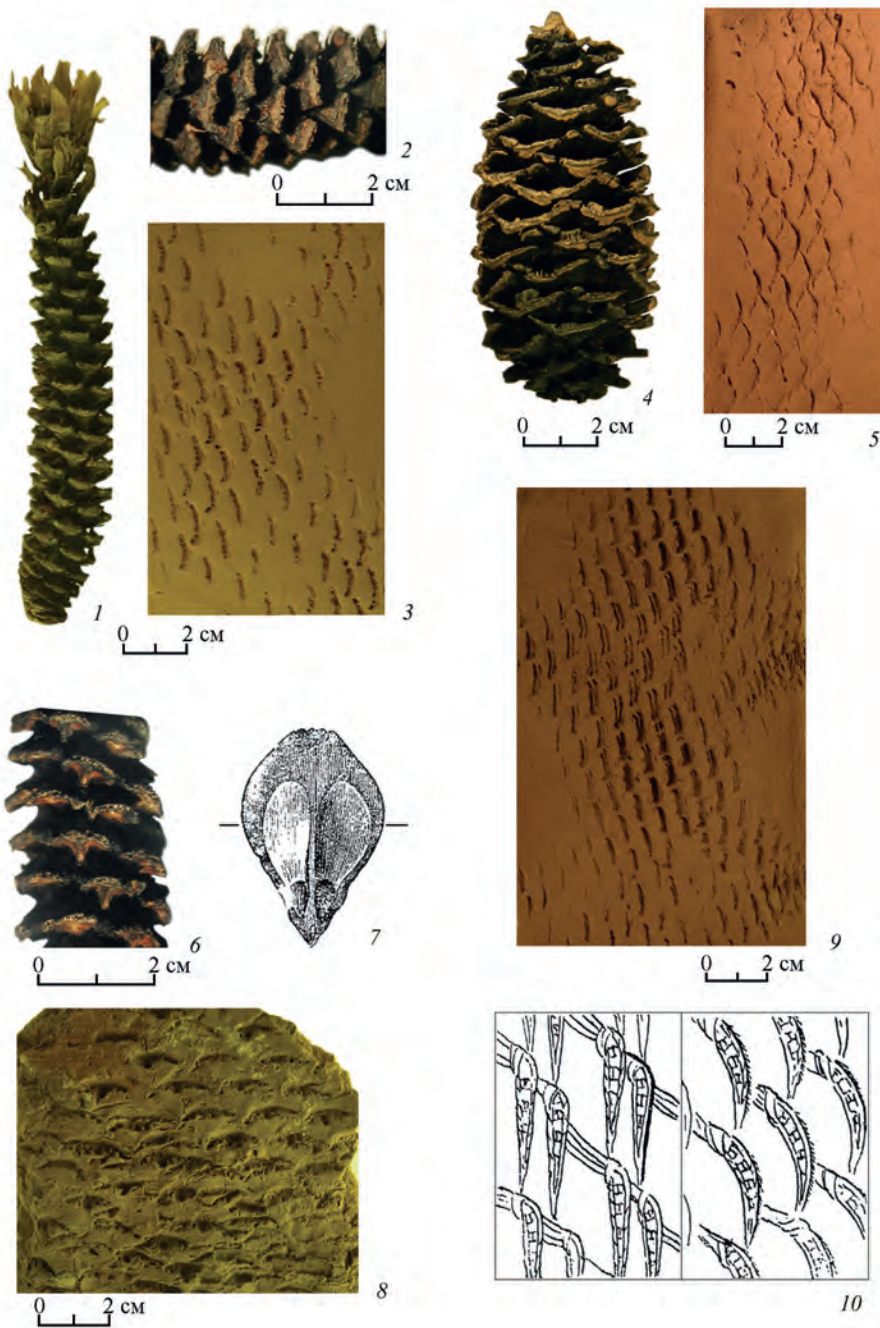
1 – Поверхность нижнего культурного слоя; 2 – зачищенный материк и профиль западной стенки; 3, 4 – пахотные борозды в основании слоя

Рис. 1. «Рябчатые» отпечатки на керамике дяковской культуры, орнаменты и экспериментальные образцы

1–3 – «рябчатые» отпечатки; 4 – шишка, обточенная мышевидными грызунами близко к стержню; 5 – она же, увеличенное изображение, фр-т; 6 – ее отпечаток (однократное прокатывание); 7 – шишка, обточенная мышевидными грызунами далеко от стержня; 8 – она же, увеличенное изображение, фр-т; 9 – ее отпечаток (однократное прокатывание)

Рис. 2. Орнаменты и их отпечатки на экспериментальных образцах

1 – шишка 1 со специально удаленными чешуями; 2 – она же, увеличенное изображение, фр-т; 3 – ее отпечаток (однократное прокатывание); 4 – шишка 2 со специально удаленными чешуями; 5 – ее отпечаток (однократное прокатывание); 6 – ребро с внутренней стороны чешуй шишки (чешуи специально обрезаны); 7 – внутренняя сторона чешуйки шишки ели, линиями показано место среза; 8 – отпечатки частично удаленных чешуй с ребром на внутренней стороне, археологическая керамика; 9 – двукратное прокатывание шишкой с обрезанными чешуями, эксперимент; 10 – реконструкция переплетения нитей текстильного полотна (по: Чернай, 1981)

Рис. 1. Глиняные штампы для производства изразцов

1 – из Рязани; 2 – из Смоленска (по: *Пронин, Соболев*, 2013. Илл. 37); 3 – из Ново-Иерусалимского монастыря

Рис. 2. Фрагменты глиняных штампов-матриц для производства неполивных ширококормочных изразцов (1, 2), муравленых изразцов из Ново-Иерусалимского монастыря (3) и соответствующие им изразцы – ширококормочный (4), муравлений узкормочный (5)

Рис. 2. Автограф Петра или Прохора (?), дьяка Остромира на стене ризницы собора Софии
(фото А. А. Гишуса и С. М. Михеева)

Рис. 1. Надгробие Берендта, сына Хинриха Келлермана. 1635 г., Москва

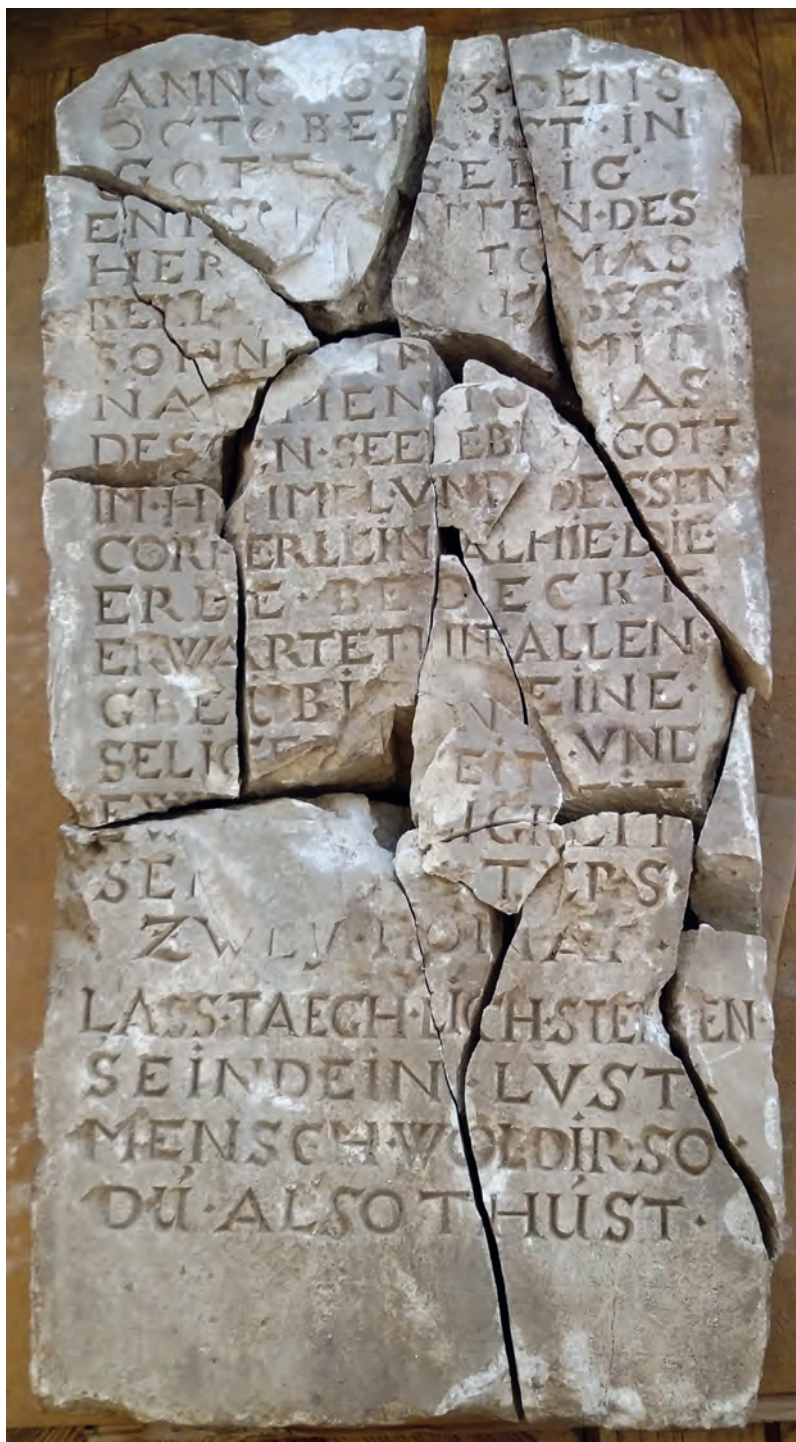

Рис. 2. Надгробие Томаса, сына Томаса Келлермана. 1653 г., Москва

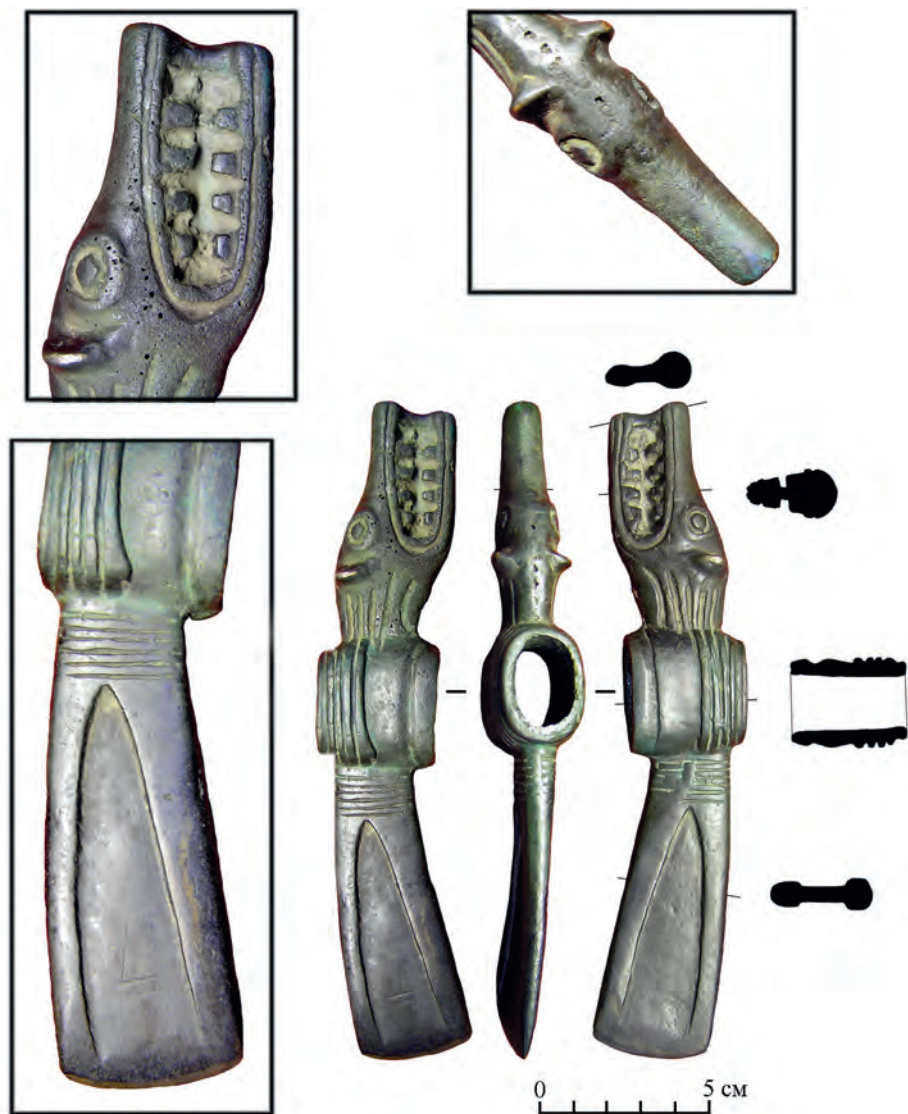

Рис. 1. Секира из-под Юрюзани

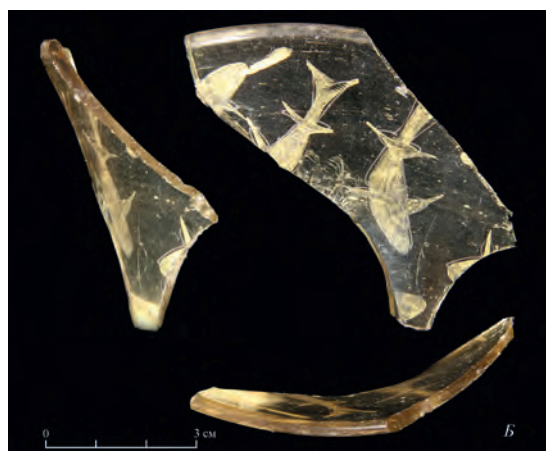
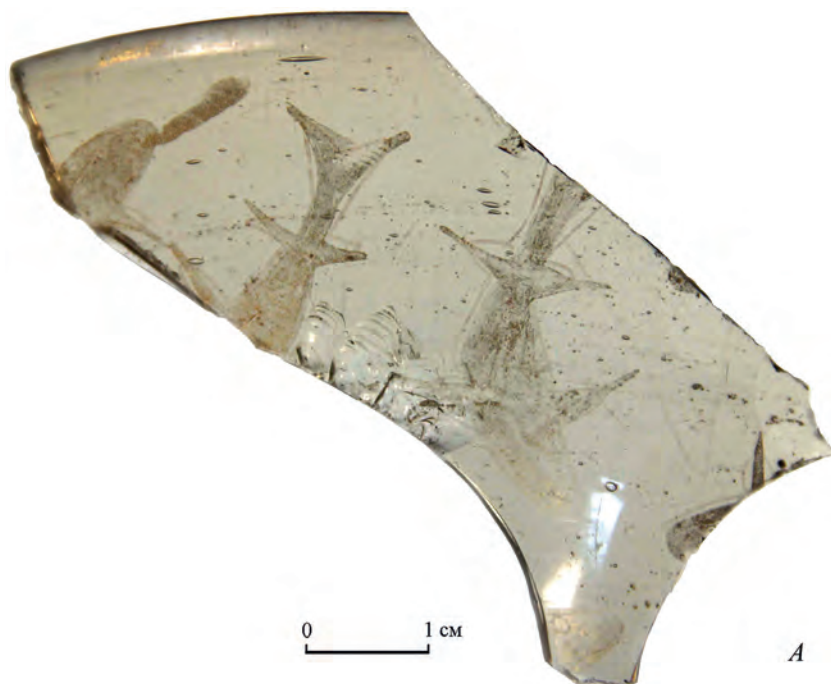

Рис. 1. Фрагмент стеклянного сосуда из Переяславля Рязанского (А, Б – на белом и черном фоне). Находка 2015 г. Фото В. Д. Конова